Михаил Лост

ЧЕРНЫЙ КЛЕВЕР

Сборник повестей и рассказов

© Авторские права защищены

От автора:

Данный сборник составлен на основе четырех произведений, объединенных одноименной притчей. Она завершает эту подборку, как бы подводя общий знаменатель под все предыдущие истории.

Сборник содержит:

"Долгострой" — мистическая повесть с элементами ужаса;

"Когда кричит филин" — мистическая повесть с элементами детектива;

"Котлован" — мистический рассказ, ужасы;

"Черный клевер" — мистическая притча.

Координаты для связи с автором:
E-mail: letter@imi.su
https://vk.com/mihail_lost

Оглавление:

ДОЛГОСТРОЙ 4
– 1 – 4
– 2 – 43
– 3 – 93
– 4 – 144
КОГДА КРИЧИТ ФИЛИН 159
– 1 – 159
– 2 – 181
– 3 – 212
– 4 – 248
– 5 – 275
– 6 – 315
КОТЛОВАН 345
ЧЕРНЫЙ КЛЕВЕР 426

ДОЛГОСТРОЙ

Запертым дверям лучше хранить свои тайны.

– 1 –

Разменяв одиннадцать часов вечера, минутная стрелка двинулась на очередной круг, замыкавший текущие сутки. Ее желтый металлический стержень, ползущий над круглым белым циферблатом, тускло поблескивал в бежевом свете настольной лампы. Обрамленная в потертый матерчатый абажур, та отбрасывала по комнате длинные тени. На стене приглушенно бубнил телевизор. На плоском сорокадюймовом экране мелькали кадры старого кинобоевика, то и дело сменявшиеся набившей оскомину рекламой. За большими квадратными окнами, наполовину прикрытыми видавшими виды занавесками, тихо шелестел мелкий дождь. Его капли прочерчивали по стеклу изогнутые дорожки, насыщенные огнями уличных фонарей. В них же посверкивали и фары пробегавших неподалеку автомобилей. Здесь, поодаль от проезжей части, они уже не разгоняли сгустившуюся снаружи тьму, а лишь выхватывали из нее элементы ландшафта да мимолетно озаряли стены помещения.

Чайник, бодро засвистев, выдернул Брайана из дремоты не хуже заправского будильника. В каком-то смысле, он и работал будильником. Близилось время первого ночного обхода. Механический таймер, установленный в розетку, замкнул цепь, чтобы заведомо поставленная на плитку посудина вскипятила воду. Забурлив, ее содержимое исторгло из овального носика струю пара, заверещавшего так, что и глухой бы услышал. Собственно, именно поэтому Брайан и не пользовался электрическим чайником, одиноко торчавшим на квадратной тумбочке. Совмещая приятное с полезным, он предпочитал не доверять побудку пиликанью смартфона. Его трели слишком часто не проникали сквозь сон, чтобы сорокалетний мужчина поручил ему контроль над своей вахтой. А вот проигнорировать истошно свистящий пар было просто невозможно. Зевнув во весь рот с несколько пожелтевшими, но все еще крепкими зубами, Брайан встряхнул седеющей головой с коротко стриженными волосами, поднялся с дивана и подошел к плитке. Чайник, снятый с раскаленной спирали, сердито фыркнул разок-другой и благополучно заткнулся. Весьма кстати, ибо от его надсадного усердия начинало болезненно звенеть в ушах. Кинув в большую кружку сразу три пакетика, Брайан залил их кипятком и принялся побалтывать вверх-вниз. Он любил крепкий чай, осо-

бенно в преддверии ночного обхода. Тот же кофе, с одной стороны, придавал больше бодрости. С другой, он не обладал значительным согревающим эффектом, навевавшим чувство спокойствия и уюта. К тому же кофемашины в комнате охраны не имелось, а в кофеварке обычно плескалась какая-то дешевая бурда, столь же непривлекательная на вкус, сколь и на вид. Ей Брайан всяко предпочитал свой давно облюбованный чай с примесью бергамота, который, искоса поглядывая на часы, теперь и прихлебывал, стараясь не обжечься.

В двадцать минут двенадцатого кружка опустела. Поставив ее на застланный клеенкой столик, примостившийся напротив телевизора, Брайан потянулся, ощущая приятно разлившееся по телу тепло. Крепкий благоухающий напиток зарядил его энергией, сделав выполнение рутинных обязанностей менее утомительным. Мониторы видеонаблюдения, занимавшие один из углов комнаты, транслировали ничем не примечательные картинки, однако грядущей прогулки это не отменяло. Поправив пояс с нехитрой амуницией, Брайан сделал в электронном журнале отметку, приложил пропуск к считывателю и вышел в коридор.

Должностные инструкции охранника из ночной смены по сути сводились к минимуму. Каждые два часа ему надлежало совершать обход внутри здания, следуя по одному и тому же маршруту — только и всего. Проверять запертые помещения не требовалось, равно как и приглядывать за функционированием различной техники. Если в процессе путешествия по лестницам и коридорам не наблюдалось никаких аномалий, начиная от подозрительных звуков и заканчивая присутствием посторонних, охранник возвращался на исходную позицию до следующей вылазки. Там он ставил в журнал соответствующую отметку и коротал время по собственному усмотрению. При возникновении нештатной ситуации ему вменялось в обязанность вызвать экстренные службы, либо, если происшествие носило сугубо частный характер, известить свое начальство. На памяти Брайана ни первого, ни второго не случалось. Впрочем, он работал на этом объекте всего третью неделю, а в ночную смену и вовсе второй раз. Постоянный сотрудник внезапно заболел и слег с пневмонией. Ему потребовалась срочная замена, и Брайан согласился перейти на другой график, тем паче что за это ему посулили солидную прибавку к жалованью. Деньги оказались как нельзя кстати, поскольку он испытывал финансовые трудности. Щедрость нанимателя сполна компенсировала неудобства в распорядке дня. Правда, биологические часы были на сей счет иного мнения, отчего Брайану и приходилось уповать на истеричный свист чайника.

Здание наполняла тишина, нарушаемая лишь звуками города, слабо доносившимися с улицы, да собственными шагами охранника. Погруженное в полумрак, оно будто и само заснуло, накрывшись дождливой дымкой словно ватным одеялом. Это составляло разительный контраст с дневной суетой, когда в толстых кирпичных стенах бурлила деловая жизнь. Телефоны, надрывно звонившие с утра и до вечера, молчали. Никто не сновал из кабинета в кабинет, прихватив с собой охапку бумаг. Бодро топавшие курьеры не таскали туда-сюда горы корреспонденции, а служащие не толпились в кофейне и подле кулеров, улучая минутку-другую на перерыв и оглашая фойе гомоном голосов. Единственное движение сейчас исходило от нескольких неисправных ламп дежурного освещения, мерцавших так, словно они пытались создать атмосферу из фильма ужасов. Приглушенно светясь одна через четыре, эти лампы, казалось, лишь усиливали окружающий полумрак, а отнюдь не разгоняли. Особенно в тех местах, где они тлели себе под нос, перейдя от фазы мерцания в терминальную стадию угасания.

Похоже, электрики не торопились устранять дефекты, поскольку кое-где протяженность затемнения вынуждала Брайана использовать фонарик. Яркий луч, испускаемый кругами светодиодов, перескакивал с черно-белых плиток пола на запертые двери и зашторенные внутренние окна. Он же помогал не оступиться на лестнице, если тамошнее освещение оставляло желать лучшего. В целом, с ним было куда спокойней, нежели без него, ибо красные огоньки считывателей пропусков выглядели довольно зловеще. Расположенные у каждой двери, они напоминали чьи-то злые глаза, высматривающие неосторожную жертву. Там, где дежурные лампы окончательно пасовали, это впечатление усиливалось, особенно если огоньки не выстраивались стройными рядами, а светились во мгле то здесь, то там.

Брайан был не из пугливых, повидав в жизни всякое, однако даже он порой чувствовал себя здесь несколько неуютно. Чтобы не поддаваться неприятным ощущениям, он напевал себе под нос какую-нибудь мелодию или тихонько разговаривал сам с собой. Это помогало нивелировать гнетущий психологический эффект, способный немало потрепать нервы какой-нибудь особо восприимчивой натуре. Впрочем, такие в ночной смене не задерживались, как не задерживались и те, кто совершал обход в наушниках. Предполагалось, что охранник должен тщательно прислушиваться, стараясь уловить любые посторонние звуки. Музыка, льющаяся в уши, исключала выполнение этой должностной обязанности, и автоматически приводила к увольнению. Именно поэтому

Брайан не пользовался плеером, чтобы не засветиться в одной из камер видеонаблюдения. Те хоть и не охватывали все здание целиком, то ли ввиду скупости владельцев компании, то ли в силу до сих пор не законченного развертывания, но их бдительные объективы просматривали достаточно, чтобы разоблачить нерадивого сторожа. Кстати, вне зависимости от покрытия видеомониторинга, должность ночного охранника все равно упразднять не собирались. Электроника электроникой, а "живой" обход еще никому не мешал, особенно если в здании есть чем поживиться. Пятиэтажное строение площадью с небольшой гипермаркет занимал исследовательский центр одной известной фирмы, посвященный вопросам связи. Так, ничего особенного, раз уж на входе не дежурят вооруженные люди, а на прилегающей территории не бродят сторожевые псы, однако техническая начинка вполне могла привлечь охотников до чужого добра. Она и привлекала, ибо где-то раз в полгода наряд полиции ловил очередного сплоховавшего грабителя. Последний попался около двух месяцев назад, поэтому Брайан, согласно известной ему статистике, непрошеных гостей в ближайшем времени не ожидал. Тем не менее, он добросовестно совершал обход, освещая фонариком особо темные углы и держа ухо востро.

Как и предполагалось, обошлось без сюрпризов. Впечатление, производимое витавшим в коридорах сумраком, было обманчивым. На деле они не таили в себе ничего необычного, кроме того, что иногда рисовала во мраке фантазия. Единственные шумы, эхом разносившиеся по этажу, производил сам охранник. Производил, разумеется, не нарочно. Просто как бы тихо он ни ступал, шорох его шагов разлетался далеко окрест, и порой, отражаясь от облицовочного камня, возвращался назад. Сперва это сбивало Брайана с толку, поскольку временами ему казалось, будто вдали кто-то ходит. Затем он научился различать собственную поступь и перестал обращать на нее внимание. Правда, изредка эхо все-таки тревожило слух, но, в конце концов, не тапочки же надевать поверх армейских ботинок.

Мерно шагая по гулким плитам, Брайан уже заканчивал обход, когда его внезапно смутил некий донесшийся с эхом звук. Смутивший не самим своим наличием, а неожиданной спецификой, никак не соответствовавшей окружающей обстановке. Замедлившись, охранник прислушался, удивленно приподняв брови, а затем и вовсе остановился. Отзвук стал слишком отчетливым, чтобы списывать его на игру воображения. Похоже, это не причуды слухового восприятия. Похоже, где-то далеко и впрямь неторопливо бил колокол. Бил протяжно и уныло, как на похоронах или

при заупокойной службе. Что за ерунда?! Завертев головой, Брайан попытался определить, откуда именно доносится странный звон, однако не услыхал ничего кроме установившейся тишины. Теперь, когда шум его шагов прекратился, она стала какой-то пронзительной и едва ли не осязаемой.

Брайан неподвижно простоял пару минут, но странный звук более не повторялся. Померещилось, что ли? Вероятно, да, если только какой-нибудь эксцентричный сотрудник не перепутал время и не завел свой таймер на двенадцать часов ночи вместо двенадцати часов дня, снабдив его вот таким погребальным боем. Ну или удары колокола донеслись откуда-нибудь снаружи. Только откуда? Церквей поблизости нет, равно как и развлекательных комплексов. С одной стороны вдоль улицы тянулись жилые дома, чьи окна сейчас по большей части были погружены во тьму. Их жители, как правило, не будили соседей неурочными представлениями. С другой расположилось несколько коммерческих зданий и заправка, но и те никак не подходили на роль колокольни. Так где же бил колокол? Удивление Брайана постепенно росло, но внезапно сменилось полнейшим равнодушием. Не все ли ему равно? Вот раздался бы звон бьющегося стекла — это совсем другое дело, аккурат по части ночного охранника. Вот тогда бы он живо озаботился его источником. А какой-то там колокол… Да хоть целый оркестр с барабанами, ему-то что! Пожав плечами, Брайан зевнул и продолжил обход. До его завершения оставалось минуты три, не больше. Охранника ждал потрепанный, но вполне уютный диван, горячий чай и около полутора часов полного покоя. Кстати, если уж на что и стоило обратить внимание, то на очевидные недостатки дежурного освещения. Кто-то из здешнего технического персонала совсем мышей не ловит.

Вернувшись в комнату охраны, Брайан поставил чайник кипятиться и сделал в журнале пометку о неудовлетворительном состоянии ночных ламп. С его прошлой смены их функционирование по-прежнему оставляло желать лучшего. Той ночью он более ничего особенного не услышал.

* * *

Неделя прошла в обычной серой рутине. Супруга привычно ворчала, сетуя на жизнь вообще и недостаток денег в частности. Дети, растущие будто не по дням, а по часам, регулярно устраивали в жилище творческий хаос, и старший сын накануне своего шестнадцатилетия все настойчивее выпрашивал собственный автомобиль. Брайан вздыхал и в очередной раз обещал подумать. Он

не был прижимистым и не отвечал отпрыску категоричным отказом. Просто где же взять необходимую сумму, если и собственная машина нуждалась в финансовом вливании. Не ровен час, однажды она совсем не заведется, а семейному благополучию это точно на пользу не пойдет. Брайан размышлял, не взять ли ему где подработку, но вынужден был признать, что на дополнительную нагрузку у него элементарно нет времени. Он и так изрядно перерабатывал, отчего едва успевал отдохнуть между сменами. Брайан поочередно дежурил сразу на нескольких объектах, принадлежавших разным владельцам, а не каком-то одном. Более того, он дежурил в отличные по графику смены, поэтому раз в неделю почти не спал двое суток кряду, когда те выпадали друг за другом. Тогда, закончив с одной работой, Брайан сразу ехал на другую, стараясь выглядеть бодрым и уповая на галлоны крепкого чая, перемежаемого с кофе. Отсюда следовал простой вывод: в недельном распорядке охранника не осталось ни единого лишнего часа, за счет которого он сумел бы заполучить несколько дополнительных монет. На жену, увы, рассчитывать тоже не приходилось. Та настолько давно мечтала об отпуске, что все финансовые вопросы встречала в штыки. Ее доход исправно поступал в семейный бюджет, однако выплаты за дом никто не отменял, равно как и взносы на образование детей. Видимо, придется все-таки сыну обойтись без автомобиля. В конце концов, он не единственный, кто в свое шестнадцатилетие сразу же не обзаводится собственной машиной.

С самого утра четверга зарядил дождь, а к девяти вечера, когда Брайан прибыл к тому научному зданию, где дежурил неделю назад, он превратился в тропический ливень. Оставив машину на парковке, охранник поспешил к главному входу, чьи ступени виднелись за рядом внешних прямоугольных колонн. Опоясывая все строение, они поддерживали этажи со второго по пятый, выступавшие на несколько ярдов дальше стен первого. С края этого выступа ручьями стекала вода, заставляя Брайана пожалеть о забытом зонтике. Тем не менее, промозглая сырость внушила ему великую радость от того, что на сей раз бродить по улице не придется. Это вам не стройка, где обход совершался под открытым небом, хочешь ты того или нет. Топать по раскисшей грязи, рискуя угодить в наполненную водой яму — то еще удовольствие. На этом фоне здешняя комната охраны, так-то ничем особенно не привлекательная, представлялась поистине райским уголком со всеми удобствами. Ох, какие мелочи порой способны отравить или поднять человеку настроение! Улыбаясь, Брайан практически взлетел на третий этаж и заступил на дежурство, сменив на посту вовсю

клевавшего носом коллегу. Передав вахту новичку, тот махнул на прощание рукой и удалился, торопясь вернуться домой до наступления сумерек. Брайан, подключив плитку с чайником все тем же механическим таймером, блаженно завалился на диван и моментально заснул.

Растянувшись по небу длинной узловатой ветвью, молния бабахнула так, что ей позавидовал бы и линкор. На сей раз побудка состоялась без надсадного свиста, ибо процесс кипячения до пара еще не дошел. Потревоженный грохотом, Брайан едва не скатился со своего ложа. Открыв глаза, он ошалело огляделся и не увидел ничего, кроме вполне себе мирной обстановки. Стрельба ему только снилась, как снился гул идущих на позицию танков и буханье артиллерии. В реальности все это навеяла гроза, чьи раскаты сотрясали окна. Одно из них, плохо закрытое, откинулось внутрь, пропуская в комнату шум и влагу. Ливень косо лупил по стеклу, отчего на подоконнике образовалась лужа воды, ручейком стекавшая на пол. Чертыхнувшись, Брайан вскочил и плотно завернул ручку оконной рамы, а затем вытер все насухо тряпкой. Тут и чайник подоспел. Бегло осмотрев неизменные картинки на мониторах, охранник залил пакетики чая кипятком и переключил внимание на телевизор. Всяко там происходило поболее действия, нежели в коридорах опустевшего здания.

Похоже, качеством дежурного освещения так никто и не озаботился. Более того, если память Брайана не обманывала, к компании мерцавших ламп добавилась еще одна, и еще одна пополнила список окончательно вышедших из строя. Хорошо хоть светодиодный фонарик не подводил, иначе двадцать ярдов пути, приходившихся на западное крыло третьего этажа, пришлось бы проделывать практически на ощупь. Скептически покачав головой, охранник миновал темный участок, насвистывая задорную песенку. Точнее, пытаясь насвистывать, так как из-за бушевавшей грозы он едва себя слышал. Эхо шагов тонуло в шуме хлещущего ливня, а громовые раскаты окончательно топили любые другие звуки. Учитывая их доминирование, тем страннее было вновь уловить заунывный колокольный бой. Брайан и вовсе не обратил бы на него внимания, поскольку тот едва доносился через гул бегущей воды, кабы не прошлый раз. Его чувствительное ухо машинально отреагировало, вычленив далекий звон из создаваемого непогодой фона. Но такой ли уж далекий? Разве мог он проникать с улицы, когда сейчас оттуда если только пушечную пальбу и услышишь? Выходит, он шел откуда-то из здания. Вновь остановившись, Брайан напряг слух и сумел различить пару протяжных ударов, однозначно сообщивших ему, что если это и галлюцина-

ция, то весьма правдоподобная. Однако направление, откуда звучал колокол, определить не удалось. Тот умолк так же внезапно, как и объявился. Озадаченно фыркнув, Брайан потоптался на месте, а затем двинулся дальше, завершать положенный обход.

К утру тучи рассеялись и на небо неторопливо, словно позевывая, выползло солнце. Оглаживая газоны и мостовые, его лучи сдували накопившуюся влагу, поднимая ее к небу вьющейся белой дымкой. Взмывая вдоль сохнущих стен, она миновала окна, за которыми Брайан, проведший очередную ночь без происшествий, встречал рассвет. Сменщики явились ровно в семь часов — работодатель не любил опозданий, особенно от охраны. Это ночной сторож дежурил в гордом одиночестве, а с утра и до вечера порядок как в здании, так и на прилегающей территории обеспечивало несколько человек. Правда, в отличие от Брайана они нечасто покидали служебное помещение в юго-восточном углу третьего этажа, но это не мешало им ощущать свою значимость. Традиционно осведомившись как дела, прибывшие утратили к новичку всякий интерес и пустились в досужие разговоры. Вместо них внезапное внимание проявил начальник охраны, объявившийся на пороге и попросивший Брайана заглянуть в отдел персонала.

— Я где-то оплошал? — невольно напрягся Брайан, соображая, в чем же он мог проколоться.

— Нет. У них есть вопрос касательно графика твоей работы, — пояснил начальник, но на этом его комментарии закончились.

Желая поскорее вернуться домой, ибо до дежурства на другом объекте оставалось менее двенадцати часов, Брайан поспешил в знакомый кабинет, где его совсем недавно приняли в штат служащих.

Менеджер, оторвавшая взгляд от компьютерного дисплея, сразу перешла к делу. В численности ночных сторожей образовался критический дефицит. В частности, двое постоянных сотрудников внезапно уволились по собственному желанию. Помимо Брайана, приходившего в здание раз в неделю, остался лишь один охранник, но тот наотрез отказался взять на себя дополнительные смены. Если и он вдруг уволится, а такие подозрения имеют место быть, дежурить здесь с вечера до утра окажется решительно некому. Руководство компании могло бы обратиться в соответствующее ведомство для подбора кадров, однако есть и другой вариант. Собственно, для того сейчас Брайана и позвали. Желает ли он заступить на все вакантные ночные смены? А именно, пять из семи? В среду и воскресенье дежурство остается за другим сторожем. Иные дни недели достанутся Брайану, если он выразит свое согласие.

— Боюсь, это невозможно, — слегка растерявшись, развел руками тот.
— Почему? — нахмурилась леди в строгом деловом костюме.
Брайан объяснил. Сюда он приходит в ночь с четверга на пятницу, а в остальное время работает на других объектах и свободными часами не располагает.
— Это для вас принципиально? — поразмыслив, осведомилась менеджер.
Оправдания в стиле "не хочу" она на дух не переносила, но приведенный охранником довод относился к другому порядку, поскольку имел железобетонную логику. Она предпочитала иметь дело со служащими, которые точно знают, что им нужно, а не капризничают как малые дети. Последние надолго в компании не задерживались.
— Разумеется! Я не намерен лишиться надежного источника дохода ради ваших непродолжительных сверхурочных! — веско очертил свою позицию Брайан.
— А, ну если загвоздка только в этом, тогда вопрос поправимый, — враз подобрела деловая леди.
Вместо каких-либо пояснений она протянула охраннику несколько бумаг, оказавшихся контрактом. Изучив его, тот удивленно присвистнул. Работодатель проявлял изрядную щедрость. Оплата, предложенная за пять ночных смен, позволит Брайану увеличить свой месячный заработок на сорок процентов. Разумеется, для этого ему придется уйти от прочих нанимателей, что, в конечном счете, могло выйти боком, однако новый трудовой договор предоставлял хорошие гарантии. Во-первых, даже если количество смен сократится, итоговые денежные выплаты останутся неизменными. Иными словами, за три, скажем, дежурства Брайан станет получать столько же, сколько за нынешние пять. Во-вторых, в случае увольнения по инициативе компании ему полагалось полугодовое выходное пособие, а за столь значительный период он наверняка найдет новое место. В сравнении с нынешним недельным графиком это сулило не только солидную прибавку к жалованью, но и два полноценных выходных дня вместо одного. Включая воскресенье, которое наконец-то удастся проводить с семьей.
— В чем подвох? — заволновался Брайан, внимательно перечитав текст, составленный сухим юридическим языком.
— Администрации надоело иметь дело с ненадежными людьми. Она предпочитает хорошо заплатить тому, на кого сможет положиться, — пояснила сотрудница отдела персонала.
— А откуда вы знаете, что на меня можно полагаться? — усмех-

нулся охранник.
— Об этом говорит ваша личная карточка и заключение нашего штатного психолога, — бросив взгляд на дисплей, ответила леди в черном костюме. — Одиннадцать лет в армии, участие в боевых действиях, исключительно положительная характеристика и отставка никак не связанная с психологическими проблемами, ибо у вас отмечена высокая моральная устойчивость. Кстати, почему вы вышли в отставку?
— По личным обстоятельствам. Ради сохранения семьи я больше не мог себе позволить продолжительное отсутствие вне дома, — неторопливо сообщил Брайан, поскольку никогда не делал из этого секрета.
— Именно так, — кивнула сотрудница за компьютером, которая, вероятно, и сама была об этом отлично осведомлена. — Здесь так и записано: "примерный и ответственный семьянин".
— Вы наводили обо мне справки? — уголком рта улыбнулся Брайан.
— Вас правда удивляет, что в современном цифровом мире сведения о личности человека становятся известны далеко за кругом его общения? — подняла брови менеджер.
Нет, охранника это не удивляло. Просто он машинально тянул время, соображая, как ему следует поступить. Впрочем, чего там соображать?..
— Я должен подумать, — сказал Брайан в ответ на красноречивый и настойчивый взгляд.
Сказал, в основном, исключительно из собственного достоинства, чтобы как импульсивный юнец тут же не выпалить "да". К тому же спокойно все прикинуть и взвесить еще никому не мешало.
— Решать надо сейчас. Следующая ночная смена начинается сегодня в девять вечера, — многозначительно сообщила деловая леди.
Охранник выразил неудовольствие, однако оно быстро улетучилось, и улетучилось небезосновательно. Вернувшись домой, Брайан вручил супруге конверт с деньгами — премией за срочность, выплаченной ему сразу после того, как он подписал контракт. Приятно удивившись, жена выслушала рассказ о неожиданной перемене в работе мужа и безоговорочно одобрила его выбор. Окруженный всяческой заботой, Брайан хорошенько перекусил, а затем отправился известить других работодателей о своем увольнении. К девяти вечера он въезжал на парковку у пятиэтажного здания, где отныне дежурил пять ночей в неделю.

Плюсы нового трудового договора выявились сразу. График дежурств Брайана стал удобным, а суточное расписание — упоря-

доченным. Периоды, когда он ходил будто вареный, миновали, и всего за несколько дней ему удалось отлично выспался. Теперь он не зевал в кулак и не искал любую возможность, чтобы прикорнуть. Появилось время для домашних дел и общения с детьми, чьи выходки прежде вызывали едва скрываемое раздражение. Оно улетучилось вместе с недосыпом, сменившись благодушной снисходительностью к шаловливым отпрыскам. Ночные часы Брайан также проводил с куда большей пользой. Отныне он или смотрел познавательные программы по телевизору или листал тематические журналы, развивая свой кругозор. Правда, в них преобладала армейская тематика, но кто упрекнет в этом сержанта в отставке? Уж точно не начальство, которое Брайаном было вполне довольно.

Вот самому Брайану кое-что все же не нравилось. Дежурное освещение продолжало ухудшаться — медленно, но достаточно уверенно, чтобы это не осталось без внимания. Он даже подумывал составить на сей счет докладную, однако решил не начинать свою полноценную работу в компании со склоки. Та наверняка скажется на техническом персонале, а нажить врагов он всегда успеет. Брайан ограничивался записями в электронном журнале, как бы просто констатируя факт, а в остальном его ничего не беспокоило. Ну, за исключением, разве что, пресловутого колокола, продолжавшего давать о себе знать около полуночи. Кажется, его заунывный бой стал громче и отчетливее с тех пор, как Брайан впервые его услышал. Впрочем, сие могло объясняться очень просто. Бодрый, хорошо выспавшийся охранник куда острее воспринимал окружающую обстановку, отчего и примечал в ней несколько больше, нежели прежде. Например, то, что сбой в дежурном освещении преобладает в западном крыле, со второго этажа по четвертый, и что в означенной области возникают перебои в сотовом сигнале, да и вообще функционировании электроники. Там у Брайана частенько чудил смартфон, а иногда и вовсе оказывался выключенным. Он немного разбирался в физике, чтобы не усматривать в этом ничего сверхъестественного. В здании, где занимались вопросами связи, находилось немало всякой аппаратуры, в том числе круглосуточно активные испытательные стенды. Вероятно, какие-то из них создавали электромагнитные помехи, провоцируя неуверенность приема-передачи в мобильных телефонах. Не случайно последний не вызывал ни малейших нареканий, пока охранник находился в служебном помещении, а вел себя странно лишь в процессе обхода. Но Брайана такие мелочи не волновали. Он не относился к той категории людей, которая и пяти минут не способна прожить без смартфона и всемирной сети. Его лишь слегка беспокоил странный звон, повторявшийся каждую ночь в

одно и то же время. Вдруг это что-нибудь да означало? Не пожарную, конечно, сигнализацию, однако мало ли какое устройство давало о себе знать? Способ оповещения, конечно, выглядел нетрадиционно, но он запросто мог быть обусловлен прихотью какого-нибудь инженера или айтишника. Особенно последнего, учитывая, как часто среди них встречаются те еще чудики.

В очередной раз услышав далекий колокол, Брайан призадумался, а затем, вернувшись к себе, занес это событие в электронный журнал. Таким образом, он избавлялся от потенциальной проблемы. Если отмеченное обстоятельство ничего не значит, должностные лица его проигнорируют. В противном же случае примут какие-то меры, о которых ночному сторожу может и знать не полагается. Меры и приняли. Правда, совсем не такие, каких следовало ожидать.

В пятницу утром, по окончании смены, Брайан уже сел в машину, как вдруг к ней подошел начальник охраны. Лицо пожилого человека не выражало никаких эмоций, когда он постучал в водительское стекло. Лишь в его голубых глазах, едва то опустилось, промелькнуло некоторое беспокойство.

— Не засоряй рабочий журнал всякой ерундой, — сказал он после традиционного приветствия.

— А? — не понял Брайан.

— Если тебе что-то померещилось, не стоит упоминать об этом в служебных документах. Администрации это не понравится, — пояснил начальник охраны.

Он добавил, что компания не желает иметь дело с суеверными людьми, которые воображают себе всякое. Мало того, что нелепые сплетни отрицательно сказываются на работе сотрудников, так они еще и портят репутацию предприятия.

— Но я и правда слышал колокол! — опешил Брайан, сообразив, к чему весь этот разговор. — Звонит как на похоронах!

— И я настоятельно рекомендую об этом не распространяться, — веско изрек начальник. — Сумасшедшие и фантазеры нам тут не нужны.

— Разве я произвожу подобное впечатление? — насупился Брайан.

— Нет. Потому тебя и взяли, — заметил шеф охраны. — Вот таким и оставайся.

— Я не понимаю, чего настолько крамольного в колокольном звоне! — искренне недоумевал Брайан.

— Ничего. Только со звона все и начинается, а потом видят всякое. Одинокая ночь в пустом здании, вероятно, так на людей воздействует. Кому призраки мерещатся, кому черти, — проворчал начальник.

— Я и в морге работал. Мне привидения не являлись! — отрезал Брайан не без чувства собственного достоинства.
— Вот и хорошо! — кивнул собеседник. — А если что все-таки почудится — держи при себе. Иначе выставят тебя в два счета. И без выходного пособия. Проверь контракт — там оговорен случай нервного срыва.
— А если я какого-нибудь черта поймаю и за рога приведу? — усмехнулся Брайан.
— Сдашь его в полицию — получишь от компании премию. А существуй он только на твоих словах — останешься без работы, — совершенно серьезно ответил шеф охраны.
— Тогда почините дежурное освещение, если вы против галлюцинаций. А то от его мерцания в глазах рябит! — не без досады бросил Брайан.
Какой-то дурацкий звон, видите ли, сразу вызвал служебную реакцию, а с очевидной проблемой что-то никто разбираться не торопится.
— Я организую электриков, — пообещал начальник, уяснив суть недовольства подчиненного. — В остальном, я надеюсь, мы друг друга поняли. Ты нормальный мужик, и я не хочу, чтобы у тебя были неприятности. Кстати, твою запись про звон никто не увидит — я ее удалил. Обходись впредь без фантазий — и мы с тобой поладим.
На том и распрощались.

Уже дома Брайан перечел трудовой договор и нашел, что шеф охраны отнюдь не пустословил. Выходное пособие полагалось лишь в том случае, если увольнение состоится не по причине психического расстройства, куда относился и нервный срыв. Прежде он не обратил на данный подпункт особого внимания, но сейчас тот предстал в несколько ином свете. А ну как компания, таким образом, заранее обеспечивает себе лазейку для устранения неугодных сотрудников? И может устранить самого Брайана, когда в нем отпадет всякая необходимость. Вот будет номер… Брайан испытывал абсолютную уверенность, что заунывный колокольный бой не был плодом его воображения, так может тот и впрямь звонил по-настоящему? В том смысле, что некто намеренно включал эти звуки, чтобы спровоцировать охранника на неосторожные заявления. Несколько эпизодов подобного рода — вот вам и достаточный повод обвинить его в проблемах с психикой, едва в том возникнет надобность. Ну уж нет, с Брайаном такой фокус не пройдет! Не для того он уходил от других работодателей, чтобы его, как последнего дурака, оставили с носом в благодарность за ночную пятисменку! Провели как мальчишку, без спешки набрав

новый штат сторожей.

Брайан внял предупреждению. Внял, как любой разумный человек. Вот только с одной оговоркой. Начальник охраны рекомендовал обходиться без фантазий, ну так Брайан докажет, что ему отнюдь не мерещилось. Авось это доказательство и пригодится, если кто и впрямь надумает списать его как чокнутого.

Обнаружить источник унылого боя — что может быть проще, если приложить к этому хотя бы некоторые усилия? Раз уж он находится где-то в здании, в чем Брайан совершенно уверился после недавней грозы, отыскать его не составит большого труда. Однако на поверку задача оказалась довольно хлопотной. Никто не мешал охраннику бродить по всем этажам хоть всю смену, только вот колокол давал о себе знать весьма недолго. Если верить часам, в распоряжении Брайана было не больше минуты. Вероятно, именно столько продолжались заунывные удары. Не будучи роботом, он совершал обход не посекундно точно, отчего слышал колокол то немного раньше, то несколько позже. Упорядочив свои наблюдения, Брайан определил временные рамки и предположительную область поисков. Искать, скорее всего, следовало в западном крыле. Что же касалось времени, то оно приблизительно выпадало на без тринадцати минут полночь. Прямо скажем, совершенно непонятная цифра, ни к селу, ни к городу. Либо у кого-то основательно сбился таймер, либо на данном суточном рубеже и впрямь срабатывала какая-то сигнализация. Ну, это если отбросить манию преследования и намеренные спецэффекты со стороны кого-то из сотрудников компании. Очертив для себя целевые границы, Брайан принялся разыскивать источник звука.

Больше всего сбивали с толку этажи. Первый и пятый Брайан отмел сразу, однако со второго по четвертый звон имел примерно одинаковую насыщенность. Пытаясь навести ясность, он начинал обход несколько раньше положенного, чтобы в намеченные секунды оказываться в разных местах. Ему пришлось изрядно покружить, затратив несколько ночей, прежде чем наблюдения позволили сократить зону поисков. Отчетливее всего неуловимый звук раздавался в центральной части западного крыла. К сожалению, из-за присущего коридорам эха он разносился так, что поди пойми, откуда именно. Попытки воспользоваться смартфоном ни к чему не приводили. Техника капризничала, не записывая ничего кроме шипения и собственных шумов Брайана. Не помог и эксперимент с порогом чувствительности микрофона. Его увеличение вызывало беспорядочный треск, а снижение вообще отрезало тихие звуки. Чертыхаясь, охранник оставил смартфон в покое и вновь положился исключительно на собственный слух. Тот и при-

вел его в одно из центральных фойе, через которое тянулся главный коридор.

Фойе располагались на каждом этаже, и они походили друг на друга как близнецы, не считая небольшой детали. Широкие ответвления коридора, перпендикулярно смотревшие на восток и запад, везде заканчивались тупиками, за исключением третьего этажа. Там здание имело конструктивную особенность. Там же хуже всего обстояло с дежурным освещением. Пока Брайан занимался своей идеей фикс, еще несколько ламп объявили забастовку, отчего пресловутое фойе окончательно погрузилось во мрак. В два часа ночи это стало особенно заметно, когда он совершал очередной обход. Тьма расползлась гораздо дальше, нежели в минувшую полночь, а мерцание неисправных светильников окончательно перешло всякие границы. Беззвучно шипя ругательства, Брайан неторопливо приближался к сплошной черноте, как вдруг до его слуха донесся какой-то шорох. Поскольку час неуловимого колокола миновал, он позволил себе ослабить бдительность, отчего неожиданный звук заставил его напрячься будто хищника, почуявшего добычу. Звук повторился. Застыв на месте, Брайан впился глазами в темноту. Затем, крадучись, переместился к стене и осторожно двинулся вдоль нее, стараясь ступать абсолютно бесшумно. Тихое шуршание, раздававшееся откуда-то спереди, окончательно убедило охранника, что на третьем этаже он сейчас не один. Там, во мраке фойе, кто-то был. Кто-то, кто то и дело выдавал свое присутствие, создавая достаточно шума, чтобы ночной сторож его услышал. Сердце Брайана забилось сильнее. Возможно, сейчас он разгадает дурацкую загадку заунывного боя.

Вот и фойе. Фонарик, само собой, пришлось погасить, чтобы не выдать себя ярким лучом света. Подождав, когда зрение немного освоится во мраке, Брайан двинулся дальше, стараясь ничего не задевать. Он хорошо помнил интерьер, отчего благополучно не кувырнулся о скамейку и не устроил внеплановое свидание с кулером. Шорохи доносились откуда-то из-за восточного угла. Оттуда же улавливались едва заметные отблески, невольно оживляя в памяти слова начальника о призраках. Будь там человек, разве он не воспользовался бы фонарем, от которого и отсвет куда значительнее? Слабые зеленоватые искорки ему явно не соответствовали, как не соответствовали и мелкие блики, похожие на болотные огоньки. Такая иллюминация была присуща кому-то совсем другому. Кому-то, кого обычно показывают в фильмах ужасов. Брайан, разумеется, не испугался ни на секунду. Во всякую чертовщину он в принципе не верил, а потому и не боялся бродить по темному пустому зданию в одиночку. Вот в грабителей он верил

даже очень, отчего, ощутив прилив нервного напряжения, приготовился к возможной схватке.

Шаг. Еще шаг. Шорох впереди стал настолько явным, что трансформировался в тихую возню. Воображение не нарисовало Брайану монстра, обшаривающего окровавленный труп. В нем представился злоумышленник, вскрывающий запертый замок. Замерев у самого угла, охранник собрался с духом, а затем молниеносно выскочил вперед, одновременно включив фонарик. В следующий миг раздался жуткий вопль. Ударив плотным столбом, яркий свет ошпарил громоздившееся у потолка чудовище с длинными уродливыми ногами. Разинув зубастую пасть, над которой горбом выпячивалась отвратительная пучеглазая морда, оно растопырило передние лапы и в мгновение ока ринулось на Брайана. Тот и моргнуть не успел, как рухнул на пол под весом орущей твари. Оброненный фонарик откатился в сторону, бестолково уткнувшись в стену. Его луч светил в никуда, еще больше усугубляя сгустившуюся тьму. Охранник, придавленный нападавшим, сцепился с ним в борьбе не на жизнь, а на смерть.

Схватка продолжалась недолго. Стараясь перехватить у чудища инициативу, Брайан ловко вывернулся из его костлявых конечностей, намереваясь продемонстрировать, чему научился в армии. Упырь не упырь, буде тот хоть самим Дракулой, а отставной сержант ему зубы-то пообломает! Он уже изготовился взять врага в серьезный оборот, как вдруг до него дошло, что рев чудовища имеет вполне себе вразумительную форму. Оно ругалось на чем свет стоит, и ругалось весьма изобретательно. Хриплый голос, срывавшийся на крик, добавлял этой ругани особый колорит, однако он всяко принадлежал человеку, а не дьявольскому отродью. Брайан ощутил прилив пошатнувшегося было мужества, ибо сообразил, что имеет дело с грабителем. А у грабителя имеются не острые клешни или когтистые лапы, а самые обыкновенные ноги и руки. За одну из последних он незваного гостя и скрутил, когда оперативно и окончательно взял над ним верх. Злоумышленник мог быть вооружен, поэтому для верности Брайан дал ему кулаком под дых, прижал к полу и придавил коленом. Дотянувшись носком ботинка до фонарика, он толкнул его к себе, подхватил свободной рукой и направил на поверженного врага. Его вид, однако, никакого морального удовлетворения не принес. Совсем наоборот — у Брайана вытянулось лицо. Противник, с мычанием елозивший по полу, на грабителя подозрительно не походил. Спецодежда, пояс с инструментами… Охваченный растущим смущением, охранник перевернул грабителя на спину и испытал полнейший конфуз. Судя по всему, он только что одержал решительную победу над са-

мым обыкновенным электриком.
— Твою-то мать! — растерянно воскликнул Брайан, выпуская свою жертву.
Насчет пресловутой матери та была с ним совершенно согласна, и, переведя дух, принялась честить ночного сторожа на все корки.

Начальник охраны сдержал обещание и составил техническому персоналу соответствующую заявку касательно дежурного освещения. Уж отчего ее исполнение так задержалось — вопрос отдельный, но электрик все же явился, а неурочный час его визита имел логичное обоснование. Когда еще проверять исправность означенных ламп, как не в период их предполагаемой работы?
— А утром или вечером здесь покопаться не судьба? — с досадой спросил Брайан, рассыпавшись в извинениях перед помятым специалистом.
Его длинными уродливыми лапами оказалась обыкновенная стремянка, неудачно попавшая в луч света, а в роли страшенной нечеловеческой морды выступил прибор ночного видения. Им и объяснялась причина истошного вопля, последовавшего за ударом светового потока. Практически ослепший от неожиданной и очень болезненной вспышки, электрик потерял равновесие и, раскинув руки, свалился прямиком на человека с фонариком. Все остальное довершила внезапность, подстегнувшая фантазию охранника. К счастью, электрик особо не пострадал, отделавшись парой синяков, отчего не слишком разорялся насчет ретивости Брайана. Частично он был и сам виноват, прибыв на объект не в регламентированный час, поэтому быстро сменил гнев на милость.
— В том и проблема, — проворчал электрик, потирая ушибленный локоть. — В другое время суток вся эта кухня работает исправнее некуда. Уж столько раз ее проверяли!..
Повертев в руках прибор ночного видения, он с облегчением убедился, что дорогое устройство в полном порядке. Пользоваться им в условиях вроде нынешних было куда удобнее, нежели возиться с фонариком или устанавливать громоздкие мачты освещения.
— Тогда в чем же дело? — удивился Брайан, уразумев, что технический персонал отнюдь не бьет баклуши, игнорируя поступающие запросы.
— А черт его знает! — душевно изрек специалист. — Либо дело в проводке, либо в каком-то распределителе. В первом случае надо вскрывать стены, с чем возиться никому не хочется. Здание-то старое, стандарты были другие. Долбить придется знатно, и администрацию такое развитие событий не устраивает. Второй предполагает неполадки в самой сети, что тоже ничуть не лучше. Если сбой в питании вызывает суточное изменение нагрузки, как бы не

пришлось перекраивать всю электрику.

В процессе беседы выяснились некоторые подробности. Фойе западного крыла, со второго по четвертый этажи, давно сидели у технического персонала в печенках. Здесь регулярно что-то барахлило, а то и вовсе отказывалось работать. К примеру, взять камеру видеонаблюдения, расположенную подле места нелепой схватки охранника и электрика. Администрации надоело ее постоянно ремонтировать и заменять, поэтому с некоторых пор там висел муляж. Загадка заключалась в том, что запитывалась чертова камера с другого источника, нежели дежурное освещение. Питание к ней приходило по витой паре, проложенной местными айтишниками. Те клялись в исправности своего оборудования и неоднократно его проверяли. Электрики также были готовы присягнуть за надежность вверенного им хозяйства. В результате и те и другие время от времени меняли какие-то узлы и проводили сервисные мероприятия, только результат выходил так себе. Судя по состоянию дежурного освещения, пресловутый воз не двигался с места, а технический персонал понятия не имел в чем, собственно, дело. Специалист доказал это Брайану самым непосредственным образом. Он вывинтил одну вроде бы вышедшую из строя лампу и одну мерцавшую, после чего проследовал с охранником на лестницу, где свет горел вполне исправно, и поочередно установил их в тамошний патрон. Принесенные лампы функционировали без нареканий. Вернувшись же на прежнее место, они и повели себя по-прежнему. При этом запасные, извлеченные специалистом из новенькой коробки, последовали их примеру.

— Местные говорят, так уже не первый год маются, — заключил, отпуская ругательства, электрик. — То лучше становится, то хуже. То вдруг проблема исчезает, будто ее и не было, а то половина западного крыла с ума сходит.

— А я уж думал, всем просто наплевать, ан вот оно что… — усмехнулся Брайан. — Э! Минуточку! — внезапно воскликнул он, наморщив лоб. — Что значит — "местные"?

— То и значит, — пожал плечами электрик. — Я не штатный сотрудник. Приехал по вызову. В нашу компанию он поступил уже не первый. Здешние сюда затемно не ходят.

— Это еще почему? — удивился охранник.

— У них и спроси, — флегматично ответил пришлый специалист. — Один, кстати, сейчас на энергоузле. Нам же без напарника работать не полагается. Только он тот еще напарничек! Рассказал мне, где да что, снабдил схемами и умотал туда, якобы отключить какие-то автоматы. Там безвылазно и сидит.

Заинтригованный, Брайан обождал, пока электрик закончит

свои дела, а затем проследовал с ним к упомянутому помещению. Там и впрямь пребывал еще один специалист, на кой-то ляд заперший дверь изнутри. Открыв на зов, этот пожилой мужчина хмуро посмотрел на Брайана, а от его вопросов помрачнел еще больше.

— Нам там появляться незачем — и так знаем, что ничего не меняется, — отрезал он. — Нашу компетенцию начальство проверяет сторонними мастерами, да только и у них ни шиша не получается. Полагаю, и сегодня не исключение.

Брайан, неудовлетворенный столь информативным ответом, попытался разговорить молчуна, но тот окончательно замкнулся в непроницаемой холодности. Уходя, он даже не попрощался, а выскочил за порог так, будто за ним собаки гнались. Брайан, удивленный и раздосадованный странным свиданием с электриками, ушел к себе, но ненадолго. Близилось четыре часа ночи, то есть время очередного обхода. Выпив чаю, он отправился исполнять свои обязанности, и на сей раз уже никого не встретил.

В ночь на очередную пятницу Брайан заранее занял позицию в западном фойе третьего этажа. Теперь он был практически уверен, что находится ближе всего к источнику похоронного звона, чем когда-либо. Жаль камера видеонаблюдения здесь не работала. Впрочем, ее функционирование не принесло бы особой пользы. Ни одна из этих штуковин звук все равно не записывала, иначе Брайан давно бы воспользовался их микрофонами в своих целях. Поглядывая на часы, он дожидался заветной минуты, рассчитывая услышать заунывный бой, и в надеждах не обманулся. Когда стрелки показали без тринадцати двенадцать, в тишине здания раздались знакомые тягучие удары. Раздались и впрямь отчетливее, чем когда-либо. И на сей раз охранник не метался абы куда, а уверенно сумел определить направление. Быстрым шагом он миновал фойе и дошел до конца тупика, которым заканчивались короткие ответвления центрального коридора. Вот только на этом этаже путь ему перегородила не стена, а большая железная дверь, в чем и заключалась здешняя конструктивная особенность.

Лет двадцать назад в компании надумали расширить центр исследования связи, возведя для него внушительную пристройку. Пристройку настолько большую, что по размерам она почти не уступала оригинальному зданию. Поскольку восточную часть прилегающей территории занимала парковка, а с юга проходили тротуар и улица, свободная земля оставалась только на севере и западе. Основываясь на размерах доступной площади, сваи пристройки забили с той стороны света, где традиционно садилось солнце. Строительство завершилось довольно быстро, однако в процессе

что-то не заладилось, из-за чего сдача объекта застряла на отделочных работах. В срок их не закончили, затянули, а потом и вовсе остановили. Хотя новое здание находилось в финальной фазе обустройства, в эксплуатацию его так и не ввели. В результате огромная пристройка превратилась в классический долгострой. Стены, выложенные из красного кирпича, в косметический порядок никто не привел. В окнах были установлены типовые стеклопакеты, но окружавшая их теплоизоляция висела лохмотьями и в ней зияли множественные щели. Крыша, хоть и наведенная должным образом, имела ряд дефектов, оставшихся не устраненными. Из-за этого в пустующее здание просачивалась дождевая вода, малыми и большими лужами собираясь на бетонном полу. Плиткой ведь его так и не устлали, как не устлали и стены, постепенно покрывавшиеся лишайником. Потолки, правда, кое-где успели покрасить, но от времени и сырости краска вовсю шелушилась, осыпаясь пожухлыми струпьями. Шахты лифтов пустовали, зияя беззубыми дверными проемами. Это же относилось и к львиной доле помещений, ни изначально, ни с годами не приведенных в надлежащий порядок. Лестницы, лишь частично оснащенные перилами, производили довольно гнетущее и даже пугающее впечатление. Горы строительного мусора, так до конца и не вывезенного, усиливали его еще больше. Кое-где они образовывали непроходимые завалы, на которых уверенно расползались не только мхи и травы, но даже кусты и невесть как занесенные туда деревца. Сквозняки, витавшие по всему зданию, раскачивали пласты облезающей дранки и протяжно свистели, порой завывая не хуже чем в пещере. Кабели электрики и связи щерились пучками торчавших проводов, отчего казалось, что кое-где на стенах и потолке обосновались морские актинии. Повсюду внутри долгостроя лежала печать полнейшего запустения.

Помимо собственных уличных дверей, ведущих в большой холл, пристройка соединялась со старым зданием отдельным переходом. Его соорудили сразу в три этажа, со второго по четвертый, с учетом предполагаемого людского потока и для пущего удобства. Таким образом, сотрудники могли бы свободно перемещаться туда-сюда по нескольким независимым коридорам. При этом переход не перекрывал территорию предприятия непреодолимым барьером, ибо под ним оставалось свободное пространство, где проехал бы и грузовик. Длиной футов в девяносто, он покоился на двух опорных колоннах. Дневной свет проникал в него через невысокие вытянутые окна, а по обе стороны промежуточных коридоров предполагались двери. Именно что предполагались. По факту их успели установить лишь на третьем этаже, а другие ярусы

перехода оснастили ими только у пристройки. У старого же здания два из трех коридоров все еще упирались в глухую стену. Ответвления центральных фойе второго и четвертого этажей заканчивались тупиками, хотя на планах западного крыла там значились сквозные проходы. Таковой имелся исключительно в одном месте, у которого, приложив ухо к железной двери, и замер Брайан.

Железо, хоть и толстолистовое, отлично проводило звук, да и его вибрация ощущалась более чем отчетливо. Всякие сомнения исчезли. Колокольный бой доносился именно оттуда, куда уводил незавершенный переход.

Когда звон прекратился, охранник отступил от двери и призадумался. Во-первых, он насчитал двенадцать ударов. Учитывая близость полуночи, это скорее походило на отсчет текущего времени, пусть и несколько досрочный, нежели сигнализацию или что-то в этом роде. Во-вторых, теперь источник заунывного звука вызывал еще больше вопросов. Занимаясь поисками, Брайан ведь не из-за собственной недалекости до сих пор игнорировал пристройку. Долгострой был не просто необитаем, но и полностью обесточен — электричество туда никогда и не подводилось. Собственно, именно поэтому там отродясь не горела ни одна лампа, а внутри не устанавливались камеры видеонаблюдения. Их элементарно некуда было подключать. В темное время суток незавершенное здание погружалось во мрак и озарялось лишь фонарями наружного освещения. Таким образом, либо в пустующей пристройке бил настоящий колокол, что представлялось крайне маловероятным, либо некий звукоизлучатель имел автономный запас энергии. Например, батарею или даже генератор. Только кому понадобились подобные сложности, да и ради чего? Произвести впечатление на ночного сторожа? Слишком заумно и хлопотно, чтобы выбить его из душевного равновесия. Впрочем, других правдоподобных версий Брайану на ум не приходило. Если отбросить явную нелепицу, речь шла или о чьей-то идиотской шутке или все-таки о злонамеренной провокации, напрямую относящейся к трудовому договору. Как бы там ни было, теперь, когда стало ясно, откуда доносился звон, будет намного проще обнаружить его источник и документально зафиксировать находку. Далее — по обстоятельствам.

Осуществлению столь нехитрого замысла мешало небольшое препятствие. Железная дверь была заперта на два врезных замка. Более того, скобы ее толстых ручек стягивала мощная стальная цепь, схваченная внушительным амбарным запором. Обычно такие не представляли хлопот для взломщиков, однако, посветив на него фонариком, Брайан удивленно присвистнул. Скважина для

ключа отсутствовала. На ее месте блестели колесики с выбитыми на них цифрами. Колесиков насчитывалось целых шесть, то есть отпирающая комбинация пряталась где-то среди миллиона значений. Нащупывать ее методом перебора — то еще занятие.

Брайан озадаченно почесал в затылке. Интересно, кому понадобились настолько необычные меры предосторожности? В долгострое вряд ли находились какие-нибудь ценности. Неслучайно охране не вменялось в обязанности заглядывать в пустующее здание. Будь там хоть что-то, чем можно было поживиться, владельцы компании наверняка позаботились бы о защите своего имущества. А они ничего подобного не сделали. Территорию, конечно, окружал составной бетонный забор, но сам долгострой не представлял особых сложностей для проникновения и сигнализацией не оснащался. Что бы ни утащил оттуда гипотетический воришка, всем станет только лучше — меньше хлама придется утилизировать. Брайан ничего тащить не собирался. Он хотел лишь заглянуть внутрь и уже просто из принципа отыскать полуночный колокол. О том, как это удобнее всего осуществить, он соображал весь остаток смены.

По здравому размышлению Брайан решил не заходить с улицы, хотя этот путь выглядел самым доступным. Там он рисковал засветиться в одной из камер наружного видеонаблюдения, и впоследствии у кого-нибудь могли возникнуть вопросы, какая нелегкая понесла его на закрытую территорию. Конечно, у Брайана достанет фантазии состряпать правдоподобную легенду, но зачем же городить огород? Если воспользоваться переходом между зданиями, то и сочинять ничего не придется. Да, дверь заперта, только охраннику, в отличие от того же инженера, не так уж проблематично раздобыть от нее ключи. Брайан и раздобыл, воспользовавшись хранилищем дубликатов, где, согласно всяким нормативам, хранились копии всех ключей в здании. В итоге у него осталась единственная загвоздка — кодовый замок.

Заветную комбинацию отыскать не удалось, включая пресловутое хранилище. Перебирать же миллион значений вручную желания как-то не возникало. Брайан, будто невзначай, попробовал навести справки у коллег из дневной смены — без толку. Никто из охранников отпирающего числа не знал или очень искусно прикидывался, что не знал. В отличие от начальника охраны. Тот ухитрился проведать о расспросах ночного сторожа и одним прекрасным утром хмуро осведомился, откуда у нового подчиненного такой нездоровый интерес.

— Ну, мало ли что случится. Пожар, там, или залезет кто. Вдруг понадобится открыть — а я даже не знаю как, — убедительно ра-

зыгрывая простодушие, объяснил Брайан.
— Вот и хорошо, что не знаешь! Стало быть, и шею себе в заброшке не свернешь! — сурово заявил начальник. — Мне бы давным-давно этот замок повесить, авось хлопот было бы меньше! Ключиком-то каждый чокнутый дурак открывал, а без кода хоть лоб себе разбей!
— А кто открывал? — тут же навострил уши Брайан, обратив внимание на эту любопытную деталь.
— Кто открывал, тот здесь уже не работает! — сердито изрек начальник охраны.
Брайан, исподтишка за ним наблюдавший, отметил некоторое неудовольствие, с которым были сказаны последние слова. Складывалось впечатление, что шеф нечаянно сболтнул лишнее и постарался скрыть это подчеркнутой резкостью. Предположение лишь усилилось, когда начальник охраны тут же оборвал разговор и поспешно удалился.

Несколько ночей Брайан наведывался к запертой двери, от нечего делать прокручивая на замке различные комбинации. Движимый любопытством, он пытался угадать, какой код установил начальник охраны. На свете не так уж много тех, кто задает произвольные пароли, не поддающиеся никакой логике вычисления. Обычно люди используют что-то хорошо им известное; что-то такое, что они никогда ни при каких обстоятельствах не забудут. И тогда на помощь взломщику приходит социальная инженерия. Начальник охраны, пожилой и не слишком сообразительный мужчина, вряд ли следовал максимальным требованиям безопасности. Собрав о нем побольше отнюдь не секретных сведений, Брайан перебирал различные даты: дни рождения детей, родителей и супругов; свадебные дни; дни всяких семейных торжеств или любые иные, примечательные для шефа охраны. Узнав что-то новое, он каждый раз шел к запертому переходу проверять очередное число, и каждый раз разочарованно вздыхал. Либо ему упорно не везло, либо комбинация была составлена вне следуемой логике.

В одну из смен Брайан вновь оказался возле своего ребуса. Он уже протянул руку к замку, собираясь навертеть на нем текущую догадку, как вдруг его брови сдвинулись к переносице. Цифры на колесиках отличались от набранных им вчера. Число было слишком примечательным, чтобы Брайан вот так запросто его забыл, и сегодня отнюдь не оно предстало удивленному взору.

Брайан прищурился, соображая, что бы это могло значить. Неужели кто-то кроме него пытается угадать шифр? Вряд ли. Скорее, это похоже на ловушку. Некто специально сместил цифры. Если проверка выявит им несоответствие, чей-то интерес к замку

станет очевидным. Ну а за кандидатурой означенного "некто" далеко ходить не придется, учитывая недавние расспросы Брайана. Начальник охраны вполне способен закинуть ему удочку, не лезет ли тот туда, куда не просят. Правда, имелось и более рациональное объяснение. Дверью банально воспользовались по служебной необходимости, а затем сбили отпирающую комбинацию случайным значением.

Как бы там ни было, Брайану стоило проявить хотя бы минимальную осторожность. Выставив очередное число — по-прежнему безрезультатно, — он вернул колесики с цифрами в исходное положение и удалился. Оставленный в покое замок тихонько лязгнул о железную дверь и недвижно повис на стальной цепи. Когда шаги Брайана замерли вдалеке, в фойе установилась привычная тишина. Впрочем, тишина не абсолютная. Особо чувствительное ухо сумело бы уловить какие-то едва слышные щелчки, раздававшиеся с определенной периодичностью. Что их вызывало — увидеть возможным не представлялось, ибо фойе наполняла кромешная тьма.

* * *

Ночь на очередную пятницу ничем не отличалась от остальных. Явившись на смену, Брайан традиционно напился чаю, а в половине двенадцатого отправился в обход, озаряемый утлым дежурным освещением. Хуже оно, правда, не стало, но и лучше тоже. Мерцание ламп раздражало глаза, а темные участки западного крыла вынуждали то и дело использовать фонарик. Брайан даже подумал, что было бы куда удобнее нацепить прибор ночного видения, как тот недавний электрик, и выключить освещение вообще. Тогда ему не пришлось бы нырять из света во тьму, из-за чего зрение ощущало дискомфорт, а в периферическом обзоре регулярно вспыхивали какие-то пятна. Так бывает, когда посмотришь на ярко горящую лампочку. Ее "отпечаток" некоторое время тревожит сетчатку, причем даже со смеженными веками, вызывая своеобразные галлюцинации. Увы, должностная инструкция и прочие нормативные документы не позволяли совершать подобные вольности.

Достигнув центрального фойе третьего этажа, Брайан привычно отклонился от маршрута и подошел к запертой двери. Взгляд на кодовый замок вызвал на его лице кривую улыбку. Цифры снова сместились, за минувший день потревоженные чьей-то рукой. Интересно, кому же и зачем это понадобилось? Дверь-то в переход не открывали! Версия со служебной необходи-

мостью полностью отпадала, поскольку спичка, незаметно подсунутая у одной из железных петель, покоилась на прежнем месте. Неужели и впрямь начальник развлекается? Но тогда у этого мужика самого с головой не в порядке, а отнюдь не у его подчиненных из ночной смены.

Придерживая замок на ладони, Брайан подумал, что это смахивает на какую-то дурацкую игру. Он пытается угадать комбинацию, причем без особой пользы — ибо катился бы уже к лешему чертов колокол! — а некто вмешивается в сей процесс с неизвестными намерениями. Нынче у охранника не было на уме каких-то конкретных цифр, поэтому он принялся крутить их исключительно наобум.

Дело быстро не заладилось. Первое из числовых колесиков внезапно застопорилось. Несколько секунд Брайан бесплодно елозил по нему пальцем, пытаясь сдвинуть с места, пока не осознал, что его усилия ни к чему не приводят. Колесико не двигалось ни туда, ни сюда, оставаясь неподвижным. Брайан раздраженно выругался. Этого еще не хватало! Неужели гнусная железяка вышла из строя? Перестав теребить взбунтовавшийся ряд, он взялся за другой — авось взаимосвязанный механизм и расклинит. Надежда не оправдалась. Более того, второе колесико повело себя не менее возмутительным образом. Уподобившись первому, оно сначала немного провернулось, а потом застыло как припаянное.

Брайан разразился потоком сквернословий. В сердцах он долбанул замком о железную дверь, грохотнув по всему западному крылу гулким эхом. Затем вновь попытался сладить с капризным устройством, однако преуспел не больше прежнего. Хуже того, теперь заклинило и третье колесико, что энтузиазма охраннику отнюдь не прибавило. Некоторое время он сверлил взглядом окаянную штуковину, шипя разнообразные ругательства, и вдруг изменился в лице, осознав весьма примечательную особенность. Вышедшие из повиновения ряды остановились на одной и той же цифре семь.

— Мило, — пробормотал Брайан.

Он не был ни суеверным, ни азартным, поэтому три семерки — широко известная выигрышная комбинация — его скорее злили, нежели нервировали. Если это чья-то идиотская шутка!.. Осененный внезапной догадкой, он быстро крутанул оставшиеся колесики и столь же быстро получил результат. Те застряли там же, где и предыдущие, образовав набор из одних семерок. Брайан негромко рассмеялся дурным голосом, сделавшим бы честь какому-нибудь злодейскому персонажу. Неожиданно что-то щелкнуло. Дужка замка отошла, и он с гулким стуком свалился на пол. Следом, ляз-

гая звеньями, сползла с дверных скоб и стальная цепь, накрыв его похожим на свернувшуюся змею клубком. Не ожидавший ничего подобного, Брайан разинул рот, как-то даже позабыв, что для размыкания дужки требовалось вдавить кнопку пружины. Правда, вскоре он об этом подумал, однако списал сей факт на ту же причину, которой наверняка вызывалось и поведение колесиков. Замок банально сломался, просто сделал это столь примечательным образом прямо на отпирающей комбинации. Интересно, какие тараканы водятся в голове у начальника охраны, если тот использует подобные коды — примитивные, но весьма выразительные.

Однако чего же Брайан столбом стоит? Если уж ему представился случай заглянуть в долгострой, им, пожалуй, следует воспользоваться. Авось наконец-то и колокол сыщется. Кстати, а вот и он! Иронично фыркнув, охранник услышал протяжные заунывные удары. Сунув руку в карман, он извлек из него дубликаты ключей. Успеть к источнику звука сейчас не удастся, но есть неплохие шансы отыскать его и без всякой слуховой наводки. Брайан поочередно повернул ключи в замочных скважинах, а затем потянул стальную скобу. Дверь не шелохнулась. Брайан опешил. Прямо скажем, не на такой результат он сейчас рассчитывал! Ключи, однако, в отличие от колесиков с цифрами не заело. Они беспрепятственно проворачивались туда-сюда, и Брайан вновь попытался отпереть переход между зданиями. Безрезультатно! Заскрежетав зубами, он вернул замки в исходное положение и злобно уставился на окаянную преграду, не понимая, в чем загвоздка. Внезапно, осененный одним соображением, Брайан вновь ухватился за стальную ручку. Тяжелая железная створа, покрытая серо-голубой краской, пошла ему навстречу будто перышко. Это было невероятно! Орудуя ключами из хранилища, охранник добился обратного результата, то есть запер дверь, а не отомкнул. Переход между зданиями оказался открыт, и открыт с самого начала.

Кому из любителей кино хоть раз не приходило в голову очевидное: на кой ляд герои, подобно последним идиотам, лезут туда, куда соваться явно не стоит?! В подозрительном месте внезапно появляется не менее подозрительный лаз, а нет чтобы бежать оттуда со всех ног, очередная безмозглая курица или не менее одаренный баран лезут на рожон, словно им открыли бесплатный пропуск в рай. Кстати, отправкой на тот свет такие похождения обычно и заканчивались, что очередного жаждущего неприятностей кретина, само собой, ни разу не вразумляло. Посветив фонариком в переход, Брайан невольно заколебался, припомнив эту нехитрую истину, но ненадолго. Он ведь не выступал в роли тако-

го недалекого героя, поскольку находился во вполне обычной обстановке, присущей вполне же обычной, размеренной и лишенной всяких чудес жизни. Вот объявись, к примеру, в стене некий портал, ведущий черт знает куда, или в доме вдруг возникла бы прежде не существовавшая там комната — о, да! Тогда было бы чрезвычайно плохой идеей туда соваться. А так... Если обыкновенная заброшенная пристройка, согласно словам того же шефа охраны, вызывает у кого-то суеверный ужас, такому храбрецу лучше сидеть дома и затемно вообще никуда не высовываться. Эксцентричные речи начальника, конечно, вызывали некоторое недоумение, но в данном случае он был совершенно прав. Избавившись от мимолетом нахлынувших сомнений, Брайан распахнул дверь пошире и шагнул в темный переход.

Коридор между зданиями ожидаемо пустовал, лишенный всяких предметов интерьера. Тут не было ни скамеек, ни мусорных корзин, хотя некогда их планировали установить для удобства и эстетики. Какая-либо декоративная отделка также отсутствовала. Под ногами, присыпанный пылью и мелким сором, шуршал обыкновенный бетонный пол. Стены из красного кирпича выглядели примерно так же, как и снаружи, то есть грубо и необжито. Репродукции картин и фотографии пейзажей, присущие основному зданию, здесь никто не развесил. Потолок, даже не побеленный, щеголял основаниями лишь наполовину установленных плафонов. Вокруг горизонтальных параллелепипедов окон торчали пучки теплоизоляции. Перед неторопливо шагавшим охранником, освещавшим себе путь лучом фонарика, расстилались девяносто футов неухоженной пустоты.

Брайан миновал около половины пути, когда его внимание привлекло какое-то движение. То был не отсвет от фар автомобилей, размеренно проезжавших по улице, а нечто совсем другое. Нечто едва уловимое на грани восприятия, но все же вполне разборчивое для его напряженных чувств. Ему ведь было отчего всматриваться и прислушиваться, раз уж он затеял долгожданную ночную вылазку. Сбавив шаг, Брайан сместился к южной стене, и через несколько ярдов уверился в своих ощущениях. Немного впереди определенно что-то притаилось, и на сей раз это вряд ли припозднившийся электрик. Сдерживая дыхание, Брайан преодолел еще семь футов, а затем резко посветил фонариком в ближайшее окно.

Удары. Множественные и яростные. Они посыпались с такой интенсивностью, что производимый ими грохот сливался в барабанную дробь. Пространство наполнилось свистящими и хлопающими звуками, с которыми атакующий ринулся на охранника. Он

свирепо бился острием головы и когтями, а его раскинутое тело закрыло собой часть оконного проема, откуда произошло нападение. Вскрикнув, Брайан отступил назад и заслонился рукой, стараясь уберечься от внезапного броска. В луче света, по-прежнему направленного на окно, теперь отражался огромный блик, мешая рассмотреть врага. За ним беспорядочно мельтешило нечто совершенно неразборчивое, но от этого еще более опасное. Стекло загремело так, что, казалось, сейчас оно лопнет, и его бритвенные осколки вопьются в кожу охранника, облегчая убийственную задачу неведомому чудовищу. Взбешенная тварь неистово колотилась телом и конечностями, а каждый ее удар и оглушал и резал барабанные перепонки. И закричи онемевший Брайан, никто уже не успеет прийти к нему на помощь, даже не будь здание безлюдным. Настала пора расплачиваться за неуемное любопытство. Уродливое отродье, чьи красные глаза мелькали удручающе близко, не собиралось прощать вторжение в свое логово. Его когти со скрежетом царапали стекло, готовясь вонзиться в тело Брайана, а крылья, заслонявшие собой весь окружающий мир, должны были стать последним, что тот увидит. Внезапно тварь забилась пуще прежнего, намереваясь совершить смертоносный бросок. Здесь бы охраннику и конец, однако чудовище внезапно передумало разрывать его на куски. Развернувшись всем телом, оно еще громче захлопало крыльями и неуклюже упорхнуло прочь. Брайан прочувственно выругался. Сцена, болезненно взвинтившая нервы, длилась какие-то секунды, но она заставила его пережить несколько не самых приятных мгновений. Брайан никогда так не шарахался от самого обыкновенного голубя.

Должно быть, птица облюбовала оконное углубление для ночлега. Судя по обилию перьев и помета, выявленных лучом фонарика, не в первый раз. Заслышав человеческие шаги, отлично различимые в тишине коридора, пернатый прервал свой чуткий сон и заворочался. Он пробудился, однако яркий свет, внезапно ударивший из темноты перехода, все же застал его врасплох. Раскинув крылья, голубь стал в панике биться о стекло, спросонья не соображая, куда его несет. Дребезжание, вызванное расшатанной ветрами рамой, усилило внезапный и шокирующий эффект. Обомлевший Брайан сходу не признал ничем не примечательную живность. Та же, кое-как сориентировавшись в пространстве, опрометью ринулась куда подальше, спасаясь от ослепляющего хищника. В общем, оба, что называется, доставили друг другу несказанное удовольствие, которое, вероятно, еще долго будут помнить. Особенно Брайан, сердечно напутствовавший голубя крепким словцом. Ему ведь аж стыдно стало за свою неподобающую слу-

чаю реакцию. Хорош отставной сержант, ничего не скажешь! То-то бы гоготали его бывшие сослуживцы. Птички испугался! Протяжно выдохнув, Брайан смачно сплюнул и двинулся дальше, поклявшись, что более ничто здесь не сумеет потрепать ему нервы. Вот только продержалась его решимость очень недолго. Гораздо меньше, чем хотелось бы.

В другом конце перехода между зданиями также имелась дверь, но ее никто не запирал. В отличие от предыдущей, доводчик у нее отсутствовал, поэтому она так и осталась приоткрытой, когда Брайан уверенно перешагнул через порог. Здесь не было никакого фойе. Во всяком случае, полноценного. Его заменял Т-образный перекресток с небольшим углублением на вершине означенной буквы. Снизу к ней подводил переход, откуда явился охранник. Влево и вправо тянулся широкий коридор с глядевшими в него проемами комнат. Лишенные дверей, они смахивали на покинутые соты или выстроенные рядами ласточкины норы. В углублении зияли провалами две шахты лифтов, промеж которых виднелась лестничная площадка.

Движимый нездоровым любопытством, Брайан приблизился к одной из шахт и, светя фонариком, осторожно заглянул внутрь. Лифт отсутствовал. Со стен, потемневших от сырости, беспорядочно свисали какие-то кабели. Внизу, занимая весь приямок, топорщилась гора строительного мусора. Лестница производила не более благоприятное впечатление. Порванные мешки, наполненные давно затвердевшим цементом, и большие пластиковые банки с засохшей краской представлялись не самым удачным украшением интерьера. Куски ржавого металла и невообразимая ветошь отлично дополняли создаваемую ими картину. Да уж, тут и впрямь легко обо что-нибудь споткнуться и переломать себе кости. А то и вовсе шею свернуть! На лестнице стоило соблюдать повышенную осторожность, однако Брайан туда и не торопился. Громче всего колокольный бой раздавался на третьем этаже, а не на втором или четвертом. Из этого следовал нехитрый вывод, что и искать его источник следует на том же ярусе. Потеряв к лестнице интерес, он шагнул обратно к перекрестку, откуда, выбрав направление наобум, двинулся на север.

Задача представлялась Брайану вполне простой. Он обойдет весь этаж, заглядывая в каждую комнату. Да, заунывный звон сегодня уже не услыхать, однако тот просто обязан иметь некую физическую основу, и основу довольно внушительную, раз уж звук пробивается так далеко. Следовательно, обнаружить ее не составит особого труда, учитывая окружающие пустоту и запустение. Крупное рабочее устройство на фоне всеобщей разрухи — объект

приметнее некуда. Согласно этому нехитрому плану, Брайан вошел в ближайшую комнату справа. Та была совершенно пуста. Из ее незашторенных окон смутно виднелось основное здание предприятия, куда уводил уже знакомый переход. В комнате напротив все выглядело практически идентично, если не считать, что окна оказались забиты фанерой. Вероятно, во внутренний колодцеобразный дворик стеклопакеты поставили отнюдь не везде. Однако это была не та особенность, на которую рассчитывал Брайан. Закончив беглый осмотр, он развернулся в дверном проеме, намереваясь ступить обратно в коридор, как вдруг ему почудилось, будто на перекрестке кто-то стоит. Охранник живо навел туда луч фонарика, пронзивший тридцать футов темноты. Там, сколько хватало глаз, озарялись ничем не примечательные пол и стены. На перекрестке никого не было. Наверное, периферическое зрение, и прежде страдавшее от перепадов тьмы и света, сыграло с ним дурацкую шутку. Луч, шаривший по коридору, так ни на кого и не наткнулся. Да и кому бы здесь быть? Скептически фыркнув, Брайан огладил рукой прицепленный к поясу электрошок. Себе он, разумеется, не признался, что сделал это исключительно для душевного успокоения.

Следующие несколько комнат тоже никаких сюрпризов не принесли. Они отличались друг от друга только планировкой, а в остальном представляли собой идентичную картину пустоты и запустения. Из щелей в полу пробивались дорожки мха, а носки ботинок то и дело поддевали осколки кирпича и бесформенные комки цемента. Стуча и раскатываясь, они создавали единственный посторонний шум помимо того, что производил сам Брайан. Во всяком случае, до тех пор, пока он не принялся осматривать то помещение, которое, одно из немногих, могло похвастаться наличием двери в коридор. Миновав первую комнату, охранник заглянул в соседнюю и принялся неторопливо обводить ее лучом фонарика, как вдруг позади него что-то негромко, но отчетливо щелкнуло. Вздрогнув, он молниеносно обернулся, однако не увидел ничего кроме неизменной пустоты. Пустоты и закрытой двери. Та выглядела обычнее некуда, только ее вид заставил Брайана занервничать. Как-то вот он не был уверен, что притворил ее за собой, когда сюда вошел. Так отчего же дверь сейчас находится в этом положении? Возвращаясь к ней, его шаги звучали менее уверенно, чем прежде. Однако Брайан не позволил себе утратить душевное равновесие и решительно вышел в коридор. Не узрев там ничего нового, он испытал невольное облегчение, в котором по-прежнему не пожелал себе признаться. Ладонь, нажимавшая на дверную ручку сильнее обычного, высвободила ее восвояси. Язы-

чок замка тут же высунулся наружу, издав при этом тот самый полминуты назад услышанный щелчок. Брайан вздрогнул так, что луч фонарика резво скакнул будто норовистая лошадь. Медленно протянув руку, он снова надавил на ручку, а затем плавно ее отпустил — тишина. Брайан повторил опыт, но на сей раз надавил глубже, а отпустил резче. Щелк! Та-а-ак, это еще что за новости?! Разум немедленно подсказал объяснение. Язычок замка, проржавевшего от времени, могло ненадолго заклинить, из-за чего он самостоятельно и выскочил с резким звуком. Эта версия выглядела вполне рационально, но во рту все равно появилась неприятная сухость, заставившая непроизвольно сглотнуть.

До самого конца коридора на север Брайан оставлял двери нарочито открытыми. Причем открытыми до упора, поскольку сквозняки, гулявшие по долгострою, то и дело трепали нервы скрипом петель. Будто потревоженная чьей-то рукой, иная деревянная створа начинала закрываться, не лучшим образом воздействуя на психику. Брайан бормотал ругательства, но продолжал осматривать помещение за помещением. Брань, отпускаемая вслух, позволяла поддерживать должный уровень уверенности в себе. В противном случае он давно бы осознал, что продолжает поиски скорее из принципа, нежели ради поставленной цели, ибо в нем постепенно росло желание убраться из этого неуютного места.

Когда коридор на север сменился северным коридором, уходившим под девяносто градусов на запад, Брайан с неудовольствием посветил туда фонариком. Желание шататься меж сырых и недружелюбных стен испарялось в нем с каждой минутой. Тяжело вздохнув, он проверил две ближайшие комнаты и шагнул было к третьей, как в уши ударил громкий резкий звук. От неожиданности Брайан аж подскочил на месте, но нервишки у него опять разыгрались совершенно попусту. То заиграл будильник на смартфоне, напоминая об очередном обходе. Близилось два часа ночи, отчего Брайан только головой покачал. Интересно, и куда подевалось время? Вроде ничего особо и осмотреть не удалось. Сунув сотовый обратно в карман, он поспешил к перекрестку, радуясь отличному поводу прервать свое тягостное путешествие по долгострою. Обход требовалось совершать строго по графику, чтобы не огрести неприятностей от начальства, ну а вернуться в эту дыру всегда успеется. Если заброшке уже порядка двадцати лет, в ближайшие дни тут вряд ли что-то изменится.

С каждым шагом скорость Брайана росла, как росла и уверенность в себе. Гнетущая атмосфера развеивалась по мере приближения к переходу между зданиями. Миновав Т-образный пе-

рекресток, Брайан как на крыльях подлетел к открытой двери, за которой оставалось девяносто футов пути до темного фойе. Ступив в переход, он потянул за собой железную створу, но та, не иначе как зацепившись за какой-то хлам, пошла очень туго. Прервав отступление, Брайан обернулся, стараясь выяснить причину задержки, и луч его фонарика вновь скакнул в долгострой. Скакнул и высветил на перекрестке человеческую фигуру.

Брайан обомлел. На несколько секунд он застыл не хуже цемента, торчавшего промеж кирпичной кладки. Затем вскинул фонарик повыше, намереваясь развеять жутковатую иллюзию подобно всем предыдущим. Та и не подумала исчезнуть. Наоборот, в прямом свете стало абсолютно ясно, что у лестничной площадки и впрямь стоит человек. Судя по виду, женщина, в каком-то странном, до пола, платье с непомерно длинными рукавами. Ее лицо закрывала свисавшая до шеи мешковина, неестественно криво натянутая на склоненную голову. Брайан ощутил, как сердце предательски екнуло, а затем начало сползать куда-то в нижнюю часть туловища. В мозгу возникла устойчивая и неприятная ассоциация с персонажами известной компьютерной игры. Он насмотрелся на нее благодаря собственным детям, очень даже любившим нечто подобное.

— Эй, кто там?! — грозно выпалил Брайан, радуясь звукам собственного голоса.

Отразившись эхом от просторных коридоров, они заметались под сводами долгостроя, перебудив, наверное, еще немало голубей. Женщина не пошевелилась. Да, наиболее вероятно это была именно женщина, а не черт и не каракатица из иного измерения. Фонарик отчетливо высвечивал характерные пропорции фигуры, отчего градус нервного напряжения Брайана скакнул не настолько высоко, как мог бы. Правда, он все равно ощутил предательское желание сбежать и вызвать полицию — пусть та с нарушительницей и разбирается, — но усилием воли не поддался искушению. Не поддался даже не из-за начальника, хотя тот наверняка перемоет ему все кости, если полиция никакой женщины, успеющей сбежать, не найдет. Брайан не предпочел самый безопасный путь из чувства собственного достоинства. С каких это пор он, отставной сержант, улепетывает от обыкновенного нарушителя? Хорош охранник, нечего сказать!

— Эй, мэм! — громогласно окликнул Брайан.

Сделав над собой усилие, он грузно зашагал обратно к перекрестку как могучий боевой робот. Правда, робот, у которого вот-вот кончится энергия. Неизвестная особа по-прежнему не двигалась, никак не реагируя на обращенные к ней возгласы. Это лишь уси-

ливало пугающее впечатление, отчего решимость Брайана висела прямо-таки на волоске. Впрочем, вскоре он почувствовал себя куда лучше и перестал хвататься за электрошок. Мешковиной на голове оказался небольшой чепец несколько необычной формы, с которого свисала плотная вуаль. Озаренная лучом фонарика, она-то и представлялась куском мешка, но по мере приближения это впечатление развеялось. Чрезмерно длинные, как у полишинеля, рукава также таковыми не были. Просто платье незаметно переходило в перчатки того же цвета, закрывавшие руки с прижатыми пальцами. Наряд выглядел излишне старомодно, будто незнакомка нарочно раздобыла его в магазинчике ужасов, чтобы довести охранника до нервного срыва.

— Мэм! Вы вторглись в частную собственность! Немедленно представьтесь и объясните, с какой целью и как вы сюда попали! — громыхнул Брайан, приближаясь к женщине.

Похоже, его слова нарушительницу не очень-то впечатляли. Она вела себя как манекен, наряженный по моде позапрошлого века. Даже на яркий свет не жаловалась, а ведь тот наверняка болезненно бил в глаза. А может, это и впрямь манекен, установленный неким шутником? Да, но где тогда, собственно, сам шутник?! В мгновение ока такие крупные объекты самостоятельно не появляются.

Остановившись от незнакомки футах в десяти, Брайан внимательно оглядел ее с головы до ног. Серое, в складках, платье, узкое в талии и с широким подолом — вот и все, что он усвоил из ее внешности. Остальное скрывали перчатки и вуаль, не позволявшая рассмотреть черты лица. Вблизи, возможно, лучу фонаря удастся пробиться под густую сетку, однако Брайан не спешил очутиться в упор от незваной гостьи. Мало ли что? На определенной дистанции ОН контролировал ситуацию, а вот вплотную все могло непредсказуемо измениться. Если, конечно, странная дамочка не выхватит пушку, тем самым обретя превосходство как раз на расстоянии, но ведь у нее уже была уйма времени это сделать.

— Мэм! Если вы сейчас же мне не ответите, я вызываю полицию! — с расстановкой заявил Брайан. — Тогда вы лишитесь всякого шанса обойтись минимумом неприятностей!

Кажется, его речь наконец-то произвела на неизвестную некоторое воздействие. Она пошевелилась, явив признаки жизни. Правда, пошевелилась совсем не так, как хотелось бы Брайану. Ее правая рука стала неторопливо подниматься, и поднималась до тех пор, пока не вытянулась направо. Туда же распрямился и указательный палец, а все остальное тело даже не шелохнулось. Выглядело это довольно необычно, если не сказать жутковато. Внезапно

лицо, скрытое вуалью, медленно повернулось в том же направлении. Теперь вся поза незнакомки, по-прежнему хранившей безмолвие, указывала куда-то на юг, куда уходил от перекрестка коридор.

Брайан прекрасно понимал, что отвернуть фонарь от нарушительницы — не самая лучшая идея. С другой стороны, у него возникло непреодолимое желание посмотреть, к чему именно она столь выразительно привлекала его внимание. Несколько секунд Брайан испытывал внутреннюю борьбу. Желание взглянуть победило. В конце концов, женщина не успеет мгновенно преодолеть разделявшее их расстояние. Он резко направил луч влево, куда мимолетом глянул и сам.

Чудовище с осклабленной пастью, крадущееся под покровом мрака! Его длинные, кинжально заостренные клыки уже готовились вонзиться в жертву как и скрюченные когти, чтобы разорвать ее на куски. Хруст раздробленных костей возвестит о лютой расправе, а теплая, дымящаяся кровь вдоволь напитает бледный мох и шершавый бетон. Последние мгновения жизни, наполненные ледяным ужасом, а потом… — что же еще могло ждать незадачливого охранника, по собственной дурости сунувшегося в пасть к дьяволу? Никто и ничего! Коридор, ведущий в сторону улицы, был по-прежнему пуст. Фонарик не высветил никаких аномалий кроме все того же облезающего потолка и черноты дверных проемов. Тот же неизменный интерьер он озарил и тогда, когда Брайан, убедившись в отсутствии всякой опасности, быстро навел его обратно. Там не оказалось ни алчущих крови тварей, ни коварных сообщников, ни даже простых голубей. Там вообще никого не было. Женщина исчезла.

Брайан ощутил, как по затылку пробежал холодок. Вздыбив волоски на коже, он стал опускаться на враз пошедшую мурашками спину. Пустота, прежде вполне устраивавшая, теперь повлияла на охранника куда сильнее навеянного фантазией чудовища. Луч фонаря, мелко трясущийся, будто державшая его рука дрожала, немедленно осветил коридор направо, а затем заметался по углублению. Ничего, кроме провалов в шахты лифтов и проема на лестничную клетку! Вид последнего, сам по себе довольно мрачный, внезапно принес огромное облегчение. А! Так вот куда подевалась неизвестная! Разгадка была настолько проста, что Брайан даже устыдился едва не захлестнувшим его эмоциям, неподобающим взрослому рассудительному человеку.

— Э-э-э! — растянуто воскликнул он, устремляясь за нарушительницей.

Его охватил гончий пыл, поскольку своим бегством та только что

доказала незаконность неких имевшихся у нее намерений. Пыл, однако, моментально сошел на нет, когда Брайан выскочил на лестницу и не обнаружил там ни единой живой души. Убегающая женщина была просто обязана производить определенный шум, но эхо отразило лишь его собственные шаги. Луч фонаря не нашарил фигуры в длинном платье, а та вряд ли успела развить такую скорость, чтобы преодолеть целый пролет, и преодолеть беззвучно. Строительный мусор, в изобилии раскиданный по ступенькам, ей всяко в этом не способствовал.

Заметно присмирев, Брайан вернулся на перекресток. Сам не в восторге от своей идеи, он посветил в шахты лифтов, искренне желая не обнаружить на дне разбившееся тело. Он и не обнаружил. Женщина будто испарилась, а это, в свою очередь, вызывало крайне неприятные мыслишки на тему "откуда она вообще взялась". Брайану стало очень неуютно. Пресечь наплыв суеверных страхов можно было только решительными действиями, основанными на элементарной логике. Исходя из нее, он попытался вычислить беглянку по следам. К сожалению, за прошедшие годы коридор не устлал толстый слой пыли, где любое человеческое присутствие было бы прекрасно различимо подобно отпечаткам астронавтов на Луне. Сырость покрыла бетонный пол пятнами бурого налета, то подсыхающего, а то размякающего в зависимости от концентрации влаги. На нем решительно не получалось разобрать, где наследил сам Брайан, а где нарушительница, даже с тем учетом, что он хорошо помнил, куда ходил, а куда нет. Все выглядело так, будто за пределы его перемещений ни одна нога явно не ступала. Если вообще ступала… Эта мысль не понравилась Брайану чрезвычайно. Глаза говорили ему, что женщина в старомодном платье отнюдь не плод его воображения. Вот только слабые оттиски на полу ничего подобного, мягко говоря, не подтверждали, а то и вовсе заявляли обратное. Брайан вконец разнервничался, постоянно светя фонариком в разные стороны. Делать-то ему что? Преследовать невесть куда сгинувшую нарушительницу или вызвать полицию, чтобы та и разбиралась? Последняя идея представлялась наиболее здравой, однако охранник, в конце концов, поступил еще проще. Так и не достав смартфон, он отправился восвояси, жалея, что из-за внезапности инцидента не успел сфотографировать женскую фигуру. Правда, вторая попытка удалиться в переход также не состоялась.

Позади уходившего Брайана раздался новый звук. Новый — не в смысле очередной, а такой, которого здесь ему слышать еще не доводилось. Это был тихий звон, приближавшийся с южной стороны коридора. Не в состоянии его проигнорировать, Брайан

обернулся. Тускло блестя в луче света, по полу катилось что-то желтое и небольшое. Катилось размеренно и неторопливо, подпрыгивая на неровностях и производя тот самый звук. Достигнув середины перекрестка это "что-то" завалилось на бок и, мелко задребезжав, застыло на месте. Потоптавшись, Брайан приблизился, а затем осторожно огляделся — фокус с отвлечением внимания был вполне себе избитый. Лишь убедившись, что вокруг ни души, он поднял блестевший предмет и принялся его рассматривать, держа кончиками пальцев. Взору представилась ничуть не истертая монета парой дюймов в диаметре, толстая и весьма увесистая. Во всяком случае, нечто очень похожее на монету, поскольку чеканка выглядела незнакомо. Аверс украшал круг игральной рулетки с перекрестием турели и карманами под числа. На реверсе был изображен торец револьверного барабана с пятью пустыми гнездами и одним заполненным патроном. Откуда эта штуковина вдруг взялась — Брайан понятия не имел, а выяснять как-то совсем не захотелось. Обронил ее кто или покатил намеренно — черные проемы отсутствующих дверей сулили неведомую угрозу. Впрочем, уже само наличие находки кое о чем говорило. Теперь охраннику точно не мерещилось, ибо желтый металл отчетливо холодил кожу и, в отличие от женщины в сером платье, никуда не исчезал. Вещественное доказательство убедительнее некуда! Чего именно — отдельный вопрос. Сунув монету в карман, Брайан, пятясь будто рак, на третий раз все-таки достиг перехода между зданиями и поспешно удалился, притворив за собой дверь.

* * *

Воскресный день выдался безветренным и ясным. Погода была хоть куда, поэтому вся семья отправилась отдыхать в парк развлечений. Брайан, успевший вздремнуть после ночной смены, неспешно прогуливался под руку с женой, улыбаясь снующим туда-сюда сыновьям и дочери. Супруга, пребывая в приподнятом настроении, оживленно болтала, а он ласково кивал ей даже тогда, когда благоверная несла откровенную чушь. Брайан и прежде не отличался суровым и вздорным нравом, а в последние двое суток вел себя особенно смирно. В ночь на субботу он просидел всю смену тише воды ниже травы, не высовываясь ни на йоту дальше положенного маршрута. Дома его поведение выглядело схожим образом. Он часами лежал на диване возле большого телевизора или располагался на уличной скамеечке без всякой видимой цели. Жена и дети отмечали, что на его лице частенько витает какое-то отсутствующее выражение, будто отец семейства не здесь, а где-то

еще. На оклики, однако, он реагировал мгновенно и вполне приветливо, отчего родные не докучали ему расспросами. Мало ли о чем глава семьи, наслаждаясь спокойной минуткой, думает. А Брайан и впрямь именно этим и занимался, ибо пищи для размышлений ему хватало.

Поразмыслить очень даже стоило. Брайан был психически здоровым человеком, однако недавние события заставили его усомниться в крепости своего рассудка. И на то у него имелись определенные основания. Вполне достаточные, чтобы он, положа руку на сердце, признался сам себе, что давеча стал жертвой галлюцинаций. Не призрака же, в самом деле, он видел! Да и двери по собственной прихоти не закрываются. Кодовый замок — и тот оказался в полном порядке! Когда Брайан заметал следы своего проникновения в долгострой, он защелкнулся без малейших капризов, а колесики с цифрами крутились как ни в чем не бывало. В результате стальная цепь, вновь стянувшая металлические скобы, выглядела нетронутой, и никто ничего не заподозрил. Даже начальник охраны, вторично обещавший расшевелить электриков.

Брайан никому ничего не сказал ни про свое ночное путешествие вообще, ни про странную женщину в частности. Потерять работу ему совершенно не хотелось, а уж в психушку и тем более. Он бы с чистой душой и уверился, что все увиденное было лишь плодом его разыгравшегося воображения, однако этому мешало маленькое обстоятельство. А именно — увесистая монета из желтого металла. Та никуда не исчезла ни сразу, ни позднее. Временами Брайан ощупывал находку в кармане, а иногда подолгу вертел в руках. Решающее доказательство ее реальности предоставила собственная дочь. Пробегая мимо отца, задумчиво сидевшего возле дома, она спросила, что это у него блестит. Чуть изменившись в лице, Брайан показал девочке монету и даже дал подержать. Игралась она с ней недолго и быстро упорхнула, но вывод из того эпизода следовал простой — ее папа не чокнулся. Во всяком случае, настолько, чтобы непрерывно галлюцинировать несуществующим объектом. Но тогда, если монета реальна, почему бы то же не относилось и к женщине? Да, никто другой нарушительницу не видел, но ведь никто и не искал. Однако будь она реальной… Тут начинались нестыковки. В призраков Брайан не верил, а посему его мысли начинали вертеться с самого начала, словно попали в заколдованный круг. Над загадкой долгостроя он не переставал размышлять и во время воскресной прогулки.

Ввиду хорошей погоды столики возле закусочной не пустовали. Поодиночке и группами отдыхающие приходили сюда утолить жажду и подкрепиться. То же сделала и семья Брайана, но жена и

дети надолго не задержались. Наскоро перекусив, они отправились развлекаться дальше, позволив отцу и мужу расслабиться за бутылочкой пива.

Пенный напиток приятно холодил в груди. Умиротворенно поглядывая по сторонам, Брайан как раз допивал вторую — и последнюю — бутылку, когда за его столик попросился тощий лохматый тип в потертом джинсовом костюме. Правой рукой он прижимал к себе цветастый фанерный щит, норовивший выскользнуть и упасть. Учитывая наплыв посетителей, с местами и впрямь было туговато, поэтому Брайан милостиво кивнул. Поставив свою ношу, лохматый плюхнулся на стул и вскоре уплетал за обе щеки двойной бургер, запивая его пинтой пива. Он явно спешил, ибо на все про все у этого молодца ушло минут пять, не больше.

— Уф-ф-ф! — протянул он, отдуваясь и бросая очередной взгляд на часы.

— Куда-то торопитесь? — улыбнулся Брайан.

— Увы, — вздохнул тощий тип. — С удовольствием посидел бы тут еще, но надо возвращаться, пока меня не хватились.

— Далеко? — так, без всякой нужды спросил Брайан.

— Да не, рядышком! — лохматый ткнул пальцем в направлении живой изгороди.

За ней виднелась улица с невысокими зданиями, где процветала мелкая коммерция. Подхватив цветастый щит, он приветливо махнул Брайану и удалился. Похоже, этот малый работал уличным зазывалой, ибо фанеру украшала рекламная надпись, обещавшая щедрую наличность за ювелирные изделия. Не иначе как неподалеку располагался ломбард, скупавший побрякушки, часы и прочие ценности. Бывает же у некоторых охота заиметь такую работенку — сутками мозолить людям глаза с подобным предложением. И кто только на него откликается?.. Скептическая усмешка, кривившая губы Брайана, внезапно застыла, а затем сползла с лица. Сунув руку в карман, он нащупал пальцами монету и принялся задумчиво поглаживать ее по ребру. Потом залпом допил пиво, поднялся и двинулся в том направлении, куда ушел тощий тип.

Ломбард отыскался быстро, в том числе благодаря зазывале с приметным щитом. Завидев недавнего соседа по столику, он снова помахал ему рукой, а когда сосед изъявил желание войти в заведение, то и вовсе засиял ярче солнца. Напутствуемый обещанием самой лучшей цены, Брайан очутился в небольшой комнатушке, похожей на тысячи помещений такого рода. Ее перегораживала стенка из зарешеченного стекла с проделанным в ней окошечком, за которой посетителя встречали цепкие глаза скупщика.

— Чем могу быть полезен? — осведомился тот, исподтишка оглядев потенциального клиента.
Отпустив дежурное приветствие, Брайан положил в чашу под окошечком монету из долгостроя. Больше он ничего не сказал, да и говорить-то ему было особо нечего. О происхождении находки и ее природе он понятия не имел, а на идею заглянуть в ломбард его навела реклама зазывалы. Авось тут и прояснят хоть что-нибудь, как минимум по части материальной ценности.

Скупщик был опытным малым, явно не привыкшим задавать лишние вопросы. Приняв товар, он вооружил глаз увеличительным стеклом ювелира и принялся его рассматривать. Затем положил монету на чашу весов и соотнес ее тяжесть с измеренными габаритами. Это надолго не затянулось и вскоре перешло в стадию испытания какими-то реактивами. Процесс изучения закончился тихим присвистом скупщика.
— Неплохое у вас изделие, уважаемый, — сообщил он. — Чего вы хотите? Продать или заложить?
— Почем будет продать? — осведомился доселе молчавший Брайан.
Подняв глаза к потолку, скупщик немного поразмыслил и озвучил сумму.
— Так много?! — поразился Брайан.
Он, конечно, тут же пожалел о своей неосторожной реплике, ибо прожженный торговец наверняка начал не с максимального предложения, но было отчего. Клиентура ломбардов много не выручает, и обычно там предлагают куда меньше.
— Ничего удивительного, — радушно объяснил скупщик. — Мы же принимаем ювелирные изделия на лом, на переплавку. Их художественная ценность нам, как правило, безразлична. Отсюда и типично низкий ценник, поскольку драгметалла в них почти всегда кот наплакал. Вот ваш товар — полновесное золото, причем высшей пробы. Прямо банковской. И где только вы его раздобыли… Впрочем, меня это не касается. Так что, по рукам? Берете деньги?
Брайан взял. Предложенная цена его слишком ошеломила, чтобы он оставил монету себе или, хотя бы для проверки, отнес ее в какое-нибудь другое место. Это впоследствии он подумал, не слишком ли поспешил расстаться с загадочной находкой, но в тот момент прямо-таки лучился радостью. Особенно тогда, когда вернулся к семье и к ее вящему удовольствию принялся тратить свежедобытые купюры.

– 2 –

Посещение ломбарда основательно изменило ход мыслей Брайана. Деньги, вырученные за монету, были, фигурально выражаясь, еще реальнее, нежели она сама. А золото просто так ниоткуда не падает и из воздуха не появляется. Если кто-то надумал подшутить над охранником или спровоцировать его на какую-нибудь выходку, то уж больно накладная получалась затея. В том числе для нарушителя, забравшегося в долгострой с дурным умыслом. Много ли жуликов бродит по заброшенным зданиям с золотыми монетами в кармане? Вряд ли. Скорее, они сами там их и находят, за чем, собственно, и наносят визит под покровом ночи. Стало быть, либо кто-то приходил за кладом, по какой-то причине схороненным в долгострое, и благополучно унес его с собой, либо… Либо клад ВСЕ ЕЩЕ ТАМ! Своим внезапным появлением Брайан кого-то спугнул. Бросив монету, этот кто-то отвлек его внимание, а сам ретировался, и не факт что успел вернуться. Таким образом, возникали неплохие шансы найти ценности раньше, чем за ними вторично явится некто другой.

Эти соображения будоражили Брайана до крайности, соблазняя его как можно быстрее отправиться в долгострой. Останавливала другая — женщина. Учитывая ее поведение, вряд ли она была заодно с тем, кто искал золото. Ведь зачем же тогда указывать направление, откуда прикатилась монета? Весьма опрометчиво со стороны сообщницы. Скорее, ее жест объяснялся совершенно иначе. Это был призрак, подсказывающий охраннику, где искать клад.

Прежде Брайан и мысли бы не допустил о привидении, не то что задумался о нем всерьез. Однако золото было настоящим, а молчаливая фигура в старомодном платье исчезла так же необъяснимо, как и появилась. Рациональная версия хромала на обе ноги, заставляя предположить мистическую. Та, в свою очередь, не торопилась укладываться в сознание здравомыслящего человека, поэтому Брайана раздирали сомнения. Невозможность с кем-либо поделиться усиливала их эффект. Расскажешь начальнику или коллегам — придется давать отчет о золоте, присвоенном на территории частной собственности. Открыться жене — лучше уж ослу в зоопарке. Брайан любил супругу, но считал ее совершенно неподходящей советчицей в серьезных делах. Та была довольно невоздержанна на язык, а все разговоры о золоте необходимо держать в глубокой тайне. В том числе от немногочисленных друзей, которые либо не поверят, либо — что куда хуже — захотят войти в долю.

Обуреваемый противоречивыми мыслями, Брайан только за голову хватался. Несколько ночей он провел в раздумьях, не в силах принять какое-либо решение. Всякое промедление грозило потерей предполагаемого клада, однако это могло оказаться отнюдь не худшим развитием событий. Особенно если женщина не указывала на скрытые богатства, а пыталась предупредить о некой опасности. В таком случае, не лучше ли просто обо всем забыть? Совершая обход, Брайан вздрагивал, когда слышал заунывный бой далекого колокола. Бой, который теперь как-то уж слишком подозрительно увязывался с неисправностями освещения и загадочной женской фигурой. Это основательно снижало желание отправиться на поиски, отчего Брайан несколько раз останавливался у двери в переход, но притронуться к его замкам так и не решился.

В ночь на пятницу тягучий звон звучал несколько громче, чем обычно. Что-то это да означало. По большому счету, что-то означал и сам звон, вряд ли раздававшийся просто так. Была какая-то причина, с разгадки которой Брайан начал и которая привела его к золотой монете. А что, если она привела его тоже не случайно? Что, если колокол напрямую с этим связан, как связана и таинственная, указавшая направление женщина? От таких мыслей веяло холодком, ибо они заставляли допускать всякую чертовщину. Только стоило ли из каких-то нелепых страхов отказываться от клада, даже если к нему ведет самый настоящий призрак? Призрак, желающий помочь обычному трудяге-охраннику обрести богатство. Стоя в темном фойе, Брайан светил фонариком туда, откуда доносился бой колокола. Усиленный бой, словно призывавший прийти и взять свое. С его последним ударом алчность, доселе сдерживаемая голосом разума, взяла верх. Брайан решительно подошел к запертой двери, стянутой стальной цепью. Как и в прошлый раз, ключи ему не понадобились. Семерки на кодовом замке также не подкачали. Отворив путь в переход, он устремился на зов уже стихших, но все еще гудевших в ушах ударов колокола. Которых, как он и не заметил, на сей раз насчитывалось тринадцать.

Не прошло и минуты, как Брайан очутился у Т-образного перекрестка. Сегодня обошлось без окаянных голубей, однако и женской фигуры что-то не наблюдалось. Впрочем, тогда она тоже появилась отнюдь не сразу. На всякий случай Брайан снова выглянул на лестницу и посветил в шахты лифтов. Никого. Покрутив головой, он хотел было двинуться в южном, указанном ему прежде направлении, но вдруг остановился из-за внезапной идеи. Если пойти не в ту сторону, покажется ли женщина вновь или нет?

Воспроизвести очередность прошлых действий совсем не сложно, а это может дать ответ на вопрос: с чем именно Брайан имеет дело. Какой его больше устроит — он и сам не знал, однако идея вполне заслуживала того, чтобы ее проверить. Немного поразмыслив, он отложил погоню за кладом и зашагал на север.

Путешествие продлилось недолго. В помещения Брайан заглядывал чисто номинально, задерживаясь внутри всего по нескольку секунд. Таким образом, он быстро добрался до конца коридора и повернул в другой, уводивший к западу. Как и прежде, луч фонарика ушел вдаль, вырисовывая в темноте все те же пустующие дверные проемы. Оглядев последние комнаты из повторяемого маршрута, Брайан отправился назад. Его шаги звучали так же торопливо, как и неделей раньше, только на сей раз тому служило не желание поскорее убраться отсюда, а нездоровый интерес, растущий по мере приближения к перекрестку. Место, где была замечена женщина в сером, Брайан миновал так, будто опаздывал получить выигрыш в лотерею. Через считанные секунды он уже открывал дверь в переход, откуда, выдержав короткую паузу, молниеносно обернулся.

Удар был очень силен. Не столько болезненный, сколько ошеломляющий, он практически смял в груди ее горячий трепет. Сердечный ритм сбился. В солнечном сплетении образовалась пустота. Мгновенно заполонив все тело, она поглотила нервную дрожь и огонь бурлящей крови. Предательская слабость усугубила эффект, и отразить ее не было никакой возможности. Слабость от того, что навалилось щемящим холодом, высасывая бившую ключом энергию. Да, удар был силен. Психологический, разумеется.

Разочарование, охватившее Брайана, сочилось досадой и даже горечью. Женская фигура не появилась. Он, со своим трезвым и рациональным умом, уже успел навоображать себе невесть что, а тут такой пшик с маслом! Никаких вам привидений и прочей чертовщины! Перекресток выглядел так же, как и прежде, и не подумав явить что-нибудь сверхъестественное. Напряжение, заставлявшее гудеть каждый мускул, испарилось словно ветром сдутое. Брайан как-то даже обмяк всем телом, будто внезапно просел питавший его аккумулятор. Но ненадолго. И сам удивляясь не характерной для него реакции — было бы чему огорчаться! — он мигом настроился на иной лад.

Раз уж, как и следовало ожидать, дело обошлось без мистики, значит тут замешаны вполне обыкновенные авантюристы. А от призраков они отличались тем, что состояли из плоти и крови, с каковыми отставной сержант отлично умел управляться. Призракам-то и золото ни к чему, а вот живых людей оно очень даже ин-

тересует. И если в долгострое спрятана кубышка, тогда самое время ее отыскать, пока Брайана кто-нибудь не опередил. Правда, в эту здравую версию несколько не вписывался колокол, но и для него наверняка найдется логичное объяснение. Например, сигнал сообщникам, поданный на манер маяка, или что-то в этом роде.

Воспрянув духом, Брайан вернулся на перекресток и двинулся в южном направлении, досадуя о непростительной задержке. Ему было с чего себя ругать. Незваные гости, кем бы они ни оказались, вполне могли утащить клад, пока бравый вояка аж неделю проявлял чудеса нерешительности.

Учитывая физику процесса, вряд ли монета прикатилась издалека. Случайно либо нарочно, кто-то пустил ее по полу возле одной из ближайших комнат. Отнесясь к вопросу серьезно, Брайан не совался туда абы как, готовясь в любую секунду столкнуться со злоумышленником. Когда речь идет об охоте за золотом, шансы на джентльменское расшаркивание практически сведены к нулю. Застигнутый с поличным, незваный гость или попытается сбежать или нападет на охранника, не желая расставаться с ценной добычей. Ну да Брайан тертый калач! У него найдется чем попотчевать ночного визитера, даже если тот окажется не один. Готовый ко всему, он уподобился матерому тигру, тихо скользя из помещения в помещение. Ну, почти ко всему. Отставной сержант не боялся дать отпор хоть целой банде, но внезапно изменился в лице и замер как изваяние. В южном конце коридора, куда он мимоходом посветил фонариком, стояла женская фигура.

Психологический эффект оказался кратно мощнее, чем прежде. Успев увериться в отсутствии всякой мистики, которой для рационального ума и быть не могло, Брайан испытал настоящий шок. Его дыхание замерло, а расширенные зрачки впились в безмолвную незнакомку. Старомодное платье и вуаль, издали похожая на мешковину, не оставляли сомнений, что женщина — та самая. Именно ее он видел неделю назад на перекрестке, и теперь она объявилась там, впереди. Там, куда указывала в ту ночь. Брайан ощутил, как по телу пробежал холодок, а во рту опять стало суховато. Вся его решительность тут же испарилась, оставив наедине с не самыми лучшими мыслями. И чем дольше он смотрел на неподвижную фигуру, тем стремительнее становился их хоровод.

Однако надо было что-то делать! Сотворив над собой усилие, Брайан открыл рот, собираясь окликнуть неизвестную, но от волнения не издал ни звука. Лишь с третьей попытки он перестал походить на шлепающую губами рыбу.

— Мэм, вы меня слышите? Кто вы? — спросил он не столь уверен-

но, как бы ему хотелось.
И снова никакого ответа. Женщина хранила неизменное молчание, никак не реагируя на слова. Собравшись с духом, Брайан направился к ней, продолжая издавать оклик за окликом. Как поступить, дойдя до нее вплотную, он и сам не знал, и от этого ему становилось еще больше не по себе. Женщина, однако, избавила его от грядущей неопределенности. Между ними оставалось футов тридцать, когда она плавно развернулась налево. Складки ее платья даже не шелохнулись, словно под ней поворачивалась некая невидимая основа. Точно таким же образом женщина двинулась вперед и скрылась за углом. На сей раз Брайан среагировал моментально. Топоча армейскими ботинками, он ринулся следом, не желая вновь упускать безмолвную незнакомку. Забыв про всякую осторожность, он выскочил в южный коридор и обомлел. Фигура в сером платье как сквозь землю провалилась.

Впереди, сколько хватало глаз и луча фонарика, не наблюдалось никаких признаков жизни. Слева виднелся ряд прямоугольных окон, откуда в коридор падал утлый уличный свет. Справа солдатской шеренгой выстроились двери, но двери все как одна закрытые. К их металлическим ручкам, некогда горевшим бронзой, ничья ладонь сейчас не прикасалась. Женщина едва ли могла успеть к ближайшей из них, не говоря уже о том, чтобы повернуть изогнутую дужку и скрыться внутри помещения. Однако больше ей деваться было просто некуда. Несмотря на всеобщую запущенность, оконные стекла уцелели, исключая всякое проникновение. Они пропускали лишь сквозняки, сделавшие дальнейшее намерение невозможным. Когда Брайан опустил взор, рассчитывая обнаружить следы незнакомки, резко и надсадно взвизгнул ветер. В лицо ударил упругий порыв воздуха, вздыбив волосы и затрепав складками форменной одежды. Он не сбил его с ног — для этого понадобилось бы нечто большее, — однако взметнул всю скопившуюся пыль, как нарочно изобилующую именно здесь. Вздымаясь до самого потолка, она накатила на Брайана подобием песчаной бури. Вокруг него образовалось довольно едкое облако, раздражавшее глаза и свербевшее в носу. Должно быть, сказывались мелкие частички всякой химии и строительного мусора. Взвесь быстро развеялась, унесенная сквозняком за угол — Брайан и чихнуть как следует не успел, — однако теперь нечего было и думать обнаружить на полу хоть какие-нибудь отпечатки.

Надо же, какое совпадение… Таковые отставному сержанту всегда не нравились, как не нравилась сейчас и вся здешняя обстановка. Она основательно действовала ему на нервы, пребывавшие на взводе после необъяснимого исчезновения женщины.

Уже второго по счету исчезновения. Все допущения о призраках хороши до тех пор, пока не окажешься в такой вот ситуации. Впрочем, в какой именно? По сути, Брайана по-прежнему окружала полнейшая неопределенность. Возможно, это все-таки чей-то дурацкий розыгрыш, если кто-то не заманивает его в ловушку.

Желая проявить решимость, Брайан размашисто подошел к ближайшей двери. Схватившись за бронзовую ручку, он попытался ее повернуть, но преуспел не больше, чем в поисках загадочной женщины. Дверь не поддалась, и отворяться не собиралась, как ее ни трясли и ни дергали. Если незнакомке, умевшей бесшумно бегать, не помог сообщник, рационального объяснения происходящему не имелось. Закрыть за собой без единого звука она бы попросту не успела.

Осознав сей примечательный факт, Брайан призадумался еще серьезнее, чем прежде. А может, ну его все к чертовой матери? Не пора ли протрубить тактическое отступление, пока дело не приняло какой-нибудь дурной оборот? Хватит уже уподобляться безмозглым героям из фильма ужасов! Да, но уйти сейчас означало признать существование сверхъестественного, причем самым трусливым образом. Ну, либо тот факт, что его можно пронять такими вот штучками, пригодными для суеверных вдов и маленьких детей. Светя по сторонам, Брайан колебался, силясь принять какое-нибудь решение. И кто-то, судя по всему, пожелал ему в этом помочь. Издалека — оттуда, куда уходил тонувший во мраке коридор, — донесся знакомый звук. Он, конечно, не обязательно принадлежал именно этому предмету, но Брайан даже не сомневался. То был звук катившейся по полу монеты.

Могла ли предстать более очевидная западня? Вряд ли, но именно ее отставной сержант меньше всего и опасался. Кто бы ни расставлял на него сети, он сам об этом и пожалеет. Если, конечно, речь шла про ловушку, а не что-то иное. Вероятно, в последнем случае Брайан повернул бы назад, но золото было вполне реальным — в этом он уже имел удовольствие убедиться. И отказываться от еще одного барыша он не захотел.

На сей раз монета не показалась в луче фонаря, упав где-то там, впереди, но упав совсем недалеко. Отбросив всякие сомнения, Брайан уверенно двинулся по коридору. Его ожидания оправдались. На полу желтело нечто круглое парой дюймов в диаметре. Еще немного — и вот он уже держал находку на ладони, любуясь отчеканенным колесом рулетки. Как бы там ни было, а ради этого приза стоило вернуться в долгострой и потрепать себе нервы!

Тяжесть монеты предполагала, что Брайану опять досталось

полновесное золото. Золото высшей пробы. Его лицо озарилось радостью, вытеснившей все прочие чувства. Даже чувство вполне оправданной тревоги, резонно вопрошавшее, откуда ценная добыча все-таки взялась. Брайан и задуматься об этом не успел, как до него вновь донесся ласкающий уши звон. Он показался таким волшебным и мелодичным, будто это не желтый металл катился по бетону, а играла музыка небесных сфер. Брайан испытал прилив подлинного азарта. Еще один такой кругляш, прямо-таки сам идущий в руки — и сын получит ко дню рождения машину, да еще получше той, на которую рассчитывал. Положив монету в карман, Брайан посветил на запад и пошел в сгущавшуюся тьму.

А тьма и впрямь сгущалась. В какой-то момент Брайан осознал, что вокруг стало явно темнее, чем прежде. Фонарик горел с той же яркостью, а через окна проникал уличный свет, однако дальность видимости заметно сократилась, как сократилась и видимость вообще. Мрак будто стал плотнее и как-то даже осязаемее. Вероятно, именно поэтому третья монета до сих пор не показывалась, хотя Брайан прошел уже не один десяток ярдов. Кстати, а сколько он вообще прошел? Наскоро прикинув расстояние, он невольно сбавил шаг. Судя по габаритам здания, ему полагалось достичь его западного крыла, меж тем как оно даже не показывалось. Коридор по-прежнему уходил во тьму, где никаких изменений не просматривалось и в помине.

Охваченный недоумением, Брайан прошел еще около сотни футов и остановился, когда недоумение превратилось в откровенную оторопь. Элементарная математика говорила, что он вообще покинул пределы долгостроя, однако заброшенный корпус и не думал заканчиваться. Впереди, сколько хватало глаз, тянулись все те же стены с одинаковыми дверьми и окнами. Там не было не только желанной монеты, но и большого холла, располагавшегося по центру южного крыла. Холла, который никак не мог исчезнуть, как исчезла женская фигура, даже будь она призраком!

Взбудораженный Брайан завертел головой. Обстановка выглядела невероятно однообразно, словно ее элементы клонировали, причем с дверями это проделали в запертом состоянии. Они сидели как влитые, отказываясь открываться, и что за ними таилось — оставалось неизвестным. Брайан неоднократно их проверял, но на сей раз его внимание переключилось на окно. Быстро посмотрев наружу, он испытал некоторое облегчение. Там виднелась знакомая улица, и виднелась такой, какой ей и надлежало быть. В долгострой проникал рассеянный свет фонарей, огни соседних домов и отблески проезжавших неподалеку машин. Прохожих, правда, не наблюдалось, но в столь поздний час сие и не удивительно.

Прикинув в уме, Брайан сопоставил вид из окна с планом этажа и вычислил, что сейчас он был где-то недалеко от холла. Возможно ли, что из-за всей этой нервотрепки его разум слегка обманулся в расчетах? В тех, сделанных ранее. Еще как возможно!

Ощутив прилив уверенности, Брайан снова двинулся вперед, однако через сорок ярдов, точно посчитанных собственными шагами, его энтузиазм сошел на нет. Вконец перестав что-либо понимать, он глянул в очередное окно и пораженно ахнул. Открывшаяся панорама оказалась идентична предыдущей. Дело было не в тех же элементах пейзажа, а в их местоположении. Относительно друг друга они продолжали меняться, то есть машины неторопливо появлялись и исчезали, а в домах включался и выключался свет, но сам Брайан будто бы находился в той же самой точке, что и прежде. Не веря глазам, он прошел еще футов тридцать и с замиранием сердца приник к стеклу. Та же картина! Впрочем, не совсем та. На волосок, но не совсем.

На пятый по счету опыт Брайан установил — он все же продвигается на запад, но очень-очень незначительно. При этом свет снаружи тускнеет так, словно некто выкручивает яркость телевизора, а дальность луча от фонарика падает. В порыве неистовой храбрости Брайан устремился дальше и вскоре достиг такого места, где улица почти погрузилась во мрак, а коридор по-прежнему уходил куда-то вдаль. Здесь психика отставного сержанта наконец-то дала слабину. Сюрреализм был налицо! Этот бесконечный путь во тьму с шеренгой одинаковых дверей — он же не резиновый! Вот так запросто не растянешь и… Кстати! Следующая мысль настолько поразила Брайана, что он даже не понял — это его самого едва не пробил озноб или и впрямь похолодало. Нескончаемая череда окон! А она откуда взялась?! Каким образом Брайан видит через них улицу, если в южном коридоре, равно как и в других, наружных окон вообще нет! Нет не потому, что их не сделали — коридоры в принципе не проходят вдоль внешних стен! Каждый из них обрамлен помещениями, а уже из тех открывается вид либо во внутренний двор, либо за пределы здания.

Уразумев парадокс, Брайан обвел окна каким-то диким взглядом. Либо он сошел с ума, ибо сейчас наблюдалось очевидное расхождение с действительностью, либо… Либо налицо ошибка в поэтажных планах долгостроя, куда своевременно не внесли поправки проектировщика! Те ведь, говорят, неоднократно менялись.

Брайан немедленно ухватился за эту догадку, в которую ему очень захотелось поверить. В противном случае — ох, лучше даже не думать, иначе он уже не сможет удержать растущий в груди

страх. А тот и правда рос, впиваясь в сердце колючими ледяными иглами. Пожалуй, лучше не испытывать судьбу. Попятившись, Брайан стал смещаться назад, не в силах оторвать взгляд от бесконечной тьмы. Лишь через дюжину футов ему удалось взять себя в руки и развернуться в обратном направлении. Вот и он — решительный шаг на выход из этого сумасбродного шоу, чьих организаторов охранник обязательно засудит, когда доберется до толкового адвоката. Твердо ступив на пол, нога задела какой-то предмет, звонко перекатившийся в луче фонаря.

— Да вы издеваетесь… — прошептал Брайан.

Посреди коридора желтела монета, которую он, должно быть, увлеченный опытами с улицей не заметил. Охваченный множеством чувств, он смотрел на нее как кролик на удава.

— Ладно, — в конце концов, сказал Брайан, порывисто нагибаясь. — Сыграем в вашу игру.

Через секунду блестящая находка очутилась в его кармане, став второй за сегодня и третьей вообще. Тяжесть золота придала уверенности в себе. Ну а теперь на выход, к юристам и ломбарду! Вырученных денег хватит, чтобы подать судебный иск и выбить компенсацию из здешних шутников. На выход — и без остановки, кто бы и чем бы ни отвлекал внимание!

От этого намерения на душе как-то сразу полегчало. Еще легче стало тогда, когда Брайан понял, что обратный путь разительно отличается от путешествия в бесконечную даль. Тьма быстро развеивалась, улица за окнами бодро смещалась, и через положенное расстояние он увидел стык коридоров, где объявлялась женская фигура. Положенное не согласно пройденному ОТТУДА, а плану здания, то есть в несколько раз меньше. Решив не занимать сейчас голову этой чертовщиной, Брайан резво свернул за угол, рассчитывая вот-вот достичь перекрестка и заветного перехода. Увы, остановиться ему все же пришлось, хотя он дал себе обещание не реагировать даже на звук целого ящика золота. Путь преградила глухая кирпичная стена.

Препятствие было не иллюзорным. Это доказала боль в кулаках, когда Брайан попытался преодолеть его самым непосредственным образом. Оно даже не подалось, как произошло бы с киношным реквизитом или бутафорией. Определенно, кто-то здесь неплохо подготовился к визиту падких на золото искателей приключений. Телеэкраны за окнами, симулирующие вид на улицу, бесшумный траволатор, создающий впечатление бесконечного коридора — это были весьма недурные спецэффекты. Внезапно объявившаяся стена выглядела им вполне под стать. Интересно, на каком телеканале вся страна будет созерцать незадачливые вы-

ходки Брайана? Криво улыбнувшись, он решил принять вызов. Не звать же, в самом деле, на помощь, истеря и паникуя.

Да, телешоу, некогда начавшееся с боя колокола, прямо-таки идеально объясняло все происходящее. Эта идея посетила охранника во время отступления, разом избавив от всех наползавших страхов. Вписывалась в нее и невесть откуда взявшаяся стена, не желавшая отпускать гвоздь программы восвояси. Ну, хотите поиграть — поиграем, а там уж увидим кто кого!

К Брайану вернулась прежняя уверенность. Душевно плюнув в непреодолимую преграду, наверняка выдвинутую скрытым механизмом, он вернулся к ближайшему окну и с разворота врезал по нему ногой, как учили в армии. Разнести окаянный дисплей и показать организаторам шоу средний палец, по замыслу Брайана, представлялось совсем не трудно. Правда, трудно оказалось разбить бронированное стекло, установленное каким-то прозорливым умником. Оно даже не треснуло. Брайан применил к нему все свои бойцовские навыки, но треклятая штуковина не иначе как состояла в родстве с той кирпичной стеной. Запыхавшись и чертыхаясь, он склонился передохнуть, упершись ладонями в колени. Фонарик будто этого и ждал, если только его не выдернула чья-то незримая рука. Выскользнув из подмышки, он с тихим стуком свалился на пол. В следующее мгновение яркий луч угас.

Теперь темнота уже не так действовала Брайану на нервы, тем более не абсолютная, поскольку отсветы улицы никуда не делись. Подобрав фонарик, он попытался вернуть его к жизни, однако тот заупрямился, не реагируя ни на уговоры, ни на постукивания. Теряя терпение, Брайан вознамерился проучить своенравную технику, треснув ей по стене. Поверьте, с вещами надо построже, иначе они враз выйдут из повиновения! Сюсюкай с ними — и получишь ораву непослушных детей. Погрози кулаком — и твой телевизор никогда не станет чудить, убоявшись пинка и помойки. Фонарик, впрочем, оказался крепким малым, под стать своему владельцу. Ни от первого, ни от второго удара огоньков не прибавилось, разве только в собственных глазах Брайана. Заморгав, тот не сразу понял, что ему отнюдь не мерещится. Из глубины коридора струился слабый зеленоватый свет, и о его источнике долго гадать не пришлось. Ряд одинаковых дверей теперь прерывался там, где и полагалось, ибо через сорок ярдов начинался холл.

Брайан не выказал даже удивления, не то что испуга. Если одна стена появилась, загородив проход, почему бы другой не сделать с точностью до наоборот? Холл не взялся из ниоткуда, поскольку никуда и не исчезал. Он был скрыт за перегородкой, сливавшей коридор воедино, и сейчас ее просто убрали. О, а вот и

фонарик заработал, будто и выключался-то нарочно, чтобы привлечь внимание! Убедившись в его исправности, Брайан немного поразмыслил, стоит ли идти на поводу у организаторов шоу. Как ни крути, холл выглядел перспективнее кирпичной стены, но не этого ли эффекта они и добивались? Брайана снедали сомнения, но все же он направился туда, где по мере приближения нарастал зеленоватый свет.

* * *

Широкий холл предназначался для отдыха сотрудников. Во всяком случае, по проекту. Здесь должны были располагаться скамеечки, окруженные кадками с растительностью, журчать фонтанчики, наполняющие красиво выложенные бассейны, и играть тихая музыка, перемежающаяся щебетанием птиц. Вдоль стен планировалось установить торговые автоматы, а в мини-островках открыть чайные и кофейные сервисы. Потолок спроектировали не только для мягкого освещения, но и ряда кронштейнов под большие информационные панели. Отполированный пол отражал бы интерьер не хуже зеркальных вставок, где в равной степени играли зелень, вода и свет. Архитектурная идея сводилась к сочетанию современных технологий с декорационными элементами природы.

Все это выглядело бы очень привлекательно, особенно на фоне строгих деловых секций, причем для здания холл не был бы уникальным. Такие строились по одному на каждый этаж. Начинаясь у южного коридора, они тянулись до колодца внутреннего дворика, опоясанного галереями со стеклянно-металлическими перилами. Внизу располагалась зеленая зона, также предназначенная для отдыха, а сверху пятиэтажный колодец закрывала выпуклая прозрачная крыша. Эта планировка напоминала хорошо обустроенный торговый центр, от которого и впрямь недалеко ушла. Во всяком случае, ДОЛЖНА БЫЛА напоминать, реализуй архитектор свой замысел. На деле все обстояло иначе.

В зеленой зоне если что зеленое и царило, то один лишь дикорастущий хаос. Холлы пустовали, лишенные не только автоматов, но и почти всех прочих элементов интерьера, за исключением нескольких облупившихся скамеек. Подсвеченные струи фонтанов заменяла капающая с потолка вода. Отсутствовали не только телеэкраны, но и простейшее освещение. Вместо кадок с пышными растениями виднелись грязные мешки и ржавые бочки. В перилах зияли опасные промежутки, грозившие падением с галереи, а сами галереи никуда не вели, захламленные и заколоченные. С года-

ми заброшенный долгострой ничуть не прибавил в привлекательности, отчего ни для какого отдыха холлы не годились. Впрочем, Брайан не расслабляться сюда пришел, отчего картина всеобщей запущенности его ничуть не беспокоила. С другой стороны, именно ее он внезапно и не обнаружил. Проект предполагал один вид обширного холла, ожидания — другой, а реальность оказалась третьей. Глазам Брайана предстало нечто совсем иное.

За углом, откуда исходило зеленое свечение, внезапно открылось хорошо декорированное пространство. На стенах, оклеенных дорогими обоями с выпуклым орнаментом, висели многочисленные картины. Их тяжелые рамы тускло блестели золотом, как и большие вычурные светильники. Блестел и лакированный паркет, начищенный так, что в нем отражались не только золотые блики, но и потолочная лепнина. Живопись перемежали огромные, в пол, зеркала, обрамленные серебром и бархатом. Бархатом щеголяли и старинные кресла, стоявшие поодиночке и группами. С ними соседствовали столики, выполненные из ценных пород дерева. На столиках искрились хрустальные чаши, будто подсвечиваемые изнутри, а их инкрустация изобиловала вкраплениями жемчуга и разноцветных камней. По центру холла, выстроившись в линию, возвышались расписные вазы с пышными цветами. Их фарфоровая белизна соперничала с белизной мраморных изваяний, выставленных в полукруглых нишах.

Отваливши челюсть, Брайан созерцал невесть откуда взявшееся убранство, озаренное так же невесть откуда бравшимся зеленоватым светом. Рука сама собой потянула из кармана смартфон — не сделать несколько фотографий было бы величайшим упущением. К сожалению, у техники на сей счет имелось собственное мнение. На экране отображалась какая-то невнятная каша в черно-зеленых тонах. Объекты размывались настолько, что практически утрачивали форму, априори исключая всякий толк от снимка. То ли смартфон барахлил, то ли его матрица не справлялась с настолько темной сценой.

Холл озарялся весьма странным образом и Брайан, стараясь управиться с фотокамерой, быстро обнаружил, каким именно. Свет исходил не из раскидистых хрустальных люстр и не напольных мачт, украшенных резными фигурками. Казалось, что они и сами сотканы из него, будто проявляясь в его колеблющихся лучах. Лучи же эти лились из другого конца холла, перегороженного стеной. В ней тянулось длинное, от края до края, застекленное окно, где и горели зеленые огни. И за этим окном что-то было. Что-то и кто-то.

Ошарашенный, Брайан миновал холл, попутно дотрагиваясь

до его обстановки, и остановился возле перегородки. Остановился не только потому, что дальше идти было некуда, а и от наплыва чувств. Стекло перед ним имело полукруглый вырез, расположенный над бронзовой чашей в деревянном прилавке. Напоминая кассы, такие вырезы наблюдались как слева, так и справа, но только здесь, по другую сторону, стояла женская фигура. ТА САМАЯ женская фигура! Пожирая ее глазами, Брайан как-то не сообразил, что на месте перегородки должны быть перила галереи, а за ними — колодец внутреннего двора. Тем не менее, позади незнакомки виднелись игральные столы для покера, блекджека и костей, а также всюду узнаваемая рулетка весьма внушительного размера. Им сопутствовал огромный зеркальный бар, уставленный бесчисленными бутылками. Зеленое сукно, автоматы по прозвищу "Однорукий бандит", столбики фишек и лопатки для сгребания денег — за спиной женщины простиралось самое настоящее казино. Оно разительно контрастировало с тьмой пустого коридора, откуда явился Брайан, и царившей в долгострое всеобщей разрухой. Впрочем, какое там "разительно" — фантастически и необъяснимо!

Брайан не знал, что и сказать. Его как обухом по голове ударило, такое впечатление произвело увиденное. Женщина пошевелилась. Неторопливо приподняв руки, она столь же неторопливо откинула вуаль, явив взору свое лицо. Его обрамляли короткие локоны, гармонирующие с тонкими бровями и губами. Плавную линию подбородка дополнял греческий нос, будто выточенный искусным скульптором. Скулы не выделялись, но щеки не обладали излишней округлостью. Черты лица казались красивыми и производили довольно приятное впечатление. Вместе с тем в них читалась какая-то жесткость, обычно присущая дельцам и криминальным элементам. Впрочем, этот эффект наверняка создавало освещение. Зеленый свет, падавший на белую, словно мел, кожу, придавал ей едва ли не трупный оттенок, способный напугать особо впечатлительную натуру. Глубокие, черные как ночь глаза незнакомки встретились с глазами Брайана. Ее губы потянулись в легкой улыбке.

— Мэм, может вы мне объясните, что здесь происходит? — немного придя в себя, вопросил отставной сержант.

Говорить он старался непринужденно, насколько это вообще позволяла сложившаяся обстановка. Женщина, как и прежде, не произнесла ни слова, однако кивнула столь же медленно, сколь и улыбнулась. М-да, что-что, а жути она нагонять умела! Поторопить ее с ответом Брайан не решился. Действуя исподтишка, он лишь попробовал запечатлеть незнакомку и ее окружение на смартфон.

Не вышло. Треклятая штуковина померцала и вовсе выключилась, напоследок выкинув на экран какое-то месиво. Брайан, негодуя, потыкал в нее пальцем, но добился успеха не больше, чем от кирпича. Краем глаза он искал скрытые камеры, но не видел ничего кроме убранства игорного дома, выполненного по моде девятнадцатого века. Не наблюдалось и других людей, исключая щекочущую нервы особу. Та же плавно качнулась в сторону на манер того, как уже делала раньше, только на сей раз никуда не исчезла. Немного сместившись, она перестала заслонять мраморный постамент. Его основанием служила рифленая колонна, похожая на одну из тех, что поддерживали своды игорного зала. Колонну увенчивала круглая столешница, а на ней лежал мешочек из черной кожи, стянутый шнурками. Подняв к нему руку, женщина развернула ее ладонью вверх. Внезапно шнурки будто сами собой развязались, мешочек опал и обнажил содержимое, состоявшее из желтых, тускло блестевших монет. Ничем более не сдерживаемые, они почему-то не рассыпались, однако отнюдь не это поразило Брайана. Другую руку женщина протянула к нему, выставив ладонь приглашающим жестом. Ее поза была настолько красноречивой, что посыл не понял бы лишь умственно отсталый.

— Это мне?! — выдохнул Брайан.

Улыбнувшись еще шире, незнакомка кивнула, выражая очевидный ответ, но в таком положении и застыла, словно уподобившись статуе. Брайан обождал, обдумывая происходящее, а затем задал вполне резонный вопрос.

— За что? — лаконично изрек он, припоминая, что стал участником какого-то шоу.

Правда, какого-то уж слишком странного и даже жуткого шоу, но деньги, как говорится, не пахнут, а ТАКАЯ СУММА!.. Навскидку в мешочке находилось около тридцати монет той же чеканки, что и найденные. За них Брайан был готов стерпеть все эти штучки-дрючки и даже не подавать в суд.

Вопрос оказался явно по существу. Женщина оживилась. В окошке что-то зашелестело, и в бронзовую чашу скользнул листок бумаги, выглядевший таким же старинным, как и все остальное. Его пожелтевшие края согнулись и потрескались, а поверхность казалась потертой и даже изношенной. Взяв листок, Брайан повертел его так и эдак, но ничего особенного не увидел. Нахмурившись, он поднял на незнакомку вопрошающий взор, а та вдруг принялась водить чуть вытянутым пальцем в воздухе. На старой бумаге, поди пойми откуда, стали проявляться алые буквы, словно выходившие из-под пера со слабо светящимися чернилами. Вчитавшись в короткую надпись, Брайан озадаченно потер перено-

сицу.
— Мне что, просто надо отсюда выйти? — неторопливо уточнил он.
Женщина, на чьем лице застыла улыбка, кивнула. Она и впрямь предлагала ему всего лишь покинуть здание, за что и сулила предъявленный приз.
— Ха! Невелика задача! — не без бахвальства бросил отставной сержант.
Впрочем, в своем заявлении он тут же усомнился, припомнив бесконечный коридор и кирпичную стену. Вероятно, это были еще не все уготовленные ему сюрпризы, тем паче за такие деньжищи.

Незнакомка снова заводила пальцем в воздухе. Брайан опустил глаза на бумагу, где внизу, как бы подытоживая текст, появилось всего одно слово.
— Требуется мое согласие? Да согласен я! — невольно удивился он.
Молчаливая собеседница, так и не подумавшая представиться, сжала ладонь в кулак, отставила большой палец и сделала им такое движение, будто к чему-то приложила. Похоже, искусно выполненный лист, начиненный скрытой электроникой, ожидал отпечатка Брайана. Пожав плечами, он едва не поставил столь выразительную подпись, но вдруг призадумался. Как-то все это из ряда вон! Может, лучше проявить благоразумие и отказаться? От греха, как говорится, подальше! Авантюра выглядела безобидной, но уж больно настойчиво в нее втягивали, да и странностей хватало с избытком. Жутковатых таких странностей. Брайан не позволял себе мысль, что происходящее может не иметь к телешоу никакого отношения, однако и совсем от нее избавиться был не в силах.
— А если я не захочу? — осведомился он несколько напряженным тоном.
Улыбка женщины угасла, вернув лицу нейтральное выражение. В прежней неторопливой манере она указала куда-то вглубь казино. Проследив туда глазами, Брайан приметил богато вышитое полотнище. На нем красовались два изображения, уже знакомые по аверсу и реверсу монет, только здесь их сопровождали надписи. "Фортуна любит храбрых" гласила та, что обрамляла рулетку. "Выигрыш или смерть" сообщала вторая, опоясывающая барабан револьвера с одним патроном. М-да, миленький девиз у этого заведеньица, ибо композиция наверняка была его эмблемой. Миленький и весьма провокационный.

Ситуация представлялась, мягко говоря, сомнительной, но уйти с позором Брайану не хотелось. В его мозгу прямо-таки полыхнуло общеизвестное слово "Лузер", хотя на самом деле оно за-

жглось по мановению длани странной женщины. Полотнище свернулось, не издав ни единого звука, а на его месте возник гобелен, будто сотканный из пустоты. Подсвеченные нити изображали типичного неудачника, обреченного влачить жалкое существование. Сквозивший нерешительностью, он уныло горбился, опустив потухший взор. Гордая, сверкающая судьба пролетала мимо, а ему только и доставало воли, что оставаться в ее тени. Его освистывала публика, и Брайану показалось, что он и впрямь слышит этот свист, причем обращенный лично к нему. Прослыть трусом, да еще в эфире на всю страну — будьте покорны! Гордо вскинув голову, он шлепнул большим пальцем по старинной бумаге.

— Ай! — тут же отдернулась его рука.

Из пальца выступила капля крови от чем-то сделанного прокола. На листе, наливаясь красным, остался четкий насыщенный отпечаток. Возмущенный таким обращением, Брайан сердито воззрился на женщину. А та уже вновь улыбалась, но на сей раз в ее лице сквозило столько яда, что и гадюка бы позавидовала. Не улыбка, черт побери, а самый настоящий оскал!

Озвучить претензии Брайан не успел. Внезапно что-то вспыхнуло. Бумага, впитавшая кровавую подпись, взметнулась в воздух и мгновенно сгорела в прах. Полыхнул и зеленый свет позади женщины. Наливаясь ярким пламенем, он озарил ее фигуру в старомодном платье и вдруг погас, погрузив все во мрак. Чертыхаясь, Брайан ухватился за пояс, ибо в фонарике опять возникла нужда. Испущенный луч принялся нашаривать незнакомку и казино. Напрасно. Тьма вернулась не оттого, что потухли лампы. Они исчезли сами. Сгинули вместе с женщиной и всем окружавшим ее интерьером. Брайан обнаружил, что стоит у замызганных перил галереи, за которыми простирается пустота колодца внутреннего двора. Впрочем, не совсем пустота. Прямо перед ним — в пределах досягаемости пальцев, — в пространстве парил мешочек из черной кожи. Тот самый обещанный ему мешочек, полный золотых монет. Ошалев от происходящего, Брайан протянул руку, однако не успел он коснуться добычи, как та ухнула вниз. Через несколько секунд раздался звон, сопроводивший ее падение во внутренний двор. Кажется, кто-то не желал отдавать награду вот так запросто, предлагая прогуляться за ней по долгострою. Куда именно — было совершенно ясно, как ясно и то, что мешочек вполне реален, в отличие от казино, в чьем существовании сейчас возникли очень серьезные сомнения. Посветив вниз, Брайан разглядел его среди хлама и зарослей. Упав на излом бетонной плиты, он преспокойно лежал в полной сохранности, не утратив ни единой монетки. Благоразумие, настоятельно рекомендовавшее —

нет, вопившее! — немедленно убираться отсюда подальше, уступило алчности.

— Нет уж, что мое — то мое! — прошипел Брайан, быстро соображая, как спуститься на первый этаж.

Роскошное убранство холла исчезло так же, как и казино с незнакомкой, но Брайану было на это наплевать. Он спешил к переходу между зданиями, однако не для того, чтобы удалиться несолоно хлебавши. Там, на перекрестке, располагалась лестница, позволявшая достичь внутреннего двора. Между галереями лестницы тоже имелись, но они были заблокированы всяким мусором и даже заколочены. Чем продираться через завалы, проще воспользоваться более доступным путем.

Покидая холл, Брайан так торопился, что едва не споткнулся о скамейку, причем даже не задумался, откуда она, собственно, взялась. Та же, потемневшая и облупленная, куда больше соответствовала долгострою, как соответствовали ему и прочие элементы, сменившие недавние красоты.

А вот и стык коридоров! Выскочив за угол, Брайан посветил фонариком и тут же отпустил крепкое словцо. Кирпичная стена никуда не делась, недвусмысленно предлагая искать другой маршрут. Что ж, таковой тоже имелся. Западный коридор был устроен по аналогии с восточным, то есть в его центре тоже находились шахты лифтов и лестница. Туда Брайан и направился, надеясь не пуститься во вторичное путешествие в никуда.

Опасения оказались напрасны. Долгострой вел себя прилично, не уводя в бесконечную тьму, и на сей раз череда дверей закончилась поворотом. Пройдя в западное крыло, Брайан в два счета достиг лестничной площадки. Отсутствие каких-либо препятствий выглядело подозрительно, но кто бы по ним убивался! Стараясь не покалечиться на захламленных ступеньках, он пробрался вниз и очутился в очередном холле. Тот отличался от своих собратьев как по размерам, так и особенностям. Помимо выхода во внутренний двор здесь располагалась проходная в здание. О ней и подумывал Брайан, когда, привлеченный колоколом, искал путь в долгострой, но так ей и не воспользовался. Не воспользовался он ей и сейчас — во всяком случае, пока. Его интересовала другая дверь, оказавшаяся незапертой. Причина такой удачи была проста. Кто-то поработал ломом, сломав замок, но не тронув стекла с вложенной стальной сеткой. Поврежденный доводчик удерживал дверь приоткрытой и через нее гулял сквозняк, разносивший неприятные запахи. Тянуло не только всякой химией, но также сыростью и гнилью, не иначе как за счет дикой растительности. Покрутив носом, Брайан протиснулся в щель и очутился во

внутреннем дворе.

Мрак сменился полумраком, ибо через прозрачную крышу проникало зарево ночного города. На третьем этаже, когда исчезло казино, это было не так заметно, но здесь, внизу, разница становилась очевидной. Сейчас Брайан сумел бы обойтись и без фонарика, ибо отлично помнил, куда упал заветный мешочек. Держа в уме план здания, он все время поворачивал его относительно своего расположения, не упуская из виду намеченную точку. Таким образом, ему не составило труда сориентироваться и отыскать бетонную плиту с приметным изломом.

Золото никуда не делось. Оно лежало на том же месте и на сей раз позволило себя взять. Ощутив его тяжесть, Брайан возликовал. Все подозрения и страхи мгновенно испарились, согретые холодком — да-да, *согретые холодком* желтого металла, проникавшим даже сквозь черную кожу. Рванув завязки, он быстро пересчитал монеты. Тридцать! Их было целых тридцать, все той же полновесной чеканки с рулеткой на аверсе и барабаном револьвера на реверсе. Завязав кошель, Брайан торопливо пихнул его за пазуху, отчего на форменной куртке образовалась внушительная округлость. Тут-то и раздался некий посторонний звук, одновременно с которым появилось и свечение. Вскинув взгляд, Брайан живо обнаружил источник и того и другого.

Ближе к центру двора, хаотично заросшего кустами и густой травой, сиял претенциозным корпусом игральный автомат. Три его барабана залихватски крутились, издавая тот самый мелодичный звук, а огоньки подсветки носились туда-сюда, танцуя в замысловатом хороводе. Вероятно, "Однорукий бандит" стоял там и прежде, просто оставался незамеченным в темноте. Поглазев на сверкавшую штуковину, Брайан собрался удалиться, как вдруг ручка с характерным скрежетом провернулась. Барабаны, доселе вращавшиеся вхолостую, запели с новой силой, пустившись в азартный бег.

Дзинь! В первом окошке выскочило изображение колокольчика. Брайан хорошо это видел, ибо находился от автомата не так уж и далеко. Дзинь! Бег второго барабана остановился на том же символе, искрившемся золотой окантовкой. Музыкальные переливы усилились по мере завершения комбинации. Невольно заинтригованный, Брайан приблизился, ведь красочное действо что-то да означало. Дзинь! Прекратив мельтешение, в последнем окошке тоже замер колокольчик. Три из трех. Обычно этот набор сулил игроку неплохой выигрыш. Свой Брайан тут же и получил.

По долгострою разнесся гулкий удар колокола. Того самого, слышанного и прежде, но теперь он не доносился еле-еле, а звучал

насыщенно и уверенно; гудел отовсюду сразу, будто у него и не было какого-то конкретного источника. Этот гул заполонял все пространство, и каждый новый удар, унылый и тягучий, тоскливо отдавался в сердце предчувствием беды. Брайан вновь хотел уйти, не дожидаясь развития событий, и вновь не сдвинулся с места под очередным накатившим впечатлением.

— По ко-о-о-о-о-о-ом зво-ни-и-и-и-и-и-ит ко-о-о-о-ло-ко-о-о-о-о-о-о-ол, — зашелестел, разлился по колодцу громкий протяжный шепот.

Его происхождение также не поддавалось никакому определению. Он шел просто из ниоткуда, растягивая гласные, и проникал прямо в уши, цепко поражая слух. От его перекатов возникали и множились мурашки, причем куда крупнее предыдущих. Не умолкая, колокол продолжал заунывный бой, а шепот, вроде бы стихнув, наливался снова.

Сглотнув комок, Брайан ринулся к выходу, стараясь уж слишком откровенно не пуститься наутек. Гнетущий звон и всепроникающий, эхом летавший шепот здорово давили на психику, рисуя в воображении самые нелицеприятные картины. По ком звонит, похоронный-то? Ясное дело, по ком! Мечтая ненадолго оглохнуть, Брайан подскочил к двери и обнаружил, что дальше хода нет. Та оказалась сомкнута и сидела как приваренная. Без подходящего инструмента ее было не вскрыть, равно как и не выбить стальную решетку окошек. Он, разумеется, попытался, схватив ближайший кирпич, но лишь разбил стекло и едва не порезал палец. Прошипев ругательство, Брайан швырнул его на землю, и тут колокол стих, как стих и шепот. Наступила звенящая, глубокая тишина, только продлилась она недолго. Откуда-то из двора, вроде бы из центра и даже сверху раздался смех. Перекатывающийся и язвительный, он явно принадлежал какой-то женщине, и в целом было нетрудно догадаться, какой именно. Потемнев лицом, Брайан живо сориентировался в обстановке. Оставив запертую дверь, и запертую уж точно не случайно, он отправился в диаметрально противоположном направлении. Учитывая план здания, там должна была находиться другая, ведущая к восточной лестнице. Смех стих. Это даже воодушевляло, поскольку раз прекратились издевки, то Брайан на верном пути.

Пересечь двор оказалось непросто, но лишь из-за его захламленности и буйно разросшегося кустарника. Местами он образовал настоящие заросли, где обосновались небольшие деревца. Чахлые из-за недостатка света, они тянулись к стеклянной крыше, ловя скудные солнечные лучи. Само собой, никакого солнца сейчас не было и в помине, как не было даже звезд, сокрытых заревом горо-

да. Тем не менее, Брайан отметил, что вокруг стало светлее. Наручные часы, в отличие от смартфона, работали исправно и показывали время далекое от рассвета. Видимость, однако, улучшилась, обретя легкий зеленоватый оттенок, присущий приборам ночного видения. Выискивая источник подсветки, Брайан едва не налетел на железную бочку. Громыхнув о ее ржавый борт, он чертыхнулся и шагнул в сторону, задев что-то на земле. В нос ударил тяжелый запах. Этот запах ощущался и прежде — еще там, в холле, — и усилился после проникновения во двор. Теперь же он стал особенно густым. Направив фонарик под ноги, Брайан невольно отступил назад. На земле, уткнувшись лицом в траву, лежал человек. Он никак не отреагировал на то, что на него чуть не наступили, оставшись безучастным к незваному гостю. Не отреагировал ни сразу, ни спустя полминуты, когда Брайан, уняв накатившую оторопь, опустился подле на колено.

Труп. Отставному сержанту, повидавшему достаточно смертей, было нетрудно установить сей нехитрый факт. Перед ним лежал не муляж, а самый настоящий труп, и таковым он стал довольно давно. Тело успело частично мумифицироваться, но все еще испускало тот самый тяжелый запах, особенно вблизи. Полусгнившая плоть, изъеденная насекомыми, еще не настолько расползлась, чтобы определение пола стало неразрешимой задачей. Это был мужчина солидного возраста — бездомный, судя по одежде и ряду других признаков. Его лицо, просевшее сморщенными яблоками глаз, осклабилось частично утраченными зубами, когда Брайан перевернул мертвеца на спину. Об этом он сразу же пожалел, и не потому, что из-за поднявшейся вони аж заткнул нос. До прибытия полиции тело трогать не стоило. С другой стороны, лишь теперь он был уверен на все сто процентов. Уверен, что это не искусно сделанный реквизит, сделавший бы честь лучшему мастеру Голливуда, а умерший человек, из чьей плоти стали осыпаться потревоженные личинки.

Выпрямившись, Брайан напрягся как зверь, ожидающий атаки. Дело приняло очень скверный оборот. Телешоу или нет, а настоящий мертвец — это вам не шутки! Однако то была лишь вершина айсберга. Ситуация резко ухудшилась, когда Брайан посветил вокруг. Трупов оказалось несколько. К страшной находке добавились еще трое мужчин и две женщины. Все они различались как возрастом, так и одеждой, но кое-что их все же объединяло. Очевидно бездомные, они располагались невдалеке от ржавой бочки с фрагментами горелой древесины. Брайан словно увидел, как группа бродяг пробирается в долгострой и греется у разведенного огня. Учитывая обстоятельства, проникнуть сюда боль-

шого труда не составляло, а здесь они могли оставаться незамеченными несколько недель и даже месяцев. Да, могли… Но кто-то их все же заметил, раз эти люди лежали мертвыми.

Снова выудив смартфон, Брайан убедился, что ни позвонить в полицию, ни сделать фото он не в состоянии. Треклятая техника будто и сама умерла, не реагируя ни на какие манипуляции. Ох, как скверно!.. В иной ситуации он реагировал бы менее эмоционально, но нынче все обстояло иначе и придавало происходящему особый оттенок. Пусть даже бродяги не умерщвлены, а погибли сами, отравившись, скажем, некачественным алкоголем — все равно это очень плохо. Плохо — потому что лишь явный псих сделает мертвецов частью игровых декораций, пускай они и вписываются в них просто идеально.

Внезапно Брайану пришла совсем уж дикая мысль. Быстро отступив, он окинул тела крайне настороженным взглядом. Согласно жанру ужасов, события в подобных сценах обычно развивались довольно стандартно — трупы оживали и атаковали незадачливого героя. Отставной сержант, разумеется, понимал всю бредовость такого допущения в реальной жизни, однако, положа руку на сердце, окружающая обстановка давно перестала считаться нормальной. Стоя наготове, он взбудоражено ожидал, что умершие начнут издавать звуки и шевелиться, поднимаясь на истлевшие ноги. Те, однако, его страхов не оправдали. Они мирно лежали себе на поросшей травой земле, насыщенной соками их разлагающихся тел. Громко выдохнув, Брайан бочком-бочком покинул жуткое место и вскоре достиг заветной двери номер два.

Путь к восточной лестнице также оказался заперт, но на сей раз препятствие было вполне преодолимым. Копия предыдущего, оно очень плохо сидело в стене, основательно пострадавшей от многолетнего воздействия сырости. Даже сейчас откуда-то сверху сочилась вода, разрушавшая цемент до состояния крошки. Отыскав подходящий рычаг, благо что в грудах мусора хватало металлических прутьев, Брайан протиснул его в щель между стеной и дверной рамой. Крепко надавив, он принялся орудовать рычагом туда-сюда, а затем уперся ногами и навалился что было мочи. На лбу аж жилы вздулись, но приложенные усилия не прошли втуне. Раствор окончательно сдал. Проржавевшие стержни рамы, крошась вместе с осыпавшейся кладкой, выскочили из стены. Еще несколько ожесточенных рывков — и дверной каркас отклонился настолько, что Брайан протиснулся в образовавшийся проем. Протиснулся — и едва не порвал рукав форменной куртки, когда ему вслед раздался все тот же издевательский женский смех.

На перекрестке, образованном восточным коридором и про-

ходом во двор, обошлось без сюрпризов. Вокруг, куда ни глянь, царило обычное запустение, изобилующее грязью и мусором, но лишенное мертвецов. Брайана, однако, это наблюдение ничуть не успокоило. Смех все еще стоял у него в ушах, а смеяться рядом с разлагающимися трупами никто в здравом уме не станет. Как не станет просто так дарить незнакомцу и кошель с золотом. Драгоценная добыча, немедленно ощупанная за пазухой, теперь предстала в несколько ином свете. Выбравшись из долгостроя, как бы не пришлось сдавать ее полиции! Конфискация монет неминуема, если рассказать стражам правопорядка все без утайки. ЕСЛИ рассказать… Или если вообще их вызвать… Это следовало хорошенько обдумать, когда Брайан благополучно уберется отсюда подальше. Сейчас он был уверен лишь в последнем, а насчет остального испытывал массу сомнений, только их, пожалуй, стоило отложить на потом. Не теряя времени, Брайан прошел в первое же попавшееся помещение, не оснащенное запертой дверью. Большое окно во внешней стене предполагало скорый и кратчайший выход наружу. Не тут-то было! Оно не поддавалось ни ударам ногой, ни броскам кирпичей, ни даже лому. На стекле, через которое виднелось главное здание, и царапины не осталось!

К лестнице Брайан вернулся угнетенный нехорошими мыслями. Попытки пробиться наружу не увенчались успехом в трех разных комнатах. Если все окна здесь бронированные — дело дрянь. Тогда придется уповать лишь на два известных ему выхода, а к ним осложнить путь куда проще, нежели к сотням оконных проемов. Вероятно, именно на это и рассчитывал сумасшедший организатор сюрреалистического представления. Тот, который неведомо как соорудил зеленоватую подсветку, ибо теперь практически все в долгострое слабо фосфоресцировало, будто флуоресцентные грибы. Впрочем, после трюков с казино это поистине сущие мелочи…

Распаленный борьбой со стеклами, Брайан сунулся на лестницу и зарычал сквозь стиснутые зубы. Пространство между этажами пустовало. Сложившись друг на друга, лестничные пролеты валялись грудой битых ступенек. Сгоряча Брайан попытался вскарабкаться по фрагментам торчащего бетона и арматуры, однако добился лишь нескольких ссадин на ладонях да пошедшего по шву левого рукава. Теоретически, можно было продолжать штурм вполне достижимой высоты, если натаскать сюда хлама со двора. Вот только возвращаться туда совсем не хотелось. Предпочтение было отдано главному входу в долгострой.

Шаги Брайана раскатывались гулким эхом. Он не боялся выдать своего присутствия. Кому? Тому, кто решил с ним поиграть?

Он лишь был наготове, ежесекундно ожидая какого-нибудь подвоха. Северный коридор выглядел пустым, но именно из-за повышенного внимания Брайан уловил слабый шорох. Сбавив ход, он стал ступать реже и тише. Шорох усилился. Он доносился откуда-то спереди, и по мере приближения начал сопровождаться чем-то смахивающим на скрип или писк. Что бы это могло быть? Крысы? Нет, не похоже. Уж точно не мертвецы, но что? Так или иначе, в нынешних обстоятельствах ничего хорошего ждать не приходилось.

Готовый дать отпор, Брайан осторожно шел все дальше, пока подозрительные звуки не начали резко нарастать, будто среагировав на его присутствие. И вдруг это приняло лавинообразный образный характер. Брайан попятился, осознав — сейчас что-то произойдет! В следующий миг черные провалы дверных проемов исторгли не менее черные тучи. Вырываясь бурными потоками, они заполонили коридор от пола до потолка и ринулись в атаку. Ринулись стремительным вихрем, кружившим словно водоворот. В уши ударил оглушительный визг и не менее оглушительный шум, создаваемый яростно несущейся темной массой. Она заслонила собой все, включая зеленое фосфоресцирование, и стеной налетела на свою жертву. Луч света, испускаемый фонариком, укоротился как по волшебству и вовсе исчез, уткнувшись в беснующуюся черноту. Брайан только и успел, что прикрыться чуть выставленной рукой. У его лица замелькали распахнутые пасти с острыми зубами, а на тело обрушился град ударов. Сталкиваясь с ним, бесчисленные элементы тучи верещали еще истошнее, цеплялись за него когтями и плескали кожистыми конечностями. Неистовый напор возрастал, стараясь смести, изодрать, повалить большой кусок живого мяса. Фонарик, прижатый к туловищу, выхватывал из свирепой пляски сотни дьявольских глаз, горевших безумным огнем. Хищный визг достиг апогея, терзая барабанные перепонки. Холодные прикосновения мерзких чудовищ леденили кожу. Брызнула кровь. Болезненный порез немедленно привел Брайана в чувство. Сообразив, что надо делать, он ничком упал на пол.

Такая огромная стая не могла возникнуть сама по себе. Вероятно, в долгострое, пользуясь тишиной и запустением, некогда обосновалась настоящая колония. Большая колония. ОЧЕНЬ большая колония. Брайан лежал с полминуты, прежде чем бешеный вихрь, хлеставший его по спине, наконец-то прекратился. Шум множества крыльев унесся куда-то прочь и затих в лабиринте долгостроя. Видимо, летучие мыши нырнули в шахту лифта, а оттуда выпорхнули наружу известным им путем. Сами по себе они были вполне безобидны, но только не тогда, когда их налетает разом не-

сколько тысяч, особенно в тесном пространстве. А может и десятков тысяч — Брайан сосчитать не брался. Он лишь понимал, что легко отделался. Пара порезов на виске и шее, плюс задетое ухо и оцарапанная ладонь — сущая ерунда для столь мощного натиска. Они неприятно саднили, однако не грозили ни бешенством, ни кровопотерей. Мыши не воспринимали человека как добычу. Тот показался им угрозой, на которую рукокрылые не столько нападали, сколько удирали от нее прочь. Вот только их ураганное бегство сулило немалый ущерб для здоровья, не догадайся Брайан плюхнуться на пол. Поднявшись, он отряхнул форменную одежду, пригладил встопорщенные волосы и сделал выводы. Воображая, что готов ко всему, отставной сержант был застан врасплох стаей обыкновенных летучих мышей. Вот вам и наглядный пример, когда ожидаешь нападения тигра, а тебя убивает какая-нибудь ядовитая лягушка или насекомое. Правда, крылатую колонию могли и подсунуть в рамках творящегося здесь безумия, но сути это не меняло, как не меняло и прежней цели — добраться до выхода наружу. Летучие мыши его явно знали, но человек вряд ли сумеет воспользоваться их дорожкой. Оправившись от происшествия, Брайан продолжил путь.

Главный холл не отличался изысканным убранством, как и все кроме загадочного казино. Помимо входных дверей, он был примечателен лишь незавершенными будками охраны на пропускных пунктах, снабженных осями для турникетов. Сами турникеты отсутствовали, как отсутствовало и любое оборудование. Беспрепятственно добравшись до тамбура, отделявшего долгострой от внешнего мира, Брайан потянул ручку одной из дверей. Безрезультатно. Вторая тоже не откликнулась на его усилие. Только третья чуть подалась, вызвав прилив воодушевления. Нажав на нее плечом, он добился некоторого прогресса, развитого несколькими ударами. Дверь стала приоткрываться, однако надежда на скорый выход угасла так же быстро, как и появилась. Сдвинувшись на пару дюймов, она во что-то уперлась и задрожала, издавая гремучий лязг. Подергав ее туда-сюда, Брайан посветил фонариком в образовавшуюся щель и все понял. С другой стороны дверные ручки стягивала стальная цепь вроде той, с кодовым замком. Даже внутри тамбура это представляло бы ту еще проблему, а избавиться от нее из холла и вовсе не было никакой возможности. Собираясь в ночную вылазку, Брайан готовился к осмотру заброшенного здания, а не ограблению какого-нибудь склада. Ножницы с длинными ручками, способными перекусывать замки и цепи, он не прихватил, равно как и отмычки, которыми все равно не умел пользоваться. Он был отставным военным, а не за-

вязавшим домушником.

С остальными дверями, увы, все обстояло точно так же. И взломай Брайан замок, он не сумел бы выйти. В свете фонарика, пробивавшегося сквозь бреши в забитых оконцах, треклятые цепи поблескивали слишком красноречиво. До тамошних стекол тоже не имело смысла добираться. Их металлическая сетка надежно защищала здание от грубых попыток проникновения. Чертыхаясь, Брайан понял, что этот путь для него закрыт. Он, возможно, сорвет обшивку из железных листов и расковыряет сетку ломом, только не проще ли соорудить на рухнувшей лестнице пирамиду из хлама? Или, что еще проще, воспользоваться вон той, ближайшей лестницей, по которой он давеча и спустился к внутреннему двору.

Памятуя про глухую стену, по выходу на третий этаж Брайан сразу взял направо и достиг северного коридора. Там его поджидало очередное препятствие. Коридора не было. Нет, его не закрывала кирпичная кладка сродни предыдущей, и он не сменился аномалией вроде загадочного казино. Формально он никуда не делся, просто перед Брайаном разверзлась пропасть длиной с полдюжины ярдов. Пол обрывался изломанной кромкой, бессильно поникшей бетонными прядями с торчавшей из них арматурой. Учитывая расстояние, нечего было и думать его перепрыгнуть, если не преследовать желание свалиться и переломать себе кости. Вероятно, нечто такое здесь и произошло, судя по обрывкам истрепанных полицейских лент. Межэтажное перекрытие, обрушившееся довольно давно, либо сразу кого-то придавило, либо кто-то позднее грохнулся в образовавшийся провал. Хотелось верить, что происшествие носило естественный характер, а не было подстроено хохочущей женщиной.

Итак, прыжок в длину исключался, а яма выглядела слишком неприветливо, чтобы Брайан в нее полез. К тому же единожды обвалившиеся плиты могли проделать этот мерзкий трюк снова, причем как раз над головой или под ногами. Место представлялось очевидно опасным, и лучше бы с ним не связываться, а вернуться к лестнице и подняться на четвертый этаж. Логика Брайана была проста. Ему годился любой коридор, который приведет к восточной лестнице, а по ней он и доберется до заветного перехода между зданиями.

Четвертый этаж встретил ночного гостя недружелюбно. Здесь веяло сильным холодом, будто кто-то забыл закрыть дверцу рефрижератора. С улицы так задувать просто не могло, если там не наступил ледниковый период. Пока Брайан вертел головой, соображая, откуда тянет арктическим морозом, за его спиной свали-

лась ржавая бочка, стоявшая пирамидой на двух других. Должно быть, металл прохудился настолько, что не выдержал вибрации от шагов, эхом раскатившихся вокруг, и они стали пресловутой соломинкой, переломившей спину верблюду. Произведенный ею грохот напугал Брайана до полусмерти, но еще больше его напугала последующая сцена.

Северный коридор скрывал густой туман, зеленоватый из-за нараставшего фосфоресцирования. Наползая откуда-то с востока, сперва он тянулся по полу плотной дымкой. Затем ее бурлившие завитки начинали вздыматься все выше и выше, пока, наконец, не достигали потолка. От его клубов веяло таким сильным холодом, что Брайан поежился и даже потер плечи ладонями. Опасаясь какой-нибудь ядовитой химии, он осторожно потянул носом, но не уловил ничего кроме привычных запахов долгостроя. Казалось, туман был совершенно безобиден и вполне мог нагнетаться мастером спецэффектов, однако имелось как минимум две причины, по которым от него следовало держаться подальше. Сухой лед, испарявшийся в таких количествах, способен убить человека обилием углекислоты, вытесняющей кислород. Брайан и охнуть не успеет, как потеряет сознание, а упав в объятия этих волнующихся клубов — не встанет уже никогда.

Вторым наиболее вероятным источником тумана был жидкий азот. Причем, судя по дьявольскому холоду, именно его тут и использовали. Дымка лишь лизала ботинки Брайана, а его уже пробирало прямо-таки до костей. Складывалось ощущение, что еще немного — и одежда покроется инеем, а выдыхаемый пар кристаллизуется прямо в воздухе. Пожалуй, сунуться вглубь затянутого коридора будет чистейшим безумием.

Брайан попятился, однако быстро понял, что пока он сам не пошел вперед, ему ничего не грозит. Наплывающий туман затягивало в ближайший дверной проем, где он, должно быть, уходил в вентиляцию или утекал в какие-то прорехи бетонных конструкций. Последнее представлялось наиболее вероятным, особенно припоминая обвалившийся сегмент третьего этажа. Видать, здешний вредитель не впервые разливал жидкий азот, а то и вовсе делал это регулярно, чем и способствовал разрушению перекрытий. Недоумевая, как такое долго оставалось незамеченным, Брайан вновь наставил фонарик в коридор и вздрогнул всем телом. В стене тумана что-то появилось. Что-то сливавшееся с ним и цветом и формой, и сливавшееся до тех пор, пока оно не выступило вперед. Остолбенев, Брайан узрел знакомую женскую фигуру. Зеленоватые клубы доходили ей до пояса, и она сама казалась словно вытканной из этой вьющейся субстанции. Призрачные

кольца испарений окутывали ее талию, вздымались за головой, ниспадали с плеч изгибавшимися водопадами. Чудилось, будто это не женщина купается в ледяном тумане, а она сама его источает.

Стало еще холоднее. Незнакомка, зловеще улыбаясь, медленно протянула к Брайану руки, и вдруг ее глаза окончательно стали черными будто безлунная ночь. Не шелохнув ни единой складкой платья, она разинула рот в беззвучном крике и ринулась вперед, увлекая за собой густые зеленые облака. Вот Брайан завопил. Шарахнувшись назад, он отступил на несколько ярдов, но тут ноги заплелись и увлекли тело на пол. Растянувшись во весь рост, он перекатился в сторону и, подхватив фонарик, выставил его на нападавшую. Видение исчезло. Женщина, так и не достигнув Брайана, растворилась в клубах тумана, а сам туман унесло в чернеющий дверной проем. Теперь его стена стелилась дымкой там же, где и была.

Когда Брайан поднялся, его руки сильно дрожали. Да, ему наверняка преподнесли иллюзию как с тем казино, но иллюзию уж слишком правдоподобную. Настолько, что после себя она оставила морозные разводы на потолке, полу и стенах, едва не коснувшиеся не на шутку перепуганного отставного сержанта. А того было очень нелегко испугать. Решив, что здесь с него более чем достаточно, он покинул зловещий рефрижератор и отправился в южный коридор.

Рекреационный холл давно остался по левую руку. Брайан все шел и шел скорее из принципа, вовсю подозревая, что ни к чему его путешествие не приведет. История с бесконечным коридором повторялась, только теперь на другом этаже и в другую сторону. За окнами быстро темнело, как темнело и впереди, а луч фонарика уверенно затухал, сокращаясь под натиском подступавшей тьмы. Брайан старался обнаружить хоть намек на траволатор или любой другой механизм, способный создавать уходящую в никуда дорогу. Ничего подобного не наблюдалось. Оконные проемы справа и дверные слева выглядели совершенно натурально, равно как и пол под ногами, самостоятельно вроде бы не смещавшийся. Тем не менее, Брайан миновал примерно три суммарные длины здания, прежде чем остановился.

Тьма сгустилась настолько, что видимость сократилась до десяти футов. Улица за окнами окончательно исчезла, как исчез даже самый малейший отсвет извне. Теперь отсутствовала и зеленая флуоресценция, хорошо различимая в оставленном позади холле, но угасшая по мере продвижения на восток. Единственным источником освещения остался фонарик, и лучше бы тот не повторял свой недавний каприз, когда внезапно упал и выключился.

Впрочем, не единственным. Где-то впереди замерцали мелкие красные искорки. Заморгав, Брайан протер глаза. Часть искорок потухла, но часть вроде бы стала больше, словно приблизилась. В наступившей тишине, прерываемой лишь далеким звуком мерно капающей воды, на грани слышимости донеслось нечто похожее на рычание. И что-то будто несколько раз клацнуло, как если бы постучать ногтями по бетону. Или когтями.

Брайану стало основательно не по себе. У него отпало всякое желание брести в темноте в поисках конца бесконечности, равно как и выяснять, мерещится ему или нет. После всего уже произошедшего нечто скрывавшееся во мраке могло оказаться отнюдь не иллюзией. В том числе поэтому он решил не бросать во тьму то, что прихватил с собой. Брайан мог достигнуть полезного эффекта и прояснить обстановку, а мог и спровоцировать череду каких-нибудь дурных событий. Он не обратился в паническое бегство, а тактически отступил, не сводя взора с потенциальной опасности. Красные искорки исчезли так же быстро, как за окнами вновь объявилась улица с ее домами, фонарями и автомобилями. Вскоре показался и холл, озаряемый слабой зеленой подсветкой, которой Брайан теперь едва ли не обрадовался.

Галерея, опоясывающая колодец на четвертом этаже, доверия не внушала. Ее внутренние лестницы находились в еще худшем состоянии, чем перила. Спускаться на третий ярус не имело смысла, ибо там Брайан уже везде побывал, поэтому он стал искать путь наверх. Туда вели две лестницы по центру восточного и западного крыла. Восточная оказалась забита невообразимой смесью из строительного мусора и растекшегося цемента, затвердевшего в подлинном шедевре абстракционизма. Торчащая, как из ежа, арматура окончательно отвратила Брайана от идеи пробиться через эти дебри. В сравнении с ними пролет западной лестницы выглядел более приемлемо. Стеклянные ступеньки, установленные по прихоти дизайнера, были разбиты вдребезги, но их направляющие остались. По ним-то он и вскарабкался на пятый этаж, слегка ободрав руки о ржавчину. В какой-то момент металлическая опора закачалась, чуть не выскочив из поехавшего крепления, но все закончилось благополучно.

Отряхнувшись, Брайан осмотрелся. Кругом, куда ни глянь, изобиловали элементы кровли, в том числе прозрачной. От ее колпака, накрывавшего колодец внутреннего двора, он сейчас был близок как никогда и мог хорошо рассмотреть стальной каркас, поддерживающий внушительного размера стекла. Если эта штуковина проржавеет так же, как и упавшая бочка, то лучше бы под ней никому не оказываться, в том числе на галерее пятого этажа.

Брайан почувствовал себя очень неуютно, особенно когда обнаружил пустоты на месте нескольких стеклянных панелей. Наверное, именно здесь летучие мыши выпархивали в ночь и возвращались обратно. Отсюда же вниз попадала дождевая вода, питая разросшуюся растительность двора. Не задерживаясь почем зря, Брайан прошел в холл и свернул налево, рассчитывая хотя бы здесь достичь восточного коридора.

Вероятно, резервуар провалился с крыши довольно давно. Примерно тогда же, когда рухнуло несколько ярдов перекрытия третьего этажа. Огромный железный бак, зияя рваными дырами в ржавых боках, словно прилег отдохнуть как раненый великан, да так и уснул вечным сном. Его часть все еще уходила вверх и торчала наружу, но основание покоилось на полу южного коридора, подмяв под себя поддерживающие конструкции. Теперь они торчали в стороны искореженным металлом вперемешку с кусками бетона и покрытием крыши. Из огрызков лопнувших труб до сих пор сочилась невесть откуда бравшаяся вода. Вероятно, она и способствовала всеобщей сырости, местами сказавшейся даже на прочности кладки. Здесь вода так и вовсе собралась в лужи, обосновавшиеся в выщербленном бетоне. Они питали обширные наслоения бледного мха, поросшего тонкими травинками. Усеивая немалую часть обломков, мох забирался вверх, вплоть до щелей наружу, и углублялся в сочившийся влагой завал, усыпанный клочьями битума и расколотыми кирпичами. Дальше пути не было.

Созерцая очередное непреодолимое препятствие, Брайан размышлял, что больше действует ему на нервы: выходки прикидывавшейся призраком женщины или естественные нагромождения всякой дряни. Интересно, к чему следовало отнести жидкий азот, наверняка разливаемый исключительно по чьей-то воле?..

Возникло какое-то движение. Брайан, тут же вернувшись к реальности, обвел завал напряженным взглядом. В одной из труб что-то показалось. Пара мгновений — и из нее высунулась взъерошенная, мокрая крыса. Довольно крупная, она уставилась на человека, настороженно шевеля усатой мордой. Брайан, как и большинство людей, недолюбливал этих тварей, но уж лучше встретить одну обычную крысу, нежели колонию летучих мышей. Неприязненно скривившись, он шикнул на грызуна. Тот даже ухом не повел. Наоборот, вылез из трубы еще дальше и недобро блеснул глазками на чужака. Тогда и выяснилось, что крыса отнюдь не одинока. Стоило ей тихонько, но резко пискнуть, как из недр резервуара начали вылезать ее многочисленные сородичи. Какого лешего они забыли в такой сырости — Брайан выяснять не собирался, ибо их ощеренные зубы вполне дополняли угрожающий

вид. Нападение стаи крыс не сулило ничего хорошего. Брайан попятился, тем паче что на поверженный резервуар и не претендовал. Возможно, тем самым он сделал ошибку. Крысы, угрожающе заверещав, ринулись в атаку.

Вредителей было маловато, чтобы всерьез навредить человеку, но заразу от их укусов никто не отменял. Несколько тварей успело прыгнуть на Брайана. От большинства он увернулся, а двух наиболее цепких и проворных смахнул ребром ладони. Церемонии кончились. Следовало немедленно убираться, пока крысы не навалились всем скопом, но сперва требовалось отбить у них всякую охоту преследования. Разряды выхваченного электрошокера явно поубавили хвостатым боевой пыл. Сполохи и треск, воздействующие на многих животных, заставили их отступить. Брайан также ретировался, не желая продолжать скверное знакомство. Уж лучше вновь повстречаться с той женщиной, чем иметь дело с реально опасной колонией грызунов.

Брайан и представить не мог, что его желание исполнится, да еще настолько быстро. Миновав совершенно бесполезную западную лестницу, он вышел в северный коридор и внезапно узрел незнакомку, стоявшую в дымке зеленоватого тумана. На сей раз тот не вздымался стеной, а расползался от широкого подола ее платья, бурля поземкой высотой несколько дюймов. Поземка растекалась вокруг ярдов на десять, словно ее источником и была фигура в старомодном наряде. В воздухе веяло прохладой, но все же не тем трескучим морозом, как этажом ниже. Вероятно, тамошние испарения азота выделялись настолько интенсивно, что холод пробивался даже сюда, конденсируясь в стелящуюся по полу влагу. Женщина не шевелилась, неотрывно глядя на Брайана. Тот же наоборот — поняв, что замерзнуть или задохнуться ему не грозит, ринулся прямо к ней. Дама она или нет, а уж теперь он поговорит с этой бестией от души, когда схватит за шиворот! Ну, либо иллюзия развеется и ему преспокойно удастся пройти дальше. Ярды стремительно сокращались, предполагая скорое свидание с молчаливой незнакомкой, до которой оставалось всего ничего.

Брайана спасло какое-то шестое чувство. Подсознание успело заподозрить, с чего вдруг неизвестная особа преспокойно дожидается дурно настроенного мужчину. Инстинкт самосохранения, развитый за годы армейской службы, почуял ловушку. Брайан резко затормозил, хотя до ядовито улыбавшейся женщины оставалось практически рукой подать. В следующее мгновение его стопа заскользила по полу и сорвалась. Падая, он успел извернуться, отчего не свалился в невидимую пустоту, а лишь съехал в нее одной ногой, зацепившись другой за свисающий фрагмент бетонного

перекрытия. Уцепился он и руками, навалившись на бетон грудной клеткой. Один хороший рывок — и вот Брайан вновь стоит на твердой поверхности, дрожа от нахлынувшего адреналина. Было с чего! Коварная дымка развеялась, обнажив длинный провал. Там, внизу, царил ледяной ад, успевший основательно хватить морозом побывавшую в нем ногу. Женщина пришла в движение. Явно досадуя на неудавшуюся попытку обмана, она зло осклабилась и плавно опустилась в непроглядные зеленоватые клубы.

Сердцебиение Брайана унялось лишь тогда, когда он вернулся в рекреационный холл. "Выигрыш или смерть" — этот девиз продолжал обретать весьма неприглядный смысл. Возможно, там, в провале, незадачливого участника шоу поджидал батут, а холод не убил бы его на месте, однако теперь Брайан был практически уверен, что дело обстоит куда серьезнее. Так недолго и в ящик сыграть! Эта чокнутая, подсунув свою проекцию, всерьез могла поставить на кон его жизнь! Чего стоили одни трупы во внутреннем дворе... Ну уж нет, пора перестать играть по ее правилам! А для этого и поступать следует неожиданно. Пройдя в восточное крыло галереи, Брайан облюбовал одно из наименее забитых окон. С помощью арматуры он с треском сорвал листы фанеры, а затем со всего маху шарахнул железом по стеклу. Его расчет оправдался. Внутренние окна никто не бронировал. Разлетевшиеся осколки едва не попали ему в лицо, зато Брайан беспрепятственно сумел пролезть в открывшееся помещение, а оттуда выбрался прямиком в коридор. Торжествуя, он в два счета достиг лестницы, однако там осознал, отчего все прошло настолько гладко. Путь вниз перекрывала частая железная решетка.

Нервозность, давно овладевшая Брайаном из-за проявлений сюрреализма, сменилась откровенной злостью. Там, в бесконечном коридоре или при неожиданном столкновении с загадочной женщиной, он, положа руку на сердце, по-настоящему испугался. Здесь, у очередной банальнейшей преграды, Брайан едва не закипел. Нечего было и мечтать разогнуть эти пусть и ржавые, но весьма крепкие прутья так, как делали герои кинобоевиков. Перекрестные сварные стыки не оставляли ни малейшей возможности. Удачу следовало искать по соседству, в пустующих шахтах лифтов. При определенной сноровке крепкий и ловкий человек имел неплохие шансы спуститься этажом ниже. Шансы свалиться навстречу верной гибели тоже были высоковаты, ну да и ставка того стоила.

Обругав заблокированную лестницу, Брайан сунулся к лифтам и заскрежетал зубами. Железные решетки красовались и там, закрывая доступ к обеим шахтам. Присмотревшись, он несколько

поостыл, заподозрив причину зловредной прихоти строителей. Обрывки черно-желтых полицейских лент, пусть и не первой свежести, вновь сказали ему о многом. Либо здесь кто-то упал и разбился, либо, что наиболее вероятно, опасным был признан весь этаж, отчего и заблокирован целиком. Учитывая громадную дыру в полу и рухнувший резервуар, не лишняя, надо сказать, мера предосторожности. Да, но Брайану-то что теперь делать? Ответ пришел практически сразу. Вернувшись на лестничную площадку, он зашагал вверх по ступенькам, ибо путь на крышу никто не перегораживал.

Вид с долгостроя открывался так себе. Низкая этажность в сочетании с плотной городской застройкой не оставляли наблюдателю какой-либо привлекательной панорамы. С востока маячил основной корпус предприятия, а за ним, через парковку, высокое офисное здание. Промышленный сектор на севере также не впечатлял, как не впечатляла и бензоколонка на западе с расположенной за ней башней какой-то инженерной конторы. Унылую картину несколько оживляла лишь улица на юге, позволяя наблюдать за жизнью ночного города. Но Брайана это не интересовало. Он не собирался сидеть у парапета с термосом и сэндвичами, поглядывая на гирлянды огней и провожая взглядом неторопливо снующие автомобили. Во-первых, ни напитков, ни закусок у него с собой не имелось. Во-вторых, он явился сюда не для того, чтобы беспечно, подобно романтическому юнцу, проторчать ночь под открытым небом. Пока одни ищут способ забраться на какую-нибудь верхотуру, он жаждал с нее спуститься. Желательно, не с воплями и грохотом, свалившись вместе со стеклянным колпаком или водным резервуаром. Именно поэтому Брайан держался от потенциально опасных мест подальше, шагая возле кромки крыши. Он бы и к ней не приближался, но как иначе прикажете отыскать пожарную лестницу?

Предмет желаний Брайана обнаружился у восточного угла северной стены. Полноценную пожарную лестницу, обязанную соединять между собой все этажи, построить не успели. Ее заменял упрощенный вариант, то есть горизонтально расположенные прутья-ступеньки, приваренные к двум направляющим. Некогда такой путь как наверх, так и вниз вполне годился на какой-нибудь аварийный случай, но только не теперь. Мрачный донельзя, Брайан осветил фонариком отсутствующий сегмент длиной в полтора этажа, попутно обнаружив его валяющимся у фундамента. Типичный киногерой наверняка бы здесь спрыгнул, ухватившись в полете за верхнюю перекладину. Брайан не был самоубийцей. Жизненный опыт говорил, что скорость падающего тела не позво-

лит ему удержаться, как бы цепко ни схватились руки. Вместо захвата получится удар ладонями, который лишь отшвырнет его от лестницы, отправив в хаотичный полет до самой земли. Нет уж, пусть такой трюк проделывают кинорежиссеры.

Раздраженно плюнув вниз, Брайан обвел взглядом безучастный ко всему город. В теории, можно орать, размахивая фонариком, и звать на помощь. Сработает ли этот номер? Да почти наверняка, как почти наверняка придется расстаться и с золотом. Увесистый мешочек по-прежнему покоился за пазухой, напоминая ему, на кой ляд он во все это ввязался. Чокнутая в сером платье правильно все рассчитала! Брайан не станет апеллировать к посторонним, находясь в столь примечательной ситуации, ну а когда он покинет долгострой, то и звать кого-то на подмогу утратит всякий смысл. Стало быть, следует выбираться самому, и выбираться поскорее, пока не кончилась ночная смена. Развернувшись через плечо, Брайан едва не столкнулся с каким-то человеком, стоявшим за его спиной.

Фонарик выпал прежде, чем руки отпрянувшего Брайана бешено закружили в воздухе. Отчаянно пытаясь удержать равновесие, он зашатался на краю крыши, пугающе кренясь из стороны в сторону. Луч света, испускаемый фонариком, угас от удара при падении, и вокруг тут же сгустился сумрак. Черты неизвестного, возникшего будто призрак, теперь было совершенно не разобрать, но и за один яркий миг Брайан успел насмотреться вдоволь. Одетый в старомодный сюртук, мужчина в черном плаще и цилиндре протянул к нему одновременно раскидываемые ладони. Он словно собирался заключить его в объятия, отчего походил на готового впиться в жертву вампира. Брайан даже не осознал, от чего шарахнулся больше — этого внезапного движения или черных провалов глазниц, откуда сочились дорожки крови. Мельтеша руками, он сейчас думал лишь о хрупком мгновении, отделявшем жизнь на краю крыши от смертельного падения. Еще немного и… Согнувшись в три погибели, он сумел удержаться на ногах и наконец-то сделал порывистый шаг от судьбоносной кромки.

Мужчина в плаще исчез. Брайан обнаружил это сразу, едва поднял судорожно опущенную голову. Безмолвная фигура растворилась в полумраке точно так же, как и появилась. Тяжело дыша, он ощутил, как по спине скатываются крупные капли пота. Вероятно, он только что столкнулся с очередной иллюзией. Если бы этот человек хотел его убить, ему было бы достаточно толкнуть Брайана пальцем, отправив в полет навстречу земле. Тем не менее, он так не поступил, а лишь стоял в темноте, пока жертва балансировала между жизнью и смертью. Иллюзия на то и иллюзия,

чтобы пугать, но не прикасаться. Ведь чем еще мог быть мертвец с матово-белой кожей и отсутствующими глазами, как ни мастерски наведенной проекцией? Встопорщенные бакенбарды особенно подчеркивали жуткие кровавые провалы.

Мелко дрожа, Брайан нащупывал в темноте фонарик, прекрасно сознавая, что женщина в сером его сейчас едва не угробила. Наверняка именно она стояла за этой гнусной выходкой! Момент был рассчитан мастерски, причем без всякого физического контакта. Хлопая ладонью по битуму, Брайан все нашаривал и нашаривал пропажу, и вдруг заметил неподалеку какое-то свечение. Не то, зеленое, исходившее от прозрачного купола над двором, а вполне себе обычное, будто от электрической лампы. Во всяком случае, оно выглядело именно таковым, что подвигло Брайана, наконец-то подобравшего фонарик, пойти взглянуть на источник света.

Очередная конструктивная особенность долгостроя заключалась в расположении грузового лифта. Его шахта находилась не внутри здания, а снаружи, пристроенная к внешней стене. Кабина имела не одну, а две раздвижные двери, расположенные друг напротив друга. Это позволяло достичь погрузки напрямую со двора, где к лифту подъезжал бы транспорт. По ее окончании кабина поднималась бы на заданный этаж и распахивала дверь внутрь проходного помещения, осуществляя быструю и удобную доставку товаров. Изучив планы долгостроя, Брайан об этом знал, однако он и понятия не имел, что означенная шахта не пустовала. Более того, находилась в рабочем состоянии. В последнее пришлось поверить, когда обширная надстройка на крыше отворилась, едва он нажал на сиявшую кнопку вызова. Его глазам предстало внутреннее убранство кабины, залитое желтоватым светом.

После всех провокаций и голограмм Брайан и не подумал сунуться в лифт наобум. Вытянув ногу, он осторожно коснулся ботинком пола. Твердый! Странно… Сделав шаг, он повторил эксперимент, а затем проделал его снова и снова, пока не убедился, что кабина реальна и никуда не исчезает. Руки, ощупавшие обшивку стен, подтвердили поразительный факт. Было совершенно непостижимо, каким образом в долгострое обнаружился сложный функционирующий механизм, и где он, собственно, брал электричество. Разве что его установили совсем недавно, наконец-то сподобившись заняться ветшающим зданием, а в данный момент питание подавалось от аккумулятора. Эта версия выглядела достаточно правдоподобной, чтобы Брайан решился ее проверить. Вообще это была очень плохая идея — ехать на неизвестном лифте в таких странных и, прямо скажем, пугающих обстоятельствах, од-

нако винить его во вселенском кретинизме не приходилось. Во всяком случае, исключительно его одного, ибо множество людей на планете, не задумываясь, использовали бы лифт даже во время пожара, что несравнимо опаснее. Протянув руку, Брайан нажал на кнопку первого этажа. Дверь, чуть бряцая железом, неторопливо затворилась, и кабина, вздрогнув, неспешно пошла вниз.

Когда обрывается трос, защите требуется некоторое время на срабатывание. В этот момент кабина разгоняется, свободно падая в шахту. Промежуток, на котором такое происходит, считается самым критическим. Именно поэтому механическое средство безопасности несравнимо предпочтительнее электрического тормоза. Оно практически не способно выйти из строя и тем паче отключиться при исчезновении электроэнергии. Более того, оно в принципе не даст кабине разогнаться до опасной скорости. Едва будет пройден ее заданный порог, под направляющие вылетит клин, на который сорвавшийся лифт благополучно и наглухо сядет. Снять его оттуда станет той еще задачкой, но люди в кабине даже не пострадают.

Брайану не повезло. Модель, в которой он ехал, не оснащалась механикой, в соответствии, увы, с большинством мировых стандартов. Падать было недалеко, но и высоты всего в несколько этажей окажется достаточно, чтобы сломать кости и травмировать внутренние органы. К сожалению, он подумал об этом слишком поздно, став заложником ситуации. Вцепившись в горизонтальный поручень, Брайан слушал скрежет в шахте, сопровождавший опрометчивый спуск. Пение тросов и скрип вращавшихся механизмов заполонили все его сознание, практически оглушив. Тело напряглось, готовясь принять и распределить грядущий удар.

Дзинь! Кабина, достигнув заданного этажа, плавно остановилась и замерла. Над рядом пронумерованных кнопок зажглась красная цифра один. Драматичное падение, уже вовсю разрисованное фантазией пассажира, лишь фантазией и осталось. Не веря своему счастью, Брайан вдавил кнопку открытия внешней двери. Раздвижная конструкция даже не шелохнулась. Лифт честно доставил его вниз, не покалечив по пути, однако выпускать на улицу не собирался. Внутренняя дверь исправно работала, предлагая вернуться в заброшенное здание, но наружная оставалась непреодолимой железной стеной.

Деловито загудев, кабина поехала наверх. Выходить на первом этаже не имело ни малейшего смысла, равно как возвращаться на пятый и четвертый. Из второго и третьего Брайан без колебаний выбрал последний. Он был практически уверен, что ему и там не позволят вот так запросто добраться до заветного перехода

между зданиями, но попытка, как говорится, не пытка. Интересно, что произойдет на этот раз? Застрянет лифт или же дверь откроется в глухую стену? Пока кабина, стуча и потрескивая, неспешно поднималась, Брайан чего только не передумал, ожидая очередной каверзы.

Дзинь! На экране панели управления зажглась красная цифра три. Дверь поползла в сторону, а в лифт тут же повеяло холодом. Из раздавшегося проема хлынула зеленоватая поземка. Светя фонариком, Брайан настороженно поглядел в открывшееся помещение. Удивительно, но там не объявилось ничего необычного, кроме льющегося из коридора тумана. Тщательно прощупывая пол, он покинул лифт и двинулся через проходную комнату.

Ага! Вот и сюрприз! Ползущая у ног дымка равномерно подсвечивалась зеленым, за исключением нескольких участков. В них, заметно прибавляя в яркости, что-то подозрительно мерцало, сопровождаясь сухим треском. Под стопу подвернулось нечто круглое, упругое и длинное, похожее на лежавшую зигзагами змею. Брайан потыкал находку носком ботинка, а потом наклонился и ощупал ее пальцами. Всякие сомнения исчезли. Пол усеивали скрытые в тумане электрические кабели, наверняка запитанные оттуда, откуда и лифт, благо тянуть было недалеко. Чья-то добрая душа соорудила в них прорехи, чем и вызывалось характерное искрение. Без надлежащей изоляции прямой контакт с поврежденным проводом грозил ударом током предположительно небезопасной мощности.

Брайан утроил бдительность, ступая так, будто шел по тонкому льду поверх кислотного озера. Старательно глядя под ноги, он огибал все нестабильно светящиеся области, и это едва его не подвело. Сосредоточив внимание на полу, он чуть не проглядел подлинную опасность. Брайан почти вошел в дверной проем, когда в тот вдруг опало несколько крупных проводов. Он пригнулся на одних лишь рефлексах, сделав кувырок через голову. Протянувшись с потолка, кабели перекрыли весь проход до основания, шевелясь будто хищные лианы, но добыча уже ускользнула. Распрямившись, Брайан окинул электрические щупальца хмурым взглядом. Ему повезло дважды. Первый раз — избежать знакомства с искрившими электродами и второй — не угодить в яму, вполне способную раскинуться сразу за выходом из помещения.

Коридор, куда выкатился Брайан, встретил его густой, доходившей до колен дымкой, превращавшейся на западе в непроглядную завесу. Прежде это наблюдалось на четвертом этаже, а теперь, вероятно, из-за обилия жидкого азота распространилось и на третий. Морозило здесь знатно, и путь на запад был закрыт, да

только Брайан туда и не собирался. Стараясь не угодить в ловушку вроде ныне сокрытого туманом провала, он шажок за шажком стал смещаться на восток и потихоньку достиг стыка коридоров. Луч фонарика, горевший гораздо ярче, чем надежда, скользнул в южном направлении. Невероятно! Глухая стена, бетонный завал, противотанковые ежи и паутина колючей проволоки, убийственными кольцами раскинувшая свои нити — ничего этого не было! Не считая зеленоватого свечения, восточный коридор выглядел точно так же как и тогда, когда Брайан впервые явился в долгострой. От всколыхнувшегося возбуждения он едва не припустил бегом. Лишь опасение угодить в какой-нибудь капкан позволило ему сохранить благоразумие и пойти не спеша, соблюдая все меры предосторожности.

А вот и треклятая стена, неумолимо перекрывавшая дорогу. ПРЕЖДЕ неумолимо перекрывавшая дорогу! Не удержавшись, Брайан порывистым движением предъявил ей средний палец. Всеми своими красными кирпичами стена теперь была ПОСЛЕ Т-образного перекрестка, а не ДО. Предательский туман остался позади, поэтому Брайан без задержки миновал то место, где впервые повстречал незнакомку, и ринулся к выходу. Из-за всего пережитого он уже и не помнил, прикрывал дверь в переход или нет, но от отвешенного ей пинка она распахнулась без всяких капризов. Сам переход Брайан миновал подобно дорожному катку, спущенному с горки. Попадись ему кто сейчас на пути — он снес бы его словно тростинку.

В фойе третьего этажа царил неизменный мрак, куда Брайан вылетел как ошпаренный. Теперь он воспринимал его едва ли не с симпатией. Кабы тот имел осязаемую форму, он бы даже полез его расцеловать, ибо зеленоватое свечение, как-то уж слишком возросшее под конец злоключений в долгострое, отныне было позади. Захлопнув железную дверь, Брайан стянул ее стальной цепью и замкнул на кодовый замок. Со щелчком его толстой дужки он испытал невыразимое облегчение. Кончено! Что бы ни творилось там, в заброшенном здании, пусть теперь оно катится ко всем чертям! Отныне единственной заботой Брайана становилась сохранность мешочка с золотом — его честно выстраданная добыча. Ямы, убийственный хлад, гниющие трупы и прочие невменяемые прелести шоу оставались на совести его организаторов. Кем бы они ни были, Брайан не желал их видеть, даже если те явятся поздравить его с победой.

— Накося выкуси! — воскликнул он, сделав неприличный жест в сторону перехода.

В ответ внезапно донесся язвительный смех. Тот самый, слышан-

ный уже дважды, а теперь ставший еще более раскатистым и зловещим. Брайан обеспокоился. Он вроде как выполнил условия странного уговора и выбрался из долгостроя, так с чего бы ненормальной дамочке веселиться? Вероятно, потому что ненормальная.
— Можете хохотать сколько влезет! Золото у меня, а вами займется полиция! — запальчиво бросил он.
Тем не менее, эмоциональный подъем испарился. Брайан поспешил ретироваться, ибо эхом звучавший смех ему решительно не нравился. К тому же и упоминание полиции было для красного словца. Он еще не решил, как извернуться таким образом, чтобы и себя прикрыть, и с золотом не расстаться. Объяснить пропущенный обход, не состоявшийся в два часа ночи, представлялось куда проще, нежели плутания по заброшенному корпусу, не говоря уже о причинах самого визита туда. Так может, полицию все-таки не вызывать?.. Да, но если не вызвать, то ну как это позже выйдет боком? Сейчас Брайан — свидетель, однако замалчивание истории с трупами способно сделать из него пассивного соучастника. Рисковать жизнью за золото — его личное дело, грозившее, как максимум, увольнением за несанкционированное проникновение на закрытый объект. Вот не сообщить, куда следует, о человеческих телах — вполне тянуло на уголовную ответственность. Обуреваемый сомнениями, Брайан вошел в комнату охраны, сосредоточенно гадая, как ему лучше поступить. Лоб он морщил зря, поскольку кто-то уже сделал выбор за него.

Городской телефон молчал. Смартфон Брайана, правда, тоже давно отключился, но в нем мог сдохнуть аккумулятор, а женщина в долгострое — использовать глушилку. В отличие от этих банальностей, отсутствие сигнала в проводной линии наводило на очень тревожные размышления. Если кто-то намеренно вывел связь из строя, дальнейшее развитие событий могло предполагать устранение свидетеля. Так и не сгинув в убийственных ловушках, тот спутал безумным шоуменам все карты, а в подобных случаях принято запускать план "B". Конечно, отказ городского телефона способен произойти и по чистой случайности, не имеющей отношения к происходящему, однако вряд ли по той же случайности телевизор теперь показывал только белый шум. Да, камеры видеонаблюдения транслировали картинки вполне исправно, но ведь оно было локальным. А вот глобальная сеть исчезла! Компьютер, где велся электронный журнал, сообщал о потере подключения к интернету.

Закусив губу, Брайан оценивал ситуацию. Похоже, лучше бы ему вообще убраться из здания, а потом все-таки вызвать полицию из ближайшей телефонной будки. Ну или хотя бы проверить, есть связь в каких-нибудь других помещениях, или нет. Если нет

— не геройствовать, а уносить отсюда ноги и звонить копам, пусть даже придется расстаться с золотом!

Звук, раздавшийся за спиной, произвел на Брайана впечатление сродни бабахнувшей пушке. Между тем это всего лишь заиграла тихая музыка, старомодная, но вполне приятная. Мелодия лилась из старенького, стоявшего на подоконнике радиоприемника. Им давно не пользовались, перейдя на телевизор, смартфоны и планшеты, но архаичная техника была вполне исправна. Только странно, где ее расставленные усы-антенны выловили в эфире устаревшее аналоговое вещание, а еще страннее — как она вдруг сама включилась? Обернувшись, именно это Брайан и собирался выяснить, как вдруг, изменившись в лице, начисто забыл про ожившее радио. В кресле напротив телевизора кто-то сидел.

Отставной сержант был мужественным человеком, но все эти внезапные появления подвергли его нервную систему серьезному испытанию. Незнакомец, объявившийся невесть откуда в лучших традициях долгостроя, напрашивался на трепку. Брайан уже собрался ее задать, как вдруг опустил кулак, отметив в незваном госте нечто очень знакомое. Сухощавый седовласый мужчина, навскидку лет шестидесяти, был одет в такую же форму, как и сам Брайан, разве чуть иного покроя. Он выглядел вполне нормально — не чета хохочущей дамочке с ее безглазым сообщником, — отчего с силовыми мерами, пожалуй, можно было повременить. Его руки спокойно лежали на подлокотниках, а гладко выбритое лицо не выражало ни насмешки, ни злобы. Весь его облик не источал ни малейшей угрозы, отчего Брайан окончательно решил воздержаться от немедленного нападения.

— Вы кто?! — грянул он твердо, но без грубости.

— Я такой же охранник, как и вы, — послышался сдержанный ответ.

Послышался самым обычным голосом, без всякой примеси сюрреализма. Услышав его интонации, Брайан несколько успокоился. В противном случае, начни незнакомец соответствовать декорациям долгостроя, цивилизованный разговор на том бы и закончился.

— А, вы из другой смены? — сообразив, о чем речь, быстро уточнил он.

Он ведь еще ни разу не видел другого сотрудника, дежурившего в ночь на среду и воскресенье. Учитывая график, они никогда не пересекались.

— Нет, я работал здесь до вас, — пояснил седовласый мужчина.

— Вот как? — озадаченно произнес Брайан. — А-а! Вы, должно быть, один из двух уволившихся охранников, из-за которых мне и

предложили пятидневку! — тут же воскликнул он, осененный простой догадкой. — Милейший, вы понимаете, что ваше присутствие тут подозрительно и незаконно? — добавил он, смерив собеседника взглядом. — Как вы сюда попали?
— Куда важнее, как сюда попали ВЫ, — странным тоном изрек пожилой коллега.
— В отличие от вас, я сейчас исполняю служебные обязанности! — нахмурился Брайан, сбитый с толку словами неурочного визитера.
— Это в долгострое что ли? — усмехнулся седовласый, чем основательно его смутил. — Нет, я не из числа тех двоих, — качнул он головой. — Прежде чем туда соваться, вы не попытались выяснить, что стало с вашими предшественниками?
— Вообще-то пытался, — еще больше смутился Брайан, ничуть не лукавя. — Жена одного сказала, что ее муж лежит в больнице с хроническим заболеванием. Другого я тоже не застал — его семья куда-то переехала.
— Понятно, — губы седовласого тронула невеселая улыбка.
Он повернулся к Брайану. Тот на мгновение напрягся, но узрел не перекошенную морду монстра, а вполне спокойное лицо, разве только хранившее печать некой потаенной печали.
— Стало быть, вы не в курсе, что больница, упомянутая женой первого — клиника для умалишенных. Семья же второго переехала после его смерти, произошедшей при загадочных обстоятельствах, — негромко сообщил назвавшийся предшественником.
От такой информации Брайан несколько опешил, однако, поразмыслив, задал вполне резонный вопрос: какое, собственно, отношение это имеет непосредственно к нему?
— Самое прямое, — очень серьезно произнес седовласый. — Они, как и вы, взяли золото.
— Какое еще золото? — прищурившись, недружелюбно осведомился Брайан.
— То, что спрятано у вас за пазухой, — спокойно пояснил коллега.
— Правда, у вас там его целый кошель, а те двое ограничились несколькими найденными монетами. Зайти дальше им не позволил страх. Не все ведь смелые, как вы. Она таких любит и всячески заманивает.
— Кто — она? — упавшим голосом выдавил Брайан.
— Та, кто затеяла с вами эту игру, — раздался ничуть не воодушевляющий ответ.
— Вы знаете про игру? — Брайан вконец растерялся, не зная что и думать.
— Конечно. Я сам в ней участвовал, — пожал плечами седовласый.
— Собственно, потому я здесь с вами и разговариваю. Просто я не

зашел так далеко, как вы. По правде говоря, так далеко еще никто не заходил. Она специально дала вам передышку, решив подольше растянуть удовольствие.
— О чем вы говорите?! — брови Брайана полезли вверх. — Игра закончилась, когда я убрался из долгостроя!
— Нет. Игра закончится, когда вы УБЕРЕТЕСЬ из долгостроя, — возразил предшественник. — Она развлекается с вами как кошка с мышкой.
— Что за ерунду вы несете?! — запутался отставной сержант. — Я выполнил условие ее безумного контракта! Все! Точка! Кстати, кто эта ОНА, о которой вы все время твердите? Если уж вы так осведомлены, поведайте мне о ней!
— Женщину, с которой вы свели столь необычное знакомство, зовут Кэролайн Битц, — как-то невесело изрек ночной гость. — Она заправляла казино, стоявшим здесь в конце девятнадцатого и начале двадцатого века.
— Чего?! — вытаращился Брайан. — Вы ничего не попутали?! Какое начало двадцатого века?! Она бы давно умерла!
— Она давно и мертва, — спокойно сказал предшественник. — С тех самых пор, как ее казино обратили в руины.
В голове у Брайана зашумело. Разинув рот, он силился переварить услышанное, слишком невероятное даже после всего недавно пережитого.
— Бред! — наконец бросил он, вложив в этот вызов все противоборство здравого смысла с жутковатыми сомнениями. — Вы несете ахинею! Это всего лишь мастерские трюки, пусть и поставленные сумасшедшими, а вы, пытаясь меня запугать, с ними явно в сговоре! Кстати, вы сами до сих пор не представились! Как вас величать, милейший?!
— Мое имя сейчас не имеет значения. А вам же хуже, если вы отказываетесь верить, что имеете дело с самыми настоящими призраками. И призраками очень недобрыми, — веско изрек коллега.
— Призраками? — невольно переспросил Брайан, уловив множественное число.
— Именно так, — кивнул седовласый. — Их здесь больше, чем вам хотелось бы. Помимо нее, с одним из них вы уже имели удовольствие повидаться на крыше. Безглазый мужчина в цилиндре — это Леонард Битц, покойный супруг Кэролайн. Официально игорный дом принадлежал ему, поскольку в тогдашние времена с правами у женщин было туговато, но по факту всем заправляла его жена. И заправляет до сих пор. Призраки, до поры, не могли навредить вам напрямую, поэтому использовали психологические эффекты и физику окружающего мира, подстроенную должным образом.

Голова у Брайана пошла кругом. Он практически не употреблял алкоголь, но сейчас ощутил острое желание выпить. Его глаза непроизвольно забегали по комнате, словно выискивали где бы раздобыть спиртное.
— Нажмите вон там, под старой розеткой, — угадав его желание, кивнул собеседник.
Брайан послушался и в футе от пола обнаружил тайник, скрытый за съемной панелью. Внутри небольшой полости, изрядно затянутой паутиной, стояла початая бутылка.
— Это моя старая заначка. Официально ведь такое на работе держать нельзя. Пейте смело, не отравитесь, — любезно предложил предшественник.
Потянув носом у откупоренного горлышка, Брайан почуял запах виски, на поверку оказавшегося весьма недурным, когда он залпом проглотил полстакана.
— Допустим — ДОПУСТИМ! — я на минутку поверю в эту ерунду с привидениями, — в его словах, обращенных к коллеге, слышалось неприкрытое смятение. — Но почему они тут появляются? И что им, собственно, надо?
— С неупокоенными духами всегда так. А нужно им то же, что и прежде — игра, только теперь проигрыш в ней всегда означает смерть, — как-то бесцветно молвил ночной гость.
Брайан припомнил девиз на полотнище и плеснул себе новую порцию виски. С отираемых губ уже срывался очередной вопрос, но предшественник остановил его взмахом ладони.
— Не перебивайте! Теперь вы настроены меня выслушать, так выслушайте, пока еще не слишком поздно, — сказал он, словно к чему-то прислушиваясь.

* * *

Никто толком не помнил, когда именно в этих краях объявилась Кэролайн и откуда она родом. Молва о ней пошла лишь тогда, когда она вышла замуж за Леонарда Битца, владельца игорного дома, и быстро превратила захудалое предприятие в процветающее заведение. Ее деловая хватка поистине впечатляла тех, кто был с ней знаком. От природы миловидная, она умела расположить к себе влиятельных людей, используя их затем в лучших традициях расчетливого дельца. Злые языки поговаривали, что Кэролайн пускала в ход не только прекрасную риторику и хорошие манеры. Речь, само собой, шла не об одном лишь золоте, однако ее муж игнорировал подобные разговоры. Игорный дом, как по волшебству ставший полноценным казино, невиданно преобразился.

Народ валом валил, отчего Леонард вскоре основательно разбогател. В своей жене он души не чаял и полностью ей подчинялся, поэтому заведомо прощал все, что шло на пользу делу. А оно еще как шло!

Казино стало известно далеко за пределами округи. Посетителей прибавлялось из года в год, а это прибавляло монет в мошне его хозяев. Супружеская чета процветала, и лично Леонард на том бы и остановился, но Кэролайн все казалось мало. Мало не столько денег, сколько возможностей. Стихия азарта, насыщенная кипящими людскими пороками, была ее стихией. Она желала повелевать ей и жаждала не столько богатства, сколько власти, которое приносит золото и управление человеческими страстями. Власти над алчными сердцами; над теми, кто не может удержаться даже от самого безрассудного риска. Но эту женщину интересовали не только прожженные игроки — верные подданные ее дворца фортуны. Кэролайн обожала заманивать в свое заведение неиспорченные души и развращать их стуком катящихся костей, шальными картами и бегом колеса рулетки, провоцируя в погоне за удачей терять не только последние деньги, но и нечто более ценное. Ее белое платье нередко мелькало возле новичков, иные из которых никогда не переступили бы порог казино без любезного внимания его хозяйки. Облюбовав очередную жертву, Кэролайн занималась ею лично, умело ведя беседу и соблазняя бесплатными фишками с льготным периодом игры. Ее глаза, блестевшие под вуалью, разгорались по мере того, как разгоралось пламя азарта в сердце очередного гостя. И многих это пламя пожирало без остатка. Нередко посетители казино кончали жизнь самоубийством, порой прямо в его стенах, но это не губило репутацию ни заведения, ни его владелицы, даже когда дело касалось несовершеннолетних. Муниципалитет и полиция, щедро обласканные Кэролайн, не давали подобным историям раздуться до уровня скандала. Сама же владелица искусно подогревала ажиотаж игроков, до которых доходили различные сомнительные россказни. Мол, фортуна любит храбрых, а трусов презирает. Рискующий да обретет богатство, а уж кому на роду написано быть неудачником, тому револьверная пуля — заслуженная награда. Кто бы знал, что однажды ее лозунги не только воплотятся в эмблеме казино, но и станут своеобразной игрой для любителей особо острых ощущений…

Всему наступает предел. Наступил он и развитию казино Кэролайн, получившему широкую известность под вывеской "Golden pellet". Уровень его популярности зависел от количества клиентуры, а та была физически ограничена рядом обстоятельств, как территориальных, так и условных. Без каких-то уникальных осо-

бенностей Кэролайн не могла конкурировать с гигантами игровой индустрии. Междугородние и международные ловцы удачи ехали в другие заведения.

Кэролайн из кожи вон лезла, чтобы повысить привлекательность своего детища. Она тщательно рассчитала ставки, возвращавшие клиентам немало денег и создававшие иллюзию постоянного выигрыша. Карманы гостей опустошались так ловко и незаметно, что среди сияющих огней те проводили долгие часы, а то и дни. Однако математика, хорошо знакомая этой умной и жесткой женщине, была неумолима. Чем значительнее оборот казино, тем больше его хозяин может позволить себе обратную отдачу. Кэролайн приблизилась к цифрам корифеев игорного бизнеса, но превзойти их не получалось, в том числе за счет внешнего лоска. Она ведь не скупилась на роскошное убранство, в котором вершилась удача. Спиртное реками текло в бокалы клиентов. В хмельном веселье играла заводная живая музыка и кружили юбками задорные танцовщицы. Очаровательные куртизанки, подчеркнуто не имевшие ничего общего с типичными ночными бабочками, обольщали посетителей, а VIP-ы с превеликим удовольствием проводили время в их компании и пользовались особой благосклонностью. Все это, несомненно, существенно прибавляло весу и популярности заведению Кэролайн, но все же не удовлетворяло ее амбиций. Те продолжали расти еще сильнее, чем азарт самых отчаянных игроков.

Трудно сказать, кому больше понравилась идея с золотыми монетами — посетителям казино или его хозяйке. Интерес к одноруким бандитам, обычно не пользующимся спросом у серьезных искателей удачи, резко вырос. В автоматы произвольным образом загружалось несколько жетонов обычной чеканки, но выполненных из драгоценного металла. Таким образом, даже самая простая выигрышная комбинация могла подарить любому гостю увесистую награду. Тот мог оставить золото себе, обменяв в кассе на наличность или даже унеся прочь, а мог использовать для особой игры, куда допускались только обладатели этих жетонов. Ставки в ней были очень высоки, как высок и главный приз. Случаи самоубийства резко участились, но взятки и обилие удовольствий крепко держали власть предержащих на крючке у деловой женщины. Сам начальник полиции минимум трижды проигрывался в пух и прах, однако каждый раз восставал из пепла, снабженный щедрыми и беспроцентными ссудами казино, о которых впоследствии все как-то забывали.

Кэролайн играла честно. В противном случае отсутствовал бы всякий азарт, а соответственно и смысл. Да, она могла подтолк-

нуть или спровоцировать кого-нибудь к определенным действиям, но никогда не жульничала и всегда давала возможность выиграть. Пусть даже маленькую, но вполне реальную. Это касалось и облюбованных ей посетителей, в основном из неимущих слоев населения. Кэролайн устраивала так, чтобы золотой жетон попадал им в руки чаще других гостей, не обязательно через однорукого бандита. Некоторых она заманивала специально, особенно наслаждаясь процессом совращения честного человека. Искусно раздуваемая ей алчность обычно приносила плоды. Немногие уходили с малой толикой в кармане, возжелав обрести большее. Те же, кто все-таки срывал банк, практически всегда возвращались, порабощенные азартом и жаждой легкой наживы. Поначалу в таком круговороте в казино оседали только деньги. Затем там стали оседать и жизни.

Не Кэролайн придумала русскую рулетку, ставшую эмблемой заведения наравне с классической, однако она устроила ее по-своему. Ловцы удачи, жаждавшие наиболее острых ощущений, стекались к ней как мотыльки на огонь, прослышав о щекочущих нервы предложениях. Вывеска "Golden pellet" стала олицетворять игру слов, ибо одно и то же существительное, изначально подразумевавшее рулеточный шарик, означало также и пулю, отображенную внутри револьверного барабана. Золотой пулей он и заряжался. Ставки зависели от количества выстрелов, производимых после его продолжительной раскрутки. Совершал ли ее игрок всякий раз или нажимал на курок подряд — с точки зрения вероятности шансов не меняло, хотя Кэролайн позволяла ставить и на это. А ставки были огромными! Рискуя головой, многие швыряли на кон целые состояния. В известном смысле, сидящие за карточным столом распределяют свои деньги друг между другом, отдавая некоторую часть казино. С "Золотой пулей" происходило примерно то же, только сумма на кону имела совсем иной порядок, а проигравший расставался с жизнью. Роковой выстрел выдавали за самоубийство, благо что все именно так и выглядело, а от тела умело и оперативно избавлялись, пользуясь попустительством властей.

Затея Кэролайн имела немалый успех, однако она отлично умела считать и понимала, что постоянные и состоятельные клиенты не должны себя перебить, как бы им того ни хотелось. Тогда-то она и стала заманивать неимущих не только для собственного развлечения, но и в качестве участников смертоносной лотереи.

Члены тайного клуба Кэролайн оценили нововведение. Они по-прежнему то и дело рисковали своими жизнями, однако теперь сплошь и рядом ставили на жизни чужие. Бедняк, обрадованный золотой монете, приглашался в особую часть казино, где получал

редчайшую возможность обрести очень много денег, если принимал предлагаемый ему договор. Нищие обычно соглашались без раздумий. Семейные люди, как правило, тоже не отказывались от шанса избавить родных от нужды. Кэролайн умела найти подход к своим жертвам. Коварными, исполненными посулов речами она соблазняла даже наиболее стойких. Ее ядовитые уста предлагали заманчивые условия. Даже если игрок погибал, монета, с которой он пришел, впоследствии передавалась его семье деньгами или в неизменном виде. Передаваться могла и часть несостоявшегося выигрыша, в соответствии с принятой системой ставок. Допустим, при своеобразной "страховке" жертва получила бы всего половину главного приза, зато при роковом выстреле наследникам полагалась и четверть суммы за каждый холостой щелчок.

Слухи о заведении Кэролайн достигали все новых ушей. Сарафанное радио разносило их в такие края, о которых не каждый и слыхал. Благодаря ему, клиенты ехали к ней с разных концов страны и даже из-за ее пределов. В определенных кругах она обрела немалую популярность, а ее казино, получив источник дополнительного дохода, расширилось и вышло на новый уровень. Кэролайн отлично умела считать, и богатство четы Битц стало поистине несметным. К сожалению для деловой дамы, та же математика работала против нее. Золото, замешанное на крови, не могло бесконечно оставаться незамеченным. К тому времени, как скандальные истории просочились далеко за пределы округа, а распространение сплетен обрело неконтролируемый характер, казино предлагало не только услуги русской рулетки. Слово "pellet" зазвучало и в третьем значении. Одна из пилюль, принятая игроком или игроками, убивала жертву наповал, после чего между остальными распределялся выигрыш. Особый шарм действу придавал изысканный ужин, организованный по всем правилам высшего общества. Последний бокал, неизменно поднятый за удачу, валил бездыханным одного из гостей, часто под звук аплодисментов остальных. Страсти Кэролайн, вконец разошедшейся со своими смертельными играми, заразили столько людей, что постоянные клиенты превратились в каких-то чудовищ, рукоплещущих убийству себе подобных. В чудовищ они впоследствии и обратились, когда кровавое казино постигла вполне заслуженная участь.

Роковой вехой стала кончина известного миллионера, чьи наследники добились возбуждения дела на федеральном уровне. Благодаря связям и состоянию Кэролайн его бы, как обычно, спустили на тормозах, а адвокаты договорились о примирении сторон. Семья-то вряд ли захотела бы публичного разглашения пристрастий их любимого родственника и последующего позора. Вот толь-

ко в процессе расследования внезапно вскрылось столько смертей, что у людей прокурора волосы встали дыбом. Особенно когда они уяснили, что чета Битц давно избавляется не только от тел клиентов, но и государственных служащих, грозивших ей разоблачением. И избавляется с поистине впечатляющим масштабом.

Над Кэролайн сгустились грозовые тучи, но она все еще могла уладить дело и тихо исчезнуть со сцены. Однако не с натурой этой порочной женщины, вконец растворившей душу в пламени неугасимого азарта, было поступать подобным образом. Она ввязалась в самую большую и опасную игру в своей жизни. Казино по-прежнему сияло огнями как ни в чем не бывало. Многочисленные гости продолжали удовлетворять свои желания, пока отлично оплачиваемые адвокаты работали одновременно с еще более щедро вознаграждаемыми бандитами. С иными людьми Кэролайн договаривалась. С кем не могла договориться — того шантажировала. Кого не удавалось взять шантажом, того попросту убирали. Но женщина, любившая носить белое платье и вуаль, под которой она прятала горевшие страстями глаза, переоценила свои силы. Поражение было тем более оглушительным, чем больше оказалось поставлено на кон. Чиновники уже не могли сдержать скандал, к тому моменту просочившийся в прессу. А тогда заработали колеса неумолимой государственной машины. Прежде крутясь вхолостую, теперь они стремились побыстрее перемолоть ту, от которой, обеляя себя, многие спешили избавиться.

Местные власти не рискнули арестовать Кэролайн. К тому же половина из них сама находилась под следствием, поэтому к "Золотой пуле" прибыл внушительный отряд федеральных сил. Кэролайн все еще могла сбежать, но она не приняла такого позора, как и не собиралась отдавать себя в руки закона. Отчаянные головорезы, состоявшие у нее на службе и преклонявшиеся перед своей госпожой, открыли по стражам правопорядка ураганный огонь. В тот день полегло столько законников, что об этом запретили сообщать в печати.

Казино Кэролайн, превращенное в настоящую крепость, продержалось тринадцать дней. Ровно столько понадобилось властям, чтобы стянуть к нему превосходящие силы. Головорезы, которым нечего было терять кроме электрического стула, отстреливались до последнего. Они отбивали приступ за приступом, однако штурмовые отряды все-таки продвигались. Дворец азарта залила кровь, вытекавшая за порог и журчавшая по улице широкими ручьями. И даже когда последний бандит рухнул бездыханным, она продолжала проливаться. Один из этажей казино был превращен в настоящий лабиринт, изобилующий смертельными ловушками. В

нем погибло дюжины две штурмующих, прежде чем им дали приказ отступить. Власти послали в здание опытных специалистов, которым вменялось найти и обезвредить все убийственные механизмы. Но и от этой затеи пришлось отказаться, когда из "Золотой пули" один за другим стали выносить их трупы. Тогда и было принято радикальное решение — снести проклятое заведение к чертовой матери.

Оцепление сняли лишь тогда, когда последняя балка упала на груду обломков, в которые обратилось казино Кэролайн. Саму же ее так и не нашли. Нашли лишь ее мужа Леонарда, и то не федералы, а простые люди. Он пытался удрать из города и попал в руки тех, чьи родные сложили головы в злодейских играх его жены.

— Не я это придумал! — кричал избиваемый Леонард.

— Но и тебе придется держать ответ, кровавый мистер Битц! — ревели разъяренные горожане.

— Я ничего не делал! — вопил, извиваясь, супруг Кэролайн.

— А, ты только молча смотрел что творит твоя жена?! — неистовствовали люди. — Ну так больше ты ничего не увидишь!

Обуянные яростью, они вырвали пленнику глаза. Истекавшему кровью, ему набросили на шею веревку и столкнули с крыши. Среди линчевателей не было профессионального палача, поэтому они не рассчитали силы удара. Рывком затянувшаяся петля оторвала Леонарду голову, покатившуюся по земле возле грузно упавшего тела. Толпа на этом не успокоилась. Подхватив труп, она протащила его по улице и швырнула на руины казино. Полиция не вмешивалась, опасаясь народного гнева. Однако растерзанного мужчину и впрямь не стоило жалеть. Да, своими руками он никого не убил, однако всецело повиновался жене и выполнял все ее распоряжения до последнего.

Учитывая масштабы вопиющей трагедии, власти запретили о ней упоминать на государственном уровне. Таким образом, за пределами округа история о "Золотой пуле" вскоре забылась, сохранившись лишь в преданиях местных жителей.

На месте снесенного здания долгое время был пустырь. Никто не хотел связываться с землей имевшей столь дурную славу. Сменилось целое поколение, прежде чем там возникли различные мастерские и прочие нежилые строения. Однако их владельцы не процветали. Не успев освоиться, они спешили избавиться от своей собственности, а постройки пустели и забрасывались. Процент смертей и несчастных случаев здесь был подозрительно высок. Работа не ладилась, а клиентура обходила квартал стороной. Поговаривали, что по ночам здесь появляются призраки, и ничего хорошего от них не жди, особенно если во тьме слышны удары колоко-

ла. Когда-то он задорно звонил над казино по случаю крупного выигрыша, но отныне его похоронный бой предвещал какое-нибудь несчастье.

В конце концов, район вновь опустел, и все строения снесли. Ушло еще одно поколение, и когда трагедия прошлого окончательно забылась, стертая поступью надвигавшегося двадцать первого века, в квартале возвели несколько больших коммерческих зданий. Через улицу от них выросли новенькие жилые дома. С тех пор уже никто не вспоминал ни о "Золотой пуле", ни о Кэролайн Битц. И совершенно напрасно, поскольку призрак этой женщины и поныне играет в свои страшные игры, втягивая в них неосторожных людей.

Услышь Брайан это повествование в другое время и при других обстоятельствах, он бы решил, что его дешево и безвкусно разыгрывают. Да что там — он бы даже не дослушал его до конца. Теперь же его мысли текли на иной лад. Когда пожилой охранник умолк, некоторое время молчал и он. Затем у него сформировался ряд вопросов.

— Нет, Кэролайн, как и другие призраки, не может покинуть долгострой. Она лишь заманивает туда людей, но сама последовать за ними не в состоянии, — ответил седовласый к великому облегчению Брайана.

Тот, кстати, отнюдь неспроста будто невзначай дотронулся до плеча рассказчика, когда прошел мимо за какой-то надобностью. Прикосновение убедило, что он имеет дело отнюдь не с привидением, ибо сейчас это считалось очень логичным допущением.

— Но при чем тут треклятый долгострой? — недоумевал Брайан, пытаясь сложить в голове сверхъестественную мозаику.

— А куда, как вы думаете, подевалась миссис Битц? — вопросом на вопрос ответил коллега.

Брайан, само собой, понятия не имел, и изъявил желание узнать детали.

Под казино был не только обычный подвал, но и секретный. Там и укрылась Кэролайн, не желавшая покидать свой храм алчности и азарта. Там она и умерла, погребенная под руинами снесенного здания. Когда завалы разобрали, разобрали и верхний подвал, после чего засыпали его остатки землей. Потайной же так и остался в глубине, став склепом для кровавой жрицы фортуны. Ее тело лежало в нем долгие годы. Тлело в окружении несметных богатств, нажитых на человеческих страстях. Мешки ассигнаций соседствовали с драгоценными камнями и ювелирными изделиями, а груды золотых монет стали ложем для покойницы в белом платье. Ни один луч света не проникал в забытое всеми хранили-

ще, и никто его не тревожил до тех пор, пока однажды туда не вбили длинные двойные сваи. По соседству с уже существующим начали строить новое здание, намереваясь соединить их специальным переходом. Проникнув в могилу Кэролайн, сваи физически связали ее с возводимым объектом. Неупокоенный дух, доселе лишь изредка появлявшийся на поверхности, стал обретать новую силу. Фактически тогда же вполне ударная стройка превратилась в долгострой.

Несчастные случаи следовали один за другим. Люди болели, умирали или сбегали куда глаза глядят. Поползли слухи о чертовщине, решительно и без обиняков пресекаемые руководствами компании-владельца и компании-подрядчика. Менялись архитекторы, рабочие и прочий персонал, отчего дело двигалось, хотя и довольно медленно. Строительство вошло в финальную фазу, и на горизонте замаячила сдача объекта, когда призрак Кэролайн, подпитанный новыми смертями, окончательно освоился в долгострое. Произошла череда настолько подозрительных происшествий, что полиция инициировала расследование, а власти, в конце концов, наложили запрет на ввод здания в эксплуатацию. С тех пор компании-владельцу так и не удалось его снять, а долгострой постепенно ветшает, периодически унося все новые жизни. Разумеется, именно на аварийность администрация и списывает любые сомнительные инциденты, не желая слышать суеверные байки о привидениях. Распространяющие их сотрудники вылетают с работы без выходного пособия, а прочим настоятельно рекомендуется воздержаться от детских небылиц про чертей и иже с ними.

Брайан тихо присвистнул. Теперь вся история окончательно обрела внятную форму, будто слепленная на каркасе скульптура.

— Ни за что бы не поверил, кабы не видел эту женщину и ее казино собственными глазами, — пробормотал он, отирая ладонями лицо.

— Вы и сейчас не до конца верите — я это чувствую, — заметил коллега. — Но лучше бы вам поверить поскорее. До сих пор вас спасал именно ваш твердолобый материализм. Вы не боялись там, где следовало бы, и спокойно преодолевали препятствия способные ужаснуть и убить суеверного человека. Потому вы и зашли так далеко. Вы понравились Кэролайн, отчего, повторюсь, она позволила вам передышку, желая растянуть удовольствие. Однако теперь все иначе. Теперь ваше преимущество становится вашим недостатком и погубит вас, если вы продолжите отрицать очевидное.

— С чего бы вдруг? Сейчас это совершенно не важно, игра-то закончена! — пожал плечами Брайан.

— Вы ошибаетесь, — спокойно произнес предшественник.
— Я выполнил условие уговора, а вы сами сказали, что она не жульничает! — вспылил отставной сержант.
— Все верно, — кивнул седовласый. — Только вот вы его не выполнили.
Брайан часто-часто заморгал, не понимая, в чем кроется подвох. Он хотел бросить резкость, однако сообразил, что просветивший его собеседник просто так ничего говорить не будет.
— Скажите, как вы сюда пришли? — внезапно спросил коллега.
— Так же, как и ушел, — озадаченно наморщил лоб Брайан.
— Точнее! — проявил настойчивость ночной гость.
— Да черт вас побери! Я вернулся через переход на третьем этаже! Как же еще?! — воскликнул Брайан.
— А на третий этаж вы как попали? — вкрадчиво осведомился седовласый.
— Приехал на грузовом лифте. На выходе меня чуть не шарахнуло током, но, как видите, обошлось, — буркнул отставной сержант.
— А вам не показалось странным посреди всеобщей разрухи наткнуться на исправно работающий лифт? — усмехнулся предшественник.
Да, положа руку на сердце, Брайану именно так и показалось, однако тогда он удовлетворился вполне рациональным объяснением. К его величайшему смятению, у полуночного рассказчика имелось совсем другое.
— Она нарочно подсунула вам этот лифт, — очень серьезным тоном изрек тот. — Вы приехали не на третий этаж, а на четвертый. И именно на четвертом этаже вы воспользовались переходом.
— Не может быть! Там же нет никакой двери, и никогда не было! — выпалил Брайан.
— Вот именно, — выразительно произнес пожилой охранник.
Отставной сержант застыл с приоткрытым ртом, пытаясь уразуметь, что бы это значило. Следующие слова ночного гостя прозвучали не лучше похоронного звона:
— Вы все еще в игре, Брайан. И сейчас она вступает совсем в другую фазу.

– 3 –

У Брайана нашлось бы что возразить. Лихорадочно размышляя, он искал правдоподобное объяснение совсем уж безумным речам коллеги. Искал даже сейчас, когда всерьез допускал чертовщину с привидениями. Он открыл было рот, чтобы выразить свои взгляды на происходящее, однако те так и остались у него на

языке. По зданию прокатился гулкий и тоскливый удар колокола. Звуча вновь и вновь, он проникал сквозь стены и перекрытия, насыщал пространство от пола до потолка, наполнял уши и могильным хладом бил прямо в дрогнувшее сердце.
— По ко-о-о-о-о-о-ом зво-ни-и-и-и-и-и-и-ит ко-о-о-о-ло-ко-о-о-о-о-о-о-ол, — зашелестел, заметался в ночи пугающе громкий шепот.
Брайан побледнел. Похоронный звон, явно набрав силу, протяжно гудел, а шепот все повторялся и повторялся, то повышая тональность, а то скатываясь к шипению. Когда оба стихли, где-то вдали раздался тот же язвительный и раскатистый хохот.
— Началось, — констатировал седовласый.
— Что началось? — сипловато осведомился Брайан.
— Колокол отбивает не время суток, как вам могло показаться. Он зовет нового игрока в ту минуту, когда восстает дух Кэролайн. А потом бьет по тринадцать ударов на каждом этапе игры. И та сейчас продолжится. Теперь они не станут дожидаться, когда вы куда-то пойдете — теперь они сами идут к вам, — пояснил предшественник.
— Сюда никто не войдет, если я забаррикадирую дверь! — озираясь, выпалил Брайан.
— Да, идея неплоха, если вы ищете надежный способ умереть от голода и жажды, — усмехнулся коллега.
— Ничего подобного! Я разобью окно и вылезу наружу или, поступившись гордостью, позову на помощь! — возразил Брайан.
— Вы что, так ничего и не поняли? — покачал головой ночной гость. — За окном ничего нет. Даже самого окна нет — нечего разбивать! Вы сейчас в призрачном мире долгостроя. И здесь духи опасны как никогда.
— Вы же говорили, они не могут мне навредить! — напомнил Брайан.
— Не могут в бесплотной форме. Тогда вы для них неуязвимы, как, впрочем, и они для вас. Однако здесь все иначе, — с расстановкой пояснил седовласый.
Брайан решил незамедлительно проверить одно из его утверждений. Схватив стул, он швырнул им в ближайшее окно. Результат получился не лучше, чем в долгострое, где, согласно отпущенному комментарию предшественника, призрак Кэролайн не позволял пробить внешний периметр. Она же наводила мороку, показывая окна там, где их в коридоре и быть не могло, и явив часть своих прежних владений.
— Но если она способна на такие штуки, кто мешает ей запереть меня наглухо?! — всплеснул руками Брайан.
— Правила игры, — отозвался седовласый. — Шанс на выигрыш.

Выход всегда должен быть, и быть неизменным. Именно поэтому у вас есть возможность вернуться в долгострой и оттуда покинуть здание ПРАВИЛЬНО. Однако даже не сомневайтесь, что Кэролайн очень постарается, чтобы помешать вам.
— Не похоже, чтобы та кирпичная стена, перекрывшая коридор, вписывалась в правила, если она может их ставить где захочет! — несмотря на подступавшую жуть, возмутился Брайан.
— Это была иллюзия, просто очень хорошая, основанная на вашем восприятии, — объяснил коллега. — Отбив о стену кулаки, вы посчитали ее реальной, а следовало всего лишь закрыть глаза и спокойно идти по коридору. Не хочу вас огорчать, но у тогда вас был шанс выйти практически сразу, а вы его упустили.
— Минуточку! Значит, и это все нереально? — ухватился за услышанное Брайан. — Значит, если я зажмурюсь, то смогу пройти сквозь дверь и высунуться в окно?
— Ничего подобного. Вы меня не слушаете! — с досадой произнес седовласый. — Фокусы кончились. Вы сейчас в мире призраков, и для вас это реальнее некуда!

Откуда-то из-за двери послышались далекие шаркающие звуки, сопровождавшиеся чем-то похожим на стоны. Бросив туда взгляд, Брайан непроизвольно сглотнул, как-то не желая прикидывать, кто бы их издавал.
— Значит, мне надо прорываться обратно в долгострой? — уточнил он, стараясь настроиться на боевой лад.
— Да, — кивнул ночной гость. — Через тот переход, которым вы сюда пришли. А оттуда — на своих двоих к выходу, на сей раз без всяких лифтов. Он провез вас на этаж выше, подменив цифры на табло, а вы даже не заметили!
— Сделаю! — храбро бросил Брайан, хотя, припоминая все плутания, уверенности в успехе отнюдь не испытывал.
— Есть еще кое-что, — наставительно добавил коллега. — Чем дольше вы тут находитесь, тем больше отравляется ваш разум. Ваше преимущество над суеверными людьми заключалось в том, что вы не давали призракам власти над собой, ибо чем больше вы в них верите, тем сильнее они на вас влияют. Кэролайн станет насылать на вас видения и искажать реальность. Подлинные объекты она попытается спрятать или видоизменить, а несуществующие — выставить напоказ. Когда вы вернетесь в долгострой, ее воздействие на вас уменьшиться, но до самого выхода не исчезнет, поскольку она уже вторглась в ваше сознание. Помните об этом!
— Ничего, теперь нас двое! А с напарником куда легче сладить с такой чертовщиной! — заявил Брайан. — Будем друг друга при-

крывать. Как говорится, два кулака — хорошо, а четыре — лучше!
— Нас не двое. Вы по-прежнему один, — как-то печально возразил седовласый.
— Вы что, не собираетесь мне помочь?! — опешил отставной сержант.
— Я не могу. Я лишь сыграл свою роль, а ваша дальнейшая судьба только в ваших руках, — послышался странный ответ.

Пока Брайан мозговал, что бы это значило, так и не представившийся коллега встал с кресла и подошел к нему. Взяв его за руку, он внезапно порезал ее тыльную сторону ладони своим на удивление острым ногтем. Брайан вскрикнул и отдернулся. Из пореза выступила кровь.
— Это чтобы вы поверили окончательно, — пояснил седовласый, снедаемый его воспламенявшимся взглядом. — Вы хороший человек, но на редкость твердолобый материалист. Даже когда я разъяснил про несуществующую дверь, вам и в голову не пришло спросить, откуда здесь взялся я. А следовало бы, хотя бы на основании моей подозрительной осведомленности о Кэролайн, как живой, так и мертвой.
— И-и-и? — предчувствуя неладное, протянул облизавший порез Брайан.
— Рассказав о Кэролайн, с одной стороны я вам помог. Кто предупрежден — тот вооружен. С другой — уверовав в призраков, вы автоматически стали более уязвимым. В этом и заключался ЕЕ расчет. Иначе так бы она и позволила нам столь мило побеседовать! Кэролайн ХОТЕЛА, чтобы вы все узнали. Она нашла это более занимательным, — с расстановкой сообщил предшественник.
— Есть призраки злые, а есть добрые, — печально добавил он. — Одни намеренно творят дурные дела, а другие заперты не по своей воле. Как и вы, я принял золото, но оно превратилось в свинцовую пыль. Я не выбрался из долгостроя, коллега. Я упал в шахту лифта.
Внезапно его бледное лицо покрылось обильной темной крапинкой. Разрастаясь, крапинки превращались в горошины и все ширились и ширились, трансформируясь в черные гноящиеся язвы. Глаза пожилого охранника съежились, будто из них вышла вся влага, и исчезли в опустевших глазницах. Нос, только что возвышавшийся над бескровными губами, сморщился и опал в образовавшуюся дыру. Сморщились и губы, показав щербатые ряды желтых зубов. С лысеющей головы посыпались седые волосы. Щеки ввалились, пожираемые стремительно распадавшейся кожей. Иссыхавшая плоть обнажила кости черепа. Форменная одежда подернулась могильным тленом. Расползаясь серым покровом, ее

поглощала обильная плесень. Одна за другой на пол упали пуговицы, срывавшиеся с прогнивших нитей. С пожелтевших мумифицированных ладоней отвалились костяшки пальцев. Тело стремительно обращалось в прах, и в какой-то миг прахом и осело, рассыпавшись в горку невзрачной пыли. Озарившись зеленоватой вспышкой, за несколько секунд развеялась и она. Предшественник исчез, ибо его уже давно не было на свете.

— Удачи, коллега, — прошелестели в воздухе тихие слова.

Струхнув от видения тлена, Брайан попятился, таращась туда, где только что стоял вроде бы живой человек. Человек, с которым он долго разговаривал. На деле же выяснилось, что разговаривал он с призраком. А может, это опять какой-то фокус? По тыльной стороне ладони пробежал холодок, и царапину на ней заселило пуще прежнего. Бросив туда взгляд, Брайан понял, зачем седовласый оставил ему эту метину. Иллюзии раны не наносят.

— Однако, пожалуй и впрямь надо отсюда выбираться, — пробормотал он, поеживаясь от нахлынувших впечатлений.

Идея была крайне своевременная. Дверная ручка тихо заскрежетала. Ее потертой поверхности не касалась ничья ладонь, однако она медленно поворачивалась, пожираемая взглядом оцепеневшего Брайана. Секунды, с которыми она совершала свое неспешное движение, обернулись для него настоящей вечностью. Щелкнул язычок замка. Скрипнули, подаваясь, плохо смазанные петли. Одним прыжком Брайан очутился возле двери и подпер ее плечом. Та вернулась на место, так и не отворившись, а ручка недовольно задергалась, будто растревоженная чьими-то настойчивыми пальцами. Ее и тревожили — кто-то пытался повернуть механизм с той стороны, чтобы войти в комнату охраны.

Стиснув зубы, Брайан всем телом припал к простому куску дерева, отныне ставшим последним барьером между ним и неизвестностью. Ручка гремела и тряслась, лязгая язычком. Некто никак не желал отступиться от намерения проникнуть внутрь. Брайан лихорадочно вспоминал, где лежат ключи. Как и большинство здешних дверей, комната охраны была оснащена электронным замком, срабатывавшим на карту доступа. Тем не менее, с прежних времен остался и традиционный замок, которым обычно не пользовались, но это не означало, что не могли. О призрачной реальности, способной внести в привычный мир свои коррективы, в данный момент думать совершенно не хотелось.

Удерживая колыхавшуюся дверь, Брайан наконец-то вспомнил местонахождение заветной связки. Осталось лишь оказаться в двух местах одновременно — блокировать своим телом проход и порыться в ящике стола. Проблема выглядела неразрешимой, но

внезапно Брайан осознал, что она, к тому же, еще и бесполезна. Запершись внутри, ему, быть может, удастся надежно изолировать себя от внешней угрозы, однако здесь он свои дни и закончит. Кажется, именно об этом предупреждал давно скончавшийся предшественник. Значит, хочешь ни хочешь, а надо встречать опасность лицом к лицу, не прячась как трусливый заяц.

Внезапно ручка перестала дергаться и скрежетать. Будто подслушав мысли Брайана, кто-то с другой стороны оставил ее в покое. Тук-тук-тук! — раздалось негромкое, но нарочито выразительное постукивание. Брайан слегка опешил. Он все еще подпирал деревянную створу, хотя на нее перестали наседать, поэтому не только слышал звук, но и чувствовал вибрацию. Тук-тук! Тук-тук! Тук-тук-тук! Некто вежливо предлагал его впустить. Обуянный порывом бравады, Брайан отпрянул от двери и распахнул ее настежь.

На пороге стоял безглазый мужчина с тростью. Вероятно, не кулаком, а ее костяным набалдашником он и стучал, как принято у джентльменов. Теперь его можно было рассмотреть очень хорошо. Пустые глазницы, разительно контрастируя с мясистым носом, особенно жутко смотрелись промеж пышных бакенбард. Кровавые дорожки, протянувшиеся по матово-бледной коже, достигали излишне выпирающего подбородка, где застыли тяжелыми густыми каплями. В этих каплях была и накрахмаленная сорочка, белеющая между лацканов старомодного сюртука. Черный плащ на плечах изначально имел другой цвет. Почернел он от впитанной крови, обильно вобрав ее до отказа. Вот цилиндр и впрямь был черным. Приподняв руку, мужчина снял его в приветственном жесте, принятом в светском обществе. Снял вместе с головой. Нервы Брайана сдали. Узрев разорванные жилы и артерии, откуда торчал обломок шейного позвонка, он захлопнул дверь так же резко, как только что открыл. Тяжело задышав, он вновь услышал вежливое, но настойчивое постукивание. Леонард — ибо, судя по описанию, это был явно он — желал возобновить столь грубо прерванное знакомство. Брайану потребовалось призвать все свое мужество, чтобы распахнуть дверь вторично. Настала пора внушить привидению — если хочешь пронять настоящего солдата, требуется нечто большее! Безглазого на пороге не оказалось, а в воздухе немедленно потянуло гниющей плотью. В дверной проем, пошатываясь, ступил какой-то грузный тип, в котором Брайан узнал один из трупов бездомных.

В армии учили умерщвлять врага. О том, как воевать с уже мертвыми, инструктора не говорили ни слова. Увы, теперь, чтобы остаться в живых, требовалось постичь эту премудрость самому.

Покойник, против всех ожиданий, внезапно проявил недюжинную прыть. Ринувшись на Брайана, он схватил его за плечи и клацнул зубами возле горла. Ударив нападавшего по рукам, тот высвободился из цепкой хватки и дал ему хорошего пинка, а сам отскочил вглубь комнаты. Мертвец зашатался, но устоял, и снова бросился в атаку. Брайан умело перехватил его приемом и швырнул на пол, однако ходячий труп успел зацепиться за куртку и своей тяжестью увлек ее владельца с собой. В нос Брайану ударила такая вонь, что помутилось в голове. Его боеспособность снизилась, чем и воспользовался враг. Обладая недюжинной силой, он прямотаки сдавливал его будто кузнечными клещами, вытягивая шею в направлении пульсирующей сонной артерии. Удар локтем не своротил ему гнилую челюсть, хотя на это вполне можно было рассчитывать, зато в ответ мертвец едва не вырвал зубами хороший кусок мяса. Брайан вскрикнул от боли и принялся колотить зловонное тело руками и ногами. Противники — живой и мертвый — покатились по полу.

Смрад, поражавший легкие, и явная болевая нечувствительность врага мешали быстро и профессионально совладать с ним должным образом. Извернувшись, Брайан приподнял бездомного над собой, намереваясь отшвырнуть прочь, и вдруг ему на лицо посыпались черви и личинки. Извиваясь, они покидали гнезда в бесновавшейся плоти, вываливаясь оттуда с частичками проеденной гнили. Брайана чуть не стошнило. Ощущая спазм подкатившей рвоты, он утратил контроль над ситуацией, и мертвец тут же навалился на него всем весом, крепко придавив к полу. Задыхавшийся Брайан практически потерял сознание от вони и отсутствия кислорода, выжимаемого стальными объятиями покойника. Тот уже торжествовал победу, если остатки его иссохших мозгов вообще могли что-либо торжествовать, как внезапно раздался частый сухой треск. Тело бездомного забилось, словно каждую его мышцу свело и начало дергать за ниточки. Их и дергало. Нащупав слабеющей рукой электрошокер, Брайан всадил его мертвецу в бок. На привидение такая мера, может, и не подействовала бы, а вот на человеческие останки — очень даже. Гнилая плоть врага, поражаемая высоким зарядом частоты и мощности, перестала ему повиноваться. Брайан же все бил и бил разрядами, и бил даже тогда, когда стряхнул с себя зловонный труп. Потом, отложив шокер, он порывисто схватил трепыхавшегося покойника за голову и сделал молниеносное движение. Короткий хруст возвестил о сломавшейся шее. Мертвец немедленно обмяк и более не шевелился.

Поднявшись, Брайан с омерзением принялся отряхиваться, стараясь избавиться от налипших продуктов тлена. Он наконец-то

позволил себе прочистить желудок, отчего стало немного легче. Рвота улеглась, однако шум из-за двери возвестил, что схватка отнюдь не окончена. Подняв обеими руками стул, Брайан шарахнул им о столешницу, да с такой силой, что тот развалился на куски. Подхватив заостренную ножку, он вышел из комнаты охраны и окинул взором коридор. Там, в призрачном зеленом свете, отныне полновластно заполонявшем все пространство, к Брайану, ковыляя, приближались остальные бездомные. Те, кого он недавно обнаружил во внутреннем дворе долгостроя.

Несколько сокрушительных ударов по неопытным, лезущим исключительно из-за своей дурости противникам — и дело сделано. Раскидать их как детей, кого отправив в нокаут, а кого заставив стенать над растянутой конечностью — в принципе не представлялось проблемой. Когда речь идет о самозащите, за разбитые физиономии никто не спросит, особенно если эти физиономии напрашивались сами. Отставной сержант отлично владел рукопашным боем, поэтому затевать с ним драку считалось очень плохой идеей. Он никогда не лез первым, но оппонентам спуску не давал, если конфликт все же доходил до столкновения. Типичной пьяной компании, привязавшейся в каком-нибудь придорожном баре, Брайан всыпал бы по первое число, быстро и грамотно. Вот только шаркающие ногами мертвецы к таковым не относились. Сладив с первым из них, он хорошо усвоил, какую опасность представлял этот доселе немыслимый враг. Пресловутые зомби легко уничтожались в играх и фильмах, а на деле чего стоил один лишь источаемый ими запах! Силу разлагавшихся тел также нельзя было недооценивать, не говоря о прыти. Последняя производила весьма обманчивое впечатление. Переваливаясь будто хромые утки, умершие неторопливо подступали к Брайану, кто мелко клацая зубами, а кто неестественно вытягивая к нему подергивающуюся руку. Сквозь прорехи в одежде виднелись ребра, а из дырявой обуви выглядывали костяшки пальцев. Кто бы мог подумать, что эти тихоходы, на которых и плоти-то немного осталось, способны кинуться подобно дикому зверю, желающему утолить мучительный голод. В довершении всего они игнорировали боль, чем подрывали эффективность боевых приемов.

Брайан быстро оценил ситуацию. Теперь, вооруженный надлежащим опытом, с одним мертвецом он управился бы без особого труда. С двумя становилось куда сложнее. Связываться с тремя лучше не стоило. Пятерых, бредущих друг от друга в опасной близости, следовало избегать любой ценой. Он просто не успеет перебить их поодиночке. Навалившись всем скопом, те разорвут его на куски.

Не сводя глаз с хромавших покойников, Брайан вышел за порог комнаты охраны. Он не собирался ринуться в атаку с ножкой от стула наперевес. Добраться до несуществующего перехода на четвертом этаже можно и кружным путем. Хорошенько размахнувшись, Брайан швырнул заостренную деревяшку подобно десантному ножу. Крутанувшись в воздухе, она вонзилась в грудь ближайшего мертвеца, издававшую те самые стонущие звуки. Раздался такой шипящий свист, будто из проколотой покрышки выпускали воздух. Покойник, ничуть не остановленный ударом навылет, злобно захрипел и заметно прибавил в скорости. Намереваясь избежать грядущего знакомства, Брайан повернулся, спеша в другую сторону, однако на пути возникло неожиданное препятствие.

В конце ковровой дорожки стоял Леонард. В насыщенном зеленом свете его фигура выглядела еще зловеще, чем прежде. Вновь приподняв цилиндр вместе с головой, он ударил тростью в пол. Дорожка свернулась, будто скатанный хамелеоном язык, а под ней обнажилась яма, утыканная заточенным железом. На заостренных концах торчало два полувысохших трупа и несколько отдельных конечностей. Брайан невольно сглотнул. Всего несколько шагов — и его тело повисло бы на ржавых прутьях, пронзенное в нескольких местах разом. Поистине бесславная кончина после всех преодоленных испытаний и… Минуточку! А почему Леонард столь любезно показал ему отлично скрытую ловушку? Не потому ли, что это очередная иллюзия, призванная заставить его броситься в объятия мертвецов?

Брайан заколебался. Даже если яма настоящая, возле стен оставалось узкое пространство, по которому он потихоньку может перебраться на другую сторону. Но вдруг она и впрямь настоящая? Вдруг призрак намеренно делает вид, что блефует, а Брайан, вообразив, что имеет дело с наваждением, сунется прямиком в капкан? Осторожно проверить реальность провала не составляло труда, да вот времени на это не было. Вероятно, на том и строился расчет Леонарда, ибо мертвецы подошли совсем близко. Зловоние, источаемое их телами, терзало обоняние Брайана, вновь ощутившего позывы рвоты. Раздумывать становилось особо некогда. Криво улыбнувшись, он сунул правую руку за пазуху, но извлек оттуда отнюдь не мешочек с золотыми монетами. Он ведь подготовился к визиту в долгострой, пусть и не к тому, с чем в итоге столкнулся.

По коридору прокатился грохот, стерший улыбку с безглазого лица Леонарда. Пять раз выстрелил Брайан, и пять мертвецов рухнули на пол, сраженные пулями. Свинец не убил и без того

мертвую плоть, но удар был настолько силен, что сшиб ее с ног. В мгновение ока Брайан рванул вперед, перескакивая через упавших врагов. Распластавшись на черно-белых плитах, они неистово забились, стараясь ухватить проносившуюся мимо жертву. Последнему это даже удалось. В каком-то поистине змеином броске он растянул свое мертвое тело, и его пальцы обвились вокруг лодыжки беглеца. Брайан свалился на холодный камень, едва не сломав перехваченную ногу. Морщась от боли, он изогнулся и свободной стопой врезал покойнику по гниющей физиономии. Тот, хрипя и присвистывая, почти не отреагировал на удар. Наползая на Брайана, он хищно клацал зубами, оскаленными промеж изъеденных тленом губ. А за ним уже приподнимались остальные бездомные, при жизни совершенно безобидные, но теперь представлявшие смертельную угрозу.

Отцеплять бесноватый труп было решительно некогда. Молниеносным движением Брайан навел на него свой любимый кольт, остававшийся зажатым в правой руке. Грянул выстрел. Череп мертвеца разнесло вдребезги, брызнув осколками костей, зловонной плотью и гнездившимися в нем насекомыми. Разлагающееся тело тут же обмякло и более не шевелилось. Вскочив, Брайан успел пожалеть, что сразу не снес упырям головы. С другой стороны, выстрел в корпус гарантировал эффективное попадание, а по гнилым мозгам впопыхах можно было и промазать. Вот и сейчас, отступая назад, он держал умерших бродяг на мушке, но курок не спускал. Патроны следовало экономить, ибо кто знает, что там еще впереди. До сих пор он вообще не стрелял, неоднократно готовый выхватить оружие, но так и оставлявший его в кобуре. Пальба в долгострое почти наверняка привлекла бы чье-нибудь нежелательное внимание, а явившийся за золотом Брайан именно этого и не хотел. Нужна была очень веская причина, чтобы он пустил огнестрельное оружие в ход. Ну, вот она и настала!

— Счастливо оставаться, твари! — процедил отставной сержант.

Ближайший мертвец, поднявшись, издал протяжный, булькающий хрип и кинулся к нему. Бабах! Еще один череп расколола практически в упор всаженная пуля, обрушив на плечи живого трупа град из личинок. Другие покойники не проявили такой же рьяной прыти, отчего Брайан, продолжая пятиться, в конце концов развернулся и припустил по коридору.

В фонарике больше не было нужды. Там, в долгострое, он, возможно, еще и пригодится, а здесь, в неведомой реальности, все вокруг заливало уверенное зеленое свечение. Припоминая рассказ погибшего предшественника, Брайан увязал его интенсивность с влиянием призраков. Интерьер казино он узрел тогда, когда воз-

действие сюрреализма заставило всерьез допустить мысль о чем-то сверхъестественном. Заключенное соглашение, уж как бы он сам на тот момент его не интерпретировал, позволило коварному духу обрести над ним куда больше влияния. Зеленая люминесценция росла по мере того, как Брайан подпадал под власть привидений, которую он сам автоматически и упрочивал, приняв игру Кэролайн. Теперь идущий ниоткуда свет достиг апогея. От мрака, некогда давившего на психику, не осталось и следа, только лучше от этого ничуть не стало. Прежде в нем таившееся ныне представало во всей красе. Брайан выяснил, кому принадлежали красные искорки в черноте бесконечного коридора. Навстречу ему, цокая когтями по полу, выскочило несколько крупных псов.

Должно быть, некогда эти жилистые доберманы охраняли казино, пресекая любые попытки жуликов добраться до его сокровищницы. Псы служили хозяйке до последнего, ибо лишь пулями объяснялись характерные дыры в их телах, а у некоторых и наполовину снесенные головы. Натравленные на законников, они перегрызли немало глоток, прежде чем их навсегда остановил разящий свинец. Но навсегда ли? Окровавленные пасти, откуда вырывалось свирепое низкое рычание, утверждали обратное. Злобно щелкая зубами, доберманы подступали к новой жертве, прямо на ее глазах сбиваясь в крупную стаю. Взъерошенные загривки говорили об их намерения не хуже красного огня, полыхавшего в уцелевших глазницах.

Кольт — серьезное оружие, а в опытных руках не только безотказное, но и абсолютно смертоносное. Вот только в ближнем бою против множества озверелых псов оно решительно не годилось. Не потому, что в юркую собаку не попадешь или в обойме кончатся патроны. Просто и самый быстрый стрелок не успел бы уложить всех рычащих тварей, учитывая их количество и расстояние. Брайан уяснил это мгновенно. Армейский "девятьсот одиннадцатый" был направлен в ближайшую зверюгу, но палец не спешил нажимать на курок. Выстрел мог напугать обычных собак, заставив их ретироваться, однако он имел дело с их восставшими оболочками. А духа вряд ли проймешь грохотом огнестрельного оружия. Скорее, стоит разок пальнуть — и вся свора ринется в атаку. Впрочем, она и так ринулась. Собравшись чертовой дюжиной, псы перестали медлить, шажками продвигаясь вперед, и кинулись на Брайана.

Загремели выстрелы, стремительно опустошая обойму. Пламя, вырывавшееся из ствола, выплевывало в свирепых монстров пулю за пулей. Выплевывало куда придется. Целиться точно в голову не имело смысла, поскольку у некоторых тварей от нее оста-

лась только развороченная часть, а у кого-то и вовсе одни челюсти. Атаковать, однако, им это ничуть не мешало, как не мешало некоторым псам и всего на трех лапах развивать невероятную прыть. Брайан понятия не имел, поможет ему вообще пистолет или нет — у него все равно не было выбора. Он просто пытался сразить врага тем, чем располагал.

Первая пуля угодила в самую ретивую псину, выскочившую дальше остальных. Пробив ей грудную клетку, она застряла где-то в нутре, а после внезапно упала на пол. Упала потому, что демоническая собака неожиданно развалилась на куски мяса и костей. Осевшие бесформенной грудой, они бесследно развеялись в зеленоватой вспышке света, как прежде развеялся седовласый предшественник. Привидение нельзя было убить, ибо оно уже мертво, однако оказалось, что можно поразить его телесную форму. Приняв ее чтобы причинить вред живым, призрак и сам становился уязвимым для встречного противодействия. Пышущий злобой доберман не издох, но словно испарился. Возможно, для того, чтобы обрести физическое тело вновь, но это происходило явно не здесь и не сейчас, что Брайана более чем устраивало. Вслед за первой гадиной он успел ликвидировать еще полдюжины собак, прежде чем очередная едва до него не добралась. Ее зубы скользнули по запястью, оставив на нем болезненные метины. Последний выстрел он произвел в упор, практически сунув кольт в свирепо осклабленную пасть. Лишившись головы, дьявольское отродье покатилось по полу и затихло, судорожно загребая лапами. Как распадалось ее тело — Брайан уже не видел. Уцелевшая половина стаи не оставила ему на это ни секунды. В дружном порыве она насела практически синхронно, не позволив еще хотя бы раз спустить курок. Время на оборону, отпущенное Брайану, вышло.

Громко заклацали яростно смыкавшиеся челюсти. Очутившись вплотную к жертве, псы вконец осатанели. Увенчайся хоть один их прыжок успехом — и Брайан рухнул бы на пол, сбитый с ног остервенелым чудовищем. Рухнул — и тут же был бы разорван в клочья. Спасли рефлексы, и неминуемая смерть пронеслась рядом, вгрызаясь в один лишь воздух. Юркнув в приоткрытую, вроде бы прежде запертую дверь, он захлопнул створу, отхватив ей полморды и лапу сунувшемуся следом доберману. Брайана пробрал очередной приступ дрожи, когда он смотрел, как дергается на полу когтистый обрубок возле фрагментов верхней и нижней челюсти. Лишь когда те развеялись, он немного пришел в себя и осмотрелся, выясняя, куда попал. Тогда-то его и охватила настоящая жуть, в сравнении с которой все предшествующее показалось детским аттракционом.

По плану здесь должна была находиться какая-то лаборатория, где вечно жужжали различные приборы. Но то по плану настоящего здания. В призрачном царили свои архитектурные законы. Глазам Брайана представилась просторная, богато убранная комната, залитая не зеленым, а самым обычным светом. Тяжелые бархатные портьеры с витыми шнурами сочетались с шелковыми обоями на золотых гвоздиках. Со стен смотрели подлинники изысканной живописи, а под потолком раскинулись две хрустальные люстры, озарявшие расписные панно. Интерьер составляла мебель черного дерева, украшенная накладками из драгоценных металлов и элементами слоновой кости. Пышные кресла соседствовали с небольшими столиками, где на серебряных подносах сверкали изящные бокалы. Один их ряд выстроился полумесяцем. Другой вытянулся линией в нескольких футах от стены. Иной мебели в помещении не имелось, но Брайану с лихвой хватило впечатлений и от этой, ибо в каждом кресле кто-то сидел. В основном там расположились мужчины, одетые по моде начала двадцатого века, но среди них встречались и женщины. Одну, в белом платье, он сразу узнал.

Кэролайн сидела возле оправленной в золото грифельной доски, где были начертаны какие-то цифры. Чуть повернув голову, она сделала повелительный жест, и тут же над портьерой гулко ударил привешенный там колокол. Центр комнаты не пустовал. На дубовом паркете, натертом до зеркального блеска, стоял какой-то человек в простом, но элегантном костюме и лакированных туфлях. Заслышав поданный сигнал, он поднял руку, в которой сжимал револьвер. Приставив дуло к виску, этот человек впился взглядом в большие песочные часы, перевернутые хозяйкой казино. Палец на курке побелел, но, видимо, никак не решался дожать до конца. Песчинки быстро утекали, и вскоре верхняя емкость часов практически опустела.

Щелк! Присутствующие дружно выдохнули, как выдохнул и человек с револьвером. Раздались дружные аплодисменты, а в адрес смельчака полетели хвалебные возгласы. Когда они стихли, Кэролайн объявила второй раунд. Все снова умолкли, напряженно уставившись на игрока. Невольно уставился и Брайан, уразумев происходящее. Цифры на доске обрели для него очевидный смысл. Они означали количество попыток и причитавшуюся за них награду. Максимальное значение равнялось пяти, потому что именно столько пустых гнезд насчитывалось в шестизарядном барабане. По мере холостых выстрелов ставки существенно росли, достигая поистине впечатляющих величин. Вероятность сорвать банк была одна шестая, в то время как пять шестых награждали игрока мо-

гилой.

Бом-м-м-м-м! Новый удар колокола, и снова перевернуты песочные часы. Послышался стрекочущий звук. Человек в центре комнаты стал нервно раскручивать барабан. Похоже, пока сыпался песок он мог делать все, что угодно, но был обязан выстрелить до истечения отведенного срока. В противном случае ему засчитывалось поражение. И вот дуло револьвера вновь приставлено к виску дрожавшей от возбуждения рукой. Присутствующие, затаив дыхание, следили за каждым ее движением.

Бабах! Игрок рухнул как подкошенный, выронив дымящийся пистолет. От его простреленной головы по полу стала растекаться кровь. Порывисто вскочив, мужчины и женщины загомонили, а затем разразились бурными аплодисментами. Поднялась и хозяйка казино, однако пока все смотрели на проигравшего, она повернулась к Брайану и глянула ему прямо в глаза. Хотя остальные его словно и не замечали, ее горящий взгляд был адресован именно новому игроку, и в этом не оставалось никаких сомнений. На лице Кэролайн Битц зазмеилась улыбка, не предвещавшая ничего хорошего. Брайан, завороженный развернувшимся действом, опомнился. И очень вовремя, поскольку молодой человек, всадивший себе пулю в череп, внезапно поднялся, подобрал револьвер и открыл огонь.

Свистя мимо Брайана, призрачные пули дырявили стену, разрывая дорогие шелковые обои. Не исключено, что они разорвали бы и его, однако ему удалось откатиться в сторону. Еще рывок — и вот он укрылся за креслом, тут же подвергшимся интенсивному обстрелу. Брызнули щепки черного дерева. Потревоженным роем взметнулись клочья мягкой обивки. Самоубийца разразился ураганным огнем, явно не ограниченный шестизарядным барабаном, в котором, по идее, была всего одна пуля, да и той вроде как не осталось.

Брайан не собирался проверять, насколько фатальными окажутся для него эти выстрелы. Кресло, быстро обращаемое в труху, представлялось крайне ненадежным укрытием, поэтому он перекатился за следующее, попутно пальнув в неистового стрелка. Впопыхах он промазал, в то время как призрак его чуть не задел. Пуля прожужжала настолько близко, что шевельнула на голове волосы. Другая прогрызла путь через кресло и царапнула плечо. Тогда-то и стало ясно — если Брайан продолжит считать ворон, то его попросту изрешетят. Револьвер врага не унимался, превращая мебель в швейцарский сыр. Присоединись сейчас к нападению остальные призраки, песенка Брайана будет спета. Присев за своим рассыпавшимся убежищем, он метнул на них смятенный

взгляд, полный дурных предчувствий. Мужчины и женщины не шевелились. Оборотившись к Брайану, они лишь молча смотрели, как вокруг него с треском вздымается труха. Молчала и Кэролайн, только змеиная улыбка на ее лице разгоралась все ярче.

Не выдержав свинцового дождя, расколотое кресло осело грудой обломков. Сделав обманный выпад в одну сторону, Брайан нырнул в противоположную. Там не осталось сколь-нибудь надежного укрытия, но он его и не искал. Призрак стрелял туда, где он так и не появился, зато Брайан, завершив маневр, открыл огонь прямо в цель. Опасаясь промазать, что стало бы смерти подобно, он не стал экономить и выпустил четыре пули подряд. Как минимум одна из них угодила куда требовалось. Сраженный самоубийца выронил оружие и опрокинулся на спину. Пола, однако, он не достиг, испарившись в зеленой вспышке, как не достиг его и наконец-то замолчавший револьвер.

Наступила звенящая тишина. Вскочив, Брайан навел кольт на большую группу давно умерших людей. Внезапно те разразились громкими аплодисментами. Брайана аж в дрожь бросило, когда он увидел, что ему неторопливо хлопает и сама Кэролайн. Обуянный эмоциями, он порывисто вскинул пистолет и разрядил ей прямехонько в лоб. Против всяких ожиданий, зловещая хозяйка казино не рухнула на пол и не развеялась в прах. Свинец прошел сквозь нее и попал в стену, сшибив оттуда одну из картин. Чело женщины в белом лишь слегка подернулось, будто поверхность воды от брошенного камешка, а сама она рассмеялась. От звуков ее веселья у Брайана аж сердце захолонуло. Миссис Битц не принимала физическую форму и для его оружия была сейчас неуязвима. Вероятно, поэтому она и не нападала, как не нападали и остальные здесь присутствующие, однако теперь они явно к этому готовились. Стоило ему выстрелить в Кэролайн, как аплодисменты стихли. Лица мужчин и женщин недобро осклабились, а в их глазах полыхнул демонический огонь. Человеческий облик исчезал, сменяясь чем-то вселявшим страх даже в Брайана. Так вот что имел в виду погибший предшественник, когда упомянул постоянных клиентов! Тех, что рукоплескали убийству себе подобных. При жизни они превратились в чудовищ моральных, а после смерти стали чудовищами наяву. Обувь призраков лопалась, не выдерживая давления раздававшихся лап. Одежда трещала по швам под натиском уродливо ширящейся плоти. Сквозь шелковые перчатки прорезались даже не когти, а какие-то длинные костяные лезвия, растущие до ужасающей длины. Волосы зашевелились подобно змеям. В неестественно разевавшихся ртах чернела бездна.

Судьба Брайана повисла на волоске. Позади, свирепо рыча,

дверь сотрясали бесновавшиеся доберманы. Комната же вот-вот наполнится толпой кошмарных тварей, от одного вида которых кровь стыла в жилах. Рванув с пояса небольшой предмет, Брайан чиркнул им о полоску над карманом и швырнул в преображавшихся гостей Кэролайн. Упав на пол, невзрачная штуковина сперва искрила бенгальским огнем, а затем разразилась треском, сопровождавшимся яркими вспышками. Призраки завопили так, что Брайан чуть не оглох. Закрываясь от слепящей иллюминации, они дымились, заходясь ревом и визгом, и исчезали, опадая комьями пузырящейся протоплазмы. Кто бы мог подумать, что такое воздействие на них произведет простая китайская шутиха, и воздействие поистине сокрушительное! Брайан прихватил ее совсем для других целей. В частности, отвлечь внимание потенциального злоумышленника или ненадолго ослепить его в темноте, если в том возникнет надобность. Сейчас же он бросил вполне безобидную пиротехнику исключительно по наитию. Призраки не боялись ни издаваемого ей шума, ни ударной волны, не способной навредить даже цыпленку. Их жег испускаемый шутихой свет. В отличие от электрического фонарика, он обладал широким спектром излучения, чем оказывал на фантомов нестерпимый для них эффект.

Путь был расчищен. Не теряя времени, Брайан ринулся через комнату, огибая распадавшихся чудовищ. Краем глаза он заметил летящую к нему Кэролайн. Она не подверглась такому же разрушению, как ее гости — для этого неупокоенный дух оказался слишком силен, — однако и бесследно выходка Брайана для нее не прошла. Она как будто побледнела, причем не и без того белым лицом, а всей фигурой. Став наполовину прозрачной, Кэролайн тянула к нему замерцавшие руки, издавая злобное шипение. Резко повеяло холодом. Брайан решил не выяснять, чем грозят ее объятия. Перемахнув через столик, откуда со звоном посыпались бокалы, он достиг двери в дальней части комнаты и скрылся за портьерой.

Брайан понятия не имел, с чем столкнется за пределами невероятно правдоподобного наваждения. Он выскочил наугад, выбрав из двух зол меньшее. Хотелось верить, что архитектура призрачного здания хотя бы частично совпадает с планировкой здания реального. В противном случае он рисковал опасно заплутать, поскольку коридор с хищными псами — его путеводная веха — остался позади. Захлопнув за собой дверь, он блуждающим взором огляделся по сторонам.

Роскошный интерьер исчез. Вокруг наблюдалось вполне обычное убранство, присущее не менее обычной лаборатории. Должно быть, она состояла из нескольких смежных комнат, одну

из которых Брайан сейчас покинул. Быстрый взгляд назад сообщил ему, что не только размеры фантомного интерьера явно не соответствовали действительности. Ей не соответствовала и дверь, на чьем месте теперь красовалась сплошная стена. Он так и не понял, каким образом сумел выйти из создавшегося положения. Возможно, сама Кэролайн оставила ему лазейку, следуя незыблемым правилам игры, либо же он сам удачно воспользовался ситуацией. Если проход существовал в призрачном наваждении, он автоматически наложился на проекцию подлинного здания. Сбежав из гостиной для Русской Рулетки, Брайан был не в состоянии вернуться обратно, зато мог продолжить свой путь. Он и продолжил, не дожидаясь очередного сюрприза от Кэролайн.

Смежные комнаты лаборатории закончились довольно далеко от той области, где Брайана караулили мертвые доберманы. Ему потребовалось немало мужества, чтобы высунуть нос наружу, ожидая какой-нибудь убийственной каверзы. Пусто. Поблизости никого не оказалось, отчего он осмелел и покинул лабораторию. Закрываясь, дверь предательски скрипнула, заставив его вздрогнуть всем телом. Через пару секунд до слуха донеслось приглушенное рычание, немедленно сопроводившееся характерным цоканьем. Псы никуда не делись. Если воображение Брайана соответствовало действительности, они навострили уши и отправились проверить источник шума. Торчать столбом явно не стоило. Пользуясь преимуществом в дистанции, Брайан глубоко вздохнул и припустил к лестнице.

Адское пламя, разверзшись у ног прямой дорогой в преисподнюю, и то бы не произвело такого поражающего разум впечатления. Спасаясь от стаи призрачных доберманов, отставной сержант готовился столкнуться хоть с чертом, но никак не с тем, что в итоге увидел. Схватившись за дверную ручку, он рванул ее на себя и похолодел, хотя по спине катился горячий пот. За дверью на лестницу возвышался монолит непроглядно черной стены. Прохода не было. Сплошная гладкая масса заполняла проем от края до края, слева направо и сверху донизу. Брайану почудилось, будто он смотрит на густую смолу, чья поверхность непонятным образом удерживалась в вертикальном положении. Драгоценные секунды уходили, а его охватил какой-то безвольный ступор. Он возлагал на эту лестницу столько надежд, а та уничтожила их в мгновение ока. Уничтожила как раз тогда, когда его настигала рычащая свора свирепых чудовищ.

Дальше бежать было не столько некуда, сколько некогда. Собаки настигнут свою добычу, и на сей раз ее уже не упустят. Брайан крепко сжал верный кольт, намереваясь продать жизнь

подороже. В его душе — чего уж там лукавить — разливался страх от неминуемой и явно последней схватки с лютыми псами, но еще больше там ширились гнев и досада. Гнев и досада на подлую женщину в старомодном платье. Так-то она не нарушает правила! Когда он сюда пришел, лестницу ничто не перегораживало, а теперь... Ох! В памяти зарницей промелькнул седовласый предшественник, что-то говоривший про кирпичную стену. С замирающим сердцем Брайан сомкнул веки и протянул руку в дверной проем. Пальцы ощутили холод, но то был не холод неумолимой стены. Они окунулись в какую-то жидкость, довольно плотную, однако вполне податливую для проникновения. Широко раскрывшись, глаза Брайана уставились на черную смоляную поверхность, по которой пошли волнующиеся круги. Нет, стена не оказалась иллюзией, о чем сейчас и мелькнула отчаянная догадка. Это была стена воды! Чем она грозила — уже другой вопрос, но времени на размышление и эксперименты не осталось. Объявившись в прямой видимости, демоническая стая преодолевала последние ярды. До отказа втянув в легкие воздух, Брайан шагнул в водяную толщу.

Это только кажется, что пронырнуть не такое уж и большое расстояние — совсем несложно. Кто в этом уверен, пусть задержит дыхание при самой обычной ходьбе и попробует неторопливо подняться всего лишь этажом выше. Большинство не выдержит задолго до намеченного рубежа. А плыть под водой куда труднее, особенно пока взвинченные нервы стремительно пожирают растворенный в крови кислород. Во тьме же пагубный эффект критически усилится, не только сокращая промежуток до следующего вдоха, но и пытаясь ввергнуть сознание в неконтролируемую панику.

Все существо Брайана истошно вопило, противясь погружению в ужасный ледяной мрак. Чувство самосохранения гнало его обратно — туда, где можно глотнуть живительного воздуха. Сжав волю в кулак, он сумел преодолеть животные инстинкты и во всю мощь загребал руками. Он знал, что имеет в запасе не меньше минуты, ибо иногда ходил в бассейн, ныряя и плавая в свое удовольствие. За эту минуту ему следовало доплыть до следующего этажа, чтобы не захлебнуться в холодной тьме и не остаться в ней навеки.

А тьма и впрямь была очень холодной. Черная вода леденила тело, вгрызаясь в него миллионами острых игл. Разгоряченный недавним бегством, Брайан быстро замерзал, теряя тепло с пугающей скоростью. Стиснув зубы, он интенсивно работал всеми конечностями, стараясь побыстрее добраться до заветной двери. Одежда ничуть ему в этом не способствовала, став тяжелой обу-

зой, но что хуже всего — он плыл практически вслепую. Фонарик, не будучи герметичным, помочь никак не мог. Зеленый свет, источаемый ирреальным зданием, на лестнице полностью отсутствовал. Лишь где-то наверху виднелся какой-то слабый отблеск, но толку от него было как от звезд при чтении книги. Единственной путеводной нитью Брайана стали перила, за которые он хватался, чтобы не потерять ориентацию в пространстве.

Ярд! Еще ярд! Пульс учащался по мере расходования кислорода, как постепенно росли перед внутренним взором и пламенеющие круги. И вот последний рывок! Добравшись до третьего этажа, Брайан резко оттолкнулся ногами и наугад поплыл к сокрытой во тьме двери. И какой же подонок не снабдил ее хотя бы маленьким окошком?!. От запредельного волнения, граничащего с нервным срывом, металлическая скоба отыскалась не сразу. Несколько секунд Брайан беспорядочно шарил ладонями туда-сюда. Его успел объять смертный ужас, что ручка куда-то запропастилась, когда пальцы внезапно наткнулись на характерный выступ. Нажав на него до отказа, он стал толкать дверь что было мочи. Та даже не шелохнулась. Ботинки бешено молотили ледяную воду, кровь теряла драгоценный кислород, а окаянный кусок листового железа сидел как влитой. Брайан ощутил приближение удушья и понял — надолго его не хватит. Как он ни пытался выбраться с лестницы, эта попытка не приносила никакого результата. Либо дверь кто-то запер на ключ, либо подпер с той стороны. В отличие от материализации стен, банальный лом или замок не нарушали правил игры, если где-то по-прежнему существовал доступный проход. Затопив лестницу водой, явно не подчинявшейся гравитации, Кэролайн создала препятствие, но препятствие как-то преодолимое. Следовало лишь понять как.

Учитывая происходящее, было просто поразительно, как Брайан умудрялся хотя бы частично сохранять здравое логическое мышление. Оставив неумолимую преграду, он развернулся и поплыл обратно, взмолившись всем богам, чтобы кошмарные псы все это время не следовали за ним.

Умели дьявольские отродья нырять или нет — осталось неизвестным. Когда Брайан вошел в воду, дверь за ним закрылась, притянутая исправно сработавшим доводчиком. На последнем издыхании он приоткрыл ее вновь, высунув лицо и шумно хватая воздух. Псы оказались тут как тут. Разъяренно рыча, они старались до него добраться, клацая зубами и просовывая морды в щель. Но та была слишком узка, чтобы кто-то из доберманов сумел протиснуться и вцепиться в жадно дышавшего человека.

Когда в голове прояснилось, а в сосудах унялось огненное

жжение, Брайан быстро прикинул сложившуюся ситуацию. Что ж, Кэролайн не замкнула позади него дверь четвертого этажа — и на том спасибо. Вероятно, ей и впрямь понравилось играть с храбрым и выносливым солдатом, отчего она все время оставляла ему реальный шанс на спасение. Но куда дальше? Донырнуть до второго этажа? Плохая идея. Если и там заперто, всплыть обратно Брайан уже не успеет, а он и к третьему-то поплыл исключительно из-за тамошнего перехода в долгострой. Это сейчас он сообразил, что тот ему решительно не годился, о чем, кстати, упоминал предшественник. Замороченный Кэролайн, Брайан явился через несуществующую дверь и должен был вернуться тем же путем. К сожалению, вылезти назад на четвертый этаж, прежде ошибочно принимаемый за третий, означало сунуться мертвым псинам в пасть. До заветного фойе следовало добраться как-то иначе, обойдя дьявольскую свору, и как это сделать — особого выбора не оставалось. Глубоко вдохнув, Брайан снова нырнул в толщу черной воды и поплыл наверх — туда, откуда исходил слабый свет.

Дверь пятого этажа не поддалась точно так же, как и третьего, однако возле нее стало намного светлее. Брайан увидел, откуда на лестницу проникали зеленые лучи. Их нити просачивались с крыши, в направлении которой поднимались еще два пролета ступенек. Недолго думая, он быстро погреб туда, благо что всплывать было гораздо легче, чем опускаться в глубину.

А вот и выход, заложенный изнутри на щеколду! Свет лился через узкое прямоугольное окно, забранное мелкой решеткой. Решетка куда крупнее перегораживала путь в нескольких футах перед ней. Наткнувшись на это препятствие, Брайан едва не пал духом, подавленный приступом глубочайшего уныния. Вот и все! Насквозь ржавая, в наростах, цепь надежно стягивала прутья с увесистым навесным замком. В обычных условиях он снес бы его из кольта, но огнестрельное оружие не предполагало использования в водяной толще. С другой стороны, что ему терять?

Отчаявшись, замерзающий Брайан схватил пистолет и навел его на рыжие от коррозии звенья. Внезапно их неприглядный вид показался ему странным. Да, его мозг все еще работал, хотя у иного другого давно бы уже сгинул в пучине лишающей разума паники. Как технические службы настоящего здания довели решетку до такого плачевного состояния? Скорее всего, никак. Скорее всего, они исправно следили за вверенным им имуществом, а столетняя ржавчина появилась здесь, в альтернативной реальности. Но если преображенная цепь — дело рук Кэролайн, тогда… Закрыв глаза, Брайан поплыл вперед, стараясь не думать о преграде из перекрещенных прутьев. Это ему вполне удалось, однако совсем

ненадолго — ровно до тех пор, пока лоб не стукнулся о железо. Захрипев от боли, он с невыразимой тоской глянул перед собой и внезапно испытал прилив эйфории. Препятствием, в которое он врезался, оказалась дверь на крышу.

Щеколда, в отличие от решетки, не имела к иллюзиям никакого отношения. Стиснув ее цепеневшими пальцами, Брайан повернул металлический стержень и рванул его вбок. Тот послушно скользнул без всяких выкрутасов. В следующее мгновение он с такой силой оттолкнулся ногами, что аж забурлило. Дверь распахнулась, и Брайан, проливая галлоны воды, вывалился из затопленной лестницы на крышу.

* * *

Брайан даже не понял, в какой именно момент его одежда внезапно стала сухой. Вот только что он прыгал по крыше, дрожа от грызущего кости холода, а вот на нем не осталось ни единой капли влаги, исключая выделение пота. Похоже, наваждения Кэролайн отлично имитировали физику вещей, но та быстро сходила на нет, когда прямой контакт прерывался. Воды, наполнявшей лестницу, не существовало. Точнее, некогда она, возможно, вытекла из того прохудившегося резервуара, но здесь воплощалась лишь ее призрачная проекция. Ледяная на ощупь, ирреальная вода грозила заморозить Брайана насмерть, и не исключено, что преуспела бы, однако простудиться от такого холода было невозможно. Просохнув, он автоматически согрелся и перестал скакать туда-сюда, растирая ладонями озябшие плечи. Пришла пора хорошенько осмотреться.

Должностные обязанности охранника не предполагали визиты на крышу здания, поэтому со здешними видами он был совершенно не знаком. Однако даже самые смелые фантазии, навеянные разыгравшимся воображением, не соответствовали открывшейся действительности. Прежде окна лже-третьего этажа вводили Брайана в заблуждение, коварно проецируя привычную картину. Теперь же призрачная реальность предстала во всей красе.

Города не было. Точнее, не было знакомого города. Вокруг, сколько хватало глаз, просматривалась совсем другая панорама. Застыв у юго-западного края крыши, Брайан смятенно смотрел на неизвестные дома и деревья, аллеи и скверы, площади и фонтаны. Высотные застройки отсутствовали. Улицы, обрамленные отнюдь не современными фонарями, проходили мимо низкоэтажных кварталов. По брусчатке неторопливо катили старинные автомобили, а на тротуарах неспешно прогуливались старомодно одетые

леди и джентльмены.

Немного придя в себя, Брайан догадался, что открылось его взору. Догадался не из-за особенностей архитектуры и отнюдь не потому, что невиданный город был будто соткан из струившегося зеленого света. На месте долгостроя возвышалось большое, сиявшее огнями здание. К его парадному входу подъезжали машины и запряженные лошадьми экипажи, а через гостеприимно распахнутые двери поодиночке и группами сновали люди. Фасад украшала огромная, красиво расписанная вывеска с весьма примечательной эмблемой, под которой царило немалое оживление. Попав в царство призраков, Брайан увидел все таким, каким оно выглядело в начале двадцатого века. Ведь именно тогда здесь и стояло то, что не опознать становилось просто невозможно. "Golden pellet". Это было казино Кэролайн!

Брайан попятился. Оцепенелое созерцание фантомной реальности внезапно навело его на очень тревожную мысль. А на чем он, собственно, стоит, если в те времена этого пятиэтажного строения не существовало? Глянув под ноги, он похолодел не хуже, чем в недавних объятиях ледяной воды. Крыша становилась прозрачной. Утрачивая материальную плотность, она словно подергивалась лучистыми нитями, сквозь которые начинали проглядывать элементы призрачного мира. Оставаясь на месте, Брайан рисковал очутиться в пустоте, что наверняка закончится непредсказуемым падением. Ощутив неподдельный ужас, он развернулся и что было мочи припустил к лестнице. А ее надстройка уже исчезала точно так же, как и все окружающее. Когда он достиг отвесной черной поверхности, та почти растворилась в зеленом свете, а под ногами практически ничего не было. Подняв горизонтальный фонтан брызг, Брайан с разбегу ввинтился в толщу воды, обдавшую его неприятными, но в данный момент едва ли не благословенными ощущениями. В тот же миг все вернулось на свои места. Здание, едва не испарившееся в видении прошлого, снова обрело привычную форму, будто никуда и не девалось.

Выглядывая из затопленной лестницы, Брайан не сразу осмелился вторично ступить на крышу. Когда же одежда вновь просохла, он быстро усвоил суть происходящего. Чем дольше он смотрел на призрачный пейзаж, зеленевший за пределами современной ему постройки, тем быстрее та начинала терять очертания, сама становясь лишь развеивающейся иллюзией. Завладевая разумом, иная реальность поглощала зыбкие остатки его собственной реальности. Если же взор Брайана сосредотачивался на крыше и не поднимался дальше ее границ, ничего страшного не происходило. Во всяком случае, до тех пор, пока не объявились ОНИ.

Снуя взад-вперед под неведомым ночным небом, Брайан взбудоражено размышлял, куда ему направиться дальше. Плыть назад выглядело архиглупо, а с другой лестницей дела обстояли ничуть не лучше. Правда, тамошние этажи могли оказаться открытыми, но Брайан нутром чуял — лучше искать другой путь. Сгоряча он даже подумывал соскочить на крышу перехода к долгострою, чье место сейчас занимало казино. Высота в один этаж представлялась не такой уж и большой, особенно если удастся за что-нибудь уцепиться, однако Брайан вовремя одумался. А что он станет делать ТАМ? Очутиться на переходе не означало в него спуститься, а гарантию разбить хотя бы одно окно никто не давал. Обратно уже не залезешь, и единственным выходом из ловушки станет прыжок вниз, навстречу светившейся зеленым земле. Так себе выход, между прочим.

Удержавшись от фатальной ошибки, Брайан предпочел попытать счастья с пожарной лестницей. В отличие от долгостроя, здесь ее сделали как положено. Подойдя к тронутым ржавчиной перилам, он убедился в этом собственными глазами. Ступеньки и пролеты, состоявшие из железных прутьев, выглядели вполне надежно. Он уже собрался ступить на площадку, как вдруг откуда-то снизу выпорхнуло нечто. Именно НЕЧТО, поскольку прежде Брайан никогда ничего подобного не видел. Оно напоминало воздушного змея, но не из бумаги, а рваного, колеблющегося на ветру черного балахона. В его капюшоне сквозило туманное облачко, отдаленно похожее на лицо, а длинные, будто нарезанные лентами полы драной мантии подозрительно смахивали на конечности. Взмыв свечой на полсотни футов, ОНО развернулось и принялось неторопливо кружить недалеко от крыши.

Даже храбрость отставного сержанта поколебала эта внезапная встреча. Чего уж там говорить — страх давно и отнюдь небезуспешно пытался овладеть его существом. Вот и сейчас он взметнулся цепкой леденящей хваткой, лишая жизненно необходимого мужества. Брайану пришлось сконцентрировать всю свою волю, чтобы стряхнуть оцепенение и продолжить путь по лестнице. Элементарная логика подсказывала, что было большой ошибкой излишне задерживаться на негостеприимной крыше. Как оказалось, ошибку он совершил именно тогда, когда поставил ногу на первую ступеньку.

Трудно представить, что могло произойти, успей Брайан спуститься хоть немного дальше. Впрочем, неясность заключалась лишь в том, какую именно форму обрело бы крайне дурное развитие событий. Неведомая тварь тут же прервала свой неспешный полет и спикировала в мгновение ока. Не приглядывай он за ней

краем глаза, Брайан не сумел бы отшатнуться и избежать полноценного контакта. Но и состоявшегося более чем хватило. ОНО задело его совсем немного — одними лишь развевающимися полами. Прежде похожие на длинные ленты, теперь они напоминали хищно шевелящиеся щупальца, и явно неспроста. Их прикосновение вызывало такую же адскую, ослепляющую боль, как и стрекала ядовитой медузы, которым они сейчас и уподоблялись. Ленты не успели обвиться вокруг предплечья, а лишь скользнули по нему в полете, отчего поражающий эффект оказался незначительным. В противном случае Брайан не вскрикнул бы от нестерпимого жжения, а упал замертво, парализованный шоком всей нервной системы разом.

В правой руке, от ключицы до локтя, возникли такие ощущения, будто ее исполосовали острым ножом, нацедившим в раны концентрированной кислоты. В глазах стало темнеть, а пульс утроился. Едва соображая, Брайан чуть не ринулся дальше по лестнице, чтобы опередить напавшую тварь, но на свое счастье не успел этого сделать. Та еще не развернулась для новой атаки, однако к ней спешило подкрепление. К Брайану стремглав приближалось не менее десятка существ, ничем не отличавшихся от неведомого ОНО. Некоторые неслись откуда-то снизу, другие поспешали вдоль стены, направляясь к пожарной лестнице. Если они достигнут ее все разом... Превозмогая боль, от которой туманился рассудок, Брайан соскочил обратно на крышу в поисках какого-нибудь убежища. А твари уже взмывали за его спиной, сбиваясь в подобие авиационного звена.

Когда Брайан обернулся, то понял — продолжи ОНИ нападение немедленно, он был бы уже мертв. Жжение отступало, а в голове, соответственно, светлело, позволяя мыслить рациональнее. Впрочем, намерение попытаться снова вряд ли относилось к рациональному мышлению. Брайан вторично сунулся на пожарную лестницу, рассчитывая преодолеть этаж, пока твари снуют в высоте. Звук, с которым они спикировали, был не визгом и не криком, а скорее некой высокочастотной тональностью, не оглушающей, но пробирающей до дрожи. Не столько рефлексы, сколько вызванный им страх заставил Брайана откатиться назад на крышу. И крайне вовремя! ОНИ прошили лестничный пролет насквозь, наглядно доказав, что укрыться за железом от них невозможно.

Путь по ржавым ступенькам был закрыт — во всяком случае, до тех пор, пока рядом снуют неведомые твари. Не собираясь сдаваться, Брайан выхватил кольт и открыл огонь на поражение. Он ни разу не промазал и каждая пуля достигла цели, однако не толь-

ко благодаря его твердой руке. Он считался довольно метким стрелком, но попасть по неторопливо лавирующим чудовищам было не так уж и сложно. А именно так те себя и повели, едва Брайан вернулся на крышу. Складывалось впечатление, что неведомые существа перешли в стадию патрулирования, отогнав его от пожарной лестницы; или от внешнего пространства за пределами здания, которым она частично являлась. Возможно, Брайан столкнулся со стражами призрачного мира, нападавшими на все неестественно для него живое. Как бы там ни было, узнать он об этом не успел.

Пули не причинили ИМ абсолютно никакого вреда, проходя через бесплотную субстанцию будто солнечный луч сквозь вакуум. Но твари не остались равнодушными. Перекликаясь на своей высокой тональности, они принялись снижаться, угрожающе шевеля полами-щупальцами. И вот одна уже вихрем пролетела над Брайаном, заставив того пригнуться. Выстрел в упор не произвел на нее никакого вредоносного эффекта, зато другое существо едва не достало его колыхавшимися черными лентами. Крыша вокруг Брайана внезапно задрожала, но не физически, а визуально. То возобновился эффект растворения в пространстве, не столь быстрый как прежде, но вполне заметный. Приближаясь к ней, твари словно вытесняли ее из своей реальности, а чем нереальнее становилась крыша, тем ближе они к ней подлетали. Вероятно, то же самое они проделывали при контакте с живым телом, отчего каждую нервную клетку охватывала невыносимая боль. Стражи будто стирали плоть и кости так, как стирает пятно на стекле тряпка уборщицы. Несколько взмахов черными полами — и вот от человека остался один лишь неупокоенный дух, навсегда присоединившийся к сонму призраков.

Брайан не знал, спровоцировал ли он чудищ обстрелом или же те все равно бы на него напали. Сейчас он понимал лишь одно — надо что-то предпринять, и предпринять незамедлительно. Третье касание — ибо второе своим дьявольским жжением только что чуть не лишило его разума — он уже вряд ли переживет! Забыв про пожарную лестницу, Брайан припустил по крыше. У него не было глаз на затылке, поэтому уворачиваться приходилось исключительно на звук. Кувырок за кувырком он избегал контактов с проносящимися мимо существами, а те постепенно распалялись. Если ОНИ насядут роем жалящих пчел, даже идиот не поставит на его жизнь и гнутой монеты.

Счет пошел на секунды. Исчезавшая крыша позволила Стражам приблизиться на критическое расстояние, а это оборачивалось для Брайана приговором. Выбора не оставалось. Затопленная

лестница представлялась очень скверным местом, но еще меньше он хотел соваться туда, куда в итоге пришлось. Скакнув не хуже зайца, он очутился возле большого стеклянного колпака, выполненного в форме пирамиды. Вскрывать дверь было решительно некогда. Мысленно скрестив пальцы на удачу, Брайан шарахнул рукоятью кольта по одному из стекол. Звон от посыпавшихся осколков отдался в ушах райской музыкой. К сожалению, другой звук не позволил немедленно воспользоваться образовавшимся проемом. Страж! Брайан вихрем рванул вокруг пирамиды, для верности проделывая в ней еще несколько брешей. Он уже завершал круг, готовясь воспользоваться самой первой, когда все едва не закончилось плачевно.

Существа не иначе как учились. Прекратив однообразное преследование, они сменили тактику. Часть из них по-прежнему вилась за убегавшим человеком, в то время как другая развернулась и направилась ему на перехват. Брайан вылетел прямиком на трех тварей сразу, и не распластайся он на крыше, те пронзили бы его насквозь. Ладонь кольнул кусок стекла, но ему было не до таких мелочей. Едва атакующие пронеслись над головой, он вскочил и одним прыжком нырнул в проем, увлекая за собой зазвеневшие осколки.

Брайану повезло, если происходящее с ним вообще можно было назвать везением. Он свалился на какую-то балку, а уже оттуда, цепляясь руками за все подряд, скатился на пол машинного отделения. Такими заканчивались шахты пассажирских лифтов, выходя на крышу пирамидальными куполами.

Снаружи верещали неистово кружившие твари. Глядя вверх, Брайан опасливо наблюдал за их перемещениями, посасывая ранку на ладони. Внутрь ОНИ вроде как не совались, однако их поведение ничего хорошего не сулило. Больно уж близко проходили траектории агрессивных полетов, отчего стеклянная пирамида пугающе бледнела и колебалась. Не дожидаясь развития событий, Брайан быстро сориентировался в обстановке. Само по себе машинное отделение никакого интереса не представляло. В нем имелась лишь одна деталь, в данный момент его заботившая, и именно к ней он направил стопы. Треск и грохот возвестили, что ему удалось достичь своей цели. Спустя еще несколько секунд преграда окончательно сдалась, и Брайан проник в шахту лифта.

Пять этажей — не так уж и много, особенно если надо спуститься всего на один. Впрочем, это как посмотреть. Падение наверняка будет не менее фатальным, чем с десятикратно большего расстояния. Внизу ведь ждала отнюдь не подушка безопасности, а нагромождение всяких металлических узлов, покрывавших каби-

ну лифта. На поверку, однако, не оказалось и той. Оценив ситуацию, Брайан удрученно выругался. Никаких пяти этажей не было и в помине. Шахта, озаренная колеблющимся зеленым светом, уходила во тьму. Уходила не в черную поверхность ледяной воды, а самой своей длиной. Кэролайн преподнесла очередной сюрприз. Глазам Брайана предстал бездонный колодец.

Нечего было и думать хвататься за стальные тросы, тянувшиеся куда-то в неизвестность. Герои кинобоевиков залихватски берутся за них голыми руками и спускаются будто по обыкновенному канату. Меж тем подобный маневр нельзя осуществить даже в перчатках. Крошечные металлические заусенцы, усеивающие всю поверхность тросов, не сточат под ноль разве что пальцы пресловутого Терминатора. От живой же плоти не останется даже костей. Брайан, не будь дураком, не совершил этой глупости, намереваясь слезать по стене. Та ведь не представляла собой сплошной монолит. Шахта лифта была полноценной технической конструкцией, состоявшей из множества узлов. В них входили не только направляющие для кабины и противовеса, но и фермы опор, закрепленные должным образом. При надлежащей сноровке, по ним вполне можно было перемещаться, раз уж некий вредитель куда-то подевал служебную лесенку. Приложила к тому руку Кэролайн или кто-то еще — для Брайана сути не меняло. Ругаясь от накатившего испуга, он схватился за одну из ферм, а затем стал медленно спускаться в пропасть.

Расстояние до четвертого этажа увеличивалось за счет сегмента к машинному отделению. Участок пути все равно получался небольшой, и на каком-нибудь отдельном стенде Брайан миновал бы его меньше чем за минуту. Вот только одно дело — заниматься скалолазанием в нескольких футах от земли и совсем другое — болтая ногами над бездонной ямой. По спине катились струйки пота, и этот же пот предательски устилал ладони, делая их мокрыми и скользкими. Вероятность сорваться кратно повышалась, а мысль об этом автоматически усиливала потоотделение.

Нащупывая надежную опору, Брайан тяжело дышал, до боли напрягая мышцы рук. Один раз стопа вдруг поехала, и он повис над пустотой, цепляясь за железо судорожно сведенными пальцами. Обошлось, однако ему понадобилось несколько минут, чтобы прийти в себя, отпустить ферму и продолжить спуск. Постепенно, шаг за шагом, Брайан настолько приблизился к заветной раздвижной двери, что имел право рассчитывать на успех. Тогда он снова взял паузу, чтобы перевести дух и дать отдых нывшим от напряжения рукам.

Непривычная нагрузка давала себя знать самым непосредст-

венным образом, тем более что Брайан прилагал кратно излишние усилия. То сказывалась нервная горячка, заставлявшая хвататься за выступы так, будто он собирался их согнуть. Горячку требовалось унять, поэтому ему следовало успокоиться, чтобы не оплошать в самом конце пути. Пользуясь перерывом, Брайан принялся рассматривать дверь, прикидывая, как ее открывать.

Задача представлялась несложной. Это снаружи понадобился бы особый ключ или грубая сила, а изнутри все обстояло иначе. Брайан ощутил душевный подъем, когда уяснил, что без труда проникнет на четвертый этаж. Увы, радовался он недолго. Внезапно в шахте звонко тренькнуло железом, а затем ее наполнили подозрительные звуки. Гадать об их происхождении не пришлось. Зазвеневшие тросы потянуло в машинное отделение, где загудел включившийся двигатель. Что-то загудело и далеко внизу, взмывая из непроглядной глубины. А Брайан-то думал, куда подевалась кабина… Вот она — на всех парах летит прямо к нему, учитывая скорость движения тросов.

Капкан получился практически идеальный. Вверх Брайан уже не успевал, прыжок вниз исключался сам собой, а внутри шахты деваться было решительно некуда. И доберись он прямо сейчас до двери, на ее открытие уйдет какое-то время, которого в его распоряжении попросту не оставалось. Кабина бешено взмывала, о чем звеняще пела неистово сматываемая сталь. Неестественно длинный трос на явно не предназначенную для этого бобину — такие физические мелочи Брайана сейчас не волновали, тем более в реальности призраков. В данный момент его заботил лишь удар, неминуемо последующий буквально через несколько секунд. Лифт либо снесет его целиком, либо размажет по стене кровавыми лохмотьями. Кабина уже показалась там, внизу, и стремительно приближалась, не оставляя ни единого шанса на спасение.

Брайан обреченно глянул на тросы, мотавшие ярды оставшейся ему жизни. Схватиться за них, несмотря на заусенцы, и взлететь назад в машинное отделение? Вряд ли. Те уходили в люк, куда человеку не протиснуться. Учитывая скорость, он либо не успеет избежать столкновения с потолком, либо его перемелет в фарш, затянув в тесный проем. Лифт, направляемый Кэролайн, наверняка не оставит ему безопасного пространства и врежется в перекрытие. Впрочем, небольшая надежда на успешный прыжок все же оставалась. Если он сможет соскочить с троса так, что ухватится за раму под машинным отделением и пройдет на руках… Брайан глянул вниз. Нет, не сможет! Времени на то не оставалось! Поднимавшийся лифт раздавит прыгуна в лепешку, ибо до его неумолимой массы оставалось всего ничего. Натянутые тросы, будто

издеваясь, пропели похоронный звон. Внезапно, по одному лишь наитию, Брайан выхватил вроде бы бесполезный сейчас кольт. Перезарядив обойму, он открыл бешеную стрельбу по крыше приближавшейся кабины.

Со стороны это выглядело чистейшим безумием — палить в здоровенную махину, к тому же махину неживую. Чтобы разнести лифт Брайану требовалась как минимум связка гранат, а лучше артиллерийская пушка. Обычный пистолет не мог причинить кабине никакого вреда, исключая несколько косметически неприглядных дырок. Но Брайан и не рассчитывал ее повредить, как не рассчитывал и на чудо. Он стрелял не абы куда, а в то место, где к лифту крепились тросы. Стрелял настолько интенсивно, насколько успевал нажимать курок. Обойма уже опустела, а он все давил и давил на спуск, хотя это не приносило ничего кроме сухих щелчков. Мимо его лица что-то пронеслось, свирепо хлестанув по стене, а затем еще и еще. Оглушенный грохотом выстрелов, Брайан не слышал, как звенели лопнувшие тросы. Он видел лишь надвигавшуюся кабину, поэтому даже не заметил, как его чуть не рассекла яростно извивавшаяся сталь. Заметавшись по всей шахте, высвобожденные тросы исчезли в люке машинного отделения. Кабина, практически достигнув Брайана, остановилась. Движение по инерции кончилось, и гравитация вступила в свои права. Зависнув на долю секунды неподвижно, лифт ухнул вниз, стремительно набирая скорость. Брайан, белый как мел, проводил ее падение полубезумным взглядом.

Сработали тормоза или нет, и куда там грянулся чертов железный ящик — значения не имело. Трясясь будто в лихорадке, Брайан едва не сорвался, преодолевая последние ярды до двери четвертого этажа. Он был очень близок к цели, но шахта не собиралась отпускать его так легко. Из бездны, куда свалился лифт, донеслось эхо далекого столкновения, отдавшееся вибрацией в железных фермах. Достигнув неведомого дна, кабина взорвалась, выбросив сноп ревущего пламени, и теперь это пламя, гудя и беснуясь, огненным селем неслось вверх. Заполонив собой весь колодец, оно вздымалось из глубины, наливавшейся ярким светом. Овевая стены шахты, всепожирающий жар раскалял железо и сжигал любую органику. В лицо ужаснувшемуся Брайану словно задышала сама преисподняя. Чтобы не обратиться в пепел, он должен был убраться из огненной ловушки, а для этого требовалось открыть раздвижную дверь. УСПЕТЬ открыть дверь. До нее оставалось всего ничего, и если пойти на риск, то…

Вытянув руку, Брайан едва не совершил поистине безумный прыжок, на который ни за что бы не пошел в обычных обстоятель-

ствах. Гонимый приближавшейся смертью, он чуть не нашел ее в собственной неосторожности. Лишь в последний момент его пальцы не оттолкнулись от надежной опоры, а вцепились в нее пуще прежнего. Надвигаясь из шахты, бурлящие клубы огня являли собой то еще зрелище, однако Брайан вдруг припомнил и другое, из своего армейского прошлого. В нем он устанавливал взрывчатку в похожий подъемник, а устанавливал потому, что взрываться в его конструкции было НЕЧЕМУ. Так откуда бы сейчас взяться этому столбу ревущего пламени?! Лифт — не бензовоз и не контейнер с динамитом, а всего лишь груда железа, способная детонировать не больше, чем булыжник. И упади он на что-то взрывоопасное, эффект все равно был бы другим, а кому вообще нужны такие заумные сложности? Брайан знал, кому.

Жар стал нестерпимым еще до того, как огненный вихрь достиг тела. Взметнувшись к жертве, он охватил ее своими раскаленными крыльями. Волосы сожгло мгновенно. Одежда стремительно обугливалась, а зашипевшая кожа пошла лопающимися пузырями. Горевшую заживо плоть терзала сумасшедшая, звериная боль. Руки, охваченные пламенем, превратились в факелы. Они больше не могли держаться за горячий металл и Брайан, разжав пылавшие пальцы, с диким воплем полетел вниз. И вот чтобы всего этого не видеть, он крепко зажмурился, не дожидаясь, когда его поразит надвигавшийся огонь. Но он поразил. Брайана овеяла упругая волна — порыв воздуха, сопровождавший мастерски наведенную иллюзию. Его не испепелило и даже не обожгло — наоборот, лицо и ладони ощутили дыхание холода.

Из шахты, после всех испытаний, Брайан вылез не иначе как чудом, благополучно открыв двери четвертого этажа. Чего бы и как ни подстраивала Кэролайн, он не упустил свой шанс. Почувствовав внезапную и всеобъемлющую слабость, Брайан плюхнулся ничком, забыв обо всем на свете кроме желания полежать на твердом полу. Он даже про пустую обойму забыл, думая только о благословенно надежной поверхности. Впрочем, про разряженный пистолет вскоре пришлось вспомнить, когда он узрел очередного врага. Нет — то была не свора призрачных, алчущих крови песиков, оставшихся в другом крыле здания. Когда Брайан передохнул и направился в сторону фойе, на его пути возникла человеческая фигура.

В принципе, следовало ожидать, что хоть из какого-нибудь помещения рано или поздно кто-то объявится. Разумеется, это все равно произошло тогда, когда Брайан был меньше всего готов. Одна из дверей бесшумно распахнулась, и в коридор ступил высокий мужчина в коричневом плаще, ниспадавшем до самых сапог.

Он выглядел совершенно нормально, пока не повернулся к Брайану. Лица не было. Под широкополой шляпой зияла огромная дыра, сочившаяся мозгами и кровью. Из чудовищной раны торчали осколки раздробленного черепа. Уцелел лишь рот, кривившийся в недоброй ухмылке. Красные язычки пламени, струившиеся на месте глаз, к сохранившимся чертам не относились. Они появились позже, после смерти этого человека, когда он стал неупокоенным духом. Стал вместе с ружьем, которое держал в момент гибели, а теперь недвусмысленно навел на Брайана.

Вспышка сверкнула прямо в лицо. Будь ружье настоящим, а не призрачным, она обдала бы пламенем и поразила снопом раскаленного воздуха. Ничего такого не произошло. Поднырнув под свистнувшую пулю, Брайан грянулся на пол в импровизированной подсечке. Он понятия не имел, чем ему грозило столкновение с фантомом, а действовал на чистых рефлексах. Стрелок не упал. Он лишь обдал Брайана чудовищным холодом, когда тот пролетел сквозь него. Сам же при этом подернулся так, будто его проецировала неисправная голограмма. Вскочив на колено, отставной сержант выхватил кольт и спустил курок. Щелк! Тогда-то и пришло время вспомнить про опустошенную обойму. Призрак развернулся. Его развороченное лицо испустило гневное шипение. Брайан едва успел уклониться от второго выстрела. Пуля, звонко чиркнув по полу, отскочила прочь.

Итак, дух все-таки воплощался в опасную для живых форму, но в отличие от ходячих мертвецов обладал несколько другими свойствами. Какими — сейчас и следовало выяснить, если Брайан не собирался расстаться с жизнью. Перезаряжать пистолет было некогда, поэтому он максимально сократил расстояние до врага, не позволяя тому воспользоваться ружьем.

Схватка с призраком носила поистине неординарный характер, трудно поддающийся описанию. В известном смысле, все удары Брайана не достигали цели, поскольку та немедленно развеивалась. Каждое попадание кулаком, локтем или ногой будто уходило в никуда, не встречая никакого сопротивления. То же относилось и к выхваченному ножу, чей клинок не слишком-то преуспевал. Казалось, приемы рукопашного боя были совершенно неэффективны, однако пользу они все-таки приносили. Исчезнув в одном месте, дух появлялся рядом, но тратил на это какое-то время. Оно не позволяло ему мгновенно достать Брайана в ответ, иначе тому пришлось бы совсем туго. Длинный ствол исключал успешный выстрел в упор, поэтому фантом использовал ружье как шест или дубинку.

Удары не оставляли синяков на теле отражавшего их Брайа-

на — они жгли его лютым холодом, грозя некрозом мертвеющих тканей. Снова и снова появлялся дух, пропустивший его атаку, и снова и снова он атаковал сам, поражая живые ткани. Брайан ощутил ледяное дыхание смерти, забиравшей его тело по частям. Сменив нож на электрошокер, он выбросил немеющую руку навстречу вновь объявившемуся врагу. Внутри бесплотной фигуры с треском зазмеились голубые молнии. Призрак замер, будто в стоп-кадре, но замер не застывшей картинкой. Сохраняя неподвижность, он весь замерцал в такт электрическим разрядам, становясь то менее, то более прозрачным. Он как бы вошел в стазис, не в силах ни проявиться в полной мере, ни исчезнуть. Давя на кнопку шокера, Брайан получил передышку, однако не знал на сколько. А бесконечно долго шокер работать не будет! Убрав его фактически на удачу, он перезарядил кольт плохо слушавшимися пальцами.

Убийственный хлад давал себя знать, и щелчок передернутого затвора едва не припозднился. Выстрел грянул как раз тогда, когда дух прекратил мерцать и преисполненный ярости набросился на Брайана. Пуля вошла ему в основание шеи, а пройдя сквозь нее оставила скол в стене коридора. Мужчина с ружьем развеялся, напоследок озарив пространство знакомой зеленой вспышкой — более яркой и более интенсивной, чем окружающий зеленый свет. Брайану сразу стало теплее, хотя холод в местах касания призрака никуда не делся. На коже под рукавом обнаружилась насыщенная чернота. Еще одна такая рукопашная схватка — и на нем живого места не останется! А та очень даже назревала. Дверь оставалась открытой, и вслед за первым фантомом неподалеку объявился второй.

Вот вам и причина, почему не стоит каждый раз стрелять в голову. Вскинув ствол на очередного врага, Брайан пальнул ему промеж пламеневших глаз, но тот уклонился, из-за чего пуля прожужжала мимо. Вторую пришлось всадить ему в грудь, и этого оказалось достаточно. Всплеснув руками, отброшенный призрак испарился, однако радоваться было рано. Из открывавшихся дверей начали выходить другие фантомы, чьи намерения не оставляли никаких сомнений. За мгновение до того, как его изрешетило, Брайан покинул коридор, нырнув туда, откуда появились два только что поверженных им противника. Был там кто-то еще или нет — он не знал, но точно знал, что не проживет и пары секунд, если не уберется из насквозь простреливаемого пространства.

Захлопнув за собой дверь, Брайан повернул замок и принялся водить дулом пистолета туда-сюда, выискивая новую цель. Таковая обнаружилась посреди просторной комнаты, озаренной нор-

мальным, а не призрачно-зеленым освещением. Она стояла лицом от Брайана, причем совершенно неподвижно, отчего тот и не поспешил открыть огонь. Потом же и вовсе опустил оружие, как и прежде завороженный открывшейся сценой.

Исключая одинокую человеческую фигуру, гостиная была совершенно пуста, но при этом имела несколько весьма примечательных особенностей. На ее стенах, традиционно убранных дорогими обоями, промеж картин были развешены большие, почти в пол, зеркала. Что же касалось самого пола, то он состоял из однородного покрытия под светлое дерево, красивого, только зачем-то разрисованного сеткой из множества ячеек. Каждая ячейка была пронумерована, а на одной из них и стоял бедно одетый молодой человек. Зачем все это нужно, Брайан понял тогда, когда прекратило бег так называемое Колесо Удачи. Его обширное круглое поле располагалось на потолке, обшитом резными деревянными панелями. Сияя огнями, оно щелкало выступами о тормозящий флажок, и щелкало до тех пор, пока не остановилось. Едва напротив стрелки замерла одна из цифр, пол немедленно отреагировал. Грохотнув скрытым механизмом, на месте каждой ячейки с тем же номером образовался провал. Такой появился и справа от игрока, а тот, облегченно выдохнув, подумал и сделал шаг вперед. Снова закрутилось Колесо Удачи, и снова открылись в полу пронумерованные люки, едва золотая стрелка указала на следующее число. За зеркалами нарастал какой-то гул, и внезапно Брайан осознал, что не зеркала это, а односторонние окна, за которыми стоят многочисленные наблюдатели. Среди них находилась и Кэролайн. Шаг за шагом игрок продвигался к другому концу гостиной, каждый раз выбирая на какую ячейку ступить; вновь и вновь раскручивалось Колесо Удачи, распахивая жерла выпавших ячеек. Несмотря на потенциальную опасность, Брайан не мог оторвать взгляд от очередного наваждения. Не без внутреннего содрогания он ждал, чем закончится эта явно небезвредная игра.

До финиша оставалась всего одна ячейка, когда под молодым человеком раскрылся люк. Его лица Брайан так и не увидел. Он увидел лишь фонтан крови, ударивший оттуда, куда провалился проигравший. В уши немедленно ударил гром аплодисментов, сопроводивших очередную смерть, а вслед за ним Брайана вернул к реальности и грохот выстрелов. Доселе выжидавшие, призраки в коридоре решетили дверь, за которой он укрылся, и решетили вполне успешно. Впрочем, не настолько, как должно было происходить. Пули лучили дерево довольно медленно, да и отверстия в нем появлялись раз в десять меньше положенного. Складывалось впечатление, будто кто-то пытался не столько добраться до Брай-

ана, сколько красноречиво намекал ему поспешить. Куда? Да вон туда, на пронумерованные ячейки! Кэролайн предлагала ему выбор — либо сыграть в ее мини-игру, либо свести знакомство с толпой вооруженных головорезов. Вероятно, тех самых, что некогда защищали хозяйку казино до последнего вздоха, а теперь служили ей и после смерти.

Затевать перестрелку с дюжиной призраков да еще в пустой комнате выглядело чистейшим безумием. Холодея от ужаса, Брайан приблизился к сетке с номерами и с замиранием сердца занял одно из ее полей. Пальба немедленно прекратилась, а в гостиной воцарилась тишина. Тут же застрекотало Колесо Удачи. Так вот зачем его разместили на потолке! Запрокинув голову, потенциальная жертва станет смотреть на свой жребий, не в силах отвести от него взгляд и более ничего вокруг не замечая. Брайан тоже не смог. Но он сумел отпрыгнуть назад, когда выпало ЕГО число. Люк разверзся спустя секунду, не успев проглотить соскочившего игрока. В следующее мгновение наблюдатели сердито загудели, а пальба через дверь возобновилась, став куда интенсивнее. Посыл был более чем ясен. Брайану пришлось вернуться на одну из ячеек, и игра возобновилась. Но стоит ли играть в нее по здешним правилам? Заколебавшись, он занес было ногу над следующим полем, и тут же получил наглядный урок. Загремев, в комнате открылись все люки разом, кроме того, на котором он стоял. И стоял ровно до тех пор, пока Колесо Удачи не решило его судьбу. Мимо! Стараясь не думать о стальных мясорубках, вертевшихся там, под разлинованным полом, Брайан сделал следующий шаг. Пощелкивание на потолке возвестило, что игра продолжилась.

Не в обычаях отставного сержанта было стоять столбом, пока кто-то решал его участь. Вот и сейчас он старался сообразить, как обойти навязанные Кэролайн условия. Безопасная зона находилась в досягаемости прыжка, поэтому его голова более-менее соображала. Следя за мельтешившими цифрами, Брайан искал СВОЙ выход из сложившейся ситуации. Он не пошевелился, когда механизм, весьма азартный в казино, но откровенно злодейский здесь, прекратил движение не на роковом числе. Картинно распахнувшись, указанные им люки захлопнулись обратно, предлагая ему шагнуть опять. Брайан шагнул, попутно выяснив, что по диагонали это тоже разрешается. Он все еще мог выпрыгнуть за пределы сетки, отчего не особенно беспокоился о безумной лотерее. Главное — успеть до того, как напротив стрелки замрет убийственное число. Увы, спасительный край скоро окажется в недосягаемости. Впереди раскинулось полторы дюжины люков, и шансы миновать их невредимым как-то не воодушевляли.

Очередной запуск Колеса Брайан встретил вполне стоически, однако его мужество начало иссякать, когда ему пришлось остаться один на один с судьбой. И то если один на один… Хотелось верить, что Кэролайн и впрямь играла честно, не тормозя круг с цифрами по своему желанию, иначе исход игры был предрешен. Брайана прошиб холодный пот, когда стрелка остановилась на соседнем от ЕГО числе. Как долго ему еще будет везти?.. Перешагивая с ячейки на ячейку, он добрался до середины комнаты, прекрасно понимая, что назад дороги нет. Но была ли она вперед? Что если воспользоваться узким бордюром между люками? Нет, не выйдет. Их обрамление сделали слишком узким, чтобы на нем смог кто-нибудь удержаться. Удержаться стоя или плашмя, а если хотя бы одна конечность сорвется туда, в железную мясорубку из шнеков и лезвий…

Брайан поежился, едва не прозевав очередную цифру. Впрочем, разве он мог что-то изменить? Колесо Удачи остановилось, а впереди разверзся указанный им люк. Сейчас он сомкнется вновь, и игровое поле раскрутится по новой. Осененный смелой догадкой, Брайан выхватил нож, без особого успеха использованный в схватке с призраком. Призвав на помощь всю свою сноровку, он метнул его в чертово устройство. Метнул не в центр и не наобум, а точно возле одного из внешних выступов Колеса — тех самых, что были призваны тормозить его бег, щелкая о флажок. Этим выступом Колесо на нож и наткнулось, когда закаленное острие вонзилось в обшитый деревом потолок. Гудя и подрагивая, оно вновь и вновь пыталось преодолеть возникшую преграду, и каждый раз безуспешно. Число, на которое указывала стрелка, оставалось неизменным, как неизменным оставался и пол игрового поля.

Из-за зеркал послышался нарастающий шелест, будто невидимые наблюдатели ожесточенно обсуждали сложившуюся ситуацию. Брайан внутренне сжался, готовясь к грядущему наказанию. На удивление, ничего страшного не произошло. Внезапно круг на потолке перестал елозить, силясь сломить неумолимую сталь. Немного постояв, Брайан осмелился прощупать путь ногой. Ему никто не препятствовал. Лишенное бега, Колесо Удачи более не выбрасывало роковые цифры, перестав открывать пронумерованные ячейки. Шаг. Еще шаг. Он миновал один люк, затем второй, третий, а потом в отчаянном порыве пробежал оставшееся расстояние и выскочил на финишную полосу. Тут же раздались не слишком громкие, но все же уверенные аплодисменты. Похоже, Кэролайн засчитала Брайану его сметливость. Скрипнув, в конце гостиной открылась дверь, куда он и удалился, не дожидаясь особого приглашения.

Постамент с черным кошелем выглядел сущим издевательством. Впрочем, он соответствовал логике вещей, ибо преуспевший игрок имел право забрать свою награду. Золотые монеты тускло блестели, выглядывая над горлышком с ослабленными завязками. Брайана охватили противоречивые чувства. С одной стороны, поход в долгострой уже не ассоциировался с обогащением, а давно превратился в борьбу за жизнь. С другой — зачем демонстративно отказываться от очень ценного приза? Если он взял первый кошель, до сих пор пребывавший за пазухой, почему бы ему не забрать и второй? Оставь он его на постаменте, правил игры это все равно не изменит, а в случае успеха сумма вырастет вдвое. Несомый вес, конечно, значительно вырастет, но выбросить лишнюю ношу куда проще, чем ее обрести.

Поколебавшись, Брайан решил поступиться гордостью и протянул руку к золоту. Он знал, за что Кэролайн так расщедрилась. Видение с Русской Рулеткой не представляло собой игру — тогда он оставался лишь наблюдателем. Сейчас все обстояло иначе, а за смертельный риск полагалась и соответствующая плата. Ну а раз полагалась... Внезапно пальцы Брайана прошли сквозь кошель, так и не ощутив ни шершавой кожи, ни холодка металла. Оторопев, он снова попытался взять черный мешочек, однако тот упорно не давался, словно был иллюзией. Вот теперь это точно выглядело настоящим издевательством!

Брайан хотел разразиться руганью, но гневные слова замерли на языке, когда из темной части комнаты выступила Кэролайн. Ладонь, коснувшись было кольта, замерла. Он припомнил прошлый опыт и с очередной эскалацией не спешил. Призрак медленно вытянул руку, указывая на кошель, и столь же медленно покачал головой. Затем плавно отодвинулся назад, снова скрывшись во тьме. Эта пантомима что-то значила, раз уж хозяйка казино объявилась возле нематериального сокровища. Что именно — Брайан понял тогда, когда кошель внезапно исчез, а на постаменте звякнула маленькая горка монет. Поразмыслив, он снова протянул пальцы, и на сей раз ощутил твердость золота. Игроку не полагалась положенная награда, раз он обманул Колесо Удачи, однако его находчивость все же заслуживала определенной компенсации. Сгребя монеты, Брайан хотел швырнуть их вслед своей мучительнице, однако быстро передумал. Эмоциональный жест дороговато ему обойдется. Лучший способ насолить злодейке — это покинуть ее казино не с пустыми руками. Рассовав золото по карманам, он пнул напоследок постамент и направился к выходу.

Кэролайн не подвергала игрока непрерывным испытаниям — в этом не было смысла. При желании она могла бы давно его

убить, однако в призрачную реальность заманивали совсем для другого. Эта зловещая женщина *играла* с Брайаном, намереваясь сжить его со свету, но наслаждаясь растягиваемым процессом. В этом заключался ее извращенный азарт, и поэтому она не поставила у двери лифта вооруженных фантомов. Те легко расстреляли бы Брайана в упор, когда он вылезал из шахты, да и прежде имели неоднократную возможность воспользоваться его уязвимостью. Ничего подобного не произошло, как не произошло всеобщее затопление, оставшееся в пределах лестниц, или массированное нападение на комнату охраны, откуда не было другого выхода. Даже зеленый свет наверняка струился не только для того, чтобы нагнетать жутковатое впечатление. Мало что видя, игрок оказывался не в состоянии полноценно реагировать на опасность, а это изрядно портило удовольствие. Когда хотела, Кэролайн создавала непроглядную тьму, но обычно позволяла Брайану понимать, куда он идет. Впрочем, природа зеленого света могла и не зависеть от ее воли, а в принципе была присуща миру призраков. Не исключено, что и возможности хозяйки казино все-таки чем-то ограничивались. Так это или нет — Брайану оставалось только гадать, играя со сданными ему картами. Он лишь пытался выстроить хоть какую-то логическую цепочку, позволяющую повысить шансы на выживание. Исходя из нее, за дверью из комнаты с постаментом его никто не ждал, поскольку другого пути отсюда не имелось. Высунувшись в коридор, Брайан убедился, что предположение соответствует действительности. Если полуреальное здание не обернется неведомым лабиринтом, до центрального фойе западного крыла оставалось всего ничего. Проверив магазин пистолета, он поспешил к заветному переходу.

Брайан был абсолютно уверен, что ему готовят очередной сюрприз, однако он никак не ожидал встретить то, с чем в итоге столкнулся. Не ожидал даже после всего уже увиденного и пережитого. Фойе исчезло. Вместо него открылся большой, посредственно освещенный зал, чьи закопченные своды поддерживали ряды кирпичных колонн. Расходясь кверху, они образовывали нечто наподобие широких арок. Арки имелись и в кирпичных стенах, но они представляли собой неглубокие тупики, заполненные какими-то коробками и ящиками. Утлые электрические лампы светились лишь вдоль центрального прохода, где был проложен свисающий кабель, а остальное пространство по старинке озарялось газовыми рожками. Тлея себе под нос, те давали света не больше, чем заплывшие свечи, причем многие ржавые отводы и вовсе не функционировали.

Держа кольт наготове, пораженный Брайан сделал пару ша-

гов, шурша какой-то крошкой по каменным плитам пола. Затем попятился и вернулся в коридор. Контраст выглядел поразительным. Современный промышленный интерьер никак не вписывался в декорации минувших веков. Не вписывалась туда и рекреационная зона, на месте которой обнаружился неведомый зал, кратно превышавший ее размерами. Отсутствие долгожданного фойе уже само по себе сказалось на душевной стойкости Брайана, однако помимо этой проблемы назревала и еще одна. Ничто под темными сводами не источало зеленого свечения, и он тут же заподозрил, что бы это значило. Подобное наблюдалось в гостиных с Русской Рулеткой и Колесом Удачи. Там возникали чрезвычайно правдоподобные иллюзии, и иллюзии очень опасные. Судя по антуражу, они были напрямую связаны с проклятым казино. Мир призраков пересекался с событиями прошлого, чем, вероятно, и вызывались особенности визуального воплощения. Отсутствие зеленых огней тревожило куда больше их наличия. Зал с низкими сводами соответствовал этой логике, а значит, Кэролайн опять вовлекала Брайана в какую-то смертельную забаву. И он предпочел бы ее избежать.

Отступив в коридор, Брайан подергал ближайшие дверные ручки. Заперто. Прострелить замок? Идея казалась удачной, пока выпущенная пуля едва не отрикошетила в него самого. Грохота он не боялся, поскольку духи и так знали где его искать, зато кое о чем другом возникли серьезные опасения. Что это было — неудачный выстрел или же кто-то не желал пускать игрока по иному маршруту? В памяти живо всплыли небьющиеся стекла. Решив пока воздержаться от повторного эксперимента, Брайан двинулся было дальше и остолбенел. Из-за поворота объявилась непроглядная чернота. Она неторопливо наползала, поглощая зеленый свет и окружающее пространство. Наползала медленно, но верно, проглатывая дверь за дверью. То воцарялась тьма бесконечного коридора долгостроя. Отыгранные акты сходили со сцены, а призрачное здание утрачивало свою реальную структуру. Пути назад не было.

Снова ступив в сумеречный зал, Брайан с замиранием сердца глядел в коридор, пожираемый наступавшим мраком. Тот подобрался совсем близко, но все же остановился в нескольких ярдах от кирпичных стен. Луч фонарика, включенного ради проверки, бессильно уткнулся в плотную завесу, где вспыхнули зловещие красные искорки. У Брайана имелась еще одна китайская шутиха, но тратить ее сейчас он не видел никакого смысла. Кэролайн не хотела, чтобы игрок почем зря возвращался назад — она гнала его вперед. А там все выглядело довольно пугающе.

Уловив тихий скрип, Брайан погасил фонарик и прильнул к ближайшей колонне. Скрип приближался. Воображение нарисовало небольшую плохо смазанную телегу, запряженную вяло плетущимся гужевым животным. Решив не терзаться догадками, он осмелился выглянуть в направлении странного звука. Черная, как сажа, лошадь, из чьих глазниц вырывались струи пламени, неторопливо перебирала огненными копытами, увлекая за собой платформу с горой окровавленных трупов. Рядом семенил сущий бес, покачивая рогатой головой в такт хромоного подпрыгивающей поступи. Вздрогнув всем телом, ужаснувшийся Брайан протер глаза и стряхнул наваждение, навеянное собственной одурманенной фантазией. Вероятно, то сказывалось упомянутое отравление разума, и в перспективе оно сулило окончательно превратить чертовщину в реальность.

Адская лошадь исчезла. Вместо нее размеренно вышагивал служитель в кожаном переднике, какие бывают у кузнецов. Держа оглобли, он катил за собой небольшую тачку на одной колесной оси. Испарился и бес. Впрочем, человек, его заменивший, выглядел не намного лучше. Крупная дробь, некогда попавшая в лицо, превратила мужчину в какого-то монстра. Дыра в развороченном животе и ковылявшая простреленная нога дополняли это впечатление, как дополнял его и частично обгоревший котелок на деформированной голове. Закинув на плечо ружье, жутковатый фантом вышагивал рядом с тачкой будто инкассатор, хотя в охране ее содержимое явно не нуждалось. Гора трупов Брайану только померещилась, но один там все-таки был, и сбегать он не собирался. Лежа на грубо оструганных досках, мертвец лишь подпрыгивал, когда колеса перескакивали через стыки пола.

С первого взгляда становилось ясно, что этот человек умер насильственной смертью. Синюшный цвет лица предполагал удушение или отраву, но дальше Брайан не захотел пускать в ход воображение, учитывая безумные игры Кэролайн. Он лишь следил за тачкой и призраками, пользуясь тем, что сам оставался в полумраке. Хотя последнее вряд ли играло какую-то роль. Привидениям наверняка не было до него никакого дела, иначе они давно бы напали. Оба целенаправленно везли куда-то бездыханное тело, и Брайан захотел выяснить, куда и зачем. Конечно, он предпочел бы удалиться в другой конец зала, где виднелся какой-то проход, однако в этой смертоносной реальности до сих пор ничего не происходило просто так. Неслышно перемещаясь словно ласка, он скрывался то за одной кирпичной колонной, то за другой, пока его глазам не открылось зловещее зрелище.

Тачка приближалась к большой печи, пугающе смахивающей

на печь крематория. В громадном прямоугольном жерле — шириной с целый коридор в поперечнике — пылал высокий огонь. Его языки стали лизать кирпичную стену, когда железные створы обнажили нутро печного зева. Потянув за рычаг, их привел в движение другой служитель, также одетый в кожаный передник. В зал вырвался сноп пламени, но два вооруженных призрака по обе стороны проема даже не шелохнулись. Вот из ИХ глазниц — не чета дьявольской лошади, — и впрямь вздымались огненные струи, как, впрочем, они вздымались и у остальных головорезов. Просто здесь, у яро гудевшей печи, этот эффект заметно усилился, придавая неупокоенным духам сходство с настоящими демонами.

Тачка остановилась. Сопровождающий с ружьем отодвинулся в сторону, а служители в передниках занялись мертвецом. Ощупав его карманы, они убедились, что поживиться им решительно нечем. Судя по одежде, покойник едва сводил концы с концами и наверняка пал жертвой соблазнительных посулов хозяйки бесчеловечного казино. Стащив тело с тачки, служители подступили к печи, раскачали его за руки и ноги, а затем швырнули в раскаленное жерло. Синюшный мертвец исчез за стеной ревущего пламени. Обратный поворот рычага сомкнул железные створы, чьи огнеупорные стекла засветились пуще прежнего. Брайан тихо выдохнул. Теперь он понял, как в заведении Кэролайн избавлялись от большинства проигравших.

Задерживаться в сводчатом зале явно не стоило, если Брайан не собирался последовать за трупом в печь. Служители остались у тачки, наблюдая за процессом сожжения останков. Никуда не ушла и охрана. Отступив от них подальше, он беззвучно обругал электрические лампы, горевшие тускло, но вполне достаточно, чтобы его выдать. Улучив момент, он выскочил из-за колонны и быстро пересек освещенное пространство. Это было рискованно, но необходимо, чтобы достигнуть того коридора, откуда привезли покойника. Кажется, призраки Брайана не заметили, хотя как минимум охрана глядела куда-то в его сторону. Не иначе как сказывались сумрак и расстояние. Правила игры могли быть таковы, что фантомы не атаковали, пока им не приказывали, или пока он не попадался им на глаза. Ну а раз так, больше ничего не препятствовало ему покинуть кошмарный зал, где в неестественно огромной и страшной печи сжигали мертвецов.

Оставив подвал казино позади, Брайан почувствовал некоторое облегчение. Зачем бы Кэролайн ни показала, где она прятала концы в огонь, на сей раз обошлось без смертельно опасных испытаний. Вероятно, она рассчитывала сломить игрока, воздействуя на его психику. Зрелище и впрямь было тяжелым, однако этой

женщине не удалось произвести на отставного сержанта достаточно разрушительное впечатление. Его нервная система стала совсем ни к черту, но все еще держалась за счет поистине железной воли. Брайан был крепким солдатом, и даже в таких обстоятельствах умудрялся сохранять присутствие духа. Вот только надолго ли? Он прекрасно понимал, что силы его на исходе и вскоре Кэролайн возьмет свое. Следовало как можно скорее достигнуть фойе и выбраться в реальный долгострой. Настороженно озираясь, он шел по обычному коридору, пытаясь упредить грядущую опасность. А та не замедлила объявиться.

Коридор уходил в неясную перспективу, где вдали вроде как виднелась долгожданная цель. Для привычного здания расстояние казалось немыслимым, но Брайан уже привыкал к здешней неестественной геометрии. Призрачная архитектура придерживалась оригинала лишь в общих чертах, регулярно меняя размеры и пропорции. Иными словами, он не мог встретить другую лестницу раньше пресловутого фойе, ибо в реальности они находились друг за другом, однако путь к нему обретал сюрреалистичные черты. Именно так Кэролайн подсовывала ему гостиные с кровавыми играми. Именно так она поступила и на этот раз.

Брайан внезапно осознал, что стены коридора постепенно сближаются. До какого-то момента он списывал эффект на свое разыгравшееся воображение, пока не убедился в очевидном. Руки, выставленные в стороны, одновременно коснулись декоративных панелей, что прежде было невозможно. Проход потерял целый ярд в поперечнике и продолжал терять по мере того, как Брайан продвигался вперед. Вскоре он стал настолько узким, что локти пришлось прижать к туловищу. Брайану были чужды приступы клаустрофобии, однако как тут не запаникуешь, если окружающее пространство сжимается с каждым шагом.

Фойе виднелось совсем рядом, когда коридор сомкнулся настолько, что дальше позволял идти только боком. Фактически, Брайан начал протискиваться между стен, цепляясь за дверные ручки. А стены продолжали сходиться. Тяжело дыша, он упорно лез дальше и дальше, пока в какой-то момент всерьез не испугался, что сейчас застрянет. До рекреационной зоны оставалось рукой подать. Казалось, хороший рывок способен лишить его пуговиц, зато позволит преодолеть самый узкий участок пути. Он его и совершил, только не вперед, а назад, с трудом вырвавшись из хватки смыкавшихся стен. Вот она, ловушка! Выигрывая дюйм за дюймом, Брайан втиснул бы тело так далеко, что уже не смог бы выбраться. Прорываясь к выходу, он должен был наглухо застрять в каких-то жалких футах от недостижимой приманки. Но если она

недостижима… Отступив туда, где можно было стоять не касаясь стен, он переводил дух. Согласно правилам, Кэролайн не лишала игрока хоть каких-то шансов на успех, однако как прикажете это понимать? Фойе очевидно недоступно! Словно в ответ на его вопрос, позади что-то скрипнуло. Резко обернувшись, Брайан наставил кольт на приоткрывшуюся дверь.

Избежав мучительной и долгой смерти между коварными стенами, игрок удостоился очередного испытания. Комната, куда бочком пролез Брайан, напоминала гимнастический зал. Во всяком случае, три каната, свисавшие с пятнадцатифутовой высоты, производили именно такое впечатление. За каждым из них по потолку тянулась горизонтальная лесенка, очевидно предназначенная для перемещения на руках. Все это представлялось бы детской забавой, не находись канаты над широким провалом. Его окаймлял стеклянный пол, позволявший хорошо рассмотреть крутившиеся внизу жернова дробилки.

В сравнении с Русской Рулеткой и Колесом Удачи новая игра показалась Брайану куда безопаснее. В тех все зависело только от воли случая, а здесь дело заключалось в ловкости, силе и сноровке. Их-то отставному сержанту не занимать! Он без особого труда допрыгнет до любого из канатов, висевших в нескольких ярдах друг от друга, и в два счета вскарабкается до потолка. Стеклянный пол, конечно, здорово будет действовать на нервы, мешая хорошенько оттолкнуться с самой кромки, но Брайана таким не проймешь. Что же касалось лесенки, то с его подготовкой можно преодолеть и вдесятеро большее расстояние! Вот только почему их три? Канаты и лестницы казались совершенно одинаковыми — выбирай любые. Предчувствуя какой-то подвох, он пристально наблюдал за действиями очередного призрака.

Зрелый обветренный мужчина, стоявший у края стеклянного покрытия, выглядел очень крепким и мускулистым. Должно быть, он работал грузчиком, о чем говорила его физическая форма и рабочая одежда. На эту форму он явно и рассчитывал, намереваясь преодолеть не такое уж и сложное препятствие, а медлил просто собираясь с духом. Потоптавшись напротив одного каната, мужчина переходил к другому и снова останавливался в нерешительности. В конце концов, он выбрал самый правый. Отойдя подальше назад, грузчик неуклюже разбежался и прыгнул, несомненно убоявшись оттолкнуться от самого края. Эффект прозрачного пола сработал, но он все-таки достал до каната и сумел за него ухватиться к невольному облегчению Брайана. В следующее мгновение канат выскочил из крепежа, и мужчина рухнул вместе с ним прямиком в огромную дробилку. Брайана аж передернуло. Отведя

глаза, он машинально прикрыл их ладонью от фонтанирующей фаршем ямы.

Когда тошнота отступила, кровь на жерновах уже исчезла, а роковой канат висел на прежнем месте. Брайан ощутил смертную тоску обреченного, поняв, что его ждет. Стоит ошибиться с выбором и... А ведь он даже не знал, только один путь ведет к неминуемой гибели или два из трех! Во рту стало суше чем в пустыне. Чувствуя слабость в ногах, он принялся бродить взад-вперед вдоль убийственной ямы. Когда ему однажды довелось пробираться через минное поле, впечатления и то были попроще. До боли в глазах Брайан всматривался в крепления канатов, надеясь разглядеть какие-нибудь отличия. Те, само собой, выглядели совершенно одинаково, о чем наверняка позаботилась Кэролайн. Он чуть с ума не сошел, размышляя, заключалась ли в падении призрака какая-то подсказка или нет. Был ли самый правый путь роковым, или же наоборот — именно сейчас там становилось безопасно? Проверить он мог только одним способом, а тот приведет либо к лесенке, либо отправит в дробилку.

Охваченный мучительным раздумьем, Брайан потерял счет времени. Злодейская игра, изначально представшая ерундовой, в действительности оказалась куда страшнее Колеса и Рулетки. Самому прыгнуть в эту кошмарную яму — то еще испытание! Однако надо было решаться. Из коридора фойе недоступно, а за гимнастической комнатой почти наверняка найдется обходной путь. Выглянув за дверь, Брайан бросил взгляд в сужавшееся пространство, тяжело вздохнул и поплелся обратно к провалу. С полчаса душевных терзаний — и вот он, наконец, собрался попытать счастья там, где не преуспел призрак.

Брайана всего трясло, когда он занял позицию для разбега. Страх, доселе более-менее контролируемый, вольготно растекался по венам, проникая в каждую дрожавшую клетку. Прошло несколько минут, прежде чем он стиснул челюсти и ринулся вперед. Быстрее ветра он домчался до стеклянной части пола и внезапно упал на спину. Тело, подхваченное силой инерции, потащило дальше. Цепляясь за последние футы, Брайан едва не кувырнулся в яму. Он практически в нее сорвался и повис на самом краю, свесившись половиной туловища. Ему удалось удержаться и вылезти на гладкое стекло, задыхаясь от пережитых мгновений. Нет, он не поскользнулся, и ничто не сбило его с ног, как могло показаться со стороны. Брайан прервал разбег сам, осененный неожиданным соображением. Его никто не торопил! До сих пор его, так или иначе, подгоняли, а теперь ни один призрак даже не попытался ускорить ход событий. Ему позволяли маяться сколько влезет.

Исходя из опыта в этом проклятом месте, подобное попустительство наводило на определенные размышления.

Вот и пригодилась вторая китайская шутиха. Отдышавшись, Брайан запалил фитиль и бросил ее на пол, а когда она затрещала огнями, носком ботинка отправил в дробилку. Расчет был чрезвычайно прост. Если духи столь болезненно воспринимали ее сполохи, то и неестественное окружение себя как-то да проявит. Брайан не то чтобы рассчитывал на иллюзорность ямы, но хотел проверить, не сокрыто ли в центре комнаты нечто совсем иное, нежели воспринималось глазом. И он даже не подозревал, насколько близко оказался к истине.

Кувыркаясь, цветастая шутиха шумно улетела в яму и была разодрана на части. Ее остатки продолжали трещать где-то под адскими жерновами, чья вредоносность теперь не оставляла никаких сомнений. Но вот кое-что другое отреагировало на игру света совершенно неожиданно. Центральный канат, мимолетно озаренный снопом искр, внезапно задрожал как будто в жару, когда над асфальтом поднимается горячий воздух. Эффект длился совсем недолго, ибо шутиха быстро сгинула в провале, но был достаточно выражен, чтобы Брайан его заметил. Заметил и обомлел. Потрясенный ужасной догадкой, он достал кольт и выстрелил в канат. Пуля прошла его насквозь, но не так, как шило через ткань, а как пальцы Брайана сквозь недавний кошель. Канат даже не шелохнулся, ни пробитый навылет, ни вообще хоть как-то потревоженный. Он был иллюзией! Словно в полусне Брайан сделал еще по выстрелу в соседние канаты. Затем в полуобморочном состоянии опустился на пол, осознав, что несколько минут назад избежал верной смерти. Гимнастическая комната оказалась непроходимой ловушкой, сочетавшей наваждение контактное с наваждением бесплотным. Левый и правый канаты не отреагировали на попадание так же, как и центральный. Пути через яму НЕ БЫЛО! Какой бы выбор ни сделал Брайан, он непременно угодил бы в дробилку.

Придя в себя, отставной сержант пружинисто вскочил на ноги. Продолжительный стресс поставил его на грань помешательства, однако он же озарял разум болезненными, но рациональными вспышками. Должно быть, так соображает маньяк, психически нездоровый, но при этом поразительно расчетливый. Отсутствие шанса на выигрыш означало лишь одно — Кэролайн завела игрока в тупик! Она не могла полностью перекрыть выход, только на ложный путь это правило не распространялось. Рулетка и Колесо были подлинными испытаниями. Физкультура же служила исключительно одной цели — поставить роковую точку в путешествии

Брайана. Но почему здесь и сейчас? Не потому ли, что удачливый игрок слишком близко подобрался к финишу? Однако если гимнастическое помещение — тупик, равно как и сужавшийся коридор, тогда... Попятившись, Брайан развернулся и стремглав выскочил из комнаты, отчаянно надеясь, что не ошибается.

Сумеречный зал никуда не исчез, ни поглощенный непроглядной тьмой, ни перекрытый каким-либо препятствием. Его низкие своды выглядели неизменно, кое-как озаренные все тем же убогим освещением. Неизменной выглядела и громадная печь, продолжавшая полыхать буйным огнем. Вот двое призраков, прежде неподвижно торчавших возле адского жерла, повели себя иначе. Едва Брайан приблизился, они выхватили револьверы и открыли на него настоящую охоту. К ней тут же присоединился хромоногий фантом с ружьем и оба служителя, взявшие кто лом, кто лопату. Одного из них он тут же вывел из боя, но град пуль заставил его укрыться за колонной.

Интенсивно отстреливаться Брайан не мог. Он прихватил несколько запасных обойм, только больше половины уже было израсходовано. Визит в долгострой не предполагал сборов на войну, поэтому каждый патрон следовало экономить. Увы, ограничение боеприпасов на призраков явно не распространялось. Более того — они даже не перезаряжали оружие, как и тот стрелок из комнаты с Русской Рулеткой. Зал сотрясал грохот выстрелов, пока из колонн фонтанами летела кирпичная крошка. Приближаясь, духи строчили как из пулеметов, не позволяя Брайану высунуться ни на дюйм. Все что ему оставалось — отступать от колонны к колонне, выжидая случая огрызнуться. Игры кончились, но он сам внес коррективы в происходящее. Вряд ли Кэролайн просто так расстреливала невооруженных людей, поскольку ни о какой честности тогда не шло бы и речи. Использовав принесенный пистолет, Брайан позволил ей противопоставить ему своих головорезов. И те старались на славу. От них и до сих пор хватало неприятностей, но теперь ситуация критически усугубилась. Призраки уже не подталкивали куда-то Брайана тем или иным способом — они явно пытались его убить. Струи пламени, вырывавшиеся из их глазниц, вздымались пуще прежнего. Каждый жест, каждое движение выдавали неистовую агрессию.

Брайана спасали размеры сводчатого зала, где было куда отступать. В противном случае фантомы давно накрыли бы его перекрестным огнем. Однако они и собирались. Расходясь в стороны, стрелки постепенно брали его в клещи, ловко избегая ответных одиночных выстрелов. Сосредоточенный на бандитах Кэролайн, Брайан едва не упустил из виду уцелевшего служителя. Под-

кравшись из полумрака, тот внезапно кинулся прямо на него. Лом звонко чиркнул по колонне, выбив дорожку искр. Успев пригнуться, Брайан всадил во врага пулю снизу вверх. Служитель, отброшенный к потолку, развеялся зеленым облачком. Тяжелое железо выпало из его исчезнувших рук и с лязгом грянулось на каменные плиты. Оно было частью наваждения, а не духа, поэтому и не пропало вместе с ним.

Бросив взгляд на бесполезный кусок металла, Брайан неожиданно нашел ему достойное применение. Увесистый прут ничем не мог помочь против стрелков, однако прекрасно бил электрические лампочки. Отступая, отставной сержант погружал во тьму оставшуюся часть зала, чем и сумел воспользоваться. Сняв с себя куртку, он выбросил ее из-за колонны. Ближайший призрак отреагировал на движение и немедленно изрешетил ее из револьвера. Вот в Брайана, выпавшего из укрытия на бок, он выстрелить уже не успел. Пролаявший кольт рассеял головореза во вспышке зеленого света. Трюк сработал и даже не закончился гибелью самого Брайана. Разделившись с целью его окружить, фантомы стали уязвимы поодиночке.

Два уцелевших врага все еще представляли смертельную угрозу, однако уже не столь критичную. Теперь Брайан мог маневрировать по всему залу, ловя подходящий момент. Обретя несколько новых дырок, куртка помогла избавиться еще от одного призрака, но этим же сделала последнего осторожным. Он уже не лез на рожон, а вел прицельный обстрел с безопасного расстояния. Фактически, противники обменялись ролями, что внезапно осложнило ситуацию. Для задуманного Брайану требовалось избавиться от всех бандитов, а оставшийся не подпускал его к себе. Недобро полыхая глазницами, он вел интенсивный заградительный огонь.

Безрезультатно потратив уйму времени, Брайан был вынужден пойти на риск. Запутанно перемещаясь, он выманил врага за собой, ибо тот не желал терять его из виду. Достигнув конца зала, он сделал кружную петлю и со всех ног ринулся в противоположном направлении — туда, где пылала огромная печь. Ряды колонн, между которыми он не забывал лавировать, служили ему прикрытием от выстрелов призрака. Правда, не очень надежным прикрытием, поскольку кирпичи крошились пугающе близко, но все же.

Впопыхах отстреливаясь фактически наугад, Брайан выскочил к гудевшей печи. Внезапно под темными сводами загремела такая мощная канонада, будто в нем объявилась по меньшей мере рота солдат. Забыв про свой замысел, он обернулся, пораженный поднявшимся грохотом, и пришел в ужас. Через оба прохода в зал

вбегали вооруженные призраки. Они стреляли настолько часто, что даже в полумраке их было очень хорошо видно. Многочисленные вспышки, мелькавшие сразу с двух сторон, озаряли десятки фигур. Оружейные стволы яростно плевались огнем, дьявольски эффектно дополняя неугасимое пламя в глазницах. Кэролайн натравила на Брайана целую армию.

Дать отпор стольким врагам было невозможно даже с неограниченным боезапасом, причем для пулемета, а не обычного девятьсот одиннадцатого кольта армейского образца. Шансы на выживание мгновенно свелись к нулю. Оттого-то Брайан и не понял, почему его не изрешетили ни сразу, ни погодя. Отпрянув от печи, он укрылся за ближайшей колонной, прекрасно сознавая, что ему конец. Осуществить задуманное он не успел, ибо стоял открытый как на ладони, а за кирпичной кладкой удастся протянуть не более минуты.

Перезарядив пистолет, Брайан ждал лобовой атаки сразу с трех направлений — по центру и с флангов, — однако грохот выстрелов продолжал сотрясать зал, а по его душу что-то никто не торопился. Набравшись смелости, он осторожно выглянул из-за угла, опасаясь немедленно получить пулю в лоб, да так и застыл с расширенными глазами. Призраки и впрямь устроили настоящую войну, да только не против Брайана, а друг с другом. Распределяясь по залу, одни их отряды поливали огнем другие. Активно действовали и одиночки, пользуясь прикрытием и групп и таких же отдельных стрелков. Снайперы с длинными ружьями обосновались на периферии, ловко сражая противника точными выстрелами. На переднем фланге преобладали атакующие с револьверами, позволявшими вести поистине ураганный обстрел. Оружейные вспышки сверкали настолько часто, будто в зале заперли не находящую выхода молнию. Заметавшись туда-сюда, она сыпала шаровыми разрядами, озарявшими темные своды получше всяких электрических свечей. Ошарашенный Брайан, созерцавший немыслимое побоище, внезапно сообразил, что здесь происходило. Призраки не палили в собратьев, обуянные приступом неистового безумия. Головорезы Кэролайн отбивали натиск законников.

Вероятно, нечто подобное развернулось в подвале казино много лет назад, когда кровавым играм пришел конец. Штурм, устроенный силами правопорядка, сопровождался многочисленными жертвами по обе стороны. Бандиты отражали атаки волну за волной, но численность их таяла, в то время как представителям власти подходило подкрепление. Казино, в конце концов, пало, усеянное окровавленными телами, среди которых почти не было раненых. На том бой и закончился, сокрушив империю азарта

Кэролайн. Призрачная же схватка не имела смысла. Ее участники были лишь эхом далеких событий, вновь и вновь сражая друг друга без всяких шансов что-либо изменить. Уничтожая бандитов, законники падали и сами, развеиваясь в точно таких же зеленых вспышках. Опрокидывая врага, они не достигали ровным счетом ничего.

Наблюдая за яростной перестрелкой, Брайан никак не мог взять в толк, происходила она спонтанно, либо же с какой-то целью. По логике вещей, все здесь управлялось волей хозяйки казино, а не возникало само по себе. Но зачем бы ей устраивать представление с законниками, выпустив их против своих же слуг? В этом он не видел никакого смысла. Во всяком случае, до тех пор, пока пуля не угодила ему в область сердца.

В громогласном хоре сотен выстрелов Брайан просто не услышал того, который предназначался для него. Внезапно он ощутил сильный удар и почувствовал, что падает. Воевавшие призраки до сих пор не обращали на него никакого внимания и даже не приближались к печи. Это и усыпило бдительность, заставив прозевать коварную атаку. Выстрел был не шальным, а прицельным. Кто-то очень точно навел оружие, и упавший Брайан темнеющим взором увидел, кто. Это оказался тот фантом, с которым он недавно оставался один на один, и про которого совсем забыл. Затерявшись в прибывшей толпе, он воспользовался рассеянным вниманием Брайана и прокрался к месту сжигания трупов. Его револьвер больше не строчил как из пулемета, а молчал, дожидаясь своего часа. Чуть выступив из-за колонны, призрак навел револьвер на открывшуюся цель и спустил курок. Дуло выплюнуло лишь одну пулю, зато прямо в сердце. Он выполнил свою задачу, как выполнила ее и вся эта светошумовая завеса с перестрелкой. Сраженный Брайан рухнул на пол, закончив затянувшуюся игру.

Печь насыщенно гудела, озаряя окружающее пространство метавшимся в жерле пламенем. Жаропрочные стекла отбрасывали длинные красные дорожки, колебавшиеся в такт огненному вихрю. В одной из них и лежало тело Брайана. Яростная схватка, к которой он не имел никакого отношения и даже не принимал в ней не участия, внезапно стала причиной его гибели. Она продолжала сотрясать зал, когда призрак с револьвером, сделавшим роковой выстрел, выступил из-за колонны и шагнул к убитому. Тот ведь не исчез будто фантом, ибо имел телесную оболочку, и головорез желал удостовериться в наступившей смерти. Но смерть не остановила руку отставного сержанта, чего никак не ожидал неупокоенный дух. Вскинув кольт, он одним выстрелом развеял врага во вспышке зеленого света.

Трудно было сказать, что хуже — умереть, либо же стать частью этого ужасного места. Поднявшись на ноги, Брайан прислонился к колонне и ощутил крупную дрожь при мысли о том, кем он стал. В куртке виднелась дырка от пули, проделанная к сердцу, и это выносило свой неумолимый приговор. С таким ранением было просто невозможно остаться в живых! Страшась прикосновения к самому себе, Брайан ощупал лицо и руки, пытаясь определить произошедшие в нем изменения. Кожа казалась холоднее некуда, как и положено призракам. Прозрачнее она не стала, зато побелела как снег, вполне соответствуя естественному цвету недавно скончавшегося покойника. Брайан почувствовал, что задыхается. Голова у него пошла кругом, а грудь стала бешено вздыматься, жадно хватая воздух. Должно быть, исключительно по привычке, поскольку умершим кислород ни к чему. Стиснув зубы, он попытался не дышать, и в висках тут же застучало словно молотом по наковальне. В черепной коробке запульсировало, как запульсировало в грудной клетке и в наполнявшихся огнем сосудах. Но у призраков не бывает пульса! Брайан порывисто приложил пальцы к сонной артерии и ощутил характерные толчки разгоняемой по венам крови. Той, которой отчего-то ни капельки не пролилось из смертельной раны. Схватившись за ворот, он так рванул куртку, что едва пуговицы не посыпались. В черном кошеле виднелось отверстие, сквозь которое тускло блестело золото. В прорехе показалось ребро монеты, но она не выпала, поскольку ее диаметр был гораздо больше диаметра пули. Головорез не промахнулся, попав туда, куда и метил, однако призрачный свинец застрял в мешочке с золотом, так и не добравшись до сердца. Этим и объяснялось чудесное воскрешение Брайана, ставшее летальным для его врага. Вот только дважды ему вряд ли так повезет, если он продолжит торчать столбом, поглощенный проблемами собственной анатомии! Уяснив, что ничего еще не кончилось, он живо прильнул обратно к колонне, нервно застегивая куртку.

Противоборствующим сторонам по-прежнему не было до Брайана никакого дела. Законники наседали, тесня бандитов. Последние бешено отстреливались, постепенно сдавая позиции. На поле боя объявились своры свирепых доберманов. Натравленные хозяевами, они как бешеные кидались на представителей власти, опрокидывая их навзничь. Глухо рыча, псы рвали мясо на костях и вгрызались в горло. Но падали они и сами, сраженные пулей или зарядом дроби. Побоище закипело пуще прежнего, однако его участники словно бы не замечали Брайана, и тому пришло в голову этим воспользоваться. Он понятия не имел, чем закончится схватка и что за ней воспоследует, так стоило ли выяснять? Если уж

рядом не наблюдалось враждебных призраков, к чему он стремился с самого начала, упускать подвернувшуюся возможность выглядело крайне опрометчиво. Но как же было трудно оторваться от надежной кирпичной кладки, когда зал сотрясала оглушительная канонада!..

Превозмогая инстинкт самосохранения, Брайан выбежал на открытое пространство, ежесекундно ожидая удара пули. Схватившись за рычаг, прежде использованный служителем в переднике, он рывком потянул его вниз. С лязгом распахнулись железные створы, явив полыхавшее жерло. На Брайана повеяло сильнейшим жаром. Идея, мелькнувшая у него там, в гимнастической комнате, теперь показалась особенно безумной. Увы, размышлять и колебаться было некогда. По стене, совсем рядом, зацокали пули. Обернувшись, он увидел еще одного призрака, подступавшего с фланга, а несколько поодаль не менее враждебного головореза, чьи намерения не оставляли сомнений. Вероятно, Кэролайн отправила новых убийц, скрывавшихся в кипевшей схватке. Выйдя на открытое пространство, Брайан спровоцировал их открыть огонь, под которым едва и не пал, когда пули загремели и по железной заслонке. В его распоряжении остались считанные мгновения. Отчаянно завопив, он сделал бросок и одним прыжком ворвался в стену пламени.

Огромная печь, дотла сжигавшая трупы, проглотила очередное тело будто мелкую сошку. Ей было совершенно безразлично, живое оно или нет. Огненный вихрь, бушевавший в раскаленном жерле, моментально сжигал легкие словно тончайшую бумагу. Полыхавшая жертва уже не могла дышать, пузырясь и обугливаясь в считанные секунды. Кричать от звериной, всепожирающей боли она тоже не могла, поскольку дыхательные пути и голосовые связки запекались коркой. Не могла она и видеть обожженными, лопнувшими от жара глазами. Все что оставалось несчастному, угодившему в пылающий ад — это биться в ужасной агонии, дожидаясь смерти-избавительницы. Но обычно ничего подобного не происходило, ибо в печь попадали одни лишь мертвецы, а тем было все равно. Даже служители Кэролайн не бросали туда живых людей, а кто сунется в огненный кошмар по собственной воле? Брайан сунулся. Презрев опаляющий жар и буйно вздымавшееся пламя, он сам прыгнул в лютое пекло, предавшись его испепеляющим объятиям. Истошный крик затих, заглушенный могучим гудением огня.

Брайан отнюдь не спятил, хотя его идея и балансировала на грани безумия. Он кинулся в печь не просто так, чтобы побыстрее покончить с тягостным испытанием. Здание, пусть и сюрреали-

стичное, имело с оригиналом несомненную основу, и эта основа выражалась в базовых точках соприкосновения. Брайан пришел к такому выводу проанализировав весь проделанный путь. Хозяйка казино подсовывала ему мистификацию за мистификацией, но они следовали вполне определенной структуре, раз он не угодил в произвольный лабиринт. А это означало, что и фойе никуда не делось. Его лишь спрятали в очередном наваждении, коим был сумрачный зал с низкими кирпичными сводами. Миновав призрачный подвал, Брайан сам пошел в тупик, где едва не сложил голову, в то время как выход остался позади. Там, в яростно пылавшей печи! Ведь она не просто так оказалась шириной с целый коридор в поперечнике — это и был самый настоящий коридор. Тот, что вел в долгострой. Просто на месте несуществующей двери теперь полыхал существовавший некогда крематорий. Одно наваждение подменило другое, и, прыгнув в огонь, Брайан отчаянно надеялся, что не ошибся. Объятый пламенем, он ощутил запредельное жжение, как внезапно ощутил и всю глубину своих заблуждений. Каким же надо быть идиотом, чтобы принять огромную печь за единственно верный путь и добровольно обречь себя на мучительную смерть! Крик, вырывавшийся для собственной храбрости, сменился воплем ужаса, но сменился совсем ненадолго, ибо ни одно живое существо было неспособно выдержать хватку такого чудовищного огня. С этим воплем Брайан и сгинул в ревущей печи.

Точнее, не сгинул, а провалился. Вогнав себя в сущий кошмар, сознание померкло, едва воспринимая происходящее. Брайан и сам не заметил, как пламя осталось где-то позади, а его словно по желобу швырнуло совсем в другое место. Жар исчез. В лицо вдруг повеяло поистине могильным холодом, который вполне соответствовал сменившемуся окружению. От пламени не осталось и следа, как не осталось ни малейшего намека на дьявольскую печь и кирпичный зал. Кругом опять разливался зеленоватый свет, озарявший нечто очень похожее на склеп. Окна в стенах заменяли ниши с большими и малыми вазами. Замшелый каменный потолок поддерживали темные от времени колонны. Под ними, затянутые паутиной, возвышались малахитовые постаменты, на которых тускнели горы сокровищ. Они громоздились решительно везде, порой едва оставляя пространство для прохода. Самая большая груда желтела в центре, промеж высоких напольных светильников. Кирпичами сложенные слитки устилали бесчисленные монеты. Их золотые рукава образовали пологие склоны, плавно ниспадавшие до самого пола. На самом широком недвижно покоилась женская фигура. Только одно место в кровавом казино соответствовало подобному облику. Это был склеп Кэролайн.

Брайан не думал, что после прыжка в раскаленную печь его все еще можно напугать. Но он испугался так, как никогда в жизни, когда женщина открыла глаза. Потревоженные золотые монеты осыпались с тихим мелодичным звоном, когда она медленно поднималась со своего погребального ложа.

– 4 –

Теперь, когда Кэролайн приближалась, стало ясно, отчего в долгострое ее платье казалось серым. Когда-то оно было белым, как и рассказывал погибший предшественник, а серой ткань стала от тлена. Он царил во всем этом давно забытом месте, похороненном людьми и самим временем в глубине земли. Тлен и прах, смешанные с вековыми наслоениями пыли и паутины. Золотые слитки и столбики монет, произведения искусства и ларцы с драгоценностями — все носило на себе печать забвения. Большие сундуки представлялись гробами. Малахитовые постаменты производили впечатление саркофагов. Полки шкафов напоминали ребра скелетов, развешенных вдоль замшелых стен. Вазы в нишах выглядели будто погребальные урны. Драгоценные канделябры потускнели от наслоений плесени. Плесень покрывала и пол из дорогого мрамора, свешивалась с потолка мохнатыми гирляндами. Пачки купюр она превратила в сплошное месиво. Затхлый удушливый воздух давил вековой тяжестью. В могиле Кэролайн не горела ни единая искорка, ибо заплывшие свечи не зажигались со времени ее кончины, но она не была погружена в кромешную тьму. Кругом трепетал призрачный зеленый свет, придававший обители неупокоенного духа особенно жуткое впечатление. Зеленым светились и глаза женщины, восставшей со своего золотого кургана. На нем она когда-то испустила последний вздох, замурованная в секретном подвале со всеми его сокровищами. С него она сейчас и поднялась, подступая к затрепетавшему Брайану. Все их прежние встречи носили иной характер. Теперь же стало очевидно, что Кэролайн приближается с очень дурными намерениями.

Палец на курке побелел. Женщина в сером безмолвно плыла к Брайану, и тот готовился вступить с ней в решающий бой. Он понятия не имел, поможет верный кольт или нет, но выбора все равно не оставалось. Выстрел не грянул. Будто упредив его раскаты, в голове внезапно зашелестел громкий шепот. Кэролайн не разговаривала с ним так, как говорил дух предшественника. Ее голос звучал непосредственно в мыслях, ибо тонкие бескровные губы не произносили ни слова. Хозяйка казино приглашала Брайана ос-

таться. Она предлагала не заканчивать игру, а добровольно поступить к ней в услужение. Неужели храброго солдата устроит быть жалким охранником на его нынешней работе, когда он может стать главой охраны ее казино? Вечным главой охраны, не боящимся ни бедности, ни самой смерти. Брайан хотел золота? Кэролайн даст ему золото! Он желал обеспечить свою семью? Хозяйка казино это устроит, как всегда устраивала и раньше. От него лишь требуется принять ее власть над собой, поклявшись вечно исполнять ее волю. Да, Брайану придется умереть, но смерть его будет безболезненной, и он немедленно восстанет духом, не чувствительным ни к боли, ни к неумолимому ходу времени.

Слушая коварные, беззвучные речи, льющиеся прямо в сознание, Брайан вконец поддался силе накатившего страха. Психологические барьеры, доселе стойко сопротивлявшиеся этому кошмару наяву, рушились. Шаг за шагом он отступал от жуткой женской фигуры, а та столь же неторопливо надвигалась в своей плавной, не шевелящей ни единой складкой платья манере. Надвигалась и продолжала увещевать. Ее шепчущий голос звучал вроде бы не зло и даже по-своему мелодично, но от него аж дрожь пробирала, столько в нем таилось смертельного яда. Мужественный солдат понравился Кэролайн. Оттого она его и щадила, предоставляя передышки между испытаниями. Сообразительность, позволившая ему избежать непроходимой ловушки, и храбрость, с которой он бросился в огромную печь, произвели на нее впечатление. Фортуна любит храбрецов, и девиз казино здесь отнюдь не пустой звук. Кэролайн не хотела его смерти. Точнее, она не хотела его ОБЫЧНОЙ смерти, которой заканчивали игроки. Она желала, чтобы отставной сержант отдал жизнь добровольно и стал ее вечным слугой.

В известном смысле, посулы призрака выглядели довольно заманчиво. Брайан мог обеспечить семью, сделав ее очень состоятельной. Обеспечить за высокую цену, но заплатит ее только он, а ни его дети, ни дети его детей уже ни в чем не будут нуждаться. Так может, отринуть сотрясавший тело ужас и заключить этот договор? Согласиться обрести бессмертие, служа могущественному духу Кэролайн? Воля Брайана едва не дрогнула, а его уста чуть не изрекли роковое согласие, настолько он был измотан чудовищной игрой на выживание. Но ему вдруг подумалось, с чего бы это хозяйке казино заговорить с ним именно сейчас? Она не желала ему обычной смерти? А может, она не желала отпускать его живым, когда Брайан миновал печь и фактически вернулся в долгострой? Там власть ее наваждений станет кратно слабее, а до выхода уже рукой подать. Предлагая сделку, не расставляла ли она очередную

ловушку, куда его практически сломленная воля вот-вот угодит? Сделав над собой усилие, Брайан дал ответ, но совсем не тот, на который рассчитывала Кэролайн. Озарившись снопом пламени, армейский кольт разрядился ей прямо в грудь.

Визг, исторгнутый призраком, резанул уши. То был не жалобный плач щенка, прищемившего лапу, и не бурная детская истерика, а выражение неприкрытой злобы. Скорее, даже вопль, а не визг, и не резал он уши, а пронзал, болезненно проникая прямо в мозг длинными острыми спицами.

Свинец не поразил Кэролайн. Она исчезла, но тут же появилась ярдом левее и чуть ближе к Брайану. Снова рявкнул кольт, и снова дух переместился, качая маятник не хуже заправского спецназовца. Отставной сержант разрядил пол-обоймы, но ни разу даже не зацепил надвигавшуюся женскую фигуру. Продолжая нацеливать пистолет, левой рукой он вытащил электрошокер, зазмеившийся синей молнией. Это не произвело на Кэролайн заметного впечатления. Порывисто перевоплощаясь, она продолжала надвигаться, сокращая дистанцию до Брайана. Тот же мог лишь пятиться, не желая поворачиваться к чудовищу спиной. Да и куда бы, собственно, бежать из замурованного склепа? Кругом, сколько хватало глаз, не наблюдалось ни единого выхода.

Очередной выстрел ушел в пустоту, только и брызнув золотыми монетами погребального ложа. А Кэролайн была уже совсем рядом. Ярд! Еще ярд! Брайан сделал выпад, пытаясь поразить ее шокером. Хозяйку казино озарила серия голубых вспышек. Ее платье взметнулось в стороны, будто от порыва сильного ветра, а с головы слетела вуаль. Распущенные волосы лавиной хлынули на плечи. Протянувшись в воздухе, они медленно заколыхались будто в водной толще. Но самой Кэролайн шокер не навредил. Легко порхнув мимо электродов, она оказалась вполоборота к Брайану, схватив его выше левого запястья. Всю кисть пронзил нечеловеческий холод, словно ее облили жидким азотом. Там, в долгострое, неупокоенный дух не пользовался им, нагнетая ледяной туман — он сам его источал. Источал он его и сейчас, ибо густая белая дымка широко расползалась от подола старомодного платья.

Брайан вскрикнул от боли, чувствуя, как теряет контроль над левой рукой, однако его правая была по-прежнему свободна. Молниеносное движение — и дуло кольта плюнуло огнем практически в упор. На сей раз Кэролайн не уклонилась, и пуля достигла цели. Увы, в отличие от своих прислужников она и не подумала развеяться в зеленой вспышке. Ее фигура лишь дрогнула так, будто на мгновение закоротило голограмму. У Брайана аж дыхание остановилось, когда в облике хозяйки казино промелькнули ее истинные

черты. До сих пор призрак более-менее походил на обычную женщину. Теперь же сквозь фантомную оболочку стали проглядывать следы векового тлена. Сквозь бело-зеленое лицо зарницами мелькали кости черепа, осклабленного в сардонической ухмылке. Глазницы пустовали. Седые локоны покрывала плесень. Через прорехи в истлевшем платье зияли ребра, а костлявые руки обтягивала сухая сморщенная кожа, покрытая глубокими язвами. Все это испускало насыщенный зеленый огонь, мятущийся самой сущностью неупокоенного злого духа.

Неестественно растянув рот, Кэролайн зашипела так, что у Брайана аж волосы на голове зашевелились. Он и глазом не успел моргнуть, как она сжала его за второе запястье, лишив возможности использовать пистолет. Хватка у нее оказалась не хуже армрестлера, да и в остальном ей было силы не занимать. Натужно пыхтя, Брайан старался высвободиться, но Кэролайн держала его будто клещами, обдавая чудовищным хладом. Стиснув зубы, он ударил ее ногой, и тут же об этом пожалел. Могущественному духу не сделалось ровным счетом ничего. Он даже не дрогнул, пропустив выпад сквозь себя, зато Брайан едва не утратил чувствительность ниже колена, таким лютым морозом пронзило его до костей. Удар другой ногой — и у него отшибло всякую охоту пытаться поразить Кэролайн врукопашную. Это было не только чрезвычайно болезненно, но и бесполезно. Физический контакт с призраком происходил лишь тогда, когда Брайана хватал сам призрак, и никак иначе. Хозяйка казино была слишком сильна, чтобы с ней удалось совладать так же легко, как с рядовыми фантомами. Он ощущал, как та прямо-таки вытягивает из него жизнь, покидавшую тело вместе с уходившим теплом. Ее глаза горели жестоким, неугасимым огнем, особенно хорошо различимым теперь, когда лицо Кэролайн находилось столь близко от лица Брайана. Он по-прежнему вырывался, однако немевшие конечности едва подчинялись, слабо трепыхаясь в стальной хватке призрака.

Что-то со стуком упало на пол. Пальцы более не держали шокер, и он вывалился под ноги слабевшему Брайану, утонув в дымке ледяного тумана. Следом за ним упал и тяжелый кольт. Он остался безоружным, утратив последнюю возможность дать Кэролайн отпор.

— Ты же не нарушаешь правила! — выдавил он синеющими губами. — Я нашел выход, но это не выход! И ты вмешалась лично, хотя я не могу тебя одолеть!

Апеллировать к призраку, который пытается тебя убить, выглядело довольно наивно. Тем не менее, реплика произвела должный эффект. Женщина в сером осветилась, источая зеленый огонь из

глазниц. Ее распущенные волосы зашевелились будто ожившие змеи. В уши Брайану опять полился настойчивый шепот, ставший еще более громким из-за близости духа. Ему вторично предлагали покориться. Советовали оставить все муки плоти, перестать сопротивляться и принять волю владычицы "Golden pellet", повелительницы множества душ.

— Я никогда тебе не сдамся, чудовище! — с гневом обреченного воскликнул Брайан. — Я никогда тебе не подчинюсь!

— Но ты почти готов это сделать, раз находишься тут! — шелестел, эхом перебегал вкрадчивый голос Кэролайн. — Смотри, какие несметные сокровища! Неужели ты не хочешь прикоснуться к ним? Неужели не желаешь стать их частью? Прими в свой разум мои золотые чертоги и останься здесь навеки!

Брайан сообразил, в чем заключался коварно обволакивающий его яд. Хозяйка казино настолько отравила его сознание, что он практически перестал отличать наваждение от реальности. Об этом предупреждал предшественник, и этот эффект сейчас усиливал злой дух, пытаясь окончательно подчинить его волю. Кэролайн не пыталась убить Брайана собственноручно. Она подстраивала все так, чтобы он сам позволил ей это сделать.

— Никогда! — выпалил отставной сержант.

Шумно втянув воздух, он внезапно шагнул к своей мучительнице и ударил ее в лицо головой. Он не думал о том, к чему это приведет. Все его существо охватила упрямая непокорность; нежелание пленного смиренно подчиниться схватившему его врагу.

Последовавший эффект был чрезвычайным. Брайана, окунувшегося в бесплотную оболочку призрака, практически ослепило чередой мимолетных видений. Он словно увидел могущество Кэролайн, связанной с призрачным казино и чередой наваждений из иного мира. Весь зеленоватый свет будто пронизывало тонкими нитями, и эти нити сходились к неупокоенному духу. Сходились сюда, в ее склеп, откуда она правила со своего погребального ложа. Она играла на них как на струнах музыкального инструмента, и каждое прикосновение порождало свои действия и образы. Этот свет просачивался и туда, в долгострой, видимый в каком-то далеком и словно неестественном представлении. Но только так его и мог видеть призрак, с некоторых пор чуждый в живом, отторгнувшем его мире.

Кэролайн отшатнулась. Выпустив запястья Брайана, она отпрянула назад, озарившись вспышкой исходившего из нее зеленого огня. В этой вспышке она и развеялась, как развеялись и тусклые груды золота. В склепе внезапно потемнело, а под его сводами раздался гул. Ураганный порыв ветра сбил Брайана с ног, на ко-

торых он и так едва держался. Беспорядочно размахивая руками, он попытался за что-нибудь ухватиться, но вокруг была одна лишь пустота. Растворились каменные стены со свисавшими с них гирляндами бледного мха, бесследно исчезли колонны и постаменты, сгинули мраморные плиты. Подхватив падавшего Брайана, воздушная волна закружила его в неистовой круговерти и выплюнула куда-то в черноту.

Кувырнувшись через голову, Брайан обнаружил, что лежит на холодном каменном полу. Лежит и вопит, уткнувшись носом в шершавый бетон. Прекратив орать, он подтянул к себе конечности, попутно обнаружив, что те вновь ему повинуются. Холод покинул тело, оставив по себе лишь колючее воспоминание, а в кровь возвращалось присущее ей тепло. Внезапно что-то звучно упало рядом. Шарахнувшись от очередной напасти, Брайан откатился в сторону, выискивая глазами источник шума. К его великому изумлению это оказались шокер и пистолет. Недолго думая, он подхватил оружие и рывком вскочил на ноги, пытаясь определить, куда его опять зашвырнуло. В здешнем полумраке он мало что видел, ибо зеленое свечение стало очень слабым. Тем не менее, обстановка оказалась слишком примечательной, чтобы Брайан ее не узнал. Всего один взгляд назад, подкрепленный светом фонарика, подтвердил невероятную истину. Там, за спиной, тянулся тупиковый переход, упиравшийся в глухую стену четвертого этажа, а впереди виднелись две пустующие шахты лифтов и проем на лестницу. Шокер и пистолет, потерянные в схватке с Кэролайн, объявились здесь точно так же, как и их владелец. Все они не принадлежали миру призраков, и он исторг их одного за другим. Брайан вернулся в долгострой.

* * *

Плутать более не приходилось. От заветного перехода Брайана отделяла всего пара лестничных пролетов. Стоит их миновать — и он окажется на том самом перекрестке, где впервые увидел призрак женщины в сером. Ну а там ей уже не удастся помешать ему раз и навсегда покинуть заброшенный корпус. Заглянув под куртку, Брайан убедился, что мешочек с золотом по-прежнему находится за пазухой, равно как и монеты в карманах. Он уйдет не с пустыми руками, назло желавшей его погибели Кэролайн. Рыба проглотила приманку, но благополучно удрала, оборвав приспущенную снасть. И обратно в сети уже никогда не вернется! Теперь ему хватит денег, чтобы не только уйти с этой работы, а и вообще переехать в другой город, подальше от невообразимой чертовщины. Чертовщины, о которой он еще вчера, как и любой разумный

человек, и мысли не допускал.

Сориентировавшись, где находится, Брайан перезарядил пистолет и направился прямиком к лестнице. В луче фонарика ее проем был отлично виден и ничем не заблокирован. Правда, на ступенях громоздилось немало мешков со строительным мусором, но те не образовали непроходимой баррикады. Власть хозяйки казино кончилась. Даже если та подсунет очередную иллюзию вроде грузового лифта или кирпичной стены, он уже знает как преодолевать такие препятствия. Теперь его единственные враги — реально существующие железные прутья и глубокие провалы, ну а уж с ними он как-нибудь управится.

Ощущая душевный подъем, растущий с каждым шагом, Брайан уже выходил на лестничную площадку, как вдруг заметил на нижнем пролете какое-то движение. Там был свет, и этот свет говорил о многом! Встревожившись, он тут же погасил свой фонарик, но было поздно. В следующую секунду он услышал чьи-то шаги, а затем оказался ярко освещен. Встречный луч слепил, мешая что-либо рассмотреть, но все же Брайан узрел характерные струи пламени, вздымавшиеся из глазниц. Оторопев, он шарахнулся назад, вскидывая кольт.

Головорезы Кэролайн не желали отступать! Один из них занял позицию на лестнице и явно не собирался пропускать беглеца по-хорошему. Здесь, в долгострое, он уже не просто испускал огонь из неугасимых глаз, а и направлял этот огонь на Брайана, ослепляя не хуже прожектора. И ослепляя вполне эффективно. За ярким светом было ничего не разобрать, а прозевать атаку становилось проще простого. Духа выдали пламенеющие глазницы, ставшие неотъемлемой частью его натуры. Они же подсвечивали контур в черной одежде, хорошо маскировавшейся в полутьме.

Завидев Брайана, головорез испустил гулкие злобные звуки, эхом раскатившиеся по всей лестнице. Психологический прием оказался силен, но не настолько, чтобы парализовать отставного сержанта страхом. Верный кольт не подвел, исправно выплюнув порцию свинца. В ответ грянула целая серия выстрелов. Фантом открыл огонь на поражение. Брайан успел откатиться в проем на четвертый этаж, поэтому пули врага лишь выбили облезлую штукатурку. Бандит, упустив его из виду, вновь разразился отрывистым злым гулом, будто выражавшим степень недовольства.

Криво усмехаясь, Брайан выжидал подходящий момент. Он знал, как устроена лестница, и видел расположение груды мешков. После всего пережитого один-единственный призрак его не остановит. Впрочем, Кэролайн и не могла натравить огромную толпу, лишая игрока всяких шансов на спасение, но это уже ее

проблема. Привстав, Брайан выстрелил в направлении источника света, а затем снова пригнулся, выходя из сектора поражения. Загрохотали ответные выстрелы, направленные туда, где он только что был. Но именно БЫЛ. Лестничный наклон закрывал от головореза часть верхней площадки, чем и воспользовался Брайан. Молниеносно сместившись, он чуть приподнялся несколько в стороне. Немного и ненадолго — ровно настолько, чтобы разрядить кольт по вспышкам вражеского оружия. Встречный огонь тут же прекратился. Фантом разразился чередой пронзительных отрывистых звуков. Не иначе как получив пулю, он бурно развеивался в пространстве. Не теряя времени, Брайан ринулся вперед, намереваясь поскорее миновать открытый участок, и едва не погиб. К сраженному головорезу подошло подкрепление. Ревя еще неистовее первого, второй призрак палил как сумасшедший, лишь каким-то чудом не уложив Брайана на месте. Тот был вынужден ретироваться на четвертый этаж и присесть за углом, осыпаемым градом свинца.

Отлично понимая, с кем имеет дело, Брайан особенно не торопился, намереваясь подловить очередного врага точно так же, как он подлавливал их всех до сих пор. Увы, треклятый головорез оказался еще осторожнее того, в зале с кремационной печью. Он не только не лез на рожон, но и занял такую позицию, где Брайан был не в состоянии его достать, не спустившись хотя бы на несколько ступенек. А там он сам становился настолько уязвим, что подобная вылазка граничила с самоубийством.

Экономя оставшиеся патроны, Брайан бесплодно потратил несколько минут, прежде чем уразумел неприглядную истину. Призрак никуда выходить не собирался! Обосновавшись на лестнице, он преспокойно его караулил, прекрасно зная, куда игрок держит путь. Лучше засады и не придумаешь! Будто в насмешку, он трескуче хрипел и отрывисто каркал, подзывая его к себе, но сам не двигался с места. Диспозиция выглядела скверно, если не учитывать маленькую деталь. Кэролайн всегда оставляла выход, и тот лишь следовало отыскать. Брайан недолго ломал голову. Активные манипуляции с фонариком вызвали очередную лавину огня. Пули мимо него так и свистели, но он намеренно привлекал к себе внимание, светя на лестницу не абы зачем. Положенный на пол, фонарик продолжал испускать яркий луч, создавая иллюзию присутствия владельца, и испускал он его в пролет с фантомом. Сам же владелец неслышной тенью скользнул к шахте лифта.

Теперь тьму развеивало лишь слабое зеленое свечение, продолжавшее сочиться из стен долгостроя, но его хватало, чтобы увидеть, где и за что держаться. С одной стороны, спуск был явно

проще, чем в прошлый раз, когда Брайан миновал машинное отделение и очутился над бездонной пропастью. С другой, там он мог шуметь сколько пожелает, а сейчас требовалось соблюдать абсолютную тишину. Из-за этого он перемещался очень медленно, тщательно выверяя любое движение. До третьего этажа было рукой подать, но Брайан преодолевал каждый фут со скоростью черепахи. Отрывисто хрипя и взревывая, призрак давал о себе знать, чем немало облегчал задачу. Отвлеченный фонариком, он все еще находился где-то на лестнице, и Брайан имел отличные шансы зайти ему в тыл. Цепляясь за ржавое железо и выбоины в стенах, он продолжал тихо спускаться, сдерживая дыхание.

Сердце билось так сильно, что казалось странным как его не слышит головорез, пока еще не обнаруживший исчезновение игрока. Но кто-то все же услышал. Внимательно выискивая, где поставить ногу, Брайан увидел, как заколыхалась тьма, сгустившаяся в основании шахты. Там скрывалась гора мусора, торчавшая из приямка, однако не она представляла опасность. Подлинная угроза притаилась во мраке, а теперь приподнималась из него, обретая внятные черты. Сперва это выглядело как черный конус, выступающий из черной смолы, но конус становился все выше, а его основание ширилось. И вот оно разделилось на несколько развернувшихся пластин, а конец каждой пластины рассекся на длинные полосы. Конус медленно развернулся, а следом за ним, волнуясь, будто полотнище паруса, изменили положение и пластины. Теперь сгусток черноты находился перпендикулярно стволу шахты, а его, будто рыбу крылатку, обрамляли огромные шипастые плавники, только не два, а четыре. Цепляясь этими шипами, сгусток стал карабкаться вверх, попеременно переставляя крылья плавников. Но он не просто карабкался, подергиваясь, как эпилептик — он трансформировался. Из темной массы показались руки с загнутыми когтями, а стен коснулись уродливые, дважды изломанные ноги. Из тела, обратившегося в черный капот с высоким воротником, поднялась голова, и похолодевший Брайан увидел лицо мертвой старухи. Обратившись к нему, оно разззявило пасть, усеянную рядом острых, как у пираньи, зубов. Зубы беззвучно смыкались и размыкались, будто уже терзали живую плоть, и старуха, вспыхнув красными глазами, резво заковыляла по стене.

Брайан едва подавил вопль ужаса, готовый вырваться при виде подступавшего чудовища. Любой шум выдал бы его головорезу, а укрыться от него в пустой шахте было просто негде. Но негде было в ней укрыться и от кошмарной твари, преодолевавшей этаж за этажом. Упираясь в стены, когти слабо искрили, оставляя

на них длинные дорожки. Плавники-крылья колыхались, словно гонимые ветром, и этот же ветер раздувал глаза старухи. Кто знает, какая сила или какое проклятие подняли из небытия эту безобразную ведьму — Брайан сейчас помышлял лишь о том, как не угодить в ее страшные объятия. А те уже раскрывались, намереваясь окутать его своей холодной чернотой; затмить для него всякую искру света и вернуть туда, откуда он с таким трудом выбрался.

Повиснув на одной руке, Брайан направил на мертвечину кольт. Ужас настолько проник в его сознание, что возобладавшие инстинкты взяли верх, требуя избавиться от монстра любой ценой. Миновав выход на третий этаж, ведьма преодолевала последние футы, безмолвно стуча зубами. Палец потянул курок, дрожа, как в лихорадке. Потянул, но не спустил. Брайан заметил странную деталь. Черные плавники переходили в длинные когти необычными полосами, и эти полосы очень напоминали полицейские ленты. Те самые, которыми обычно перетягивают место преступления, и которые он успел повидать в долгострое. Приглядевшись, Брайан понял, что и сами когти состоят из этих лент, а черное одеяние смахивает на какую-то форму. В его памяти шевельнулось смутное воспоминание, что-то говорившее про шахту лифта. Шахту лифта в долгострое. Кэролайн продолжала атаковать его наваждениями, но теперь, вырвавшись из призрачной реальности, он мог им сопротивляться, в том числе проникая в их подлинную сущность.

Сомкнуть глаза не помогло — чудовище не было иллюзией и никуда не делось, однако его черты преобразились. Они словно съежились, втягивая когти, и стали менее угрожающими. Снова смежив веки, Брайан попытался изгнать из головы ужасающее видение. Когда он посмотрел в шахту вновь, то сделал это уже не через призму навеянного кошмара. Посмотрел и вздрогнул, поняв, что перед ним никакая не старуха. Едва это сверкнуло в мозгу, как она окончательно развеялась, а с ней развеялись и плавники-крылья. Вместо жуткой ведьмы к Брайану взлетал седовласый мужчина в черной униформе. Тот самый, с которым он разговаривал в несуществующей комнате охраны. Предшественник, погибший в шахте лифта. ЭТОЙ шахте лифта.

У Брайана чуть сердце не остановилось, когда призрак поравнялся с ним, зависнув прямо в пустоте. Однако он не выстрелил, нутром ощутив отсутствие угрозы. Лицо явившегося духа выражало сильнейшее беспокойство. Он указывал в направлении заветного перехода, мотал головой и делал какие-то странные знаки. Увы, его рот открывался совершенно беззвучно, а читать по губам

Брайан не умел. Он определил лишь пару слов, среди которых были "опасность" и "наваждение", сопровождавшиеся часто повторяемым "опс". Выразительно жестикулируя, призрак водил по груди пальцем так, будто пытался нарисовать пентаграмму. Его лицо отразило подлинную горечь, когда стало ясно, что Брайан его едва понимает. Но тому вообще было трудно что-либо понять. Если дух послала хозяйка казино, она и навела кошмарное видение, узрев которое он едва не сорвался, а затем чуть не открыл огонь. Однако теперешнее поведение предшественника в эту схему не вписывалось. А появись он сам, зачем ему доводить до инфаркта того, кого он о чем-то хотел предупредить?

Подозревая очередную уловку Кэролайн, Брайан присматривался к парившему фантому, стараясь разгадать, в чем она заключается. Но не успел. Где-то неподалеку раздался зловещий смех, довольно громкий и очень хорошо знакомый. В немой мольбе призрак протянул к Брайану руки и исчез, обратившись в черную дымку. Распавшись миллионом крупинок, она осыпалась во мрак и исчезла. Надолго ли — размышлять было некогда. Звуки с лестницы изменились. Кажется, головорез сообразил, что его провели, и пришел в движение. В распоряжении Брайана остались считанные секунды. Убрав кольт, он прикинул оставшееся расстояние и прыгнул в проем третьего этажа. Гулкого приземления на бетон он уже не боялся, ибо сохранять тишину более не имело смысла. Вот сам прыжок был очень рискованным, и Брайан едва не сорвался, несколько мгновений балансируя на краю шахты. Равновесие удалось удержать, и он наконец-то очутился на долгожданном перекрестке с прямым выходом из долгостроя.

Головорез был тут как тут. Он не позволил Брайану добраться до заветной двери и сразу начал стрельбу, едва поймал его в поток света. Левое предплечье обожгло. Одна из пуль глубоко вспорола кожу, и порванная ткань тут же набухла от крови. Другая чиркнула по куртке, вырвав из нее клок, но не задев тело. Выскочив из шахты, Брайан успел покинуть Т-образный перекресток, иначе лежать бы ему бездыханным. Восточный коридор предоставил спасительный угол, за которым он и скрылся в южном направлении. Бежать к переходу, увы, было смерти подобно, ибо путь к его двери насквозь простреливался с лестницы.

Ближайшая дверь справа была по-прежнему не заперта, на что очень рассчитывал Брайан. Он ведь некогда проверял эту комнату, прежде чем погнался за женщиной в сером, и теперь надеялся найти в ней укрытие.

Внутри никого не оказалось. Прислонившись к стене, Брайан тяжело дышал, обдумывая создавшееся положение. Обойти-то он

призрака обошел, но тот по-прежнему блокировал выход. Прежде головорез не давал ему спуститься к перекрестку, а теперь держал под прицелом из проема на лестницу. И попробуй его оттуда выкури! Сам он не высовывался, а вылезти под его огонь означало верную гибель.

Находясь буквально в шаге от финиша, Брайан испытал приступ горечи, смешанной с гневом и отчаянием. А он-то, наивный, уже праздновал победу!.. Что теперь? Снова углубляться в долгострой, стараясь обогнуть призрака? Вторично отправляться на юг Брайану не хотелось чрезвычайно, в том числе из-за приснопамятной кирпичной стены. Иллюзия-то она иллюзия, но сквозь нее ничего не увидишь, а фантом наверняка этим воспользуется. Альтернативным же путем оставались внутренние окна, основательно забитые железом и фанерой. Если их удастся вскрыть, можно проникнуть в галерею вокруг внутреннего двора. Правда поднимется такой грохот, к которому головорез вряд ли останется безучастным. Стоит ему объявиться в дверях — и Брайан окажется легкой мишенью.

Застонав от бессильной ярости, отставной сержант оглядел стены, будто надеялся узреть в них спасительный лаз. Таковой он ожидаемо не нашел, но его глаза наткнулись на какой-то темный предмет, висевший совсем рядом. В полумраке он не сразу разобрал, что это было, поскольку фонарик остался на лестнице, но когда приблизился — изумился до глубины души. Брайан начисто не помнил, была здесь эта штуковина раньше или нет, только сейчас в его руках оказался большой огнетушитель. Интересно, не о нем ли пытался сказать предшественник, изображая пальцем что-то похожее на звезду снежинки? Она символизировала холод, а ее лучи красовались здесь, на этикетке красного корпуса. Что ж, коли так, спасибо, добрый дух!

Судя по тяжести, баллон был наполнен до отказа. Срок годности в такой темноте не разглядишь, но в данном случае он значения не имел. Брайан не собирался тушить пожар. Вернувшись с огнетушителем к двери, он осторожно выглянул в коридор. Выстрела не последовало. Призрак засел где-то в районе лестницы, судя по доносившемуся треску и отрывистым гулким звукам. Брайану почудилось, что в этих звуках он слышит слова угрозы или предупреждения, которые испускало трескучее эфирное чудовище. Ну и пусть угрожает! Главное, что помимо неразборчивой речи оно испускало также и свет, поэтому Брайан хорошо спланировал свой тактический ход. Выступив за дверь, он положил баллон на пол, а затем сильно толкнул его ногой. Гремя на щербатом бетоне, огнетушитель покатился по коридору, смещаясь в направ-

лении лестницы. Когда он достиг намеченной точки, Брайан произвел несколько выстрелов.

Взрыв превзошел все ожидания. Кто бы мог подумать, что металлическую емкость разнесет настолько впечатляюще. В уши ударил такой грохот, что Брайан чуть не оглох. Клочья баллона, разорванного давлением, зацокали по стенам не хуже шрапнели, а ударная волна качнула все ближайшие двери. Никто, разумеется, и не надеялся поразить призрака именно ей или осколками, но взрыв получился таким сильным, что в мгновение ока заполнил перекресток густой белой завесой. А это и было нужно!

Пригнувшись, Брайан ринулся вперед, пользуясь тем, что враг больше ничего не видит, а его собственное расположение выдает метавшийся яркий свет. Прогремели выстрелы, но прогремели они наугад. Жужжавшие пули ушли в молочную пустоту, в то время как Брайан, ориентируясь на источник света, открыл прицельный огонь. Отрывистый гул, издаваемый головорезом, внезапно прервался. Пламя, вырывавшееся из глазниц, сникло к полу и исчезло из поля зрения. Туда же опал и свет, угаснув с тихим звуком бьющегося стекла. Брайан не видел, как сраженный фантом развеивался из реальности, но и так было ясно, что путь из долгостроя расчищен. Медлить не стоило. Белые клубы надежно скрывали его от любого врага, но продержатся они очень недолго. Устранив прямую угрозу, он развернулся и бросился к долгожданному выходу.

Дверь распахнулась без всякого сопротивления. Кэролайн не могла ее заблокировать, поскольку это была единственная дорога из долгостроя. Перед Брайаном открылась финишная прямая. Оставляя позади весь этот безумный кошмар, он со всех ног побежал по переходу. Он бежал как во сне, отрываясь от шершавого бетона будто невесомый, и как во сне впереди появились яркие огни. В коридор между зданиями, прямо навстречу Брайану, ступили сразу четыре призрака. Их лица скрывали потоки света, но они были не в состоянии затмить неугасимое пламя, струившееся из глазниц. Завидев беглеца, фантомы разразились громыхающими звуками, а из долгостроя донесся пронзительный хохот Кэролайн. Пусть Брайан и завершил ее жестокую игру, но она не собиралась его отпускать. Финал не распахивал перед ним двери — он лишал всякой надежды на спасение. Все это Брайан осознал, когда остался один на один с четырьмя духами прямо посередине абсолютно пустого перехода.

— Будь ты проклято, чудовище! — истошно вскричал он под прицелом рыкающих призраков.

Деваться ему было некуда. Вскинув верный кольт, отставной сер-

жант вступил в бой, который уже не мог выиграть. Качая маятник, он яростно палил в группу головорезов, спуская курок так часто, как только успевал. В иных обстоятельствах удача, глядишь, и улыбнулась бы столь храброму и стойкому солдату, однако узкое, насквозь простреливаемое пространство не подарило ему ни единого шанса. Ответный огонь рвал его тело, не оставляя на нем живого места, и укрыться от свинцового града было решительно негде.

Брайан был еще жив, когда опустела его последняя обойма. Сухие щелчки возвестили о том, что он расстрелял все патроны. Два призрака были уничтожены, а третий выбыл из боя. Увы, последнему уже ничто не помешало добить истекавшего кровью игрока. Пуля пробила запястье, и разряженный кольт выпал из разжавшихся пальцев. Другая прошила левый бок совсем рядом с сердцем. Слабеющий Брайан бросился к окну в надежде выбить его и выпрыгнуть с третьего этажа, но замысел был неосуществим. Оно находилось слишком высоко, а его ширина не позволяла молниеносно осуществить сей маневр. Отставной сержант это понимал, отчего и не поступил так сразу. Просто он боролся до последнего. Он даже успел подпрыгнуть, силясь перемахнуть подоконник, но очередная пуля поразила его прямо в воздухе. Мешковато кувырнувшись, Брайан упал, задыхаясь и кашляя кровью. Еще две вошли в уже распростертое тело, охваченное предсмертными судорогами. Угасающие глаза уставились в потолок. Последнее, что услышал Брайан, был далекий язвительный смех, доносившийся из глубины долгостроя.

* * *

В прессу трагедия не попала. Полицейское управление не хотело афишировать, что всего один человек уложил наповал четырех патрульных и тяжело ранил пятого, навсегда оставившего службу. О ней сохранился лишь отчет, но он отправился в архив, когда следствие закрыло дело в связи со смертью подозреваемого. В сухих лаконичных формулировках значилось немногое. Наряд, прибывший на сообщение о стрельбе в недостроенном здании, подвергся нападению. Патрульные успели вызвать подмогу, но были убиты охранником предприятия, не желавшим идти ни на какие переговоры. Вероятно, он сошел с ума, поскольку расследование показало, что никакой причины нападать на полицейских у него не было. Об этом свидетельствовали и слова погибших копов, успевших сообщить по радио о его поведении. Оно трещало больше обычного, как из-за сильных помех, но все же работало. Охранник словно не слышал офицеров и реагировал так, будто видел

перед собой каких-то чудовищ. Это подтверждали и выжившие в той кровавой бойне, застрелившие его в переходе между зданиями.

Обыск подозреваемого ничего не дал. При нем обнаружили лишь простреленный мешочек из черной кожи, частично наполненный высып*а*вшейся свинцовой пылью. Свинцовая пыль нашлась и в карманах охранника, а зачем она ему понадобилась — осталось неизвестным. Неизвестным осталось и то, где он расстрелял б*о*льшую часть патронов из найденных при нем пустых обойм. Смартфон подозреваемого, разряженный до нуля, также ничего не прояснил. Там содержались самые обычные снимки, а последние из них, датированные трагической ночью, представляли собой неразборчивую, не поддающуюся анализу кашу.

Согласно рапорту, полицейские слышали странный женский смех, доносившийся откуда-то из заброшенного здания. Его тщательно обыскали, но никого не нашли. Учитывая обстоятельства, следствие пришло к выводу, что они стали жертвами галлюцинации, спровоцированной стрессом. О галлюцинациях сообщил и начальник подозреваемого, рассказавший, что тот проявлял к долгострою повышенный интерес. Увы, он не ожидал от внешне здорового человека, бывшего военнослужащего, столь катастрофического помешательства.

Детективам не понравилось, что за доступом в постройку, находящуюся в удручающем состоянии, столь плохо следят. Инцидент с ней был отнюдь не первым, а если так пойдет и дальше, то станет и не последним. Однако само по себе это не считалось преступлением. Вероятно, несколько иного мнения они были бы о золотых монетах, внезапно обнаруженных семьей подозреваемого. Кто положил их в почтовый ящик — ни вдова, ни дети не знали, только и в полицию об этой находке никто из них не сообщил. Семь увесистых кругляшей, будто выплаченных в качестве компенсации, таковой и остались. Семья, потерявшая кормильца, не могла отказаться от столь крупной суммы, пусть и неведомо откуда взявшейся.

Закрыв дело, полиция вновь разрешила доступ на место трагедии, о которой теперь напоминали лишь обрывки черно-желтых лент. Свинцовая пыль, найденная у застреленного охранника, внятного истолкования не получила, отправившись вместе с его вещами в архив. Никто не узнал, откуда она взялась, хотя ее происхождение объяснялось очень просто. Брайан ведь так и не покинул долгострой.

К О Н Е Ц

КОГДА КРИЧИТ ФИЛИН

Сколько стоит истина?

– 1 –

С мелодичным звонком раскрылись двери лифта, выпустив единственного пассажира. Зеркальная стена отразила худощавого мужчину средних лет. Его аккуратная прическа была под стать хорошей одежде. На гладко выбритом лице блестели умные карие глаза. Поправив черную сумку, он ступил на двадцать пятый этаж, явственно потянул носом и улыбнулся. От кофейного автомата ощутимо тянуло знакомыми запахами.

— А у нас, как я погляжу, все по-прежнему, — усмехнулся приехавший. — Иногда мне кажется, что этот аромат будет преследовать меня всю жизнь.

Невысокий блондин, стоявший подле упомянутого агрегата, обернулся на голос и прищурил чуть близорукие глаза.

— Клайд! — радостно воскликнул он, забывая про наполнявшийся стаканчик.

— Привет, Чарли. Что, опять решил глотнуть немного того, что наш любимый босс искренне считает отличным кофе?

— Не будь таким привередой. На самом деле все не так уж плохо, и тебе это известно, — хихикнул тот, кого назвали Чарли.

— Да конечно. Раньше и я мог пребывать в иллюзиях, где сейчас находишься ты. Увы, моя нынешняя поездка окончательно их развеяла. На свете есть вещи куда более изысканные, в отличие от этой визитной карточки нашего этажа — уж не знаю, какой враг человечества подсказал нашему боссу столь подозрительную смесь. Уже два года автомат заправляется исключительно ей, вызывая у меня с каждым днем все меньше симпатии к своей утробе, — послышался скептический ответ.

— Кстати об этом! Как съездил? У тебя такой довольный вид, что только дурак не догадается — последний месяц ты наверняка потратил не зря, и у тебя на руках имеется отличный материальчик!

— Нет-нет, дружище, никаких комментариев! — Клайд Андерсон шутливо замахал руками, отстраняясь от наседавшего коллеги. — Ты знаешь мое правило. О своих репортажах я начинаю говорить не раньше, чем материал попадает в печать.

— Да ладно тебе, Клайд! Уж мне-то мог бы вкратце и рассказать. Видно же, что тебя аж распирает от самодовольства! — настаивал блондин, окончательно забывший про стаканчик с кофе.

— Чарли, обещаю поведать тебе все подробности дела исключительно словами очевидца, но — только после того как босс отправит статью в номер. А пока мне побыстрее надо попасть к себе в офис и привести кое-что в порядок.

Отделавшись от настойчивого коллеги, Клайд направился вглубь лабиринта из стекла и металла, заодно именовавшегося редакцией. Здесь он уже много лет подвизался на поприще журналистики и с каждым годом все больше преуспевал. Кругом царила обыденная суета: трели телефонных звонков, беготня курьеров, кипы бумаг на столах сотрудников и деловитое гудение самой разнообразной техники. Шумели большие и малые кондиционеры, привнося на этаж свежесть и прохладу. На гладком, старательно натертом полу отражались огни множества ламп. Проходя мимо застекленных секций, которые он давно окрестил "аквариумами", Клайд изредка встречался взглядом с кем-то из коллег. Он приветственно махал рукой, но не задерживался даже на секунду — будет еще время поболтать. Шурша начищенными ботинками, он шел все дальше и дальше, пока не оказался у дверей собственного кабинета. Ловко увернувшись от дюжего малого, тащившего куда-то гору разноцветных папок, Клайд прошмыгнул в заветную дверь и щелкнул замком. Он не хотел, чтобы кто-нибудь из знакомых тут же вломился в его уютный офис. Бросив дорожную сумку в кожаное кресло, Клайд уселся за рабочий стол и откинулся на спинку стула. Он оглядел свое пристанище так, словно не был здесь целый год, а не один-единственный месяц. Впрочем, ему и впрямь казалось, что последний раз он приходил сюда очень давно — столько всего приключилось в командировке. Положив руки на краешек стола, Клайд побарабанил пальцами, с задумчивым видом глядя куда-то в сторону. Он будто воскрешал в памяти недавние события. Потом встрепенулся, включил компьютер и принялся за работу.

Через три часа Клайд наконец-то оторвался от дисплея, а в сторонке тут же зашумел принтер, выбрасывая отпечатанные, пахнущие краской листы бумаги. Выбравшись из-за стола, журналист обождал, пока печать не завершится, взял готовый текст и быстро пробежал его глазами. Убедившись, что результат полностью соответствует ожиданиям, он сложил листы в черную, заделанную под кожу папку для документов. Электронная почта — вещь, безусловно, хорошая, однако предъявлять материал на изучение лучше всего "вживую".

— Ну-с, босс будет доволен, — усмехнулся Клайд.

Его взгляд переместился по столу, словно ища, не забыл ли он чего, и наткнулся на лоток входящей корреспонденции. Почтовая служ-

ба исправно выполняла свои обязанности, поэтому лоток оказался наполнен едва ли не доверху.
— Черт побери, про тебя-то я и запамятовал… — проворчал журналист, нехотя протягивая руку к внушительной горе нераспечатанных писем. — Кажется, боссу придется подождать еще немного…
Вероятно, не стоило откладывать визит к главному редактору, но мало ли что важное лежало в этой пачке. В конце концов, он только что подготовил статью, и теперь мог уделить несколько минут разгребанию служебной почты.

Клайд бегло просматривал конверты, откладывая на потом одни и распечатывая те немногие, которые действительно представляли интерес. Пробегая глазами содержимое, он делал заметки в блокноте и тут же хватался за следующий лист. Так журналист перебрал почти все письма, когда его пальцы наткнулись на что-то весьма твердое. Это оказался еще один конверт из очень плотной старомодной бумаги. Он лежал практически на дне лотка. Значит, его доставили одним из первых. С тех пор прошел целый месяц, посвященный сбору материала в черной папке. Изучив надписи и штемпели, Клайд понял, что письмо пришло три недели назад. Он вчитался в имя и адрес отправителя. "Бад Джонсон, Эшвилль, штат Аляска".

Джонсон… Эта фамилия вызвала у Клайда целую вереницу юношеских воспоминаний. Бад Джонсон. Но ведь так звали отца бедняги Сэма. Сколько же лет ему тогда было?.. Да, много воды утекло с тех пор. Однако какой странный конверт! Неужели такие еще выпускают? Кажется, подобные использовались где-то в начале двадцатого века, если не раньше. Журналист распечатал письмо и прочел написанное мелким, но аккуратным почерком.

"Дорогой Клайд! Надеюсь, ты еще не позабыл старика Джонсона — отца твоего трагически погибшего друга Сэма. Я слышал, у тебя все хорошо и ты весьма преуспеваешь. Хочется верить, что с прошлым у тебя связаны не только печальные, но и светлые воспоминания, однако я осмелился напомнить о себе вовсе не из-за них. Правда, с тех пор как ты уехал покорять большой город, а я перебрался на Аляску, мне ни с кем уже не удавалось поговорить по душам, особенно о прежних счастливых днях, но сейчас не об этом. Я решил написать тебе не только как другу моего безвременно ушедшего сына. Я пишу известному и авторитетному журналисту крупной газеты. Пишу честному и хорошему человеку, каким ты всегда был на моей памяти и каким, надеюсь, остался и по сей день. Проблема, с которой я столкнулся, требует помощи

такого человека как ты, и только такого.

Как я уже упомянул, с тех давних пор я переехал в Эшвилль — та еще глухомань, и я даже не знаю, есть ли на Аляске более затерянное и малолюдное место, где, кажется, замедляется само время. Я жил здесь в уединении, ибо никого не хотел видеть, да и общаться мне ни с кем из своей прошлой жизни не хотелось. Ведь все, что было с ней связано, так или иначе напоминало мне о Сэме. Я провел долгие годы в тишине и спокойствии. Дремучие леса и непроходимые болота дарили мне тот покой, который я искал. Однако недавно все изменилось. Не буду утомлять тебя разговорами о том, как и почему, но я нашел золото. МНОГО ЗОЛОТА. Я понимаю, как сейчас это может для тебя прозвучать, особенно если принять во внимание мой возраст. Времена золотой лихорадки на Аляске давным-давно прошли, и сейчас она не привлекает даже самых выживших из ума авантюристов. И, тем не менее, это так. То, что я обнаружил во время своих скитаний, не поддается никакому описанию! Это не случайный самородок и не крупицы золотого песка — это богатейшие залежи, до сих пор никому не известные. Их здесь столько, что в истории способен появиться Второй Клондайк.

Логичный вопрос, который ты, должно быть, сейчас себе задаешь: зачем я решил рассказать обо всем тебе? Если мои слова — правда, то почему я отправил это письмо? Но я уже на него ответил. Мне способен помочь только давний друг моего покойного сына, обладающий достаточными возможностями, чтобы предать дело широкой огласке. Тот, который, как я надеюсь, еще сохранил немного симпатии к старому Джонсону, чтобы поверить в его невероятную историю. Поверить и не отмахнуться так, как отмахнется любой другой, к кому я попытался бы обратиться. Беда заключается в том, что о моей тайне узнали недостойные люди, а я не хочу, чтобы это несметное богатство попало в их руки. И с каждым днем я все больше опасаюсь, что именно так и произойдет. И потому мне нужна твоя помощь. Если ты приедешь, я покажу и расскажу тебе все без утайки. Ныне Клайд Андерсон — опытный и известный журналист в очень авторитетной газете. Если он поведает общественности мою историю, это раз и навсегда решит создавшуюся проблему; закроет кое-кому возможность наложить лапы на то, что им не принадлежит и не должно принадлежать. Я уверен, что ты сумеешь все устроить наилучшим образом. Но для этого тебе надо приехать сюда, в Эшвилль, ибо голословные утверждения старика ничего не стоят. Пожалуйста, приезжай скорее! У меня остается все меньше времени. Оно играет на руку тем, кто уже давно не спускает с меня глаз, рассчитывая, что я приве-

ду их прямо к столь желанной им цели.

Я очень прошу отнестись к моим словам серьезно. Я рассчитываю на то, что ты не забыл ни Сэма, ни его старого отца, и в память о них навестишь меня в этой глуши, даже если сейчас ни капельки мне не поверишь. И вот тогда я сумею тебя убедить, что все мной поведанное — чистая правда. К сожалению, в этом письме я не могу рассказать тебе больше. У меня есть серьезные опасения, что оно не дойдет до адресата и будет прочитано кем-то другим. Подробности я сообщу лишь при личной встрече. Здесь, в Эшвилле, я приведу своей истории неопровержимые доказательства.

Адрес указан на конверте. Но прошу тебя — поспеши. В память о прошлом, сделай старику Джонсону последнее одолжение".

Дочитав это странное и сумбурное письмо, журналист озадаченно нахмурился. В том, что оно написано рукой Бада Джонсона, сомневаться не приходилось — Клайд хорошо помнил его почерк. Более того, было заметно, что мистер Джонсон явно волновался, когда писал эти строки. А их суть... Да, здесь отец Сэма оказался абсолютно прав — приди такое послание от кого-то другого, Клайд не обратил бы на него ни малейшего внимания. Собственно, вот и сейчас он размышляет не о том, что больше смахивает на старческий маразм, а о былых днях. В самом деле, как-то нехорошо получается — он словно забыл о существовании старика, и забыл совершенно незаслуженно. Должно быть, мистеру Джонсону очень одиноко доживать свои годы, если даже лучший друг Сэма... Журналист смущенно закряхтел. Написанное, разумеется, представлялось полнейшей ерундой, но столь нелепая история могла объясняться очень просто. Старик таким образом напомнил о себе, надеясь вызвать у Клайда профессиональный интерес. Вызвать и заманить к себе. Правда, для этого было вовсе не обязательно сочинять что-либо подобное. С другой стороны, с тех давних пор Клайд и впрямь ни разу не общался с отцом Сэма. В известной степени, подобная уловка выглядела вполне оправданно. Это письмо, при всей своей несуразности, говорило о том, что старый Джонсон очень хочет хотя бы еще разок увидеть Клайда. Увидеть и вспомнить былые деньки, поговорить о Сэме. Ведь с кем еще ему это сделать, как не с некогда лучшим другом своего сына? У него же больше никого не осталось. Клайд почувствовал укор совести по отношению ко всеми забытому одинокому старику.

Размышления прервала трель телефонного звонка.

— Слушаю, — поднял трубку журналист.

— Клайд, какого черта ты до сих пор не у меня?! — громыхнул хо-

рошо знакомый голос. — Неужели тебе совсем нечего мне показать, раз ты до сих пор торчишь в своем офисе, в то время как давным-давно должен быть здесь!
Проклятье! Босс. Вот так задумаешься о прошлом и забудешь про все на свете. Дурацкий приступ сентиментальности!
— Сейчас приду, — коротко бросил Клайд.
Схватив черную папку, он стремглав вылетел в дверь и едва ли не бегом устремился по залитому ярким светом коридору.

Секретарь пропустил журналиста без малейших задержек, причем на его лице отразилось острое желание подслушать грядущий разговор.
— Добрый день, мистер Хьюдж! — выпалил Клайд, вваливаясь в кабинет главного редактора.
— А, явился! — с деланным раздражением ответил низенький краснолицый толстяк. — Как я погляжу, не больно-то ты торопился!
— Приводил файлы в порядок, — хитро прищурился журналист.
Он сделал вид, что не замечает руки главного редактора, протянутой к документам.
— Ты уже дашь мне эту проклятую папку, или заставишь себя упрашивать?! — сердито осведомился босс, но его глаза излучали не гнев, а величайшую заинтересованность.
— Да, разумеется, — улыбнулся Клайд, вручая ему заветные листы.
Говард Хьюдж немедленно вцепился в принесенный материал.
— Ну-ка посмотрим, что тебе удалось накопать… — бормотал он, изучая его с неподдельным вниманием.
— Так, ничего особенного, — скромно изрек Клайд. — Обычная рутина.
Усевшись без всякого приглашения, он с профессиональным любопытством наблюдал за лицом босса.
— Ага. За которой ты провел целый месяц. Как же, рассказывай сказки! — фыркнул главный редактор. — Я не позволяю своим лучшим людям столь долго шататься неизвестно где, если не уверен, что они не добудут нечто стоящее.
Клайд хмыкнул, сделав неопределенный жест рукой. Продолжая сердито бубнить, мистер Хьюдж быстро читал с откровенно разгоравшимися глазами. Убедившись, что его труды производят благоприятное впечатление, журналист с наигранно скучающим видом оглядывал кабинет босса. Тому понадобилось всего несколько минут, чтобы ознакомиться с материалом до конца.
— Черт побери, мой мальчик, отличная работа! — воскликнул Хьюдж, звучно шлепнув ладонью по черной папке. — Я не сомне-

вался в тебе ни минуты! Должен признать, что ты опять заслужил первую полосу!
Клайд сделал вид, что это само собой разумеется, но ему не удалось сокрыть проступивший от удовольствия румянец.
— Роджерс, зайдите ко мне! — нажав на столе кнопку, велел главный редактор.
На пороге его кабинета возник сухощавый человек.
— Немедленно в набор! — Хьюдж протянул ему черную папку. — На первую страницу! Если каким-то чудом этот материал не успеет попасть в номер, я лично позабочусь о том, чтобы очередь за пособием по безработице не пустовала!
С самым бесстрастным выражением лица Роджерс принял документы и скрылся за дверью.
— Эх, мой мальчик! Если бы у меня было побольше таких расторопных малых как ты, я бы и горя не знал, — мечтательно произнес главный редактор, раскуривая дорогую сигару. — Большинство твоих коллег, увы, не могут похвастаться подобными успехами. Черт побери, как я рад, что не прогадал и отправил на это дело именно тебя! А то ведь за время твоего отсутствия тебя тут только что с фонарями не разыскивали, настолько ты нарасхват. Я и сам, признаться, пару раз сомневался, стоило ли связываться с той историей. Но ты доказал, что еще как стоило!
— Говард, ты меня перехвалишь! — рассмеялся Клайд, но было видно, что ему нравится купаться в комплиментах.
— Ничего подобного, — ответствовал Хьюдж, не обращая внимания на подобные фамильярности, позволявшиеся всякий раз, когда официальная часть встречи завершалась. — Ты знаешь — нечасто от меня слышат слова похвалы, однако для настоящего мастера я их не пожалею. Как я уже сказал, тебя тут с фонарями искали. Я, конечно, догадываюсь, что тебя уже не раз пытались переманить конкуренты, но чтобы по такому вопросу звонили непосредственно мне — это уже из ряда вон! Я заявил этим вконец обнаглевшим нахалам все, что я о них думаю…
— Что-что? — переспросил Клайд. — Кто меня искал?
— Кое-кто из наших общих знакомцев, помимо прочих, — пояснил главный редактор. — Я взял на себя смелость отказаться от их щедрого предложения. Кажется, я был при этом не очень-то вежлив.
Андерсон покатился со смеху, представляя, что мог наговорить его босс. В последние месяцы тот и впрямь побаивался упустить одного из своих лучших журналистов.
— А кому еще я понадобился настолько сильно? — отсмеявшись, поинтересовался Клайд.

— Да много кому, — пожал плечами Хьюдж. — В основном из числа тех, кто желал бы побеседовать именно с тобой и, разумеется, исключительно по важному вопросу. Я бы отшивал всех этих звонистов куда подальше, да сам знаю, что ты неоднократно извлекал из подобных контактов существенную пользу. Честное слово, Клайд, будь на твоем месте кто-то другой, я бы давно разорался, что я тут все-таки главный редактор, а не твой личный секретарь!
— Я думал, все звонки поступают мне на автоответчик, — развел руками журналист, припомнив, что еще не успел прослушать накопившиеся сообщения.
— Тогда он у тебя либо сломан, либо переполнен, — заметил босс. — Кроме того, некоторым людям было явно недостаточно услышать о твоем отсутствии, и они всенепременнейше хотели тебя отыскать. Пусть даже названивая всем подряд, включая меня.
— Это кто же проявил такую настойчивость? — удивился Клайд.
— А вот сейчас скажу… — отложил сигару Хьюдж. — Этот тип умудрился позвонить мне аж трижды, словно изначально я неясно дал ему понять — ты в командировке, и о сроках твоего возвращения даже я, твой непосредственный шеф, знаю не больше него.
Покопавшись в ящике стола, главный редактор выудил оттуда толстый потрепанный блокнот. Послюнявив палец, он пошелестел исписанными страницами.
— Так, где же я это записал… Черт побери, сколько тут всего понаписано! Ах да, вот! Некий мистер Джонсон.
— Кто-кто? — оторопел Клайд, тут же вспомнив странное письмо в старом конверте.
— Мистер Джонсон, — повторил босс. — Он сказал, что написал тебе по одному очень важному делу, но не успевает дождаться ответа, так как у него изменились обстоятельства. Он уверял, что ты давно его знаешь, и что ему крайне необходимо с тобой связаться.
— А что еще он сказал? — вытянул шею журналист.
— Ничего, — мотнул головой Хьюдж. — Я предложил ему оставить номер телефона, но он ответил, что такового у него нет, и никогда не было. Он сообщил, что позже перезвонит еще раз, однако уже с неделю как не надоедает. К счастью для него самого, ибо я уже всерьез начал злиться! Это ж в какой глуши он живет, если у него даже нет телефона?
— В Эшвилле, — машинально пояснил Клайд, припоминая содержание письма.
— Где? — поднял брови главный редактор. — Так ты действительно с ним знаком? Что это еще за тип? Надо заметить, он был весьма настойчив в желании непременно с тобой переговорить. Три звонка за два дня!

— Да, думаю, я в курсе, кто это был. Сегодня я и впрямь обнаружил от него письмо. Пришло три недели назад, — задумчиво произнес журналист. — Он сказал что-нибудь еще?
— Нет, — без колебаний отозвался босс. — Лишь напирал на то, что ему прямо-таки срочно надо с тобой связаться, и что он не знает, когда в следующий раз доберется до телефона. Кажется, он был очень взволнован. Кто это вообще?
Почесав в затылке, Клайд коротко обрисовал детали своего знакомства с Бадом Джонсоном.
— И о чем таком неотложном он толковал, если не сумел дождаться твоего ответа и принялся названивать мне? — хмыкнул Хьюдж.
Журналист, немного поразмыслив, поднялся со стула, где сидел в весьма расслабленной позе, и направился к двери.
— Ты куда это? — опешил главный редактор.
— Сейчас вернусь.

Клайд действительно быстро возвратился с письмом от Джонсона и протянул его боссу. Тот с сомнением уставился на старинный конверт.
— Давно таких не видел, — удивился он. — Откуда его вообще на свет выкопали? Впрочем, учитывая отсутствие телефона, это уже не должно меня как-то впечатлять. Ты позволишь?
Журналист сделал жест, означавший что-то типа "я его для того и принес". Говард Хьюдж быстро пробежал глазами рукописные строки и неопределенно промычал.
— Забавно, — произнес он после длительной паузы. — Скажи, а у этого старикана, часом, с возрастом крыша не поехала?
— Да, я тоже не шибко поверил в его историю. Однако я и впрямь совсем позабыл о существовании Бада. Признаться честно, меня здорово мучает совесть, — вздохнул Клайд. — Я даже склонен предполагать, что мистер Джонсон таким образом хотел привлечь мое внимание. Выбранный им способ — не самый удачный, но это показывает как сильно он хотел бы со мной повидаться… Правда, меня несколько настораживает, что Бад, не дождавшись моего ответа, принялся названивать в редакцию, а потом и вовсе запропал.
Говард Хьюдж неторопливо вертел в руках странное письмо, поглядывая на журналиста. Мыслями тот явно находился где-то далеко.
— И что ты намерен делать? — неожиданно осведомился главный редактор.
Клайд недоуменно воззрился на своего патрона.
— В каком смысле? — озадаченно спросил он. — Я думаю, что было бы нелишним навестить старика. Хотя бы в память о прошлом.

Только вот ума не приложу, когда и как это можно осуществить. У меня мало свободного времени. К тому же он не оставил ничего кроме почтового адреса, так что даже перезвонить ему не удастся.
— Что ж, порыв хороший, — босс помолчал. — Как ты думаешь, в его словах есть хоть крупица правды?
— Это ты о чем? Об истории с золотом? — слегка опешил Клайд.
— Угу.
— По-моему, было бы очень наивно в такое поверить. Однако по сути я за Бада встревожен. Похоже, у него все-таки что-то случилось, о чем бы ни шла речь на самом деле, — озабоченно изрек журналист.
— Вот и я так считаю, — кивнул Хьюдж, сосредоточенно продолжая о чем-то размышлять.
— А?
Главный редактор не отозвался, барабаня пальцами по столу.
— Слушай, а может тебе действительно съездить проведать старика? — вдруг предложил он.
— О чем это ты, Говард? — вконец растерялся Клайд.
— Ладно, допустим, в байку с золотом я верю не больше твоего. Но ты, кажется, и впрямь хотел бы отправиться к нему, не так ли? — пояснил босс.
Клайд, немного помедлив, кивнул.
— Об этом я и говорю, — улыбнулся Хьюдж. — Ты все равно заслужил отпуск. И я не вижу ничего плохого, если ты проведешь его в тишине и спокойствии, в гостях у мистера Джонсона. Эта глухомань, конечно, не пятизвездочный отель с полным обслуживанием, но подышать чистым воздухом еще никому не повредило. Особенно тебе, пашущему на износ как лошадь.
Журналист пораскинул мозгами.
— Ну, мой-то интерес тут понятен, — протянул он, сосредоточенно глядя на патрона. — Верну должок собственной совести. Но с чего бы это ты, Говард, так расщедрился?
— Во-первых, как я уже сказал, ты заслужил отпуск. Раз мистер Джонсон столь настойчиво искал с тобой встречи, почему бы не отправиться к нему сейчас, если уж подворачивается такая возможность? Съездишь, отдохнешь, проведаешь старого человека, — хитро прищурился Хьюдж. — Ну а во-вторых — чем черт не шутит, — авось заодно и раскопаешь что-нибудь интересное.
— Только не говори, что ты всерьез допускаешь, будто бы…
— Вовсе нет, — мотнул головой босс. — Но если гипотетически представить нечто подобное, это будет такая сенсация, что в сравнении с ней Уотергейтский скандал покажется заурядной сплетней из жизни домохозяек. При этом я знаю, что тебе даже не

надо искать всякие интересные истории — они сами тебя находят. Если у мистера Джонсона не приключилось что-то необычное, то, черт меня побери, я больше не стану хвалиться своим профессиональным нюхом! Так почему бы нам не совместить приятное с полезным? Вдруг что и выгорит.

* * *

Последние тридцать миль за окнами машины мелькали лишь высокие ели, изредка перемежавшиеся лиственными деревьями. Поглядывая на хвойных великанов, Клайд окончательно осознал, что прежде его представления о глуши носили весьма приблизительный характер. Он уже позабыл, как далеко оставил позади последнюю заправку. Кажется, перед развилкой, где свернул на эту дорогу, по которой сейчас и катил, вздымая опавшую хвою и потрескивая сухими шишками. Ее покосившийся указатель сообщал о том, что где-то там, впереди, должен находиться Эшвилль. Дорога не отличалась приличным покрытием. Потрескавшийся асфальт знавал лучшие годы, уходившие все дальше в прошлое. Подскакивая на очередной выбоине, журналист подозревал, что благополучно избежал больших неприятностей. Если бы не его новенький внедорожник, он уже застрял бы где-нибудь в пути, рискуя заночевать в лесу. Ведь с самой развилки ему ни разу не попалась ни одна встречная машина, а сотовая связь здесь отсутствовала как таковая. Хорошо что Говард расщедрился на отплату столь необычного отпуска, включая сопутствующие расходы. В противном случае Клайд мог пожадничать, взяв напрокат посредственный автомобиль, и здорово за это поплатиться. А так он прибыл на корабле с собственным Ровером, на который теперь искренне и всей душой полагался; приплыл в комфорте и со всеми удобствами, предпочтя не колесить через Канаду.

Вот уж действительно богом забытое место! Сколько еще осталось ехать? Журналист вновь сверился с навигатором, но тот упорно отказывался предоставить точные данные, отделываясь весьма схематичными изображениями местности. Впрочем, даже по ним было очевидно, что катить еще предостаточно. Отвлеченный картой на экране, Клайд налетел на дорожную трещину шириной с баскетбольный мяч. Чертыхнувшись, он выровнял руль, а затем принялся ругаться на чем свет стоит. Он, правда, сознавал, что ему еще повезло, и здешний асфальт при всей своей изношенности выглядит вполне сносно. С дорогами на Аляске обстояло, мягко говоря, туговато, и это там, где они вообще были. Стоило порадоваться, что одна из них вела до Эшвилля, и по ней все еще

можно проехать не только на вездеходе.

Последнее время Клайда обуревали воспоминания о юности, но сейчас, среди однообразия дремучего леса, он мысленно вернулся к своему отъезду из редакции. Пока он пожинал лавры, принесенные командировкой, Хьюдж любезно дал понять, что грядущая поездка состоится за счет газеты. Должен же один из ее лучших сотрудников как следует отдохнуть! Вышедший номер прогремел аки разорвавшаяся бомба, поэтому автор сенсационной статьи имел право на заслуженный бонус. Клайд выразил патрону благодарность, однако не слишком заблуждался по части его милостей. Чего бы там ни втирал главный редактор, отпуск в лесной глуши обойдется ему куда дешевле более комфортабельного места. Кроме того, в его душе тлел огонек отчаянного авантюризма. При всей неправдоподобности истории Бада Джонсона, Хьюдж вполне мог вообразить, что за ней кроется какой-то небезынтересный материал. Впрочем, следовало отдать ему должное — он обладал чутьем на необычные дела. Клайд неоднократно в этом убеждался, когда его отправляли в, казалось бы, заведомо бессмысленные поездки. Не исключено, что и нынешний случай вписывался в ту же схему. Напутствуя Андерсона, Говард расщедрился и выдал пачку наличных, наказав поддерживать с ним контакт. Там, в редакции, это казалось проще простого, а вот здесь начинало представляться все более затруднительным. Сигнал на смартфоне исчез где-то с час назад, и объявляться явно не собирался. Сотовые вышки отсутствовали, а покосившиеся телеграфные столбы, торчавшие вдоль дороги, доверия не внушали. Хотелось верить, что Эшвилле существует какая-то прямая связь с внешним миром. В конце концов, Бад Джонсон же дозванивался откуда-то до редакции! Жаль, что ему не сообщили мобильный номер Клайда, однако такое правило завел он сам, тут уж ничего не попишешь.

Однообразная петляющая дорога вилась еще больше часа, прежде чем журналист подъехал к старому деревянному мосту. Его вид произвел такое впечатление, что заставил притормозить у обочины. Выйдя из машины, Клайд проследовал к грубому настилу, заметно пострадавшему от влаги и времени. Сквозь прорехи в досках отчетливо виднелась журчавшая внизу речка. Она вытекала из обширного болота, тянувшегося далеко налево. Минуя мост, ее течение уходило куда-то вправо, где становилось гораздо шире и сворачивало в дремучую чащу. Часть перил обвалилась и теперь свисала навстречу прогнившим, замшелым сваям, торчавшим из темной, с оранжевым отливом воды. Камни, насыпанные в качестве опор, давно расползлись в стороны. Они превратились в заросшие травой островки, служившие отличным насестом для ля-

гушек. Железные стяжки, некогда накрепко свинченные болтами, ныне напоминали археологические древности, грозившие рассыпаться от неосторожного прикосновения. Все это выглядело весьма удручающе.

Покачав головой, Клайд осторожно прошелся взад и вперед, изучая дряхлый мост. Было просто удивительно, как это сооружение дотянуло до наших дней. В особо подозрительных местах он не удержался и сильно топнул ногой, проверяя настил на прочность. В одном из них ботинок выбил гнилую щепу, застрявшую в высокой ребристой подошве. В голове вертелась неприятная мысль, что невзрачная переправа, чего доброго, не выдержит веса внедорожника. Потревоженные журналистом, доски тоскливо скрипели, порождая изрядные сомнения в своей надежности. Некоторое время он озадаченно крутился на мосту, охваченный сомнениями. Заводить сюда машину не было ни малейшего желания, однако и другой дороги тут явно не наблюдалось. Впрочем, логика подсказывала, что ветхая конструкция не так плоха, как выглядит. Местные же здесь ездят! Значит, должен проехать и он, хотя состояние моста вызывало совершенно справедливые опасения, что однажды кто-то все-таки доездится. Ох, не оказаться бы тем самым "кто-то"... Разбиться Клайд, конечно, не разобьется, даже если ухнет в речку, но уж точно застрянет здесь надолго. Что ж, в перспективе можно написать о том, как замечательно следят за дорогами в этом регионе. Если Эшвилль будет соответствовать переправе, получится небольшой, но очень язвительный очерк, который звонко стегнет по муниципалам этого медвежьего угла.

Вернувшись к машине, Клайд завел мотор и неторопливо вырулил на мост. Тот не рухнул, хотя и доставил пару неприятных мгновений. Где-то посередине настил издал такой звук, словно еще секунда — и свидание с черно-рыжей водой журналисту обеспечено. Однако все обошлось. Выкатив на другой берег, он нервно вдавил педаль газа и лихо рванул вперед. Энтузиазма Клайду прибавил указатель, почти утративший разборчивость. Тот сообщал, что до Эшвилля осталось гораздо меньше, чем предполагалось.

Чаща поредела. Однообразие хвойного леса наконец-то разбавили жилые домики. Они не теснились, как в густонаселенных районах, а располагались друг от друга поодаль. Одни виднелись совсем рядом с дорогой, а другие выглядывали несколько в стороне. Глядя на них, журналист приободрился. Дома оказались куда привлекательнее, чем можно было ожидать. Старомодные, но вполне ухоженные, они давали надежду, что не все в этой глуши запущено до уровня заброшенной шахты. Большая рыжая таблич-

ка возвестила, что Клайд наконец-то добрался до Эшвилля. Здесь даже дорога вспомнила о такой вещи как разметка, хотя аккуратность линий наводила на мысль, что делали ее едва ли не вручную. Проехав еще пару-тройку миль, журналист очутился в застроенном квартале, наверняка считавшимся центром городка. Заприметив бензоколонку, он возрадовался от всей души, поскольку индикатор топлива уныло клонился к нулевой отметке. Руки сами собой повернули руль. Покинув центральную улицу, автомобиль направился к заправке.

Едва Клайд остановился у старинной, видавшей виды колонки, как она деловито звякнула, извещая о прибытии клиента. Из приземистого обшарпанного строения показался высокий сухощавый тип, на ходу вытиравший руки какой-то ветошью.

— Хелло! Надеюсь, у вас есть бензин? Мне бы полный бак, — изобразил улыбку Клайд, но та получилась довольно вымученной.

— О, да вы, кажется, не местный, — отозвалась сухощавая личность, с любопытством разглядывая черный внедорожник.

Его хромированный блеск заметно контрастировал с машинами Эшвилля.

— Судя по вопросу, могу предположить одно из двух. Либо вы знаете всех жителей наперечет, либо гости в ваших краях — крайне редкое явление, — усмехнулся журналист.

— Так оно и есть, мистер… — высокий человек выдержал паузу, — мистер…

— Андерсон, — подсказал Клайд.

— Мистер Андерсон. Верно и то, и другое, — кивнул собеседник.

— Надеюсь, это не помешает мне заправиться? — вежливо осведомился журналист.

— Разумеется, нет. Добро пожаловать в Эшвилль! — широко повел рукой сухощавый малый. — Городок у нас тихий и уединенный, но все необходимое вы здесь найдете.

Обнаружив в наличии вполне приличное топливо, Клайд окончательно успокоился и покинул водительское сиденье.

Пока машина заправлялась, журналист завел с длинным типом непринужденный разговор. Тип оказался владельцем единственной бензоколонки, и звали его Барни. Просто Барни, как настоял он сам. Барни поведал, что занимается заправкой и техобслуживанием местных автомобилей, исключая крупную технику на лесопилке — у тех, мол, своя мастерская. Клайд, в свою очередь, осторожно упомянул про качество дороги до Эшвилля, оставлявшее желать лучшего. Особенно если учесть, какой долгий путь надо проделать, чтобы попасть в столь далекий городок.

— А, вы об этом, — махнул рукой Барни, вытаскивая пистолет из

бензобака. — Я в те дела не лезу. Моя задача следить только за тем, что относится к Эшвиллю. Вон, разметку последний раз подновил. Думаю, вы заметили, когда проезжали.
Да, это Клайд действительно заметил. Его подозрения о кустарности сего явления оказались недалеки от истины.
— Сколько с меня? — спросил он, разворачивая бумажник.
Внутри захрустели выданные Хьюджем купюры, производя на нового знакомца приятное впечатление. Глуповато улыбнувшись, он почесал в затылке и изобразил замасленными пальцами замысловатую фигуру. С числительными у него, что ли, проблемы? Клайд отсчитал требуемую сумму, немного прибавив для создания положительного эффекта. Эффект удался. Владелец заправки с удовольствием принял деньги без сдачи, и его простоватое лицо выразило гостю явное расположение.
— Кстати, мистер Андерсон, с моей стороны будет очень невежливо, если я поинтересуюсь, каким ветром вас занесло в наш городок? — осведомился он, убирая доллары в недра потрепанного комбинезона.
Рядом с его кармашком когда-то имелась нашивка с именем, но она была давно утрачена. В противном случае журналист мог получить доказательство, что Барни донашивает одежку за кем-то другим. Например, за своим отцом или даже дедом.
— Решил навестить старого знакомого. Кстати, возможно, вы мне подскажете, где его найти? Он проживает по адресу… Э-э-э-э… — Клайд порылся за пазухой и извлек письмо в старинном конверте.
— Долгая аллея, шестьдесят семь четырнадцать.
— Как вы сказали? — озадаченно переспросил хозяин бензоколонки.
— Долгая аллея, шестьдесят семь четырнадцать, — повторил журналист, сверившись глазами с адресом. — Что-то не так?
— Да вроде нету у нас такого, если, конечно, мне память не отшибло. И никогда не было! — развел руками Барни.
Вот еще новости! Клайд не на шутку оторопел. У него мелькнула мысль, что он притащился в эту глушь совершенно напрасно волею какой-то непостижимой ошибки или же чьей-то дурацкой шутки.
— Вы совершенно уверены? — только и произнес он. — В письме однозначно указан этот адрес. Если, конечно, где-то неподалеку не находится еще какой-нибудь Эшвилль.
— Уверен так же как в том, что меня зовут Барни, — без колебаний заявил собеседник. — А от кого письмо, если не секрет? Может быть, я сумею что-то прояснить.
— Бад Джонсон, — не нашел причин для скрытности Клайд. — Я

был знаком с ним с детских лет.
— А-а, вот как…
На мгновение показалось, что в глазах тощего типа мелькнуло какое-то вороватое выражение.
— Да, я знаю Бада Джонсона, — продолжил Барни, глядя куда-то в сторону, словно выискивал означенного человека. — Старый чудак. Давно здесь поселился. Совершенно безобидный тип, но не без пары пунктиков. Только у него другой адрес.
— Как так? — удивился Клайд.
— А вот так! — пожал плечами хозяин заправки. — Я без понятия, зачем Джонсон ввел вас в заблуждение — может мозги у старика дали протечку, — да только живет он совсем в другом месте.
— И в каком же? — облегченно выдохнул журналист.
Ему и впрямь основательно полегчало. Ложный адрес — тот еще вопрос, но хорошо хоть Бад действительно где-то здесь! А то уж он начал опасаться, что напрасно проделал столь долгий путь.
— М-м. Знаете что? — Барни как-то неловко замялся. — Поезжайте на почтамт. Он вон за тем поворотом, рядом с офисом шерифа. Там и спросите, тем более если старик вам написал. Думаю, все прояснится наилучшим образом.
Донельзя удивленный, Клайд хотел было выяснить, почему собеседник сам не сообщит, где можно найти мистера Джонсона. Согласно его же словам, он знает тут всех. Так в чем же загвоздка направить гостя по нужному адресу? Расспрашивать оказалось некого. Барни шустро ретировался в свою мастерскую, сославшись на неотложные дела.
— Что за дурдом, — бормотал журналист, усаживаясь в машину и заводя двигатель. — Это что, особенности местного менталитета? Надеюсь, у других здешних жителей с головой больший порядок, чем у этого Барни.

Почтамт отыскался там, где и было указано. Старинную кирпичную постройку снабжала простая, но информативная вывеска примерно одного года изготовления с приспущенными жалюзи. В последних, впрочем, особой необходимости не наблюдалось, поскольку слой пыли на стеклах и так неважно пропускал дневной свет. За соседним зданием следили куда лучше. На его окнах и дверях играли солнечные блики, золотя шестиконечные шерифские звезды. Играли они и на полицейской машине, припаркованной у тротуара. Убедившись, что описание Барни соответствует реальности, Клайд ступил на порог почтовой службы. Дверной колокольчик мелодично зазвенел, извещая о прибытии посетителя.
Из-за стойки, позади которой виднелись стеллажи со множеством ячеек, немедленно появился какой-то человек. При виде журнали-

ста его дежурная улыбка сменилась явным недоумением.
— О, да у нас гости! — тихо воскликнул он.
Среднего роста, он выглядел довольно прилизанным, если бы не каштановые вихры, упрямо торчавшие за ушами. Их частично придерживал зеленый козырек от солнца, какие обычно носили клерки и банковские служащие.
— Я уже немного в курсе, что визитеры у вас, похоже, не в ходу, — подходя к стойке, усмехнулся журналист. — Меня зовут Клайд Андерсон, и я ищу своего давнего знакомого. Барни с бензоколонки сказал, что здесь мне способны помочь.
— Рад знакомству! Тед Уоллес, к вашим услугам, — приветливо кивнул вихрастый, хотя в его карих глазах читалась некоторая настороженность. — Местный почтмейстер и по совместительству сотрудник банка. Чем могу быть полезен?
— Я получил письмо от некоего Бада Джонсона, проживающего здесь, в Эшвилле. Барни, однако, сообщил, что адреса, указанного на конверте, попросту не существует. При этом мистер Джонсон ему знаком, а за разъяснениями он присоветовал обратиться к вам, — поведал о своем затруднении журналист.
— Бад Джонсон… — озабоченно протянул мистер Уоллес.
Его руки как-то странно заелозили по прилавку, будто искали некую кнопку. Глаза перестали изучать посетителя и сосредоточились на созерцании пожелтевших жалюзи.
— Да, все верно, мистер Джонсон проживает в Эшвилле уже много лет, — продолжил он после некоторой паузы. — Вы с ним знакомы? Не поймите меня превратно, просто гости у нас — и впрямь большая редкость. Не хотелось бы, чтобы кто-то докучал людям по всяким пустякам.
— Знаком, и очень давно! — решительно заявил Клайд. — Вот, решил его проведать, а тут выясняется, что в письме неправильные координаты. Во всяком случае, так сказал Барни. И направил к вам. Вы можете мне помочь, мистер Уоллес?
— Какой, вы говорите, адрес? — уточнил почтмейстер.
— Долгая аллея, шестьдесят семь четырнадцать, — сообщил Клайд, дивясь беспокойному поведению служащего.
— Гм, очень странно. Барни вас не обманул — такого адреса у нас действительно нет. И быть не могло. Эшвилль — городок маленький, где ж мы тут наберем шестьдесят семь кварталов? — протянул Уоллес.
— Вы подскажете мне, в чем здесь ошибка? И где мне найти мистера Джонсона? — вежливо, но твердо осведомился журналист.
Почтмейстер пожевал губами.
— Вы позволите взглянуть на конверт? — спросил он, будто при-

няв для себя какое-то решение.
Пожав плечами, Клайд протянул ему означенный кусок скорее картона, нежели бумаги.
— Ого! Вероятно, вы сильно удивились, получив по почте такой раритет! Что бы вы ни подумали, мистер Андерсон, у нас тут не такая глушь, — Уоллес показал на полку, где хранилось вполне современное имущество.
Не преминул он кивнуть и на компьютер, хоть и староватый, но вполне функционирующий.
— Есть немного, — невольно улыбнулся журналист.
Почтмейстер, тем временем, внимательно разглядывал конверт. Он даже заглянул внутрь — вероятно, исключительно в поисках подсказок, — но ничего там не обнаружил. Клайд не привык вручать посторонним свою переписку, отчего письмо Бада хранилось у него во внутреннем кармане. Кажется, пустота конверта вызвала у служащего некоторое разочарование.
— Гм. Да, стоит штемпель нашего отделения. Все чин чином, — озабоченно потер подбородок Уоллес. — Однако могу вас заверить, что никакой ошибки здесь нет. Во всяком случае, с моей стороны, ибо это письмо я не отправлял. У нас не так много корреспонденции, тем более что столь примечательный конверт я бы наверняка запомнил.
— Ничего не понимаю! — растерялся журналист. — Выходит, что я приехал на приглашение по несуществующему адресу, да еще и не отправленному отсюда? Но ведь вы сказали, что Бад Джонсон на самом деле проживает в Эшвилле!
— Да-да, конечно, — подтвердил почтмейстер. — Просто адрес не верен. Я бы, разумеется, заметил ошибку — пожилые клиенты, знаете ли, могут напутать что-нибудь при заполнении бумаг. Однако, как я уже упоминал, ваше письмо через мои руки не проходило. Хотя это очень странно, учитывая штемпель… Говорите, мистер Джонсон пригласил вас в гости?
В вопросе сквозило некоторое напряжение, но все более недоумевавший Клайд его не заметил.
— Пригласил, — озадаченно вздохнул он. — Потому я и прошу вашего содействия. Мне непременно надо повидать старика Бада, раз уж я забрался в такие дебри… Ой, простите, так далеко!
Уоллес махнул рукой, давая понять, что ничуть не обижается. Местные жители и сами прекрасно сознавали, в какой глуши живут. Аляска — это вам не Нью-Йорк и не Флорида.
— Что ж, помогу, чем смогу, — приветливо изрек он. — Бад Джонсон давно живет в нашем городке. Его настоящий адрес — Пайн Роуд, восемь двенадцать. Если он вас действительно пригласил, то

за разъяснениями об этом недоразумении вы сможете обратиться прямо к нему.
— Уф. Это уже лучше, — облегченно пробормотал Клайд. — А вы не подскажете, как туда добраться? Мой навигатор окончательно перестал выдавать мало-мальски полезную информацию.
— Разумеется, — усмехнулся почтмейстер. — Но куда лучше меня вам поможет наш шериф.
— А при чем здесь шериф? — недоуменно поднял брови журналист.
— Да вон он, посмотрите в окно! — расцвел Уоллес, тыкая пальцем в направлении пыльных стекол. — Уже изучает вашу, надо сказать, прекрасную машину. Спросите его. Он вас не только сориентирует, но, возможно, и проводит до нужного дома.
Клайд глянул на улицу. Возле его внедорожника крутился какой-то приземистый тип с округлым брюшком и густыми усами. На его форменной куртке и светло-коричневой шляпе красовались шестиконечные знаки власти. Он только что закончил разглядывать автомобиль и сейчас оживленно вертел головой, высматривая владельца.
— Благодарю вас, мистер Уоллес! — вежливо откланялся журналист. — Пожалуй, пойду побеседую с вашим шерифом. Кажется, он все равно вот-вот заглянет сюда в поисках меня.
Почтмейстер изобразил саму любезность, однако когда Клайд покинул офис, черты его лица существенно изменились. Хмуро посмотрев вслед посетителю, он поднял трубку телефона и быстро набрал какой-то номер.

До машины, припаркованной возле здания почты, было всего несколько шагов.
— Добрый день, офицер, — сказал Клайд, подходя к мужчине с шестиконечной звездой. — Держу пари, что вы ищете именно меня!
— Так и есть, сэр! Билл Миллиган, шериф Эшвилля, — полицейский коснулся пальцами края шляпы. — Вас не затруднит предъявить документы?
Последовал ряд формальностей, в процессе которых Клайд показал свои водительские права и коротко поведал, кто он и откуда.
— Вот как! И что же понадобилось журналисту из большого и далекого города в наших краях? — хмыкнул шериф, но его лицо стало куда приветливее. — Не принимайте на свой счет, сэр! Я слежу здесь за порядком, и любой приезжий немедленно оказывается в поле моего самого пристального внимания. Городок у нас уединенный — мало ли кто, знаете ли, попадется… Но вы, как я погляжу, гражданин вполне респектабельный. Рад приветствовать

вас от лица Эшвилля! Вы тут по делу, или после бурной городской жизни захотелось тихого колорита здешних мест? Правда, я ума не приложу, какой в этих краях может быть интерес для серьезного издания.
— Меня пригласил давний знакомый, — пояснил Клайд. — Однако не успел я сюда добраться, как началась настоящая путаница. Выяснилось, что сообщенный мне адрес "Долгая аллея, шестьдесят семь четырнадцать" не верен. Барни с бензоколонки направил меня к почтмейстеру, который сумел несколько прояснить ситуацию. Он, в свою очередь, предложил обратиться к вам, сказав, что вы сумеете мне помочь лучше всех.
— Само собой! Кто же как не шериф подсобит в подобной ситуации? — широко улыбнулся Миллиган. — Так кого же вы разыскиваете?
— Бада Джонсона. Отца друга моей молодости, — бодро сообщил журналист.
Улыбка шерифа поблекла. Не обладай он столь пышными усами, это было бы хорошо заметно.
— Бад Джонсон... Да, разумеется, я его знаю, — протянул он без прежнего энтузиазма. — Все верно вам сказали — у него совершенно другой адрес. Кто же вам дал настолько неверные сведения?
— Он сам и дал. Адрес указан на конверте, пришедшем мне в редакцию. Ваш почтмейстер, мистер Уоллес, сообщил мне, что Джонсон проживает по адресу Пайн Роуд, восемь двенадцать. А что, какие-то проблемы? — обеспокоился Клайд.
— Полагаю, старый чудак что-то напутал. Тед вам ничуть не солгал, — повел рукой шериф.
— Мистер Уоллес отметил, что вы можете мне показать, где это находится, — добавил журналист.
— Безусловно. Я даже провожу вас. Поезжайте за мной, и мы живо доберемся до дома старика Бада, — предложил Миллиган.
Клайд не заставил себя упрашивать и уселся за руль. Шериф, не торопясь, проследовал к служебному автомобилю. Заведя мотор, он мигнул журналисту фарами и вырулил со стоянки. Ровер последовал за полицейской машиной.

Искомый дом показался спустя четверть часа. Он стоял поодаль от дороги и едва выглядывал из-за густых елей. Кустарник, разросшийся вдоль подъездной аллеи, почти полностью скрывал его от глаз. На изрядно выцветшем почтовом ящике красовалась надпись "Пайн Роуд, 812". Клайд мог бы доехать куда быстрее, но машина шерифа едва плелась. Складывалось впечатление, будто она нарочито показывала, что в Эшвилле не принято нарушать

скоростной режим. Полицейский автомобиль неторопливо подкатил к дому и остановился вблизи крыльца. Клайд, припарковавшийся рядом, открыл дверцу внедорожника и вышел одновременно с Миллиганом.
— А тут довольно неплохо! — сказал он, не без удовольствия озираясь по сторонам. — Должно быть, идеальное пристанище для того, кто хочет жить в тишине и покое. И где же их найти, как не под сенью дремучего леса, от которого упоительно пахнет хвоей и смолой. Надо отдать должное — здесь дышится просто несравнимо с тем, к чему я привык! Пожалуй, мой босс не так уж ошибался, когда говорил, что провести здесь отпуск — отличная идея. Особенно если я при этом навещу давнего знакомого.
В ответ на сей монолог шериф снова приложил пальцы к шляпе, как бы благодаря за похвалу его родным краям. Потянувшись, журналист проследовал ко входу в двухэтажный дом с тщательно зашторенными окнами. На крыльцо вели четыре ступеньки, тихонько заскрипевшие под ногами. Их гладко оструганные доски настелили совсем недавно, как недавно обновили и перила. Миновав кресло-качалку, застеленную клетчатым пледом, Клайд подошел к застекленной двери и надавил пуговку звонка. В отражении он заметил шерифа. Тот по-прежнему стоял возле своей машины и не уезжал. Должно быть, хотел убедиться, что приезжий и впрямь знакомый мистера Джонсона. Усмехнувшись, Клайд снова позвонил.

Журналист трезвонил довольно долго, прежде чем усвоил, что открывать дверь никто не собирается. Из дома не доносилось ни единого звука, и ни малейшего движения не мелькнуло за его завешенными окнами. Экран за дверным стеклом был опущен, что не оставляло никакой возможности увидеть, есть ли кто-нибудь внутри.
— Кажется, никого нет, — растерянно констатировал Клайд, отступая на ступеньки крыльца.
— Весьма сожалею. Старина Бад, конечно, привык жить уединенно, но будь он у себя — непременно открыл бы. Значит, он еще не объявился, — отозвался шериф.
— А где он может быть? — осведомился журналист. — Мне съездить его поискать или просто обождать здесь?
— Не думаю, что ждать его здесь — хорошая идея, — покачал головой Миллиган. — Я имел в виду, что никто не видел Джонсона уже недели две.
— Чего?! Вы подразумеваете, что старик куда-то пропал?! — встревожился Клайд.
— Да. Только, не в том смысле, в каком вы сейчас подумали, —

поспешил уточнить шериф, упреждая целый град вопросов. — Не волнуйтесь! Старина Бад уже не первый раз подолгу пропадает в лесу. Никого в Эшвилле этим не удивишь. Бывает, умотает куда-нибудь в чащу и объявляется лишь спустя неделю-другую, а то и несколько. Как-то он бродил невесть где аж пару месяцев, поэтому лично я не вижу ни малейшего повода для беспокойства.
— Но ведь он сам пригласил меня сюда! — озираясь на дом, недоуменно напомнил Клайд.
— Учитывая, что за стариком и прежде водились всякие причуды, не удивлюсь, если он не только перепутал адрес, но и вообще запамятовал о вашем грядущем визите, — развел руками Миллиган.
— Вы договорились на какой-то конкретный день? — добавил он, поскольку журналиста такое объяснение явно не устраивало.
— Н-нет, — Клайд почесал в затылке. — Он просто позвал меня к себе и надеялся, что я не слишком промедлю с приездом.
— Ну, вот видите! — улыбнулся шериф. — Старик Джонсон и сам не знал, когда это произойдет. А время здесь течет совершенно иначе, чем у вас, в больших городах. Тут пара недель воспринимается совсем по-другому. Вот он и ушел в лес, даже не предполагая, что вы можете столь быстро разминуться. Так что не волнуйтесь!
— Да как же мне не волноваться?! — воскликнул журналист. — Связь-то с ним есть?
— Никакой, — отрезал Миллиган. — На свой сотовый не рассчитывайте, как не рассчитывает на них никто из местных жителей. Мы тут по старинке — вертушки да рации. Только Джонсон рацию не носит, да и не достанет она туда, где он обычно бродит.
— Да, но что же мне теперь делать? — озабоченно спросил Клайд не то полицейского, не то самого себя. — Где же мне его ждать?
— Только не здесь! — серьезным тоном ответил шериф. — Надеюсь, вы понимаете: я не могу позволить постороннему человеку проникнуть в дом мистера Джонсона только на том основании, будто он якобы с ним знаком.
Положение выглядело совершенно нелепым. Мало того, что журналист приехал к черту на рога, и приехал по весьма эксцентричному приглашению, так теперь на него стали обрушиваться всякие несуразности. И как прикажете поступать? Мысли в голове теснились довольно сумбурные и отнюдь не веселые. Наблюдая видимое затруднение журналиста, шериф решил прийти на выручку:
— Да не переживайте вы, Клайд. Можно называть вас Клайд?
Андерсон утвердительно кивнул.
— Ну и отлично! А меня зовите Билл, — приподнял шляпу Миллиган. — Так вот, Клайд, если вы не намерены тотчас пуститься в обратный путь, я осмелюсь предложить вам одно местечко, где вы

отлично обустроитесь.
Во взгляде журналиста обозначился вопрос.
— Я знаю прекрасный дом, где вам за недорого сдадут очень приличную комнату, — пояснил шериф. — Сможете там поселиться хоть прямо сейчас. Поживете у нас, познакомитесь с местной жизнью. Авось окажете нам честь и напишете что-нибудь хорошее о нашем маленьком Эшвилле. А через пару-тройку дней, глядишь, и старина Бад объявится в добром здравии. Там, где я предлагаю остановиться, вас и накормят и напоят. Ручаюсь!
Говоря так, Миллиган был само радушие. Желание помочь гостю, попавшему в затруднительное положение, прямо-таки читалось на его широком лице. Немного поразмыслив, Клайд нашел, что предложение прозвучало как нельзя кстати. Близилась ночь, а возвращаться затемно, мотая десятки миль до цивилизации, выглядело отнюдь не радужно.
— Шериф... Билл. Вы покажете, где находится это замечательное пристанище? — спросил журналист, решив не искушать судьбу полуночной переправой через ветхий мост.
Улыбаясь в густые усы, Миллиган сделал приглашающий жест.

– 2 –

Рекомендованное место оказалось большим уютным домом. Он принадлежал Харви Смиту, бригадиру с лесопилки, и его жене Эмили. Супруги действительно не возражали сдать одну из пустующих комнат. Переговорив о чем-то с шерифом, мистер Смит занялся гостем. В самых любезных выражениях он сообщил, что будет рад принять постояльца за весьма умеренную плату.

Вежливо попрощавшись с журналистом, Миллиган уехал. Пока Клайд переносил свои пожитки, хозяин дома пошептался с женой, и та возникла на пороге комнаты, где постоялец возился с чемоданом.
— Надеюсь, вам у нас понравится, мистер Андерсон, — приветливо сказала она. — Здесь вы найдете все необходимое, и вашему отдыху никто не помешает. При желании, за небольшую доплату вы можете получить также и стол, но это я оставляю целиком на ваше усмотрение. В баре у Лени вполне прилично кормят, и с моей стороны было бы совершенно бессовестно навязывать вам свои услуги.
В скромном ситцевом платье, миссис Смит производила впечатление радушной и доброжелательной домохозяйки. Ее белый передник сверкал чистой белизной, а волосы были аккуратно заколоты на затылке. Клайд решил не жадничать и тут же отсчитал поло-

женную сумму за комнату и питание. От истраты нескольких лишних долларов он не обеднеет, зато точно не останется голодным. К тому же ему не хотелось показаться скрягой в глазах приютивших его людей. Хорошие отношения — залог здоровой атмосферы. В конце концов, еще неизвестно, когда объявится Джонсон.

Вечер, наполненный ароматами хвои и жасмина, журналист посвятил размышлениям о том, в какое положение попал. Сидя в резной беседке, он прихлебывал горячий чай и разглядывал ухоженный садик, разбитый возле дома. Сгущавшиеся сумерки преображали каждую травинку. Чашечки цветов подернулись колдовской дымкой. Кусты казались диковинными зверями, а светлые, выложенные камнем дорожки словно вели в какую-то таинственную даль.

Мало-помалу Клайд все больше считал, что у отца Сэма и впрямь с головой не в порядке. Приехав в эту глушь, он почем зря теряет время, и теряет лишь потому, что поддался нелепой сентиментальности. Если упомянутое дело было настолько важным, то какого лешего старик умотал неизвестно куда?! Клайд проделал долгий путь, чтобы с ним повидаться, а его ни слуху, ни духу. Проклятье! Сначала Джонсон его вызванивает, аж добравшись до главного редактора, а затем как ни в чем не бывало отправляется шататься по чащобам! Ох, если бы не дурацкое предложение Хьюджа, сидел бы сейчас Клайд в редакции и занимался делом, или нежился на одном из пляжей Калифорнии. Тамошние коктейли отлично дополняют заслуженный отдых. Впрочем, следовало отдать должное — здесь, в тишине и покое, на упоительно чистом воздухе он неплохо поправит свои расшатанные нервы. Долгие месяцы активной работы давали себя знать. Клайд, хоть и считался двужильным, тоже имел свой предел прочности. Пожалуй, он правильно поступил, что сегодня же не отправился в обратный путь. Он может побыть здесь несколько дней, вдали от оглушающего шума цивилизации и ее ароматного смога. Потом появится старик Джонсон. Они покалякают о прошлом, вместе посмеются над байкой, которую тот сочинил, чтобы заманить друга своего сына, и Клайд отбудет восвояси. Отбудет свежий, отдохнувший и закрывший должок перед совестью. Может быть даже с сувениром вроде настоящей медвежьей шкуры или чучела волка. То-то бы Чарли лопнул от зависти — он всегда считался любителем подобных штучек. Не магазинных, а натуральных — подлинных трофеев.

Ужин, состоявшийся в компании мистера и миссис Смит, был посвящен эшвилльскому укладу. Говорили негромко и неторо-

пливо. Помимо прочего, бригадир посоветовал не любоваться местными красотами на ночь глядя. Исключая бар Ленни, смотреть будет, в общем-то, не на что. Магазины закрыты, неоновых вывесок раз-два и обчелся, а в сквере сейчас одни белки да еноты. Гулять по пустым улицам — то еще удовольствие, а уж вдоль темного леса и тем более. Эмили подтвердила слова своего мужа. Гостю, мол, даже поговорить ни с кем не удастся. Подышать воздухом оно может и в саду, а знакомство с окрестностями лучше отложить до утра. Осоловев от сытного угощения, Клайд последовал этим рекомендациям. Допив чай, он пожелал хозяевам доброй ночи и завалился спать.

Завтрак подали точно в срок. Его запах приятно щекотал ноздри, а вкус оказался ничуть не хуже. Журналист даже не думал, что вообще способен столько проглотить за один присест. Свежий воздух и здоровый сон вызвали в сорокалетнем мужчине поистине звериный аппетит. Проглотив последний кусочек, он практически вылизал тарелки. Прежде, после столь обильной трапезы, Клайд снова забрался бы в постель, но сейчас он чувствовал прилив бодрости. Утро выдалось погожим, и всячески располагало к знакомству с городком.

Путешествие по Эшвиллю состоялось в компании мистера Смита. Тот был настолько любезен, что вызвался в сопровождающие, хотя бы до бара Ленни. Там, как уверял бородатый здоровяк, журналист попадет в хорошие руки. Помимо отличного угощения ему будет обеспечена масса интересных историй. Чего стоят одни охотничьи байки! Ленни не упустит случая попотчевать нового клиента и поболтать с ним обо всем на свете, особенно о собственных подвигах. Отказывать хозяину дома было неудобно, и Клайд лишь поинтересовался, не надо ли тому на лесопилку. Бригадир махнул рукой, присовокупив, что именно сегодня его выход не требуется.

В дороге Смит, похваливший внедорожник Андерсона, продолжал рассказывать про Эшвилль. Исключая небольшие фактории и торфяные промыслы, городок жил за счет лесопилки, приносившей стабильный доход. Ее корпуса находились в десятке миль к северо-востоку. Там работала немалая часть населения, не считая бюджетников вроде Уоллеса и охотничьих ватаг, промышлявших своим ремеслом. Жизнь в Эшвилле была размеренной и тихой, ничуть не отягощенной проблемами современного общества. Эхо цивилизации докатывалось до этих краев лишь далеким отголоском. В городке все друг друга знали, и любое новое лицо вроде Клайда тут же оказывалось на виду. Это следовало учитывать, но отнюдь не в дурном смысле. Местные жители — народ

доброжелательный и от редких гостей, если они порядочные люди, нос никто не воротил. Скорее наоборот — многие захотят свести знакомство, расспрашивая про внешний мир и рассказывая о своем житье-бытье. Если Клайд не мизантроп, кто-нибудь всегда составит ему компанию.

Расстались они, как и обещался мистер Смит, у пресловутого бара, где журналист тут же перешел из рук в руки.

— А-а, вы, должно быть, мистер Андерсон! — радушно приветствовал бармен, едва журналист переступил порог заведения с незатейливой вывеской "У Ленни".

Ее неоновые огни знавали лучшие времена, но и сейчас выглядели вполне прилично.

— А вы, должно быть, Ленни, — усмехнулся Клайд, усаживаясь у стойки.

— Он самый! — кивнул бармен, низенький круглощекий малый с проплешиной на макушке. — Не удивляйтесь — о том, что в Эшвилле объявился приезжий, все узнают довольно быстро. Хотя мы еще не знакомы, я уже знаю, что вы приятель Бада Джонсона и вынуждены дожидаться его в доме Харви Смита. Ведь старый чудак опять умотал в лес и пока что не вернулся.

— Даже так… — хмыкнул журналист. — Признаться, я оказался в крайне нелепой ситуации.

Он неторопливо осмотрел владения Ленни. Деревянный интерьер был весьма незатейливым, но на удивление симпатичным. Пожалуй, и лучший дизайнер не выжал бы из этой простоты больше естественной привлекательности. Зал, освещенный гармонично вписанными светильниками, украшали охотничьи трофеи и живописные фотографии. Большие окна, обрамленные гирляндами из веток, не слепили, но и не создавали полумрак. С потолка свешивались гроздья шишек, испускавших приятный аромат. Пол сверкал чистотой, а его составляющие сводились в красивые узоры. Столики были выполнены из лакированных сосновых досок, умело обработанных художественным выжиганием какого-то местного мастера. Их занимало всего несколько посетителей, расположившихся на широких, с плетеными спинками скамьях. Они неторопливо потягивали из кружек и вели негромкие досужие разговоры. На Клайда, казалось, никто не обращал внимания. За стойкой он пребывал в гордом одиночестве.

— Народ у нас достаточно вежливый, чтобы не пялиться на гостей, — пояснил Ленни, поймав взгляд журналиста. — Даже при том, что новый человек у нас — большая редкость. Будете что-нибудь?

— Пиво, пожалуйста, — потянул носом Клайд, уточнив один из

трех предложенных сортов.
— Хороший выбор! — взялся за кран бармен. — Надеюсь, вы оцените его по достоинству. Оно у нас местное, всегда свежее, и за его качество я лично готов ручаться! Может быть, вы в большом городе к такому и не привыкли, но наше имеет свои достоинства. Моя маленькая пивоварня обеспечивает нужды всего Эшвилля. Разумеется, крепкие напитки я заказываю извне, но их запаса хватает надолго. Кстати, в моем баре всегда можно поесть, если возникнет такое желание. Многие из клиентов заходят именно за этим.
Ленни явно не лукавил. Парочка посетителей активно уплетала какую-то снедь, выглядевшую вполне прилично. Неторопливо потягивая пиво, Клайд изучал подсунутое меню, оказавшееся на удивление разнообразным.
— Осмелюсь рекомендовать кое-что из закусок, — бармен провел пальцем по страничке. — Все, разумеется, свежее и очень вкусное. Сколько бы дней вы ни провели в Эшвилле, надеюсь, у вас останутся о нем благоприятные впечатления. Кстати, вы тут надолго?
— Сказать по правде, и сам не знаю, — ответил Клайд, согласившись отведать предложенные блюда. — Отсутствие мистера Джонсона не входило в мои планы.
— Да, старина Бад всегда был несколько эксцентричен, — вздохнул Ленни. — Вы давно с ним знакомы?
— А вы? — Клайд искоса глянул на собеседника.
— Понимаю, — усмехнулся тот. — Не дело расспрашивать о таких вещах, не так ли? Извините, если мое любопытство показалось вам навязчивым. Просто даже для нас несколько странно, что у старого одиночки вдруг объявился гость, а он себе и в ус не дует, шатаясь по лесам черти где. Мы-то знаем Бада давно, и к его манере общения успели привыкнуть. Но даже за вас теперь неловко.
— Мистер Джонсон — отец друга моей молодости, — объяснил Клайд, удовлетворенный словами бармена. — Однако мы очень давно не виделись. Не виделись с тех пор, как… Как он переехал сюда много лет назад.
— Да, после трагедии с единственным сыном Бад избрал жизнь отшельника, — погрустнел Ленни. — Как видите, мы тут хорошо осведомлены.
— А чем занимается мистер Джонсон в Эшвилле? — перевел тему журналист.
— В основном — охотой, как и многие из нас. Я и сам знаю, с какой стороны держать ружье, — бармен кивнул на коллекцию в зале, — но у старика Бада есть такие трофеи, которым позавидуют и наши лучшие охотники. Он очень любит природу. Стрелять

стреляет, да и заботится о ней не хуже рейнджера. Прежде он даже держал у себя разную живность, только хлопот с ней было больно много.
Недолго думая, Ленни пустился в рассказ о том, кто и чем промышляет. Кое-что Клайд уже узнал от Смита, но речь бармена заметно отличалась художественным колоритом и живостью изложения. Он с интересом слушал, не забывая про пиво и дегустируя образчики местной кулинарии. Их, как и было обещано, принесли прямо с кухни, откуда тянуло приятными запахами. Повествуя о жизни городка, Ленни постоянно вплетал множество местных баек, и некоторые из них даже матерый журналист нашел весьма занимательными.
— Как вы думаете, мистер Джонсон скоро вернется? — спросил Клайд, когда притомившийся рассказчик сделал перерыв, чтобы и самому промочить горло.
— Трудно сказать, — воздел глаза бармен. — Бывало, что он и на месяц пропадал, а то и больше. Потом он всегда объявлялся в моем баре, пропустить стаканчик и поведать о своих похождениях. Кстати, в фантазии старику явно не откажешь — иной раз такое завернет…
— Месяц?! — лицо Клайда вытянулось. — Я не в состоянии торчать здесь бесконечно долго!
Бармен развел руками.
— Вам остается только ждать, сколько сможете, — сочувственно изрек он. — Все равно никто не знает, где шатаются наши охотники-одиночки, а никакой связи с ними нет. Даже будь у него сотовый телефон, толку от него не было бы никакого. Вы уж, небось, и сами заметили, что сигнал пропадает задолго до моста?
— Кстати о мосте! — оживился журналист, припоминая замшелые сваи и черно-оранжевую воду. — Вам не кажется, что гнилая развалина вскорости рухнет? Скорее всего, вместе с кем-то, кто в очередной раз на нее сунется. Как же по нему ездят ваши лесовозы?! Как я понимаю, другой дороги у вас нет?
— А, с мостом давняя история, — фыркнул Ленни. — К муниципальным объектам Эшвилля он не принадлежит, и приведением его в надлежащий вид должны заниматься власти округа. Однако никто этого не делает. Из-за разночтения в картах там считают иначе, а в них до сих пор не наведут порядок. Но успокойтесь — мост крепче, чем выглядит. По нему даже груженый лесовоз проезжает, если шоферу известно, где именно надо провести машину. Под настилом лежат вполне прочные балки, и уж под вашим внедорожником он точно не обвалится. А вот с непривычки там действительно можно застрять — бывали случаи.

Клайд только хмыкнул. Пока местные судят да рядят, кто именно должен ремонтировать переправу, они рискуют оказаться отрезанными от внешнего мира. Что однажды и произойдет.

Снова налив гостю душистого хмельного пива, бармен продолжил рассказы об Эшвилле. Клайд и не заметил, как прошло несколько часов. Он прервал Ленни только дважды, в том числе тогда, когда спохватился, что неплохо бы звякнуть Хьюджу. К счастью, это было возможно прямо в баре. Вообще, как тут же пояснил Ленни, в городке немного телефонов, включая офис шерифа и почтовое отделение. К ним обычно не допускают посторонних, но лично он всегда позволит позвонить, буде у кого возникнет такая необходимость. А она периодически возникала, поскольку вышка сотовой связи вышла из строя, и чинить ее, ввиду отсутствия рентабельности, никто не спешил. Журналист отошел в сторонку, где у музыкального автомата, излучавшего неоновый свет и кантри, приютился телефонный аппарат. Хоть и весьма старомодный, он был вполне исправен, а лучшего сейчас и желать не приходилось. Набрав номер, Клайд услышал голос Хьюджа и завел разговор. На мгновение ему показалось, что бармен настороженно прислушивается. Журналист бросил на него взгляд, но тот был полностью поглощен своим увлекательным занятием — протиркой кружек и бокалов.

Обрисовав боссу суть задержки, причем неизвестно на сколько дней, Клайд вернулся к стойке. В душе он немного надеялся, что главный редактор тут же велит возвращаться, и тогда его совесть была бы чиста. Увы, Говард не возражал, если ценный сотрудник пробудет недельку в Эшвилле и наберется сил для новых трудовых подвигов.

— Какие-то проблемы? — участливо осведомился Ленни, прерывая возню с посудой.

— Никаких, — хмуро отозвался Клайд. — Сообщил шефу, что по милости мистера Джонсона я застрял здесь на некоторое время. Надеюсь, с годами у старика не развилась склонность к безумному авантюризму. Еще не хватало, чтобы он охотился за мифическими сокровищами, забыв про все на свете включая меня.

— С чего это вы взяли? — поинтересовался бармен, неловко уронив бокал на стойку.

Тот не разбился, но скользнул через край и ринулся на пол. Ленни еле успел его подхватить и принялся натирать с утроенным усердием.

— Да так... — махнул рукой Клайд. — Скажите, а у вас тут никто не промышлял поиском полезных ископаемых? Например, партии геологов и разного рода энтузиасты?

— Ну что вы! — как-то криво улыбнулся бармен. — С давних времен все уже искано-переискано. Наше богатство — лес да дичь, плюс дары природы. Грибов у нас тут, знаете ли... А что? Вы имеете в виду что-то конкретное?
Журналист только покачал головой. Ему совершенно не хотелось выставлять себя в глупом свете благодаря причудам старого Бада Джонсона.

Обхаживая нового посетителя, Ленни был не только разговорчив, но и очень радушен. Рассчитывая Клайда, он сообщил, что сделает ему приличную скидку, причем до самого отъезда. Пускай у него останутся хорошие воспоминания, тем более что гость похвалил его кухню и личную пивоварню. Поблагодарив за щедрый жест, Клайд подумал, что местные жители, похоже, и впрямь весьма приветливые люди.

Раздобрев от хмельного пива, журналист до вечера гулял по окрестностям. Он неторопливо изучал эшвилльские достопримечательности, а ближе к ужину проехался до дома Джонсона. Следовало проверить, не вернулся ли старик, но вместо него там обнаружилась полицейская машина. Навстречу Клайду вышел помощник шерифа Кокс, невысокий брюнет спортивного телосложения. Он пояснил — шеф, мол, поручил ему проведать, не объявился ли мистер Джонсон. Помощник добавил, что местных охотников поставили в известность. Случись им наткнуться на Бада, они сообщат тому о прибытии гостя. Такую предупредительность журналист нашел несколько странной, но списал ее на особенности здешнего менталитета. В каждой провинции свои причуды, и если тут они выражаются в заботе о гостях, то грех на них жаловаться.

После ужина, отлично приготовленного миссис Смит, Клайд вышел на крыльцо. Отдуваясь, он уселся в плетеное кресло, удивляясь, как ему вообще удалось столько съесть. Он как раз ощутил некоторое облегчение в желудке, когда к дому подъехала машина шерифа.
— Ну, как вы здесь устроились? — бодро осведомился тот, едва завершился обмен приветствиями.
— Благодарю, очень хорошо. Все со мной невероятно любезны и доброжелательны, — вежливо ответил журналист.
— Да, у нас еще сохранились многие традиции, которые в больших городах, увы, люди давно утратили, — приподнял шляпу Миллиган. — Кстати, я поручил своему помощнику присматривать за домом Джонсона. На случай, если тот появится. Лайонел Кокс — ответственный малый, на посту не спит.
Клайд сказал, что он уже в курсе и про помощника и про охотников, а также выразил неловкость — его пустячная незадача обре-

меняет столько народу.
— Что вы, никакого беспокойства! — усы шерифа приподнялись, обнажив крепкие белые зубы. — Все равно у меня и моих ребят всей работы — это разнимать пьяные драки у Ленни да следить за порядком на дорогах. Ну, иногда наносить визиты на всякие собрания местных жителей, чтобы те не вздумали бузить. Случается, знаете ли, когда здоровые молодчики не знают чем себя занять.
Шериф завел непринужденный разговор, но ненадолго. Он вскоре отбыл, пообещав незамедлительно сообщить, если мистер Джонсон даст о себе знать.

Утро снова выдалось погожим, и Харви Смит предложил Клайду прогуляться на лесопилку. Конечно, это не самое удивительное зрелище, но все же главная достопримечательность Эшвилля. Разумеется, если у мистера Андерсона другие планы, то бригадир не станет им мешать, однако он был бы рад скрасить досуг гостя. Вдруг тот потом черкнет какую-нибудь статью о далеком Эшвилле и о людях, которые там живут и работают? Всем жителям будет очень приятно, а здешнему бизнесу наверняка пойдет на пользу. Каких-то особых замыслов у Клайда не имелось, и он, недолго думая, выразил согласие. Избытка развлечений у него явно не наблюдалось. Правда, он крайне скептически отнесся к мечтам мистера Смита об очерке. Читателей вряд ли заинтересует сонная провинциальная жизнь богом забытого городка на Аляске.

До лесопилки бригадир предложил доехать на его пикапе. Клайд заподозрил, что за этим стояло желание болтать всю дорогу о породах дерева и кубометрах выработки. Само собой, это будет перемежаться сетованием на цены пиломатериалов и вздохами об экономике, которая уже не та, что прежде. Его опасения не оправдались. Смит и впрямь то и дело упоминал особенности своей профессии, но исключительно в повествовательном ключе, травя одну забавную историю за другой. По пути они заскочили в лавку, принадлежавшую некоему Джо Салливану. Лавка оказалась вполне приличным магазинчиком, наполненным всякой всячиной, от гвоздей любого размера до охотничьих ружей всех мастей и калибров. Хозяин, угрюмый косматый тип, не преминул похвастаться своим ассортиментом, уверяя, что здесь можно найти все на свете. Смит прикупил себе кое-какую мелочевку, и они с журналистом отправились дальше.

Бригадир не относился к тем, кто таскается по дорогам словно черепаха. Глядя на его стиль вождения, Клайд невольно вспомнил шерифа — тот вроде давал понять, что в Эшвилле не принято носиться сломя голову. Вскоре пикап прибыл на место и припарковался возле огромной груды свежеспиленных бревен. На лесо-

пилке Смит оживился еще больше, хотя и до этого отнюдь не излучал сонливость. Он принялся знакомить журналиста со всеми особенностями предприятия. В том числе и с его владельцем, Трентом Коулом, за которым бригадир умудрился слетать с поистине космической скоростью. Клайд и опомниться не успел, как его ладонь уже тряс блондин среднего роста, носивший ботинки совершенно неопределимого размера. Мистер Коул оказался не прочь показать журналисту свои владения. Деловито размахивая руками, он и бригадир стали посвящать Клайда во все аспекты производства. За осмотром этого гремящего великолепия, которым начальственная компания заметно гордилась, и за разговорами с рабочими незаметно прошел весь день.

Супротив первичного настроя журналист даже сделал несколько записей в блокноте, сопроводив их снимками на смартфон. Он решил, что если приукрасит действительность, то может и сумеет что-нибудь сочинить. Клайд знал, как привлечь читателей, ибо не впервые превращал пресную обыденность в занимательную историю. Раз уж он все равно здесь застрял, почему бы не провести время хоть с какой-то пользой? Его действия не остались без внимания и вызвали заметное воодушевление у бригадира и мистера Коула, чье предприятие так незатейливо и называлось — "Коул и сыновья".

Вечером к дому Смита снова наведался шериф. Он нашел Клайда под высокой сосной, где тот, изрядно утомленный за день, потягивал прохладительный напиток. Новостей по-прежнему не было — мистер Джонсон все еще не объявлялся. По этому поводу Билл Миллиган выразил искреннее сожаление, от себя лично досадуя на негостеприимное поведение старика. Затем он поинтересовался, не желает ли Клайд присоединиться к его завтрашней охоте. Шериф отправляется с двумя друзьями и будет рад, если он составит им компанию. Раз уж журналист, так или иначе, остался в Эшвилле, почему бы ему не познакомиться со здешним лесом. Дичь тут превосходная, и ей отдает должное немалая часть местных жителей. Клайд признался, что стрелок из него неважный, и что в серьезной охоте он может оказаться не менее серьезной помехой. Против ожиданий, шериф даже обрадовался этому обстоятельству. Он стал уверять, что будет просто счастлив преподать гостю мастер-класс и познакомить со всеми прелестями окрестных угодий. И тут же перевел беседу на свои охотничьи похождения.

Последнее время все только и делали, что донимали журналиста разговорами о тутошней жизни, но Миллиган оказался хорошим рассказчиком. К тому же он обладал недурным чувством юмора, и Клайд, слушая его истории, веселился от души. От бол-

товни об Эшвилле он уже притомился, а шериф выложил ему целый набор баек, да еще так мастерски, что хоть сборник новелл составляй. Впрочем, словоохотливость собеседников Клайд объяснял очень просто. Он здесь человек новый, и с ним можно поговорить о том, о чем болтать друг с другом давно утратило всякий смысл. Ведь не будешь же угощать своих приятелей историями, которые они знают не хуже тебя самого. И тем более не станешь рассказывать им о городке, где вы вместе прожили бессчетное количество лет.

Миллиган спохватился лишь тогда, когда часы пробили одиннадцать. Он откланялся, взяв с Клайда обещание, что завтра тот непременно отправится на охоту. В условленный час он сам за ним заедет, да и вообще обеспечит все необходимое. Впрочем, будет не лишне посетить и лавку Салливана, где журналист раздобудет подходящее снаряжение. Это они запросто смогут сделать по пути, чтобы не терять времени. Шериф, конечно, поделится с гостем своей амуницией, но если тот планирует задержаться в Эшвилле, ему удобнее обзавестись собственной. Ведь неизвестно, когда объявится старина Бад, а он, Билл Миллиган, не простит себе, если Клайд вконец заскучает. Напоследок он прибавил, что для начала не планирует ничего серьезного и предлагает устроить хорошую охоту на лося. В компании с бывалыми охотниками это вполне себе безопасно.

— О, я уже имел удовольствие видеть одного из них совсем недалеко отсюда, — заметил Клайд.

— Ну, для нас это не новость, — садясь в машину, усмехнулся шериф. — Кто только ни забредает в Эшвилль, ведь фактически мы живем прямо в лесу! Кабаны так порой и вовсе наглеют — шастают целой ОПГ на три десятка рыл. В том числе и потому я слежу, чтобы на дорогах не превышали скоростной режим. Поверьте, столкновение с крупным животным — не самое веселое приключение. Да, кстати, не вздумайте уходить в лес в одиночку, и особенно затемно! Звери там могут встретиться куда менее дружелюбные, чем обычный хряк или лось.

Машина шерифа скрылась за поворотом. Клайд посидел еще немного, прислушиваясь к звукам темной чащи. Тихо поскрипывали лесные великаны. Аромат хвои мягко окутывал утомленное сознание, навевая блаженную дремоту. Заросли, подступавшие к самой дороге, полнились таинственными звуками наступавшей ночи. Где-то далеко кричала безымянная птица. Изредка похрустывали сухие ветки, а один раз журналисту показалось, будто к проезжей части вышла неясная масса. Он никак не мог понять, чудится ему или нет, но потом кто-то отчетливо фыркнул и под

шуршание кустарника вновь удалился в лес. Клайд решил не дожидаться, пока раздастся что-нибудь вроде протяжного волчьего воя, и отправился спать. Безмятежный отдых не сочетался с такими руладами, особенно под открытым небом. "При таком раскладе даже ездить никуда не надо, — думал он, устраиваясь под теплым шерстяным одеялом. — Достаточно сесть с ружьем где-нибудь на крыльце и преспокойно ждать гостей из чащи".

Клайд проснулся среди ночи. Его глазам представилась темная комната, куда просачивался рассеянный лунный свет. На дощатом полу образовалась тонкая серебристая дорожка, протянувшаяся от неплотно зашторенных занавесок. На стене мерно тикали часы-ходики. Дом наполняла такая тишина, что можно было различить мышиную возню в подвале и чей-то шелест на чердаке. Не понимая, что его разбудило, Клайд поворочался в постели и встал утолить жажду. Лампы он не зажигал и старался передвигаться бесшумно, чтобы не потревожить мирно почивавших Смитов. Выудив из холодильника бутылку воды, он наполнил чашку и с наслаждением ее опустошил. Затем повторил этот процесс, получая истинное удовольствие. Не утирая прохладные капли, приятно стекавшие по подбородку, журналист вернулся в свою комнату и снова залез под одеяло. Им быстро овладела дремота, но сон все не шел. Эх, куда же запропастился старый Джонсон? Теперь и уезжать глупо, не повидав старика. Ведь неизвестно, сможет ли Клайд выбраться в эту глухомань еще разок. Однако сколько же он здесь пробудет? Хотелось верить, что у отца Сэма ничего не случилось. Учитывая все странности, как бы и впрямь его душевное здоровье не пошатнулось. А ну как сейчас он сидит где-то в лесу и сторожит свои сокровища? Мифические сокровища, за которые так трясется, что позабыл обо всем на свете, включая приезд им же приглашенного Клайда. Ерунда какая-то... Если Бад хотел сообщить нечто важное, то почему не встретил его с распростертыми объятиями? А если просто хотел повидаться — то и тем более! Склероз у него, что ли? Пополам с маразмом. Впрочем, никого из местных, кажется, его поведение не удивляло. О причудах старого отшельника Клайду уже неоднократно высказывали. Хорошо хоть вынужденное пребывание в Эшвилле оказалось не такой уж неприятной обузой. Здесь было очень спокойно и удивительно уютно. Это явно шло ему на пользу, особенно на контрасте с шумной городской жизнью. Обычно бледнокожий, Клайд даже порозовел и ощущал заметный прилив сил. Видимо, сказывались обилие кислорода, дефицитного в большом городе, и целительный аромат хвои. Волчий аппетит, с которым он поглощал местные блюда, также приносил свои плоды. Что ж, по-своему Говард Хьюдж все-

таки оказался прав.

Клайд почти заснул, когда раздался гулкий протяжный звук. У-у-у! У-ху! У-ху! От неожиданности он вздрогнул и открыл глаза. Тишина. Лишь часы-ходики все так же тикали в полумраке, да где-то похрапывал Харви Смит. Повернувшись на другой бок, журналист снова сомкнул веки. У-ху! У-ху! У-у-у! Вскочив на постели, он прислушался, а затем хлопнул себя по лбу и беззвучно рассмеялся. Да это же сова ухает! Ну да, чего же удивляться, если он сейчас в далекой лесной глуши. На дворе ее урочный час, вот она и надрывается. Но как громко!.. И, кажется, где-то неподалеку. У-ху! У-ху! Звуки доносились очень отчетливо, пронзая ночную тишину вместе с мягким лунным светом. У-у-у! У-ху! У-ху! Здоровая, должно быть, птица. Клайд подошел к окну и тихонько откинул занавеску.

Снаружи властвовала ночь. Бледный полумесяц озарял окрестности, окутанные призрачной дымкой. За ухоженным садиком виднелась поросль молодых сосенок. За ними, несколько поодаль, выглядывал небольшой холм с одиноким деревом, высоким и сухим. Его ветви, лишенные коры и убора, белели в свете месяца словно кости давно истлевшего мертвеца. Позади холма теснилась темная лесная масса. У-ху! У-ху! У-ху! Так, это определенно откуда-то из-за сосен! Клайд напряг глаза, однако как ни всматривался, так ничего и не разглядел. То ли расстояние было слишком велико, то ли ночная птица отсутствовала в поле зрения. У-ху! У-у-у! У-ху! Низкий раскатистый гул, казалось, аж завибрировал в оконных стеклах. Потом все стихло.

Журналист немного постоял, вглядываясь в таинственный пейзаж. Сова молчала. Может быть, улетела, а может все еще сидит где-нибудь там и высматривает подходящую добычу. Задернув занавеску, он вернулся в постель и вскоре забылся глубоким сном.

* * *

Клайд как раз заканчивал завтрак, когда в дверь, громко топоча ногами, ввалился шериф. Ввалился очень даже по-свойски, не утруждаясь предварительным приглашением, однако чета Смитов не выразила ни малейшего недовольства. Приветствуя всю честную компанию, Миллиган сообщил бригадиру, что намерен похитить его постояльца.

— Ну как, Клайд, вы готовы? — поинтересовался он.

— Вполне. Только переоденусь, — кивнул тот, проглотив последний кусочек тоста.

— Отлично! Тогда я жду в машине.
Журналист быстро наведался в свою комнату и нацепил на себя все, что с его точки зрения подходило к грядущему мероприятию.

Как выяснилось, Миллиган приехал отнюдь не на полицейском автомобиле. У дома был припаркован черный Форд Рейнджер. Его владелец расхаживал рядом, поблескивая знаком шерифской власти. Охотничий комбинезон — одежда не форменная, но он не забыл прицепить к нему шестиконечную звезду. Клайд убедился, что его ожидания не оправдались. Машина оказалась вполне современной, а не старой развалиной годов эдак семидесятых. Осмотрев наряд журналиста, Миллиган скептически покачал головой.
— Все-таки нам надо заехать в лавку Салливана, — тактично заметил он. — Экипировка у вас хромает. Заодно подберем вам подходящее ружье. Я, конечно, могу дать одно из своих, но поверьте на слово — с собственным ощущения будут несравнимо лучше!
Клайд выразил озабоченность. Двухнедельную процедуру оформления никто не отменял. Кроме того, расходы на оружие в его планы не входили.
— Да бросьте! — усмехнулся шериф. — Здесь я командую. Если я даю добро, вам тут же продадут хоть зенитную пушку! А насчет оплаты не беспокойтесь. Я договорюсь с Джо, и он предоставит вам любое ружье на выбор. Считайте, что возьмете напрокат. Если оно вам понравится, тогда, при желании, и выкупите его насовсем. Но я ручаюсь — когда я познакомлю вас с местной охотой, вы не захотите с ним расставаться!
"Интересно, это называется бизнес по-Эшвилльски? Такими темпами я, чего доброго, уеду отсюда с грузом пиломатериалов", — подумал Клайд. Вслух же сказал:
— Весьма любезное предложение. Отказываться от него было бы попросту невежливо. Однако не пропущу ли я появление мистера Джонсона?
— О, на этот счет тоже можете не волноваться! У меня с собой рация. Я же все-таки шериф, черт побери! Там, куда мы направляемся, она вполне достает. Если старина Бад объявится, мой помощник тут же сообщит, и я доставлю вас к нему так быстро, как только смогу, — заверил Миллиган.
Клайду было совершенно нечего возразить, и он, недолго думая, забрался в черный Рейнджер.

Пока ехали до лавки, шериф расписывал сегодняшние планы. Из разговора начинало вырисовываться, что одним днем вся затея не ограничится. Такая гостеприимность, несомненно, подкупала, но все же журналист выразил некоторое недоумение. Мол, не

слишком ли большое внимание уделяется его персоне?
— Да ладно вам, Клайд, — добродушно сказал Миллиган, подруливая к магазинчику. — Вы же, наверное, и сами догадались, в чем тут дело. В известном смысле, я и мои друзья даже рады, что старина Бад так удачно запропастился. Думаете, нам часто удается познакомить достойного гостя с нашей жизнью? Пригласить на охоту, потравить байки, известные здесь всем и каждому, и самим послушать о внешнем мире. Уверяю вас, едва мы устроимся у вечернего костра, наши спутники тут же пристанут к вам с расспросами. А вам наверняка найдется что порассказать! К тому же, замечу, далеко не каждому было бы оказано такое радушие. Вы, на мой взгляд, человек заслуживающий всяческого доверия. Мы отнюдь не избалованы гостями, а уж людьми вашего круга и тем более. Авось при случае и черкнете что-нибудь хорошее об Эшвилле. Готов поклясться, что Ленни поместит статью в рамочку и повесит ее в баре на самом видном месте. Он будет гордиться ей больше чем собственной пивоварней и всеми своими трофеями вместе взятыми.
Продолжая рассуждать в том же духе, шериф вместе с Клайдом подошел к дверям магазина.
— А насчет Джонсона не переживайте, — напомнил он. — Думаю, он скоро вернется. Вы как раз успеете хорошо отдохнуть и... Что за черт?!
Прервавшись на полуслове, Миллиган уставился на табличку "Закрыто", мирно висевшую за дверным стеклом. Света в лавке не наблюдалось. Будто не веря глазам, он потянул дверную ручку, но та и не подумала поддаваться.
— Что за ерунда?! Проклятье, как некстати! — шериф озадаченно сдвинул шляпу на затылок.
— Кажется, заперто, — неопределенно молвил Клайд.
— Да вижу! И я весьма этому не рад! — нахмурился шериф. — Вы меня извините, я на минуточку. Пойду в дом и узнаю, куда подевался Джо. У нас тут гости, а его, бездельника, где-то носит!
Жилище Салливана размещалось прямо за его лавкой, будучи соединено с ней внутренней дверью. Миллиган скрылся за углом, а Клайд, прислонившись к капоту машины, неторопливо разглядывал витрину.

Прошло немало времени, прежде чем шериф вернулся. Вид у него был уже не такой жизнерадостный. Бормоча себе под нос, он на ходу цеплял рацию к поясу — вероятно, только что с кем-то говорил.
— Что-нибудь случилось? — спросил журналист.
— А? Нет-нет, ничего особенного, — мотнул головой Миллиган. —

Сара сказала, что Джо сегодня не объявлялся. Сара — это его жена. Интересно, куда он подевался? Впрочем, я подозреваю, куда. Небось, сидит сейчас где-нибудь, пьянствует и в ус не дует. Пожалуй, стоит заглянуть в бар Ленни! Он частенько там ошивается, тем более что в своем роде это единственное место в Эшвилле. Конечно, исключая дома его дружков, с которыми он тоже любитель заложить за воротник.

Черный Форд Рейнджер сделал небольшой крюк и подрулил к заведению Ленни. На этот раз Клайд пошел с Миллиганом, так как решил, что заодно сможет позвонить Хьюджу. Увидев его в компании шерифа, бармен расплылся в улыбке.

— Рад снова видеть вас у себя, да еще в столь достойном обществе! — воскликнул он, приветствуя посетителей.

— Ленни, Салливан часом не у тебя болтается? — осведомился Миллиган, обводя взглядом зал.

— Нет. Сегодня я его не видел, — уверенно ответил бармен. — А что? Какие-нибудь проблемы?

— Да мы на охоту собрались, и я рассчитывал, что наш гость кое-что присмотрит себе в его магазине. А магазин закрыт, и жена без понятия, куда запропастился ее непутевый муженек, — пояснил шериф. — Даже как-то неловко, учитывая, что я наобещал мистеру Андерсону с три короба.

— Вы разрешите позвонить? — вставил словечко Клайд.

— Конечно-конечно, — Ленни сделал приглашающий жест. — Всегда к вашим услугам!

Пока журналист возился с телефоном, Миллиган принялся о чем-то толковать с барменом.

Из музыкального автомата лилась задорная мелодия. Разговаривая с Хьюджем, Клайд машинально отбивал ее пальцами. Впрочем, разговаривать было особо не о чем, за неимением новостей. Повесив трубку, он вернулся к стойке.

— Да, неувязочка получается, — протянул Ленни. — Но, думаю, я смогу вам помочь. У меня найдется все необходимое, если наш гость не будет возражать. Идемте со мной. Полагаю, за четверть часа никто из моих клиентов от жажды не помрет.

Выяснилось, что бармен совершенно непрочь одолжить кое-что из своих запасов. Вся троица проследовала в одну из задних комнат, где у него обнаружился целый склад всевозможного добра.

— Выбирайте! — великодушно предложил он. — Можете взять все, что только приглянется. Ну, кроме вон той моей винтовки. Человеку в компании нашего шерифа я готов предоставить даже собственный бар.

Такое отношение поистине подкупало. Под руководством Миллигана Клайд стал подбирать себе снаряжение. Особенно тщательно тот подошел к выбору оружия. Крутясь вокруг журналиста, он заставлял его то прицеливаться в воображаемую мишень, а то вертеть ружье в руках, чтобы понять, насколько комфортно оно удерживается. Прошло куда больше четверти часа, прежде чем шериф выразил удовлетворение.

— Ну, теперь вы действительно готовы к нашей маленькой затее. Прямо картинка! — сделал он театральный жест. — Что скажешь, Ленни?

С его мнением тот был сама солидарность.

— Сколько я вам должен? — неловко спросил Клайд, пытаясь достать бумажник.

— Ни цента! — замахал руками бармен. — Какие, право, пустяки! Однако вы сможете меня отблагодарить, если после охоты вернетесь в мой бар и поделитесь впечатлениями. Договорились?

Друзьями шерифа, упомянутыми им накануне, оказались двое крепких малых. Один из них был его помощником по имени Майк Уилсон; другой — охотником, из тех, что зарабатывали на жизнь этим ремеслом. Помощник — дюжий афроамериканец — выглядел настоящим спортсменом, даром что занимался любительским боксом. При этом, несмотря на бойцовские привычки, он обладал дружелюбным характером и быстро завел с Клайдом непринужденный разговор. Его товарищ, Дик Финч, производил диаметральное впечатление. Молчаливый и угрюмый, он лишь изредка ронял скупые слова. Массивная нижняя челюсть отлично дополняла суровый нрав, присущий этому типу, равно как и колючий взгляд из-под кустистых бровей. Клайду шепнули, чтобы он не обращал внимания на необщительность охотника. На деле тот хороший товарищ и мастер своего ремесла. Именно он взял на себя организацию похода, стараясь ради гостя, поэтому пусть гость не обижается на его неразговорчивость. Клайд и не обижался. Шуточки Майка настроили его на жизнерадостный лад, а старания мистера Финча, при такой-то нелюдимости, следовало оценить по достоинству.

До позднего вечера вся компания пробыла в лесу. Журналист поймал себя на мысли, что в одиночку давно бы заплутал, быстро потеряв представление, где вообще находится. Спутники же чувствовали себя будто рыба в воде. Они явно знали что делали, в отличие от Клайда, который и стрелял неважно, и по чаще передвигался тоже не самым блестящим образом. Как он и подозревал, в один день охота не уложилась. Более того, технически она вообще не состоялась, поскольку шериф натаскивал его во владении ору-

жием. Пока мистер Финч где-то бродил, разведывая угодья, полицейские занимались гостем, организовав ему импровизированное стрельбище. Клайда учили обращаться и с помповым ружьем и с винтовкой, ибо каждая дичь требовала своего подхода. К примеру, лося следовало брать только пулей, как того же медведя. Пули шли и на крупного кабана, а вот небольшого можно было угостить и картечью. Пернатых, понятное дело, тоже добывали дробью, но мелкой, чтобы не разнести птицу в пух и прах. Дробь большого калибра годилась и на волков, а также кого-то вроде косуль. Пока Клайд палил по мишеням, все это излагали ему в простой и доступной форме. Стреляли и шериф с помощником, как бы давая гостю наглядный урок мастерства. Миллиган оказался превосходным стрелком и уверенно попадал даже в небольшие цели. Майк ему несколько уступал, зато куда эффективнее владел оружием в движении. Твердо стоя на ногах, шериф практически не мазал, зато на ходу его кучность оставляла желать лучшего. Уилсон же, активно перемещаясь по стрельбищу, демонстрировал потрясающую меткость. Клайд только вздыхал, понимая, каким зеленым новичком он выглядит в сравнении с этой парочкой. Каждый промах заставлял его розоветь, а кончики ушей то и дело пылали. А промахивался он часто, ощущая себя безруким растяпой. Миллиган, однако, был другого мнения. На исходе дня он похвалил Клайда за успехи, достигнутые впечатляюще быстро. Теперь, мол, он не опасается схлопотать заряд картечи из неопытных рук, ну а меткость — дело наживное.

Обратно ехали втроем. Финч остался где-то в лесу, высматривать подходящего лося. Знание звериных троп позволяло ему обходиться и без собаки. У бывалого охотника всегда был кто-то на примете, и к рассвету он обещал подготовить достойную дичь. Журналист, пропахший порохом, клевал носом и даже не заметил, как черный Рейнджер довез его до дома Смитов. Миллиган передал гостя с рук на руки и уехал, сказав, что вернется утром. Радушные хозяева уже отужинали, но специально для Клайда снова накрыли стол. Тот наелся до отвала, насилу добрался до своей комнаты и провалился в сон, едва коснувшись головой подушки.

Сделав крюк, шериф подрулил к лавке Салливана. Та оказалась открыта, однако сам хозяин по-прежнему отсутствовал. За прилавком стояла его жена, встретившая Миллигана вопросительным взглядом.

— Ищем, — коротко отозвался тот, поскольку Джо до сих пор не объявлялся.

— Я вижу, — мрачно заметила сухопарая женщина, покосившись на Клайда в компании помощника Уилсона.

— Если твой муженек где-то загулял, Сара, это не проблемы нашего гостя! — отрезал шериф. — К тому же у меня достаточно людей, чтобы найти какого-то забулдыгу. Впрочем, наверняка он и сам скоро вернется. Когда вправишь ему мозги, сообщи, что взбучку он получит и от меня. А сейчас давай-ка займись делом! Нам нужна экипировка, да получше!

Смущенный Клайд хотел ретироваться, но Миллиган похлопал его по плечу и проявил настойчивость. Сара, ощущая на себе тяжелый взгляд шерифа, изобразила радушие и принялась показывать товар.

Журналисту досталась поистине отличная винтовка — одна из лучших в ассортименте. Ружье выбрали ей под стать. Миссис Салливан словно лимоном подавилась, когда шериф затребовал огромную скидку, но перечить ему не осмелилась. Также Клайд облюбовал охотничий костюм, решив, что свое, родное, и впрямь лучше. К нему в комплект пошло и прочее снаряжение, из тех предпосылок, чтобы не злоупотреблять добротой Ленни. Миллиган выбил такую низкую цену, что Клайд не поскупился, заплатив за товар сразу и сполна. Одобрительно кивая, шериф усадил его в машину, и все трое отправились на охоту.

К счастью для лося, журналист был тем еще стрелком. Обходясь без всяких собак, Финч умело вывел зверя прямо на него. Завидев внушительную тушу, Клайд перенервничал, отчего расстрелял ближайшие сосны. От них только щепа летела, пока сохатый, ошеломленный таким приемом, давал деру через подлесок. Помощник Уилсон, страховавший журналиста, мог уложить животное наповал, однако ничего подобного не сделал. Смысл заключался в том, чтобы решающий выстрел произвел гость и никто другой.

— Ничего, бывает! — подбодрил Майк своего незадачливого напарника. — Если бы и мы добывали всех, на кого охотимся, дичь в этих лесах перевелась бы еще лет двадцать назад.

Примерно так же посчитал и шериф. Разве что у Финча, судя по кислой физиономии, на сей счет имелось другое мнение. Он, его, однако не выразил, ибо Миллиган украдкой погрозил ему кулаком. Вместо этого охотник рассказал про стадо кабанов. Мол, у них там лежбище, и место очень удачное. Если грамотно нагрянуть — тут и слепой куда-нибудь да попадет.

— Хорошая идея! — одобрил шериф. — А лося мы еще подстрелим!

Про себя Клайд невольно отметил эту неопределенную перспективу. Какой именно подразумевается срок? Все-таки бесконечно долго он торчать в Эшвилле не намерен, поэтому больших планов лучше не строить. Впрочем, несколько дней он здесь точно пробу-

дет, так чем скучать в одиночестве…

А в одиночестве Андерсона никто оставлять и не собирался. На обратном пути компания завернула в бар, где основательно угостилась свежим пивом. Клайд краснел, когда спутники откровенно врали о его стрелковых навыках, но позорить себя опровержением не решился. Похоже, из всех присутствующих только Ленни догадался, как все обстоит на деле, но он и виду не подал. Получив назад свое снаряжение, бармен лишь прятал улыбку в уголках глаз, поднося дорогим гостям то одно, то другое блюдо.

— Клайд, не желаете взглянуть на боксерский матч? — спросил Уилсон после очередной кружки пенного.

В громаду афроамериканца этот легкий напиток лился будто вода в бочку. Он осушил уже добрый галлон, а едва-едва захмелел.

— Н-ну, если не объявится мистер Джонсон, то почему бы и нет, — кивнул журналист.

В его вкусы не то чтобы входили подобные развлечения. Просто он усмотрел отличную возможность увильнуть от охоты, чтобы вторично не позориться. К тому же неопытным новичкам, как слыхал Клайд, близкое знакомство с кабанами строго не рекомендуется.

— Отлично! — Майк так хлопнул ладонью по столу, что аж кружки подскочили.

И тут же ввел нового знакомого в курс дела.

В Эшвилле имелся небольшой спортзал, где периодически проводились товарищеские состязания. Помощник Уилсон был одним из лучших бойцов, однако трое рабочих с лесопилки давно с ним конкурировали и недавно бросили вызов. Этих жилистых парней не стоило недооценивать, тем более что на ринге они одержали немало побед. Финальный бой должен был окончательно определить победителя. Предполагалось, что он состоится только через неделю, однако Майк вызовет одного из них завтра. Отказ будет означать поражение, а на это оппоненты не пойдут, и к вящему удовольствию гостя устроят неплохой поединок.

На том и порешили. Опустошив очередную кружку, Финч сообщил, что займется кабанами, пока остальные заняты спортом. Он ушел на своих двоих, а вот Клайда и собственного шефа подвозил помощник Уилсон. Журналиста не интересовало, сколько у того в крови алкоголя — водитель выглядел на удивление трезвым. Учитывая массу тела, вероятно, так оно и было, а если Майк и перебрал шесть десятых промилле, то шериф явно не возражал. Сейчас Клайда занимала только постель, куда он и бухнулся, не раздеваясь, опившийся и объевшийся сверх всякой меры. Провалившись в сон, он уже не слышал, как Миллиган о чем-то тихо бубнил со Смитом.

Ночью Клайда одолела жажда. Сказывалось чрезмерное потребление пива. Пробравшись на кухню, он обнаружил в холодильнике прозрачный кувшин с клюквенным морсом и возблагодарил небеса. Записка "угощайтесь" не оставляла сомнений, кому именно предназначалось изумительно кисленькое и волшебно прохладное питье. Разом осушив половину, Клайд почувствовал себя намного лучше. Бутылка минералки, прихваченная в комнату, окончательно вернула ему душевное равновесие. Проглотив таблетку, он испытал изрядное облегчение, наконец-то разделся и залез под одеяло. Смеживая веки, он сонно подумал, что в Эшвилле и впрямь живут очень хорошие люди. У-ху! У-ху! У-у-у-у! Приоткрыв глаз, Клайд лениво прислушался к окружающему безмолвию. Показалось? Вероятно. Слегка оглохнув от стрельбы, он все еще был туговат на ухо. Зевнув, он повернулся на бок и практически заснул, окунувшись в навалившиеся грезы. У-ху! У-у-у! У-ху! У-ху! Нет, определенно это не плод воображения! Приподнявшись на локте, журналист уставился в направлении окна. Ночь выдалась облачная, поэтому серебристая дорожка на полу то появлялась, а то скрывалась, погружая комнату в полумрак. У-ху! У-ху! У-ху! А-а, да это опять сова ухает! Вероятно, та же самая, хотя кто ж ее знает. На сей раз звуки казались далекими и глухими, а в ночной тишине они могли разноситься за много миль. Клайд заворочался, стараясь не обращать внимания на крики птицы. К его удовлетворению, та недолго надрывалась. Выдерживая паузы, она ухнула еще несколько раз, а потом умолкла. Журналист благополучно заснул, и ему пригрезилось сухое дерево, в чьих ветвях горели огромные желтые глаза.

Морс, минералка и свежий воздух сделали свое дело. Клайд поднялся вполне бодрый и с аппетитом прикончил поданный ему завтрак. Впрочем, накануне он вовсе и не напился, а лишь употребил больше обычного. На крыльцо они вышли вдвоем с бригадиром, собиравшимся на работу. К дому, словно по будильнику, подъехала полицейская машина.

— Хелло, Клайд! Как самочувствие? — весело воскликнул помощник Уилсон, высовываясь из-за водительской дверцы. — Привет, Харви!

— Что мистер Джонсон? — поздоровавшись, осведомился журналист.

Майк покачал головой, но заверил, что шериф держит ситуацию на контроле. Охотники просматривают лес и сразу сообщат, как появятся новости.

— Да ваши леса и за год не проверишь! — резонно заметил журналист.

— Что верно, то верно, — вздохнул Уилсон. — Однако наши ребята кого угодно выследят, так что рыскать наобум им не приходится. Ну, вы готовы?
Кивнув, Клайд устроился на переднем сиденье. Бригадир, будто того и дожидаясь, нырнул в свой пикап и отбыл, едва полицейский увез его постояльца.

За своими оппонентами Майк решил заехать лично. Двое из троих, будучи братьями, проживали под одной крышей, что упрощало сбор. Сегодня была не их смена, поэтому помощник рассчитывал застать сразу обоих. Остановившись у желтого дома, отличавшегося широкими окнами, он вышел из машины и направился к двери.
— Бутч! Спенсер! — воинственно выкликивал боксер.
Клайд не остался сидеть и выбрался прогуляться по двору, однако окрестностями он любовался недолго.
— Что за черт?! — внезапно донеслось восклицание Майка.
Обернувшись, журналист увидел, как тот озадаченно изучает крыльцо. Подойдя ближе, он отметил некоторый беспорядок. Настил и ступени были заляпаны грязью, в которой просматривались следы чьих-то больших сапог. В воздухе тянуло болотной тиной.
— Это что, птичьи перья? — указывая пальцем, удивился Клайд.
— Да, помимо прочего, — напряженно кивнул Уилсон. — Но лично меня тревожит открытая дверь, и открытая, судя по засохшей корке, уже давно.
Тут до журналиста дошло, что дом и впрямь не заперт. Входная сетка была нараспашку, а порог выглядел так, словно через него кого-то тащили.
— Стойте здесь, мистер Андерсон! — перешел на официальный язык помощник.
Расстегнув кобуру, он положил ладонь на пистолет и снова выкрикнул имена братьев. Затем осторожно прошел в дом, продолжая звать его хозяев. Минут через десять Майк объявился на крыльце еще мрачнее, чем прежде. Вернувшись к машине, он взял рацию и вызвал шерифа.
— Билл, я сейчас с Клайдом у дома Джефферсонов! — сообщил он, установив связь. — Дверь открыта, внутри никого! На крыльце грязные следы. Хочу съездить на лесопилку. Сегодня не их смена, но мало ли что — вдруг кого подменяют? Вообще мне все это не нравится.
— Я сам съезжу, — отозвался по рации Миллиган. — Ты вези нашего гостя куда и планировали. Займи его в спортзале. Думаю, ничего не стряслось. Эта парочка — те еще неряхи, а в спешке могли и дом не запереть. Да и от кого его тут закрывать-то? Если

только от медведей.
— Принято! — коротко сказал помощник.
Улыбнувшись журналисту, он махнул рукой — все, мол, в порядке. Садись, поехали. Поглядывая на крыльцо, Клайд не был уверен, что все обстоит именно так, однако полицейским виднее. В конце концов, им лучше знать привычки здешних жителей.

Спортзал ожидаемо не представлял собой ничего особенного, однако обладал вполне приличным набором инвентаря. Включая вполне сносный ринг, куда Уилсон умудрился затащить Андерсона. Ни о каком бое, разумеется, не шло и речи. Помощник, даром что боксер-любитель, непременно захотел показать ему основы защиты. Если правильно закрываться руками, неопытный противник не сможет его достать. А если при этом освоить еще и парочку простых выпадов, обороноспособность существенно повысится. Подкупленный обаянием Майка, Клайд и охнуть не успел, как уже брал у него урок мастерства. Брал — и сам себе дивился, поскольку доселе держался подальше от подобных развлечений. Уилсон отлично справлялся с ролью наставника, и журналист испытал подлинное удовлетворение, усвоив некоторые азы. Он даже не заметил, как пролетело время, и опомнился лишь тогда, когда в зал вошел шериф.

На лесопилке братья Джефферсоны не объявлялись. В баре у Ленни их также никто не видел. Отираясь полотенцем, Клайд стал невольным свидетелем разговора полицейских. Миллиган выглядел обеспокоенным, но не слишком. В отличие от него, Майк хотел тут же ринуться на поиски.
— Да успокойся ты! — урезонивал шериф. — Эка невидаль! Не удивлюсь, если эти молодчики пустились во все тяжкие! Спровадили жен с детьми, а сами ударились в загул. Поди, и Джо с ними болтается! Сидят где-то в лесной хижине и лакают самогонку, а то и курят чего-нибудь, если не похлеще. Знают же, что я категорически против всякой наркоты, вот и уползли куда подальше!
Уилсон находил его версию правдоподобной, но не слишком убедительной. Через порог кого-то тащили, испачкав крыльцо и наследив в грязи, а дверь оставили распахнутой. Как прикажете это понимать?
— Очень просто, — втолковывал Миллиган.
По его мнению, это как раз подтверждало неадекватное состояние братьев. Один, более вменяемый, волок другого, чтобы отвезти его туда, где уже обретался Джо Салливан.
— А на чем отвезти? Машина-то под навесом стоит! — тихо восклицал Майк.
Да, означенное обстоятельство заботило шерифа больше всего.

Джефферсонов, однако, мог забрать кто-то еще, кто составлял им компанию. И если действительно выяснится, что какая-то сволочь привезла в Эшвилль дурь, ей мало не покажется.

Прислушиваясь к диалогу, журналист случайно уронил бутылку с водой. Запрыгав по полу, она напомнила полицейским о его существовании. Отдав помощнику распоряжения, шериф подошел к Клайду.

— Какие-то проблемы? — осведомился тот, провожая взглядом Майка.

— Да не особо, — мотнул головой Миллиган. — Однако обещанный бой, увы, не состоится. Лоботрясы, на которых рассчитывал наш чемпион, изволят отсутствовать. И им же лучше, если не из-за того, о чем я думаю.

— Я слышал краем уха, — признался Клайд.

— Вот и хорошо! — кивнул шериф. — Если будете писать об Эшвилле, читатели узнают, что здешние законники наркоты не терпят. Даже за травку отправлю за решетку! Пускай ее где-то и разрешают, а у нас этому не бывать!

Развивать тему Миллиган не стал. Забрав Клайда из спортзала, он повез его в бар, где им предложили свежайший эль. Пока Ленни менял кружки и подавал закуски, шериф расписывал прелести завтрашней охоты. Мол, Дик все устроит наилучшим образом, а там — стреляй не хочу. Если повезет, журналист заполучит голову секача с такими клыками, что в его редакции все обзавидуются. Подобный трофей и на стену повесить не стыдно. Клайд не возражал, чтобы не обидеть радушного человека. Он не стал говорить, что подобное украшение способно подорвать его репутацию. К убийству животных многие люди относятся крайне неодобрительно. С другой стороны, клыкастую голову можно повесить дома или подарить Чарли. За такое подношение тот будет благодарен Андерсону дальше некуда.

С ночи зарядил дождь. Начавшись с мелкой мороси, к утру он полил плотно и уверенно. По небу ползли унылые серые тучи. То и дело подвывали порывы налетавшего ветра. Нечего было и думать отправляться в лес при такой погоде. Во всяком случае, с городским гостем, который вряд ли получит удовольствие от пребывания в сырой палатке. Клайд облегченно выдохнул, когда шериф сообщил, что охота отменяется. Уезжать тот, однако, не спешил.

— Помните Трента? Мистера Коула? Он приглашает нас к себе домой, — деловито сообщил Миллиган.

— Это который владелец лесопилки? — уточнил Клайд.

Сидя на кухне, он вместе со Смитами как раз заканчивал завтрак.

— Он самый, — кивнул шериф.

— Я бы не отказывался, — вставил словечко бригадир. — Поместье просто шикарное! Его поле для гольфа, конечно, сейчас без надобности, зато домашний боулинг — отличное развлечение. В такую-то сырость! Всяко лучше, чем всю субботу безвылазно просидеть в комнате.
— А еще у него есть великолепные игровые автоматы, которых не сыщешь даже в баре у Ленни, — добавил Миллиган. — Поехали, Клайд! Не обижайте старину Трента! Ей-богу, прекрасно проведем время!
Вероятно, в обязанности главы здешних стражей порядка входило ублажение приезжих. Во всяком случае, у журналиста складывалось именно такое впечатление. Шериф либо сопровождал гостя сам, либо поручал это кому-то из своих знакомых. Поразмыслив, Клайд не стал отнекиваться. Интернет и сотовая связь отсутствовали. Торчать без них дома — то еще удовольствие, а прогуляться в дождину не пойдешь. К тому же Бад Джонсон все еще не появлялся, и, по словам шерифа, в такую погоду вряд ли появится. Заручившись согласием Клайд, Миллиган и Смит в считанные минуты усадили его в машину. Вскоре та подъезжала к владениям Трента Коула.

По местным меркам владелец лесопилки считался очень состоятельным человеком. Ему принадлежал обширный участок земли, где находилось не только поле для гольфа, но и конюшня с лошадьми. Также у него имелось собственное стрельбище, а большой красивый дом был набит всякой всячиной. Там и впрямь располагалась отдельная пристройка для боулинга, а также полноценный домашний кинотеатр. Мистер Коул встретил троих гостей очень радушно. Журналиста он окружил заботливым вниманием и даже не поскупился на очень дорогой и редкий виски. В баре у Ленни такого отродясь не водилось, да и вообще Клайд признал, что нечасто встречал подобный и в городе. Не отведать такой напиток он оказался не в силах. Вскоре разгоряченная компания уже гоняла шары, где Клайд наконец-то показал себя достойным соперником. Затем все отправились в конюшню, где мистер Коул любовно показал своих лошадей. После этого компания обосновалась в кинозале.
— А лесопилка без вас не пострадает? — спросил захмелевший журналист, когда на экране замелькали кадры предложенного ему фильма.
— Там мои сыновья. Они и без меня справятся, — махнул рукой блондин.
Его предприятие работало без выходных дней, поэтому сегодняшняя суббота на производстве никак не сказывалась. Разумеется,

Трент платил за выходные смены повышенные деньги, отчего рабочие за них даже конкурировали.
— И как ваши лесовозы в такой дождь? — недоумевал Клайд. — Я бы через мост сейчас ехать не осмелился.
— А, ерунда! У меня опытные водители, им не впервой, — беззаботно ответил Коул. — Кстати о дожде! Вы знаете, Клайд, после такой непогоды было бы неплохо отправиться на рыбалку! Я тут знаю такие места!.. Держу их в секрете, но для вас сделаю исключение.
Вот эта идея понравилась журналисту куда больше. Охотник из него получался так себе, да и не испытывал он острой тяги к убийству животных. Зато рыбная ловля его всегда привлекала. Времени на нее, правда, не хватало, но если подворачивается случай…
— Э-э, нет! Сперва мы сходим на кабанов! — встрял в беседу шериф. — Зря, что ли, Дик их выслеживал?
— Ты бы лучше выследил Бутча со Спенсером! — сердито бросил владелец лесопилки. — Второй день, а они как в воду канули! Кстати, вместе с Джо Салливаном. Ты не находишь странным, что это уже трое из нашей компании?
— Не нахожу, — буркнул Миллиган.
— А зря! Вдруг эти молодчики затеяли свою игру? А ну как им стало известно больше нашего? — распалялся Коул.
— Трент, что ты несешь? — добродушно осведомился шериф.
Сам же сделал весьма выразительные глаза, дав понять, что они вообще-то здесь не одни. Владелец лесопилки спохватился и вернулся к разговору с Клайдом, который уже о чем-то болтал с Харви Смитом. В конце концов, все решили, что шериф все-таки свозит гостя на охоту, раз уж тот и ружьем обзавелся, а затем Коул возьмет его на рыбалку.

К утру дождь прекратился, но Клайд никуда не поехал. Перебрав виски, он страдал от похмелья, поэтому его поручили заботам миссис Смит. Нормальное самочувствие журналист обрел только к вечеру, но Миллиган решил, что так даже лучше. Ночь они проведут у костра, а рано утром накроют ничего не подозревающее стадо. Клайд, пролежавший весь день в постели, не упирался. Отлежав бока, он и сам был непрочь размяться, чтобы окончательно прийти в себя. Вскоре журналист уже дышал свежайшим ночным воздухом, уплетая до корочки поджаренные колбаски.

На полянке, где обустроились Миллиган, Уилсон и их гость, было вполне сухо. С песчаного холма вода уходила быстро, а оставшуюся сырость впитали обширные мхи и хвойные исполины. Поставив Рейнджер под раскидистой сосной, полицейские разбили большую палатку, куда и слон бы поместился. Они же развели и

костер, возле которого нежился журналист. Красно-оранжевые языки весело сыпали искрами, взмывавшими к темному небу. Сухие поленья задорно трещали. К Клайду вернулся аппетит, и он с удовольствием поджаривал одну колбаску за другой. Их предусмотрительно прихватил Миллиган, сообщив, что они изготовлены по его фирменному рецепту. Клайд не задавал вопросы о происхождении мяса, наверняка добытого кем-то из охотников. Он лишь наслаждался необычным вкусом, потягивая холодный, из портативного холодильника квас.

— Однако не пора ли немного вздремнуть? — предложил, потягиваясь, Майк. — Скоро два часа ночи, а вставать нам рано!

— А что, мистер Финч к нам так и не присоединится? — удивился журналист. — Я думал, мы его дожидаемся.

— О, за него не беспокойтесь, — заверил шериф. — Старина Дик тут неподалеку. Следит за стадом, чтобы куда не ушло, и утром подаст нам условный сигнал. Я с ним на связи по рации.

Зевнув во весь рот, Клайд прикончил остатки кваса и залез в свое отделение палатки. Противоположное заняли спутники. Теплый спальник оказался на редкость удобным. Забравшись внутрь, журналист почувствовал приятную истому и вскоре задремал. Уже погружаясь в сон, он услышал знакомые звуки. Где-то в лесу протяжно и гулко ухала сова.

Дик Финч не спал, хотя низенькая палатка была полностью подготовлена. Костра он не разводил, да и вообще никак себя не выдавал, чтобы не спугнуть ночевавших неподалеку кабанов. Светодиодный фонарь обеспечивал вполне приемлемое освещение, не проникавшее в чащу из низины. Тепло же охотник получал из мобильного электрообогревателя, совмещая его с бутылкой горячительного. Обогреватель стоял возле складного кресла, где Финч полулежал, вытянув ноги, а содержимое бутылки постепенно перекочевывало в его желудок. Сделав очередной глоток, охотник смачно сплюнул в направлении ночного мотылька, вившегося у источника света. Не попав, он пришел в еще большее раздражение.

— Принес же черт этого журналюгу! — проворчал он, закусывая виски полоской копченого мяса. — Я бы перед таким пижоном уж точно расшаркиваться не стал. И чего Билл с ним так носится? Ни шиша он не разнюхает! Как приехал, так и уедет. Эти городские дальше своего носа не видят!

Характер у Финча и впрямь был прескверный, в полном соответствии с внешностью. Тем не менее, оспаривать приказ шерифа он не решился. Миллиган славился крутым нравом, и конфликтовать с ним не стоило. Особенно после той истории, где всю компанию

связали общие узы. Кроме того, шерифа поддерживал и Трент Коул, а чем впасть в немилость сразу к ним обоим лучше уж вообще съехать из Эшвилля. Финч был вынужден помалкивать, но своего мнения не менял. Просто высказывал он его бутылке виски.

— Моя бы воля, я бы завел этого лопуха в дебри, да там и оставил. То-то была бы потеха, — бормотал охотник, сонно глядя на вьющихся мотыльков.

С этим он тоже понимания у шерифа не нашел. Впрочем, то выражалось собственное отношение Финча к журналисту, которого он вынужденно обхаживал по высшему разряду. Плясать еще перед ним на задних лапках, когда этот недоумок даже ружье держать не умеет! Лося на него вывели как на блюдечке, а он в упор промазал! Хорошо хоть Майка не пристрелил. Не-ет, такие неженки пусть сидят у себя в городе и в суровые края не суются. Глянув в бутылку на свет, охотник с удовлетворением обнаружил, что там осталось около половины содержимого, и сделал еще один добрый глоток. У-ху! У-ху! У-у-у-у-у! Жуя кусочек пахучей оленины, Финч покосился на темную массу деревьев. У-ху! У-ху! У-ху! Во разошелся! И где-то совсем рядом! Машинально огладив винтовку, охотник прикинул направление. Увы, звук в низине отражался так, что поди пойми откуда кричал филин. Впрочем, позабавиться все равно не удастся. Один выстрел — и кабанов как ветром сдует. Разбирайся потом с Миллиганом… У-у-у-у-у! У-ху! У-ху! У-ху! — выдерживая паузы, гулко голосила ночная птица. Ничего себе ухает! Здоровая, должно быть, как лошадь! Финч пожалел, что не может обзавестись новым трофеем. Он помнил лишь одного филина, способного так впечатляюще кричать, но тот ему не достался. Поморщившись, охотник сплюнул. Откуда-то потянуло тиной. Ее запах неприятно лез в ноздри, вызывая ассоциацию с какой-то невообразимой гнилью. Вероятно, все дело в прошедшем дожде, чья сырость распространила по округе те еще ароматы. У-ху! У-ху! У-ху! Хрусь! Приподнявшись на кресле, Финч беспокойно завертел головой. Уж он-то знал, что сами по себе ветки обычно не ломаются! Однако вокруг, исключая периодическое уханье филина, все было тихо. Охотник, разгоряченный виски, некоторое время всматривался в ночную тьму, а затем развалился в прежней позе. Вероятно, мимо прошел какой-то зверь, не слишком обеспокоенный присутствием человека. Хрусь! Опаньки, а это уже совсем рядом! Поставив бутылку, Финч уставился туда, откуда раздался звук. Поставил и заметил, как во тьме определенно что-то движется, причем не просто движется, а движется именно к нему. Руки машинально легли на оружие, а затем и вовсе в него вцепились, когда темная масса приблизилась к границе света. У-ху! У-ху! У-у-

у-у! Нечто, явившееся из леса, не остановилось и вступило в освещенную фонарем область. Охотник словно окаменел. Увидев, кто к нему приближался, он отказывался верить своим глазам и сидел как парализованный. Нижняя челюсть поехала вниз, разевая отвисший рот. Зрачки Финча расширились, а глаза полезли из орбит. Запах тины стал совершенно невыносимым. Грузные шаги чавкали все ближе, а он никак не мог стряхнуть оцепенение. Невыразимый ужас, проникший в самое сердце дурного человека, сковал все его члены. До пришельца из чащи оставались считанные ярды, когда Финч вскочил и заорал так, будто его резали. Вскинув винтовку, он открыл шквальный огонь. Он посылал пулю за пулей, продолжая вопить от страха. Громовыми раскатами выстрелы сотрясли весь окрестный лес, как сотрясли его и крики охотника. У-ху! У-ху! У-у-у-у-у! Филин, не обращая внимания на поднявшийся шум, продолжал ухать как ни в чем не бывало. Ба-бах! Ба-бах! Ба-бах! А-а-а-а-а-а!.. Магазин опустел. Шарахнувшись назад, охотник стал нащупывать патронташ, наступил на бутылку виски и свалился на мягкий мох. Алкоголь уже не туманил ему рассудок, ибо от ужаса Финч моментально протрезвел. Опытная рука успела перезарядить оружие, и снова загремели выстрелы, перемежавшиеся собственными воплями охотника. Потом все стихло.

Заслышав пальбу, Клайд тут же открыл глаза. Крики, раздавшиеся вслед за этим, заставили его вскочить на ноги. Вскочили и полицейские. Выбежав из палатки, они прислушались к доносившимся звукам. За ними вышел и журналист. К тому времени крики уже превратились в истошный ор, сопровождавшийся беспорядочной стрельбой.

— Что это такое?! — взволнованно спросил он.

Лица шерифа и его помощника отразили тревогу.

— Это Финч! Похоже, у него что-то случилось! — воскликнул Миллиган.

Он принялся вызывать охотника по рации, но в ответ не раздавалось ни единого слова.

— Майк, хватай винтовку и давай за мной. Клайд, ждите нас здесь! — приказал шериф.

— Ага! Как же! Я с вами! — внезапно взбунтовался журналист.

— Это не обсуждается! — рявкнул Миллиган.

— Там палят неизвестно в кого, человек орет как ненормальный, а вы хотите оставить меня одного?! — возмутился Клайд.

— Он прав! — заметил Уилсон.

Шериф и сам сообразил, что бросать гостя в такой ситуации — не самое разумное решение. Даже запертым в машине. При этом

разделяться с помощником ему совершенно не хотелось.
— Хорошо! Берите ружье и идите с нами! — велел он, согласившись с резонным доводом. — У вас тридцать секунд на сборы!
Столько же он отвел и себе с Уилсоном. По истечении этого времени все трое рысцой припустили в лес.

Идти пришлось на своих двоих, поскольку даже такая машина как Рейнджер проехать через чащу не могла. Точнее, не идти, а практически бежать. В сапогах и с ружьем, журналист выбивался из сил, спотыкаясь о кочки и поскальзываясь на замшелых ветках. Он пыхтел как паровоз, однако не жаловался и от спутников не отставал. Стиснув зубы, Клайд сказал себе, что скорее умрет, чем станет ныть и просить передышки. Он ведь сам навязался, а где-то там, вдали, с человеком стряслась беда. Подсвечивая путь фонарем, он стоически следовал за полицейскими, резво спешившими впереди. Лес казался бесконечным, а каждая сотня ярдов превращалась в целую милю. Лучи света выхватывали из темноты сосны и ели, прыгали по пригоркам, обросшим черничником и брусникой, натыкались на старые пни. Под ногами то шуршало, а то хлюпало. Тишину никто не соблюдал, поэтому трещало так, что окрестное зверье наверняка разбежалось. Грузные фигуры Миллигана и Уилсона продвигались настоящими таранами, в чьем фарватере едва поспевал журналист. Исходя потом, он был на последнем издыхании и всерьез боялся упасть без чувств, когда деревья чуть расступились, и вся троица сбежала в небольшую низину.

Стоянку освещал лежавший на боку фонарь. Поставленная палатка выглядела совершенно целой, в отличие от опрокинутого кресла и разлитой бутылки виски. Вокруг валялось множество стреляных гильз. В воздухе тянуло порохом вкупе с запахом какой-то гнили. Потревоженный мох хранил отпечатки человеческих ног, говорившие о падении и последующей возне. На нем обнаружились сгустки грязи, на поверку оказавшейся болотной тиной. Ей же, как выяснилось, и пахло, причем Клайд припомнил, что точно такой же запах он уловил на крыльце Джефферсонов. Палатка была пуста. Выкликивая охотника по имени, полицейские принялись обшаривать округу.

Спустя час беготня по лесу, сопровождавшаяся криками и стрельбой, прекратилась. Собравшись на стоянке Финча, все трое озадаченно посмотрели друг на друга.
— Ничего не понимаю, — пробормотал Майк. — Следы никуда не ведут. Дик как сквозь землю провалился.
— Люди сквозь землю не проваливаются! — наставительно заявил шериф. — Он либо убежал сам, либо его унесли. Просто в темноте мы этого не замечаем.

— Если я хоть что-нибудь понимаю, он кого-то увидел и так испугался, что стал стрелять как ненормальный. Но в кого? — недоумевал Уилсон.
— Может и ни в кого, — Миллиган кивнул на опрокинутую бутылку. — Может, Дик допился до чертиков.
— А это тоже черти оставили? — осведомился его помощник, указывая на комья грязи.
В них, большие и неясные, читались чьи-то следы. К сожалению, совершенно неопределимые, однако размеру сапог Финча они явно не соответствовали. Сдвинув шляпу на затылок, шериф крепко выругался и еще раз исследовал стоянку, но преуспел не лучше прежнего. Подняв винтовку, он опять выстрелил в воздух, призывая охотника во всю силу легких. Потом пальнул снова и снова, продолжая выкрикивать имя. Ответом ему была тишина, исключая собственный шум шерифа.
— Возвращаемся! — мрачно заявил он. — Сейчас от нас толку ноль. Доберемся до Эшвилля и отправим парней на поиски.

Обратно шли куда медленнее. Полицейские щадили журналиста, которого аж шатало от усталости.
— Вы молодец, Клайд, — подбодрил его шериф без всякой наигранности. — Впопыхах я как-то не подумал, что вы можете не справиться. С непривычки такой бросок через лес не всякий выдержит. Имеете право собой гордиться.
— Ничего подобного! Я вас задерживаю, — возразил тот, тяжело дыша.
— После нынешней беготни передышка и нам не помешает, — заметил Уилсон, и был прав.
Полицейские перерывали окрестности стоянки не хуже гончих, и подобно им они только что язык на плечо не свешивали.
— Майк отвезет вас домой, а я организую поиски, — очертил Миллиган план дальнейших действий.
Однако сбыться ему было не суждено. Уилсон и впрямь благополучно доставил журналиста к Смитам, а вот поиски не заладились.

С рассветом хлынул ливень. Группа охотников, возглавляемая шерифом, прибыла на стоянку Финча тогда, когда все следы уже уничтожило водой. Непогода разыгралась так, что тяжелые капли лились настоящей стеной, а колеи лесных дорог превратились в ручьи. Поисковая партия надрывалась несколько часов, пытаясь обнаружить хоть что-нибудь, но затем была вынуждена вернуться в Эшвилль. Разразившаяся гроза не оставила следопытам ни единого шанса.

– 3 –

Буря бушевала третьи сутки. Наступил четверг, а она ничуть не снизила своей интенсивности. Казалось, тучи даже продолжали наливаться, обрушивая на землю долго копившуюся ярость небесной стихии. В ночи то и дело сверкало, когда длинные молнии прочерчивали небо от горизонта до горизонта. Ливневые стоки не справлялись с журчавшими потоками, из-за чего плодившиеся лужи разрастались в целые озера. Низины подтопило, а с возвышенностей стекали настоящие водопады. Не обошла непогода и лесопилку. Земля раскисла, и в ней буксовали даже могучие лесовозы. Отгрузка и отправка готовой продукции были приостановлены. Вода подбиралась к складам, грозя испортить заготовки и товар. Под крышей им ничего не грозило, но очень многое находилось на открытом воздухе. Провозившись немало часов, на всех уязвимых участках рабочие натянули брезент, закрепляя его скобами и тяжестями. Бригадир Смит, выполняя распоряжение мистера Коула, лично прибыл проинспектировать плоды их трудов. Время минуло за полночь, однако он не откладывал дело в долгий ящик. К утру, если что не так, лесопилка может понести немалые убытки.

Сторож, узнав пикап Харви, беспрепятственно пропустил его на территорию. Бывало, предприятие функционировало и в ночную смену, однако сейчас оно пустовало, исключая двоих охранников. Плотнее закутавшись в штормовку, бригадир, скользя и чертыхаясь, принялся инспектировать территорию.

В целом, рабочие постарались на совесть. Дотошный Смит отметил всего несколько мест, где следовало кое-что поправить, а в остальном остался доволен действиями подчиненных. В ближайшее время лесопилке ничего не грозило. Впрочем, не лишне будет кое-что укрепить, на случай, если поднимется шквальный ветер. К тому же не помешает прокопать ряд дополнительных водоотводов. Существующие пока справлялись, однако пара лесовозов уже наглухо увязла в слякоти. Расхаживая по всему предприятию, бригадир накидал в уме план действий, а затем направился в главное здание.

Внутри все выглядело довольно мрачно. Обесточенные машины стояли, погруженные в полумрак дежурного освещения. Окна заливали потоки воды, кое-где сочившейся внутрь. По крыше свирепо барабанил ливень, вызывая отнюдь не романтический настрой, какой бывает на уютном чердаке. Там, в ворохе душистого сена, может кого и одолевают грезы, навеянные стуком падающих капель, однако на лесопилке все обстояло иначе. Кроме

того, Смит не относился к поэтическим натурам, и непогоду в принципе не жаловал. Промокший и продрогший, он поскорее прошел в офис, где снял верхнюю одежду и приник к обогревателю. Достав блокнот, он на скорую руку накидал схему грядущих работ. Потом, включив компьютер, стал переносить ее с бумаги в файл. Бригадир неважно владел этой техникой, да и в программе путался, отчего создание документации заняло у него приличное время. Он, впрочем, не жаловался. Вещи успели просохнуть, пока Харви старательно добивался желаемого результата.

У-ху! У-ху! У-у-у-у-у! Отпрянув от дисплея, бригадир озадаченно посмотрел в окно, ведущее в длинный центральный зал. Там маячили одни лишь громады производственных механизмов. Металлические лампы, свисавшие с потолка на длинных шнурах, озаряли их кругами слабого света, создавая в промежутках области тьмы. Нигде не наблюдалось ни малейшего движения, однако Смит продолжал глядеть в оконный проем. Раздавшийся звук был очень громким, будто исходил откуда-то изнутри здания. Проигнорировать это обстоятельство и продолжить работу никак не получалось. У-ху! У-у-у-у-у-у! У-ху! Ничего себе! Харви встал и вышел из офиса. Остановившись у порога, он неторопливо осмотрелся. Крик филина, вполне привычный в здешних краях, совершенно не вписывался в рабочее помещение лесопилки. Звучный и насыщенный, он раздавался настолько уверенно, словно птица сидела где-то совсем рядом. У-у-у-у! У-ху! У-ху! У-у-у-у-у! Глаза бригадира устремились в глубину зала, перескакивая с одной машины на другую. Определенно, это откуда-то оттуда! Оставив офис позади, он отправился на поиски.

Филин — не кролик и не лисица, поэтому Смит не обшаривал всякие закоулки. Он внимательно оглядывал вершины больших и малых станков для распила и шлифовки древесины. Также его взгляд перескакивал с одной потолочной балки на другую, выискивая непрошеного гостя под треугольной крышей. Это получалось с трудом. Его слепили дежурные лампы, не позволяя толком разглядеть все что выше. У-ху! У-ху! У-ху! — грянуло совсем рядом. Определив, откуда шел звук, Харви приблизился к длинному полотну машины для обработки бревен. Задрав голову, он уставился вверх. Там, на одной из балок, он увидел здоровенные глаза. Круглые и желтые, они, не мигая, таращились на бригадира.

— Эй, ты! Пшел отсюда! — воскликнул тот, взмахнув руками и недоумевая, каким образом птица попала внутрь.

Должно быть, через вон то дальнее окно, почему-то оказавшееся приоткрытым. Расположенное в скате крыши, оно пропускало завывание бури и струйки воды. Вероятно, оно же пропустило и

пернатого хищника. У-ху! У-у-у-у! У-ху! У-ху! — гулко громыхнула птица, и эхо ее крика раскатилось по всему главному зданию. Харви пожалел, что с ним нет ружья. Впрочем, это ничего не меняло. Трент Коул вряд ли оценит, если его доверенный служащий внезапно изрешетит крышу, да еще в период такого потопа. Следовало найти иной способ воздействия, ибо мириться с присутствием филина бригадир не желал. Нагадит в какой машинный узел, накидает перьев — нет уж, спасибо! Повертев головой, он отыскал настенный выключатель и прошел к нему. Яркий свет должен был спугнуть незваного гостя, заставив его убраться восвояси. Пальцы повернули ручку, но светлее от этого ничуть не стало. Лампы здешней секции и не подумали зажечься. Пощелкав выключателем, Харви разразился бранью. Не иначе как треклятая сырость выбила пробки! Пожалуй, следует проверить распределительный щит, а то и вовсе вызвать электрика. У-ху! У-ху! У-ху! — звучно напомнил о себе филин. Для Смита это прозвучало сущим издевательством.

— Ну, ладно! — прошипел он и включил ближайший станок.

Набирая обороты, завыл мощный двигатель. Зазвенел оживший фрезерный диск. Распиливать ему было нечего, поэтому он надрывался вхолостую, но бригадир на то и рассчитывал. Громкий шум наверняка напугает лесного жителя, ибо даже человека он изрядно оглушал. У-ху! У-у-у-у! У-ху! Желтые глаза филина горели каким-то дьявольским огнем.

— Мало? Хорошо! — взъярился Харви.

Переходя от машины к машине, он принялся включать их все подряд, поднимая тот еще грохот. Заработало и центральное полотно, куда подавались стволы хвойных великанов. Его режущие диски гремели так, что заглушали все прочие звуки. Злобно уставившись вверх, Смит не услышал раздавшийся поодаль шорох. К тому же все его внимание занимала птица. Механизмы ревели и завывали, а ей было хоть бы хны. Она то и дело кричала, и этот крик каким-то непостижимым образом достигал слуха, проникая сквозь общий шумовой фон. Схватив подвернувшуюся гайку, бригадир швырнул ее в желтые глаза. Последовал удар металла о металл, после чего гайка свалилась вниз, попала в какой-то вертевшийся узел и пулей отрикошетила в стену. В запале Харви проигнорировал сей опасный факт и взял гаечный ключ. Проигнорировал он и то, что шорох приближался, обретая форму грузных шагов. Дежурные лампы испускали конусы света. Падая на пол, они образовывали светлые круги, и один из них пересекла чья-то темная масса. Пока Смит, грязно ругаясь, воевал с филином, она миновала еще один, а затем еще, неторопливо, но уверенно приближаясь. У-у-у-у! У-ху!

У-ху! У-ху! Не преуспев с тремя гаечными ключами, бригадир стал выискивать что потяжелее, и тут в ноздри ему ударил гнилостный запах. Поморщившись, он покрутил носом. Вонь резко усилилась. Удивленный, Харви огляделся и внезапно увидел то, что заставило его остолбенеть. Покинув конус света, оно исчезло в промежутке тьмы. Глаза Смита выпучились. Разинув рот, он вытаращился туда, где ему, казалось, всего лишь померещилось. Должно было померещиться! Ведь не могло же на самом деле... Чавкающие шаги вступили в последний светлый круг, остававшийся до бригадира. Его руки задрожали, а затем он затрясся целиком. Затрясся крупной дрожью, лишившись дара речи. Дыхание остановилось, а сердце заколотилось так, что едва не разорвалось. Чавк... Чавк... Чавк... Харви объял ужас. Дико заорав, он попятился и наткнулся на центральное полотно. У-ху! У-у-у-у-у-ху! Снявшись с потолочной балки, желтоглазая птица развернула крылья и ринулась вниз. Главное здание лесопилки сотрясли душераздирающие вопли.

Сторожа удивленно переглянулись, когда услышали шум заработавших машин. И чего это Харви Смиту взбрело в голову запускать их посреди ночи? Он же там один. Впрочем, не заботой охраны было лезть в дела начальства. Бригадир, как доверенное лицо хозяина, пользовался определенным авторитетом, и его действия сомнению не подвергались. Отпустив пару колких шуточек, сторожа продолжили резаться в карты, откровенно проигнорировав очередной обход территории. Вылезать под яривший ливень никому не хотелось, как и бродить по колено грязи. Однако же им пришлось прервать свое занятие, когда до сторожки донеслись истошные крики. От злости или возмущения так не орут! Вскочив, охранники взволнованно прислушались. Определенно это кричал бригадир, и кричал откуда-то из главного здания. Как же он, должно быть, надрывался, если его вопли пробились через завывание бури и грохот станков! Неистовые вопли, в которых сквозили невыразимые боль и ужас. Забыв про дождевики, сторожа выскочили на улицу и ринулись на помощь.

Кровь. Она была кругом. Пока одного из охранников бурно тошнило, другой, пошатываясь, кое-как добрался до телефона. Он не торопился вызывать врача, да и вообще спешить уже не приходилось. О том, что произошло, следовало сообщить в офис шерифа, а заодно и владельцу лесопилки. Харви Смит лежал у центрального полотна, где брызгала красными каплями бешено вращавшаяся фреза. Точнее, лежало то, что от него осталось. Изувеченное тело фактически распилило. Часть внутренностей намотало на механизм, а часть раскидало в стороны бесформенными ошметками. Все соседние машины словно оросило багровым дождем.

Забрызгало даже стены, а по полу растеклась большая кровавая лужа. В остекленевших глазах бригадира застыл неимоверный ужас. Ужас читался и на его перекошенном лице. В воздухе стоял насыщенный запах крови, перемежавшийся с какой-то гнилью. Она исходила от грязи, торчавшей из красной лужи будто островки. Среди них плавали чьи-то крупные перья.

Услышав громкие рыдания, удивленный журналист вышел из комнаты. Его глазам представилась плачущая миссис Смит, рядом с которой, сняв шляпу, понуро стоял шериф.

— Что случилось? — предчувствуя недоброе, тихо спросил Клайд.

— Харви погиб. Несчастный случай на лесопилке, — так же тихо сообщил полицейский.

Заревев в голос, овдовевшая женщина уткнулась в форменную куртку Миллигана. Изменившись в лице, Клайд растерянно застыл. Он решительно не знал, что сказать, но и ретироваться в свою комнату нашел совершенно неуместным по отношению к льющей слезы бедняжке. Обняв ее за плечи, шериф говорил успокаивающие слова. Впрочем, он и сам прекрасно понимал, что никакого успокоения не получится.

Приехавший доктор сделал укол. Легче убивавшейся вдове не стало, но ее рассудок затуманился, и вскоре она заснула. Уложив миссис Смит в постель, врач вышел в коридор и сообщил, что в ближайшее время за ней понадобится присмотр.

— Я уже вызвал свою жену, — кивнул Миллиган. — Скоро она приедет и посидит с Эмили столько, сколько потребуется.

— Гм. Может, мне лучше куда-нибудь переехать? — смущенно осведомился журналист.

Он не считал возможным праздно проводить время, когда в доме стряслась такая беда. Три дня, что бушевала буря, он то сидел у кого-нибудь в гостях, а то в баре у Ленни, однако ночевать всегда возвращался к Смитам. Теперь ему представлялось кощунственным вести подобный образ жизни под крышей внезапно овдовевшей женщины. Да и вообще неприлично отягощать ее своим присутствием.

— Ни в коем случае! — решительно заявил шериф. — Ваше пребывание здесь лучше, чем отсутствие. Лора, моя супруга, приглядит за бедной Эмили, а вы, я надеюсь, не откажете ей в помощи.

— Разумеется, — заверил Клайд. — Правда, боюсь, от меня будет мало толку. Я даже не знаю, что в таких случаях делать.

— Лора знает, ей не впервой, — успокоил его Миллиган. — Вы составите ей компанию, а в обществе двоих людей миссис Смит станет полегче. Она не будет чувствовать себя брошенной и… А вот и моя дорогая супруга!

В прихожей, отряхиваясь от дождя, появилась статная женщина. Поправив каштановые волосы, она подошла к троим мужчинам. Шериф представил журналисту свою жену. Тот нашел ее красивой, хотя черты лица были несколько грубоваты. Она держалась корректно, но уверенно, под стать своему наделенному властью мужу. Убедившись, что миссис Смит в надежных руках, врач удалился, наказав звонить ему при любой необходимости. Познакомившись с Клайдом, Лора Миллиган тут же взяла на себя заботы о доме и его хозяйке.

Буря продолжала бушевать. Вплоть до воскресенья журналист безвылазно просидел в компании жены шерифа, которая также никуда не отлучалась. Ее супруг заезжал дважды в день, утром и вечером, а все остальное время отсутствовал по служебным делам. Лора оказалась вполне приятной собеседницей, однако в выражении ее глаз порой мелькало что-то жесткое и холодное. Иной раз Клайду чудилось, что она приставлена сторожем не только к страдавшей вдове, но и к нему самому. Разумеется, он прогонял это нелепое ощущение, однако оно нет-нет, да и возвращалось.

О гибели Харви журналист узнал немногое. Шериф скупо ронял слова, и лишь его супруга, поддерживая разговор, сообщила некоторые подробности. Разумеется, их утаили от миссис Смит, чтобы не травмировать ее еще больше. Представив себе произошедшее, Клайд содрогнулся. Если похоронное бюро не расстарается, Харви придется провожать в закрытом гробу. Вдова и так шокирована дальше некуда, чтобы смотреть на изуродованное тело мужа. Она рвалась к нему в морг, но под различными предлогами ее удерживали. Даже опознание отложили. Когда же уговоры не помогали, врач снова вкалывал Эмили снотворное и успокоительное.

Эта драматичная история сказалась на эмоциональном состоянии Клайда. Пребывание в Эшвилле стало его тяготить. Бад Джонсон так и не объявился, а непогода и плач вдовы вгоняли журналиста в депрессию. Несколько дней домашнего заточения окончательно отравили ему жизнь. Когда в воскресенье, наконец, выглянуло солнце, он заявил шерифу, что уезжает.

— Невозможно, — буркнул тот.

— Я, знаете ли, не спрашиваю у вас разрешения! — довольно резко заметил Клайд.

— *Уехать* невозможно. Чертов мост смыло наводнением, — хмуро пояснил Миллиган.

Оторопев, журналист издал неопределенное восклицание. Затем вышел на улицу, сел в свой внедорожник и вырулил с подъездной

дорожки. Его никто не остановил. Шериф лишь посмотрел ему вслед и вернулся в дом.

Клайд не то чтобы не поверил полицейскому на слово, просто вся эта катавасия с Эшвиллем ему изрядно надоела. Поддавая газу, он быстро ехал по мокрой дороге, расплескивая мутные лужи. Машину трясло на выбоинах, однако Клайд не обращал на них внимания. Он гнал и гнал, пока не добрался до переправы.

Речка, прежде не такая уж и глубокая, круто вышла из берегов. Теперь ее черно-оранжевые воды стали втрое шире. От нее заметно тянуло болотом, превратившимся в непроходимую топь. Настил, и прежде не вызывавший доверия, где перекосило, а где и вовсе снесло. Подгнившие сваи не выдержали напора, и злополучный мост торчал из реки лишь раздельно стоящими фрагментами. Шериф оказался совершенно прав. Проехать по этим останкам было абсолютно невозможно. Да какое там проехать — даже пешком перейти! Мост, как таковой, перестал существовать.

Чертыхаясь, Клайд долго бродил по берегу, словно надеялся обнаружить брод. В какой-то момент он поскользнулся и едва не ухнул в темный поток. Это несколько отрезвило смятенного журналиста. Вернувшись в машину, он направился обратно в Эшвилль.

Лора Миллиган встретила Клайда приличным обедом. Миссис Смит крепко спала, убаюканная снотворным. Расстроенный гость излишками аппетита не страдал, однако ради стараний женщины, отнюдь не обязанной его кормить, заставил себя поесть.

— Если хотите, вас ждут в баре у Ленни, — деликатно сообщила Лора. — Не беспокойтесь, я прекрасно управлюсь одна.

Сперва Клайд хотел на все наплевать и бухнуться в постель, но затем подумал, что стакан горячительного ему сейчас не помешает. Снова заведя внедорожник, он покатил к питейному заведению.

Ленни уже не улыбался как прежде, но сохранил радушие. Поручив дела одному из подручных, он лично составил компанию Клайду вместе с помощником Уилсоном. Журналист, перешедший на крепкое спиртное, узнал от Майка последние новости.

Ни Джо Салливан, ни братья Джефферсоны, ни Дик Финч так и не объявились. Едва разошлись тучи, шериф организовал две поисковые экспедиции. Охотники, полицейские и добровольцы отправились в лес. Им предстояло прочесать огромную территорию при очевидном отсутствии каких-либо следов. Не сидел без дела и Трент Коул. Не дожидаясь помощи муниципалитета, он отправил рабочих к мосту. Пока власти раскачаются, его лесопилка будет терпеть убытки, а это неприемлемо. Мистер Коул, оплакивая верного Харви Смита, поручил изучить переправу одному из своих

сыновей. Тому предписывалось предпринять все возможное для ее восстановления. В Эшвилле уже знали о состоянии моста. Согласно самым оптимистичным прогнозам, на его реконструкцию уйдет недели полторы, а то и больше.

Услышав такие вести, Клайд еще больше приуныл. Пошатываясь, он поднялся и отправился звонить главному редактору. Язык у него изрядно заплетался, но это не помешало обрисовать положение вещей. Клайд сообщил, что застрял в Эшвилле на неопределенный срок. Кажется, Говард Хьюдж был от этого не в восторге, но сам он омрачался еще больше. Когда босс стал ворчать, он язвительно предложил отправить сюда вертолет, если редактора что-то не устраивает. В конце концов, тот лично снарядил Андерсона в этот медвежий угол.

Повесив трубку, Клайд вернулся к собутыльникам и продолжил наливаться виски. Как его доставляли домой, он уже не помнил.

* * *

Стыдно было и перед миссис Смит, и перед миссис Миллиган. Впрочем, первая, погруженная в свое горе, совсем ничего не заметила, а вторая и не подумала укорять перебравшего гостя. Однако это не означало, что того не грызла совесть. Придя в себя, весь понедельник он провел дома, отлучившись только за продуктами. Шериф возглавлял одну из поисковых партий, поэтому Лора попросила журналиста кое-что привезти. По пути он и не порывался завернуть в бар Ленни, чтобы не повторять недавний "подвиг", однако у почтамта ненадолго остановился. К сожалению, тот оказался закрыт. Как объяснили Клайду, мистер Уоллес принимал участие в поисках, выступив добровольцем, и должен был вернуться поздно вечером. До завтра вопросы терпели. Журналист хотел кое-что разузнать насчет старого конверта и адреса, но уж один-то день он как-нибудь обождет.

Поблагодарив за услугу, миссис Миллиган принялась за стряпню. Чтобы не трутничать, Клайд взялся ей помогать. Готовить он не умел, однако что-нибудь помыть, почистить и нарезать было ему вполне по силам. Лора одаривала его улыбками, заметив, что Клайд очень мил. Он даже шваброй поработал, наводя чистоту, а после готовки взялся привести в порядок кухню. Теперь ему уже не казалось, что жена шерифа исподтишка за ним наблюдает. Странные взгляды он объяснял сложившимися обстоятельствами, как и желание не упускать его из виду. Забота о миссис Смит налагала определенную ответственность. Вдруг Лоре понадобится

помощь? Муж на работе, а Клайда носит неизвестно где. В конце концов, он обещал ей поддержку, и от своих слов не отказывался, съездив за теми же продуктами.

В гостиной засиделись допоздна. Вдова спала, убаюканная снотворным. Клайд и миссис Миллиган сперва играли в карты, отыгрывая друг у друга столбики никеля, а потом смотрели телевизор. Спутниковая тарелка не пострадала во время бури, поэтому каналы работали вполне исправно. Колко комментируя сериал, оба не так уж и скучно проводили время.

— Что-то ваш супруг сегодня не заехал. Надеюсь, у него ничего не случилось, — заметил журналист, взглянув на часы.

— О, с ним все в порядке, — махнула рукой Лора. — Мне звонили из его офиса. Билл в лесу с поисковой партией. Они разбили лагерь — там он и заночует.

— В смысле, звонили? — удивился Клайд, невольно проверив свой смартфон. — Разве вышку сотовой связи починили?

— К сожалению нет. Мне звонили на домашний номер, — пояснила миссис Миллиган и осеклась.

Покосившись на журналиста, она заерзала, как-то уж слишком увлеченно поправляя диванные подушки.

— Странно. Я думал, у Смитов нет домашнего телефона, — протянул Клайд.

— Ну что вы. Как бы бедняга Харви поддерживал со всеми связь, и в особенности с лесопилкой? — пожала плечами Лора. — Вы не обижайтесь! — быстро добавила она, заметив, как нахмурился гость. — Возможно, Смиты просто боялись, что вы наговорите по межгороду на огромный счет. Не судите их строго.

— Да я бы заплатил, — отозвался Клайд, но морщины на его челе разгладились.

Бригадир трагически погиб, а его несчастная жена сходила с ума от горя. Сейчас не время винить их из-за какой-то мелочи. В конце концов, они и так обходились с постояльцем очень хорошо.

— Чего уж теперь говорить, — вздохнула миссис Миллиган, явно успокоенная реакцией журналиста.

Первой ушла жена шерифа, пожелав Клайду спокойной ночи. Тот же посидел еще с полчаса, выбрав новостной канал. Теперь о событиях в стране и мире ему приходилось узнавать исключительно оттуда. Начав клевать носом, он все-таки выключил телевизор и собрался в свою комнату. У-ху! У-ху! У-ху! — послышались знакомые звуки. Подойдя к большому окну, Клайд откинул штору и выглянул на улицу. Разумеется, он ничего не увидел, тем более что сова подавала голос где-то далеко. У-ху! У-у-у-у-у! У-ху! — доносилось из ночи. Журналист аж подпрыгнул, когда сзади раздался

шорох. Обернувшись, он увидел миссис Миллиган, облаченную в домашний халат.
— Уф! Как вы меня напугали! — выдохнул он, ибо успел выключить свет, и комната была погружена в полумрак.
У-ху! У-ху! У-ху! Приблизившись, Лора посмотрела в окно.
— Вы тоже это слышите? — спросил Клайд.
Вопрос прозвучал по-дурацки, будто он сомневался в здравости собственного рассудка. Впрочем, крик совы вызывал у него очень неординарные ощущения. Последний раз такое уханье сопровождало исчезновение Дика Финча.
— Трудно не услышать, — с неопределенным выражением произнесла миссис Миллиган.
Как и журналист, он пыталась определить, откуда доносились звуки. Кажется, откуда-то со стороны холма. Ее интерес озадачил Клайда. Ну ладно он, городской житель, а эта эшвилльская леди? Неужели ее до сих пор волнуют подобные вещи? Свое соображение он невольно высказал вслух.
— Он меня разбудил, — пояснила Лора. — Большой, должно быть, филин, раз так гулко кричит. Вот и захотелось взглянуть на проказника.
— Филин? — переспросил Клайд. — Я думал, сова.
— Ну да, — слабо улыбнулась миссис Миллиган. — Мы-то, здешние, умеем их отличать.
Она умолкла, прислушиваясь. Замолчал и журналист. Птица же продолжала ухать, выдерживая неравные промежутки. Когда она затихла, Клайд и Лора еще немного постояли у окна, а затем разошлись по спальням.

Утром журналист отправился на почтамт. Миссис Миллиган, узнав, куда он собрался, просила не задерживаться. Мол, скоро проснется Эмили, и надо накормить ее бульоном. Лора, конечно, управится, но с Клайдом как-то спокойнее. Мало ли что… Кивнув, тот обещал обернуться побыстрее и укатил.

Здание почты было по-прежнему закрыто, а за дверным стеклом висела все та же табличка. Наведя справки, Клайд узнал, что мистер Уоллес до сих пор не появлялся. Несолоно хлебавши, журналист вернулся в дом Смитов и не без досады сообщил о своей неудаче.
— Не появлялся? — нахмурилась Лора. — Это на него не похоже. Тед до занудства ответственен, чтобы пренебречь своими обязанностями.
Кое-как впихнув во вдову плошку куриного супа, она поручила ее заботам Клайда, а сама удалилась в глубину дома. Вернулась она спустя четверть часа. Лицо миссис Миллиган выражало озабочен-

ность.
— Что-то не так? — спросил журналист, радуясь ее появлению.
Эмили снова заплакала, а утешение горюющих женщин никогда не было его сильной стороной.
— Не знаю, — честно ответила Лора. — Из лесного лагеря он уехал еще вчера вечером, как и планировал, а дома так и не появился. Его жена очень волнуется. Я, признаться, тоже. В свете последних событий…
Она не стала продолжать, но Клайд и так все понял. В Эшвилле пропало уже четыре человека, и как бы мистер Уоллес не стал пятым по счету.

Ситуация и впрямь выглядела тревожной. Если это не стечение обстоятельств, в городке творилось нечто неладное. Шериф мрачнел с каждым днем, да и не только он. Трент Коул, заезжая проведать вдову своего лучшего бригадира, выглядел каким-то угрюмым. Насупился и обычно веселый Майк, пару раз навещавший дом Смитов. Барни, владелец бензоколонки, куда Клайд заскочил заправиться, тоже источал скрытую тревогу.

Журналист не стал развивать тему с Лорой. Во-первых, она тут же потеряла словоохотливость. Во-вторых, ему не хотелось показаться чокнутым. Размышляя над происходящим, Клайд внезапно отметил, что люди пропадали всякий раз, когда раздавалось уханье филина. Покричав среди ночи, птица умолкала, а потом выяснялось, что кто-то бесследно исчез. Совпадение? Наверняка, если не верить во всякую чертовщину. Клайд не верил, будучи прагматичным человеком, однако нутром чуял какую-то связь. Вот только какую? Самый обычный филин просто не мог быть причастен к загадочным происшествиям. Или мог? Стараясь говорить обиняками, журналист затронул эту деталь в разговоре с шерифом, когда тот спешно вернулся из леса.

Реакция Миллигана оказалась довольно странной. Едва Клайд упомянул филина, как тот видимо занервничал. Его лицо сохранило полное самообладание, однако руки принялись теребить лежавшую на колене шляпу. Он резко сменил тему, вернувшись к рассказу о действиях поисковых партий. Журналист внимательно слушал, ибо это представляло известный интерес, но потом снова аккуратно упомянул ночную птицу. Шериф отделался шуткой, прозвучавшей не слишком удачно. В разговор вступила Лора, переключив внимание на себя. От Клайда не укрылось, что выглядело это так, будто жена прикрывала мужа. Это озадачило его еще больше, но вслух он своих сомнений не выразил. Выдержав длинную паузу, журналист в третий раз ловко ввернул филина. Миллиган вдруг засобирался, ссылаясь на неотложные дела. Он посове-

товал гостю не забивать голову всякой ерундой и сходить развеяться в бар Ленни. Лора не возражала. Миссис Смит недавно сделали очередной укол, и она забылась глубоким сном. Клайд пожал плечами, но отказываться не стал. Безвылазное сидение дома ему порядком надоело даже в обществе такой привлекательной женщины, как миссис Миллиган.

Обычно общительный, Ленни как-то сразу увял, когда журналист заговорил про пернатого хищника. На словах он вроде бы тоже не придал ему никакого значения, но отчего же тогда так разительно изменилась его речь? Клайд был мастером разговорить людей, однако на сей раз у него ничего не вышло. Ленни либо ловко переводил тему, либо отмалчивался, не считая нужным давать комментарии. В конце концов, он и вовсе ретировался, якобы лично приглядеть за чем-то на кухне. Клайд остался в одиночестве, прислушиваясь к болтовне посетителей. Теперь, когда лесопилка практически остановилась, в зале было полно народу, утолявшего жажду свежим пивом. О пропавших, разумеется, тоже судачили, но ничего особенного журналист не услыхал. Появление Майка, утомленного продолжительным дежурством, он встретил с искренним энтузиазмом.

В отличие от других, помощник Уилсон не набрал в рот воды, когда собеседник ввернул в беседу филина. Отметив это обстоятельство, Клайд осмелел и упомянул его еще раз. Затем, не наблюдая никаких аномалий в поведении здоровяка, высказал ему свои наблюдения.

— Гм. Вот так история, — заключил Майк, глотнув душистого эля. — Звучит и впрямь интригующе, да только у страха глаза велики, а мы тут все теперь на взводе. И вы тоже. Парни запропастились, чертов мост рухнул, чтоб ему пусто было!.. Хотите знать мое мнение? Нет тут никакой связи. Лес же кругом. Кто там только не голосит. Впрочем, вы у нас мастер пера. С вашим воображением может получиться вполне недурная статья. Только обождите ее сочинять.

В принципе, Клайда такой ответ устроил. Уилсон не посчитал его сумасшедшим и не уходил от темы, а дал вполне естественное умозаключение. Во всяком случае, для него. Журналист наблюдал на лице собеседника подлинное простодушие, за которым ничего не скрывалось. Он лишь осведомился, почему с предполагаемой статьей следует подождать.

— Так мы сами еще ничего не знаем, — пояснил Майк. — Не знаем даже, связаны ли эти случаи, или их объединяет какая-то общая подоплека. Вообще шеф велел мне помалкивать, но лучше уж я вам расскажу, пока вы не нафантазировали с три короба. Мы же

в курсе, какой шум СМИ умеют поднимать из ничего!
Последнюю фразу помощник Уилсон произнес совершенно беззлобно, отчего Клайд даже улыбнулся, признавая его правоту. Затем он услышал короткий рассказ о ходе поисков. Впрочем, рассказывать там было особо нечего. Салливан, Джефферсоны и Финч как в воду канули, а теперь к ним добавился еще и Уоллес. Для тихого Эшвилля это выглядело из ряда вон. Местные жители пока и не думали волноваться, озабоченные снесенным мостом и остановившейся лесопилкой. Полицейские же встревожились всерьез. До вчерашнего вечера все еще оставалась надежда, что лавочник и двое братьев загуляли в какой-то хибаре, а Финч убежал в припадке белой горячки. Увы, исчезновение Теда Уоллеса свело ее практически к нулю. Теперь никакого объяснения происходящему не имелось.

Клайд видел, что Уилсон с ним совершенно честен. В нем не проскальзывало ни уклончивости шерифа, ни цепких взглядов Лоры, равно как и невнятных отговорок Ленни. Теперь этот житель Эшвилля однозначно нравился журналисту больше всех, и он с удовольствием выпил с ним еще пару кружек. Расстались эти двое добрыми друзьями.

Уже на парковке Майк вдруг вылез из полицейской машины и подошел к Клайду, садившемуся в свой Ровер. Тот грешным делом подумал, что сейчас его будут проверять на шесть десятых промилле. Мысли Уилсона, однако, оказались совсем не о том.
— Знаете, я тут вдруг припомнил… — задумчиво сказал он, глядя куда-то в сторону. — Лесопилка. Несчастный случай с Харви. На месте трагедии мы обнаружили птичьи перья. Экспертиза показала, что они принадлежат очень крупному виргинскому филину. И такие же перья вы сами тогда заметили на крыльце Джефферсонов. Прежде я не придавал им значения, но после ваших слов… Может это ничего и не значит, а может и наоборот.
Журналист тут же навострил уши, но Майк ничего не прибавил. Махнув рукой, он вернулся к своей машине, завел мотор и уехал. Уехал и Клайд, стараясь вести медленно и аккуратно, ибо все же превысил разрешенную за рулем дозу алкоголя.

Среда прошла спокойно, если не считать, что журналист здорово встревожился за Бада Джонсона. Он уже настолько привык к отсутствию старика, что лишь теперь то представилось в ином свете. А не с отца ли Сэма начались все эти исчезновения? Не он ли стал первой жертвой неизвестно кого или чего? Перья филина, найденные в двух разных местах, наводили на размышления. Возможно, они были и на стоянке пропавшего Финча, но на них никто не обратил внимания — в лесной-то чаще. Вкупе с ночным

уханьем все это превращалось в какую-то загадочную и даже мистическую историю.

О своих соображениях Клайд захотел переговорить с шерифом, но тот опять уехал в лес и в Эшвилль пока не возвращался. С Лорой же он обсуждать ничего не стал. Ее недавний интерес к крикам филина, проявленный в гостиной, и последующая отчужденность при упоминании о нем же удерживали язык журналиста за зубами. Он только и спросил о состоянии моста. Миссис Миллиган, периодически с кем-то созваниваясь, наверняка владела этой информацией, а на поверку так и оказалось.

Рабочие уже приступили к починке, вкалывая в три смены. Трент Коул на сверхурочные не скупился, ибо они не шли в сравнение с потенциальными убытками лесопилки. Пока с другой стороны реки особого энтузиазма не наблюдалось, его сотрудники начали наводить переправу. Муниципалитет предоставил необходимую технику, и на первые сваи уже лег крепкий настил. Увы, до другого берега было еще далеко. Пройдет недели полторы, прежде чем из городка уйдут груженые лесовозы. Формально мост должны ввести в эксплуатацию соответствующие службы, но дожидаться их разрешения никто не станет. Пока эти инженеры приедут — сто лет пройдет, а припасы в Эшвилле не бесконечны. Добро даст здешний муниципальный служащий, имеющий достаточные полномочия. В экстренной ситуации такое вполне допустимо, а если что — адвокаты Коула насядут на власти округа.

Выслушав миссис Миллиган, журналист прикинул в уме календарь, а затем попросил позвонить. Та неохотно разрешила, и в процессе беседы с главным редактором будто невзначай маячила неподалеку. Сообщив Хьюджу новости, Клайд честно оставил наличные за междугородний разговор. Лора пообещала вручить их миссис Смит, когда та более-менее придет в себя. Несчастная вдова выглядела получше, но впала в какую-то апатию. Она почти не интересовалась окружающим и в основном молчала. Ее больше не сотрясали рыдания, и лишь по лицу то и дело беззвучно катились слезы.

В ночь на четверг Клайд не спал. Размышления о судьбе Бада Джонсона не давали ему покоя. Теперь он был почти уверен, что старик запропастился отнюдь не просто так. Письмо в старом конверте могло иметь какое-то отношение к происходящему, пусть и не из-за того, о чем в нем упоминалось. Собственно, потому Клайд и хотел переговорить с почтмейстером, чтобы уяснить для себя некоторые детали. Увы, разговор по понятным причинам не состоялся. В новый Клондайк журналист по-прежнему не верил, однако усматривал некую связь с опасениями Джонсона и после-

дующими событиями. Оставалось лишь внятно определить, какую именно, а вот здесь любая конкретика вступала в область бредовых домыслов или откровенной мистики. Ситуация могла проясниться, если обнаружат кого-нибудь из пропавших людей, но тем загадочнее она и выглядела, раз до сих пор не нашли даже их следов. Ну, исключая места исчезновения, которые создавали больше вопросов, чем ответов.

Ворочаясь с боку на бок, Клайд стал подумывать о снотворном миссис Смит. Не принять ли и ему таблеточку? Голова, полнившаяся мыслями, тяжелела, но засыпать отказывалась. Бессонница грозила выбить его из колеи почище похмелья. Весь завтрашний день он проходит с больной головой, если вообще вылезет из постели. Подобное уже бывало, и сейчас все к тому и шло. Промаявшись еще с полчаса, журналист откинул одеяло и встал, решив попытать счастья со шкафчиком для лекарств.

У-ху! У-ху! У-у-у-у-у-у! Вздрогнув, Клайд остановился у кровати, не успев покинуть комнату. Крик филина раздавался так же громко, как и тогда, когда он впервые его услышал. То есть, откуда-то недалеко. Пройдя к окну, журналист просунул голову между штор и стал обозревать окрестности. Теперь это удавалось без труда. Небо очистилось от туч, окончательно разошедшихся накануне. На нем не было ни облачка, отчего звездная россыпь мерцала в полную силу. С далекой вышины уверенно сияла ничем не застланная луна. Ее лучи озаряли округу ровным серебристым светом, делая ее похожей на царство призраков. Красивое и таинственное царство, навевавшее романтические грезы и немного грусти. Скользя по верхушкам елей, лунный свет ложился на ухоженный садик, придавая его цветам удивительные оттенки. Он же серебрил сосновый подлесок и белел на одиноком сухом дереве, возвышавшемся посредине холма. У-ху! У-ху! У-ху! — донеслось откуда-то оттуда. Донеслось очень громко и отчетливо, и на сей раз журналист вышел из амплуа пассивного наблюдателя. Если его невероятная теория верна, крик филина предвещал беду. А если она и беспочвенна, то само его появление все равно имело определенные странности. Как бы там ни было, сделать фотографии птицы всяко не лишне. Особенно если это именно ее перья находили на месте необъяснимых исчезновений. Живо одевшись, Клайд схватил смартфон и тихо выскользнул из дома.

До холма оказалось дальше, чем представлялось из окна. Миновав сад, журналист пошел по узкой тропинке, усыпанной опавшей хвоей. Носки ботинок то и дело поддевали сигары еловых шишек, с тихим стуком катившихся в кусты. Поросль молодых сосенок встретила его мшаниками и насыщенным ароматом смолы.

В отличие от еловой, она щекотала ноздри совсем иначе, словно освежала и без того свежий воздух. Под луной подлесок выглядел как в сказке, и Клайд даже пожалел, что не приходил сюда раньше. Однако не задерживался он и сейчас. Память подсказывала, что слишком долго филин кричать не будет. Пока тот все еще давал о себе знать, причем громкость его уханья нарастала с каждым шагом. Клайд двигался в правильном направлении и вскоре достиг подножия холма.

Одинокое сухое дерево окружала довольно высокая трава, полого стелившаяся до самого основания возвышенности. Тропа разделилась. Утоптанная земля свернула влево, а вверх тянулась совсем узенькая дорожка, едва различимая в густой растительности. Шурша сочной зеленью, оставлявшей на джинсах росу и колючки, Клайд поспешил по заросшему пути. Уже издали он заприметил в сухих ветвях какое-то большое темное пятно. Ему очень хотелось прибавить шагу, а то и вовсе перейти на бег, но приходилось сдерживаться. Еще не хватало спугнуть филина, когда он так близко! У-ху! У-ху! У-у-у-у-у-у! — прогудело с вышины. Сбавив темп, журналист приближался к мертвому дереву, глядя в его раскидистые ветви. И без того белые, в лунном свете они казались покрытыми слабо флуоресцирующим веществом. На фоне этой белизны ночная птица виднелась вполне отчетливо. Осторожно ступая, Клайд увидел огромные желтые глаза, принадлежавшие не менее огромному филину. Звездное небо и лишенные коры ветви оттеняли его так, что он выглядел поистине исполинским. У-у-ху! У-у-ху! У-у-ху! — протяжно изрек пернатый хищник. Не обращая внимания на приближавшегося человека, он смотрел куда-то над ним, будто прикованный взором к какой-то далекой точке.

— Вот это птичка… — прошептал Клайд.

Стараясь не шуметь, он потянул из кармана смартфон, продолжая преодолевать ярд за ярдом. Хотелось верить, что снимки выйдут достаточно удачными. Освещенность была так себе, и техника могла не справиться даже при яркой луне. Не доходя до вершины холма, журналист остановился и стал наводить камеру на филина. Теперь, с близкого расстояния, он предстал во всей красе.

Это был Виргинский филин, хорошо известный на территории Америки. Его представители достигали очень крупных размеров, а на сухом дереве обосновалась подлинная громадина. Лицевую часть головы обрамляла черная окантовка. Она эффектно подчеркивала насыщенно-желтые глаза и могучий изогнутый клюв. Перьевые ушки выглядели настоящими рогами — гораздо больше тех, за которые его и так прозвали "рогатым". Распушенные, они настолько топорщились вверх и в стороны, что запросто

могли напугать особо религиозного человека. Оперение филина имело темно-коричневую окраску, перемежавшуюся черными вкраплениями. На груди виднелась белая выпушка, а ниже по туловищу перья казались полосатыми. Толстые лапы обхватывали ветку внушительными когтями. Длинные и острые, они вызывали уважение и трепет. Этот ночной хищник вполне мог унести среднего размера собаку. На человека данный вид не нападал, если тот не тревожил его гнездо. Такому отношению стоило порадоваться, ибо конфликта с громадной особью следовало всячески избегать.

Клайд не лез на рожон, по-настоящему впечатленный исполинским филином. Пока тот гудел очередное "у-ху", гулкое и раскатистое, он настраивал фокус камеры. Низкий уровень освещения давал себя знать, из-за чего журналист никак не мог добиться приемлемой четкости. Ба-бах! Рядом громыхнуло так, что заложило уши. От неожиданности Клайд аж присел. Дрогнувшие пальцы выронили смартфон, и было неясно, успел он коснуться спуска, чтобы сделать снимок, или нет. Ба-бах! Ба-бах! Вокруг филина с треском посыпались сухие ветки. Ошеломленный Клайд воззрился на вершину холма, где объявилась чья-то фигура. Ба-бах! Испуская снопы пламени, она быстро приближалась к дереву, оглашая окрестности свирепой бранью. Окончательно обомлев, Клайд узнал шерифа. Вскинув помповое ружье, тот яростно разряжал его в ночную птицу. Всерьез испугавшись за уникальный экземпляр, которому грозила неминуемая гибель, журналист обратил взор вверх. От филина должны были только перья полететь, однако он, на удивление, нисколько не пострадал. Вокруг взметались и трещали осколки мертвой древесины, а его глаза лишь разгорались желтым огнем, приобретая поистине демоническое свечение. Казалось непостижимым, как отличный стрелок ни разу не попал в цель. Впрочем, стрельбище выявило, что на ходу меткость шерифа заметно снижалась, а сейчас он очень активно двигался. Вероятно, именно этим и объяснялись его промахи. Ба-бах! Ба-бах! Ба-бах! Успев перезарядить ружье, грязно ругавшийся Миллиган возобновил огонь. Тяжело снявшись с ветки, филин расправил крылья и улетел. Шериф выпустил ему вслед все оставшиеся заряды. Не преуспев, он в бешенстве швырнул оружие на землю и принялся сквернословить пуще прежнего.

Клайд никогда не видел таким шефа полиции Эшвилля. Подняв смартфон, он даже подумывал затаиться в траве, но затем осмелел и пошел на вершину. Следовало выяснить, с чего вдруг у Миллигана такая ненависть к самой обычной птице. К той самой, к которой он прежде нарочито не проявлял никакого интереса. И лучше всего сделать это немедленно, застав стрелка в окружении

дымящихся гильз.
— Билл, вы чего палите среди ночи? Поди, всю округу перебудили, — осторожно сказал Клайд, приближаясь к дико ругавшемуся шерифу.
От неожиданности тот вздрогнул всем телом. Молниеносно подняв ружье, он сунул в него патрон и навел на струхнувшего журналиста. Впрочем, навел явно импульсивно. Узнав говорившего, Миллиган опустил ствол к земле.
— Какого дьявола вы здесь делаете?! — гневно воскликнул он.
От прежней обходительности не осталось и следа. Глаза полицейского яростно сверкали, а лицо исказилось злобой. Злобой и чем-то еще, но ведь явно не страхом? Властный, уверенный в себе мужчина просто не мог испугаться пусть даже очень большого филина.
— Я хотел спросить вас о том же, — стараясь выглядеть спокойным, ответил Клайд.
— Не вашего ума дело! — взъярился шериф.
— Может и не моего. Я же тут только гость, — пожал плечами журналист. — А местные жители не против ночной стрельбы?
— С местными я сам разберусь! — в том же тоне заявил Миллиган.
— А вам бы давно следовало убраться из Эшвилля и не мозолить людям глаза!
— Я бы и убрался, да мост смыло. Тот самый, о чьей ненадежности я вам заметил сразу по приезду. Не припоминаете? — холодно произнес Клайд.
Шериф прохрипел что-то неразборчивое, ограничившись парой крепких ругательств.
— Хорошо, пусть я вам осторчертел. Это я могу понять, — степенно продолжил журналист, находя спокойствие своим лучшим оружием. — Но чем вам помешал этот филин? Чего вы в него так бешено палили?
— Не вашего ума дело! — бросил Миллиган.
— Я вот рядом живу, потому и пришел посмотреть, кто это тут ухает. А вы вроде как должны быть далеко в лесу, с поисковой партией, — продолжал Клайд, пристально изучая кипевшего страстями полицейского.
Его усы топорщились как у рассерженного кота, да и весь вид говорил о крайне высокой душевной нестабильности. Открыв было рот, шериф хотел что-то сказать, но осекся. Он вообще не произнес более ни слова. Посверлив журналиста взглядом, Миллиган вдруг развернулся и пошел с холма, даже не оглядываясь.

Клайд долго смотрел ему вслед, решительно не понимая, что это вообще сейчас произошло. Затем приблизился к дереву и поискал в его иссохших корнях. Там, как он и надеялся, обнаружи-

лось крупное перо, наверняка принадлежавшее филину. Подобрав находку, журналист бережно уложил ее в карман и направился домой.

В комнатах стояла тишина. Лоры нигде не было видно, и навстречу вернувшемуся гостю она тоже не выходила. По логике вещей, миссис Миллиган не мог не встревожить раскатистый грохот стрельбы. Она же никак не отреагировала. Спала? Возможно, но недавнее уханье филина заставило ее прийти в гостиную, а такая канонада не разбудила? Клайд нашел сей факт весьма примечательным, однако не стал допытываться до Лоры среди ночи. Он решил отложить расспросы до утра и отправился спать.

В девять часов сон журналиста прервал громкий стук в дверь. Не дожидаясь ответа, миссис Миллиган ввалилась в его комнату.

— Клайд! Вставайте! У нас беда! — восклицала она, тормоша лежавшего гостя.

Вскочив на постели, тот ошеломленно встряхнул головой, протирая заспанные глаза.

— Что стряслось?! — спросил Клайд, обеспокоенный необычным поведением Лоры.

— Эмили! Миссис Смит! Она наглоталась снотворного! — сыпались короткие реплики. — Я уже вызвала доктора! Вставайте скорее!

Сонливость мгновенно улетучилась. Вылетев из постели, Клайд влез в джинсы, накинул рубашку и выскочил вслед за женой шерифа.

Врач прибыл слишком поздно. Вдова уже не дышала, приняв убойную дозу веронала. Ночью она вскрыла аптечный шкафчик и проглотила практически все содержимое пузырька. Вероятно, это произошло тогда, когда Клайд отсутствовал, отправившись на холм, а миссис Миллиган крепко спала или прикидывалась спящей. Врач сделал все, что было в его силах, но в итоге ему пришлось констатировать смерть несчастной женщины. Роняя слезы, Лора выглядела не только расстроенной, но и виноватой. Это проскальзывало в ее лице, отчего журналист окончательно утвердился в своих подозрениях. Чем бы она ни занималась ночью, из-за этого за Эмили и не доглядела. Вопросов он, однако, не задавал, ибо и сам пребывал в удрученном состоянии. Миссис Смит, доверенная в том числе и его попечению, покончила собой прямо под носом у тех, кто должен был о ней заботиться.

Когда умершую, накрытую белой простыней, увезли, Клайд уныло плюхнулся на стул. В кухне стоял лекарственный запах. Миссис Миллиган пила какие-то капли, стараясь успокоить разгулявшиеся нервы. Журналист предпочитал воздействие чего по-

крепче. С молчаливого согласия Лоры он достал из шкафчика бутылку виски и проглотил солидную порцию.
— М-да, — нарушая молчание, раздался его тяжелый вздох. — И как же так вышло…
Про филина Клайд не вспоминал. Эмили Смит не исчезла, а совершила самоубийство, не выдержав потери мужа. В ответ он ничего не услышал, ибо миссис Миллиган только головой покачала.
— И что же теперь делать? — неопределенно изрек журналист не то ей, не то вообще никому.
Суть его вопроса, однако, была вполне ясна. В нем содержалось сразу многое, и в том числе дальнейшая судьба Клайда как постояльца. Понимающе кивнув, Лора предложила дождаться ее мужа.

Шерифа как подменили. Прибыв в дом Смитов, он ласково утешил жену и сказал несколько ободряющих слов журналисту. Тот прямо не узнавал полицейского, совсем недавно обуянного яростью. Обуянного до такой степени, что он отвратительно сквернословил и откровенно грубил прежде обхаживаемому гостю. Когда Лора отлучилась, Клайд не удержался и напомнил о его ночном поведении.
— Ох, не держите на меня зла. Мне очень стыдно, — шериф приложил руку к сердцу.
Снова войдя в гостеприимный образ, он принялся извиняться, объясняя свою недостойную выходку. Мол, всему виной события последних дней. В Эшвилле, всегда тихом и спокойном, прежде никогда ничего подобного не случалось. Миллиган поддерживал порядок железной рукой, и эта внезапная череда происшествий для него настоящий вызов. Пятеро человек будто испарились, и от них ни слуху, ни духу. Ни тел, ни следов, ни вообще хоть какой-то информации. Плюс беднягу Харви искромсало как свиной окорок, а они были давно дружны. Шериф принял его смерть близко к сердцу и очень переживал, хотя на публике и не подавал виду. Все это сказалось на ночном инциденте. Чертова птица изрядно докучала. Она мешала спать очень многим, в том числе и Лоре. При иных обстоятельствах Миллиган управился бы с ней как-нибудь иначе, но вопиющая ситуация окончательно выбила его из колеи. Скрытно вернувшись в Эшвилль, он лично обходил окрестности. Исчезновения происходили в темное время суток, и Тед Уоллес стал тому подтверждением. Патрулируя за полночь, шериф надеялся заметить что-нибудь необычное. Он оказался неподалеку от холма, когда раскричался филин. Нервы шерифа не выдержали, и он атаковал птицу, вымещая на ней все взорвавшиеся чувства. Внезапно появившийся Клайд застал его врасплох, причем не в лучшем расположении духа. Миллиган не то что пропавших людей

не нашел, а даже филина подстрелить не смог! Со свидетелем его нерасторопности он сгоряча обошелся крайне невежливым образом. Разумеется, шериф всегда должен держать себя в руках, и столь грубое поведение ему не подобает. Он не оправдывается перед гостем, ибо такую выходку одним только нервным срывом оправдать нельзя. Он лишь приносит ему свои искренние извинения. Приносит и надеется, что гость проявит понимание и не станет думать о шерифе дурно. Все, что Клайду наговорили на холме — не соответствует действительности. В запале какие только гадости не срываются с языка. Миллиган рассчитывает на великодушие умного и образованного гостя. Верит, что тот не станет держать зла и забудет это неприятное недоразумение, о котором шериф очень сожалеет.

Да уж, язык у шефа полиции был подвешен неплохо. Прежде журналист вполне удовлетворился бы таким объяснением, но не теперь. Как бы Миллиган ни старался, ему не удастся списать стрельбу по филину на одни лишь эмоции. Эта птица его беспокоила, и отнюдь не своими криками. Клайд подозревал, что с ней связана какая-то история, о которой шериф всячески умалчивает. И умалчивает не только он, учитывая реакцию того же Ленни сотоварищи. Но вот какая? При всей своей фантазии, журналист даже представить не мог, к чему такому причастен самый обычный филин, пусть и очень большой. Причастен настолько, что Миллиган его выследил и в великой злобе пытался убить. Причем только ли в злобе? Так ли уж показалось Клайду, что на лице шерифа читался и страх? Разумеется, все эти мыслишки он оставил при себе.

— Ладно, Билл, будет вам извиняться. Все забыто! — великодушно сказал журналист, на деле вовсе не собираясь вычеркивать из памяти ночное приключение.

— Вы хороший человек! — затряс ему руку Миллиган. — Проклятье! Теперь мне еще совестнее, что я обошелся с вами так грубо!

— Пустяки. С кем не бывает, — махнул рукой Клайд. — Вы бы слышали, как иногда бранится мой главный редактор! И это не мешает нам оставаться друзьями. Однако что же мне теперь делать?

Вопрос относился к создавшейся ситуации, и шериф сразу понял, о чем речь.

Как постоялец, журналист оказался в очень непростом положении. Хозяева дома скончались, и технически он теперь пребывал под чужой крышей без всякого разрешения. Сам дом не остался без владельцев — дочь и сын Смитов жили где-то на восточном побережье. Однако пока они приедут и вступят в права на-

следства, пройдет немало времени. К тому моменту Клайд уже наверняка покинет Эшвилль, и сейчас его заботили несколько ближайших дней, а не долгосрочная перспектива. Эти дни ему требовалось где-то жить, отчего и возникала проблема — где именно? В городке некогда был небольшой мотель, но он давно закрылся из-за отсутствия рентабельности. Туристы здесь практически не объявлялись, а если кто и приезжал, то по делу. Такие визитеры всегда знали, зачем и к кому едут, поэтому вопрос с их проживанием решался автоматически. Журналист же очутился в эдаком подвешенном состоянии.

Хорошенько все обдумав, Миллиган пошептался с женой и предложил оптимальный выход. Сегодня, разумеется, Клайда никто не улицу не выставит. Он останется здесь, как останется и Лора — прибраться, да и вообще присмотреть за хозяйством. Ну а дальше… Дальше гостя приютит кто-нибудь из его новых знакомых. Кто именно — шериф наведет справки. В крайнем случае, он пригласит журналиста к себе, если с его переселением возникнут какие-нибудь затруднения.

— Я бы позвал вас прямо сейчас, но боюсь, что у меня вам будет неуютно. Вы не представляете, что такое проживать под одной крышей с шефом полиции, — усмехнувшись, пояснил Миллиган. — Поэтому я сначала спрошу кое-кого из наших, а там уже по результатам.

— Мне и самому не хотелось бы вас стеснять, — вежливо ответил Клайд. — Из-за меня и ваша супруга остается, а она уж здесь сколько дней!

Сказав так, он исподтишка наблюдал за реакцией собеседников.

— Ничего страшного, — улыбнулась Лора. — Я же не могу дать вам умереть с голоду!

Журналист поблагодарил ее за любезность, однако сделал для себя кое-какие выводы. Миссис Миллиган задерживается отнюдь не прибраться и присмотреть за хозяйством. Прибирать тут было особо нечего, а дом сейчас проще всего опечатать. Она остается из-за гостя, и так ли уж тот ошибался, когда подозревал, что эта женщина приставлена к нему в качестве сторожа.

До позднего вечера Лора вела кипучую деятельность. Нарочито кипучую, как показалось Клайду, чтобы оправдать свое присутствие в доме. Зачем-то перемыв всю и так чистую посуду, она взялась надраивать полы, а затем долго взбивала многочисленные подушки. Не остались без внимания и занавески, тщательно обработанные пылесосом. Пыль удалялась так старательно, что с поверхности комода или тумбочки при желании можно было есть. Еду, разумеется, миссис Миллиган подала Клайду как положено — в

столовой и на тарелке, чтобы тот, видимо, не уехал утолять голод куда-нибудь еще. Вероятно, по той же причине она регулярно взывала к его помощи, особенно в тех случаях, когда требовалось передвинуть мебель. Зачем? Якобы убрать в труднодоступных местах. Лора и убирала, пока журналист сидел дома как пришпиленный. Ей даже кровать миссис Смит приспичило переставить. Ту самую, на которой несчастная вдова испустила дух. У Клайда это поручение восторга не вызывало, однако отказываться он не стал.

Старинная кровать — широкая, с двумя металлическими спинками, — весила немало. Пыхтя, журналист постепенно сдвигал ее в сторону, чтобы Лора прошлась шваброй на освободившемся пространстве. Когда он почти закончил, из-под матраса что-то выскользнуло и с тихим шлепком упало на пол. Наклонившись, Клайд поднял маленькую записную книжку в бежевом переплете. Раскрыв ее наугад, он увидел невообразимые каракули, однако среди них встречались и разборчивые слова. Всмотревшись, он воровато оглянулся. Миссис Миллиган, отжимавшая в коридоре тряпку, ничего не заметила. Спрятав книжечку в карман, Клайд продолжил работать на побегушках, выказывая всяческое усердие. Сам же едва дотерпел до ночи, чтобы спокойно и без свидетелей изучить случайную находку.

Вне всяких сомнений, строки принадлежали миссис Смит. По большей части ее рука не вывела ничего вразумительного. Находясь под действием успокоительных, она едва держала карандаш, которым с трудом водила по страницам. Оставаясь в одиночестве, вдова пыталась доверить свои страдания бумаге. Впившись глазами в записи, Клайд ужасно сожалел, что их львиная доля совершенно неразборчива. Сожалел оттого, что и немногое прочитанное произвело на него неизгладимое впечатление.

"...Я боялась за Харви. Все эти исчезновения... Он не слушал, только смеялся... Я не суеверная. Но я кое-что видела... Эти желтые глаза... Я просила Харви... не ходить в одиночку... Моя совесть... это ужасно... Я знаю, что они сделали... он и остальные... Харви мне рассказал... не давало мне покоя... Я слышу его крик в ночи... желтые глаза — я их вижу... Он прилетел за мной... терзать мою душу... Харви, зачем же... Я больше не могу этого выносить... Харви, я иду к тебе... мы снова будем вместе..."

Тщательно сфотографировав каждую страницу книжечки, журналист откинулся на подушку и глубоко призадумался. Миссис Смит явно любила мужа, к которому и ушла из этого мира. Однако к самоубийству ее подтолкнуло не только безмерное горе. "Он ПРИЛЕТЕЛ за мной" — этот фрагмент текста говорил о многом, вкупе с ночным уханьем и желтыми глазами. Если Клайд не спя-

тил, Эмили Смит подразумевала филина. Филина, который тревожил ее совесть чем-то плохим, что совершил Харви в компании кого-то еще. Минувшей ночью, когда птица кричала с холма, вдова не выдержала и свела счеты с жизнью. Таким образом, ее смерть имела отношение ко всем загадочным событиям, также связанным между собой. Вот только чем? Какая тайна могла стоять за чередой необъяснимых происшествий, и при чем тут был огромный Виргинский филин? Эх, если бы удалось разобрать в книжечке остальное!.. Обуреваемый хороводом мыслей, журналист клял отсутствие сотовой связи. Его глаза были бессильны вникнуть в неразборчивые загогулины, однако хороший графолог вполне способен добиться определенного результата. У Клайда имелся такой на примете. Увы, обратиться к нему немедленно не позволяло отсутствие интернета. Он мог передать странички и с помощью факса, который наверняка сыщется даже в этом городишке, но лучше не рисковать. Рядом с журналистом постоянно кто-то вился, и не исключено, что не просто так. Если выяснится, что он присвоил записи самоубийцы, да еще передает их невесть кому — неприятностей не оберешься. Нет уж, для надежности лучше обождать и лично передать книжку специалисту. Вот только для этого следовало покинуть Эшвилль, чему мешал разрушенный мост. А теперь и не только он. Столкнувшись с какой-то загадкой, начавшейся с Бада Джонсона, Клайд уже не горел желанием уезжать. Тем и были продиктованы его дальнейшие поступки.

Утром шериф принес добрую весть. Клайду никуда переезжать не нужно. Еще на одну ночь он может остаться в доме Смитов, а в субботу в Эшвилль прилетят сразу два вертолета. Один доставит людей из округа, чтобы те занялись смытой переправой; другой привезет инженеров, в кои-то веки собравшихся чинить вышку сотовой связи. Журналист улетит на одном из них. Разумеется, эти вертолеты не берут пассажиров, но если хорошенько попросить… Миллиган все устроит, поэтому гостю даже не придется раскошеливаться. Ну а его внедорожник доставят в порт, едва мост введут в строй. Оттуда Клайд легко отправит его кораблем точно так же, как и привез на Аляску. В том случае, конечно, если не захочет перегонять машину через всю Канаду.

Журналист изобразил улыбку, однако не проявил к известию никакого энтузиазма. Все выглядело так, будто его намеревались спровадить восвояси. Ведь шериф даже не удосужился спросить, не передумал ли он уезжать. А Клайд как раз таки передумал. Его профессиональное чутье было окончательно раззадорено загадочной историей. Теперь он непременно желал разобраться, где тут зарыта пресловутая собака, и прояснить судьбу исчезнувшего Ба-

да Джонсона. Вот только шерифу, вероятно имеющему к ней какое-то отношение, об этом говорить не стоило. Поблагодарив за содействие, вслух Клайд не отказываться уезжать. Провожая Миллигана, он прикидывал, как ему обставить свое дальнейшее пребывание в Эшвилле.

До позднего вечера журналист проторчал в баре у Ленни, где упился и объелся до безобразия. Точнее, сделал вид, что упился и объелся. Регулярные путешествия в уборную отлично придавали ему имидж пьяного в стельку, а на деле прочищали желудок для новой порции снеди и алкоголя. Само собой, Клайд все равно изрядно захмелел, но не так, как прикидывался перед остальными. Причина гулянки была проста — он, мол, завтра улетает, и напоследок хочет хорошенько выпить со своими новыми друзьями. Те горячо одобряли его порыв и всячески поддерживали на личном примере. Даже Майк набрался так, что еле сидел, а про остальных собутыльников и говорить не приходилось.

Наутро журналисту знатно поплохело. Прибывший доктор осмотрел пациента, выслушал его жалобы и констатировал пищевое отравление, усугубленное чрезмерным употреблением спиртного. Ни о каком полете не шло и речи. Клайда регулярно тошнило, а диарея поистине зашкаливала. Он весь пошел пятнами и, стеная, лежал бревном, дыша как загнанная лошадь. Миссис Миллиган нахмурилась, услышав вердикт врача, но поделать ничего не могла. Больному предписывался постельный режим и целая куча лекарств. Состояние страдальца не вызывало опасений за его жизнь, однако любые путешествия за пределы дома исключались. Мрачная как туча, Лора позвонила в аптеку и заказала доставку, зачитав список из рецепта. Врач ушел, однако она не стала нарушать его предписание, как бы ей того ни хотелось. Даже если доставить гостя к вертолету, в таком виде его на борт попросту не возьмут.

Клайд прекрасно понимал, отчего миссис Миллиган не поехала в аптеку сама, мотивируя свое присутствие заботой о захворавшем госте. То и дело он ловил ее цепкий, оценивающий взгляд, словно его надеялись уличить в притворстве. Журналист смиренно благодарил Лору за оказанное внимание, обещая сполна оплатить все расходы. Сам же украдкой улыбался в подушку. Он не дал ни малейшего повода заподозрить себя в симуляции. По примеру несчастной вдовы он воспользовался шкафчиком для лекарств. Там отыскалось рвотное, проглоченное в разумных пределах, а также слабительное, принятое поистине лошадиной дозой. Клайд хорошо знал, что вызывает у него аллергию. Домашние припасы Смитов и кое-что из бара Ленни спровоцировали сыпь, дополненную побоч-

ными эффектами на некоторые препараты. Сделай ему кто анализ крови, он непременно разоблачил бы журналиста подчистую, но до этого не дошло. В результате спектакль удался в полной мере. Симулянт лежал, стонал, и вслух желал поскорее умереть. Его частые походы в уборную и доносившиеся оттуда звуки не оставили у миссис Миллиган никаких сомнений в подлинности недуга. Клайд и впрямь чувствовал себя довольно паршиво, однако он знал, что это скоро пройдет. Для поддержания образа у него было припасено несколько таблеток, спрятанных под матрас. Туда же он отправлял часть якобы выпитых снадобий, доставленных из аптеки.

Вечером заехал шериф. Переговорив с женой, он зашел к гостю и выразил ему свое сочувствие. Судя по всему, Клайду удалось ввести Лору в заблуждение, раз ее супруг не обвинил его в лицедействе.

— Эх, Клайд, как же вы так! — огорчался Миллиган. — Вертолеты ушли! Такую возможность упустили!

Выглядел он и впрямь безрадостно, но вряд ли самочувствие журналиста было тому причиной. Скорее, его сорвавшееся отбытие.

— Ох, я сам расстроен дальше некуда, — слабым голосом сетовал Клайд. — Угораздило же меня устроить прощальную вечеринку…

— Знаю, знаю, — вздохнул шериф. — Мне уже рассказали. Я еще спрошу с Ленни, какую тухлятину вам подавали. Он клянется, что все было свежим, но со свежатинки такого расстройства не бывает. На вас аж смотреть больно!

Последняя реплика прозвучала не для красного словца. Ожидая его визита, журналист воспользовался своей заначкой и слегка переборщил. От упадка сил у него аж голова шла кругом, и он едва вставал с кровати, чтобы доползти до уборной. Дальнейший прием таблеток грозил непредсказуемыми последствиями. К счастью, в нем уже не было необходимости. Отъезд из Эшвилля не состоялся, а причина ни у кого сомнений не вызывала.

— Как там поиски? — вяло осведомился Клайд.

— Да никак, — вконец помрачнел Миллиган. — И от старины Бада никаких вестей. Все как сквозь землю провалились!

— А может быть так, что пропало не пять человек, а шесть? — будто невзначай спросил журналист, исподтишка наблюдая за реакцией собеседника.

— Вы хотите сказать, не с Джонсона ли все началось? — озабоченно протянул шериф. — Вообще я не связывал эти случаи. Однако ваша идея не лишена здравого смысла. Пожалуй, я ей воспользуюсь.

Клайд рассчитывал спровоцировать его на какие-нибудь неосторожные слова, но такое услышать никак не ожидал. Как понимать

это "воспользуюсь"? Неужели Миллиган только сейчас увязал отсутствие старика с другими исчезновениями? Причем увязал с подачи Клайда, прямо-таки ухватившись за его предположение. Создавалось ощущение, будто он увидел отличную возможность вписать пропажу Джонсона в общую картину. Журналист насторожился, ощутив смутную тревогу.
— Эй, вы что-то в лице изменились! Вам стало хуже? — обеспокоился шериф.
Сообразив, что едва не выдал свои подозрения, Клайд удалился в ванную комнату, где проторчал с четверть часа. Дождавшись его возвращения, шеф полиции собрался уходить.
— Поправляйтесь спокойно, — сказал он на прощание. — Когда встанете на ноги, мы найдем вам жилье.
Клайд смиренно поблагодарил, одновременно размышляя над своими дальнейшими шагами.

* * *

Прочесывая лес, поисковые партии в лесу и ночевали. Порой кто-то уезжал в Эшвилль, чтобы уладить тамошние дела, но потом обычно возвращался в лагерь. Так поступал шериф и его помощники. Так поступил и Тед Уоллес. О судьбе последнего до сих пор судачили, особенно те, кто присутствовал при его отъезде. Ведь с тех пор Уоллеса никто не видел. В их числе были и два охотника, хорошо знакомые с почтмейстером. Сидя у костра, они подбрасывали в огонь дрова, поддерживая весело пляшущее пламя. Испуская приятное тепло, оно задорно трещало поленьями, будто пребывало в весьма игривом настроении. Настроение охотников — наоборот, оставляло желать лучшего. Этой ночью выпало их дежурство. Пока остальные спали, утомленные не прекращавшимися поисками, они присматривали за лагерем, чтобы туда не забрел какой-нибудь зверь. Само собой, не обошлось и без разговоров. Именно они, а не ночная вахта, заставляли двоих мужчин все больше хмуриться.
— Который день ищем, а толку ни шиша! — процедил приземистый краснолицый охотник, теребя свои усы.
— Еще бы, — хмыкнул его товарищ. — Нам ведь даже оттолкнуться не от чего. Обшариваем просто наугад.
Более высокий, он был лохмат будто сам леший. Длинная борода, в которой застрял всякий лесной сор, тоже вполне соответствовала этому мифическому персонажу.
— Не наугад. Окрестности у стоянки Дика мы перевернули вверх дном. Только даже собаки ничего не учуяли, — напомнил усатый.

— Мне еще память не отшибло, Тим! — сплюнул в костер бородач.
— Я также помню, что мы обыскали все лесные лачуги и ни черта не нашли. Там давно уже никто не появлялся. Оттого и говорю, что ищем мы фактически наобум. Никаких зацепок!
— Я так понимаю, Майер, предположение шерифа ты игнорируешь, — заметил тот, кого звали Тимоти.
— Я следопыт. Соответствуй оно действительности, я бы нашел какое-нибудь подтверждение, — фыркнул его лешеподобный собеседник.
Одна из собак, привстав, тихо заворчала, вглядываясь в темную чащу. Вероятно, почуяла какую-то живность. Остальные лежали поодаль и дремали.
— Не мы одни умеем заметать следы, — напомнил Тимоти.
— Вот именно поэтому я склонен придерживаться версии Коула, — мрачно изрек Майер. — Эта сбежавшая компашка — себе на уме. Она чего-то разнюхала и хочет всех нас обдурить.
— Ага. Так им Билл с Трентом и позволили! — едко хохотнул усатый охотник.
— Билл с Трентом, если ты не заметил, чернее той бури, что давеча бушевала, — веско отозвался его товарищ, закидывая в рот порцию жевательного табаку. — Когда контролируешь ситуацию, видок-то у тебя другой будет.
Угощение досталось и его бороде. Крошки застряли в ней пахучими бурыми вкраплениями.
— По-моему, они чернеют от страха, — тихо произнес Тимоти.
— Э, приятель! А ты, никак, и сам труса празднуешь? — насмешливо поддел Майер.
— Пятеро пропали, Харви вдруг погиб. Тебя это совсем не беспокоит? — огрызнулся усатый.
— Беспокоит, — угрюмо согласился бородач. — Просто я не люблю гадать на кофейной гуще. Я работаю с фактами, а они таковы, что наши друзья скорее сбежали, чем…
У-ху! У-ху! У-у-у-у! — раздалось из леса где-то совсем неподалеку. Майер осекся, прислушиваясь. Умолк и другой охотник, озабоченно завертев головой. У-ху! У-ху! У-ху! — снова прогудел филин менее чем через минуту. Тимоти изменился в лице, покрепче стиснув свое ружье.
— Думаешь, тот самый? — нервно спросил бородач, которому передалось волнение товарища.
— Не знаю. Но кричит знатно, — беспокойно заерзал тот.
— Пойдем, проверим? — внезапно предложил Майер.
Храбростью он заметно превосходил своего старого приятеля, да и ко всякой чертовщине относился попроще. Черные кошки произ-

водили на него впечатление не сильнее чайника на плите. Впрочем, было заметно, что Майер не остался равнодушен к ночной птице. Обернувшись, он хотел подозвать собак и опешил. Псы, обычно не боявшиеся даже медведя, тихо скулили, припав к земле. Их поведение отметил и Тимоти.

— Это еще что за новости? — изумился он, обозревая свору недоуменным взглядом.

У-ху! У-у-у-у-у-у! У-ху! У-ху! — напомнил о себе филин. Переглянувшись, охотники тихо посовещались. Возможно, им представился отличный случай выяснить, в чем тут дело. Поднявшись, они подхватили оружие и крадучись пошли в лес. Черт с ними, с собаками! Пожалуй, без них даже лучше, чтобы никого не спугнуть. Ну а других членов поисковой партии звать и тем более не стоило, если вся история касается только определенного круга лиц.

— Ты налево, я направо, — шепнул Майер. — Зайдем с двух сторон. Без необходимости не стреляй, нечего шум поднимать. Но если это и впрямь…

Он не договорил, но Тимоти прекрасно его понял. Кинув, он двинулся в свою сторону чащи, а бородатый скользнул в свою.

Опытные охотники умели передвигаться практически бесшумно даже в тяжелых сапогах и при полной амуниции. Смахивая на лешего, Майер в лесу и вел себя как леший, то есть отлично маскировался и при этом был чрезвычайно опасен для своей жертвы. Шагая по густому мху, он прислушивался к уханью филина, корректируя направление. Фонарей договорились не зажигать. Лунного света вполне хватало, чтобы не спотыкаться и огибать препятствия. Майер видел куда ступал, и довольно быстро продвигался к источнику звука. У-ху! У-ху! У-ху! — доносилось оттуда, и тем громче, чем ближе подходил Майер.

Деревья чуть расступились, и впереди показалась прогалина. Сбавив шаг, бородач тихо подкрадывался, держа винтовку наизготове. Его взгляд скользил по сосновым ветвям и еловым лапам, то поднимаясь к серебрившимся верхушкам, а то опускаясь до самой земли. Посредственная видимость ограничивала возможности охотника, но ее компенсировал крик филина. Тот по-прежнему давал о себе знать, и Майер был очень близок к цели. Когда деревья поредели, он остановился возле толстой старой ели. Слух говорил ему, что птица сидит не далее сотни ярдов — там, на краю прогалины. У-у-у-у-у! У-ху! У-ху! — подтвердил его предположение филин. Шаг за шагом, охотник принялся сокращать расстояние.

Луна хорошо озаряла открытые пространства, но заросли, отсвечивая снаружи, внутри становились еще непроглядnее. На та-

ком контрасте было непросто всматриваться в гущу ветвей. Затаив дыхание, Майер пристально изучал огромную сосну, чья крона раскинулась над краем небольшой опушки. Вне всяких сомнений, уханье раздавалось оттуда. У-ху! У-ху! У-ху! — прогудело из-под ее вершины. На развилке ствола зажглись пугающе крупные желтые глаза.

— Вот ты где, — прошептал впечатленный Майер, вскидывая винтовку. — Ну, милок, иди сюда. Сегодня ты исполнил свою последнюю арию…

Прицел неторопливо уставился точно промеж ярких глаз. Палец охотника лег на спусковой крючок.

Что-то отчетливо хрустнуло. Услышав этот звук, Майер невольно опустил взор. По краю прогалины, не выступая на лунный свет, но и не исчезая в тени деревьев, к нему кто-то приближался. Кто именно — было совершенно не разобрать, однако бородач сделал вполне естественное предположение. Тим, чтоб ему провалиться! Куда его несет?! Он же сейчас спугнет филина, корова слепая! Майер едва не окликнул нерасторопного товарища, но вовремя сообразил, что и сам наделает шуму. Он лишь надеялся, что усатый дурак пройдет мимо сосны достаточно беззвучно, и приготовился прошипеть ему пару ласковых. А уж прошипит он их однозначно, ибо в грядущей встрече сомневаться не приходилось. Тим шел прямо к нему, неторопливо, но уверенно сокращая расстояние. Майер уже и слова подобрал, намереваясь хорошенько уязвить старого приятеля, но они так и замерли у него на языке. Лунный свет, падавший наискось через ветви, озарил того, кто подходил все ближе. И это был не Тимоти. В горле у Майера булькнуло. Его борода затряслась, а руки задрожали. На лбу выступила испарина, а следом и все тело прошиб холодный пот.

— Не может быть… — испуганно просипел он.

Просипел практически беззвучно, ибо голос отказывался ему повиноваться. Серебристый луч снова осветил скрывшуюся было во тьме фигуру. Чередуя полосы света и тени, та неумолимо подступала. В воздухе отчетливо потянуло гнилостным запахом болотной тины. Послышалось насыщенное чавканье, сопровождавшее грузные шаги. У-ху! У-ху! У-ху! — грозно прокричал филин. Испуг Майера перерос в подлинный ужас. Холодными щупальцами он проник в екнувшее сердце, скользнул по коже и обвил цепенеющее тело. Он парализовал и лишал воли, вгонял в панику и не позволял действовать осмысленно. Однако Майер был профессиональным охотником, и охотником серьезно вооруженным. Сработали годами натренированные инстинкты. Вскинув опустившуюся винтовку, он рванул курок. Грянувший выстрел пронзил ночную тишину

на множество миль окрест. Бородач был уверен, что не промазал, однако никакого эффекта пуля не произвела. Немыслимая цель продолжала приближаться, представая его взору во всей красе.
— Нет! — прохрипел Майер. — Это невозможно!
Громыхнул второй выстрел. За ним третий, четвертый… Трясясь всем телом, охотник яростно разряжал оружие, отказываясь сознавать, что оно совершенно бесполезно. Настоящий снайпер — от страха он стал мазать, хотя временами и попадал, только с таким же успехом он мог попадать в гору.
— А-а-а! — взвыл он, окончательно переходя на звуки и междометия.
Гильзы вылетали одна за другой, падая на мягкий мох. Дуло плевалось огнем, густо тянуло порохом и гарью, а то, что напугало Майера до полусмерти, беспрепятственно подошло практически вплотную. Ба-бах! Ба-бах! Щелк! Магазин опустел. Икнув от ужаса, вконец потерявший голову охотник перехватил винтовку и замахнулся прикладом. Через секунду чащу огласил его душераздирающий вопль.

Лагерь переполошился. Сама по себе беглая стрельба не вызывала особого удивления. Мало ли кто и по кому палит. Пронзительные крики, доносившиеся откуда-то неподалеку — другое дело, особенно если учесть зашкаливающие в них эмоции. Выскочив из палаток, члены поисковой партии взволнованно озирались. Дежурных нигде не было видно. Костер, оставленный без присмотра, затухал, ибо в него уже никто не подкидывал дрова. Собаки жалобно скулили и в лес идти отказывались. Их не удавалось тащить даже на поводке. Оставив взбунтовавшуюся свору, люди вооружились и бросились в чащу.

Первым обнаружили Тимоти. Он лежал на мшистом холмике, образовавшемся вокруг гнилого пня. Его невидящие глаза смотрели в ночное небо, а изо рта стекала струйка крови. Кровь окрашивала и грудь, пропитывая одежду вокруг небольшого отверстия. Пуля угодила охотнику прямо в сердце, убив его наповал. Вторым… А вторым не нашли никого. Майер куда-то сгинул. Место, откуда он стрелял, было усыпано свежими гильзами, а сам стрелок как сквозь землю провалился. Землю, которая хранила странные следы, будто с ним был кто-то еще, и этот кто-то оставил комья грязи, источавшие тяжелый запах болотной тины.

Позднее, когда собаки перестали упираться, их привели к прогалине, где разыгралась неведомая трагедия. Из этого ничего не вышло. Псы тушевались, скуля и поджимая хвосты. Мелко дрожа, они боязливо оглядывались по сторонам. Какой-либо след никто из них так и не взял. Поисковая партия пребывала в изряд-

ном ошеломлении. Было отчего. Взявшись разыскать исчезнувших людей, она только что потеряла двоих собственных членов, один из которых и сам пополнил список пропавших без вести.

Наутро об этой невероятной новости уже судачили в баре Ленни. Предыдущие случаи прошли как-то незаметно, и особо не обсуждались. Пока не организовали поиски, большинство жителей Эшвилля о них даже не знало. Теперь же свидетелей необъяснимому инциденту было хоть отбавляй. Пораженные и растерянные, они не держали язык за зубами, отчего сплетни быстро расходились по всему городку. Масла в огонь подлила оперативно проведенная экспертиза. Исходная версия, что Майер стрелял в того, кто убил Тимоти, а затем куда-то подевался вместе с убийцей, оказалась несостоятельной. Пуля, извлеченная из тела погибшего охотника, красноречиво заявляла о другом. Получалось, что Тимоти застрелил сам Майер, после чего, вероятно, ударился в бега. Бар Ленни гудел как переполненный улей. Вооружившись кружками пива, все только и говорили о ночной истории.

О новой трагедии Клайд узнал от помощника Уилсона. Все воскресенье он пролежал в постели и лишь к вечеру вылез подышать свежим воздухом. Действие таблеток прошло, а прописанные лекарства окончательно нивелировали последствия. С каждым часом журналист чувствовал себя все лучше, отчего и вышел посидеть в беседке. Завидев полицейскую машину, как-то неаккуратно парковавшуюся возле дома, он сразу заподозрил неладное. Подняв руку, он окликнул показавшегося Майка.

— Как здоровье, Клайд? — подходя, вполне искренне осведомился тот.

Его визит и впрямь был вызван исключительно заботой о новом друге.

— Поправляюсь, — бодро ответил журналист. — Вы сами-то в порядке? Судя по лицу, не очень.

— С раннего утра на ногах. С этой ночной кутерьмой… — вздохнул Майк. — Как, вы разве ничего не знаете? — удивленно прибавил он, завидев озадаченность Клайда.

И тут же вкратце рассказал ему про недавнее происшествие. Журналист только присвистнул. Особое внимание он уделил свидетельству очевидцев. Среди прочего там упоминалось уханье филина. Упоминалось, разумеется, так, между прочим, для полного воссоздания обстановки, но Клайд усматривал в этом нечто большее. Майк, вероятно, тоже, хотя и в меньшей степени. Попросив его обождать, журналист сбегал в дом и принес перо, давеча подобранное под сухим деревом.

— Можете сделать мне одолжение? — тихо спросил он, незаметно

вручая находку Уилсону. — Проверьте, не принадлежит ли оно той же птице, чьи перья уже встречались у Джефферсонов, на стоянке Финча и лесопилке.
— Вы это серьезно? — обеспокоился Майк.
— Абсолютно, — кивнул Клайд.
— А откуда оно у вас? — пытливо осведомился полицейский.
— Честно? Поднял в том месте, где Миллиган в ярости пытался расстрелять ухающего филина, — пристально глядя на собеседника, неторопливо сообщил журналист.
Возможно, это была плохая идея — посвятить в инцидент на холме помощника Уилсона. С другой стороны, экспертизу пера следовало утаить от шерифа, а как еще попросить о таком его подчиненного? Ну а если Майк ему доложит — тут уж ничего не поделаешь, ибо увозить потенциальную улику из Эшвилля не имело смысла. С чем ее сравнит журналист за пределами этого городка?
— Гм. Как-то я не привык ничего делать за спиной Билла, — не слишком-то обрадовался Уилсон.
Уяснив, что и почему от него хотят, он бросал неодобрительные взгляды.
— Посмотрите на это в другом свете. Мы проверяем мою безумную теорию. Если я ошибаюсь, что почти наверняка, никому и краснеть за глупость не придется, — схитрил Клайд.
Ему не пришлось долго убеждать Майка, который и сам недоумевал из-за странностей с филином. В конце концов, тот пообещал сделать все необходимое.

Когда полицейская машина уехала, журналист вернулся в дом и спросил Лору, почему она не известила его о трагедии с охотниками. Спросил без обиняков, ибо в ее осведомленности он даже не сомневался.
— Вам требовался отдых. Вот еще стращать больного такими историями! — поджала губы миссис Миллиган.
— Возможно, вы правы, — не стал спорить Клайд. — Просто мне не хочется быть единственным человеком в Эшвилле, который ничего ни о чем не знает. Происшествие-то совсем из ряда вон!
— Вот потому я о нем и умолчала, чтобы не волновать вас почем зря, — смягчилась Лора.
Журналист улыбнулся, будучи совершенно уверен, что на то у нее имелись совсем другие причины.

Шериф, не появлявшийся все воскресенье, приехал только в понедельник, и приехал не один.
— Извините, Клайд, что вчера не заглянул вас проведать. Такое у нас стряслось — сами понимаете… — развел руками он.
Журналист его отсутствием ничуть не печалился, а скорее наобо-

рот — тяготился, ощущая себя словно под неусыпным надзором. Виду он, однако, не подал, а приветливо поздоровался с Миллиганом. Расшаркался Клайд и с мистером Коулом, чьи безразмерные ботинки топотали не хуже бегемота.
— Трент был столь любезен, что согласился приютить вас в гостевом домике, — сообщил шериф. — Вам там понравится. Шикарные условия со всеми удобствами! Сегодня собирайте вещи, а завтра можете вселяться.
— Как надолго? — изобразив благодарность, уточнил журналист.
Вопрос был по существу, поскольку вопрос с мостом оставался в подвешенном состоянии.
— На пару дней, — ответил владелец лесопилки. — В четверг за мной прибудет вертолет, и я с удовольствием заберу вас с собой. А до тех пор мы с вами отлично проведем время.
Клайда удивила не столько очередная попытка выставить его из Эшвилля, сколько реакция шерифа. Тот внезапно бросил на Коула озадаченно-хмурый взгляд, будто слышал об этом намерении впервые, и оно ему не понравилось. Когда все формальности были улажены, Миллиган потянул бизнесмена за локоть и утащил на крыльцо. Заинтригованный Клайд, желая подслушать их беседу, ловко ускользнул от Лоры и украдкой поднялся на второй этаж. Там, тихонько приоткрыв дверь на балкон, он хорошо слышал доносившиеся слова.
— Трент, ты что это удумал? — недовольно изрек шериф.
— Свалить отсюда подальше, Билл! Чего и тебе советую, — холодно ответил хозяин лесопилки.
— Совсем рехнулся? Нашел время, ничего не скажешь! А как же наш уговор? — в голосе Миллигана зазвучали отнюдь не дружелюбные нотки.
— Какой, к черту, уговор! — прошипел Коул. — Салливан, Джефферсоны, Финч, Харви, Уоллес, Тимоти и Майер! Что, совсем никаких ассоциаций?! Все они из нашей теплой компании, и я не собираюсь быть следующим, что бы за всем этим ни стояло!
— Трус! — презрительно изрек шериф.
— Да пошел ты знаешь куда, Билл! — огрызнулся Трент. — Я бы уже уехал, кабы не проклятый мост! Я улетаю, а ты можешь разгребать это дерьмо сколько заблагорассудится!
— Ты знаешь, что стоит на карте, и сваливаешь? Вот уж не думал, какой ты на деле ненадежный, — едко бросил Миллиган.
Началась перебранка, где собеседники не скупились на оскорбления. Ничего интересного, за исключением нескольких колоритных идиом, Клайд из нее не услышал. Зато он услыхал голос Лоры, настойчиво звавшей его по имени. Чертыхнувшись, журналист при-

крыл балкон и был вынужден спуститься к ней, пока его не хватились.

В дом шериф и бизнесмен вернулись добрыми друзьями, хотя в ушах Клайда все еще стояла их взаимная ругань. Улыбаясь как ни в чем не бывало, оба вновь заговорили с гостем, и ушли только тогда, когда тот твердо пообещал прибыть в назначенный час.

— Вот и славно все устроилось, — одобрительно сказала миссис Миллиган. — В поместье Трента о вас позаботятся наилучшим образом, не то что я.

Клайд — сама обходительность — попросил ее не скромничать и засыпал всяческими комплиментами. Он так преуспел, что Лора порозовела и даже позволила себе опрокинуть с ним стаканчик горячительного. Ну, вроде как на прощание. Затем она ушла собираться, поскольку в ее пребывании здесь отпадала всякая надобность.

В обширном поместье Коула проживало не так уж много людей. Помимо семьи владельца там обычно находились только шофер, повар, служанка и конюший. Остальной персонал приезжал на смены и по необходимости. В последние недели их существенно поубавилось, поскольку семейство Коула наслаждалось морским круизом. Оставаясь в опустевшем доме, бизнесмен чувствовал себя очень неуютно. Сказывались события последних дней. Он даже подумывал нанять охрану, но решил, что пойдут ненужные кривотолки. Вместо этого Трент пригласил к себе журналиста, совмещая приятное с полезным. Таким образом, у него и компания появится, и он лично сумеет приглядеть за городским пронырой. Что касалось идеи с вертолетом, то возникла она спонтанно, под влиянием растущих страхов. Бизнесмен и прежде прибегал к услугам этого вида транспорта, так отчего бы не воспользоваться им и теперь? Выезжая к Клайду, он только и думал, что о судьбе пропавших и погибших знакомцев. Порог дома Смитов Коул переступил в размышлениях о собственной безопасности, приведших к внезапному заявлению. Миллиган прямо взбесился, обвиняя старого приятеля в предательстве, но тому было все равно. Своя шкура дороже. Кроме того, он оказывал Биллу услугу, увозя с собой докучливого писаку.

Все-таки спутниковый телефон — отличная штука, когда весь городок сидит без сотовой связи. Трент обзавелся им заранее, чтобы исчезновение сигнала с вышки не сказалось на его бизнесе. Тот мог пострадать при внезапном разрыве деловых контактов. К тому же владелец лесопилки не хотел становиться зависимым от проводной линии. Вот и сейчас он получил подтверждение на спутниковый номер. Вертолет, как и предполагалось, прибудет в

четверг примерно в середине дня. Стало быть, все в порядке, и теперь оставалось лишь дождаться этого счастливого момента. Отложив спутниковую трубку, мистер Коул снова взял со столика стакан. Коллекционный виски скрашивал ему досуг, успокаивая разгулявшиеся нервы. Устроившись у большого камина, он неторопливо потягивал спиртное, сонно глядя в огонь. Его одиночество никто не нарушал. Время перевалило за полночь и слуги давно удалились в свои комнаты. Хозяин не стал их задерживать. Сейчас он чувствовал себя в безопасности, и это чувство усиливала автоматическая винтовка армейского образца. Поглаживая ее приклад, Трент был готов дать отпор любому. Его храбрость, однако, основательно пошатнулась, когда снаружи донесся гулкий крик филина. Он уже слышал догадки насчет этой птицы, равно как и особенностей ее появления. В предположение шерифа Коул не верил, но теперь, когда под его окнами раздалось протяжное уханье, ему стало здорово не по себе. Отставив стакан, он схватил винтовку и поднялся, снимая оружие с предохранителя.

Автоматные очереди выдернули слуг из глубокого сна. Слетав с кроватей, они испуганно озирались, не понимая, что происходит. Хозяин, внезапно заоравший дурным голосом, окончательно ввел их в полнейший ступор. Он дико голосил, сопровождая вопли стрельбой, и перепугавшиеся люди решительно не знали, как поступить. С одной стороны, им следовало ринуться на помощь мистеру Коулу, у которого стряслась какая-то беда. То же велело и простое человеческое участие. С другой, если хозяин напился до чертиков и строчит из армейской винтовки, соваться к нему — крайне опрометчивая идея. Ошеломленные люди колебались, опасаясь и бездействия, и нос высунуть за пределы своих спален.

— На помощь! Боже, помогите! — истошно заревел мистер Коул, срываясь на хрип и визг.

Самые храбрые — повар и шофер — тут же преодолели собственный страх и побежали на выручку.

Дверь в просторную, со вкусом обустроенную гостиную — гордость поместья Коулов — удалось открыть не сразу. Ее никто не запирал, но створу отчего-то заклинило. Повар и шофер, поднатужившись, совместными усилиями снесли ее с петель. К тому моменту и стрельба и крики уже прекратились. Никто не разряжал обойму за обоймой и не будоражил дом безумным голосом. Как выяснилось, было просто некому. Гостиная оказалась пуста. Ворвавшись внутрь, двое мужчин обомлели от сотворенного в ней разгрома.

На кленовом паркете и ковре возле камина виднелась какая-

то грязь. Обильно заляпав пол, она тянулась к двустворчатым дверям, ведущим в сад. Опрокинутое кресло и разбитая посуда предполагали некую борьбу, однако они не шли в сравнение с остальными разрушениями. Стреляя как сумасшедший, мистер Коул изрешетил двери на улицу, и стену вокруг них. Мебель, стоявшая поблизости, обратилась в щепки. Уничтоженные вазы усеивали пол большими и малыми осколками. Две пальмы, доселе красовавшиеся у входа будто часовые, посекло длинными очередями. Рикошетившие пули разлетелись по всей гостиной, устроив в ней настоящий хаос. В воздухе носило пух от подушек и клочья из длинных диванов. Битые стекла блестели острыми краями. Картины обезобразило пулевыми отверстиями. Одну люстру раскололо вдребезги, и ее остатки криво висели на шнуре. Серьезно пострадали шкафчики для сувениров и предметы декоративного интерьера. Статуэтка, изображавшая все хозяйское семейство, рассыпалась на жалкие кусочки. Вперемешку с порохом тянуло какой-то гнилью — вероятно, от слякоти на ковре и паркете. В ней же отпечатались неразборчивые следы не то самого мистера Коула, не то кого-то еще. Разряженное оружие лежало невдалеке от камина. Кругом валялись стреляные автоматные гильзы. Они зазвенели под ногами, когда повар и шофер, стряхнув оцепенение, побежали в сад.

На улице не было ни души. Грязь в доме предполагала, что ее нанесли снаружи, однако именно там никаких отпечатков не наблюдалось. Не наблюдалось и самого мистера Коула. Мужчины обыскали весь сад, до хрипа зовя хозяина, но безуспешно. Они собрались прочесать и все поместье, однако спохватились и наконец-то позвонили в офис шерифа. На вызов в дом Трента тот приехал лично. Наскоро опросив свидетелей, он поднял на ноги всех помощников и добровольцев. Вместе с ними Миллиган несколько часов обшаривал округу, но преуспел не больше слуг. К утру ему пришлось констатировать, что владелец лесопилки пополнил список исчезнувших людей.

– 4 –

По вполне очевидным причинам переезд Клайда не состоялся. Шерифу, поглощенному вопиющим инцидентом, стало откровенно не до него. Не до него стало и Лоре. Она и так слишком долго проторчала у Смитов, забросив свой собственный дом. С вечера собрав вещи, она не забрала их, но сама уехала, пообещав позднее вернуться. С ведома мужа или нет — Клайд не знал, и ему было все равно. Он просто радовался долгожданному одиночеству.

Больше никто за ним не приглядывал якобы для его же блага, и не контролировал каждый шаг. Как долго это продлится, журналист понятия не имел, но решил провести время с пользой.

Перво-наперво Клайд отправился в бар Ленни, но не выпить, а послушать местные сплетни. Желающих почесать языком было хоть отбавляй, и он быстро разузнал кое-что интересное. Также его записная книжка пополнилась и полезными сведениями, в том числе несколькими адресами. Когда собутыльники начали повторяться, журналист покинул бар и поехал домой к повару Коула.

Ценный свидетель пребывал в удрученном состоянии. Опрошенный полицией, он не пожелал оставаться в поместье, и ему разрешили уехать к себе. Клайд сумел его разговорить, пользуясь богатым опытом общения с людьми. Несколько купюр окончательно развязали повару язык, и он поведал подробности минувшей ночи. Записав все на диктофон, журналист откланялся и навестил шофера.

Материал получился любопытный. Исчезновение Трента Коула не только увеличивало цепочку происшествий, но и придавало ей новые краски. Клайд обрел серьезную пищу для размышлений. Правда, насчет филина не заладилось. Той ночью опрошенные свидетели крепко спали, а когда их разбудила стрельба, за криками и грохотом они мало что слышали. Возможно, кто-то ухал, а возможно и нет — тут никто не дал уверенного ответа. Перья? Да они по всей гостиной летали, поди разбери чьи!

Следующим шагом журналист стал искать встречи с Майком. Сдав внеурочное дежурство, помощник Уилсон крепко спал и был очень недоволен, когда его разбудила жена. Мол, к нему пришли по очень важному делу. Завидев Клайда, полицейский не выразил бурной радости, ибо очень устал после бесплодных ночных поисков, но и ругаться перестал.

— Я по поводу экспертизы, — пояснил журналист, намереваясь ковать железо пока горячо.

Майк чертыхнулся и дал понять, что ему было не до того.

— Вам-то да, но ведь не вы пером занимались, — вкрадчиво заметил Клайд.

Снова чертыхнувшись, помощник Уилсон нехотя проследовал к телефону. Набрав номер, он с кем-то переговорил, причем в процессе разговора его сонливость быстро улетучивалась. Повесив трубку, он отозвал журналиста в сторонку, подальше от навострившей уши супруги.

— Перья идентичны, — коротко сообщил он.

Клайд, все же такого не ожидавший, только присвистнул.

— И что сие означает? — пытливо посмотрел на него Майк.

— Это означает, что на месте большинства загадочных происшествий находилась одна и та же птица, — задумчиво произнес журналист. — А то и всех, если предположить банальную невнимательность.
— Очень странная улика, — почесал в затылке Уилсон. — Неопровержимая, но я решительно не понимаю к чему ее приткнуть.
— Если честно, я тоже, — развел руками Клайд. — Вы же у нас полицейский — вам и карты в руки.
Однако к ночи у него созрела одна идея.

Лора так и не появилась. Чем бы она ни занималась, ей было явно не до гостя. Не объявился и шериф, бросивший все силы на поиски Трента Коула. Пока он рыл землю, Клайд решил воспользоваться поднявшейся суматохой. В Эшвилле имелось только одно место, куда его всячески не пускали. Именно туда он и отправился, едва стрелка часов перевалила за одиннадцать вечера. Оставив Ровер во дворе Смитов, журналист завернулся в плащ и пошел к дому Бада Джонсона.

Идти было далековато, но Клайд предпочел подстраховаться. Любой, кто увидит его машину, подумает, что ее владелец спокойно спит. Поднимать гостя среди ночи не станет даже Миллиган. Во всяком случае, без веской причины. Гость же тем временем побывает в жилище старика, надеясь обнаружить там какие-нибудь зацепки. Если предположить, что все началось именно с Бада, шансы на успех вполне вероятны. Интриги добавляло упоминание, некогда сделанное о старом отшельнике. Тот любил всяких животных, а некоторых даже держал у себя. Таким образом, возникал вопрос, не имел ли он какое-нибудь отношение к пресловутому филину.

Теперь дом никто не караулил. Шериф собрал всех своих людей, поэтому полицейская машина больше не дожидалась появления Джонсона. У Клайда на ее счет вообще появились сомнения. Возможно, она его в принципе не дожидалась, а маячила там исключительно для того, чтобы держать подальше самого Клайда. Ну, сегодня однозначно не держит. Поднявшись на крыльцо, он посветил фонариком, но опущенный экран по-прежнему мешал что-либо рассмотреть. Дверная ручка ожидаемо не поддалась. Зашторенные окна также оставались непроницаемы. Сойдя с крыльца, журналист обошел дом кругом, размышляя, как бы проникнуть внутрь. Заниматься вандализмом ему не хотелось, однако становилось очевидно, что совсем без взлома не обойдется. Он не принадлежал к уголовной касте воров, поэтому ни о каких отмычках не шло и речи. Взяв большую садовую лестницу, Клайд приставил ее к стене и забрался на балкон второго этажа. Его распо-

ложение оказалось весьма удачным. Если кто вдруг и явится к крыльцу, он не увидит незваного гостя с обратной стороны дома. Изучив дверь, журналист прицелился и ударил в ее стекло припасенным камнем. Ударил в самый уголок, рассчитывая нанести минимальные повреждения, а также на отсутствие сигнализации. Зловредное стекло, разумеется, и не подумало удовлетворить его пожелание. Треснув по всей длине, оно звонко осыпалось целой половиной. Сигнализация не заверещала, но в ночной тишине и этот звон прозвучал поистине оглушающе. Присев, Клайд затрепетал, ожидая чьих-нибудь встревоженных возгласов и неминуемой кары. Ничего такого не произошло. Эшвилльские дома кучковались только в центре городка, а по мере удаления от него возрастало и расстояние между ними. Убедившись в отсутствии какой-либо угрозы, Клайд осторожно просунул руку в дыру и повернул задвижку. Дверь открылась, и он, едва не поскользнувшись на осколках, наконец-то ступил в жилище Бада Джонсона.

На поверку задача оказалась труднее, чем выглядела изначально. Обыскать двухэтажный дом в одиночку, когда видишь его впервые, да еще понятия не имеешь что ищешь — та еще проблема. К счастью, вскоре Клайд сузил поле своей деятельности. Комнаты второго этажа не пустовали, но имели совершенно нежилой вид. Многомесячный слой пыли однозначно превосходил по времени отсутствие старика. Сделав такой вывод, журналист полностью переключился на первый этаж.

Мистера Джонсона нельзя было назвать неряхой, ибо в целом он поддерживал некоторый порядок и чистоту. Тем не менее, на всем сказывалось его одиночество, начиная от кухни и заканчивая спальней. Довольствуясь немногим, он не слишком усердствовал по части досуга или комфорта. Это также облегчало Клайду задачу, позволяя определить, чем старик регулярно пользовался, а чем нет. Холодильник относился к предметам его обихода. Распахнув дверцу, журналист поморщился от запаха испорченных продуктов, но извлек из них прямую пользу. Даты, проставленные на упаковках, с известной точностью указывали на день исчезновения Джонсона. В остальном кухня не представляла интереса. Порывшись в шкафчиках и на полках, Клайд заглянул в плиту и удалился изучать другие помещения.

Коридор, как это часто водится, изобиловал развешенными фотографиями. Здесь ночной визитер сделал первое важное наблюдение. Некоторые из них отсутствовали, о чем говорили светлые прямоугольники на обоях. Проведя по стене пальцем, Клайд установил, что сняли их совсем недавно. Пыль еще не успела осесть так, как осела по соседству. Настолько не успела, что воз-

никало подозрение, убрал ли снимки сам Бад. Внимательно рассмотрев оставшиеся фотографии, журналист не увидел на них ничего необычного. Почти все они относились к прошлому, когда Сэм был еще жив, а его отец вел совсем другой образ жизни. При виде их лиц, улыбавшихся с пожелтевшей бумаги, у Клайда защемило сердце.

Второе наблюдение относилось к гостиной. Она выглядела вполне обыденно, но в одном месте чего-то явно не хватало. Чего-то очень большого, судя по состоянию пола. Что бы там ни стояло, оно куда-то подевалось, и та же пыль говорила, что произошло это совсем недавно. Внимательно оглядевшись, Клайд заметил странные царапины, оставленные на мебели не иначе как чьими-то когтями. К сожалению, он был не в состоянии определить, кому они принадлежали. Согласно полученным сведениям, прежде старик кого только ни держал.

Третье наблюдение вызывало тревогу. Складывалось впечатление, что Клайд был не первым, кто рылся в ящиках. Порядок в их содержимом заметно контрастировал с остальным состоянием жилища. Если бардак не устроил сам Джонсон, это наводило на серьезные размышления.

Спальня старика пищи для ума не предоставила. Выглядела она обычно, и никаких аномалий в ней не обнаружилось. Журналист старательно изучил ее до последней детали, особое внимание уделив матрасу, но без толку потратил полчаса. Едва не расчихавшись от едкого запаха, он закончил возню с постельным бельем и прошел в кабинет.

Да, некогда у Бада Джонсона и впрямь был отличный деловой кабинет, совмещенный с библиотекой. Нынешняя комната стала его бледной тенью, где он по старинке хранил любимые книги. Там же располагался и письменный стол, в чьих ящиках отыскались оплаченные и просроченные счета. Какой-либо переписки не нашлось. Это тоже обеспокоило Клайда. Одиночество одиночеством, а неужели старик совсем ни с кем не общался? Хотя бы изредка? И куда подевался почтовый архив, наверняка бережно хранимый долгие годы? У Клайда было объяснение, и оно ему совершенно не нравилось. Если кто-то и впрямь здесь побывал, он прихватил все письма сразу, не утруждая себя прочтением. Зачем? Это уже отдельный разговор. Такой же, как и с книгами. Внимательно оглядев корешки и полки, журналист окончательно пришел к выводу, что он тут не первый. Старые, потертые томики стояли за стеклом, но даже там должна была образоваться хоть какая-то пыль. А ее не было. Не было так, словно кто-то сперва пролистал все издания до последнего, а затем прошелся тряпкой,

уничтожая следы.

Нахмурившись, Клайд отступился от книжного шкафа и вернулся к письменному столу. Взгляд его увлажнился, когда он вновь посмотрел на большую фотографию. На ней, выставленной прямо по центру, был запечатлен не только Сэм, но и он сам. Клайд хорошо помнил тот день, и его охватили светлые, но грустные воспоминания. Предаваясь им, он неподвижно простоял с четверть часа, опершись на спинку старинного стула. К реальности его вернул все тот же снимок. Журналист вдруг отметил, что рамка выглядит совсем новой, не чета другим. Настолько новой, будто ее купили недавно, как недавно отпечатали и фотографию. Ее размер решительно превосходил все прочие, а стояла она так, словно нарочно приковывала к себе взгляд. А может, и впрямь нарочно? Охваченный внезапным предчувствием, Клайд взял фотографию, развернул ее и отколупал подложку. Оттуда, закружив в воздухе, выпал небольшой листок бумаги. Глаза журналиста загорелись. Схватив его, он увидел, что тот исписан мелким, но очень знакомым почерком. Он мгновенно узнал, кому принадлежала рука, ибо она же написала письмо в толстом конверте. Это был почерк Бада Джонсона. Впившись взглядом в листок, не иначе вырванный из записной книжки, журналист молниеносно проглотил начертанные там строки:

"Дорогой Клайд, если ты найдешь эту записку, значит, я правильно рассчитал, спрятав ее за вашей памятной фотографией. К сожалению, я вынужден допустить, что она может попасть и в чужие руки. Именно поэтому я не могу написать все открыто. За мной следят. Это кто-то из тех, кто узнал про мой секрет. Мне известны лишь некоторые имена, но здесь я не могу их назвать. Слишком опасно и для тебя и для меня. Подозреваю, что кто-то из управления шерифа с ними заодно — стерегись их всех. Эти люди очень хотят выяснить, где находится то, о чем я тебе говорил. Боюсь, от слежки и уговоров они скоро перейдут к действиям. Они не дадут мне уехать из Эшвилля. Я хотел связаться с тобой, чтобы придать историю огласке. Увы, я тебя так и не застал. Я чувствую их нарастающую злобу, порожденную непомерной алчностью. Дуглас тревожно всматривается в ночную тьму, будто там кто-то притаился. Сегодня я скроюсь с ним в лесу. Конверт, который я тебе послал — подсказка, где меня искать. Я знал, что он привлечет твое внимание. Ты ведь всегда любил все необычное. Отправить его официально я не мог, но мне удалось всех одурачить. Штемпель нашей почты я подделал. Изловчившись, я сумел подсунуть письмо в мешок отправлений до того, как тот опечатали. Ты умный мальчик, ты разгадаешь мою подсказку. Прости, что ниче-

го не говорю прямо. Ты узнаешь обо всем при нашей встрече, когда меня найдешь. Поспеши, мой дорогой Клайд! Я не знаю, как долго смогу скрываться. А кроме тебя я больше никому не могу доверять".

Послание, найденное за фотографией, произвело на журналиста глубокое впечатление. При иных обстоятельствах он бы решил, что у старика разыгралась мания преследования. Череда загадочных происшествий в Эшвилле утверждала обратное. Джонсон попал в какую-то передрягу, и попал всерьез. Опасаясь всего и вся, он исхитрился переслать журналисту письмо, чье необычное происхождение наконец-то прояснилось. Однако это письмо само представляло собой загадку, и теперь ее обязательно требовалось разгадать. Джонсон не исчез — он спрятался в лесу, где все это время ожидал Клайда. Спрятался с неким Дугласом, который тревожно всматривался в ночную тьму. А ведь никто не говорил, что старый отшельник проживал с кем-то еще! Стало быть, это не человек, а какое-то животное. Быть может, хорек или собака. А может быть, птица? Например, большой Виргинский филин…

По зашторенным окнам скользнул свет от фар. Размышления Клайда прервал тихий звук подъезжавшей машины. Подскочив как ужаленный, он спрятал записку в карман и затравленно огляделся. Кто бы это ни был, с учетом обстоятельств ему лучше на глаза не попадаться! Журналист погасил фонарик, но быстро понял, что в кромешной тьме он никуда не уйдет. Включив его снова, он прикрыл луч ладонью, и на цыпочках пошел к лестнице. Хлопнула дверца. Пульс Клайда тут же удвоился. Он хотел ускорить шаг, но побоялся наделать шума. Расстояние до заветных ступенек сокращалось мучительно медленно, а снаружи уже раздавались чьи-то тяжелые шаги. Клайд только начал подниматься, когда заерзала дверная ручка. Ему явно следовало поторапливаться! Едва дыша, он вспорхнул на второй этаж, и треск каждой ступеньки казался громовым раскатом. Выскочив на балкон, журналист притворил дверь, зиявшую дырой в полстекла, и спустя четверть минуты очутился на земле. Он хотел убрать садовую лестницу, но не успел. Кто-то приближался, неторопливо обходя дом, и любая задержка грозила неминуемым разоблачением. Пришлось дать деру, оставив все как есть.

Уже удаляясь, Клайд услышал чей-то негромкий возглас. Обернувшись, он увидел, как прыгает луч фонарика. Некто обнаружил лестницу и внимательно осматривал место преступления. Журналисту очень хотелось узнать, кто это был, однако он решил не рисковать. Особенно после того, как до его слуха донесся треск полицейской рации. Ступая как можно тише, он не стал медлить и

скрылся в ночи.

К дому Смитов удалось вернуться только к рассвету. Утомительные поиски, да после длительной пешей прогулки, основательно подточили силы Клайда. Обратный же путь осложнялся скрытностью. Он избегал идти по обочине дороги и пробирался среди деревьев, огибая встречавшиеся дома. Неоднократно облаянный собаками, журналист едва переставлял ноги, когда вошел в свою комнату и плюхнулся на постель. Коснувшись головой подушки, он мгновенно заснул.

Шериф выглядел совсем не дружелюбно. Разбудив Клайда, он сопроводил его на кухню, где принялся исподлобья за ним наблюдать. Взлохмаченный журналист, заварив себе кофе, осведомился, чем вызван утренний визит. Впрочем, какое там утренний — часы показывали двадцать минут после полудня.

— Этой ночью кто-то проник в дом Бада Джонсона, — сухо сообщил Миллиган, не спуская глаз с гостя.

— Неужели?! — ахнул Клайд, искусно изобразив волнение.

Впрочем, он и впрямь беспокоился, ощущая на себе пристальный взгляд шефа полиции.

— Да, — выразительно кивнул тот. — Злоумышленник воспользовался садовой лестницей, забрался на второй этаж и разбил балконное стекло. По всей вероятности, он что-то искал и, судя по всему, нашел.

Неторопливо роняя слова, Миллиган откровенно изучал реакцию того, кому они были адресованы.

— Откуда такие выводы? — озабоченно осведомился Клайд, блестяще сохранив выдержку.

— На письменном столе мы обнаружили вскрытую рамку с фотографией, — подозрительно откровенничал шериф. — Что бы ни было внутри, взломщик унес это с собой.

Журналист мысленно назвал себя ослом. Второпях он совсем забыл придать снимку прежний вид или спрятать его куда-нибудь.

— Это была ВАША фотография, мистер Андерсон! — внезапно бросил Миллиган. — Помимо сына Джонсона на ней запечатлены и вы. Что вы на это скажете?

— Ничего. Полагаю, у старика немало фото с моим участием. В юности я и Сэм были очень дружны, — быстро нашелся Клайд.

Огладив усы, шериф помолчал, глядя, как собеседник прихлебывает горячий кофе.

— Мистер Андерсон, где вы были сегодня ночью? — неожиданно спросил он.

Тот аж поперхнулся и закашлялся. Впрочем, кашель позволил выиграть немного времени для ответа. Сперва журналист хотел ска-

зать, что крепко спал у себя в комнате, однако заподозрил неладное. Возможно, Миллиган наведывался к нему и знает, что это не так.
— Если честно, я почти всю ночь гулял, — отдышавшись, прикинулся смущенным он. — Бродил вокруг холма, любовался сосенками, серебрившимися в лунном свете. Да, каюсь, что пренебрег безопасностью — с такими-то происшествиями, — но я не сумел устоять перед соблазном. Перед отъездом мне очень захотелось насладиться очарованием здешней ночи. Она поистине волшебна! А почему вас это интересует?
Шериф окинул его недоверчивым взглядом, откровенно усомнившись в приступе романтики.
— Из всего Эшвилля только у вас были мотивы забраться в дом Бада, — выдержав паузу, "выстрелил" он.
— Да ладно, вам, Билл! Вы что, и впрямь подозреваете меня?! — Клайд прямо олицетворял растерянное изумление. — Да зачем бы мне это надо?!
Гнева или раздражения он в свой спектакль не включал. Ему требовалось изобразить ошеломленного недоверием человека. Недоверием того, кого он практически считал другом, а упомянутые чувства соответствовали иной мотивации.
— Ей-богу, неужели вы это серьезно?! — продолжал представление журналист. — Я… Даже не знаю… Мою невиновность элементарно проверить! Обыщите дом, соберите улики… опечатки пальцев… Собак по следу пустите, в конце концов!
Насчет собственных предложений он не переживал. Имея дело с опытными охотниками, следовало заранее принять соответствующие меры. На дело Клайд ходил в перчатках и дождевике, обработанных моющим средством. На обратном пути он утопил их в канаве вместе с сапогами, пройдя по ней около мили. Там он одел запасную обувь, предусмотрительно оставленную в приметном месте. Отыскать его по следам или запаху было попросту невозможно. Ну а шериф наверняка не поверит, что городской стиляга способен на такую прозорливость. И вполне, кстати, оправданно. Клайд не придумал сей трюк, а почерпнул из своей богатой журналистской практики. Своего ума, разумеется, у него бы на такое не хватило.
— Не сердитесь, мистер Андерсон, все-таки я полицейский. Я должен был спросить, — потеплел шериф; ну или сделал вид, что потеплел. — Я найду взломщика, не сомневайтесь. И я рад, что это не вы.
Само собой, он уже проделал все то, о чем сейчас говорил подозреваемый, и не преуспел. Отпечатков не нашлось, а собаки поте-

ряли след. Сапоги журналиста, украдкой осмотренные в прихожей, не совпадали протектором. Миллигану было просто нечего предъявить, даже захоти он произвести арест. А он не хотел. Во-первых, если это Андерсон, то за ним лучше установить слежку — авось куда и приведет. Если он что-то затеял, хорошо бы знать, что. Во-вторых, причастен мог быть вовсе не он, а кто-то из пропавших людей. Якобы пропавших, окажись версия шерифа верна, и те затеяли свою игру. Последний вариант выглядел более реалистичным, ибо не городской пижон, а как раз эти парни способны так замести следы.

— Я понимаю. На вас и так уйма забот навалилась, а тут и еще одна, — великодушно улыбнулся журналист.

Сам же внезапно подумал вот о чем. А откуда Миллиган знает, что рамку вскрыл не Джонсон? Что она уже не лежала в разобранном виде? Получается, он побывал в доме старика уже после его исчезновения, и видел фотографию целой. Ох, как скверно-то!.. В записке Бад просил не верить никому из управления шерифа. Так ли он был неправ, особенно если выяснится, что в чем-то замешан сам шериф!

Клайда не изгнали из дома Смитов. Переезд к Тренту Коулу не состоялся, а Миллигану было недосуг искать ему новое пристанище. Он остался на правах съемщика жилья, пока их не аннулируют новые владельцы. До отъезда Клайду официально поручили присмотреть за осиротевшей недвижимостью. К сожалению, присматривать ему придется одному, поскольку у Лоры неотложные дела. Еду Клайд может заказывать в баре Ленни — доставку обеспечат. Ну, либо же приезжать туда самому, если готовка в его планы не входит. В любом случае, потерпеть оставалось совсем чуть-чуть. Мост скоро починят, и Эшвилль перестанет быть отрезанным от внешнего мира.

Загадка старинного почтового конверта началась с неприятного открытия. Он исчез! Перерыв все свои вещи, Клайд так его и не нашел, а это исключало случайное перекладывание. Значит, кто-то его взял. К сожалению, теперь было невозможно установить, кто и когда. Он ведь не притрагивался к нему уже много дней. Но кому мог понадобиться бесполезный кусок бумаги? Вероятно, тому, кто тоже рассчитывал обнаружить в ней какую-нибудь скрытую информацию. Например, водяные знаки или письмена, проступающие лишь при нагреве. В таком случае делать ксерокопию бесполезно — требуется оригинал.

Чертыхнувшись, сначала журналист подумал, что все потеряно. Без конверта он никогда не найдет старика в дремучей чаще. Потом его мысли настроились на иной лад. Водяные знаки и про-

чее в том же духе — это слишком сложно для неприхотливого отшельника. Почти наверняка Бад поступил куда проще. Например, взял да и напечатал подсказку непосредственно на конверте. Неправильный адрес, доселе вызывавший сплошное недоумение, мог иметь к ней самое прямое отношение. Оживившись, Клайд вооружился картой из гостиной Смитов, и принялся внимательно ее изучать.

Адресация домов в Соединенных Штатах имела свою особенность, отличаясь от таковой в странах Европы и иже с ними. Последние две цифры номера могли быть от ноль одного до ста, где сто заменялось двумя нолями. Единица соответствовала началу некоего квартала, а сотня — самому его концу. Четность или нечетность указывала на соответствующую сторону. Сам же квартал обозначался всеми предыдущими цифрами. Отсчитывался он от установленной точки координат, частенько совпадающей с центром населенного пункта. Направление стороны света подсказывала заглавная буква. Таким образом, реальный адрес Бада Джонсона, записанный как "Пайн Роуд, 812, E", означал следующее. Дом следовало искать в восьмом по счету квартале на Восток, в двенадцати сотых от его начала, на четной стороне. Сверившись с картой, Клайд без труда нашел означенное место, точно совпадавшее с тем, где он побывал минувшей ночью. Вот с несуществующим адресом все обстояло нелепо. Журналист отлично его запомнил, поэтому в похищенном конверте не нуждался. "Долгая аллея, 6714, NE". Во-первых, аллеи с таким названием в Эшвилле не было. Во-вторых, цифра шестьдесят семь подразумевала означенное количество кварталов, которых также не наблюдалось. Поставив локти на колени, Клайд обхватил голову ладонями и глубоко призадумался.

Звонкий шлепок по лбу возвестил о некой пришедшей идее. Ориентируясь на буквы NE, то есть Северо-восток, журналист нашел ту аллею, которая тянулась в упомянутую сторону света. Приложив к ней линейку, он прочертил длинную линию, словно продляя проезжую часть далеко за пределы городка. Следующим шагом он вычислил размер квартала. Таковой Клайд и отсчитал на нарисованной прямой в количестве ровно шестидесяти семи штук. Добавив туда хвостик в четырнадцать сотых, он поставил на карте жирную точку. Если его догадка верна, именно там, с некоторой погрешностью, следовало искать убежище Бада Джонсона.

Продолжительное путешествие в лес требовало серьезной подготовки. Если журналист ошибся, он пройдет очень много миль в никуда, где сперва потратит время на розыски, а затем пота-

щится обратно. И это вам не прогулка по городу, а дремучие дебри, набитые диким и наверняка не слишком сытым зверьем. Кроме того, надлежало грамотно обставить и само путешествие. Иными словами, организовать подходящую легенду. Шериф сотоварищи не позволят гостю отправиться в чащу одному, и вряд ли останутся безучастными к его исчезновению. А поиски — считай, погоня на хвосте — Клайду были ни к чему. Он должен уйти так, чтобы его не хватились и не разыскивали с фонарями. Обе задачи представлялись крайне непростыми, однако он смело принял вызов.

Запастись всем необходимым на поверку оказалось не так уж и трудно. Сара Салливан, услышав шелест купюр, сразу оживилась и проявила понимание к пожеланию гостя. Тот хотел приобрести множество сувениров, которые увезет с собой в большой город. Под сувенирами журналист подразумевал всяческое снаряжение. Он похвастается им в редакции, строя из себя бывалого охотника и знатока суровых лесов. Пользуясь отсутствием шерифа, лавочница задрала немыслимую цену, но Клайд был согласен на все. В том числе потому, что миссис Салливан, ободрав его как липку, вряд ли поведает об этом визите Миллигану. В результате он благополучно приобрел нужные вещи и припасы, и приобрел с лихвой.

С убедительной легендой вышло куда хуже. Как журналист ни напрягал извилины, никакой мало-мальски убедительной истории он так и не придумал. Правдоподобно скрыть свое продолжительное отсутствие никак не получалось. Отказавшись от идеального прикрытия, Клайд сосредоточился на "программе-минимум". Та предполагала, что ему удастся выиграть день-другой, прежде чем его хватятся и объявят в розыск. Он же сумеет уйти достаточно далеко, чтобы опередить поисковую партию. Опередить и одурачить. Точка его входа в лес должна остаться неизвестной. Следопыты не будут знать, откуда и куда направился журналист. Это даст ему необходимую фору и позволит сохранить свой маршрут в секрете. Ну а остальное… Остальное будет зависеть исключительно от самого Клайда. В ближайшее время ему предстояло вспомнить скаутские годы и сдать экзамен на выживаемость.

Следовало поторапливаться. Починка моста активно шла к завершению, и вскоре у Клайда просто не останется веской причины задерживаться в Эшвилле. Конечно, он мог взять да отказаться уезжать без всяких объяснений. Нет ничего проще снять у кого-нибудь жилье, а то и вовсе перебраться в платку. Увы, это автоматически гарантировало ему максимум нежелательного и враждебного внимания. Наметив план действий, Клайд стал при-

водить его в исполнение.

Парочка рейсов к переправе позволила вывезти снаряжение и припасы. Причина была убедительнее некуда даже в глазах шерифа. Журналист хотел лично убедиться в степени готовности моста и оценить перспективу. Исчезновение Трента Коула не повлияло на ход строительства. Им по-прежнему руководил один из его сыновей, и руководил вполне успешно. К счастью для Клайда, работы затягивались на лишнюю пару дней — выявилась необходимость дополнительно укрепить дно. Покрутившись у реки, он возвращался в Эшвилль, благополучно спрятав содержимое багажника в укромном месте. К вечеру пятницы все было готово для следующего шага. Главный редактор, извещенный по телефону Смитов, соглашался потерпеть отсутствие Андерсона, если тот взамен привезет интересный материал.

Профессия журналиста, безусловно, накладывала отпечаток на личностные и моральные качества. Не Клайд придумал фразу, что в этом жестоком мире "если не съешь ты — съедят тебя". Тем не менее, он не был беспринципным писакой, способным безжалостно ломать чужие жизни ради горячего материала и собственной выгоды. Ему стало очень совестно использовать в своей авантюре честного и добродушного Майка. Того единственного в Эшвилле, к кому он испытывал подлинную симпатию и ни в чем не подозревал. Клайд был готов присягнуть, что помощник Уилсон ни в какой темной истории не замешан. К сожалению, толку с того выходило мало. Без каких-либо улик и даже внятных версий он просто не мог перетянуть полицейского на свою сторону. Добросовестный служака подчинялся шерифу и не стал бы мутить воду за его спиной. Экспертиза пера — это еще туда-сюда, а требовать большего уж точно не стоило. Включив Майка в свой план, журналист фактически злоупотребил его доверием. Оттого на душе и кошки скребли.

Помощник Уилсон согласился съездить на рыбалку. Желание нового друга он воспринял с радостью и энтузиазмом, но сослался на шерифа. Мол, сейчас все работают в чрезвычайном режиме. Вопрос удалось уладить. Миллиган, вняв просьбе Клайда, дал подчиненному сутки отгула. С учетом того, что вся полиция Эшвилля стояла на ушах, это был весьма широкий жест, но хитрый журналист на него и рассчитывал. Быстро раздобыв снасти, он погрузился в свою машину, Майк в свою, и оба отправились отдыхать.

Стоял прекрасный воскресный вечер. Усевшись на берегу речки, Клайд с подлинным упоением вдыхал свежий воздух, насыщенный ароматом смолы. Пологий песчаный откос спускался к излучине, журчавшей прозрачной водой. У его основания приюти-

лась небольшая полянка, окруженная высокими толстыми соснами. В лучах заходящего солнца их стволы горели красным золотом. Обширные кроны, раскинув тяжелые ветви, сплетались в настоящий шатер. Под ним, весело чертыхаясь, Уилсон развернул небольшой лагерь, состоявший из палатки и навеса. Палатка предназначалась для ночлега, а навес — для всего остального, начиная от дров и заканчивая столом для разделки свежей рыбы. Кострище, обложенное закопченными камнями, говорило, что Майк тут не первый раз. Еще бы — он ведь привез Клайда на свое любимое место. Оглядев симпатичную, но довольно скромную речку, тот выразил сомнение в каком-либо улове. Майк, улыбаясь, обещал доказать обратное.

Удочки лежали наготове, пока рыбаки восседали на складных стульях. На исходе суток клев не будет таким, как рано утром, но журналиста заверили, что и сегодня стоит попытаться. Если хоть чуть-чуть повезет, он не останется с пустыми руками, а почин — дело великое. В обещаниях Уилсона Клайд и не сомневался, как не сомневался в том, что сбыться им не суждено. Он ведь сам снял с костра заворчавший чайник, после чего разлил кипяток по кружкам. И в кружке Майка теперь находилась не только одна заварка. Прихлебывая горячий напиток, тот продолжал расписывать все прелести грядущей рыбалки. Он выпил практически все, прежде чем мешком свалился на землю. Ударная доза снотворного сломила даже такого здоровяка.

Обливаясь потом, журналист еле затащил бесчувственное тело в свою машину. Казалось, помощник Уилсон весит целую тонну. Уложив его на заднее сиденье, Клайд заботливо подложил подушку и накрыл спящего теплым пледом. В ответ раздался благодарный храп, отчего на душе сразу полегчало. Убийство в планы журналиста не входило, а с сильнодействующими таблетками легко переборщить. Учитывая массу Майка, он подложил их довольно много, что и вызывало известное беспокойство. Ну, раз храпит — значит, все в порядке. Переведя дух, Клайд захлопнул дверцу и защелкнул замки, предусмотрительно подняв все стекла. Он не был настолько наивен, чтобы вообразить, будто эти жалкие препятствия удержат проснувшегося боксера. Запертый Ровер служил для его собственной безопасности. Пребывая в таком состоянии, Майк был совершенно беспомощен. Клайд не рискнул оставить его в палатке, чтобы до спящего человека не добрался какой-нибудь зверь. А в машине тот спокойно проспит не менее двенадцати часов. Очнувшись, Уилсон будет очень вялым и не сразу поймет, куда подевался Клайд и что вообще происходит. Не сразу он поймет и то, что внедорожник в принципе не заведется. Записка, которую он об-

наружит, вкратце прояснит ситуацию. Принося глубочайшие извинения, журналист обещал объяснить свой поступок позднее, ну а пока Майку придется возвращаться в Эшвилль пешком. Его собственная машина сюда уже не вернется, а рация не работает.

Уезжая на джипе Уилсона, журналист чувствовал себя прескверно. Пожалуй, это был один из самых подлых поступков в его жизни. Столь безобразную выходку он оправдывал лишь чрезвычайными обстоятельствами. Если Баду Джонсону угрожает реальная опасность, небольшая подстава для Майка — все-таки приемлемая цена.

До спрятанного снаряжения Клайд дошел пешком, используя уже освоенные меры предосторожности. Когда обнаружат джип, ни одна собака не проследит угонщика до тайника возле дороги к мосту. А даже если и проследит, тот уже будет далеко. Сон Майка вкупе с его пешим возвращением предоставит Клайду достаточную фору, чтобы стать недосягаемым для погони.

* * *

Скаутские годы остались в далеком прошлом. Разработанный план был хорош, однако журналист начал опасаться, что переоценил свои силы. Он продвигался куда медленнее, чем предполагал, и несколько раз едва не сбился с пути. Если бы не компас и навигатор с GPS, ему не удалось бы сориентироваться в дремучей чаще. Клайд очень уставал. Вес, который он тащил, с каждой пройденной милей все больше давил на плечи. Появилась одышка, а привалы становились все чаще. В первый раз он поставил палатку ближе к ночи, но уже во второй — задолго ДО. Клайду требовался отдых, и отдых продолжительный, иначе он рисковал свалиться без чувств.

Чтобы не привлекать внимание, огонь не разводился. Даже огонек свечи видно издалека, а следопыты однозначно станут всматриваться в ночь. Днем же они заметят шлейф дыма. Клайда спасали припасы, закупленные в лавке Салливанов. Сухой паек не требовал приготовления, обеспечивая основные потребности тела. Тушенка вполне сносно шла с галетами, а глюкоза поступала из джема. Последний был предпочтительнее сгущенного молока, чья чрезмерная сладость вызывала повышенную жажду. С ней ведь возникало больше всего хлопот. Запасы бутилированной воды приходилось экономить, что удавалось с трудом. Из-за непривычной нагрузки Клайд здорово потел, теряя много жидкости, отчего чувствовал слабость и головокружение. Однако и тут на выручку приходило снаряжение. Он зачерпывал воду из любой встречен-

ной лужи или ручейка. Специальная таблетка, брошенная в бутылку, придавала питью неприятный вкус, зато делала его совершенно безопасным для употребления. Холера не холера, а расстройство пищеварения путешественнику не грозило. Вот что ему и впрямь угрожало, так это натертые ноги. Натруженные, они здорово ныли, и чем дальше, тем больше. До волдырей пока не дошло, да и мазь помогала, но ничего хорошего в перспективе не вырисовывалось.

Днем лес не казался враждебным, однако ночью становилось по-настоящему страшно. В чаще кто-то ходил, тихо потрескивая ветками, фыркая и принюхиваясь. Звуки раздавались то ближе, то дальше, а один раз так и вовсе возле палатки. Кто это был, Клайд понятия не имел, и выяснять не собирался. Отсутствие костра, отпугивающего диких зверей, основательно снижало безопасность. Держа оружие наготове, журналист искренне надеялся, что его не придется пускать в ход. Грохот выстрелов его тут же выдаст, да еще и не факт что поможет. Стычка с медведем почти наверняка закончится не в его пользу, а стая волков представляла поистине смертельную угрозу. Вой этих хищников очень действовал на нервы, и Клайду чудилось, что постепенно он становится все ближе. Увы, на третьей ночевке его худшие опасения подтвердились.

Проснувшись за полночь, журналист почуял неладное и осторожно выглянул из палатки. В темноте он мало что различал, однако и увиденного хватило с лихвой. Среди черной массы деревьев тускло светились желтоватые волчьи глаза. МНОГО глаз. Похолодев, Клайд попробовал их пересчитать, и несколько раз сбился. Они то исчезали, а то загорались вновь, и часто совсем в другом месте. Окончательно запутавшись, журналист не сразу понял, что в действительности происходило. Волков прибывало. Ближе они пока не подступали, но их численность росла. Хуже того, собиравшаяся стая окружала палатку. Клайд не видел, что творилось позади, но если глаза загорались спереди, слева и справа, логично предположить их наличие и в другом секторе. Сделанное открытие привело его в ужас. Руки задрожали, а по спине побежали мурашки. Клайду стало так холодно, будто его засунули в морозильную камеру. Зубы застучали как в лихорадке. Бешено бьющееся сердце разгоняло по крови адреналин.

Стоило ли стрелять прямо сейчас, не дожидаясь атаки? Тишина тишиной, но не тогда, когда на кон поставлена собственная жизнь. Убив пару волков, Клайд мог рассчитывать на бегство остальных. Если же те нападут первыми, удастся ли ему эффективно отстреливаться из палатки? Какой вариант имеет больше шан-

сов на успех? Пока тело сотрясал избыток адреналина, голова соображала крайне плохо. Журналист еле подавил желание открыть хаотичную пальбу. Поражать волков следовало наверняка, чтобы стая видела и слышала гибель сородичей. В противном случае ружейный грохот не факт что ее остановит.

Сглотнув пересохшим ртом, Клайд навел винчестер на ближайшие глаза. Крупная дробь казалась ему предпочтительнее пули из винтовки — куда-нибудь да попадет. Палец на курке дрожал, а оружие так и вовсе прыгало в трясущихся руках. Это грозило промахом, отчего горе-стрелок пытался справиться с собственными конечностями. Те же повиновались ему все меньше, критически снижая шансы на спасение. Лицо заливал холодный пот. Он капал с волос и ресниц, стекал с подбородка и щипал глаза, из-за чего перед ними все расплывалось. Учащенно моргая, Клайд тер их кулаком, но приемлемое зрение возвращалось ненадолго. Впрочем, его хватило, чтобы заметить, как тусклые желтые огоньки внезапно стали приближаться. "И зачем я только сюда сунулся!" — успела промелькнуть в голове отчаянная мысль.

У-ху! У-ху! У-ху! — прогудело где-то в лесу. Разносясь в ночной тишине, этот звук вызвал у Клайда приступ откровенной паники. Он даже не понимал, от чего именно паникует, ибо ничего не соображал от страха. Он подсознательно реагировал на уханье, доселе возвещавшее о чем-то плохом. Клайд даже не знал, кто именно сейчас кричит — тот ли Виргинский филин или какой другой, ибо в здешних лесах хватало семейства совиных. Он просто перепугался до чертиков, окончательно утратив мыслительную деятельность. Сжавшись в комок, он ожидал неминуемого и страшного конца. Однако произошло нечто странное. Перепугались и волки. Жалобно заскулив, они попятились, глядя куда-то в сторону. У-ху! У-ху! У-у-у-у-у! Скулеж тут же усилился. Поджав хвосты, хищники растеряли охотничий настрой. Их шерсть встала дыбом, носы напряженно принюхивались, а уши прямо ходуном ходили. У-ху! У-у-у-у-у! У-ху! Уху! Ряды волков, отступавшие от палатки, стали таять. Количество желтых огоньков быстро сокращалось. Не струсили лишь самые стойкие, но очередной крик филина заставил и их раствориться во тьме.

Клайд не сомкнул глаз до утра. Осознав, что волки ретировались, он ожидал нападения того, кто обратил целую стаю в бегство. Никто так и не появился. Уханье вскоре стихло, и он почем зря изводил себя страхами до самого рассвета.

Поспать удалось часа четыре. Идти совсем без отдыха было просто невозможно. Солнечный свет несколько успокоил взвинченные нервы и сгладил ужасы ночи. Поднявшись, журналист

чувствовал себя разбитым, но все же смог собрать палатку и продолжить путь.

Предполагаемая цель была близка, однако различные задержки сказались на ее достижении. Последний ночлег получился незапланированным и вынужденным. Путешествие в темноте исключалось, да и сил на него не было. Разбив лагерь, Клайд забрался в спальный мешок и прижал к себе оружие, полагая, что не сможет даже подремать. Буквально через пару минут он забылся глубоким сном, сквозь который ему мерещились желтые глаза и казалось, что где-то далеко ухает филин. До самого восхода его никто не потревожил.

Добравшись до шестьдесят седьмого квартала, журналист поставил палатку и распаковал вещи. Затем сделал пометку на навигаторе. Вести поиски налегке было несравнимо проще, а его маленькая база, отмеченная координатами GPS, никуда не потеряется. Подкрепившись сухим пайком, он вдоволь напился и принялся исследовать окрестности.

Имей Клайд дело с точным почтовым адресом, он нашел бы убежище Джонсона в кратчайшие сроки. К сожалению, даже если его догадка была верна, картографическая погрешность значительно увеличивала целевую область. А она и без того занимала приличную площадь. Прочесать ее за один-единственный день возможным не представлялось. Следовательно, поиски могли непредсказуемо затянуться, и это требовалось учесть. Покинув лагерь, журналист высматривал не столько признаки жилища, сколько источник воды. Ее неограниченный запас позволит ему не бояться жажды. Продуктов у него хватало, а питье обеспечит уверенное пребывание в лесу.

Местность была сильно пересеченная. Холмы сменялись лощинами, а ровные участки неожиданно скатывались в буйно заросшие низины. Чаща изобиловала буреломом, подчас настолько непролазным, что его приходилось огибать стороной. Сухие прогалины, где под ногами шуршала хвоя, сменялись болотцами. Мох сочился влагой, а сапоги то и дело чавкали из-за обилия сырости. Увы, никакой практической пользы эта сырость не несла. Воду с нее не наберешь, да и пить бурую жижу явно не станешь. Тут никакая таблетка не поможет. Чертыхаясь, Клайд скользил по кочкам, крутя носом от дурманящего запаха багульника. Изрядно им надышавшись, он чувствовал нарастающую головную боль, однако покидать неприветливую местность не торопился. Долгожданный ручеек скорее сыщется где-нибудь здесь, нежели на возвышенности. Так оно и вышло.

Промучившись часа полтора, журналист услышал тихое жур-

чание, отдавшееся в ушах райской музыкой. Поспешив на звук, он обнаружил длинную балку. По ее дну, огибая россыпь камней, вилась струйка воды, питавшая ближайшие болотца. Зачерпнув ладонью, Клайд убедился, что она совершенно чистая, без малейшего неприятного запаха. Ох, каким же наслаждением было омыть лицо и руки! Скинув куртку и рубашку, он старательно ополоснул шею, грудь и плечи, жалея, что ручеек не позволял умыться целиком. Он был слишком мал, чтобы воплотить мечты пропотевшего тела. Не стоило забывать и о кровососущих насекомых. Те давно набили Клайду оскомину, кружа возле него то небольшими звеньями, то целыми тучами. Спасал аэрозоль, регулярно наносимый на одежду, а шляпа с москитной сеткой надежно защищала голову. Как жужжащие твари ни старались, им не удавалось добраться до своей жертвы. Гигиена гигиеной, а оголяться в их назойливом присутствии было нежелательно.

От ручейка Клайд ушел не сразу. Сперва он вооружился лопаткой и выкопал в его течении ямку футов пять на пять шириной и один глубиной. Ямка заполнялась медленно, но уверенно, а муть потихоньку оседала. Теперь, когда понадобится набрать воду, зачерпнуть ее будет куда проще. Затем он зафиксировал координаты, поставив метку GPS. Напоследок журналист наполнил бутылку, и только потом покинул балку.

Две точки на карте навигатора позволяли хорошо сориентироваться. В лагерь Клайд возвращался другой дорогой. Обогнув болотистую местность, он немного отклонился в сторону, зато шагал по сухой возвышенности, шелестя травой и пиная шишки. Прямое расстояние до источника оказалось небольшим. Это вселяло оптимизм, поднимая давно упавшую планку настроения.

Кострище вышло грубоватым, но надежным. Расчистив круг, Клайд натаскал камней и обложил его периметр. Затем он накидал сухого мха, веток, и сложил поленья в форме вигвама. Правда, огонь он зажигать не стал, да и вообще не собирался. Костер пригодится на случай, если в гости опять кто-то пожалует. Всяко лучше заранее подстраховаться, забравшись в такую глушь. Ну а для кипячения воды у Клайда имелась спиртовка с надлежащим запасом горючего. Прежде он ей не пользовался, чтобы не задерживаться в пути, отчего и прибегал к обеззараживающим таблеткам. Теперь же, в стационарном бивуаке, эта штуковина очень пригодилась, как пригодился и небольшой котелок. Запалив спиртовку, Клайд прикрутил огонек и вскипятил набранную воду. Соорудив кашу быстрого приготовления, он уплел все без остатка и блаженно зажмурился. После нескольких суток на тушенке и галетах та показалась ему сущим лакомством.

До позднего вечера журналист бродил по округе, надеясь наткнуться на хижину старика. С приближением ночи поиски пришлось прекратить. Никаких признаков жилья на глаза так и не попалось. Впрочем, он и не рассчитывал на столь быстрый успех, а в запасе имелся и план Б. Вернувшись к лагерю, Клайд забрался на заранее примеченную ель. Высокая и удачно расположенная, она позволяла обозревать окрестности, а ее ветви чередовались наподобие лесенки, делая подъем совсем нетрудным. Днем с того толку было мало, зато во мраке оттуда легко заметить любую искру. Дождавшись темноты, журналист рассчитывал обнаружить свет в убежище Джонсона. Увы, ночь оставалась черна. Либо его окошко смотрело в другую сторону, либо старик и сам перестраховывался, воздерживаясь зажигать огонь.

Ночью опять подал голос филин. Взяв оружие наизготовку, Клайд внимательно прислушивался, опасаясь неведомой угрозы. Время, однако, шло, а по его душу так никто и не явился. Немного успокоившись, он вдруг отметил, что на сей раз птица кричит совершенно иначе. Ее уханье звучало глуше и мягче, и оно не гудело с какой-то странной силой. Поразмыслив, журналист решил, что это однозначно какой-то другой филин, а то и сова. Он до сих пор не научился их различать, и вряд ли скоро научится. Накатившая дрема вернула его голову на подушку. Уже засыпая, Клайд все еще слышал далекое "у-ху", неторопливо повторявшееся снова и снова. И повторялось оно до самого рассвета.

Можно было бродить наобум, рассчитывая на слепую удачу, либо же применить какой-нибудь метод. Развернув карту, Клайд в который раз ее изучал. Сначала он прикинул наиболее подходящие места для хижины. К примеру, вряд ли Джонсон соорудил ее на болоте или же в темной сырой низине. Увы, от точечной теории пришлось отказаться. Во-первых, мало ли как поступил старик. Желая укрыться от посторонних глаз, он мог возвести хибару там, где не осмелится никто другой. Во-вторых, схематичная карта просто не отображала ландшафт с надлежащей точностью. Для строго направленных поисков она явно не годилась. Поразмыслив, Клайд выбрал движение по спирали. Он постепенно обыщет всю заданную область, и обыщет с приемлемой тщательностью. Это представлялось очевидным плюсом. В минусы записывалось время. Если журналисту не повезет, он рискует потратить на поиски несколько дней, не говоря уж про обратный путь. К тому сроку Говард Хьюдж наверняка лопнет от злости, а в Эшвилле гостя и вовсе похоронят. Еще раз хорошенько все обдумав, Клайд покинул лагерь и принялся раскручивать спираль.

Обычно в воскресенье принято отдыхать. Во всяком случае, в

большинстве стран. Клайд же за этот день вымотался так, что еле ноги волочил. В лагерь он вернулся как выжатый лимон, едва сумев завернуть к ручейку и пополнить запасы воды. Поглощая ужин, он практически засыпал над котелком, и отправился в палатку даже недоев.

Среди ночи Клайд проснулся попить воды. В глубине леса снова ухал филин. Ухал вчерашним манером, без надрыва и зловещих интонаций. Прислушавшись, журналист пришел к выводу, что и место было тем же самым. Во всяком случае, направление. Гнездо там у него, что ли? Утолив жажду, он снова завалился спать, невольно отметив отсутствие всякого зверья. С тех пор, как сбежала волчья стая, никто больше не наведывался к лагерю и даже не бродил поблизости. Это было странно, учитывая, в какие дремучие дебри забрался Клайд. Факт, однако, оставался фактом.

Второй раз журналист открыл глаза незадолго до рассвета. На восточном горизонте забрезжила бледная полоска, возвещая о приближении солнца. Филин все еще ухал. Словно увидев журналиста, он внезапно изменил интервал и разразился настоящей арией. У-ху! У-ху! У-ху! У-ху! — повторялось откуда-то с севера, словно птицу заело. Клайд, вышедший освежиться, невольно улыбнулся, слушая его длинную тираду. Кажется, кукушка — и та столь долго не кукует. Филин же все не унимался, продолжая кричать будто заведенный. Журналист невольно удивился, как тот себе глотку-то не надорвал, а затем вернулся в палатку.

Понедельник вышел ничуть не лучше воскресенья. Рисуя на карте маршрут, Клайд продолжал исследовать округу, но совершенно безрезультатно и удручающе медленно. Пересеченная местность не позволяла ему передвигаться быстро. Кроме того, естественные препятствия постоянно нарушали пресловутую спираль, сбивая с курса. Клайд был вынужден петлять, чтобы закрыть белые пятна и ничего не пропустить. А что-нибудь пропустить он вполне мог, чего и боялся, и отчего тратил больше времени.

Наступили сумерки. Поиски пришлось свернуть, чтобы не возвращаться в кромешной тьме. У-ху! — подал голос филин. У-ху! У-ху! У-ху!

— Что-то он сегодня рановато, — оглянувшись, пробормотал журналист.

Машинально взглянув на компас, он сверился с навигатором. Похоже, птица кричала на том же месте, что и в предыдущие два раза. У-ху! У-ху! У-ху! — словно подтвердил филин. Недолго думая, он завел свою испорченную пластинку, ухая без длительных перерывов. Слышно его было лучше прежнего.

— Да что ты завелся-то? — изумился Клайд, в жизни не припоми-

ная, чтобы большие птицы так тараторили.
Такое поведение выглядело очень странно, и мало-помалу эта странность навела его на размышления. Он уже допускал невероятную мысль, что филин мог принадлежать Баду Джонсону. А ну как он и есть тот самый Дуглас? Ну как он не верещит почем зря, а выбивается из сил, чтобы подсказать ему, дураку, где искать убежище старика. Эта теория представлялась еще безумнее, чем все прежние догадки о птице, но Клайд внезапно остановился. Нахмурившись, он внимательно посмотрел туда, откуда все неслись и неслись настойчивые "у-ху". Затем вдруг развернулся и пошел им навстречу, кляня себя за опасный идиотизм.

Решение углубиться в чащу, когда вот-вот наступит ночь, и впрямь было очень опрометчивым. Фонарик, конечно, освещал дорогу, да и винтовка с винчестером внушали некоторую уверенность, но все же Клайд — не матерый охотник. Не говоря о хищных зверях, свернуть себе шею он вполне способен и сам. Особенно в темноте, когда скрытые ямы и коварные корни становилось практически не видно. Впрочем, какая там шея? В дремучем лесу и сломанная нога может обернуться приговором. Тем не менее, он шел, и шел даже не на удачу, а руководствуясь сумасшедшим предположением о филине. Тот же продолжал кричать, служа путеводным маяком, и в его крике появились новые интонации. Он будто одобрял смелость журналиста, добавив уханью бархатистые нотки. С виргинской породой, обладавшей своими особенностями, такое никак не сочеталось. Ну, этот филин давно вызывал множество вопросов.

Внезапно уханье смолкло. Замедлив шаг, Клайд недоуменно прислушивался. Вот еще новости! Судя по громкости звуков, он подошел к птице совсем близко, а та вдруг взяла и затихла. Неужели испугалась или улетела? Пройдя еще немного, он остановился, решительно не понимая, что делать дальше. Свет фонаря бессильно скользил впереди, выхватывая из темноты стволы и ветви. Клайд растерянно водил им туда-сюда, и вдруг ярдах в семидесяти что-то блеснуло. У него аж дыхание перехватило. Дрогнувшая рука увела яркий луч, но он быстро вернул его обратно. Вот и еще один отблеск! Сердце забилось так, что ему стало тесно в груди. Задрожав от волнения, журналист едва удержался, чтобы не побежать сломя голову. Проявив осторожность, он медленно направился к отражателю света.

Деревья расступились. Сделав еще несколько шагов, Клайд замер, не веря своим глазам. Перед ним, укрытая промеж двух холмов, объявилась бревенчатая хижина. Ее покатую крышу устилал мох, где пробивались маленькие сосенки и березки. К стенам,

обвешанным травами, подступали могучие ели. Раскинув мохнатые лапы, они практически полностью скрывали их от постороннего взгляда. Неплохо скрывалась и дверь, обшитая горбылем. Небольшое окно прятали дощатые ставни. Один из них оказался приоткрыт, из-за чего стекло и отражало свет фонаря. Даже в темноте становилось ясно насколько хорошо замаскировано это уединенное жилище. Оглядевшись, журналист подумал, что запросто мог пройти мимо, ведомый своим спиральным методом.

— Мистер Джонсон! Вы дома? Это я, Клайд Андерсон! — догадался крикнуть он, прежде чем приблизиться к хижине.

Старик, опасавшийся всего и вся, был вполне способен встретить незнакомца добрым зарядом дроби. Ответа не последовало. Некоторое время журналист звал его по имени. Затем, так и не дождавшись отклика, решился подойти к двери. Возле нее он остановился, напряженно ловя каждый звук.

— Бад! Мистер Джонсон! — снова раздались его громкие возгласы.

Тишина. Взявшись за дверную ручку, Клайд нерешительно потоптался и потянул ее на себя. Скрипнув, незапертая створа отворилась.

В хижине никого не было. Это стало ясно, едва журналист обвел ее лучом фонаря. В единственной комнате, пусть и просторной, никак не спрячешься. Бад куда-то подевался, и его отсутствие вызывало тревогу. Впрочем, старый отшельник мог отправиться в лес, а не сидеть сиднем в ожидании Клайда. Сколько недель-то прошло! Кроме того, вдруг это вовсе не его постройка? Допустим, проделанные вычисления верны, однако с филином не исключалась простая случайность. Мало ли кто обитал рядом с Джонсоном, причем не исключено, что он и поселился здесь куда раньше.

Предположение казалось не лишенным оснований. Чтобы точно понять, куда он попал, Клайду требовалось хорошенько осмотреться. Шарить впотьмах, орудуя одним лишь фонарем, представлялось довольно затруднительно. Решив ничего не усложнять, Клайд прошел к очагу, намереваясь развести огонь. По его разумению, здесь опасаться было нечего. Сложенные поленья будто того и ждали, чтобы к ним поднесли спичку. Вскоре их охватило яркое пламя, озарившее все убранство хижины. Тогда-то журналист встревожился всерьез. Теперь, при полноценном освещении, он отчетливо увидел, в каком беспорядке находятся вещи.

Беглый осмотр исключил простую неряшливость. Что бы здесь ни случилось, оно вряд ли носило мирный характер, и предполагало чье-то грубое вторжение. Фотографии, некогда висевшие на стенах, валялись где попало. Постельные принадлежности были

перевернуты, а самодельная кровать криво сдвинута. Одежда, вытащенная из грубо сколоченного шкафа, лежала смятой грудой. Часть посуды оказалась побита, будто ее скинули со стола и полок. Осколки усеивали дощатый пол, заляпанный какими-то темными пятнами. Особенно много их наблюдалось возле стула, вокруг которого змеились обрывки веревки. Неизвестный вандал не забыл и про цветочные горшки, ныне ставшие черепками. Увядшие растения беспомощно лежали в комьях рассыпанной земли. Почти все ящики были выдвинуты, а их содержимое раскидано. Кто-то раскурочил даже настенные часы с кукушкой, от которых мало что осталось. Там и сям валялись раздавленные свечные огарки и съестные припасы. Последние зачем-то высыпали из мешков, не преминув вскрыть и все непрозрачные емкости. Досталось даже стеклянным банкам, чьи крышки свинтили без всякой видимой цели.

Оглядывая царивший хаос, Клайд с содроганием пытался представить, что здесь произошло. Его худшие опасения подтвердились. Вне всяких сомнений, хижина принадлежала Баду Джонсону. Это доказывали поднятые фотографии, на которых именно он и был запечатлен. Как правило, запечатлен вместе с Сэмом, исключая ту, где рядом с ним восседал огромный Виргинский филин. Вероятно, для него и был сооружен внушительный насест, ныне опрокинутый на бок. Приблизившись, Клайд прочитал на нем красиво вырезанное имя "Дуглас".

Что ж, хотя бы эта загадка частично прояснилась. Вряд ли в окрестностях Эшвилля обитал еще один такой пернатый гигант, как питомец Джонсона. Там, на сухом дереве, журналист увидел достаточно, чтобы утверждать — это была та же самая птица. Именно она ухала с холма, и именно в нее стрелял Миллиган. Но зачем? Неужели чтобы умный филин не привел Клайда к тайному убежищу своего хозяина? Нет, тут что-то другое. Скорее, шериф сообразил, что его крик всегда предвещает новую беду. Только каким образом? Как Дуглас может быть связан с исчезновением людей, гибелью бригадира Смита и застреленным охотником? Его, конечно, мог направлять Бад, но тот прятался здесь в ожидании Клайда. Оставив ему подсказки, он покинул Эшвилль и больше туда не возвращался. С другой стороны, а ну как старик разыграл целое представление? Вдруг именно он, тем или иным образом, стоял за всеми недавними происшествиями? Вот и в хижине его нет, и нет, судя по всему, уже давно.

Пораскинув мозгами, журналист отринул эту версию как несостоятельную. Отринул не потому, что безоговорочно верил в непричастность Джонсона. Во-первых, одному человеку такое не провернуть. Это вам не собак обдурить, сбив их со следа. Уйма

народу перерывала окрестности Эшвилля — и все безрезультатно. Опытные охотники, способные разыскать иголку в стоге сена, были в полнейшем тупике. Люди словно растворялись в воздухе, а старик не сумел бы ни разложить их на атомы, ни утащить на себе от погони. Во-вторых, шериф явно что-то знал. Знал, и всячески мешал проведать об этом Клайду. Если бы он подозревал Бада, то сам стал бы расспрашивать о нем внезапно приехавшего гостя, а не наоборот — скрывать сведения об отшельнике. Как максимум, с помощью филина Джонсон всякий раз хотел кого-то предупредить. Но о чем? Да и как ему это вообще удавалось? Увы, ответы на эти вопросы мог дать только сам Джонсон, а он куда-то подевался. Хаос внутри хижины ни о чем хорошем не говорил, особенно вкупе с наблюдениями, сделанными в его доме на Пайн Роуд. За судьбу Бада становилось по-настоящему страшно.

Что бы ни стряслось в лесном убежище, вверх дном его перевернул точно не хозяин. Скорее всего, устроивший такой кавардак что-то искал. Но нашел ли? Записка, уцелевшая после обыска в Эшвилле, вселяла некоторую надежду. Старик уже дважды сумел доставить послание Клайду. Возможно, это удастся ему и в третий раз. Злоумышленник не знал Джонсона так, как знал друг его сына. Однажды этот расчет уже сработал. Исходя из него, журналист имел шанс обнаружить то, что проглядели другие. В который раз оглядевшись, он приступил к поискам.

Свечи угасали. Чтобы лучше видеть, Клайд достал их связку из ящика и расставил по всей хижине. Спустя четыре часа от них остались заплывшие огарки, а он так и не преуспел. В отличие от предшественников, он не рылся в вещах наобум и не бил посуду. Изучая предметы интерьера, журналист высматривал какую-нибудь подсказку. Увы, как он ни старался, глазу так и не удалось хоть за что-нибудь зацепиться. Постепенно он начал думать, что ищет черную кошку в темной комнате, а ее там и вовсе нет. Джонсон ожидал Клайда для личной беседы. Вести мемуары у него не было особой необходимости. Зачем делать записи, если ты хочешь сообщить все тет-а-тет, а идти тебе некуда. Тяжело вздохнув, журналист присел на край кровати. Взяв стопку фотографий, бережно собранных по всей хижине, он стал рассматривать их одну за другой. Памятуя о записке в рамке, Клайд уже ознакомился со всеми снимками, но те ни на что его не натолкнули. Сейчас, умаявшись, он неторопливо перебирал их чисто для себя, погружаясь во времена далекой юности.

Со многими фотографиями у Клайда были связаны яркие воспоминания. Вся дружба с Сэмом, оставшаяся в далеком прошлом, вновь проносилась у него перед глазами. Совместные заба-

вы, от которых они веселились до упаду; хитрые проделки, иной раз приводившие к хорошей взбучке от родителей; шалости, отнюдь не всегда безобидные, а то и вовсе опасные…

Вот на этом снимке любимая заводь, куда они спускали плот и чуть не утонули. Дурацкая конструкция развалилась и пошла ко дну, а друзья нахлебались воды на неделю вперед. Поди, эти бревна там до сих пор в иле лежат.

А на этом фото старый пикап Бада вместе с хозяином и его сыном. Помнится, Сэм как-то стащил ключи и решил прокатить Клайда, даром что до педалей еле дотягивался. Покатушки закончились свиданием с телеграфным столбом. Набитые шишки наказание не смягчили. Ох и досталось им тогда!..

О, а вот и большой птичник Джонсонов вместе со всем семейством! Отличная фотография, а история ничуть не хуже. Однажды Сэм решил поймать лису, и подошел к вопросу творчески. Как он знал, лисы любят воровать курей, поэтому сорванец проделал в сарае надлежащую дыру и поставил возле нее капкан. Идея сработала, но попалась в него не рыжая разбойница, а собственная тетушка, пришедшая собрать снесенные яйца. Сэма выдрали за уши, но никаких выводов он не сделал. Наоборот, решил отомстить тетке, не сильно-то и пострадавшей. Отвинтив ножку стула, он выдолбил ее изнутри, заложил туда гремучую смесь и воткнул петарду, срабатывающую от сдавливания. Затем присобачил ножку обратно и принялся ожидать развития событий. Увы, дальше все пошло не по плану. Вместо тетушки на мину уселся его отец. Бабахнуло на славу! Дым стоял коромыслом, пока смесь искрила, а ошалелый мистер Джонсон сидел на полу рядом с трехногим стулом. С перепугу от результата Сэм подался в бега, но был пойман и приговорен к двум неделям одиночного заключения. На памятном снимке его запечатлел отец, заставивший отпрыска чинить поврежденную мебель. Руки у Сэма были что надо, и он с одинаковым мастерством как разрушал, так и восстанавливал. Глядя на фотографию, Клайд тихо рассмеялся. Помнится, в назидание за дикую проделку та всегда висела на видном месте. Физиономия друга, сидевшего на пресловутом стуле, была мрачнее некуда. Внезапно Клайд и сам изменился в лице. Отложив снимки, он задумчиво обвел помещение взглядом и остановил его на искомом предмете. Затем встал и подошел к единственному стулу в хижине.

Практически всю обстановку Джонсон сделал собственноручно. Это он научил сына плотничать, как научил и многому другому. Он же счел неразумным тащить мебель из Эшвилля, если способен соорудить ее на месте. Подняв стул, Клайд покрутил ножки,

но те даже не шевельнулись. Это его ничуть не обескуражило. Он частенько болтался с Сэмом, когда тот возился с рубанком, и знал о столярных секретах Джонсонов. Они не привинчивали ножки, не приклеивали намертво, не сажали на шурупы и не прибивали гвоздями. Сделав неуловимое движение, Клайд, будто фокусник, легко отделил одну из них от сиденья. Затем вторую, третью… Четвертую снимать не понадобилось. Его глазам представилась полость, внутри которой лежала скрученная бумажка. Осторожно поддев краешек, журналист вытащил ее из тайника. Потом, задрожав от волнения, подошел ближе к очагу и развернул свою находку.

"Клайд! Я оставляю эту запись на тот случай, если произойдет худшее. Дуглас встревожен, а это тревожит и меня. Теперь я назову тебе имена тех, кто узнал про золото и жаждет выведать, где его залежи. Жаждет любой ценой. Теперь — можно, поскольку это уже ни на что не повлияет. Я загнан в угол, а ты, если добрался сюда, уже здорово рискуешь. Их целая шайка, и они выслеживают меня как дикого зверя:
Дик Финч — охотник;
Бутч Джефферсон — рабочий лесопилки;
Тед Уоллес — почтмейстер и банковский клерк;
Джо Салливан — лавочник;
Лайонел Кокс — помощник шерифа;
Майер Стотч — охотник;
Возглавляют всю компанию самые влиятельные люди Эшвилля — Трент Коул, владелец лесопилки, и шериф Билл Миллиган. В последнем я уже абсолютно уверен. Он подкарауливал меня, когда я еле ускользнул из дома, чтобы скрыться в этом лесном убежище. Слова, которые он произнес своим спутникам, не оставляют никаких сомнений. Они хотели меня схватить и куда-то увезти. К сожалению, список не полон, ибо я не успел вычислить всех. Однако он даст тебе достаточно имен, чтобы раскрутить эту историю.

Мой дорогой Клайд! Если ты прочел эти строки, значит меня, вероятно, уже нет в живых. Прошу тебя, сделай все возможное, чтобы дело получило широкую огласку. Прости, что я не указываю точных координат, где находятся россыпи золота. Тем, кто меня преследует, я ничего не скажу, но если они найдут это послание, вся моя твердость, все мои старания пойдут прахом. Надеюсь, мы с тобой все же увидимся. Бад Джонсон, отец твоего некогда лучшего друга".

Скрипнула дверь. Подняв глаза от записки, журналист глянул в направлении входа и окаменел. Наставив на него винтовку, на пороге стоял шериф Миллиган.

— Без глупостей, мистер Андерсон, — негромко, но твердо молвил он. — Вы знаете, я отличный стрелок. Медленно положите бумагу на пол, а рядом свой смартфон. Затем отойдите на три шага назад. Держите руки на виду. Одно неверное движение — и я спущу курок.
Журналист повиновался. А что ему еще было делать? Его собственное оружие находилось в другом конце помещения. Войдя в хижину, шериф осторожно приблизился, поднял записку с мобильником и положил их в карман.
— Эх, Клайд, вот обязательно вам надо было влезть в это дерьмо! — хмуро произнес он.

– 5 –

Светало. Тьма за окном развеивалась, уползая в овраги и глубокие норы. Небо бледнело, и звездная россыпь таяла, уступая трон восходящему солнцу. Трава возле хижины подернулась росой, а вокруг ее стен потянулся туман. Теперь, стоило выглянуть наружу, можно было увидеть древесные стволы, уходившие ввысь, и густые заросли ежевики. Клайд, однако, ничего этого не замечал. Всего его внимание сосредоточилось на винтовке, чье дуло смотрело ему в грудь. Застыв будто изваяние, он ежесекундно ожидал выстрела.

Ситуация выглядела хуже некуда. Шериф был причастен к исчезновению Бада, либо напрямую, либо косвенно. Его появление в этой хижине служило неопровержимым тому доказательством. Сам он совершил некое преступление или кого-то покрывал — особого значения не имело. Здесь, в лесной глуши, спущенный курок одним махом решал создавшуюся проблему. Опасный свидетель навсегда сгинет в дремучей чаще. От него даже костей не найдут. Он сам обставил свой побег из Эшвилля, постаравшись избавиться от следов. Если кто и заподозрит дурной умысел, то его собственный, а с без вести пропавшего и взятки гладки. Таким образом, шерифу достаточно одной пули, чтобы избежать разоблачения. Это казалось очевидным, однако стрелять он отчего-то не спешил. Не отводя винтовку от журналиста, Миллиган отошел на недосягаемое расстояние. Там он достал записку Бада и ознакомился с ее содержанием. Свернув листок, он снова убрал его в карман, после чего все внимание возвратил Клайду.
— Что вы нашли в доме Джонсона? — напряженно осведомился шериф. — Только не отрицайте свой ночной визит, иначе этот разговор будет закончен.
Так вот почему журналист еще не лежит с дыркой в груди! Милли-

ган желает знать, что ему известно. Стало быть, каждое слово сейчас может стать приговором. Возможно, тот уже и так вынесен, но пока не грянул выстрел, точка еще не поставлена.
— Вы не объясните мне, что вообще происходит? — стараясь казаться спокойным, спросил Клайд.
— Повторяю: что вы нашли в доме Джонсона? — недобро блеснул глазами шериф.
— Да бросьте, Билл, я же в полной вашей власти, — аккуратно подчеркнул журналист. — Мне будет проще отвечать, если вы дадите хоть какие-то пояснения.
— Не испытывайте мое терпение, мистер Андерсон. В третий раз я спрашивать не стану, — выразительно изрек Миллиган.
Вздохнув, Клайд сказал, что ему нужно залезть в карман. Получив разрешение, он достал записку из фоторамки и протянул шефу полиции. Тот велел передать ее прежним манером.
— Я могу скомкать и бросить. Так она до вас долетит, — предложил журналист.
— Не надо портить документы без необходимости. Делайте что вам говорят, — повел винтовкой шериф.
— Понимаю. Вдруг на них есть скрытая информация, и она от этого пострадает. Полагаю, о старом конверте вы рассуждали так же. Том, который внезапно пропал из моих вещей, — подчиняясь, обронил Клайд.
Ответом ему была кривая усмешка. Заполучив первую записку, Миллиган вернулся на прежнее место и быстро изучил текст.
— Ну и как вы разгадали эту загадку, мистер Андерсон? — не удержался от любопытства он. — Теперь я понял, как старина Бад обдурил дурака Уоллеса, считавшего себя очень умным. Я бы переслал конверт с одним из водителей лесовозов, но Джонсон не доверял никому. Он догадался, что шоферы Трента были предупреждены. Ловко он отправил письмо, ничего не скажешь. Но как вы нашли эту хижину?
Решив, что запираться бессмысленно, Клайд коротко поведал про свой почтово-географический метод.
— Ложный адрес? Неплохо. Очень неплохо. А Тед — точно дурак! Почтмейстер, а не догадался! — заключил шериф. — Однако к делу, мистер Андерсон. Что вам еще известно обо всей этой истории?
— О какой именно? — невольно уточнил журналист.
Миллиган вспылил, но услышал сдержанное пояснение. В Эшвилле приключилось слишком многое, чтобы на столь расплывчатый вопрос дать вразумительный ответ. Письма Бада Джонсона — это одно, а пропавшие и погибшие люди — совсем другое. Если они

связаны, Клайд до сих пор не понимает как. А если шериф воображает, будто ему известна судьба Уоллеса, Коула и остальных, то он зря теряет время.
— О, в вашей неосведомленности на их счет я даже не сомневаюсь, — усмехнулся Миллиган. — Я о другом.
— И о чем же?
— О золоте, мистер Андерсон, о золоте, — нарочито выразительно произнес шериф. — Я хочу знать, что вам известно о золоте.
— Вы это серьезно?! — вырвалось у журналиста.
Побагровев от гнева, Миллиган заявил, что он более чем серьезен, а кое-кому следует выбирать слова. В противном случае этот кое-кто рискует спровоцировать пулю в лоб.
— Я имел в виду: вы что, и впрямь в это верите? — поправился Клайд. — Верите в басню про золото?!
Шериф окинул его пристальным взглядом, в котором читались враждебность и недоумение. Он хотел что-то сказать, но вдруг призадумался, продолжая изучать журналиста. Судьба того висела на волоске, и оба отлично это понимали. Стало быть, оба понимали и всю важность каждого слова, которыми бросаться явно не стоило.
— Не важно, во что верю я, — помолчав, сдержанно произнес Миллиган. — Важно, что знаете об этом вы. В записках Джонсона нет никакой конкретики, однако он уже неоднократно рассчитывал на вашу догадливость. И вы ее проявили, в том числе найдя послание в этой хижине. Хвала моей прозорливости, мы ее не сожгли. Джонсон извиняется, что не указывает вам точных координат, и это непреложный факт. Только он не означает, что вам, мистер Андерсон, неизвестны хотя бы приблизительные. Какой-то намек, какая-то подсказка. Что-то, о чем вы догадались сами.
— Так вот почему я все еще жив, — констатировал Клайд. — Вы боитесь убить того единственного, кто может знать расположение пресловутых золотых копий. Эдакого второго Клондайка. Боитесь, что он унесет свой секрет в могилу, как, вероятно, унес его Бад. Допустим, вы правы на мой счет, но тогда, согласитесь, с моей стороны будет крайне опрометчиво выдать эти сведения. Вы тут же разделаетесь со мной — и концы в воду.
— Во-первых, не тут же. Сначала их потребуется проверить, а на это уйдет время. Если вы не торопитесь умирать, мистер Андерсон, вы согласитесь сотрудничать, — возразил шериф. — Во-вторых, вы живы не только поэтому. Мне известно, что до побега вы были в комнате Смитов, где находился телефон, и что вы по нему звонили. На трубке ваши отпечатки. Я смогу отследить звонок, но не установить содержание разговора. В случае вашего бес-

следного исчезновения это может оказаться чревато.
Как же Клайд возрадовался, что не поленился позвонить Говарду Хьюджу! Незначительный поступок, совершенный совсем с иной целью, неожиданно стал тузом в рукаве; козырем, которым требовалось грамотно воспользоваться.
— Ваши опасения не беспочвенны. Я действительно подстраховался, — неторопливо изрек он, стараясь ничем себя не выдать.
В его душе царила буря, а с нервами творилось такое, что Миллиган мог почуять блеф и без всякого детектора лжи.
— Признаться, ваше внезапное появление выбило меня из колеи, — продолжил Клайд, всем телом ощущая его испытующий взгляд. — Я так боялся получить пулю, что о чем только ни позабыл.
Шериф пожевал губами, продолжая изучать допрашиваемого журналиста.
— И как же это нам навредит? — осведомился он. — Как вы собирались поднять шум?
— Обо мне и речи нет, если я не покину этот лес, — Клайд мысленно отметил местоимение "нам". — Шум поднимет мой главный редактор. Даже не шум, а грандиозный скандал. Готов держать пари — он и федералов привлечет. Не ради меня, конечно, а ради горячего материала, который обеспечит ему громкую эксклюзивную историю. Я стану жертвой, в лучших традициях павшей в борьбе за истину. Ну а моих гонителей приукрасят до уровня эпических злодеев.
— Для этого надо располагать какими-то доказательствами, — насупился Миллиган. — Вы же, как я понимаю, всего и узнали, что несколько имен, да и то из последней записки. За пределами этой хижины они неизвестны никому.
— Полноте, Билл! С каких пор газетчикам обязательно нужны доказательства? Беспочвенные шумихи в прессе вам ни о чем не говорят? — позволил себе улыбнуться Клайд. — А тут события отнюдь не вымышленные. Чего-то федералы да раскопают. Эшвилль окажется в центре такого внимания, что даже выйди вы сухим из воды, вашим планам — конец. Мне не нужен был список Бада, чтобы не оставаться слепым. Ваше поведение — ваше и многих других, — дало мне пищу для размышлений, и я сделал кое-какие выводы. Полагаю, не слишком далекие от правды. Вам придется ответить за убийство Джонсона, Билл. Ваше имя тоже среди тех, кого я назвал главному редактору. Без моей отмашки он не станет ничего предпринимать, но если к условленному сроку я не дам о себе знать, Говард Хьюдж, фигурально выражаясь, спустит собак с цепи.
— Проклятье! Мы его не убивали! — в сердцах бросил Миллиган. —

Я же не идиот, чтобы прикончить такой бесценный кладезь информации! Все было не так!
— А как было, Билл? Что на самом деле произошло с Бадом Джонсоном? — вкрадчиво спросил журналист.
Он понял, что перехватил инициативу, и неминуемая смерть ему прямо сейчас не грозит. Шериф поверил в байку о скандале в СМИ, которая, кстати, не была такой уж надуманной. Опасаясь последствий, он не выстрелит, если вести себя разумно. Правда, прояснять судьбу старика он тоже не спешил.
— А я так надеялся, что вас удастся спровадить по-хорошему… Дик давно предлагал *заплутать* писаку в лесу, а не носиться с ним как курица с яйцом. Мол, отбился, потерялся, сгинул. На том и сказочке конец, — проворчал Миллиган. — Я запретил вас трогать. Эти дурни не понимали, что лишнее внимание к Эшвиллю нам ни к чему. Если тут исчезнет персона вроде вашей, шум поднимется в любом случае. Поднимется хотя бы ради громкой статейки, на которые ваша братия те еще мастера!
— Дик Финч? Охотник? Тот, что куда-то пропал, когда мы втроем были неподалеку? — уточнил Клайд.
— Он самый. Следопыт из него хоть куда, но манеры и мозги, видимо, распределились иначе, — кивнул шериф. — Мое нежелание скандала прикрывало вас тогда. Прямо сейчас оно уберегает вас от моей пули. Я еще не решил, какое из двух зол больше — оставить вас в живых или заткнуть рот навсегда.
— От убийства вас может удержать только одно — какое-то основание, которое позволит надеяться, что я не распущу язык, — веско заметил Клайд.
— Совершенно верно, — подтвердил Миллиган. — Вот я и размышляю, как лучше поступить. Технически, проще всего всадить вам пулю в голову. Однако тогда я рискую столкнуться с непредсказуемыми последствиями, и буду не в силах их изменить. Этого можно избежать, ибо с вами есть шанс договориться. Вопрос — удастся ли?
— Вы рассчитываете на мое честное слово? На обещание не сдавать вас с потрохами? — искренне удивился журналист. — И вот так запросто меня отпустите?
— Нет. Я не настолько глуп, — фыркнул шериф. — Я рассчитываю на вашу заинтересованность. Чтобы бы сами решили молчать, по собственной доброй воле.
— Взятку, что ли, предлагаете? — поднял брови Клайд. — Не слишком оригинально.
— Не оригинально, зато эффективно, — усмехнулся Миллиган.
— И вы уверены, что меня удастся купить? — не сдержал скепти-

цизма Клайд. — Понимаю, из уст того, кто сейчас на прицеле, это не лучшая фраза. Мне бы помалкивать, но вы же и сами должны понимать всю нелепость подкупа. Кто мне помешает якобы согласиться, а позднее пойти к федералам?
— Все имеет свою цену! — веско заявил шериф. — А некоторые суммы таковы, что от них не отказываются!
— Да, мне доводилось слыхать эту теорию, — улыбнулся журналист. — И сколько же вы мне намерены предложить?
— Я намерен взять вас в долю. Сделать равноправным участником нашего альянса, — сообщил Миллиган.
— Чего?! — опешил Клайд. — Какая доля? Вы о чем вообще?!
— О золоте, мистер Андерсон, о золоте, — напомнил шериф. — Знаете вы о нем или нет — не имеет значения. Видимо, и впрямь не знаете, раз грозите поднять шум. Ведь в случае скандала вам не достанется ни гроша.
— Билл! Вы меня поражаете! — всплеснул руками журналист. — Ну ладно Бад на старости лет толковал про мифические сокровища, но вы-то! Вы же умный человек! Какой, к чертовой матери, второй Клондайк?! Это же просто фантазия старого одинокого человека!
— А это похоже на фантазию, мистер Андерсон? — выразительно произнес Миллиган.
Расстегнув карман куртки, он достал оттуда какой-то округлый предмет и бросил Клайду. Тот машинально поймал его, посмотрел и разинул рот. На ладони лежал двухдюймовый золотой самородок. Огонь в очаге затухал, но его хватало, чтобы увесистый металл подсвечивался тусклым желтым светом. Журналисту доводилось иметь дело со старателями и их продукцией. Он мгновенно понял, что это не подделка.
— Быть не может… — послышался его срывающийся шепот.
— У нас таких несколько ведер, пуда на четыре каждое. Какие-то больше, какие-то меньше. Есть и размером с кулак, — пояснил шериф.
— Силы небесные! Так это правда! — смятенно выпалил Клайд.
— Ваша реакция не оставляет сомнений. Даже если вам что-то известно, вы в это и впрямь не верили, — сделал вывод Миллиган. — Итак, я снова задаю вопрос, представший перед вами в ином свете. Где нам искать золото, мистер Андерсон?
— Я не знаю! — отозвался тот, насилу отрывая взгляд от самородка. — Бад мне не сказал!
— Только не надо со мной играть. Вы же теперь понимаете, насколько все серьезно, — вкрадчиво молвил шериф.
— Я правда не знаю! — воскликнул журналист. — Даже понятия

не имею!
— Возможно и так, — поразмыслив, вздохнул Миллиган. — Сейчас это, опять же, ничего не меняет. Как заинтересованная сторона, вы либо сами обо всем расскажете, чтобы ускорить поиски, либо вам и впрямь ничего неизвестно. Тогда их придется вести прежним образом.
— Заинтересованная сторона? — переспросил Клайд.
— Да. Заинтересованная сторона, — повторил шериф. — Мое предложение вы слышали — я беру вас в долю. Теперь я озвучиваю конкретику.
И он тут же изложил ее без обиняков и проволочек.

По возвращению в Эшвилль журналист сразу получит целое ведро самородков. Шерифу известно, где Харви Смит зарыл свою часть добычи. Теперь, после смерти его жены, она осталась без хозяев. Дети унаследуют дом, а не тайну о золоте. Впоследствии Миллиган найдет благовидный предлог, чтобы выплатить им достойную компенсацию, однако посвящать ни во что не станет. Пример миссис Смит — нагляднее некуда. Харви обо всем ей проболтался. К счастью, бедняжке хватило ума держать язык за зубами, но страшная тайна ее тяготила. Гибель любимого мужа совсем подкосила Эмили. Не выдержав угрызений совести, она покончила собой. Хорошо, что первой ее предсмертную записку увидела Лора. Увидела и спрятала. Эмили никого не выдала, но ее последние слова могли вызвать вопросы. Таким образом, доля Смитов достанется Клайду. Там полведра, но Миллиган не поскупится и лично от себя наполнит его доверху. Разумеется, это будет лишь задаток, своеобразная гарантия уговора. Остальное — при достижении успеха. Рано или поздно шериф найдет, где сокрыты россыпи, и тогда все они станут мультимиллионерами. А может и миллиардерами. За такой куш стоит рискнуть! Тем более, всего лишь помалкивать, чего от журналиста, собственно, и требуется. Ни о каком заточении речи не идет. Он сможет покинуть Эшвилль когда захочет. Также он волен увезти и золото, чтобы распорядиться им по своему усмотрению. Разумеется, при этом необходимо соблюдать осторожность, но мистер Андерсон — явно умный человек, чтобы объяснять ему такие прописные истины. Самородки, перешедшие в его собственность, станут залогом джентльменского соглашения. Их долларовый эквивалент составляет очень большую сумму. Ее вполне хватит, чтобы журналист терпеливо дождался дивидендов, то есть того момента, когда получит свою долю с золотых россыпей.

Когда шериф закончил, у Клайда голова пошла кругом. Все происходящее было совершенно невероятно и неожиданно. Он

попросту растерялся, не зная, что и думать.
— Вам нужно время, чтобы принять решение. Понимаю, — мягко сказал шериф, догадавшись о его состоянии.
— А откуда вам известно, что прииск на этом не иссяк? Что Бад, сам того не ведая, не исчерпал случайно найденную жилу почти до конца? — спросил журналист будто размышляя вслух. — Его второй Клондайк, в который он искренне поверил, может оказаться пустым.
— Я думал об этом, — кивнул Миллиган. — Ваше предположение не лишено оснований, но вряд ли соответствует действительности. И вот почему.
Он, разумеется, тут же изложил свои соображения.

Джонсон был чудаковат, но въедлив. Он не верил неподтвержденным слухам, а пустую болтовню и вовсе игнорировал. Чтобы в чем-то его убедить, требовалось привести хоть какие-то доказательства. Над охотничьими байками он откровенно посмеивался, что вызывало раздражение рассказчиков, а от сплетен и вовсе отмахивался. Сам же всегда подтверждал свои слова делом. Старый отшельник нечасто появлялся на людях, но когда это происходило, ему было что показать. От его трофеев местных следопытов аж зависть грызла. О чем бы он ни говорил — это никогда не оказывалось брехней. Джонсон приводил аргументы, и приводил из разных источников, которые впоследствии подтверждались. В отношении золота он вряд ли поступил менее ответственно. Ведра самородков объяснялись не жадностью старика, которая, кстати, была ему совсем не присуща. Они накопились постепенно, пока он вел изыскания в разных местах. То-то он стал пропадать долгими неделями и даже месяцами. Вот на основании этих изысканий, охвативших немалую площадь, Бад и вывел утверждение о втором Клондайке. Его словам вполне можно было верить, тем более подтвержденным пудами золота.

Журналист нашел, что довод шерифа звучит вполне убедительно. Более того, тот соответствовал его собственным представлениям о Джонсоне. Немного успокоившись, он унял вихрившиеся мысли, а это автоматически вернуло его к насущным вопросам. Вопросам, которые требовали ответов.
— Билл, что случилось с Бадом? — тихо произнес Клайд. — Вы сказали, что не убивали его, ибо это не соответствовало вашим интересам. Логично. Умолкнув на веки, он критически снижал ваши шансы найти золото. Но куда он тогда подевался? Что произошло? И что вообще сейчас происходит в Эшвилле?
Миллиган видимо заколебался. Его сомнения отчетливо читались на лице, равно как и в глазах.

— Зачем вам это знать? — хмуро осведомился он.
— Если вы хотите от меня чего-то добиться, вам придется открыться до конца. Я должен понимать, с чем имею дело, — пояснил Клайд. — К тому же, чем вы рискуете? Вы уже наговорили достаточно, чтобы я, оставшись в живых, стал для вас чрезвычайно опасен. Если же вы меня застрелите, то ваши тайны умрут вместе со мной.
— Полагаю, вы уже догадались, что исчезновение Джонсона связано с исчезновением других людей, — вздохнул шериф.
— Да. На эту мысль меня навел филин, — кивнул журналист. — Как выяснилось, он всегда появлялся перед очередным происшествием, и это была одна и та же птица. Визит в дом Бада подтвердил мои подозрения, а здесь, благодаря фотографии и насесту, я получил им доказательства. Филин — питомец Джонсона, и зовут его Дуглас.
— Помощник Уилсон доложил мне о результатах экспертизы с пером, — обронил Миллиган. — Но я уже это знал.
— Как?! И Майк здесь замешан?! — искренне расстроился Клайд.
— Нет. Он слишком честен, чтобы участвовать в таком дерьме. Я его ни во что не посвящал. Он доложил мне по долгу службы, — мотнул головой шериф, несколько удивленный реакцией журналиста.
Тому заметно полегчало. Ошибиться в Уилсоне означало вообще утратить веру в людей. Выходка со снотворным сразу же показалась еще более омерзительной.
— Так что случилось, Билл? — снова спросил журналист.
— В двух словах и не расскажешь, а одна история проистекает из другой, — помолчав, отозвался Миллиган.
— Так начните по порядку, — предложил, поведя рукой, Клайд.
Дуло винтовки давно уже не смотрело ему в грудь, поэтому он вел себя куда менее скованно. Шериф снова окинул его оценивающим взглядом, как бы принимая окончательное решение.
— Присядьте, Клайд. Это долгий разговор, — сказал он, указывая на растрепанную кровать.
Подбросив дров в очаг, он подтащил к нему колоду, служившую Баду подставкой и табуреткой. Опустившись на нее, Миллиган некоторое время молча смотрел в огонь. Затем, кашлянув, негромко заговорил:
— Все началось тогда, когда Дик Финч случайно набрел на стоянку Джонсона…

* * *

Далекий северный штат не отличается многолюдностью, до-

рог там негусто, а суровая природа не терпит неженок. Уединенно расположенный Эшвилль — отнюдь не исключение. Места вокруг него дикие и малоисхоженные. Туристы в них появляются очень редко, предпочитая другие регионы Аляски. Иной раз можно провести в лесу несколько месяцев и никого не встретить. Это, однако, не означает, что люди тут вообще не встречаются. Ночью их стоянки выдает огонь костра, порой с очень большого расстояния. Днем же на присутствие человека указывает столб дыма. Неподготовленные путешественники далеко в чащу не забредают, да их здесь особо и нет. Специалисты же регулярно отправляются в походы. К местным относятся охотники, дровосеки и рейнджеры. Пришлые объявляются куда реже, и в основном состоят из защитников окружающей среды, геологов и нефтяников. Попадаются на Аляске и отшельники. Предпочтя уединение социуму, они годами живут в своих лачугах и бродят в дремучей чаще подобно лешим. К таковым условно относился и Бад Джонсон. Проживая в Эшвилле, он надолго уходил в леса, суммарно проводя в них более половины календарного года. Столь длительное отсутствие обычно предполагало какое-то постоянное убежище. Холод и непогоду лучше пережидать под крышей, у очага и всяких припасов. Многие обзаводились заимками и хижинами, и обычно не делали из этого секрета, но где находится избушка Джонсона — никто не ведал. Да никому и дела не было. Старик держался особняком. Он не презирал людей и не считал себя лучше остальных. Он лишь желал тишины и покоя. В Эшвилле это знали, и к Баду относились вполне нормально. Когда он наконец-то появлялся в баре, его не сторонились и охотно пропускали с ним кружку-другую пива. В остальном же ему никто не досаждал. Так было до тех пор, пока Дик Финч однажды не встретил старого отшельника в лесу.

Как правило, без необходимости никто не заходит на чужую стоянку. Исключение составляют знакомые, которых можно и поприветствовать. Проведя в чаще много дней, порой очень хочется перекинуться с кем-то парой слов. Завидев дым, Финч был уверен, что идет к приятелю, чей голос слышал буквально накануне. Свою ошибку он понял только в маленьком лагере, на тот момент пустовавшем. Убедившись, что вещи явно не его товарища, Финч собрался уйти. Попятившись, он споткнулся о какой-то предмет, стоявший возле палатки. Это оказался бидон, обтянутый плотной тканью, в какие обычно набирают ягоды. Бидон упал на бок, крышка соскочила, и изнутри что-то высыпалось. Смущенный Финч хотел исправить свою неловкость, но застыл будто парализованный. На белый мох выпало несколько золотых самородков. Не веря своим глазам, он поднял один из них и внимательно рассмот-

рел. Самородок был небольшим, однако Финч убедился, что это самое настоящее золото. Тут-то к своему костру и вернулся Джонсон, застав незваного гостя у открытого бидона.

Разговор вышел коротким и неприятным. Финч, покраснев до ушей, уверял, что не собирался ничего стащить. Мол, он вообще бы сюда не пришел, кабы не перепутал стоянку Бада со стоянкой своего знакомца. В целом, ничего страшного действительно не произошло. Ну, обознался, с кем не бывает. Ничего не сломано, ничего не украдено. В ином другом случае оба, раскланявшись, разошлись бы миром. Все осложняла одна деталь — золото. Его рассыпанные кусочки создавали серьезное напряжение. Финч его только усугубил. У этого дурака не хватило ума промолчать, и он спросил, откуда у Джонсона самородки. Тот, понятное дело, откровенничать не стал, зато повел себя куда враждебнее. Финч ретировался, но мысли о содержимом бидона прочно засели у него в голове.

Первыми о желтом металле услышали охотники Тимоти и Майер. Разумеется, они ни слову не поверили и подняли рассказчика на смех. Тот любил приложиться к бутылочке, а в пьяном угаре увидишь не только золото, но и копи царя Соломона. Финч чуть не лопнул от злости, однако сделал выводы. Без доказательств его сочтут лжецом, а то и станут над ним подтрунивать до конца жизни. Выход он усматривал один — требовалось раздобыть хотя бы один самородок. С того самого дня он начал выслеживать Джонсона.

Здесь следовало сделать важную оговорку. Все поступки Финча диктовались его недалеким умом. Кто-то более сообразительный изначально повел бы себя иначе. Самородки из ниоткуда не берутся, особенно в лесу, и особенно в истории Аляски. Во-первых, толковый человек держал бы язык за зубами. Надо быть полным идиотом, чтобы болтать о потенциальном прииске, пусть даже друзьям! Во-вторых, он бы осторожно сел Баду на хвост, став его неслышной тенью. Да, на слежку могли уйти месяцы и даже годы, но игра стоила свеч. Финч же сразу насторожил старого отшельника, а после все только портил. Упустив из виду главное, он сосредоточился на частном. Вместо того чтобы уходить за Джонсоном в лес, недалекий охотник подкарауливал его в окрестностях Эшвилля. Мол, если тот один раз тащил золотые самородки, потащит и в другой.

Примитивный расчет оправдался. Стоянка Бада обнаружилась в дне пути от городка. Финч сумел ненадолго выманить его от костра. Сам же обшарил вещи и наткнулся на то, что искал. Холщовый мешочек был доверху наполнен самородками. Обуянный

алчностью, охотник едва не украл все, однако даже он сообразил, что не заметить такую пропажу невозможно. К сожалению, на этом его умственные способности иссякли. Надо было сфотографировать находку и тихо удалиться, не оставив следов. Финч же взял один кусочек золота, явно не подозревая, что Джонсон умеет считать. По-своему он, конечно, преуспел, только его выходка вызвала закономерные последствия.

Тимоти и Майер больше не смеялись. Отвесив челюсти, они выхватывали друг у друга самородок, добытый гордо сиявшим Финчем. Разумеется, троица тут же стала рядить, как ей распорядиться столь ценной информацией. Жажда наживы охватила охотников сверх всякой меры. Судя по всему, старик Джонсон напал на жилу, и хорошо бы выведать откуда он таскает золотишко. Финч предложил поговорить с ним по душам. Втроем им это вполне по плечу. Мол, не скажет по-хорошему — выбьют силой. Тимоти и Майер были куда умнее своего безмозглого приятеля, и сразу отринули его идею. С их точки зрения, за Бадом требовалось следить. Следить как раз в том духе, в каком Финчу стоило поступить изначально. Увы, для этого оказалось слишком поздно.

Обнаружив пропажу, Джонсон тут же увязал ее со своей отлучкой из лагеря, в котором кто-то побывал. Ему не пришлось долго гадать, кто бы это мог быть. Он стал держать ухо востро, отчего замысел троих охотников с треском провалился. Бад обнаружил хвост и недружелюбно осведомился, какого лешего им надо. Заткнув пасть Финчу, Тимоти и Майер попытались выкрутиться, но не вышло. Старик их раскусил. Удалившись в лес, он запутал троицу и исчез, оставив ее в дураках. Все дальнейшие попытки ходить за ним по пятам ни к чему не привели. До охотников дошло, что сами они выследить Джонсона не в состоянии.

Майер предложил обратиться к Тренту Коулу, с которым водил давнее знакомство. Мол, у того достанет сил и средств, чтобы решить их маленькую проблему. Владелец лесопилки — человек состоятельный и авторитетный. Он наверняка все устроит надлежащим образом, а лучше взять его в долю, чем остаться с носом. На том и порешили.

Как говорят, денег всегда мало. Тот, у кого есть миллион, беднее того, у кого два миллиона. Глаза Коула вспыхнули алчностью, когда он услышал про золото. Самородок, предъявленный в качестве доказательства, раздул ее до невообразимых размеров. Само собой, он согласился влезть в эту щекотливую историю.

Как бизнесмен, Коул подошел к делу куда основательнее, чем трое болванов с ружьями. Что эти кретины собирались делать с тайным прииском? Доить его, пока вся правда не вылезет нару-

жу? А что потом? Огласка, арест и тюряга? Нет, так не пойдет! Все должно быть законно, чтобы и комар носа не подточил. Земли, где сокрыто золото, следует попросту купить, и купить за бесценок, ибо вряд ли они кому нужны. Другой вопрос — какие именно? Тут без Джонсона, конечно, никуда, и если не удастся его выследить, с ним необходимо договориться.

Выследить не удалось. В помощь охотникам Коул снарядил двух преданных людей, Бутча и Спенсера Джефферсонов, отдав их под командование бригадира Харви Смита. Они применили технику, но безрезультатно. Старый отшельник был не из средних веков, и слыхал про квадрокоптеры. Тепловизоры, фотоловушки и прочие электронные ухищрения также не помогли. Джонсон либо ловко ускользал, либо водил наблюдателей за нос. Когда у него не получалось скрыться, он бесцельно таскал их за собой. Впустую растратив уйму времени, Трент Коул решил, что наступила пора переговоров. Подыскав благовидный предлог, он пригласил Бада к себе в поместье.

Старик не стал отказываться и пришел. Расчетливый делец не пошел в лобовую атаку. Он устроил очень радушный прием и окружил Джонсона всяческим вниманием. Разговоры шли на стороннюю тему, и лишь постепенно Коул начал склонять их к предмету своего интереса. Склонять как бы рассуждая: мол, если бы да кабы. Допустим, некто обнаружил залежи алмазов. Как ему поступить? Человек без денег и связей просто не сможет действовать законно, и в лучшем случае добудет себе какую-то толику. А что с ней делать? Хранить в подвале? Возникнет вопрос реализации. Один неверный шаг — и появятся проблемы с законом, а то и преступниками. И это уже не говоря о главном — невозможности насладиться деньгами, даже если их удастся получить. Дорогостоящая покупка привлечет внимание налоговой инспекции. Чрезмерные траты также не останутся незамеченными. Что в сухом остатке? Одна нервотрепка и головная боль, а в перспективе — тюрьма, если не хуже. У такого человека только один разумный выход — найти влиятельного и богатого компаньона. Тот все устроит наилучшим образом: оформит права на землю, организует добычу и охрану, найдет точки сбыта... И все это — совершенно легально. Конечно, придется с ним поделиться, но лучше получить часть от целого, чем не получить ничего. Лично он, Трент Коул, с удовольствием помог бы этому человеку к их обоюдной выгоде. Увы, ему таковой неизвестен.

Бад Джонсон остался равнодушен к словоизлияниям бизнесмена. Он и ухом не повел, сделав вид, будто не понимает истинной подоплеки истории. Сперва Коул решил, что старику надо все об-

думать, и не дергал его почем зря. Время, однако, шло, а ничего не происходило. Он еще дважды устанавливал с ним контакт, но отшельник продолжал играть в непонимание. В конце концов, Коул не выдержал и сделал ему прямое предложение. Ответ Бада был красноречивее некуда. Он сказал, что раньше болота заберут его к себе, чем он доверит такую тайну алчным и низменным людишкам. Затем поднялся и ушел, не проронив более ни слова, и с тех пор с владельцем лесопилки не разговаривал.

Трент Коул был в ярости, но от опрометчивых поступков воздержался. Он осознал, что упрямого старика ему не сломить, а выследить его по-прежнему не удается. И вряд ли удастся, поскольку тот стал соблюдать предельную осторожность. Хуже того, возникло подозрение, что Джонсон ищет контакт за пределами Эшвилля. Ситуация рисковала выйти из-под контроля, а золотой прииск мог уплыть навсегда. Уяснив ситуацию, Коул был вынужден посвятить во все шерифа, рассчитывая на их давнее знакомство.

Шефу полиции не очень-то понравилось, что его не собирались брать в долю, сложись ситуация иначе. В таком разе теперь он станет главным, если без его участия не обойтись. Остальные же будут безоговорочно выполнять его приказы. Коул, поворчав, согласился, как согласились и другие.

Для успеха всего замысла нужны были люди, обладавшие возможностями и опытом, и люди верные. Шериф образовал своеобразный альянс, куда вошли как уже посвященные, так и новенькие. Те, кому он мог доверять. Помимо двух его помощников, Лайонела Кокса и Юджина Адамса, это были лавочник Джо Салливан и почтмейстер Тед Уоллес. Каждому отводилась своя роль, и каждому причиталась заранее оговоренная доля. Покончив с формальностями, члены альянса начали действовать.

За Джонсоном установили непрерывное наблюдение. Каждый его шаг в пределах Эшвилля контролировался, а походы в лес прослеживались все дальше. Пользуясь полнотой власти, шериф сумел то, чего не удавалось другим. Он нашел законный способ попасть в дом Бада и хорошенько его обыскать. Поводом стал якобы совершенный взлом. Разумеется, совершенный в отсутствие хозяина. Бдительная полиция осмотрела место преступления и собрала улики, а вскрытое жилище сторожила до возвращения Джонсона.

Изначально шериф надеялся найти какие-нибудь карты, пометки или записи о маршрутах старого отшельника. Не мог же тот, в конце концов, все держать в голове! К сожалению, ничего подобного не обнаружилось. То ли Бад и впрямь не доверял свои знания бумаге, то ли прятал куда лучше, чем искали. Обыск, однако, принес кое-что другое. Памятуя о самородках, шериф приме-

нил металлоискатель, способный улавливать диамагнетики. Раз уж Джонсон таскал из леса золото, где-то же он его хранил! Прибор долго ничего не фиксировал, но в подвале будто вышел из строя. Шериф попросту не поверил его показаниям и попытался привести технику в чувство. Та же упорно настаивала на своем. Мол, под полом сплошные залежи драгоценного металла. Внимательно изучив настил, Миллиган заметил, что доски не прибиты наглухо, а снимаются. Заглянув под них, он потерял дар речи. Его глазам представились три пластиковых ведра, до середины закопанных в землю. Каждое из них было доверху наполнено самородками.

Находка потрясла весь альянс, который аж залихорадило от жадности. Не прояви шериф железную волю, его члены растащили бы золото, да еще передрались при дележе. Самородки остались лежать нетронутыми, чтобы Джонсон не узнал о вскрытии своего тайника, однако с того момента стало ясно, о каком огромном куше идет речь. Если ОДИН человек сумел столько натаскать, сколько же добудет бригада посвященных, и сколько впоследствии принесет узаконенный прииск! Альянс единодушно решил, что успеха следует добиться ЛЮБЫМИ СРЕДСТВАМИ. И с ними явно следовало поторапливаться. Бад не оставил без внимания визит полиции и заподозрил неладное. Он стал еще более скрытным, а его попытки с кем-то связаться участились. Недолго думая, шериф принял радикальные меры.

Задачу существенно облегчало отшельничество Джонсона. У него в доме даже проводной телефон отсутствовал. Диверсия на вышке сотовой связи решила проблему его звонков по мобильнику. Да, без мобильной сети остался и весь Эшвилль, зато Бад лишился контакта с внешним миром. Теду Уоллесу было приказано изымать всю корреспонденцию старика. Водителей лесовозов надлежаще проинструктировал Трент Коул. Телефон в баре прослушивал Ленни. Джонсон, конечно, мог попроситься в частный дом, и сделать звонок оттуда, но за ним неотступно следили. Один сигнал на городскую АТС — и номер немедленно блокировался. Сами-то члены альянса не утратили друг с другом контакт, используя не только рации, но и спутниковые телефоны.

Опасения шерифа подтверждались. Джонсон явно почуял, как вокруг него сжимается невидимое кольцо. В лес он уже не ходил, опасаясь раскрыть свою тайну. Оставшись без связи, он сперва сидел дома, а потом попытался уехать из Эшвилля. Шериф это предвидел. Машину Бада заранее вывели из строя. Барни, владельцу бензоколонки, велели затянуть ремонт. Лесовозы пассажиров не брали. Джонсон сумел найти попутку, но у моста ее остановил помощник Кокс. Он дежурил там посменно с помощником

Адамсом, и, как выяснилось, не зря. При желании, полицейский всегда найдет какое-нибудь нарушение, а если такового не окажется, то он его придумает. Автомобиль, подвозивший Бада, помощник Кокс завернул обратно в Эшвилль. Шериф уладил недоразумение с недовольным водителем, и дело было сделано. Вторая попытка Джонсона также не увенчалась успехом, пресеченная схожим образом. После этого он их прекратил, и дом практически не покидал. Пару раз только и вышел, что на почту. Уоллес продал ему пару открыток, но ни одну из них не отправил. Тексты и адресаты выглядели безобидно, однако альянс предпочитал не рисковать.

Время работало против заговорщиков. Во-первых, вышку сотовой связи скоро починят. Во-вторых, бесконечно долго они Джонсона не удержат. Тот либо сбежит, либо сумеет кому-то что-то сообщить. Кроме того, какой смысл его удерживать? От старика требовалась информация, а он перестал уходить в лес и затворился дома. За ним велось усиленное наблюдение, но оно не приносило никаких плодов. Бад не показывался, и лишь из гостиной порой доносились тихие звуки, похожие на возню крупной птицы. Вероятно, это для нее был сооружен насест, замеченный во время обыска. Плотно завешенные шторы не позволяли ничего увидеть даже затемно, когда внутри горел свет. Впрочем, Салливан все же отыскал щелочку и сумел рассмотреть громадного Виргинского филина.

Понимая, что положение критическое, шериф решил похитить Джонсона и запереть в надежном месте. В качестве узилища он выбрал одну из лесных хижин, где пленника никто не найдет. Там, оказавшись во власти альянса, он рано или поздно заговорит. Ну а на случай упрямства всегда найдутся средства, чтобы развязать ему язык. Изолированный от внешнего мира, Бад уже не сможет предать тайну прииска огласке. В распоряжении заговорщиков появится уйма времени, которым они спокойно распорядятся в свою пользу. Вызвав самых надежных людей, шериф дождался ночи и подошел к дому Джонсона.

Карты спутал пресловутый филин. Когда заговорщики приближались к крыльцу, тот внезапно вылетел из слухового окна. Расправив огромные крылья, он коротко ухнул и ринулся на незваных гостей. Когти у пернатого хищника были о-го-го, да и клюв соответствующий! Выстрел-другой — и от него бы лишь перья полетели, только вот шум поднимать не хотелось. Шериф запретил стрелять, чтобы похищение прошло гладко. Его приказ исполняли в точности, отчего филин устроил настоящий хаос. Визжа и урча, он наседал так, будто взбесился. Шарахаясь и приседая, люди от-

бивались от его атак, совершаемых с клокочущей яростью. Ошеломление, вызванное поведением птицы, частично лишило их дееспособности. Они не сразу сообразили, как можно достать филина, а ситуация уже вышла из-под контроля. На странные звуки прибежал дозорный, наблюдавший за обратной стороной дома. Шериф прошипел ему пару ласковых, велев немедленно возвращаться на пост. Если Джонсон сбежит — ищи потом ветра в поле! Но было поздно. Пока самоотверженный питомец отвлекал внимание, старый отшельник выбрался из окна и скрылся в ночи.

Шериф зашелся от ярости, обнаружив исчезновение Бада. Теперь он расстрелял бы филина в клочья, но тот давно улетел, на прощание как-то издевательски ухнув. Вместо него Миллиган чуть не убил Майера, который так некстати прервал дозор. Помощники еле удержали шефа, прямо-таки повиснув на его руках. Остыв, шериф собрал весь альянс и ринулся в погоню.

К утру собаки потеряли след. Джонсон растворился в чаще, и где его теперь искать — поди догадайся. Было очевидно, что в ближайшее время он домой не вернется, если вообще вернется. Свернув преследование, шериф повел группу обратно в Эшвилль. Он не сдался — он должен был подготовиться к продолжительной операции.

К мосту отправили дежурного, чтобы Бад не ушел за реку. Ее топкие берега исключали пересечение вплавь, поэтому беглец был все еще в окрестностях городка. Водную преграду можно миновать иначе, но для этого потребуется сделать многодневный крюк. Шериф рассчитывал, что старик так не поступит. Во всяком случае, сразу. Джонсон ушел налегке. Значит, если он не отправится прямиком к мосту, то наверняка пойдет в свое лесное убежище. Там он спокойно отсидится и решит, как быть дальше. Задача альянса — вычислить Бада до того, как тот окажется в недосягаемости. Передав все дела помощнику Уилсону, шериф снарядил заговорщиков и отправился с ними в чащу.

Шансы преуспеть были, мягко говоря, невелики. До сих пор все лесные прятки выигрывал старый отшельник. Правда, в этот раз он ушел в более уязвимом положении, и это давало определенное преимущество. Его усиливала подготовка преследователей. Хорошенько экипировавшись, они задействовали возможный максимум. Тем не менее, иллюзий никто не строил. Напасть на след беглеца было сродни слепой удаче, и все это прекрасно понимали.

Джонсона подвел случай. Разделившись по секторам, члены альянса вели поиски много дней, забираясь все дальше в дебри. Они уже оставили всякую надежду, когда наткнулись на партию геологов. Те уточняли какие-то данные, собирая пробы и коррек-

тируя карты. Им в помощь работала аэрофотосъемка и показания со спутника. Значок шерифа пришелся как нельзя кстати. Геологи рассказали, что видели какого-то человека, пробиравшегося на северо-восток. Изучив карту, Финч, Тимоти и Майер наметили предполагаемый маршрут Бада. Настолько удалившись от Эшвилля, он вряд ли продолжал петлять по лесу и почти наверняка шел прямо к своей цели. Так оно и оказалось.

Хижина была укрыта на славу. Пройди кто рядом — он вряд ли бы ее заметил. Сверху, однако, все обстояло несколько иначе, чего Джонсон знать просто не мог. Квадрокоптеры, сновавшие на высоте, искали признаки жилья и внезапно обнаружили колодец с треугольной крышей. Расположенный за избушкой, он был невидим наблюдателю с земли, но не с неба. Оплошность старика объяснялась просто. Он искал уединения, а не бежал от правосудия. Он не хотел попадаться на глаза, но до сего дня не прятался как загнанный зверь. Натяни Бад маскировочную сетку — и преследователи никогда бы его не нашли. Увы, нынешнего развития событий не предполагал никто.

Тихо ступая по лесу, альянс сжимал кольцо. Дрессированные собаки молчали. Тепловизоры показали — в районе колодца и впрямь кто-то есть. Завидев хижину, заговорщики поняли, что они у цели. Тут бы они снова наломали дров, если бы не шериф. Вломиться к Джонсону было чревато. Тот запросто мог открыть стрельбу и уложить несколько человек. Поди его потом выкури. Нет, тут требовался иной подход. Распределив людей, шериф принялся ждать, когда старик выйдет на улицу. А он наверняка выйдет, ибо хижина вряд ли предусматривала определенные удобства.

Спустя несколько часов скрипнула дверь. В ночи блеснул луч света. Показавшись во дворике, Джонсон направился за дом. Видимо, он хотел набрать воды, раз взял с собой ведро. Взял он, разумеется, и ружье, но воспользоваться им не успел. Навалившись, заговорщики скрутили старика и потащили в хижину.

Бад проявил феноменальную твердость. Угрозы и уговоры на него не действовали. Он откровенно презирал своих гонителей, не желая им уступать. Пленнику объяснили, что лучше договориться, пока не поздно. Когда время диалога пройдет, к нему применят допрос совсем другой степени. И после этого его уже в живых не оставят. Кто же отпускает калек? Джонсон не реагировал. Он упорно молчал, а если и открывал рот, то для язвительных замечаний в адрес тюремщиков. Он повторил ту же фразу, которая некогда взбесила Трента Коула. Раньше, мол, болота заберут его к себе, чем он откроет тайну алчным и низменным людишкам.

Все в хижине не помещались. Со стариком осталось двое де-

журных, а остальные разбили лагерь снаружи. Там они принялись обсуждать, как выбить из упрямого отшельника нужные сведения. Обыск-то ничего не дал. Точнее, он принес еще три ведра самородков, но не информацию об их происхождении. Хижину перевернули вверх дном, однако никаких записей о золоте не нашли. Возможно, они и были, но Бад, предчувствуя недоброе, спалил их в очаге. Варианты высказывались разные, и члены альянса едва не переругались. Спокойствие хранил один лишь шериф. Он не собирался пытать Джонсона, просто уверенный, что до этого не дойдет. В хижине стоял насест с именем Дуглас. Старик наверняка предпочтет все рассказать, нежели увидеть смерть питомца. Оставалось дождаться, пока филин наохотится и вернется к хозяину. Тот ведь неспроста соорудил в крыше окошко, снабдив его шторкой и посадочной площадкой. Главное, чтобы птица не испугалась людей, но оттого шериф и велел натянуть палатки подальше от избушки.

Хуже дурака только дурак с инициативой. На вторую ночь Миллиган вышел освежиться и услышал какие-то подозрительные звуки. Зайдя в хижину, он аж в лице изменился. Харви Смит старательно избивал Джонсона, привязанного к стулу. Вероятно, он вообразил себя героем. Пока остальные судят да рядят, почем зря болтая языками, он подаст всем прииск на блюдечке. Возможно, сказалась и личная неприязнь. Бад столько раз оставлял Харви с носом — со всеми его коптерами, — что тот затаил злобу. Как бы там ни было, бригадир распустил руки.

Казалось, кровь алела всюду. Особенно много ее натекло возле стула, где забрызганный пол пошел крупными пятнами. Скулы старика пылали, переносица распухла. На губах пузырилась розовая пена. Под глазом наливался синяк, а из рассеченной брови сочилась красная струйка. С нее и летели кровавые капли, когда голова моталась от удара. С нее и разбитого носа. Джонсон не кричал. Не издавая ни звука, он лишь плевал в своего мучителя.

Шериф пришел в ярость. Он не привык, чтобы его приказы нарушались столь вопиющим образом. Побагровев, он схватил Смита, оттащил от жертвы и принялся учить уму-разуму. Рука у Миллигана была тяжелая, а нрав суровый. Даром что крепкий, бригадир только взвыл, закрываясь от железных кулаков. О сопротивлении он и не помышлял. Изрыгая ругательства, шериф дубасил его куда попало. Бутч Джефферсон, не мешавший истязанию Джонсона, в страхе забился в угол. Зажмурившись, он и про пленника-то забыл, ожидая своей порции тумаков. К сожалению, забыл о нем и шериф. Вероятно, пока Харви измывался над Бадом, веревки разболтались и ослабли. Стекавшая кровь их намо-

чила, сделав скользкими. Когда все опомнились, старика в хижине уже не было.

С одной стороны, избитый пленник не мог далеко уйти, особенно впотьмах. С другой, он гораздо лучше знал эти места, нежели преследователи. Путь ему озарял свет месяца, а облака, периодически его скрывавшие, больше мешали заговорщикам, нежели Джонсону.

Собак не спускали, держа на поводке. Во-первых, они могли потрепать беглеца, а то и вовсе загрызть. Во-вторых, двух псов, отправленных по горячим следам, нашли мертвыми. Припрятав нож в сапоге, Бад их попросту зарезал. Шериф даже поежился, сообразив, что старик мог зарезать и его.

Погоня продолжалась несколько часов. Светало, когда она достигла огромного болота. Чахлые деревца окаймляли окна с черной водой, подернутой зеленой ряской. Возле травянистых кочек пробивались низенькие кустики. Бледный мох, усеянный стебельками клюквы, насквозь пропитывала сырость. Длинные отлоги, тянувшиеся от лесной чащи, сменялись чередой небольших островков. Те, в свою очередь, перемежались обширными ровными пространствами, где таилась глубокая топь. Кругом стоял запах тины и гниющих растений.

Явно зная дорогу, Бад направился прямиком в болото. Погоне ничего не оставалось, как последовать за ним. Под ногами чавкало и хлюпало, а твердая почва все чаще сменялась пугающей зыбью. Заговорщиков подгонял звучный голос шерифа. Он уже видел впереди фигуру Джонсона. Выбиваясь из сил, тот спешил со всех ног, но было ясно, что его настигают. Скорее всего, в топи старик полез не наобум. Только в них он имел шанс оторваться от своих врагов. Увы, с каждой минутой этот шанс становился все более призрачным.

Погоня, распаленная преследованием, ворвалась в очередной островок. Бад миновал его совсем недавно, и уйти далеко просто не мог. С треском ломая деревца, заговорщики пересекли возвышенность и обозрели расстилавшееся болото. Впереди, ярдах в трехстах, они заметили Джонсона. Его аж шатало от усталости, но он упорно спешил по едва различимой тропке. Огладив усы, шериф уже торжествовал, когда внезапно грянул выстрел. Резко покачнувшись, старик чуть не упал. Устояв, он продолжил путь, но гораздо медленнее, припадая на правую ногу. Обернувшись, шериф увидел Тимоти. С дула его винтовки струился дымок. Расчет охотника был понятен. Ранение снизило скорость Бада, что позволяло быстрее его настигнуть. Вот только всякая необходимость в этом отсутствовала. Заговорщики и так почти нагнали беглеца.

Никуда бы он от них не делся, зато теперь вполне мог истечь кровью, если пуля задела сосуд или артерию. Шериф чуть не придушил Тимоти за его выходку, но разборки оставил на потом. Скатившись с островка, весь альянс бросился за хромавшим Джонсоном.

До старика оставалось футов двести, не больше, когда он внезапно свернул вправо. Заросли тростника скрыли его из поля зрения. Погоне это показалось нелепым. Прятаться в зарослях было очень наивно, ибо примятая растительность служила отличным ориентиром. По нему она и устремилась, но пробежала недолго. Расступившись, тростник сменился открытым пространством, похожим на выкошенный луг. Таковым, однако, оно и близко не было. Заговорщики сунулись за беглецом, но тут же в ужасе попятились. Мох, стелившийся ровным ковром, представлял собой сплошную зыбь. Увидев, что его настигают, Джонсон отчаялся и пошел в настоящую топь. В ней он теперь и пробирался, следуя ему одному известным вехам. А может, и вовсе брел наугад, предпочитая рискнуть, но не позволить себя схватить.

В гиблое место никто не полез. Шериф, впрочем, и не настаивал. Болото, сочившееся тиной, внушало страх даже ему. Стоя на краю тростника, он принялся звать Джонсона, предлагая тому не валять дурака. Мол, он лично гарантирует ему жизнь и здоровье, если тот одумается и повернет назад. Шериф клялся, что застрелит любого, кто причинит старику вред. Он обещал позаботиться о нем наилучшим образом. Бад не слушал и даже не оборачивался. Он продолжал брести через топь, в которую погрузился уже по пояс. Заговорщики, притихнув, напряженно наблюдали за каждым его движением.

Казалось, Джонсону все же удалось оторваться от преследователей. Он почти миновал топкий участок, и до твердой почвы оставалось рукой подать. Но тут случилось худшее. Подвела раненая нога. Старик оступился и угодил в трясину. Несколько секунд он боролся за жизнь, пытаясь найти опору, но не сумел. Страшная глубина тянула его вниз, неумолимо засасывая в тину. Хватая воздух ртом, Джонсон всплеснул руками и сгинул в болотной жиже.

Обратно возвращались молча. Могло показаться, что всех мучила совесть за ужасную гибель Бада. Не тут-то было. Возможно, кто-то и впрямь испытывал нечто подобное, но большинство угнетало другое. Тайна золотого прииска ушла на дно вместе с тем единственным, кто ее знал.

Чтобы замести следы, заговорщики хотели сжечь хижину, однако шериф рассудил иначе. Даже в этой ситуации он смотрел в будущее. Эта хибара еще могла принести пользу. Вдруг Джонсон

все же спрятал в ней что-нибудь, укрывшееся от альянса? Лучше не торопиться и постепенно разобрать ее по бревнышку — авось чего и сыщется. Оставив все как есть, шериф собрал людей и повел их в Эшвилль.

Самородки разделили. В зависимости от ролей, кому-то досталось больше, кому-то меньше, но каждый получил солидную долю. В денежном эквиваленте выходила весьма солидная сумма. Шесть ведер золота — три из дома и столько же из хижины — приличный куш, пусть и не такой, как целый прииск. Про последний, кстати, ни в коем случае не следовало забывать. Где-то там, в лесах и болотах, по-прежнему скрывалось несметное богатство. Просто отыскать его стало намного сложнее. Возможно, в сотню раз сложнее, но шанс все-таки существовал. Это вам не на островах копать, рассчитывая случайно обнаружить пиратский клад. В отличие от него, золото точно было, и однажды, при надлежащем усердии, члены альянса его найдут.

* * *

Когда шериф закончил, за окном давно рассвело. Стелившийся туман развеяли лучи взошедшего солнца. Потухли капельки росы, горевшие огнями самоцветов. Утро вступило в свои права. Звонко щебетали птахи. Лесные кардиналы — пестрые дятлы в красных шапочках — завели бодрый перестук. Где-то возле колодца раскатисто квакала лягушка. Подернувшись седой золой, поленья в очаге последний раз дыхнули красным и угасли.

— А дальше? — тихо осведомился Клайд.

— А дальше приехали вы, — усмехнулся Миллиган.

Поскольку было неизвестно, успел Бад с кем-то связаться или нет, стоило подстраховаться. В Эшвилле каждый приезжий оказывался на виду, и каждый обычно посещал одни и те же места. В их число входила заправка. Барни велели доложить, если кто-то станет спрашивать мистера Джонсона. Исходя из ситуации, ему следовало направить гостя в бар, на почту или в офис шерифа. Сам Барни не входил в альянс, и про золото ничего не знал, однако шефа полиции слушался безоговорочно. Сказывались темные делишки прошлого. Слушался его и Ленни, но уже в своих интересах. Бармен был посвящен во все, как очень полезная и важная фигура. Впрочем, его посвящение стало необходимостью, когда выяснилось, что три пьяных дурака — Финч, Тимоти и Майер — обо всем ему проболтались. Ленни не участвовал в охоте на Джонсона, зато работал глазами и ушами. Будучи в курсе всех слухов в Эшвилле, он держал в курсе них и шерифа. Это Ленни узнал, что

Бад ищет попутку. Ленни же сообщил, что старик нащупывает контакты во внешнем мире. Помог он и с журналистом, когда тот приехал по приглашению Джонсона.

Сначала шериф избрал тактику радушного выпроваживания. Клайд Андерсон был слишком заметным человеком, способным доставить массу неприятностей. Требовалось сделать так, чтобы он уехал всем довольный, ничего не заподозрив. Прекрасно зная, что Бад никогда не вернется, шериф пудрил гостю мозги и передавал его с рук на руки. Мистер Андерсон никогда не оставался один. Кто-то всегда составлял ему компанию, под самыми разными предлогами. Его даже поселили под крышей Смитов, где он постоянно находился "под колпаком". Само собой, шериф не мог пустить журналиста в дом Джонсона — мало ли что? Оттого там и дежурили то помощник Кокс, а то помощник Адамс, якобы ожидая появления хозяина. Бар, охота, поездка на лесопилку, визиты вежливости и попойка в поместье Коула — альянс непрерывно обхаживал опасного гостя. Расчет был прост. Рано или поздно — а скорее, рано, — тому надоест ждать возвращения Бада, и он уедет. Альянс потихоньку уничтожит все улики и перестанет бояться разоблачения. Впоследствии мистера Джонсона объявили бы пропавшим без вести.

Была и еще одна причина, по которой с мистера Андерсона не спускали глаз. Требовалось выяснить, что ему известно. Похоже, Бад все же сообщил ему что-то о золоте — Ленни отметил упоминание о "мифических сокровищах". Уверенности, однако, не было, поэтому альянс удвоил бдительность, но ничего не предпринял. Все испортила буря, смывшая проклятый мост. Вместо того чтобы уехать, журналист застрял в Эшвилле. Ну а потом он что-то заподозрил, и это от шерифа не укрылось. Впрочем, поди тут не заподозри, со всеми этими исчезновениями…

Поразмыслив, Миллиган сменил тактику. Он прекратил водить журналиста за руку и отозвал жену. Лора ведь и впрямь была приставлена как надзиратель, и именно она стащила конверт. Пустой, к сожалению, без письма, которого ей отыскать не удалось. Шериф решил спровоцировать журналиста на действия. Спровоцировать и понаблюдать.

Расчет оправдался. Почуяв свободу, мистер Андерсон забрался в дом Джонсона и что-то там нашел. Правда, это мог быть и не он, ибо существовала и другая версия, но та ночь принесла свои плоды. Шериф еще не знал, куда подевался журналист, но его отсутствие заметил. Обыскав комнату, он обнаружил письмо из старого конверта. Отправившись "на дело", Клайд переоделся, и оно осталось в снятой куртке. Его текст шерифу очень не понравился.

В нем открыто упоминалось золото и давались намеки на альянс. Это автоматически превращало журналиста в нежелательного свидетеля. Кто-нибудь вроде Финча наверняка бы сразу от него избавился. Шериф рассудил иначе. Письмо было лишь ничем не подтвержденными словами. Пока мистер Андерсон не обретет доказательства, он не представляет прямой угрозы.

Утренний допрос о взломе ничего не прояснил. Шериф не был уверен в причастности журналиста, и стал ждать развития событий. Они и воспоследовали. Тот накупил амуниции, наивно полагая, что этого никто не заметит, как не заметит и подозрительный звонок из дома Смитов. Затем он захотел на рыбалку с Майком, куда обоих беспрепятственно отпустили. Мистер Андерсон уже использовал его в своих целях, и наверняка хотел использовать снова. Так и получилось. Усыпив Майка и сбежав, он выдал свои намерения. Он собирался провести много дней в лесу, а это имело для него смысл только в одном случае. Мистер Андерсон шел в хижину Джонсона. Там шериф и его и обнаружил. Он проторчал у окна всю ночь, наблюдая за поведением журналиста. Когда тот нашел тайник, Миллиган возликовал и объявился на пороге. Дальнейшее известно им обоим.

Вот и еще пара вопросов прояснилась. Рассказ закрыл несколько белых пятен, в целом соответствуя уже сложившимся у Клайда предположениям.

— Кто бы мог подумать?.. Бад сидел на этом самом стуле, пока мы переворачивали его халупу вверх дном, — пробормотал шериф.

Промашка с полой ножкой вызывала у него досаду.

— Хотите знать, когда я убедился в вашей причастности? — неторопливо изрек Клайд. — Вскрытая мной рамка для фотографий. Вы откуда-то знали, что до моего визита она была целой. Значит, это вы побывали в доме Джонсона, что выдавала пыль и отсутствие некоторых предметов.

— Черт! А ведь верно! Вы наблюдательны! — качнул головой Миллиган. — Я убрал фотографии с филином и насест. Эта птица стала привлекать слишком много внимания. Однако откровенность за откровенность. Вы же разыграли отравление, не так ли?

Журналист не стал отпираться. Какой смысл?

— Вы провели даже мою жену, а это непросто, — слабо улыбнулся шериф. — В остальном она блестяще справилась с моим поручением.

— Я так и думал, что Лора крутилась в доме непроста, — вздохнул Клайд. — Да и вообще… Но какого дьявола вы стреляли в филина?

— Нервы, — хмуро пояснил Миллиган. — Мы везде находили перья и болотную грязь. Жена сообщила про холм, где объявлялась чер-

това птица. Там я ее и выследил. Она ведь оказалась той самой, что принадлежала Джонсону. Посыл был слишком очевиден. Я же сперва поверил в ту версию, которую мне подсунул Трент. Это позднее у меня появилась собственная.
— А что за версии? — полюбопытствовал журналист. — Кстати, вы еще ничего не рассказали о пропаже людей.
— Ха! Так они взаимосвязаны! — воскликнул шериф. — Вы еще не поняли? Сейчас объясню.

Непостижимые исчезновения, обставленные в очень примечательный антураж, здорово действовали на психику. На том и строился расчет с привлечением пресловутого филина и следами тины. Мол, Джонсон на самом деле выжил. Дышал он там через трубочку или что еще, но ему удалось инсценировать свою смерть. Теперь же он приходит в Эшвилль и мстит, прекрасно зная всех членов альянса. Тела он утаскивает в лес, чтобы посеять страх, и это ему вполне удается. Был человек — и бесследно сгинул. Кого не удается утащить — убивает на месте. Харви, погибший на лесопилке, и застреленный Тимоти — тому пример. Эту версию активно продвигал Трент Коул, трепетавший за свою жизнь. Он даже собрался улететь, но не успел, ибо исчез и сам.
— А другая версия? — жадно спросил Клайд.
— Другая — моя, — сплюнул Миллиган.

Люди, якобы пропавшие без вести, на самом деле скрылись сами, устроив целый спектакль. Уж как им удалось приручить филина — кто знает, но обставили они все мастерски. Правда, не учли, что именно отсутствие следов и выдает их с головой. Когда шериф пораскинул мозгами, для него все стало очевидно. Один человек просто не мог провернуть такое самостоятельно. Джонсон утонул в болоте, и в этом не было никаких сомнений. Под него работали другие, и работали с вполне конкретной целью.
— С какой? — не выдержал интриги Клайд.
— Эти ублюдки нашли золото и хотят вывести меня и моих парней из игры! — зло заявил шериф.
— Зачем? — удивился журналист. — Как я понял, там на всех хватит.
— О, здесь все просто, — криво улыбнулся Миллиган. — Это называется жадность, мистер Андерсон. Самая обычная жадность. Ради всеобщего блага я решил поделиться с вами. Они же — наоборот, надумали прикарманить все себе.
— А Харви? А Тимоти? — недоумевал Клайд.
— Они их убили, — процедил шериф. — То-то пуля принадлежит Майеру. Вероятно, они убили и кого-то из якобы пропавших, раз Трент не пощадил даже своего верного Смита. Остается лишь до-

гадываться, кого. Кстати, вот почему я подозревал не только вас. В дом Джонсона мог вломиться кто-то из предателей. Зачем? Не дать мне что-то отыскать.
— Думаете, за этим стоит мистер Коул? — пожевал губами журналист.
— Человек выпускает три обоймы из автомата и разносит всю гостиную! При этом он ни в кого не попадает, зато сам словно испаряется! Очень правдоподобно, не правда ли?! — сверкнул глазами Миллиган.
— М-да. Мне это тоже показалось странным, — кивнул Клайд.
— Этот ублюдок Трент с самого начала не хотел брать меня в долю! Вы бы видели его кислую рожу, когда я привел Кокса и Адамса, а с ними Уоллеса и Салливана! — прорычал шериф. — Теперь он все-таки нашел золото, а я перестал быть ему нужен. Вот вам и результат!
— А в своих помощниках вы уверены? — осторожно осведомился журналист.
— Вполне, — отозвался Миллиган. — Будь кто-то из них заодно с Трентом, он бы уже застрелил остальных. Здешние дебри — место лучше не придумаешь. Я же пришел сюда не один, мистер Андерсон. Со мной Юджин и Лайонел. Они ждут неподалеку и примут любое мое решение.
— Какое решение? — не понял Клайд.
— Убить вас или оставить в живых — вот какое, — прищурился шериф. — Ну а это теперь зависит от вас.
Журналист, увлеченный раскрытием тайн, вернулся к реальности. Изменившись в лице, он покосился на винтовку собеседника. Его взгляд не остался незамеченным.
— Мистер Андерсон… Клайд! Клянусь вам, я не хотел смерти Бада! — истово заявил Миллиган. — Я даже не собирался его пытать! Приставь я дуло к башке филина — и старик рассказал бы все! Он очень любил своих питомцев, а в ручном виргинце наверняка и души не чаял. Все вышло случайно! Эти дурни вечно все портили! Без меня они давно бы завалили дело, а то и перебили друг друга. Сборище дремучих идиотов… Это мне их надо было перестрелять, не дожидаясь, пока они примутся за нас!

Нахмурившись, журналист размышлял над создавшейся ситуацией. Похоже, шериф и впрямь говорил искренне. Во всяком случае, касательно своего предложения. Оно не гарантировало, что от Клайда не избавятся ПОТОМ, однако потом — это не СЕЙЧАС. Может, и впрямь согласиться, хотя бы для виду, а потом дать деру? Его же обещали отпустить восвояси.
— Бада все равно уже не вернешь, — тихо сказал шериф. — Мне

его искренне жаль. Видит небо, я не хотел для него такой судьбы, но что сделано — то сделано. Так стоит ли ради мести за одного губить жизни многих других? Стоит ли ставить крест на их богатстве и карьере? На их, и на своих собственных. Подумайте, Клайд, сколько всего вы сможете добиться, когда обретете несметное состояние! Ваше нынешнее положение покажется вам ничтожным.
Журналист потер переносицу. Затем поднялся и принялся бродить по хижине. Миллиган ему не препятствовал. Ожидая ответа, он лишь молча наблюдал за этими перемещениями. Так продолжалось с четверть часа.
— Давайте для начала вернемся в Эшвилль, — остановившись, внезапно произнес Клайд. — Там и посмотрим. Вы же понимаете, что сейчас я могу дать вам любую клятву. Но сдержу ли ее?
— Вернемся на моих условиях, — вставая с колоды, отозвался шериф. — Пока мы в лесу, вы никуда не отлучаетесь дальше полсотни ярдов, иначе получите пулю. Тут уже разговоров не будет. По прибытию в Эшвилль я доставлю вас в дом Смитов. Там вы останетесь под охраной одного из моих помощников. Там же я вручу вам обещанное ведро самородков, а затем дам трое суток на размышление. По их истечении я потребую окончательный ответ. Надеюсь, вы примете верное решение.
— Годится, — помедлив, кивнул журналист.
Миллиган протянул ему ладонь и он, поколебавшись, скрепил временный уговор рукопожатием.

Насчет помощников Клайду не солгали. Неподалеку от хижины дежурили Лайонел Кокс и Юджин Адамс. С первым он уже встречался. Вторым был рослый ирландец с темно-рыжей шевелюрой и широкими челюстями. Над его веснушчатым носом блестели внимательные серые глаза.
— Мистер Андерсон идет с нами, — сообщил им шериф, и те не выказали ни малейшего недовольства.

В городок возвращались вчетвером. Никто не наставлял на журналиста оружие и не одаривал его враждебным взглядом. Настороженным — да, но не враждебным. Помощники безоговорочно доверяли своему шефу. Если тот решил оставить свидетеля в живых — так тому и быть. Ему виднее.
— А вы отчаянный человек, Клайд, — заметил Адамс у вечернего костра. — В одиночку полезть в такие дебри! А если бы у вас сдох навигатор?
Обдумав эти слова, журналист невольно поежился. Как-то ему такая проблема в голову не приходила. А и в самом деле, села бы батарея — и привет! На одном компасе он бы далеко не ушел.
— Конечно отчаянный, — согласился Кокс. — Удивительно, что он

вообще добрался до хижины. С непривычки такой путь проделать, да еще груженому! И как только его никто не сожрал!
Клайд живо припомнил стаю волков, а с ней и уханье филина. Вероятно, это был какой-то другой филин, иначе где-то поблизости ошивались подручные Трента Коула. Впрочем, он мог от них и улететь, вернувшись в родные пенаты. Поразмыслив, Клайд высказал свои сомнения вслух. Полицейские встревожились, но ненадолго. Посовещавшись, они обрели утраченное спокойствие.
— Филин однозначно другой, — заключил шериф. — Иначе бы нас уже перестреляли. Нет здесь никого. Мы же сюда не на прогулку пришли, в оба смотрим. А волков напугали медведи. Если они семейством, с ними лучше не шутить. Кстати, парни правы — вы, мистер Андерсон, точно не робкого десятка! Столько ночей в здешнем лесу провести! Ничего, обратно дойдем быстрее.

Миллиган оказался прав. Чтобы добраться до хижины, Клайду потребовалось четыре ночевки. Возвращение в Эшвилль заняло всего две. Он шагал налегке, разгруженный спутниками, отчего и держал заданный ими темп. Они отправились во вторник днем, а к полудню четверга уже подходили к городку. Тот был совсем недалеко, когда внезапно раздались какие-то звуки. Нет, не раздались — прямо-таки хлынули, мелодичные и множественные. Полицейские резко остановились, ошеломленно переглядываясь. Затем рассмеялись. Звуки исходили из их собственных карманов, и то были звуки горой посыпавшихся СМС.
— Видать, треклятую вышку наконец-то починили, — констатировал шериф, проверяя свой сотовый.
— Ага! — подтвердил помощник Кокс. — Есть сигнал!
— И года не прошло! — съязвил Адамс. — Мы ее *когда* из строя вывели, а заработала только сейчас!
Ушей журналиста он не опасался, ибо помощники были в курсе его осведомленности.
— А можно мне мой телефон? — попросил Клайд.
— Позже, — мотнул головой Миллиган. — Вот пройдут те трое суток, тогда и получите.
На деле, однако, все вышло иначе.

Расстались у дома Смитов. С журналистом остался помощник Кокс, а помощник Адамс и шериф уехали. Последний обещал скоро вернуться, однако отсутствовал что-то уж очень долго. Клайд нервничал, подозревая подвох. Несколько часов он маялся, отлеживая бока на кровати. Ожидание скрашивал блокнот, куда заносились многочисленные записи. Объяснение с шерифом расставило все точки над i, и он сводил всю важную информацию воедино. Исчиркав очередную страницу, Клайд взглянул на часы и вконец

обеспокоился. Покинув комнату, он позвал Кокса, дежурившего неподалеку.
— Что-то Билл не торопится, — озабоченно произнес он, пытливо глядя на полицейского.
— Занят. Скоро вернется. Просто дождитесь, — лаконично отозвался тот.
Его вид, однако, уже не был таким спокойным, как сразу по приезду в Эшвилль. Вероятно, сказывались новости, поступившие по рации. Ее потрескивание журналист то и дело слышал в своем узилище.
— Все в порядке? — осведомился он. — Ничего не случилось?
— Я не уполномочен вступать с вами в беседу. Пожалуйста, вернитесь в свою комнату, — послышался сдержанный ответ.
Помощник Кокс не выказывал враждебности или раздражения, но в диалог вступать отказался. Клайд удалился, укрепившись в мысли, что в городке произошел очередной форс-мажор. Это еще больше подействовало ему на нервы. К девяти вечера, когда на крыльце зазвучали шаги шерифа, он уже воображал всемирный заговор.

Войдя в комнату, Миллиган бросил на кровать кольцеобразный предмет.
— Ну-ка, примерьте эту штуковину, — сказал он.
— Почему вы так долго? Где вы были? Что случилось? — рассыпался в вопросах Клайд.
— Мистер Андерсон, давайте с вопросами потом. Сначала сделайте как вам говорят, — настойчиво предложил шериф.
— А что это? — спросил журналист.
Впрочем, ему и так стало понятно. На постели лежал GPS-трекер. Такие штуковины одевались при домашнем аресте. С ним на ноге далеко не убежишь, а снимешь — тут же сработает сигнал тревоги.
— Давайте-давайте, — подбодрил Миллиган.
Вздохнув, Клайд нацепил трекер на левую лодыжку, проворчав, что они об этом не договаривались. Шериф проверил замок, устойчивость сигнала, и одобрительно кивнул.
— Эта небольшая гарантия для нас обоих. И к вам не будут заглядывать каждые полчаса, и нам спокойнее, — удовлетворенно заключил он.
— Помнится, мне обещали совсем другие гарантии, — заметил журналист.
Он сказал это не из жадности, а с иронией, но Миллиган воспринял его всерьез. Исчезнув за дверью, он вскоре вернулся с помощником Адамсом. Последний сменил Кокса на дежурстве, а теперь

помогал тащить что-то очень тяжелое. Пыхтя, двое крепких мужчин внесли в комнату небольшой железный ящик. Поставив его на пол, Адамс удалился, а шериф предложил Клайду заглянуть внутрь.

В ящике было золото. Много золота. Фактически, это и было обещанное ведро самородков, просто пересыпанных в более прочное хранилище. Клайд не страдал избытком алчности, но и его впечатлило открывшееся зрелище. Притягивая взгляд, самородки тускло отливали желтым. Присев возле ящика, он провел по ним пальцами, а затем выборочно рассмотрел несколько штук. Учитывая примерный вес и объем, навскидку тут было на три с половиной миллиона долларов.

— Теперь это ваше. Я свое слово держу, — твердо изрек шериф. — Надеюсь, вы свое тоже сдержите.

— Я пока ничего особо не обещал, — тихо напомнил Клайд.

— Вы обещали просидеть здесь трое суток и все обдумать, — в свою очередь напомнил Миллиган.

Что правда, то правда. За означенный срок журналисту предстояло придумать, как выпутаться из этой передряги.

— Почему вас так долго не было? — спросил он, переводя неприятную тему.

Вздохнув, шериф грузно опустился на стул. Сняв шляпу, он стал неторопливо вертеть ее за поля.

— Ленни скончался, — раздался его угрюмый голос. — Вчера утром его нашли мертвым.

— Ого! — навострил уши Клайд. — Причина смерти? При каких обстоятельствах?

Бармен уже не вызывал прежней симпатии, раз был причастен к темной истории с Бадом. Его кончина представляла чисто технический интерес, в свете нынешних-то событий.

— Сердечный приступ, — неторопливо изрек Миллиган. — Его нашли у порога собственного дома. Он открыл дверь, чтобы выйти наружу, и у него внезапно отказало сердце.

— Или же он КОМУ-ТО открыл дверь, а увиденное спровоцировало инфаркт, — тут же предположил журналист.

— Вот и я не склонен усматривать здесь случайность, — кивнул шериф. — Более того, я пока не считаю смерть Ленни естественной. Надо провести экспертизу.

— Хотите удостовериться, нет ли в его крови какой-нибудь химии? — быстро спросил Клайд. — Да, такое возможно. И довольно хитроумно. Сначала жертве подсыпается препарат, нарушающий работу сердца, а затем ее пугают до чертиков. При значительной дозе будет достаточно и легкого потрясения.

— Прежде я бы сказал, что у вас фантазия разыгралась, — мрачно усмехнулся шериф. — Нынче же ваша версия не кажется бредовой. Не знаю насчет филина, но поодаль от дома есть следы болотной тины. Они тянутся в направлении входной двери. Все выглядит так, будто кто-то направлялся к Ленни, но не дошел.
— Кто-то, кто оставлял эту тину и прежде! — выпалил Клайд.
— Именно! — скулы Миллигана заиграли. — Трент, жадный ублюдок, избавился еще от одного! Впрочем, алчность может быть и не причем. Как вариант, Ленни что-то узнал и хотел рассказать мне. Вот его и устранили. Не исключено и то, что он с самого начала был человеком Коула, но решил переметнуться.
— То есть, мистер Коул убирает всех причастных к тайне прииска? — уточнил, поразмыслив, журналист.
— Можно и так сказать, — согласился шериф. — Если он выяснил, где золото, то в альянсе у него отпала всякая нужда. Последними Трент ликвидирует своих подручных. Затем выкупит землю и наймет самых обычных старателей. Тогда ему вообще ни с кем делиться не придется.
— Кому еще известно о прииске? — очень серьезно спросил Клайд.
— Давайте, Билл! Только честно!
— Да больше никому. Я вам всех назвал, — развел руками Миллиган.
— Никому? И вашей жене тоже? — выразительно подчеркнул журналист.
Шериф открыл было рот, закрыл, и вдруг здорово изменился в лице. Выхватив сотовый, он набрал номер и напряженно вслушался в гудки. Ему полегчало лишь тогда, когда ответил знакомый голос.
— Лора, ты где?! Дома? Слушай меня внимательно! — отрывисто заговорил Миллиган. — Запри все окна и двери. Поставь дом на сигнализацию. Ни с кем не разговаривай и никого не впускай, кроме меня и Лайонела с Юджином. Пойди и возьми мой пистолет. Да, прямо сейчас! Пойди и возьми! Включи свет, но сама сиди в тени. Сядь где-нибудь в углу, чтобы за спиной были глухие стены. Повернись так, чтобы обозревать все открытое пространство. Если в дом войдет кто-то, кроме меня, Кокса и Адамса — стреляй без предупреждения! Да, черт побери, я абсолютно серьезно! Я все объясню, когда приеду! Скоро буду! Жди!
Убрав смартфон, шериф ринулся из комнаты.
— Спасибо, Клайд! Это не приходило мне в голову! — воскликнул он на ходу. — Позднее мы продолжим беседу. Сейчас я должен обеспечить безопасность жены!
Не прошло и минуты, как его машина взревела мотором и уехала. С журналистом остался помощник Адамс, удивленный поспешно-

стью своего шефа.

К полуночи Миллиган вернулся, и вернулся не один. Впереди шла супруга, а он тащил за ней большой чемодан. С его точки зрения, дом Смитов был сейчас самым надежным убежищем. Карауля журналиста, помощники заодно станут охранять и Лору. Проводив ее в комнату, шериф принял меры предосторожности. Окно он задвинул шкафом. Кровать же перетащил так, чтобы торец уперся в его дверцы. В итоге образовалось вполне надежное препятствие. Кто бы через него ни полез, бесшумно проникнуть с улицы уже не получится. Лора наверняка проснется и позовет на помощь, которая уже и сама будет спешить.

Устроив жену, Миллиган заглянул к журналисту.

— Сегодня я тоже ночую здесь, — сообщил он. — У входа дежурит Адамс. Затем придет Кокс. Доброй ночи.

— Что вы сказали Майку? — остановил его Клайд. — Ну, насчет меня.

Подлая выходка со снотворным не давала ему покоя. Он не знал, как посмотрит Уилсону в глаза, и просил шерифа все ему объяснить.

— Не беспокойтесь, это улажено, — махнул рукой Миллиган. — Я сообщил, что вы выполняли мое поручение. Мол, оно касается пропавших людей, и это секрет. Никто не знает, где вы были и зачем. Более того, никому не известно, что вы вообще куда-то отлучались. Я же нарочно не поднимал шума. Там, в лесу, между нами все могло сложиться иначе… Майк немного дуется на меня, но на вас зла уже не держит.

— А почему вы не поддерживали с ним связь, раз он остался за главного? Даже про Ленни узнали только в Эшвилле. У вас же есть спутниковый телефон, — опять удержал его Клайд.

— Есть-то есть, да его можно отследить. А я не хотел, чтобы мой маршрут стал известен, — пояснил шериф. — Мерзавец Трент, когда якобы исчез, свою трубку оставил в поместье. Телефоны остальных пропавших выключены. Эти ублюдки глупы, но не настолько. Я не буду глупее их.

— Мне надо позвонить редактору. Это и в ваших интересах, — напомнил журналист. — Утром вы мне не дали, а потом вам стало не до того.

— Завтра, — пообещал Миллиган. — Завтра утром, в моем присутствии. А теперь — отбой. Можете спать спокойно — мимо Кокса и Адамса даже мышь не проскочит. Если заявятся ублюдки Трента, мои парни их в швейцарский сыр изрешетят.

Клайд не разделял его уверенности, однако выбора все равно не оставалось. Как ни крути, а дом Смитов сейчас и впрямь был са-

мым надежным местом.

Пока Лора готовила завтрак, шериф позволил сделать звонок. Набирая номер, журналист с трудом сохранял спокойствие. Если раскроется блеф с прикрытием — пиши пропало. А он запросто мог раскрыться, ляпни Хьюдж что-нибудь не то. Шериф, слушавший разговор, сразу все поймет. К счастью, обошлось. Узнав голос Андерсона, главный редактор разразился массой неприветливых слов. Суть претензии сводилась к продолжительному отсутствию сотрудника.

— Говард, я предупреждал, что меня какое-то время не будет! — твердо заявил Клайд. — Со мной все в порядке! Я тебе обещал интересную историю — и ты ее получишь. Пока ничего не предпринимай. Поговорим, когда я приеду.

— Да уж, мы поговорим! — раздраженно воскликнул Хьюдж.

"Ничего не предпринимай" он, разумеется, воспринял по-своему, и совсем не так, как Миллиган.

— Про список имен тоже никому ни слова! — велел журналист и повесил трубку.

— Каких имен? — не понял главный редактор, но его уже никто не услышал.

— Какую еще историю? — настороженно осведомился шериф.

— Такую, какая у нас с вами получится, — многозначительно изрек Клайд.

Что будет дальше, он пока и сам не знал, но Миллиган ответил ему понимающим взглядом.

Большой чемодан был не просто так. Не желая распылять силы, шериф привез жену в дом Смитов, но только на одну ночь. По его мнению, ей следовало как можно быстрее покинуть Эшвилль. Мост уже починили, и городок перестал быть отрезанным от внешнего мира. Оставаясь, Лора подвергала себя опасности, а заодно сковывала ресурсы мужа. Ее требовалось охранять, а это отвлекало Миллигана, Адамса и Кокса от других дел.

— Но почему бы вашей супруге не пожить здесь? Карауля меня, вы заодно присматривали бы и за ней, — недоумевал Клайд, когда закончились непродолжительные сборы. — По-моему, вы переоцениваете угрозу.

Ему не то чтобы хотелось общества миссис Миллиган, чья роль соглядатая еще была свежа в памяти. Просто он не усматривал в поспешном отъезде прямой необходимости.

— Вы забываете, что караулить вас мы будем совсем недолго, — напомнил шериф. — Когда мы уладим нашу маленькую проблему с вами, большая проблема с Трентом никуда не исчезнет. Кокс и Адамс мне понадобятся для ее решения.

— Я тоже думаю, что мой муж склонен все преувеличивать, — заметила Лора, наблюдая, как ее чемодан укладывают в багажник. — Однако с ним лучше не спорить, а положение и впрямь тревожное. К тому же я предпочитаю свободу на побережье домашнему заточению в Эшвилле.
— Никакого побережья! Ты едешь в Сан-Франциско! — сердито напомнил Миллиган.
— Сан-Франциско — тоже побережье, — усмехнулась его жена.
— Ты поняла, о чем я, — буркнул шериф. — Чтоб духу твоего на Аляске не было! А в Калифорнии этот подонок Коул до тебя не дотянется.
— Знаете, чего я до сих пор не понимаю? — спросил Клайд, заглянув в свои записи. Ему разрешили их вести, ибо блокнот легко конфисковать. — Как мистер Коул намеревается оправдать свое появление? Особенно если ему, допустим, удастся избавиться от вас, троих полицейских. Это не охотника в болоте утопить!
— О, полагаю, он что-нибудь да придумает, — ядовито процедил Миллиган. — Хотите пример? Извольте.
Водя карандашом, журналист старательно записал предложенную версию. Звучала она и впрямь правдоподобно. Кроваво, но правдоподобно.

Мистера Коула похитили. Похитили те люди, которым он так доверял! Это они обставили все погромом и перестрелкой. Негодяи хотели получить большой выкуп, но подготовка у них хромала. Пока они возились, ситуация вышла из-под контроля. Кое-кто заподозрил, куда делся владелец лесопилки, и потенциальных свидетелей пришлось устранить. Дальше — больше. Сообщники перессорились, не найдя согласия ни в дележе выкупа, ни в методах его получения. Убийства все осложнили, и нашлись такие, кто захотел вызволить Трента, рассчитывая на помилование. С ними поступили радикально. Для тех, кто уже пустил кровь, еще пара трупов ничего не меняла. Похитителей ненадолго сплотила только новая угроза разоблачения. Шериф и два его помощника едва не раскрыли дело. Они стали следующими жертвами, а преступники окончательно перешли красную черту. Их очередная свара закончилась стрельбой. Кто не был убит наповал, истекал кровью. Мистер Коул освободился и сбежал.

Заскрежетал стартер. Заведясь, легковушка Лоры тихо заурчала мотором. Миллиган направился к своему полицейскому автомобилю.
— Далеко собрался, дорогой? — осведомилась жена.
— Я же не отпущу тебя одну! — фыркнул он.
— Не валяй дурака, Билл, — сердито сказала Лора. — Ты же не

намерен катить за мной до самого порта?
— А если и так? — насупился шериф.
— Брось! Займись лучше делом! Даже если ты прав, ни с кем ничего не случалось засветло, а сейчас только одиннадцать часов утра, — резонно заметила его жена. — К ночи я уже буду далеко. К тому же с тобой на хвосте я привлекаю куда больше внимания, чем без тебя.
Супруги стали препираться. В конце концов, Лора согласилась, чтобы ее проводили до моста. Дальше она поедет одна, и ничего с ней не сделается.
— До моста тебя провожу я. А дальше с тобой поедет Юджин. И это не обсуждается! — твердо заявил Миллиган. — Или так, или я посажу тебя под замок в полицейском участке!
Поворчав, Лора согласилась. Она слишком хорошо знала мужа, чтобы понимать — с него станется. Помощник Адамс занял место на пассажирском сиденье.
— Поедешь с моей женой до побережья. Там убедишься, что она села на корабль. Обратно наймешь машину — управление за все заплатит, — проинструктировал его шериф.
— Будет сделано, шеф. Можете на меня положиться! — бодро заявил помощник.
— Если что — стреляй на поражение. В случае чего, я все беру на себя. Ты выполнял мой прямой приказ, — напутствовал Миллиган.
Просигналив, Лора тронулась с места и стала выруливать к дороге. Шериф поехал следом. Проводив их взглядом, Клайд вернулся в дом, оставшись под присмотром GPS-трекера и помощника Кокса.

Смеркалось. Покачиваясь на ухабах, легковушка Лоры катила по дороге, обрамленной лесными великанами. Их тяжелые ветви клонились к самому асфальту и в свете фар казались ручищами, словно протянутыми чтобы схватить путников. Салон освещался лишь огнями приборной панели. Тихо играла музыка. Помощник Адамс молчал, зевая в кулак. Молчала и Лора. Прежде оба вели неторопливый разговор, но за последний час обменивались только короткими репликами. Сказывалась усталость. К тому же они и так обсудили все злободневные вопросы, и теперь думали каждый о своем.
— Какого хрена? Где уже эта чертова заправка?! — нарушила безмолвие миссис Миллиган.
В ее утомленном голосе слышалось раздражение. В который раз зевнув, помощник Адамс пошевелился, переставляя затекавшие ноги.
— Скоро будет, куда она денется. Дорога-то одна, — флегматично отозвался он. — Если бы мы не застряли у моста, давно бы уже

приехали.
Он подразумевал досадную задержку.

Шериф, как и обещал, проводил жену только до переправы, но там пришлось проторчать целых три часа. Проезд был закрыт. Пропустив последний лесовоз, бригада инженеров внимательно проверяла всю конструкцию. Наблюдения выявили некоторые отклонения от нормы. Им требовалось убедиться, что ни одна из опор не начала "плыть". Шериф стал возмущаться и требовать, чтобы машину его жены пропустили. Инженеры осведомились, готов ли он рискнуть ее жизнью? Если опору поведет, накренит и полотно, а под машиной завалится и мост. Как минимум, пролет-другой, но для ее падения этого будет вполне достаточно. Шериф, поразмыслив, решил не настаивать. Переправу возводили рабочие Трента Коула. Как бы тут не оказалось какой подставы. Пришлось терпеливо ждать, пока инженеры не закончат осмотр. Не выявив серьезных проблем, они составили акт, убрали заграждение и укатили. Удостоверившись, что жена благополучно миновала мост, укатил и шериф. Сперва он ей регулярно звонил, но потом исчезла сотовая связь. На Аляске, увы, она оставляла желать лучшего.

Машину подбросило на ухабе. Лора чертыхнулась, а помощник Адамс поперхнулся кофе, налитым из термоса. По мере удаления от реки асфальт постепенно становился лучше, а недавно вдруг снова начал портиться. Словно среагировав на тряску, раздалась телефонная трель. Ожил спутниковый телефон в кармане полицейского. Ответив на звонок, тот передал трубку миссис Миллиган.

— Да, со мной все в порядке. Да, еще едем, — заговорила она с мужем. — Где мы? Да откуда я знаю! Ты же мне так и не поставил в машину навигатор! В вашем спутниковом хламе его нет, а сотовая связь не работает! Да, у меня включена геолокация. Билл, я не дура, я в курсе, что для GPS сотовая связь не нужна. Ни черта мой смартфон не показывает! Ты сам обновлял в нем карты, на себя и пеняй! У Юджина? А у него то же самое! Видать, как обычно сделал по-твоему.

С навигацией и впрямь возникли проблемы. Приложение на телефоне упорно отказывалось определять текущее местоположение. Оно выдавало какую-то ересь, причем что у Лоры, что у помощника Адамса. Последнего, впрочем, это не особо беспокоило. Единственная дорога — не лесная чаща, заблудиться на ней в принципе невозможно.

— Короче, все! Приедем — позвоню! Пока. Целую, — завершила разговор Лора.

Вернув трубку владельцу, она глянула на спидометр и снизила ско-

рость. Ей, конечно, очень хотелось поступить наоборот, однако приходилось соблюдать осторожность. Темнота сгущалась, сокращая видимость. Если на дорогу выскочит кто-то крупнее енота — мало не покажется.

Прошло еще около часа. Недоумевая, Лора окликнула помощника Адамса. Тот и сам имел озадаченный вид. По всем расчетам, они давно должны были приехать, только впереди виднелась все та же безлюдная дорога и все те же лесные стены.

— Ничего не понимаю. Куда заправка подевалась? — ошеломленно пробормотала миссис Миллиган.

— Ерунда какая-то, — согласился помощник. — Не леший же ее унес, в самом-то деле!

— Да если и унес, развилка-то где?! — вконец растерялась Лора. — Что было на последней милевой отметке?

— Что-то они давно не попадались, — развел руками Адамс. — Бурей их снесло, что ли? Старые они. Дорогу в бородатые годы строили, сами знаете. Мост — и тот смыло к чертовой матери, а уж знаки посрывать…

Оба снова умолкли, напряженно вглядываясь в дорожное полотно. А оно бежало себе, как ни в чем не бывало, и складывалось ощущение, что бежало куда-то в никуда.

Спустя четверть часа, показавшихся целой вечностью, впереди появился отсвет. На правой обочине стоял какой-то желтый знак.

— Сбавьте скорость! Разглядим что на нем! — предложил помощник Адамс.

Лора и сама сбросила газ, подъезжая к долгожданной путевой вехе. Потом она и вовсе остановила машину, вытаращив глаза. Знак сообщал, что впереди узкий мост.

— Это бред какой-то… — послышался ее тихий возглас.

Смятение миссис Миллиган было более чем понятно. Между Эшвиллем и заправкой существовала только одна переправа — та, которую она миновала сегодня днем.

Вероятно, кроме реальности возможной бывает еще и реальность невозможная. Впереди шумела вода, через которую вел новый, недавно положенный настил. Выйдя из машины, Лора и помощник Адамс убедились в этом собственными глазами. Название реки, отображенное на указателе, не оставляло никаких сомнений. Уехав от нее днем по единственной дороге, они к ней и вернулись. Это было невозможно. Тем не менее, такова оказалась реальность.

— Позвоните Биллу, — упавшим голосом выдавила Лора.

Она бы набрала его сама, но ее смартфон не подавал признаков жизни. Видимо, совсем разрядился, пока она экспериментировала

с навигатором. Помощник Адамс вытащил свой мобильник. Экран засветился, но сигнал оказался неустойчивым. Он то появлялся, а то исчезал, будто прерываемый какими-то помехами. Звонок так и не прошел.
— Да возьмите уже спутниковый! — сердито бросила миссис Миллиган.
Остановившись между автомобилем и мостом, она пораженно созерцала открывшееся зрелище. Вне всяких сомнений, это текла та же самая река! Во-первых, другой было взяться просто неоткуда. Во-вторых, рабочие Коула достаточно преобразили оба берега, чтобы те обрели уникальный вид. Они расчистили спуски к воде и вырубили прибрежные полосы. Они же поставили времянки и навесы. Совсем недавно тут было очень оживленно, но с окончанием строительства всякая деятельность прекратилась. Теперь времянки пустовали, ибо у моста не осталось ни души. Навесы также остались не у дел. Стройматериалы, некогда сложенные под ними, израсходовали или вывезли.
— Это какое-то наваждение, будь я проклята! — воскликнула Лора, хватаясь за голову.
У-ху! У-ху! У-у-у-у-у-у! — звучно подтвердил филин. Его крик, разнесшийся над рекой, привел жену шерифа в полуобморочное состояние. Помощник Адамс, не успевший взять спутниковый телефон, вскинул помповое ружье. Его лицо окаменело, а в глазах отразился целый шквал эмоций.
— Вы же не думаете, что это *они*? — прошептала Лора. — Это же простая птица.
У-ху! У-ху! У-ху! — снова прогудел ночной хищник, будто наливаясь гневом.
Судя по всему, он сидел где-то на эшвилльской стороне, укрывшись в гуще деревьев, и сидел совсем недалеко.
— Я думаю, нам следует убраться с открытого пространства, — тихо ответил полицейский.
Стоя в свете фар, они оба представляли отличную мишень, в то время как потенциальный враг оставался невидимым. Лора попятилась, не сводя взгляда с того берега, откуда раздавалось уханье. Попятился и помощник Адамс, держа оружие наизготовку. У-у-у-у! У-ху! У-ху! — грозно крикнул филин. Внезапно потянуло гнилью. В ноздри ударил запах болотной тины.
— В машину! Живо! — велел полицейский.
Теперь сомнений в происходящем не оставалось. Им обоим были хорошо известны обстоятельства, присущие недавним исчезновениям и смертям. Побледневшая Лора устремилась к легковушке, а помощник Уилсон следовал рядом, поглядывая по сторонам. Уже у

самого капота они услышали чьи-то грузные, неторопливые шаги. Из темноты, куда краснели задние огни, кто-то приближался. Запах болота резко усилился. Также усилился и неразборчивый звук, обретя форму чавканья. Складывалось впечатление, будто кто-то шел в грязи, тяжело переставляя промокшие сапоги. Ослепленные светом фар, Лора и помощник Уилсон мало что видели. Позади машины, футах в пятидесяти, маячила какая-то неразборчивая масса, и она подходила все ближе. Стрелять в нее наугад полицейский не решился. Открыв дверцу, он втолкнул миссис Миллиган на водительское сиденье. Сам же продолжил ее прикрывать, ища фонарик. Тот, как назло, куда-то запропастился. У-ху! У-ху! У-ху! — глухо громыхнул филин. Чавкающие шаги продолжали сокращать расстояние.

— Стоять! Иначе я открываю огонь! — рявкнул помощник Адамс, ощущая предательскую дрожь.

Сделав шаг вперед, он очутился возле задней пассажирской дверцы. Темная масса не подчинилась. Никак не отреагировав на окрик, она по-прежнему надвигалась под зловещее уханье филина. Оставив всякие колебания, полицейский рванул курок. Ба-бах! Винчестер, заряженный крупной дробью, выплюнул сноп пламени. На мгновение оно озарило цель, тут же вновь скрывшуюся в темноте.

— Боже… — прошептал Адамс.

Он снова спустил курок, и снова огненная вспышка осветила то, что неумолимо приближалось. Приближалось, никак не отреагировав на картечь.

— Господи Иисусе! — вскричал помощник шерифа.

Грянул третий выстрел, и тут же раздался истошный крик Лоры. Она увидела в зеркале, кому или чему предназначался свинец.

Адамс был смелым человеком. Он мало чего боялся, и уж точно никогда не отступал, если держал в руках заряженное оружие. Однако и его нервы не выдержали такого испытания. Похолодев, он схватился за дверную ручку и потянул ее на себя. Щелк! Сработал центральный замок, заперев машину изнутри. Должно быть, напуганная Лора случайно задела переключатель.

— Откройте! Бога ради откройте! — срывающимся голосом воскликнул помощник.

Выстрелив еще раз, он забарабанил ладонью по стеклу. Всхлипывая, миссис Миллиган принялась елозить пальцами по кнопкам, но без особого результата. У-ху! У-ху! У-ху! — грозно кричал филин. Положение стало критическим. Что бы сейчас ни произошло, оно явно происходило и раньше. И после этого никого из пропавших людей уже не видели. Каждая секунда оказалась на счету.

— Гоните! Педаль в пол! — заорал Адамс.
Он был не самым порядочным человеком на свете, и далеко не безгрешным, но у него хватило чести на достойный поступок. Он не стал искать спасения, задерживая спасение Лоры. Прикрывая ее отход, он шагнул от машины и решительно вскинул ружье. Грянувший выстрел снова озарил страшного врага, будто порожденного сердцем болот и мраком ночи. На такой дистанции картечь убила бы кого угодно. Даже не пошатнувшись, тот ступил в красный свет габаритных огней.
— Да гоните же! — проревел полицейский.
Всхлипывая от страха, Лора вдавила педаль газа. Истерично завизжав шинами, легковушка рванула на мост.

Сзади раздалась серия выстрелов, сменившихся тишиной. Магазин винчестера опустел. Вся дрожа, миссис Миллиган видела, как Адамс пятился, заряжая патрон за патроном. Он не убегал, отстреливаясь до последнего. Стрельба не приносила эффекта, однако она возобновилась. Утопающий хватался за соломинку, отказываясь признавать немыслимую реальность. Но та его настигла. Ночь разорвал леденящий душу вопль. Зарыдав, Лора оторвала взгляд от зеркала и глянула вперед. Распластав крылья, в свете фар на нее неслась огромный филин. Секунда — и он гулко ударился о лобовое стекло. Казалось, столкновение должно было его убить, однако ему ничего не сделалось. Стекло же — напротив, все пошло трещинами. Зацепившись когтями, филин стал яростно биться, закрывая обзор. Визжа и урча, он словно пытался добраться до Лоры. Из-за него та не видела куда едет. Она вообще ничего не видела кроме огромных желтых глаз. Ее руки не покидали руль, но двигали им практически наобум, в то время как машина продолжала разгон. Лоре бы отпустить газ и нажать на тормоз, но страх парализовал все ее существо. Остановиться она просто не могла. Ведь там, позади…

Машину подбросило. Сойдя с центрального полотна, она налетела на низкий бортик, отделявший проезжую часть от пешеходной. Утратив ориентацию в пространстве, Лора слишком далеко сместилась влево. Она попыталась выровнять автомобиль, рванув руль в противоположную сторону. Тот ушел вправо, но качнулся так резко, что ей снова пришлось дать влево. Началась болтанка, когда каждый поворот руля все больше раскачивает машину. А филин продолжал клокотать и биться. Кроша стекло, он отвлекал внимание на себя. Обуянная страхом, мало что видя и еще меньше понимая, Лора окончательно утратила над собой контроль. Ее захлестнул приступ паники — наихудший бич в критической ситуации. Машину снова подбросило, но на сей раз куда сильнее.

И на сей раз справиться с управлением Лора не смогла. Накренившись, легковушка слетела с дорожного полотна. Наискось пробив перила, она взревела двигателем и кувырнулась с моста.

Высота была небольшой, поэтому неминуемая гибель Лоре не грозила. Подушки безопасности смягчат удар, а илистый берег дополнительно самортизирует падение. Машина, безусловно, пострадает, однако водитель почти наверняка выживет и благополучно выберется на сушу. Так казалось на первый взгляд, вот только на деле вышло иначе. Лора почти проехала мост и должна была упасть за пределами реки, но ту все еще насыщал паводок. Сказывались обширные болота. Раздавшись втрое, ее русло не торопилось возвращаться в прежний вид. Взметнув фонтан брызг, машина свалилась в черную воду. Небольшая глубина не поглотила ее целиком. Погрузилась лишь половина легковушки, но то была левая половина, ибо упала она на левый бок. Это была та половина, где сидела за рулем Лора. Оглушенная, она повисла на ремнях безопасности и не чувствовала, как холодная вода стала заливать салон.

Покрутившись, колеса остановились. Двигатель захлебнулся, а вскоре закоротило и электрику. Огни погасли, и теперь лишь звездное небо озаряло лежавший в реке автомобиль. Тихо журчала вода. С моста не доносилось ни единого звука. Там будто никого и не было, как не было ни на берегу, ни под покровом леса. Лишь над поверженной машиной мелькала какая-то тень. То был филин, бесшумно махавший огромными крыльями. Сделав несколько кругов, он глухо ухнул и улетел в лесную чащу.

– 6 –

В субботу утром Клайда разбудил грохот. Кто-то вошел в дом, едва не своротив дверь. Топоча ногами, он звучно уронил что-то в коридоре и практически ворвался к нему в комнату. Вскочив на постели, журналист узрел шерифа. Он хотел осведомиться, в чем причина столь грубого вторжения, но осекся. На Миллигана было страшно смотреть. Его лицо исказилось от горя и ярости, а глаза пылали болью, ненавистью и жаждой мщения. Струхнув, Клайд пытался сообразить, ему прямо сейчас дать деру или попробовать как-то объясниться. Но в чем? Оказалось, что не в чем. Шериф явился по его душу, но не за его шкурой. Схватив Клайда за лодыжку, он снял с нее GPS-трекер и с такой силой швырнул его в стену, что тот разлетелся на куски. Обомлев, журналист боялся и слово молвить, не понимая, в чем смысл происходящего.

— Лора мертва! — внезапно изрек Миллиган. — Эти ублюдки доб-

рались и до нее!
— Как?! — ахнул Клайд, на сей раз испытывая вполне искреннее участие.
— Как — не знаю, — тяжело выдохнул шериф; его грудь прямотаки ходуном ходила. — Я не знаю, что вынудило ее зачем-то повернуть назад. Лора приближалась к бензоколонке, когда пропала связь. С тех пор она уже не звонила. Рано утром, предчувствуя недоброе, я бросил все и поехал за ней…
Он умолк, издав нечто напоминавшее птичий клекот. Похоже, этот жесткий и суровый человек не мог позволить себе рыдания. А они рвались, ибо жену он явно любил, и любил гораздо больше, чем позволял себе показать.
— Ее машина лежала в реке. Лежала у самого берега, — продолжил шериф, справившись с эмоциями. — Лора не разбилась — она потеряла сознание и захлебнулась. Вода залила только половину салона, но в этой половине находилась она. Проклятье! Я убью всех этих тварей! Убью собственными руками! Перестреляю как бешеных собак! Всех до единого!
Дав волю ярости, Миллиган забегал по комнате, отводя душу на мебели. Клайд, пользуясь случаем, быстро и незаметно оделся.
— А как же Адамс? — тихо спросил он, когда шериф, задыхаясь, оперся кулаками на подоконник.
— Исчез, — прохрипел Миллиган. — У моста валяется дюжина стреляных гильз от винчестера. Поодаль лежит и сам винчестер. Юджин же как в воду канул.
— А это не он?.. — Клайд не договорил, убоявшись скверной догадки.
— Нет, не он, — глухо ответил шериф. — Он стрелял в другую сторону от машины. Судя по всему, прикрывал ее от кого-то, когда та пыталась уехать. Дьявол! Почему я не отправился с Лорой?! Почему я позволил себя уговорить?!
Заскрежетав зубами, он стал изрыгать проклятья, от которых ужаснулись бы прихожане любой христианской церкви.
— Это точно… *они*? — осмелился уточнить журналист.
— Там, где стоял Юджин, болотной тины хоть отбавляй, — зло бросил Миллиган.
— Но это же река! И берега у нее топкие. В ней такого добра хватает, — усомнился Клайд.
— Перья! — взревел шериф. — Перья, понимаете?! Все лобовое стекло было разбито, и в нем торчали перья этого проклятого филина! Клянусь дьяволом, я отправлю в преисподнюю этого подонка Трента и всех его шестерок!
— Но как он это устроил? — недоумевал Клайд.

— Перед тем, как снести ему башку, будьте уверены — я спрошу обязательно! — свирепо пообещал Миллиган.
Внезапно силы ему отказали. Багровый от бешенства, он совсем потемнел и опустился на стул, схватившись за грудь. Пару минут он тяжело дышал, но до сердечного приступа дело не дошло. Журналист даже не знал, радоваться этому или огорчаться. Ситуация развивалась стремительно и непредсказуемо.
— А почему вы сняли с меня трекер? — осведомился он, соображая, чем вообще вызвано появление шерифа.
Тому сейчас полагалось горевать над телом жены, а не устраивать судьбу опасного свидетеля.
— В нем больше нет смысла, — отозвался шериф. — Через два часа я и Лайонел выступаем. Вас больше некому будет охранять.
— Куда выступаете? — не понял Клайд.
— Я накрою логово Трента! — послышался не то ответ, не то клятва. — Сатана и все его демоны! Почему я не сделал этого раньше?!
— Вы разве знаете, где его искать? — опешил журналист.
— Догадываюсь, — процедил Миллиган. — Как я понимаю, вы удивлены? Странно, что вы, с вашим чутьем, и сами не сообразили. Все дело в том, ГДЕ Джонсон мог обнаружить золото. Где вообще он мог обнаружить СТОЛЬКО золота, чтобы эти залежи до сих пор никто не заметил?

Искать в ручьях, реках и даже озерах — эта прописная истина была известна любому, кто хоть однажды интересовался старательским ремеслом. Со времен золотой лихорадки их тысячу раз исходили и проверили. Проверили их берега, склоны, холмы и даже никак не связанные с водой участки. Золото ведь могло отыскаться во многих местах. Чего точно не проверяли — это БОЛОТА. Глубокие, вязкие болота, ибо никто не сунется наобум в страшную, бездонную жижу. А вот тут как раз и крылся очень важный нюанс, упущенный многими. Это сейчас обширные пространства стали гнилыми топями. Некогда, в далекие времена, это были озера, питавшиеся малыми речушками и бурными реками. За тысячи лет ландшафт изменился, как изменился и климат. Вода заболотилась, и постепенно превратилась в сплошную трясину. Однако дно озер и рек никуда не делось. Просто его сокрыл толстый слой ила, лежащий под гнетом еще более толстой тины. А если никуда не делось древнее дно, то неизменным осталось и его содержимое. Весь золотой песок, все самородки отнюдь не исчезли, продолжая лежать там, где они лежали на протяжении тысячелетий. На них и наткнулся Бад Джонсон, когда бродил по своим диким угодьям.

Как именно все произошло — теперь никто не узнает, но предположения есть. Вероятно, Бад искал очередную тропку через

трясину. Он любил бывать там, где вообще никто не ходит, и сокращать путь через топь, экономя немало дней. Это было опасно, но одинокий старый отшельник уж чего-чего, а смерти не боялся. Скорее всего, он брел по пояс в болоте и наступил на какой-то камень. Его форма показалась ему странной даже через сапог. Задержав дыхание, он нагнулся и с головой погрузился в тину. Такая выходка с Бада вполне станется. Обратно он вынырнул с тем, что подобрал на дне. Это был золотой самородок. Хорошо разбираясь в теме, Джонсон знал, что это вряд ли единичная случайность. Тут как с грибами: нашел один — смотри вокруг. Он стал проверять окрестности и наверняка обнаружил еще. С этого все и началось. Уж как там старик нырял в трясину и где умудрялся доставать дна — эту тайну он в нее и унес. Пока Бад вел свои изыскания, найденные самородки множились, и накопились в количестве шести ведер, прежде чем Дик Финч опрокинул тот бидон.

— Если Трент наткнулся на залежи, его лагерь где-то на дальних болотах, — подытожил шериф. — Где именно — не знаю, но отыскать стоянку людей куда проще, чем вычислить самородки в толще ила. Трент нашел золото, но это его и выдаст. Теперь я найду самого Трента. И вот тогда — клянусь! — этот алчный подонок за все ответит! И в первую очередь за смерть моей дорогой Лоры!

Выслушав, не перебивая, Клайд пришел к выводу, что рассказ не лишен оснований. Даже если эти умозаключения не верны, они вполне правдоподобны и заслуживают того, чтобы их проверили. Правда, процесс грядущей проверки вызывал закономерное беспокойство.

— А что будет со мной? — осторожно спросил журналист.

— Что сами пожелаете, — буркнул Миллиган. — Когда я уйду, вы вольны поступать как захотите. Я не стану сидеть с вами и нянчиться. Я отправляюсь мстить за Лору! Помощник Кокс идет со мной.

— А вас двоих-то хватит? — усомнился Клайд, приятно пораженный новостью о своей свободе.

— С нами выступит помощник Уилсон. Втроем мы от этих ублюдков мокрого места не оставим! — воинственно пояснил шериф. — Нет, я не стану его посвящать. Во всяком случае, без острой необходимости, — добавил он, поймав вопросительный взгляд журналиста. — Я изложу Майку свою версию событий, где Трент причастен к смерти Лоры. Вам не обязательно ее знать. Кстати, а вот и он!..

К дому Смитов подъехала машина. Хлопнула дверца, затем в прихожей зазвучали шаги и в комнату вошел помощник Уилсон. Проводив его до дверей, помощник Кокс вернулся дежурить на крыль-

цо.
— Привет, Клайд, — невесело произнес Майк. — Я все думал, когда мы увидимся, но при таких обстоятельствах... Ты тоже с нами?
Вопрос не казался странным. Согласно легенде, журналист уже выполнял некое задание его шефа.
— Нет, мы его не берем. Это не какая-то охота. Слишком опасно! — отрезал Миллиган. — Мистер Андерсон либо дождется нашего возвращения, либо уедет из Эшвилля — по обстоятельствам. Он сам решит, как ему поступить. У него и своих дел хватает.
Он говорил очень уверенно, без тени сомнений, однако сам мистер Андерсон вконец растерялся. Даже если его и впрямь надумали отпустить, не разделить бы ему участь Лоры! Когда Майк вышел, Клайд так об этом и заявил.
— Трент вас не тронет, — усмехнулся шериф. — Он жадная тварь, но не идиот. Он думает, что раз я вас не прикончил, значит, вы ничего не знаете. В его алчную башку и мысли не закрадется, что я решил взять вас в долю. Более того, шумиху в случае вашей смерти никто не отменял. А Тренту она не нужна, особенно теперь. Скорее, он сам захочет вас использовать. Устранив альянс, он, вполне вероятно, преподнесет вам всю историю в выгодном для него свете. Так что вам его планы только на руку.
— Вы предлагаете мне что-то конкретное? — озадачился Клайд.
— Нет, — мотнул головой Миллиган. — Решать вам. Захотите сдать нас с потрохами — так тому и быть. Я пойду на дно, но и выродок Коул не отвертится. Пожелаете промолчать — я буду рад. Потом, когда боль от смерти Лоры поутихнет. Лучше иметь дело с вами, чем с Трентом и его шайкой. Однако теперь мой черед оставить себе небольшую страховку.
Сказав так, шериф запер дверь. Потом открыл подаренный железный ящик, спрятанный под тряпьем у кровати, и подозвал журналиста. Когда тот подошел, его сфотографировали рядом с самородками. Затем сунули в руки расписку.
— Подпишите это своим полным именем, — велел шериф.
— Зачем? — настороженно осведомился Клайд.
В бумаге говорилось, сколько унций золота он получил, и при каких обстоятельствах.
— Если вы донесете на нас федералам и сдадите им самородки, эти фото и расписка не представляют для вас никакой угрозы. Если же вы сообщите о нас, но золото решите прикарманить — вам несдобровать, — пояснил Миллиган. — Или все, или ничего, Клайд! Или грандиозная история и лавры честнейшего человека, или молчание и солидный куш. Слава и состояние одновременно — не по-

лучится.

Уяснив суть замысла, журналист усмехнулся. М-да, в предусмотрительности шерифу не откажешь. Фиксируя передачу самородков, документ становился либо гарантией сотрудничества, либо орудием возмездия. Предать дело огласке и остаться миллионером теперь было невозможно. Поставив подпись, Клайд отдал расписку Миллигану.

Расстались на крыльце. Наблюдая, как три машины отъезжают от дома Смитов, журналист испытывал противоречивые чувства. С одной стороны, ему вернули свободу, а угроза неминуемой смерти исчезла. С другой, он всерьез тревожился за дальнейшую судьбу этих людей. Особенно судьбу Майка. Шериф не собирался учинять расправу в его присутствии, но если что-то пойдет не так... Как бы он не задумал чего худое. Например, с помощью Уилсона избавиться от Трента Коула и его подручных, после чего избавиться и от самого Уилсона. Гибель в интенсивной перестрелке выглядела бы вполне естественно. Впрочем, шериф пользовался у своих подчиненных непререкаемым авторитетом. Может быть, Майк и закроет глаза, если его шеф отомстит за убийство жены. Ведь правду он вряд ли при этом узнает.

Вещей было немного. Собирая чемодан, Клайд размышлял, как Миллиган намерен управиться с шайкой Коула. Трое опытных полицейских — это, без сомнения, сила, однако вряд ли их противник так уж беззащитен. Да, до сих пор он нападал исподтишка, но лишь для того, чтобы разыграть карту страха и неизвестности. И разыграть вполне успешно. Прямое столкновение пойдет по другому сценарию, и совершенно непредсказуемому. Пока что Коул был на шаг впереди Миллигана, если не на два. Умудрившись так тщательно все спланировать, он наверняка придумал и план Б. Желающих застать его врасплох мог ждать неприятный сюрприз. Следовательно, шериф должен предпринять какие-то неординарные шаги, чтобы нарушить замыслы врага. Но какие?..

Захлопнув чемодан, Клайд потащил его к двери. Он уже шагнул за порог, как вдруг остановился, сраженный мелькнувшей мыслью. А сам-то он, часом, не является ли частью чьего-то сценария?! Вернув журналисту свободу, шериф сообщил, что отправляется на болота. Только соответствует ли это действительности? Месть за гибель жены — отличный предлог, чтобы усыпить бдительность. Нет, сама месть, скорее всего, и впрямь замышляется. Просто Клайду может быть уготована в ней соответствующая роль. Например, наживки для Трента Коула. Это со слов Миллигана журналисту ничего не грозило, но так ли все обстояло на самом деле? Позволит ли ему мистер Коул беспрепятственно покинуть

Эшвилль, или же устроит засаду, как устроил ее на Лору? В последнем случае расчет шерифа более чем понятен. Клайд, ничего не подозревая, уезжает, и становится отличной приманкой. В пути на него нападают люди Коула, а полицейские, в свою очередь, нападают на них. Мило… Чертыхнувшись, журналист втащил чемодан обратно, сел на постель и глубоко задумался.

Вечер застал Клайда все в той же комнате. Не приняв окончательного решения, он так никуда и не уехал. Он принял только промежуточное решение. В сравнении с поездкой, дом Смитов представлялся куда безопаснее. Если его и впрямь хотят достать, то попытаются достать и здесь. А здесь дать отпор гораздо проще, нежели на безлюдной дороге. Лора Миллиган была с помощником Адамсом, а кто-то добрался до них обоих! Шерифу же окажется только на руку, если наживка запрется в четырех стенах. Правда, было не исключено, что все опасения Клайда не соответствовали действительности. Возможно, никто за ним не следил и даже не помышлял подкрадываться из темноты. Ну, вот предстоящая ночь это и покажет. Либо Клайд сломает предназначенный ему сценарий, заставив недругов выйти на свет, либо убедится в беспочвенности своих страхов. А уехать он может и завтра, чтобы не пороть горячку и не нырнуть головой в омут. Рассудив таким образом, журналист запер окна и двери. Затем погасил все лампы, будто бы улегся спать. Сам же устроился в кресле, положив на колени ружье, а рядом поставил заряженную винтовку. Полночь он встретил в темноте, прислушиваясь к каждому шороху.

В два часа ночи грянул далекий набат. Клайд бдительно нес свою вахту, однако удивление пересилило. Не утерпев, он оставил пост и крадучись пошел посмотреть в окно. В темном небе виднелось какое-то зарево. Кажется, где-то в том направлении находилась лесопилка, и звуки доносились откуда-то оттуда. Недоумевая, журналист постоял у окна с полчаса. Затем вернулся в свою комнату, где продолжил охранять сам себя. За этим занятием он и заснул, беспробудно прохрапев до самого утра.

Зарево и впрямь исходило от лесопилки. Полыхнула гора опилок. От нее моментально занялась другая, а она, в свою очередь, подожгла все вокруг. Огонь распространился так быстро, что мигом охватил ближайший склад и спалил его дотла. Сгорело и два подсобных помещения вместе со всем оборудованием. Сараи со смолой и горючим обратились в жаркие костры. Серьезно обгорел штабель бревен. На парковке взорвалось два автомобиля, от которых остались лишь почерневшие остовы. В довершении всего пострадал один из лесовозов, а несколько погрузчиков восстановлению не подлежали. Никто не понимал, откуда занялось пламя и

что послужило его источником. Всякая работа на лесопилке прекратилось. Сыновья Трента Коула носились как ошпаренные, устанавливая размер убытков. Возле въезда сгрудились зеваки, обсуждая ночное происшествие. Среди них затесался и Клайд. Наведавшись в центр Эшвилля, он узнал про набат, и не устоял перед соблазном. На лесопилку его не пустили, однако ему и издали удалось сделать несколько фотографий. Пожарище, все еще сочившееся дымками, производило изрядное впечатление. Версии на его счет высказывались самые разные. Журналист прислушивался к ним краем уха, но особого значения не придавал. У него ведь имелась своя собственная. Он усматривал прямую связь между планами шерифа и последующим возгоранием.

Ох и репортаж получится, когда Клайд вернется к себе в редакцию! Снова собрав вещи, он отнес первый чемодан в машину, после чего вернулся за вторым. Его пришлось купить для одежды, приобретенной в Эшвилле. Бросать ее не хотелось. Хорошая и удобная, она была еще и памятной! С ней теперь связывалась такая история, что любо-дорого! Оглядевшись, журналист заметил, что забыл упаковать дождевик. Потянув его за край, он обвалил кучу тряпья, обнажившую железный ящик. Тот стоял себе на прежнем месте, и стоял отнюдь не забытый. Его вид, однако, заставил Клайда вздрогнуть. Ах да, надо же еще эту штуковину перетащить... Отставив чемодан, он взялся за металлические ручки и потянул. Дохлый номер! Ящик даже не пошевелился. Четыре пуда не собирались уступать жалким усилиям журналиста. Поднатужившись, он все же проволок его пару футов, но быстро понял, что так дело не пойдет. Пороги, ступеньки... Ему просто не удастся донести ценный груз до машины. И уж тем более погрузить его в багажник одному. Чертыхнувшись, Клайд снял кодовый замок и открыл крышку. Самородки никуда не делись. Никто их не забрал и не подменил свинцом. Они лежали в ящике все до единого, тускло желтея в свете дня. Все три с половиной миллиона. Опустившись на колено, журналист провел ладонью по золотой груде. Невероятно! Сокровища, в которые он ни на грош не верил, теперь покоились прямо перед ним. Были его собственностью. Клайд снова вздрогнул. Какой, к черту, собственностью?! Самородки ему не принадлежат! Вернувшись в город, он подготовит взрывной материал, а в день его публикации сдаст их куда следует. И точка.

Запустив руки в ящик, Клайд принялся его опустошать, раскладывая золото на кучки. По одной он перенесет их в багажник, где снова погрузит туда же, откуда сейчас и вынимает. Кстати, интересно, а где схоронили свое золото остальные? Где спрятал его шериф? Зарыл, как Харви Смит, или убрал в секретный сейф?

Явно же не с Лорой отправил, упокой господи ее душу. Впрочем, какая разница? Куда любопытнее, где теперь был сам Миллиган. Если ночной пожар — его рук дело, то он может находиться где-то поблизости. Например, караулить тех, кого переполошит эта провокация. Ну, либо же он и впрямь держал путь к дальним болотам, а поджог совершил исключительно из мести. Только вот как шериф его осуществил? Майк вряд ли принял участие в столь криминальной выходке. Заранее подложил заряды с часовым механизмом? Эх, узнать бы об этом побольше, а то история получается какой-то неполной! Читатели наверняка захотят подробности…

Неторопливо размышляя, Клайд внезапно поймал себя на мысли, что складывает самородки обратно. Видимо, в какой-то момент он внутренне решил еще немного задержаться. Сделать серию фотографий, опросить местных жителей, собрать побольше сведений… В конце концов, он проторчал в Эшвилле несколько недель, и еще денек-другой ничего не изменит. Ну а заодно и выяснится, следит кто-нибудь за ним или нет.

Захлопнув крышку ящика, журналист запер ее на замок и почувствовал невольное облегчение. Вероятно, подсознательно он обрадовался, что не надо тащить эдакую тяжесть. Еще успеется! Пусть себе золото лежит — никуда не денется. А он пока дополнит накопленный материал. Ощутив прилив бодрости, Клайд сходил к машине и принес первый чемодан. Достав оттуда часть вещей, он переоделся, а затем, заперев дом, отправился шнырять по Эшвиллю.

Вторая ночь в одиночестве также прошла без приключений. Никто не вломился к журналисту и не попытался его прикончить. Либо мистер Коул и впрямь не считал убийство целесообразным, либо ему сейчас хватало забот с пожаром и шерифом. Как бы там ни было, Клайд воодушевился, почуяв полную свободу действий. Снова открыв ящик, он стал задумчиво перебирать самородки. Интересно, а с чего шериф решил, что в тайну были посвящены только названные им люди? Как насчет сыновей Трента Коула? С одной стороны, отец наверняка им все рассказал. С другой, бизнесмены частенько утаивают свои темные дела даже от наследников. Открыто поставив их заниматься лесопилкой, он мог спокойно посвятить себя устранению альянса. Убрав руки от золота, Клайд решительно хлопнул крышкой. Как именно поступил мистер Коул — было неизвестно, однако неплохо бы это выяснить. Отложив отъезд до вечера, он отправился добывать информацию.

К ночи начался дождь. Журналист вернулся позднее, чем планировал, и даже обрадовался непогоде. Он устал, а та предоставила ему отличный повод никуда не ехать. В самом-то деле, зачем

катить в сырую ночь, когда для этого найдется более подходящее время. Приняв меры предосторожности, он поужинал и завалился спать.

К утру тучи рассеялись. Вторник предвещал отличный ясный день. Лужи подсохли, а с неба приветливо улыбалось теплое солнце. Клайд же — напротив, выглядел довольно пасмурно и радужного настроения природы не разделял. Его окончательно достали телефонные трели. С тех пор, как шериф вернул ему сотовый, чертова штуковина не унималась. Сперва он отвечал на все звонки, потом стал делать это выборочно, а затем начал их игнорировать. Кто бы мог подумать, что совсем недавно его так удручало отсутствие мобильной связи? Хорошо еще, что у Клайда нет жены. Хоть объясняться ни с кем не приходится. Три месяца назад последняя подружка собрала вещички и свалила. Впрочем, по назойливости ее сейчас вполне заменял Говард Хьюдж. Восемь пропущенных вызовов!.. Прошипев ругательство, Клайд набрал номер и завел с главным редактором душевный разговор.

Беседа вышла не из лучших. Она продлилась двадцать минут, вызвавших изрядное раздражение. По ее окончании журналист не просто повесил трубку, а вообще отключил сотовый. Грозить тут ему еще будут! Не держит он, видите ли, Говарда в курсе, да и звонить забывает! А чем грозить-то? С таким материалом Клайда везде с руками оторвут! Возьмет да и уйдет к конкурентам, если кого-то что-то не устраивает! А захочет — так и вовсе свое издание откроет! На три с половиной миллиона это вполне возможно, особенно если выкупить чью-нибудь долю. Нелестно поминая Хьюджа, журналист открыл железный ящик. Его содержимое придавало словам особый вес, позволяя чувствовать себя по-настоящему независимым. Конечно, про миллионы это он так, чисто фигурально, но до чего же приятно ощущать в себе уверенность! Кстати, надо бы перетащить золото в более надежное место, а то торчит тут, понимаешь, чуть ли не у всех на виду…

Назло редактору, Клайд снова никуда не уехал. Пусть побесится. Заботливо перепрятав ящик с самородками, он отправился в управление шерифа, чтобы навести там кое-какие справки. Потом прогулялся на лесопилку, а после нее заглянул в поместье Коулов. Репортаж будет что надо, и он потратит на него столько времени, сколько сочтет нужным.

Прошло еще четыре дня. Каждый раз журналист находил какой-нибудь повод, чтобы остаться в Эшвилле. На лесопилке вовсю подозревали поджог, и он вел собственное расследование. В конце концов, он и вовсе отложил отъезд на неопределенный срок. Ему показалось целесообразным дождаться возвращения шерифа. Чего

гадать на кофейной гуще, если лучше услышать всю историю от первоисточника? А тот ее наверняка выложит без утайки, и вот по какой причине. Клайд, так и не покинувший дом Смитов, автоматически завоюет всяческое доверие. У него же была возможность удрать и обратиться к федералам, а он этого не сделал. Значит, с ним можно поделиться и проблемами с мистером Коулом.

Замысел журналиста выглядел откровенной подлостью, но игра стоила свеч. Материал о золотом прииске, дополненный поджогом лесопилки и прочими деталями мести, вызовет сумасшедший ажиотаж. Никакой фантазии — только откровения действующих лиц! Потирая руки, Клайд с нетерпением поджидал, когда объявится Миллиган. Теперь его беспокоило лишь золото, и беспокоило все сильнее. Он неоднократно перепрятывал железный ящик, и всякий раз не был удовлетворен. С одной стороны, вроде бы Клайда никто не выслеживал и не мечтал порешить. С другой, самородки на три с половиной миллиона требовали щепетильного обращения. Один раз он даже почистил их щеточкой, чтобы убрать мелкий сор и налипшую грязь. Золото приятно преобразилось, и журналист позволил себе полюбоваться его желтым светом больше обычного. Он не находил в этом ничего предосудительного — когда еще такое увидишь?

Воскресный день не предвещал никаких сюрпризов, когда внезапно вернулся Майк. Его появление вызвало у Клайда нездоровый ажиотаж. К его великому беспокойству, оно вызвало ажиотаж и у помощников шерифа. Бросив все дела, те собрались на экстренное совещание. Явившись в участок, журналист долго просидел в ожидании. Его вообще не хотели пускать — мол, помощник Уилсон занят, ему не до посетителей. Майк вышел сам. Сжалившись над томившимся приятелем, он уделил ему несколько минут. Клайд разразился вопросами как из рога изобилия. Где сейчас Билл? Зачем прислал Майка в Эшвилль? Какие отдал ему распоряжения? Что произошло за время их недельного отсутствия? Вскинув руку, помощник Уилсон оборвал словоизлияния журналиста.

— Я вернулся один, — хмуро сказал он. — Билл не вернется. И Лайонел тоже.

— Как? Почему?! — оторопел Клайд.

— Полагаю, они мертвы, — глухо пояснил Майк.

— Их схватили?! Вы угодили в засаду Трента Коула?! — спешно принялся гадать журналист.

— Клайд, остыньте. Я еще от Билла наслушался этой околесицы. Со смертью Лоры он и вовсе помешался, — нахмурился помощник Уилсон. — Что бы там ни произошло, не думаю, что к этому при-

частен мистер Коул. Я вообще не думаю, что он к чему-либо причастен. Скорее всего, мистера Коула и самого нет в живых.
Вконец ошеломленный, журналист возжаждал объяснений. Беспокойно оглянувшись, Майк ответил, что сейчас очень занят. Теперь он исполняет обязанности шерифа и должен заниматься этой скверной историей. Клайд прямо-таки вцепился в него, не желая отпускать. Он упрашивал сообщить ему подробности, без которых просто сгорит от нетерпения. Вздохнув, Майк отошел с ним в сторонку и поведал о злополучной экспедиции.

Миллиган, Уилсон и Кокс не сразу отправились к дальним болотам. Они были недалеко от Эшвилля, когда раздался набат, а в ночном небе появилось зарево. Быстро стало ясно, что на лесопилке вспыхнул пожар. С подачи шерифа, все трое подошли к ней поближе, но на людях не показывались. Мол, с огнем и без них справятся, зато это происшествие может выманить кое-кого на свет. Кое-кого из якобы пропавших. Майк не возражал, хотя такое совпадение ему показалось странным. Как-то уж больно кстати они очутились у пожарища. Впрочем, всякое бывает, а приглядеть за округой и впрямь не лишне. Мало ли что?

Возле лесопилки отряд сновал до утра. Никого подозрительного не заметили. Если шериф и впрямь рассчитывал, что кто-нибудь вылезет из норы, то он либо ошибся, либо вылезать было некому. Дальнейшее ожидание не имело смысла, поэтому трое полицейских выступили к дальним болотам.

В пути не происходило ничего необычного. Днем шли быстро и молча. Затемно огня не разжигали, чтобы не выдать своего присутствия. Лишь в палатке, укрытой от посторонних глаз, горел единственный фонарь. При его свете, запалив спиртовку, все трое вели неторопливые разговоры. Тогда-то Майка и вводили в курс дела. Мол, за всем стоит Трент Коул, о чьих темных делишках узнал шериф. Это он убирал свидетелей, разыгрывая бесследные исчезновения, и он погубил Лору. Та собиралась уехать из Эшвилля, чтобы развязать мужу руки. Его ведь шантажировали, угрожая убийством жены. Увы, ей не помогла даже охрана в лице помощника Адамса. Трент осуществил свою угрозу, подстроив инцидент на мосту, и теперь за это поплатится.

Майка смущало отсутствие улик. Афера со скупкой земель — дело нешуточное, а наркотрафик через границу с Канадой — и тем более. Однако серьезное преступление требовало серьезных доказательств. Одних слов и намеков тут явно недостаточно. Миллиган убеждал, что они их получат там, в секретном лагере Коула. Мол, в противном случае он давно бы его арестовал, а на словах и впрямь далеко не уедешь. Свидетелей-то уже нет. Майк поверил

своему шефу, но расспросы не прекратил. Только чем больше он получал ответов, тем сильнее складывалось ощущение, что в этой истории не все гладко. Либо Миллиган о чем-то умалчивал, либо совсем тронулся от горя, и искал виновных не там, где следовало бы. Безусловно, гибель Лоры была очень темной историей, под стать остальным. Нет, даже куда темнее остальных, однако действительно ли тут замешан Трент Коул? Майк сомневался его в причастности, и чем дальше, тем больше. Окончательно он в ней разуверился той ночью, когда их экспедиция обрела неожиданный и страшный конец.

Дальние болота. Так называли целый комплекс топей, находившихся в северо-восточном квадранте от Эшвилля. Поодиночке и группами, они занимали обширные пространства, тянувшиеся на десятки миль. Искать там наобум можно было месяцами и даже годами. Миллиган, однако, имел представление, куда шел. Чем он руководствовался, Майк не знал, но карту видел. Шериф вычертил на ней линии, ведущие от некой известной ему точки, и определил по ним приоритетный сектор. В один из вечеров, когда небо заволокли тучи, отряд подошел к его границе.

Накрапывал мелкий дождь, существенно снижая видимость. В лесу быстро темнело. Отряд подумывал остановиться на ночлег, когда шериф заметил чей-то лагерь. Впереди, где сгущались сумерки, в болото выдавался полуостров. На нем, среди деревьев, смутно угадывались какие-то постройки. Света нигде не наблюдалось, но это не означало, что лагерь необитаем. Спрятать огонь не так уж и сложно, если должным образом все устроить. Придя в боевую готовность, полицейские стали красться вперед.

Засаду устроили в основании перешейка, уходившего к полуострову. Следы людей не просматривались, но шериф списывал это на дождь и темноту. Он велел помощникам глядеть в оба, а сам воспользовался тепловизором. Прибор ничего не показал, но причиной тому могли быть расстояние и особенности ландшафта. Для верности требовалось подойти поближе. Шериф как раз собрался это сделать, как вдруг в неведомом лагере стали зажигаться огни. Бледные и тусклые, они появлялись среди построек и выглядели как-то мистически. Майку они сразу не понравились, но Миллиган и Кокс воодушевились. Эти двое не считали их типичными болотными огнями. Мол, это маскировка, и ничего больше. А если и не так, то известное природное явление никакой опасности не несет.

Дождь прекратился. Луна не вышла из-за туч, но стало куда светлее. Полицейские тихо совещались, как поступить дальше, и вдруг заухал филин. Вздрогнул даже Майк, наслышанный про

странности с этой птицей. Миллиган и Кокс пришли в откровенный ажиотаж. Филин не просто ухал — он ухал именно со стороны лагеря. Для Майка это ничего не означало, но только не для его спутников. Сняв оружие с предохранителей, они велели ему караулить перешеек, и свой пост ни в коем случае не покидать. Ни туда, ни оттуда не должна проскользнуть ни одна живая душа! Сами же, крадучись, двинулись в глубину полуострова, и вскоре исчезли из виду. Дальнейшие события развались быстро, сумбурно и необъяснимо.

Филин продолжал кричать, когда внезапно началась пальба. Выстрелы гремели один за другим, и гремели так часто, что количество стрелявших не поддавалось внятному определению. По вспышкам, мелькавшим среди огоньков, было трудно что-либо понять. Затем послышались крики. Майк, соблюдая приказ, не двинулся с места, ожидая появления подозреваемых. Стрельба же тем временем усилилась, а крики изменились. Став более громкими и надрывистыми, они уже не говорили о гневе и ярости. В них звучал страх. Он нарастал с каждой секундой, пока не превратился в подлинный ужас. Услышав призывы о помощи, Майк плюнул на все и ринулся на выручку.

Выстрелы все еще грохотали, когда Уилсон подбежал к первым постройкам. Тут его атаковали. Это произошло так быстро и бесшумно, что он ничего не понял. В него будто врезалось нечто мягкое, но увесистое, и врезалось на полном ходу. От неожиданности Майк шарахнулся, споткнулся о корень и упал. Фонарик, так и не зажженный, укатился в темноту. Неведомый враг стал наседать, хрипя и орудуя острыми ножами. Что-то громко хлопало и упруго хлестало по всему телу. Защищаясь, Майк не сразу осознал, что имеет дело не с убийцей, а огромным филином. Его желтые глаза горели дьявольским огнем, пока крылья и мощные лапы били распростертую жертву. Он будто взбесился, но агрессия имела весьма странный характер. Наседая, птица умудрилась вырвать винтовку из рук Майка. Схватив ее когтями, она тут же оставила его в покое и потащила добычу в темноту. Вскочив, смятенный Уилсон ринулся за ней. Без оружия он был совершенно бесполезен, а его уносил какой-то пернатый злоумышленник. Уносил как раз тогда, когда товарищи вели перестрелку и истошно взывали о помощи. Впрочем, уже не вели. Пока Майк догонял филина, выстрелы стихли. Тут же раздался глухой стук. Не совладав с громоздким предметом, птица его уронила. Схватив винтовку, Уилсон не стал тратить время на необычного похитителя. Развернувшись, он ринулся туда, откуда еще раздавались пронзительные вопли.

Полуостров заканчивался топью. Не просто болотом, а имен-

но топью, куда он вдавался почти по всему периметру. Отойти далеко от берега означало верную смерть. Тем не менее, кто-то последовал в сплошную зыбь. Сбежав с пологого склона, Майк глянул вперед и с ужасом узнал шерифа. Было довольно темно, но ни голос, ни знакомые очертания сомнений не оставляли. Он яростно бился, угодив в гнилую жижу, и кричал от невыразимого ужаса. Кричал бессвязно и неразборчиво, будто в рот ему набился мох. До него было ярдов двадцать, но то были ярды непроходимой трясины. Не понимая, как шериф там очутился, Майк сунулся было за ним, но понял, что это невозможно. Провалившись по пояс, он насилу вылез на твердое место. Миллиган, казалось, стал еще дальше. Должно быть, только казалось, Увязнув по грудь, он просто не мог удаляться от полуострова, да еще спиной вперед. Майк не знал, как ему помочь, и лишь бессильно смотрел на развернувшуюся трагедию. Веревка осталась вместе с рюкзаками, шеста поблизости не было, а одними словами из болота не вытащишь. Он умолял шерифа не барахтаться, чтобы не ухудшать и без того критическое положение. Тот не реагировал, либо не слыша, либо себя не контролируя.

Внезапно тучи расступились, и мимолетом блеснула луна. Посеребрив верхушки деревьев, ее лучи скользнули по склону и развеяли прибрежную темноту. На мгновение она осветила шерифа, и тут у Майка волосы встали дыбом. Ему почудилось, будто рот утопающего зажимает белесое щупальце. Тот, кому оно принадлежало, крепко обхватил Миллигана и тянул его в топь.

Луна скрылась. Обомлевший Майк протер глаза. Шерифа уже не было. В том месте, где он боролся за жизнь, теперь поднимались одни пузыри да качалась тонкая зыбь, скрывавшая бездонную пучину. Тянуло тиной и гнилью. Над болотом воцарилась тишина, не нарушаемая даже уханьем филина.

К утру стало ясно, что Лайонел исчез. Учитывая судьбу Миллигана, вероятно, он тоже утонул в болоте. Оставалось загадкой, что их туда загнало. Полуостров был пуст, и никаких злоумышленников на нем не отыскалось. Стреляные гильзы принадлежали шерифу и помощнику Коксу. Во всяком случае, их марке оружия. Постройки оказались очень старыми и основательно прохудившимися. Судя по всему, когда-то тут располагался лагерь торфодобытчиков. Они вели дело с неплохим размахом, но с тех пор, должно быть, минула целая сотня лет. Храбро обшарив все окрестности, Майк пришел к выводу, что он здесь совершенно один. Даже если ночью был кто-то еще, этот кто-то незаметно удалился. О белесом чудовище он старался не думать. Это луна отразилась в черной воде и осветила бледный мох, гроздьями налипший на то-

нущего шерифа. Все остальное — игра воображения.

Включив спутниковый телефон, Уилсон запросил помощь. Через несколько часов за ним прилетел вертолет, отправленный рейнджерами. Он и доставил его в Эшвилль. На том экспедиция и закончилась.

— Теперь вы понимаете, что Трент Коул тут ни при чем? — тихо сказал Майк, завершив жутковатую историю.

— Но если не он, то кто?! — выдохнул Клайд. — Вы же что-то видели! Билл просто не мог пойти и утопиться в болоте! Вспомните другие случаи!

— Что я там видел — не знаю и знать не хочу! — внезапно отрезал Майк. — Хотите мою версию? Конфликт Трента и Билла спровоцировал кто-то еще. Кто-то, кто успешно стравил их между собой.

— Но кто? И зачем? — горел глазами журналист.

— Это выяснит полиция штата! — заявил помощник Уилсон. — Я уже вызвал подмогу. Довольно с Эшвилля смертей и таинственных исчезновений! И с меня тоже! А теперь извините, я должен идти.

Вежливо, но решительно избавившись от Клайда, он скрылся в глубине участка.

История получалась сногсшибательной. Правда, в ней стало еще меньше фактов, зато уровень таинственности поистине зашкаливал. Имея такой материал, можно выдвинуть множество версий, позволяя себе фантазировать как угодно. Читатели просто с ума сойдут, особенно если им предложить не одну статью, а целую серию. Размышляя на ходу, журналист направился к машине, ибо в участке ему делать было уже нечего.

— Постойте! Вы же мистер Андерсон? — окликнул его женский голос.

Обернувшись, он увидел миловидную девушку в форме.

— Да, это я, — улыбнулся Клайд. — А вы?..

— Помощник шерифа Алиса Филипс! — деловито сообщила девушка.

— Чем могу быть полезен, помощник Филипс? — осведомился журналист.

— Я должна передать вам это, — заявила девушка и протянула какой-то конверт.

Он оказался запечатан. На нем было выведено имя Андерсона и его городской адрес. Удивившись, Клайд спросил, кто отправитель.

— Конверт оставил мне Билл… То есть, шериф Миллиган, — пояснила помощник Филипс. — Он велел отправить его вам, если с ним что-то случится. Как я понимаю, с ним *что-то случилось*. Я видела, как вы говорили с помощником Уилсоном, и знаете, о чем я.

Теперь я должна послать конверт вам по почте, только зачем это делать, если вы сейчас здесь? Берите. Берите и уходите! Я исполняю просьбу Билла, но в нынешней ситуации это может кому-нибудь не понравиться.
Кивнув журналисту, девушка удалилась. Тот сообразил, что она имела в виду. Миллиган погиб при невыясненных обстоятельствах. Все его документы могли представлять для следствия интерес. Послание же наверняка носило сугубо личный характер, и конфискации лучше избежать. Спрятав его за пазуху, Клайд покинул участок и поехал в свое жилище.

Запертые двери внушили приемлемое чувство безопасности. Уединившись в пустом доме, журналист сфотографировал конверт, а затем осторожно вскрыл ножом. Изнутри, тихо прошелестев, выпала какая-то сложенная бумага. Развернув ее перед глазами, Клайд невольно вздрогнул. Это была его расписка. Та самая, которую шериф потребовал составить за полученное золото. Недоумевая, он повертел ее в руках. Затем, отложив в сторону, проверил конверт. Внутри отыскалась еще одна бумага. Строки на ней принадлежали Миллигану.

"Мистер Андерсон. Если вы получили это письмо, значит, Алиса выполнила мою просьбу. Она была моим добрым другом, и только ей я мог доверить столь важное послание. О его содержимом она ничего не знает, как не знает и обо всей этой темной истории. Не задавайте Алисе вопросов — у меня хватило ума и совести ни во что ее не впутать. Она хороший человек, и пусть живет спокойно, без всякой подлости, предательства и грязи. Однако, к делу.

Видимо, я переоценил свои силы, раз вы это читаете. Чем бы ни закончилась моя встреча с Трентом Коулом, живым я из нее не вышел. Надеюсь, что я успел отомстить за свою дорогую Лору. Знай я, как оно все повернется, я бы вообще не связывался с этим подонком. Увы, теперь уже поздно. Но только не для вас. Я возвращаю вам расписку, чтобы вы чувствовали себя в полной безопасности. Мне она уже ни к чему, а вам полностью развяжет руки. Теперь вы будете знать, что этот документ нигде не всплывет и не испортит вам жизнь. Разумеется, я говорю о том случае, если вы решили не предавать историю огласке. Должно быть, вы сейчас удивлены, ибо если я погиб, то в моих интересах разоблачение Коула. Нет, мистер Андерсон. Месть — особое блюдо, и приготовить его можно по-разному. Огласка для этого мерзавца — слишком мягкое наказание. Он сбежит со своими миллионами, а его сыновья унаследуют лесопилку. Если вы решите промолчать, все лучше

сделать по-другому.

Когда Трент Коул вылезет из норы, вы не станете ничего предпринимать. Вы дождетесь, пока этот алчный ублюдок оформит прииск и начнет масштабную добычу золота. Вот тогда, когда он полностью увязнет в миллионах, вы и нанесете удар. Поверьте, он его не выдержит. Одно дело — облизываться на самородки в трясине, и совсем другое — лишиться их на банковском счету. Весь его хрустальный замок, все его несметное богатство рухнет так же внезапно, как и появилось. Рухнет — и похоронит Трента под своими обломками.

Вы задаетесь вопросом, зачем вам это надо? С чего вам за меня мстить, следуя моему предложению? Ответ все тот же, мистер Андерсон — ваша заинтересованность. Вернув вам расписку, я избавил вас от необходимости сдавать золото властям. Теперь вы вольны опубликовать любой материал и при этом утаить самородки. Они полностью ваши, и никто их не отберет. Однако вы можете счесть, что этого маловато ради таких хлопот — ведь изначально мы договаривались совсем о другом. Поверьте, они будут достойно вознаграждены. Я отдаю вам свою долю, и долю помощника Адамса. Кроме того, я прикладываю к ним и то, что собрал у других членов альянса в качестве залога. Это порядка десяти миллионов долларов. У Юджина не осталось наследников, так что его душа не в обиде. Я попрошу лишь за свою дочь, которая учится в колледже. Когда вы обратите золото в деньги, переведите ей хотя бы один миллион. У вас их будет около тринадцати, сделайте для меня это маленькое одолжение. Все остальное — ваше. Полагаю, компенсация вполне приемлемая, чтобы вы взялись отомстить Тренту Коулу.

Конечно, у меня нет гарантий, что вы не проигнорируете мое предложение. Вы можете взять деньги, но поступить так, как и собирались. Порукой мне служит ваша натура, мистер Андерсон, если я хоть сколько-нибудь успел вас узнать. Вы живете большими скандалами, хитроумными интригами и загадочными историями. Вы не откажете себе в удовольствии свалить Трента не сразу, а выждать время, чтобы его падение стало не просто громким, а поистине оглушительным. Я же приукрашу ваше ожидание. В итоге вы получите все. Разоблачив злодея и афериста, вы станете героем в глазах общественности. При этом героем весьма состоятельным.

Разумеется, вам потребуются доказательства. Поверьте, они у меня есть. Я же был шерифом, в конце концов. В тайнике, который я вам укажу, хранится не только золото, но и досье на Коула и его людей. Аудио и видеозаписи, фотографии, различные документы альянса… Когда вы их предъявите, Трент уже не сможет

отвертеться. Вся история с Бадом Джонсоном взорвется как пороховой погреб и потопит линкор его золотой империи. Почему я не предъявил их сам? Ну, это же очевидно! Я лишь подстраховывался. Уничтожив Коула, я уничтожил бы и себя. Но теперь я мертв, как мертва и Лора, а значит, мне все равно.

Вы найдете тайник в северо-западном углу моего двора. Там стоит старая собачья будка. Под ней спрятано все, о чем я вам сказал. Удачи, мистер Андерсон! Я рад, что не застрелил вас в лесу, и мне искренне жаль, что мы прощаемся при таких обстоятельствах.

Билл Миллиган

P.S. Стерегитесь Майка. Он отличный малый, но честный человек. Если он заподозрит неладное, арест вам обеспечен.

P.P.S. Если из ваших миллионов что-нибудь перепадет Алисе, я буду вам очень признателен".

Клайд еле дождался темноты. Под покровом ночи он подъехал к дому шерифа. Будка стояла там, где и было указано. Под ней, всего в футе земли, отыскался герметично закрытый контейнер. Внутри стояло три железных ящика. Два из них доверху наполняли самородки, а третий содержал упомянутое досье. Дрожа от возбуждения, журналист подогнал машину и принялся грузить находку в багажник. На это ушло несколько часов. Он чуть не надорвался, пока перетаскивал пуды золота. Пот тек с него ручьями, а вся одежда увозилась в грязи. Клайд спешил, прекрасно понимая, что тайник надо опустошить немедленно. Учитывая обстоятельства, другого случая могло и не представиться. Даже сейчас он рисковал, ибо его приезд могли заметить и вызвать полицию. Впоследствии же дом вряд ли останется необитаем, а наблюдение за ним наверняка усилится.

К себе Клайд вернулся под утро. Усталый до невозможности, он кое-как скинул грязную одежду и рухнул в кровать.

В понедельник Эшвилль наводнила полиция штата. Журналист узнал об этом лично, когда к нему явился Уилсон в компании двух прибывших офицеров. Визит был официальным. Его ни в чем не подозревали, но в последнее время он тесно общался с погибшим шерифом. Ввиду этого к Клайду возник ряд вопросов. Например, что за задание ему поручали, и что ему доводилось слышать по поводу загадочных происшествий? Не рассказывал ли Миллиган о своих планах, перед тем как уйти на дальние болота?

Не говорил ли он чего-нибудь, что показалось мистеру Андерсону странным? Они ведь довольно часто бывали вместе. Намеренно или случайно, шериф мог о чем-нибудь проговориться.

Клайд держался спокойно и ответил на все вопросы, включая вопрос об испачканной одежде. Его задал Майк, и задал без всякой задней мысли. Он вообще пришел в качестве поддержки, чтобы приезжие не слишком наседали на друга. Журналист разволновался лишь тогда, когда полицейские, уходя, обратили внимание на его машину. Он ведь не разгрузил багажник, где сейчас находилось все найденное золото. Один из офицеров осведомился, нет ли там чего запрещенного. Клайда чуть удар не хватил, но это была лишь шутка. Полицейский намекал на браконьерство, а Майк, улыбаясь, сказал ему, что насчет охоты вопрос явно не по адресу.

Оставшись один, журналист стал обдумывать создавшееся положение. Вчера-то ему было не до размышлений. Сегодняшний же день привнес новые реалии. Из дома Смитов его по-прежнему не выгоняли, раз уж Миллиган официально одобрил статус съемщика. Майк его не аннулировал, но стоило ли Клайду там оставаться? Полиция штата могла провести обыск, занимаясь гибелью Харви Смита и самоубийством Эмили. Вряд ли она окажется безучастной к ящику с золотом. Кроме того, о нем мог знать кто-нибудь еще. Кто? Упомянутое Майком третье лицо. Клайда озадачили его слова, и озадачили всерьез. В монстра он, разумеется, не поверил, но чей-то злой и хитроумный умысел был однозначно налицо. Если Миллиган и Кокс погибли не из-за Коула, то членов альянса методично убирал кто-то другой. Кто-то, о ком они даже не догадывались. Если это так, то как следует поступить Клайду? Немедленно убраться из Эшвилля или подождать развития событий? Поспешный отъезд способен вызвать подозрения неизвестного. Задержка же ставила под угрозу золото. Силы небесные, тринадцать миллионов!.. О чем бы Клайд ни размышлял, его мысли постоянно возвращались к ящикам с самородками.

Ночью журналист не выдержал и перетащил содержимое багажника в дом. Он просто не мог допустить, чтобы такое сокровище подвергалось всяким случайностям. Он успокоился лишь тогда, когда все золото оказалось в относительной безопасности. Клайд снова вернул его к своей кровати. Три ящика, выстроенных рядком, притягивали взор. Вне всяких сомнений, он был обусловлен не алчностью, а лишь заботой об их сохранности.

Изучая досье, извлеченное из тайника шерифа, Клайд регулярно поглядывал на свое богатство. Просто невероятно! На него же можно основать целый издательский дом! Небольшой, но лиха беда начало! Кстати, интересно, а как намеревался поступить с

самородками Бад Джонсон?.. Сдать их властям? Всю эту груду? Вот так запросто взять и сдать? Какой вообще смысл был предавать историю огласке? Персональная неприязнь к Тренту Коулу, Биллу Миллигану и всей их компании? Можно подумать, после вмешательства властей что-то изменится! Золотоносные болота разделят на участки и распродадут другим Коулам и Миллиганам. Их выкачают такие же холодные, жадные дельцы, просто с официального разрешения государства. Оно получит те же самые налоги, разве что из других рук. Золотом точно так же обогатятся, только иные люди. Вообще никакой разницы! Чего же тогда Бад добивался? Он же не мог не понимать, что золото пойдет не в бюджет страны или штата, а в чьи-то персональные карманы. Все та же личная неприязнь? Ха! Как будто участки достанутся более достойным владельцам! Учитывая реалии, их наверняка получит кто-то "свой", кто водит дружбу с губернатором и конгрессменами. В сравнении с ними те же Трент Коул или Билл Миллиган — сущие ангелы. Нет, к старости Бад определенно стал слишком наивен. Что ж теперь, из-за его наивности и Клайду оставаться с пустыми карманами? Неужели он не заслужил себе хотя бы толику?..

Прежде все казалось предельно ясным. Сначала требовалось выжить. Затем, обманув шерифа, уехать из Эшвилля и сдать всю компанию федералам. Взрывной материал обеспечил бы журналисту славу и Пулитцеровскую премию. Если ее не дадут за открытие Второго Клондайка, за что ее тогда вообще дают? Теперь же ситуация изменилась. Расставаться с одним ящиком золота было откровенно жалко. Терять три, стоимостью тринадцать миллионов, становилось по-настоящему обидно. Кроме того, история еще не закончена. Тайна прииска пока оставалась нераскрытой. Это сулило игру против Трента Коула или любого другого, кто заявит на него права. Это будет серьезная игра! В случае успеха Клайд вскроет преступление подчистую, разоблачив злодея в лучших традициях жанра. Или… Или же станет совладельцем всей добычи золота. Досье, оставленное шерифом, может уничтожить хозяина прииска, а может обеспечить Клайду сказочное будущее.

Сон долго не шел. Попробуй тут усни, когда голова разрывается от мыслей, к которым добавились еще и фантазии. Мысли крутились о том, как следовало поступить в ближайшее время. Фантазии разыгрались на тему дальнейших планов. Мало-помалу они вытеснили все остальное, рисуя картины одну заманчивее другой. Ох, какие возможности сулили самородки, обращенные в звонкую монету! У Клайда достанет ума и связей, чтобы провернуть это и не засветиться. Тринадцать миллионов… Это ведь могла быть только вершина айсберга. Если взяться за дело с умом, пер-

спектива прииска становилась более чем реальной. Кто бы ни заявил на него права, он окажется в зависимости от мистера Андерсона, со всеми вытекающими. Если же таковых вдруг не объявится, кто мешает ему лично заняться поисками? Их надлежащее финансирование обеспечит золото из ящиков. И обеспечит с лихвой, пока Клайд устраивает свое будущее. Зря он, что ли, бродил по дремучим дебрям и рисковал жизнью?

Постель, прежде такая удобная, сегодня казалась совершенно непригодной для отдыха. Бока затекали, спина ныла. Голова никак не могла устроиться на подушке, чья эластичность куда-то подевалась. Щеки царапала наволочка, внезапно обернувшаяся грубой дерюгой. Руки и ноги доставал раздражающий зуд, словно в кровати завелись насекомые. Клайд понимал, что это все от нервов, но расслабиться не получалось. Беспокойно вертясь, он только и думал, что о золоте и своих правах на него. Совесть — черт бы ее побрал! — пыталась напомнить, что оно ему не принадлежит. Прежде она молчала, когда журналист не задумывался о присвоении самородков. Став допускать такие мысли, он подвергся ее первым уколам, но довольно слабым. Он же допускал гипотетически. Теперь же Клайд обдумывал это всерьез. Совесть противилась и ныла, апеллируя к завязке всей истории. Самородки нашел Бад Джонсон. Это он позвал Клайда, и только ему надлежало решать их судьбу. Их, и всего прииска.

Ворочаясь с боку на бок, журналист спорил сам с собой, выдвигая и опровергая аргументы. Бад ведь не оставил никаких распоряжений! Он не хотел, чтобы золото досталось альянсу Коула и Миллигана? Ну, оно ему и не досталось. Об остальном речи не было. Да, он просил предать историю огласке, но зачем? Если фигуранты дела мертвы, какой смысл стегать дохлую лошадь? Бад, безусловно, погиб по их вине, только кого наказывать? Обвинение им уже не предъявят, и по существу судебный процесс ничего не изменит. Как максимум, он опозорит родственников, но чем провинилась та же дочь Миллигана? Кому нужна такая правда? Ладно бы восстановилось доброе имя Джонсона, но ведь его никто и не порочил! Все, чего добьется Клайд — это лишится всякого участия в распределении золота. Сделает таковое невозможным и необратимым. А свое издание?.. Свой издательский дом?.. Это же мечта всей жизни! Неужели он вот так запросто от нее отмахнется?! Он ведь не потратит деньги на пустые развлечения! Он вложит их в дело! Дело, которым принесет обществу немало пользы! Разве Бад отказал бы ему в воплощении этих замыслов? Отказал бы теперь, когда все так обернулось? Он мертв, как, вероятно, мертвы и его гонители. Так ли уж Клайду необходимо следовать

какому-то глупому принципу? Стоит ли терять уникальный шанс, который выпадает раз в тысячу лет?

Кстати о гонителях! Тут журналист снова перевернулся с боку на бок. Третье лицо. Кем оно могло быть? Если допустить, что Миллиган и впрямь зря обвинил во всем Коула, тогда кто же устранил весь альянс? Кто умудрился всех перехитрить, ни разу не выдав себя? Вопрос выглядел очень важным и даже животрепещущим. Невольно протянув руку, Клайд нащупал заряженное ружье. Он будет неуязвим для этого некто позже, когда последний выйдет на свет. Шантаж свое дело сделает. Пока же все обстояло наоборот. Находясь в тени, злоумышленник представлял смертельную угрозу. Если он до сих пор не покончил с Клайдом, то лишь по одной причине. Он не знал, что тому все известно, кроме его личности. Во всяком случае, известно многое. Вероятно, по той же причине он пощадил Майка. Пощадил там, на полуострове. Тот не входил в альянс, и про золото ничего не слышал. Стало быть, и убивать его не имело смысла. Правда, тогда неизвестный допустил явную ошибку. От свидетеля все равно стоило избавиться. Сгинули трое где-то на болотах — и поди найди где. Ни тел, ни следов. Убийца проявил щепетильность, и она тут же вышла ему боком. Майк вон какой шум поднял! И место видел, где погибли Миллиган и Кокс, и полицию штата на уши поставил. Неосмотрительно поступил убийца, ох неосмотрительно. Исключая принципиальность, в его действиях не было никакой логики, только если… Внезапно Клайд аж сел на постели, почувствовав, как по телу побежали мурашки.

— Только если это третье лицо — не сам Майк! — прошептал он, вытаращившись в темноту.

Все тут же встало на свои места. Лгал ли шериф, когда говорил, что помощник Уилсон ничего не знает, или тот сам случайно проведал о золоте — особого значения не имело. Оставаясь в тени, Майк блестяще разыгрывал роль добродушного человека и честного копа. На деле же хладнокровно устранял одного члена альянса за другим. Постоянно дежуря сверхурочно, он разъезжал где хотел, подолгу пропадая из поля зрения. Хорошо знакомый с каждой жертвой, Майк легко исполнял задуманное, в том числе обставляя сцены исчезновения. Испытывая доверие, они сами уходили с ним в лес, где выполняли различные просьбы. Например, покричать и пошуметь — мол, это собьет с толку настоящего убийцу. Доверие испытывали Лора и помощник Адамс, когда Майк под каким-то предлогом убедил их повернуть обратно в Эшвилль. Доверие испытывали Миллиган и Кокс, отправившись с Уилсоном на дальние болота. И живым никто из них не вернулся. Откуда бы у Майка

такая уверенность, что Трент Коул мертв? Да он это прекрасно знал! Про третье лицо же упомянул намеренно. Очевидную истину вскоре установят, а лучше первому подать идею, чем упорно ее отрицать. Для надетой личины оно полезнее. Даже пожар на лесопилке наверняка устроил отнюдь не шериф. Такой инцидент еще больше отводил внимание от Майка, вроде бы никак в нем не заинтересованного. Теперь, вызвав полицию штата, он свалит расследование на нее, а то неизбежно зайдет в тупик, не имея ни улик, ни свидетелей. Оставшись вне подозрений, помощник Уилсон дождется, когда шумиха уляжется. Вероятно, его даже изберут шерифом, как наиболее достойную кандидатуру. Тогда он, не торопясь, обтяпает дельце с прииском. И никто в целом свете его не заподозрит. Никто, кроме Клайда Андерсона…

Сон, в конце концов, сморил изможденный разум. Он провалился в тяжелое, не приносящее отдыха забвение. На смену цветастым фантазиям пришла кромешная чернота. Уступая рассвету, она покинула комнату и укрылась в голове спящего. Утратив чувство опасности, тот беспомощно раскинулся на кровати. Его инстинкты подавило глубокое забытье. Ружье по-прежнему стояло в изголовье, но рука уже не могла схватить его при первой же угрозе. И совершенно напрасно. Как раз в ту ночь, когда Клайд обо всем догадался, убийца и нанес роковой удар.

Дверь с грохотом распахнулась. Жалкая щеколда не сдержала могучий натиск. Пронзительно зазвенев, она улетела прочь вместе с кусками щепы. Клайд вскочил как ужаленный, но было поздно. Ворвавшись в комнату, помощник Уилсон уже навел на него ствол. Журналист замер, охваченный ужасом. Его ружье стояло очень близко, но с таким же успехом оно могло находиться и за тысячу миль. Майк же держал палец на курке, и теперь все решало какое-то мгновение. Боже, каким было его лицо… От прежней приветливости не осталось и следа! Сейчас оно отражало подлинную натуру этого человека. Его перекосили злоба и ненависть, алчность и желание убивать.

— Я знал, что вы все поймете. Ваши глаза говорили, что вы близки к разгадке, — прошипел помощник Уилсон.

Он передернул затвор. Клайд понял, что пощады не будет, и отчаянно закричал. Он вопил так, как вопили все предыдущие жертвы — голосил, надрывался и искал спасения. Но его не последовало. Последовал лишь выстрел, ставивший точку во всей этой истории. Ружье убийцы плюнуло огнем, исторгая раскаленный свинец. С такого расстояния шансов выжить просто не было. Дробь разворотила грудь в кровавую кашу. Пробив ее насквозь, она со стуком рикошетила по комнате. Умиравший Клайд продолжал кричать, а

она все прыгала и прыгала, и ее стук становился все громче и невыносимее. Оглушая, он проникал прямо в мозг, отдаваясь в нем болезненной барабанной дробью. Майк не ждал смерти жертвы. Скинув тряпье, он открыл железные ящики и погрузил руки в самородки. Еще живой, Клайд рванулся к нему, забрызгивая кровью золото. Этот бросок был последним, что он сделал. Вокруг все завертелось и исчезло, навсегда угаснув перед лихорадочным взором.

Придя в себя, журналист обнаружил, что сидит на смятой постели. Безумно оглядевшись, он не увидел ни выбитой двери, ни моря крови. Вот стук никуда не делся. Правда, его производила не разлетавшаяся картечь, а чей-то кулак, барабанивший во входную дверь.

Полицейские уже встревожились, когда им наконец-то отворили. В проеме показалась опухшая, помятая физиономия Клайда. Увидев стучавшего, он сильно изменился в лице.

— У вас все в порядке? — осведомился помощник Уилсон.

В ответ донесся нечленораздельный звук. Очень, знаете ли, непросто отвечать своему убийце сразу же после собственной смерти. Журналист аж попятился, что было воспринято как приглашение войти. Уилсон ступил на порог, а за ним двинулись и два вчерашних офицера.

— Клайд, вы точно в порядке? У вас вид как у покойника, — озабоченно произнес Майк.

Нет, ну каков актер, а! Феноменально разыгранное простодушие! Поразительно изображенное участие!

— Плохо спал, — просипел журналист, практически не погрешив против истины.

— Можно мы все-таки войдем? — вежливо спросил Майк, ибо они дружно застряли на входе.

Проглотив комок в горле, Клайд отступил в коридор, сделав разрешающий жест.

Полицейские пришли кое-что уточнить. Их интересовал филин. Помнится, он интересовал и мистера Андерсона, отдававшего перо на экспертизу. Между этой птицей и несколькими происшествиями была странная связь. Возможно, всеми происшествиями. Возможно, у журналиста есть какие-то версии, которыми бы он хотел поделиться со следствием. Разумеется, сама по себе птица ни при чем, но ее могли использовать с неким умыслом. Этот умысел еще предстоит разгадать, равно как и вообще смысл преступлений. У мистера Андерсона, случайно, нет на сей счет никаких соображений? Не знает ли он, что могло объединять погибших и пропавших людей?

О, да! Мистер Андерсон знал, и очень хорошо! Правда, он понятия не имел, как злодей приручил филина, но все остальное для него уже не было загадкой. Впрочем, приручал ли? Заметив случайные совпадения, он ловко раздул из них мистическую атмосферу. Разве сложно подбросить перья на место преступления? Сов же в лесу полно — там постоянно кто-то ухает. Мистика посеяла страх и неизвестность, а злоумышленник ее поддерживал, в том числе солгав про полуостров. Ведь это только с его слов там кричал филин и даже совершил нападение. Кстати, вырванная им винтовка — удачное оправдание, чтобы не поспеть на помощь товарищам. Вырванная, между прочим, у крепкого взрослого мужчины… Подтвердить или опровергнуть утверждения преступника было некому. Что же касалось его личности, то вон он стоит — подпирает дверной косяк, пока приезжие копы беседуют с журналистом. С его выражением лица только в театре играть! Надо же столь искусно притворяться! Небось, чувствует себя в полной безопасности, а ведь одно слово и… Разговаривая с офицерами, Клайд представил себе ящики с золотом и обширное досье.

Наступил момент истины. Все можно было решить прямо сейчас. Решить легко и просто. Нужно лишь встать, провести полицейских в свою комнату, предъявить самородки, документы, и указать пальцем на убийцу. Дальнейшее — за правосудием. Клайд сбросит с себя тяжкий груз. Одним махом он избавится и от мучений выбора и от гнета постоянной опасности. Он больше не будет терзаться, размышляя, как ему поступить. Он покончит со всем, явив миру трагическую историю Бада Джонсона. Для этого следовало просто встать! Встать и позвать полицейских за собой.

— Мистер Андерсон? Мистер Андерсон, вы меня слышите?
Обеспокоенный голос вернул Клайда к реальности.
— Да-да, — ответил он, проведя рукой по лицу.
— Хорошо. Мне показалось, будто вы на что-то отвлеклись, — пояснил один из приезжих.
— Нет, все в порядке, — качнул головой журналист. — Просто я плохо спал. У меня усталый вид, но я слушаю вас внимательно. Я старался припомнить что-нибудь из того, о чем вы спросили.
— И как? Припомнили?
Тринадцать миллионов… Собственный издательский дом… Прииск, сулящий миллиарды… Собственная издательская империя!. Знаменитая, могущественная! Империя, построенная на баснословном состоянии и власти, которую дают огромные деньги! Весь мир услышит про господина Андерсона! А уж с одним убийцей он как-нибудь разберется.

Лицо Клайда стало непроницаемым. Он больше не колебался.

Он твердо знал, что ему делать.
— Нет, извините, — в его возгласе сквозило сожаление. — Ничего такого не припоминаю.
— Что ж, тогда у нас больше нет вопросов, — поднялись полицейские. — Хорошего дня, мистер Андерсон. Кстати, вы когда планируете уехать? Это нам только для справки, ваши передвижения никто не ограничивает. Хотелось бы знать, где вас найти, если понадобится еще что-нибудь уточнить.
— У вас есть мой городской адрес, телефон, и сведения о месте работы, — напомнил Клайд. — Кроме того, я совсем не намерен уезжать. Если мне велят покинуть этот дом, я сниму комнату где-нибудь еще. Неужели я оставлю Эшвилль, когда тут заварилась такая каша? Я же журналист, в конце концов! Это не вы меня — это я вас буду доставать, чтобы вы держали меня в курсе событий!
— Понимаем, — улыбнулись полицейские. — Ваши собратья по ремеслу уже объявились. Пока это наши, с Аляски, но наверняка подтянутся и другие. Готовьтесь, мистер Андерсон, конкуренты и на вас насядут. Вы же у нас чуть ли не единственный свидетель.
Улыбнулся и Клайд. Провожая офицеров, он олицетворял саму приветливость. Стоя на крыльце, он им только что рукой не помахал.
— Я зайду сегодня вечером? — обернувшись, вдруг спросил помощник Уилсон. — Хочу перекинуться парой слов.
— Ох, я так устал от всей этой нервотрепки! Сегодня, пожалуй, мне лучше весь день провести в постели. Вы же видите, я еле живой, — взмолился Клайд. — Давайте завтра?
— М-м, о'кей, — вздохнул Майк. — Я бы предпочел сегодня, но вид у вас и впрямь неважный. Что ж, выспитесь хорошенько, тогда и поболтаем. Я заеду в обед, когда освобожусь.
— Буду ждать, — пообещал журналист.
Сам же, разумеется, выполнять обещание не собирался. Он вообще не собирался оставаться в Эшвилле. Сегодня ночью, когда все уляжется, он погрузит золото в машину и уедет. У моста наверняка будет пост, но полиция штата его пропустит. Личность мистера Андерсона известна, и сейчас она вне подозрений. Торчать здесь дальше — это сидеть на пороховой бочке, особенно когда человек, совершивший дюжину убийств, намеревается зайти потолковать.

* * *

К полуночи все было готово к отъезду. Ну, почти все. Три железных ящика ждали своей очереди. Их вес уже не представлял проблему. Клайд обзавелся тачкой, купив ее у рабочего с лесопил-

ки. Она позволяла не только возить тяжелые грузы, но и приподнимать их на определенную высоту. С багажником, конечно, поднатужиться придется, но самородки окажутся в нем быстро и незаметно. Ну а как поступить в порту, когда дойдет до посадки на корабль — там и видно будет. Открыв ящики, Клайд созерцал их содержимое, желая проверить его целостность. Впрочем, чего там лукавить? Проверка была лишь предлогом. Вид золота завораживал. Его желтый блеск волновал и заставлял себя желать. Он манил каждой своей искоркой, обещая огромное состояние. Опустившись на колено, Клайд прикоснулся к самородкам. Проведя по ним ладонями, он принялся их перебирать, ощущая приятную тяжесть. Его глаза загорелись. Перед внутренним взором, помимо воли, снова вспыхнули сказочные перспективы, сулившие власть и богатство.

Часы пробили полночь. Встрепенувшись, Клайд глянул на их сомкнувшиеся стрелки. Затем вновь воззрился на свои сокровища. На мгновение в его душе что-то шевельнулось. Он все еще мог все изменить. Мог поступить иначе. Для этого ему достаточно снять трубку и позвонить в участок. Испытывая колебания, Клайд даже бросил взгляд на телефон. Мгновение прошло. Всякие сомнения исчезли. Поднявшись, он захлопнул крышки и навесил на них замки.

— Прости, Бад, — тихо произнес Клайд. — У меня на это золото другие планы.

Взяв тачку, он подкатил ее к первому ящику.

У-ху! У-ху! У-ху! — гулко донеслось из ночи. Вздрогнув, Клайд резко обернулся. Он хорошо помнил этот звук. Тот раздавался всегда, когда что-то должно было произойти. Но что? Все члены альянса мертвы. Тайну знает только он. Уилсон не стал бы договариваться с ним о встрече, если бы планировал убийство. Значит, это просто случайность? Обычный крик ночной птицы, какие в здешних краях не редкость? Такое предположение казалось самым разумным. У-ху! У-ху! У-у-у-у-у! — громыхнул филин. Громыхнул совсем не так, как тогда, с волками, или у лесной хижины. Теперь в его голосе слышалась угроза. Обеспокоившись, Клайд подошел к окну. Откуда он ухает? Опять с холма, где торчит одинокое сухое дерево? Если он к кому-то прилетел, этот кто-то должен находиться неподалеку. У-ху! У-ху! У-ху! — внезапно прогудело совсем рядом. Отпрянув от подоконника, Клайд ошеломленно попятился. Крик прозвучал со двора, будто птица сидела на ближайшей ели. Изменившись в лице, он почувствовал, как сильно забилось сердце. У-ху! У-ху! У-у-у-у-у! — грянуло где-то возле дома. И тут в тишине послышались чьи-то шаги. Грузные и неторопливые, они

размеренно приближались к крыльцу. Где именно — из окна спальни не разглядишь. Стряхнув оцепенение, Клайд ринулся к ружью. Вцепившись в него ястребом, он проверил заряд и снял с предохранителя. Затем присел за кроватью, но тут же передумал и заметался по комнате, выискивая подходящую огневую позицию. У-ху! У-ху! У-ху! — не смолкал филин. Дрожащая рука нащупала смартфон. Скрипнула ступенька. Звонить в полицию было явно поздно. Впрочем — и бесполезно. Сигнал практически отсутствовал, словно подавляемый какими-то помехами. Клайд попробовал набрать номер, но звонок не проходил. А грузные шаги уже поднялись на крыльцо. Они сопровождались странным чавканьем, будто сапоги неизвестного наполняла вода. Потянуло болотной тиной. Запах усиливался по мере того, как некто становился все ближе. И вот он уже у двери. У-ху! У-ху! У-ху! — особенно грозно крикнул филин. Чавканье смолкло. Вместо него послышался скрежет дверной ручки. Кто-то медленно поворачивал ее с той стороны. Щелкнул открывшийся замок. Нервы у Клайда не выдержали. Вскинув ружье, он решительно шагнул в коридор и взял входную дверь на прицел. Кто бы за ней ни был, сейчас ему устроят достойный прием! Он не позволит лишить себя тринадцати миллионов!

Скрипнув, дверь распахнулась. Снаружи царила ночная свежесть, но в дом хлынул тяжелый запах болотной гнили. Лунный свет, отразившись от большого зеркала, озарил входившего человека. Клайда затрясло. Онемев, он выпучил глаза, не в силах пошевелиться. Ноги подкосились, руки стали будто ватными. Ружье медленно опустилось, едва не выпав из ослабших пальцев. Кровь в жилах похолодела. Дрогнувшее сердце замерло, сраженное кошмарным зрелищем.

На пороге стоял Бад Джонсон. Его высокая, сутулая фигура была облеплена бледным мхом. В волосах и бороде запутались ряска и гнилая трава. В сапогах с отворотами плескалась бурая жижа. С охотничьей куртки стекала вода. Капая на пол, она оставляла мутные лужи и комья болотной грязи. На бескровном лице, хранившем следы побоев, налипли жирные черные пиявки. Они усеивали и кисти рук, сморщенные от долгого пребывания в сырости. На ноге виднелась дыра, проделанная пулей. Вокруг нее темнели пятна давно вытекшей крови. На Клайда уставились белесые глаза. Это были глаза мертвеца. У-ху! У-ху! У-ху! — пророкотал филин. Умерший старик ступил в дом, и его грузный шаг испустил протяжное, чавкающее хлюпанье. Тяжелый болотный запах стал невыносимым.

— Ради этого металла они затравили меня как дикого зверя, —

глухо произнес Джонсон.
Его губы пришли в движение, но совсем не в такт словам. Язык не ворочался. Из приоткрывшегося рта текла черная жижа.
— Ради этого металла ты хотел оставить их безнаказанными. Ради него ты перестал быть честным человеком. Древние духи болот свершили мщение. Тому, чье сердце поразила алчность, от них не уйти. Забыв про совесть и сострадание, ты возжелал золота. Так пойдем же со мной! Я покажу тебе, как показал и другим, где этого золота много.

К О Н Е Ц

КОТЛОВАН

Рано или поздно за все приходится платить.

В цеху было довольно душно. Огромные, никогда не открывающиеся окна, которые, казалось, последний раз отмывали лет двадцать тому назад, все же пропускали потоки солнечного света, вместе с которым в обширное помещение просачивалась жара. Гудела вытяжная вентиляция. От многочисленных станков исходил густой запах машинного масла, смешиваясь с ароматами керосина и бог знает чего еще.

Несмотря на то что трубы вытяжной вентиляции надрывались на разные лады, в цеху казалось непривычно тихо. Четверть часа назад электрики обесточили все помещение, сподобившись наконец-то разрешить накопившиеся проблемы, от которых уже не первый раз страдало несколько производственных участков сразу. Станки молчали. Большие и малые, сейчас они временно лишились своих мастеров, которые, вытерев руки изрядно промасленной ветошью, в данный момент кучковались в курилке и комнате отдыха, и лишь немногие оставались в цеху, явственно злословя насчет снующих тут и там с озадаченным видом электриков.

Джон Спрингс, вытирая с раскрасневшегося лица струящийся пот, медленно вышагивал по цеху, вертя головой в поисках своего давнего приятеля. Возможно, здесь было все же не так тяжко, как ему казалось, ибо после вчерашней гулянки самочувствие достойного слесаря оставляло желать лучшего. Однако если бы не вентиляция, он, наверное, уже свалился бы без памяти где-нибудь в груду причудливо скрученных металлических стружек. На его счастье, вытяжка запитывалась от другого энергоисточника, нежели весь цех, и даже теперь, когда последний был полностью обесточен, продолжала свою бесценную в царящей духоте деятельность. Может быть, работавшие здесь люди и не замечали того, что условия их труда были очень далеки от идеальных, но Джон, сердце которого в данный момент выстукивало какую-то бешеную африканскую пляску, а сосуды пытались поставить своеобразный рекорд по сужению проходимости, слишком явно ощущал всю эту пагубную сущность для его исстрадавшегося похмельного организма.

Участок Джона находился неподалеку, но сейчас казалось, что он прошел уже добрую милю, а объект его интереса все еще не показывался в поле зрения. Разумеется, Спрингс предпочел бы,

чтобы его приятель работал парой этажей выше, в чистом и кондиционируемом офисе, куда и заглянуть было бы гораздо приятнее. Увы, они были птицами не того полета. Пока кто-то протирал штаны, уткнувшись в экраны компьютеров, некоторым приходилось в поте лица зашибать деньгу, работая руками в далеко не самом уютном по части комфорта окружении. Джон прекрасно помнил лица этих зазнаек, когда ему случалось оказываться в их вотчине по делу, и их косые взгляды, которые они бросали на его промасленную спецодежду, явственно и неодобрительно крутя носом. Те еще белоручки. Да что бы с ними было, кабы не рабочие с нижних этажей? Пошли бы по миру со всеми своими дипломами и сертификатами!

"Черт побери, да где же этот болван Райдер?!" Мысль, словно громкий крик, отдалась в черепной коробке болезненным импульсом, исказив лицо Джона мученической гримасой. Его уже давно подмывало махнуть на приятеля рукой и использовать столь кстати подвернувшийся длительный перерыв для собственного удовольствия, но в нем говорило чувство товарищеского долга. Ведь вчера Райдер набрался спиртного не меньше его самого, и вряд ли сейчас чувствовал себя намного лучше. Хотя, надо признать, этот везунчик переносит последствия их маленьких мужских радостей гораздо лучше самого Джона. Вот же дал бог здоровья!

Тяжело вздыхая, Джон продолжал пробираться между рядами станков и наконец заметил своего приятеля. Боб Райдер, мастер-токарь и его давний закадычный знакомец, стоял прислонившись к одной из опорных колонн, потягивая воду из пластиковой бутылки и непринужденно болтая с двумя другими рабочими. Судя по лицу, его одолевали страдания, схожие с теми, которые испытывал Спрингс, однако все же в куда меньшей степени. У Боба еще были силы улыбаться и отпускать в адрес копошащихся электриков остроумные замечания насчет их профессиональной квалификации и количества серого вещества в черепной коробке. Парочка его собеседников обменивалась репликами в том же духе, злословя по поводу того, откуда у этих "повелителей бога Динамо" произрастают конечности, находящиеся у нормальных людей в верхней половине туловища.

Заметив приближающегося Джона, Райдер кивнул ему, продолжая что-то говорить своим коллегам. Спрингс в ответ подмигнул, сделал пальцами какой-то странный знак и повел бровями в сторону, слегка мотнув головой. Лицо Боба немедленно оживилось. С профессионализмом завзятого шпиона мимикой и жестами он тут же отсемафорил "ты иди, я догоню" и стал вежливо раскланиваться с собеседниками.

Догнал он Джона уже на лестнице, пока тот, отдуваясь как паровоз, со страдальческим видом штурмовал ступеньку за ступенькой.
— Здорово, Джон, — сказал он, протягивая ему свою здоровенную лапищу, глядя на которую трудно было сразу уразуметь, что она с ювелирной точностью могла управиться со сложнейшими деталями. — Что-то ты неважно выглядишь. Черт побери, должно быть мы вчера и впрямь здорово перебрали!
— Привет, Боб, — Спрингс выдавил из себя страдальческую улыбку, отвечая вялым пожатием. — Есть маленько. А все ты! Кто кричал "поедем к Анжелине, поедем к Анжелине!" как раз тогда, когда самое время было отправляться домой? Не удивлюсь, если мы там еще и задолжали. Я так лично вообще плохо помню последнюю часть нашего вечера. Черт бы побрал тебя вместе с твоей Анжелиной и всем ее притоном!
— Да ладно тебе, Джон, — смущенно хихикнул Райдер. — Что-то я не припомню, чтобы вчера ты был недоволен.
— Умник! Как будто не знаешь, как нам сносит голову под винными парами. Хорошо еще, что не загремели ни в какую передрягу, как в позапрошлый раз. Иначе моя дорогая женушка, разрази ее гром, точно выставила бы меня на улицу.
— Да уж, не хотелось бы снова вляпаться в подобную историю, — Боб отсчитывал ступеньки следом за Спрингсом. — Кстати, а что ты тут делаешь? Разве тебе не полагается быть сейчас на рабочем месте?
— Так же, как и тебе, — усмехнулся Джон, подходя к заветной двери, ведущей на технический этаж.
— С чего бы это? Наш-то цех обесточили, ведь доблестные электрики дотянули ситуацию до последнего. Теперь неизвестно, сколько они будут возиться. Похоже, они сами не знают, с чего начинать и где смотреть.
— Вот и у меня так же. Выяснилось, что какой-то там их узел в том числе отвечает и за часть моего участка. Не знаю, какой законченный кретин обустраивал их хозяйство, но вместе с твоим цехом они вырубили и часть слесарных помещений, так что я теперь, как и ты, имею полное право отдыхать. И что-то мне подсказывает, что протянется все это до конца рабочего дня.
— Эх, свалить бы домой, подальше от всей этой кухни и прилечь вздремнуть у телевизора, — мечтательно произнес Райдер.
— Ага, держи карман шире! — Джон смачно сплюнул, открывая дверь. — Если у нас с тобой нет работы хотя бы и на самых законных основаниях, отсюда нас никто не отпустит. Будем торчать тут в ожидании, когда эти болваны закончат свою мышиную возню и

возобновят подачу электричества. Ведь якобы это может произойти в любой момент, хотя, готов поклясться, закончат они, в лучшем случае, только к ночи.
— Да уж… Черт, голова болит! Сейчас бы куда-нибудь на свежий воздух. Я бы полежал на травке у реки где-нибудь в теньке.
— Ну, твою голову мы сейчас поправим, — заговорщицки улыбнулся Джон, отчего его лицо покрылось целой сеточкой хитрых складочек.

Технический этаж по обыкновению был темен и пуст. Свет, слабо просачивающийся из маленьких, до невозможности грязных оконец, кое-как выхватывал из темноты разнообразные громоздкие конструкции, басовито гудевшие в такт вибрирующей вентиляции. Многочисленные трубы неведомого предназначения разбегались в разные стороны, то тут, то там спутываясь в загадочные змеиные клубки, которые даже и шипели по-змеиному вырывавшимися струйками пара. Где-то вдали тускло светили себе под нос дежурные лампочки. Несмотря на то что люди здесь бывали довольно редко, за этажом относительно сносно следили. Хотя, конечно, стоило сделать два шага в сторону от проторенных проходов, как вокруг начинали бросаться в глаза почерневшие от многолетних грязевых наслоений стены, груды мусора и толстый слой пыли, один вид которой заставлял думать, не состоит ли она в некотором родстве с лунной поверхностью. Кругом стоял умеренный, но могучий гул, в котором совершенно терялись шаги уверенно идущих по красно-белому кафелю людей.

Спрингс и Райдер, петляя между всевозможными конструкциями и нагромождениями всякого хлама, пробирались в дальнюю часть этажа, где у них давным-давно было облюбовано уютное местечко. С этим замечательным закутком их познакомил еще старик-лифтер, уж два года как уволившийся на покой и теперь коротавший свои деньки за удочкой, таская из реки уцелевшую рыбу и потягивая дешевое пиво, купленное на средства своей небогатой пенсии. Они давно привыкли к окружающей обстановке, предназначение большей части которой оставалось для них полнейшей загадкой, и к царящему вокруг мерному гулу. Спрингс и Райдер приходили сюда, когда выгадывалось время на перерыв и возможность пропустить стаканчик-другой в спокойной атмосфере.

Добравшись до облюбованного и обжитого места, Боб тут же плюхнулся на скамеечку. Закуток представлял собой образованное старыми, свезенными сюда гардеробными шкафчиками и прочей списанной мебелью подобие отдельной комнаты. Неподалеку находились расположенные в самом конце этажа умывальник и туа-

лет, которыми кроме двух друзей, похоже, никто не пользовался, а также пара-тройка запертых на ключ служебных каморок неизвестного предназначения. Толстый слой пыли на висячих замках красноречиво свидетельствовал о том, что люди давно не интересовались содержимым этих комнатушек, из чего следовал вывод, что либо находящееся в них оборудование долгие годы работало исправно, либо же давно накрылось и никому до этого не было ни малейшего дела.

Пока Райдер, рассевшись на скамеечке, вытянув ноги, сосредоточенно изучал черные полоски грязи под ногтями, Джон развел кипучую деятельность, которая изрядно подогревалась предстоящим принятием столь вожделенного лекарства от всех его болезненных ощущений. Накрыв старый, но все еще крепкий металлический столик пожелтевшей газетой, он извлек из ближайшего шкафчика тарелку и два стаканчика. Следом за ними, как по волшебству, на столе объявились колбаса, зеленый лук и пузатая бутылка виски. Боб даже облизнулся, глядя на этот появившийся словно из ниоткуда натюрморт.

— Откуда такое богатство? — спросил он, мигом забывая про свое увлекательное занятие и жадно пожирая глазами выставленное угощение.

— В отличие от некоторых я всегда думаю о завтрашнем дне, — заметил Джон, быстро нарезая колбасу и постукивая ножом по столу.

Райдер хищно втянул ароматный запах и тут же, ухватив своей лапищей бутылку виски, занялся ее пробкой. Едва с ней было покончено, он, не теряя времени, плеснул ее содержимое в стеклянные стаканчики.

— Завидная реакция, — усмехнулся Спрингс, подхватывая свою порцию под красноречивым взглядом приятеля. — Твое здоровье!

Друзья мигом опорожнили посуду от горячительного напитка. Кинув в рот пару кусков колбасы и усердно жуя, Боб тут же наполнил стаканчики вновь. Джон, пока что ограничившись только зеленым луком, против такой поспешности ничуть не возражал. Звякнув стеклянными стенками, парочка снова выпила. Боб, отдуваясь, откинулся назад, прислонившись спиной к одному из шкафчиков. По его лицу начала расползаться блаженная улыбка. Спрингс, положив локти на стол, медленно слюнявил пучок зеленого лука и чувствовал, как благостное тепло, появившееся в недрах его желудка, начинает быстро распространяться по всему телу. Головная боль стала отступать, а сердечный ритм более не норовил разорвать ему грудь. Члены охватило расслабленное состояние, и Джон даже повел носом в сторону теперь уже ароматно за-

пахшей колбасы, которую давно уже усиленно употреблял его приятель. Кажется, виски подействовало самым благоприятным образом.

Вдруг со стороны прохода что-то мелькнуло. Кажется, запах колбасы заинтересовал не только собутыльников. В закутке словно из-под земли объявился здоровенный черный котище с красивым белым треугольничком на грудке, зелеными глазами и могучими лапами. Гладкая короткая шерсть отливала загадочным блеском, а усатая морда оживленно принюхивалась к дразнящему аппетит запаху. С громким мурлыканьем котище тут же принялся обхаживать Джона, подкатывая к нему то одним боком, то другим и трясь головой о его ноги с таким усердием, что чуть не сдвинул человека со скамейки.

— А, Томас, — ласково сказал Джон, наклоняясь, чтобы погладить кота. — Кажется, ты день ото дня все толще и толще.

Кот тихонько мякнул и легонько, но выразительно прикусил протянутые пальцы.

— Ты ему сперва угощение дай, а потом уже гладь, — рассмеялся Райдер, глядя на эту сцену.

Джон улыбнулся, взял со стола кружок колбасы и бросил коту. Тот поймал его лапой на лету и тут же отправил в пасть, слопав добычу в считанные секунды.

— Ну и проглот же ты, приятель, — хохотнул Спрингс и протянул коту еще один кусок, побольше.

Томас осторожно взял из рук протянутый кусок, положил перед собой на пол и принялся усиленно грызть, поворачивая морду то одной, то другой стороной.

— Еще бы он не был таким здоровым! — заметил Боб, снова наполняя стаканы. — Жрет как лошадь. Ты ж его постоянно подкармливаешь, а ведь он наверняка промышляет и у других. И охота тебе тратить деньги на этого зверюгу, тем паче что у нас на заводе их тьма-тьмущая.

— Да ты посмотри, какой красавец, — сказал Джон, принимая приглашение выпить и опрокидывая третью порцию, после чего и сам отправил в рот кружок колбасы. — Где ты еще видал такого котища? — добавил он с набитым ртом. — Готов поспорить, он приходится родоначальником большей половине местной мохнатой братии.

Он снова принялся гладить кота, который на этот раз запрыгнул к нему на скамейку и устроился рядышком, продолжая громко мурлыкать, щуря свои зеленые глазищи. Спрингс снова протянул ему кусочек колбасы, и Томас мигом уплел угощение, прервав свою одобрительную серенаду громким сглатывающим звуком.

— Кстати, а что сказала твоя благоверная по поводу наших вчерашних похождений? — ухмыльнулся Райдер, принимаясь за зеленый лук. — Думаю, твой вид, когда ты наконец заявился домой, был достаточно красноречив.
— А… — махнул рукой Джон. — Как обычно. Устроила скандал и отправила спать на кушетку. Впрочем, я ее не виню. Должно быть, от меня здорово разило спиртным, ибо, проснувшись наутро, я сам едва не задохнулся от того, что творилось в комнате.
— Так и не возьму в толк, кто у вас в доме командует, — заметил Райдер. — То ли ты, то ли твоя жена. Давно бы уже расставил все точки над "i".
— Ага, и жить разведенным, как ты? Что-то не хочется. Ты постоянно хвастаешься своей свободой, да вот только твоя халупа выглядит так, словно в ней располагается филиал городской свалки. Да и жрешь ты что попало…
— Что верно, то верно, — вздохнул Боб. — Но за все приходится платить.

Разомлевшие приятели принялись вести неторопливый разговор. Джон, которому наконец-то как следует полегчало, потягивал виски, закусывал и гладил кота, и палка колбасы постепенно перекочевывала сразу в три желудка. Настроение его улучшилось, и мир более не казался такой уж мрачной и безысходной дырой. Трудно сказать, только ли виски повлияло на перемену его настроения, которое больше не отягощалось похмельным состоянием. Скорее всего, причиной был и горячительный, расширивший сосуды напиток, и довольно мурлыкающий черный кот Томас, поглаживание которого здорово успокаивало нервы.

* * *

Том Харрисон заглушил двигатель и вышел из машины не в самом радужном настроении. С утра ему уже несколько раз позвонили по поводу случившегося аврала в одном из цехов, оторвав от важных дел. Хотя он напрямую и не имеет к происходящему никакого отношения, все же ему представляется прекрасный случай свести кое с кем счеты, раз уж он занимает пост коммерческого директора в этой дыре. Уж теперь он составит прекрасный отчет о служебном несоответствии некоторых лиц. Самое время бы радоваться, да вот день неподходящий. Потеряет он больше, чем приобретет. Но и упускать такую возможность нельзя. Надо лично заявиться на проблемный участок и устроить жуткий разнос, после чего можно будет отправиться к себе в кабинет и составить подробнейший отчет о происходящем с соответствующими

рекомендациями. И Том Харрисон не будет Томом Харрисоном, если после этого не полетят головы. Однако да, настроение у него ни к черту. Еще этот болван охранник провозился с воротами. Как будто не видел, что он едет. Если этот лентяй не может загодя вовремя открывать ворота, пусть катится ко всем чертям на все четыре стороны — на его место можно найти десяток других.

Тощий, в дорогом черном костюме и лакированных ботинках Харрисон, заперев свой новенький лэндкрузер, раздраженно проследовал к дверям и направился прямиком в обесточенный цех. Вскоре там раздался его резкий, излишне высокий голос, которым он честил всех и вся, обвиняя опешивших электриков и их бригадира в саботаже, вредительстве и попытке обанкротить фирму. Вскоре на шум явился главный энергетик, и Харрисон затеял с ним конфликт на служебной почве, злорадно ухмыляясь и недвусмысленно давая понять, что теперь некоторые наконец-то лишатся своих постов. Энергетик, не давая вовлечь себя в переходящую на личности провокацию, сухо отвечал дежурными фразами, аргументируя их профессиональными пояснениями, о сути которых мало смыслящий в техническом плане Харрисон имел самое смутное представление. Кажется, энергетик предвидел такой поворот дела и заранее к нему подготовился. Это отнюдь не добавило коммерческому директору хорошего настроения.

Харрисона на заводе не любили. Высокий худощавый блондин вызывал неприязнь у большей части сотрудников, и тому это было прекрасно известно. Судя по лицам сгрудившихся вокруг рабочих, их симпатии сейчас были явно на стороне электриков, хотя до появления Харрисона они едва ли не честили их на все корки.

Битых полчаса Том препирался с главным энергетиком и его сотрудниками без особого успеха. Распаляясь с каждой минутой все больше, он некоторое время назад уже понял, что сейчас ему лучше всего отступить, сохраняя лицо, и теперь подыскивал для этого удобную лазейку. Выбрав момент, он с надменным видом развернулся и ушел, бросив напоследок через плечо, что "он этого так не оставит", и что "кое-кто в самом скором времени за это ответит". Демонстративно хлопнув дверью, Харрисон спешно принялся подниматься по лестнице, стремясь как можно быстрее попасть в свой кабинет, где он, вооруженный пером, бумагой и личными делами сотрудников, а также многочисленными кляузами и докладными записками, сможет организовать подготовленную и обстоятельную атаку на ненавистных ему людей. Ворча себе под нос что-то не особо лестное в адрес главного энергетика и заместителя директора по производству, Харрисон не особо глядел себе

под ноги. Во всяком случае, пока явственно не вступил во что-то мягкое и склизкое, после чего ему в нос тут же ударило сильное зловоние. Бросив взгляд вниз, Том увидел, что его лакированный ботинок основательно въехал в нахально расположившийся на одной из ступенек здоровенный продукт кошачьей жизнедеятельности. Харрисон побагровел. Какого черта здесь творится, если руководящий состав вляпывается на лестнице в кошачье дерьмо, которое никто не убирает! Здесь что, завод или приют для бездомного зверья?! Мало того, что эти блохастые твари расплодились сверх всякой меры, дак они еще и гадят где попало. Конечно цеха будут простаивать без работы, а оборудование выходить из строя, если тут работают такие сотруднички, что даже дерьмо с лестницы никто не убирает! Ух, подвернись ему под руку та тварь, которая навалила здесь эту мерзость, с каким наслаждением он свернул бы ей шею.

Том принялся нервозно оттирать ботинок о соседние ступеньки, но получилось еще хуже. Зловонная масса растерлась по всей подошве и ее краям. Воняло гадостно. Черт побери, он просто не может появиться в офисе весь в кошачьих испражнениях! Что же делать? Харрисон принялся лихорадочно соображать. Надо как-то отмыться. Не уборщицу же звать — это можно будет сделать потом, когда придет время ткнуть кого-нибудь носом в эту благоухающую размазанную кучу. Том неожиданно вспомнил, что только что прошел технический этаж, в дальнем конце которого должен быть туалет с раковиной, где никогда никого не бывает. Он и сам там бывал всего пару раз по служебной необходимости, когда проводилась очередная инспекция. Самое подходящее место, чтобы привести себя в порядок. Недолго думая, он развернулся и спустился на один пролет вниз. К счастью, эта дверь никогда не запиралась, и он мог беспрепятственно пройти по своим делам. Дернув дверную ручку и очутившись в полумраке технического этажа, насыщенного мерным басовитым гулом, пылью и паутиной, Харрисон, прищурившись, сориентировался в пространстве и попытался найти выключатель, однако его усилия не увенчались успехом. Злобно чертыхнувшись, Том осторожно зашагал в полумраке в направлении тускневшей вдали лампочки, переступая через змеящиеся по полу кабели и трубы и стараясь не касаться одеждой чего-нибудь из окружающей обстановки.

Пока он таким образом пробирался к своей цели, распространяя вокруг крайне неприятный запах, его мысли снова переключились на происходившее несколькими этажами ниже и на то, как именно он будет претворять в жизнь свой план нападения.

Чем дальше он пробирался, тем тише становился окружаю-

щий гул, ибо вибрирующее, гудящее и трясущееся оборудование оставалось позади, равно как и трубы с вырывающимися струйками пара. В этой части этажа было гораздо спокойнее, далекая лампочка становилась все ближе, а мысли Харрисона — все отчетливее, ибо их больше не заглушали технические шумы разнообразных устройств. Вместе с тем Тому вдруг почудилось, что откуда-то спереди доносятся человеческие голоса. Он даже остановился, прислушиваясь, не мерещится ли ему, ибо только этого ему и не хватало. Нет, определенно впереди кто-то говорит, и, судя по всему, не один. Кого еще сюда принесло? Крадучись, Харрисон снова двинулся вперед.

Голоса становились все ближе, а речь все отчетливей. Кажется, еще немного, и можно будет разобрать отдельные слова и даже фразы. Так, а вон и конец этажа и коридор, ведущий к туалету с умывальником. Пройти что ли незамеченным, привести себя в порядок, а потом поинтересоваться, кто же это тут болтает? Еще невидимые отсюда люди — двое, судя по голосам — находились где-то за нагромождением старой мебели и железных гардеробных шкафов, которые в незапамятные времена стащили сюда, да здесь и бросили. Сделав еще несколько шагов, Харрисон оказался у широкого, образованного рухлядью и шкафами прохода, откуда доносились эти самые голоса. Харрисон колебался, стоит ли ему заглянуть туда сейчас, или все же проскользнуть незамеченным к умывальнику, как вдруг его слух резанул хорошо знакомый звук. Словно кто-то буквально в нескольких футах от него чокнулся стеклянными стаканами. Весь охваченный всколыхнувшим его праведным негодованием, Том рванулся туда, откуда донесся этот звук.

Кот, мирно щуривший глаза подле Джона, неожиданно вскочил и напрягся, ощерившись и выгнув спину. Райдер и Спрингс, только что выпившие по очередному стаканчику, остолбенело узрели появившегося в их укромном закутке коммерческого директора. Харрисон мигом оценил открывшуюся его взору картину.

— Попались, голубчики! — злорадно сказал он, неприятно ухмыляясь.

Джон попытался как-то прикрыть газетой обустроенный на столе натюрморт, но понял, что делать это слишком поздно и бессмысленно, и замер на месте, в ужасе ожидая бури.

Харрисон хищно пожирал приятелей глазами, готовясь наконец-то всласть отвести душу на кстати подвернувшихся жертвах.

— Распиваем спиртные напитки в рабочее время в служебном помещении? — зловеще начал он весьма многозначительным тоном.

На лицах друзей мелькнуло было отчаяние, но самым неожидан-

ным образом оно вдруг сменилось выражением некоторого недоумения. Приятели закрутили носами, ибо в замкнутом пространстве стало распространяться зловоние, и довольно скоро их взгляды обратились к ногам Харрисона. Тот быстро понял выражение их лиц и покраснел не столько от гнева, сколько от смущения. В данной ситуации присутствие кота показалось ему особо болезненным обстоятельством. Проклятье, какой здоровый зверь! Не в его ли кучу он только что вляпался там, на лестнице? Кровь бросилась в голову коммерческого директора.

— А что здесь делает эта тварь?! — рявкнул Харрисон, тыкая пальцем в нарысившегося кота.

— Это Томас, — насилу выдавил из себя Джон, не зная, что вообще можно сказать в такой ситуации.

— Какой еще к чертям собачьим Томас?! — заорал Харрисон, которому показалось совершенно оскорбительным, что эту зверюгу назвали тем же самым именем, что носил и он сам.

Кот с мявом шарахнулся в сторону и исчез где-то в щели между старыми железными шкафами.

— Просто кот. Сам по себе. Мы только…

— Да неужели? — прищурился Харрисон. — А-а… Вы — Спрингс! Я вас знаю. Я много раз видел, как вы подкармливаете этих паскудных тварей, от которых ничего кроме дерьма не дождешься. Теперь я лично убедился в том, что вы не только алкоголик, распивающий спиртное на работе, но также что это именно вы приваживаете сюда этих треклятых котов. Черт побери, здесь завод или зоосад?! Клянусь, прежде чем уволить вас за пьянку, я заставлю вас вылизать всю лестницу от подвала до чердака, да так, чтобы она блестела как в мраморном дворце! Я давно хотел положить конец вашим выходкам касательно этих зверюг. Ну ничего, теперь мне и делать ничего не придется — вы сами все сделали.

— Но сэр, ведь они истребляют крыс, — попытался защитить хотя бы своего любимца Джон. — Я думал, что присутствие кошек…

— Он думал! Вам, кстати, надо бы поменьше думать и побольше работать руками, если я правильно понимаю вашу должность. Крыс у нас истребляют исключительно научными методами, и для этого нам совершенно не нужны ваши вонючие коты. Этим занимаются специальные люди в специально отведенное для этого время. Это — их работа. А вот ваша работа уж точно не связана с дегустацией спиртного! — бушевал Харрисон. — Я уже неоднократно получал сигналы насчет некоторых из рабочих, и теперь мне представится отличный случай для того, чтобы навести порядок.

Какое-то время коммерческий директор продолжал разоряться,

однако вскоре запах, исходивший от его перемазанного ботинка, заполонил весь закуток. Харрисон вдруг подумал, что более не может оставаться здесь, потому что двое работяг, чего доброго, сейчас находятся всего лишь в одном шаге от того, чтобы даже против своей воли придумать ему такое прозвище, от которого он уже никогда не отмоется, в отличие от обуви. А потом уж увольняй их, не увольняй — совершенно ничего не изменится.

Быстро закруглив свой гневный монолог, Харрисон сделал два шага назад. Спрингс и Райдер сидели совершенно неподвижно и молчали. Положение было отвратительным, и они попросту не знали, что теперь делать. Джон нервно разглаживал руками сбившуюся газету, которую задел прыснувший со скамейки кот, машинально поправляя едва не слетевшую на пол тарелку.

— О нет, можете не беспокоиться и не убирать ваш замечательный стол. Продолжайте, — едко сказал напоследок Харрисон. — Вам теперь уже нечего терять. Можете вдоволь насладиться своей чудесной трапезой. А завтра — ко мне в кабинет. Там вам воздастся по заслугам. Хорошего дня, джентльмены.

С этими словами он повернулся и ушел, не забыв свернуть в сторону умывальника. Вскоре оттуда послышался шум воды и приглушенное бормотание, подозрительно смахивающее на площадную брань, которым Харрисон сопровождал свое занятие.

— И что теперь делать? — глухо пробормотал Райдер, напряженно прислушиваясь к доносившимся звукам.

— А что мы можем? Попались хуже некуда, — с каким-то фатальным безразличием в голосе тихо отозвался Джон.

— Думаешь, и вправду уволит? — здоровяк Боб как-то весь сразу сник и осунулся.

— Я куда больше удивлюсь, если этого не произойдет, — сказал Спрингс, положив локти на стол и обхватывая руками голову.

В проходе промелькнул шествующий мимо Харрисон. На этот раз он даже не повернул в их сторону головы. Его шаги быстро стихли в доносящемся гуле технического этажа. Друзья некоторое время смотрели в сторону коридора, потом взглянули на стол и друг на друга. Джон вздохнул и принялся собирать остатки пиршества. Райдер молча кивнул. Теперь им все равно ни капли в глотку не полезет.

— И какая нелегкая принесла вдруг сюда этого кретина, — с бессильной досадой сказал он, пытаясь представить, что несет в себе завтрашний день.

— Томас. Томас! — позвал Джон, не отвечая на реплику товарища, спрятав бутылку и посуду и держа в руках остатки колбасы.

— Возишься ты с этим кошарой. Вот и доигрался. Что-то Харри-

сон уж больно обозлился, когда увидел подле нас твоего Томаса. Уж не знаю, может быть, все бы и обошлось, кабы не твой кот, — проворчал Райдер.
— Он-то здесь при чем? Том. Томас!
Но кот не показывался. Грустно покачав головой, Джон положил остатки колбасы в уголок на обрывок газеты. Потом съест.
— Да уж, хорошенькое дельце, — непонятно кому произнес Райдер, поднимаясь.
Спрингс уложил в полиэтиленовый мешок кое-какие вещи. Было неизвестно, будет ли у него завтра время прийти и собрать здесь все, если ожидаемое все-таки свершится.
— Ну, мы идем или как? — с измученными нотками вымолвил топтавшийся на месте Райдер, словно скорость, с которой они покинут это место, может как-то повлиять на их дальнейшую судьбу.
Джон, не говоря ни слова, подхватил пакет и вышел первым. Токарь поспешил за ним. Технический этаж опустел.

* * *

С самого утра к Джону заглянул мрачный как туча Райдер. Подойдя к устроившемуся за маленьким точильным станком Спрингсу, он с пару минут молча постоял, наблюдая за его манипуляциями.
— И как ты еще можешь работать, — хмуро заметил он. — У меня вот все из рук валится. Да и есть ли в этом вообще какой-либо смысл?
— Это гораздо лучше, чем слоняться из угла в угол и травить себе душу, — заметил Джон, не отрываясь от дела.
— Ясно… — Райдер немного помялся. — Ничего не слыхать?
— Нет. Я не думаю, что Харрисон все позабыл. Но и сам к нему первый не пойду, чего и тебе советую.
— А-а. Ну да, — как-то невнятно хмыкнул Райдер. — Ну я тогда вернусь к себе. В перерыв встретимся, если что, о'кей?
— Конечно. Если меня позовут к этому выскочке, я обязательно заскочу к тебе.
— Взаимно. А ты рассказал Маргарет о случившемся?
— Нет. Не смог. Да и какой в этом толк? Если что, она и так все узнает. Зато если вдруг все каким-то самым мистическим образом обойдется, у нее будет ровно на один серьезный повод меньше меня пилить.
Несмотря на гнетущее настроение, Райдер не удержался от легкой улыбки.

Харрисон сидел в своем кабинете и заканчивал свой обшир-

ный труд, который вчера, к сожалению, не успел завершить. Подавив в себе отчаянное искушение немедленно разобраться с парочкой работяг, он вернулся к своим первоначальным планам, решив, что с мелкими сошками можно будет повозиться и потом, а сейчас надо успеть сделать самое главное. Однако его продуманный тактический план устранения с завода неугодных лиц слишком затянулся, и только сейчас, он наконец-то закруглял свою бумажную работу, которая должна была послужить точкой кое в чьей карьере. Во всяком случае, в этой фирме. В самом недалеком будущем его труды окажутся на столе у большого начальства. Труды обстоятельные, со всеми доводами, бумагами и доказательствами. Скоро из отдела экономического планирования принесут запрошенный им отчет об убытках, которые понесла фирма из-за вчерашнего серьезного простоя нескольких производственных участков. Есть там один толковый малый, и он посчитает для него, Харрисона, все в самом лучшем виде. Эта бумажка станет весьма неплохим и достаточно красноречивым документом в комплекте всего того, что сейчас собирал для решительной атаки коммерческий директор.

Том морщил лоб, пытаясь найти наиболее подходящие выражения, чтобы объединить всю убийственность приведенных им аргументов в одну цельную конструкцию. Дело застопорилось. Уже около получаса где-то внизу, под его окнами, на разные голоса завывали коты. Господи, до чего он ненавидел этих тварей! Что они там опять не поделили? Неужели на свете есть что-то более раздражающее и поганое, чем кошачьи вопли?! Сегодня, паркуя машину, он заметил сразу трех этих зверюг, мирно гревшихся на солнышке на крыше ближайшей подсобки. А один из них самым наглым образом прошествовал неподалеку от его машины, словно не замечая разгневанного человека. Харрисон хорошо помнил, как с трудом подавил в себе отчаянное желание запустить в животное осколком кирпича, и сдержался лишь потому, что боялся, что его кто-нибудь увидит. Проклятье!

Еще с полчаса Харрисон отчаянно страдал, пытаясь закончить свою работу. Отчет из отдела планирования запаздывал, но он и не подумал подгонять своего расторопного малого, ибо находился на грани нервного срыва. Какое там? Том что есть сил пытался сосредоточиться, но это у него получалось все хуже и хуже. Вскоре в голове не осталось ни единой мысли — все, буквально все заполонили собой заунывные кошачьи рулады. Черт побери, неужели это никогда не кончится?! Кажется, эти твари завыли особенно дико. Началась очередная драка, которая быстро прервалась на новые, еще более отчаянные завывания. Харрисон не вы-

держал. Схватив со стола тяжелое пресс-папье, он подскочил к окну, распахнул его и что есть мочи запустил импровизированный метательный снаряд вниз, куда-то в направлении кошачьего хора. Тяжелый предмет с гулом ударился о землю и покатился кубарем. Ненавистное, всевозможных мастей зверье шарахнулось в стороны. На какое-то время стало тихо.

— С каким бы наслаждением я швырнул бы в этих тварей гранатой, — прошипел Харрисон, снова устраиваясь в своем кресле, которое последний час совершенно не казалось ему привычным и уютным. — Кто бы избавил меня от этих чертовых котов?!

Против воли мысли коммерческого директора переключились в сторону, совсем далекую от той, что занимала его со вчерашнего дня. В распаленный, раздраженный ум Харрисона приходили самые разные идеи, но все они казались ему либо неосуществимыми, либо слишком дорогими, либо очень неподходящими для его репутации. Тем не менее они доставляли ему некоторое удовольствие. Как говорится, если не сделать, так хоть помечтать. Перед его внутренним взором вставали разноцветные вереницы ненавистных животных, которых, пойманных в большие специальные сачки, грузили в автофургон. Они отчаянно трепыхались, пытаясь вырваться, но чем больше они это делали, тем больше увязали в охватывающих их путах. А вот среди них и тот котяра, которого он видел вчера. Здоровый как боров и черный как смоль! Ишь как сверкает своими зелеными глазищами! Ничего, голубчик, теперь тебе никто не поможет, даже твой дружок-алкоголик…

Вдруг в его голове промелькнуло одно случайное соображение. Придя словно из ниоткуда, оно сначала было отброшено, как влияние совершенно другого события, но потом Харрисон вдруг сообразил, как это обстоятельство можно использовать. Он подтянул идею к себе и принялся тщательно прикидывать ее со всех сторон. А что, почему бы и нет? Гм. А это не так уж и плохо. В конце концов, что он теряет? Зато, если все получится, можно и чистеньким остаться, и дело сделать. Пожалуй, стоит попробовать…

В дверь постучали.

— Войдите, — крикнул Харрисон.

В дверь просунулся тот самый молодой человек, которому он поручил сделать столь нужный ему отчет.

— Мистер Харрисон, сэр, я принес то, что вы просили. Извините за задержку — работы много. Шеф требовал, чтобы…

— Ничего-ничего, все в порядке, — ласково улыбнулся Харрисон, подзывая его к себе. — Давай, что там у тебя.

Молодой человек приблизился и протянул коммерческому дирек-

тору несколько листков, испещренных аккуратными столбиками цифр с короткими, но выразительными пояснениями. Харрисон бросил беглый взгляд и убедился, что это было как раз то, что ему нужно.
— Отлично, мой мальчик, просто отлично! — удовлетворенно закивал он, мигом приходя в хорошее расположение духа. — Я знал, что могу на тебя положиться. Думаю, человек твоих талантов далеко пойдет, особенно если у него будет влиятельный покровитель.
Молодой человек смущенно улыбнулся, явно польщенный услышанным.
— Можешь идти, — сказал Харрисон. — Я очень доволен. Не беспокойся, твои старания будут вознаграждены.
Посетитель коротко кивнул и направился к двери.
— Постой… — сказал вдруг вдогонку коммерческий директор. — Ты знаешь Райдера и Спрингса?
— Э-э… Это которых?
Харрисон в нескольких словах напомнил, о ком идет речь.
— А… Кажется, припоминаю.
— Хорошо. Тебя не затруднит сходить и передать им, чтобы в обеденный перерыв оба явились ко мне?
— Да, разумеется. Если вы просите, — отозвался молодой человек несколько удивленным тоном.
— Я не хотел бы вызывать их официально. Дело, о котором пойдет речь, довольно конфиденциального характера, — пояснил Харрисон, заметив выражение недоумения на лице собеседника.
Тот кивнул в знак понимания и удалился.

В назначенное время оба приятеля явились в приемную. Примостившись на кожаном диване, они недвижно сидели так, словно их тела не очень удачно выстругал из дерева какой-то неумелый мастер — неловко, криво, кособоко. Секретарь не обращала ни малейшего внимания на унылую парочку, на лицах которой застыло столь кислое выражение, что ему позавидовала бы квашеная капуста. Они, в свою очередь, молча смотрели в одну точку, словно окружающий мир для них вовсе перестал существовать, и не переглядывались даже друг с другом. В общем-то, и обсуждать было нечего — все стало ясно без слов, когда за ними прислали с требованием явиться в приемную коммерческого директора.

Через четверть часа томительного ожидания на столе секретаря запищал зуммер внутреннего вызова.
— Слушаю. Да. Понятно, сэр.
Секретарь положила трубку и повернулась к двум приунывшим друзьям.
— Райдер, зайдите, — коротко бросила она, после чего немедленно

вернулась к своим делам, быстро зашуршав пальцами по клавиатуре компьютера и сосредоточенно глядя в экран.
Джон и Боб вышли из довлевшего над ними оцепенения и неуверенно переглянулись. Райдер встал, хотел что-то сказать, потом тихо крякнул, махнул своей огромной лапищей и понуро проследовал в кабинет Харрисона. Едва его широкая спина скрылась за обитой богатым декоративным убранством дверью с красивой латунной табличкой, где витыми буквами было выведено имя и должность хозяина кабинета, как Джон тут же впился в нее взглядом так, словно хотел пронзить ее насквозь и увидеть, что происходит внутри. Против своей воли он понял, что до невозможности напрягает слух, хотя расслышать что-либо отсюда было совершенно немыслимо. По крайней мере, пока коммерческий директор не начнет орать.

Прошло всего пять минут, хотя Спрингсу показалось, что утекла целая вечность, и дверь распахнулась снова. На пороге появился Райдер. По его лицу блуждала глупая улыбка. Словно машинально притворив дверь, он какими-то неловкими шагами проследовал к Джону и плюхнулся рядом с ним на диван.
— Ну, что? Давай, говори! — не утерпел Спрингс, пытливо уставившись на друга, в данный момент здорово смахивавшего на умственно отсталого, которому неожиданно дали большую и вкусную конфету.
— Выговор. Просто выговор. Даже без занесения, — обалдело выдавил из себя Боб, продолжая глупо улыбаться.
— И все?! — вытаращил глаза Джон. — Не может быть!
— Да я сам едва верю, — отозвался Райдер, встряхивая головой словно ото сна.
— Давай, рассказывай!
Но рассказать не дали. Снова запищал зуммер.
— Спрингс, пройдите!
Бесстрастный голос секретарши казался неумолимым. С сильно бьющимся сердцем Джон встал и прошел в кабинет заплетающимися от волнения шагами.

Харрисон восседал за своим широким, стилизованным под красное дерево столом и что-то деловито писал. На вошедшего слесаря он даже не поднял головы, лишь поманив последнего пальцем. Джон тихонько приблизился.
— Добрый день, сэр, — негромко сказал он, останавливаясь у стола и переминаясь с ноги на ногу.
— Добрый. Присаживайтесь, — отозвался Харрисон, по-прежнему не поднимая головы.
Джон мешковато уселся на стоявший подле стола боком стул, про-

изведя при этом, как ему показалось, слишком много шума, и замер, блуждая взглядом вокруг.

В кабинете царила приятная прохлада — судя по всему, едва слышно гудевший в углу кондиционер старался на совесть. Из слегка приоткрытого окна проникали свежий воздух и звуки заводской жизни. Кажется, где-то разгружали что-то очень громоздкое, полое и металлическое. Легкие же дуновения, тихо покачивавшие белоснежные жалюзи, на деле оказывались не такими уж свежими, привнося с собой кое-какие производственные ароматы, к которым, впрочем, все уже давно привыкли и попросту не замечали.

Харрисон молча продолжал что-то писать. Спрингс, не осмеливаясь нарушить молчание, продолжал изучать убранство кабинета, время от времени бросая быстрый взгляд на его хозяина. Тот, казалось, словно забыл о существовании посетителя. Джон тихонько кашлянул, шмыгнув и проведя рукой по носу, словно это вышло совершенно ненароком.

— Так вот, — вдруг сказал Харрисон, наконец-то удостаивая слесаря взглядом. — Надеюсь, вы понимаете, насколько серьезна ваша вчерашняя выходка?

Джон опустил глаза с самым виноватым выражением лица, на которое только был способен. Если бы не прозвучавшие как гром среди ясного неба слова Райдера, он постарался бы обойтись без театральных жестов и как можно более достойно принять неизбежное. Однако теперь в его душе теплилась отчаянная надежда. Может быть, и вправду не все потеряно?

— Также, я надеюсь, вы понимаете, что наказанием за подобный проступок может быть только немедленное увольнение? Нам не нужны люди, позволяющие себе самым злостным образом нарушать дисциплину, продолжал коммерческий директор, помахивая в такт своим словам дорогой перьевой ручкой в сторону Джона.

Слесарь удрученно вздохнул, не очень громко, но и не беззвучно. Изобразив глубочайшее раскаяние, он поднял глаза на Харрисона.

— Вы же квалифицированный рабочий, Спрингс! Равно как и ваш приятель. Вам ли не знать, что употребляя спиртные напитки во время работы, вы не только подвергаете опасности себя и оборудование, но также и окружающих вас людей. Вам напомнить случай, который произошел пять лет назад как раз в том цеху, где работает Райдер?

Джон помотал головой и смущенно почесал в затылке.

— А надо бы, судя по всему, если вы вздумали вести себя подобным образом.

Харрисон пустился в пространные объяснения, сделавшие бы

честь любому проповеднику, затеявшему отвратить разумы прихожан от пагубного воздействия алкоголя. Джон слушал, стараясь не отводить взгляда от начальства. И какая муха укусила Харрисона? Кажется, речь и впрямь не пойдет об увольнении, иначе какого черта он разводит тут все эти разговоры. Можно подумать, Спрингс не знает, как коммерческий директор умеет увольнять людей. Нет, кажется, на этот раз может и впрямь обойдется. Джон слушал с неослабевающим вниманием. Он готов был стерпеть хоть сотню подобных нотаций, если только этим дело и ограничится.

Где-то что-то продолжали разгружать, откуда-то доносились оживленные, вразнобой гомонящие голоса. На соседнем, не видимом отсюда подоконнике урчали голуби. Внизу, под окном, послышался короткий кошачий мяв. По лицу Харрисона промелькнуло облачко. Чуть нахмурив брови, он отложил в сторону свои бумаги, ни на секунду не прекращая своего монолога. Поставив локти на стол и сложив пальцы перед собой, он продолжал вещать, глядя одновременно и на слесаря, и словно сквозь него.

Раздался хлопот крыльев. Кажется, к заходившейся утробными трелями под теплыми солнечными лучами пернатой братии прибыло пополнение. Вдали со смаком уронили что-то особо гремучее. Снизу донесся резкий и продолжительный заунывный кошачий вопль. На лбу Харрисона обозначилась резкая черточка. Он нервно дернул щекой и неожиданно быстро закончил свою речь. Воцарилось молчание. Джон замер в ожидании. С улицы снова донеслось протяжное завывание. Коммерческий директор помрачнел и бросил взгляд на осиротевшую часть стола, где еще совсем недавно красовалось массивное пресс-папье.

— Надеюсь, вы отдаете себе отчет, Спрингс, что я просто-таки не могу не принять соответствующие меры? — сказал Харрисон с какой-то странной злостью в голосе, и Джону вдруг показалось, что тот имеет в виду совершенно не его.

— Да, сэр. Я безоговорочно признаю, что виноват и заслуживаю самых суровых мер, — сказал он с очередным тихим вздохом.

— И этими мерами, безусловно, могло быть только немедленное увольнение, — жестко продолжил Харрисон. — Во всяком случае, вчера я придерживался именно этой позиции.

Не удержавшись, Джон вопросительно уставился на начальство, ибо теперь его невероятные надежды стали подкрепляться услышанными только что словами.

— Вы хотите дать мне шанс, сэр? — негромко спросил он, затаив дыхание.

— Что бы там ни говорили, вы хороший мастер, Спрингс. Нам было бы жаль потерять толкового и исполнительного рабочего с ва-

шим опытом и квалификацией. Руки у вас растут откуда надо. Разумеется, на ваше место тут же найдется десяток других желающих, но зачем прибегать к такой крайности, если есть возможность ее избежать?
Джон весь обратился в слух, сообразив, что коммерческий директор собирается сказать что-то такое, ради чего он вообще его сюда вызвал. Теперь даже ему показалось совершенно неуместным, что заводские коты затеяли где-то неподалеку очередную свару, оглашая окрестности боевыми кличами нападения и боли.
— Вы же уже давно подкармливаете местных кошек, не правда ли? — вдруг спросил Харрисон, пристально уставившись на слесаря.
Тот даже опешил от такого вопроса, ибо ожидал услышать многое, но только не это.
— Ну что вы, сэр! — оторопело произнес Джон. — Может быть, только двоих. Но я не думал, что это может вызвать такое неудовольствие. Они ведь никому не мешали. Я думал, что... Ну вы помните, насчет крыс.
— Я вам уже говорил, что думать на этом заводе положено совсем другим людям, — холодно заметил Харрисон. — Однако сейчас это скорее плюс, чем минус. Раз вы посвящали некоторое время этим животным — и не отрицайте, иначе наш разговор может немедленно пойти совсем в ином русле! — то вы должны хорошо знать, сколько их и где они обитают. Ведь это не домашние питомцы, а бродячие коты, которые самым недопустимым образом находятся на заводской территории. Находятся без прививок и контроля. И живут, возможно, в совершенно недопустимых местах, а это попросту неприемлемо. У нас здесь серьезное предприятие, а не приют бездомных животных.
Джон лишь озадаченно развел руками, пытаясь взять в толк, куда клонит коммерческий директор.
— Сэр, я не совсем понимаю, чего вы от меня хотите, — растерянно произнес он.
— Я хочу, чтобы вы избавили... завод от этих животных, — сделав мимолетную паузу на середине фразы, сказал Харрисон, с каким-то особым ударением на слове "завод", словно подвернувшимся лишь в последний момент.
Спрингс едва не потерял дар речи.
— Но как же... Сэр, я не ослышался? Вы хотите, чтобы...
— Чтобы вы раз и навсегда решили проблему присутствия на заводской территории большого количества бродячих животных, — жестко бросил коммерческий директор, пристально глядя на слесаря.

Джону на секунду показалось, что все это какой-то нелепый розыгрыш, и Харрисон просто вздумал над ним посмеяться.
— Сэр, вы наверное хотите надо мной подшутить? — сбивчиво выдавил Джон, изображая на лице вымученную улыбку.
— Отнюдь. Я предлагаю вам уладить это небольшое дело. Но вопрос ставлю весьма прямолинейно: кто-то из вас раз и навсегда покинет заводскую территорию — или вы, или эти коты. Решать вам. Я вас не принуждаю.
Воцарилось молчание. Харрисон искоса наблюдал за слесарем. Тот, смущенный и ошарашенный, отчаянно искал, что бы такое сказать, и не находил. Поняв, что коммерческий директор и не думает шутить, Спрингс едва не пришел в ужас, до чего немыслимым показалось ему выдвинутое условие.
— Но что же я могу сделать? — сказал он наконец, судорожно сглатывая внезапно пересохшим горлом. — Не могу же я просто взять и приказать им уйти.
— Это уже ваши трудности, — заметил коммерческий директор. — Однако я могу оказать вам в этом плане некоторое содействие, распорядившись предоставить вам все, что потребуется.
— В каком смысле?
— В каком? Я, как и вы, также предполагаю, что вам не удастся уговорить их уйти по-хорошему, — мрачно усмехнулся Харрисон.
Спрингс покрылся испариной, поняв, на что намекает сидевший напротив него в дорогом черном костюме человек.
— Сэр!.. Но я не могу! — с отчаянием в голосе воскликнул Джон, впиваясь задрожавшими пальцами в колени.
— Весьма сожалею, ибо в этом случае нам придется с вами расстаться, — бесстрастно сказал Харрисон.
Джон порывисто встал.
— Кстати, — добавил коммерческий директор заметив, что лицо слесаря отразило отчаянную непокорность и с его уст вот-вот готовы сорваться какие-то слова, — вместе с вами завод также покинет и ваш друг Райдер. Я сделал ему поблажку исключительно исходя из того, что мы с вами найдем общий язык. Но я в любой момент могу и передумать. В ваших руках не только ваша собственная, но и его судьба.
Спрингс, уже открывший было рот, чтобы выпалить свое возмущенное мнение по поводу предложения Харрисона, так и не сказал ни слова. В его глазах, казалось, только что отражавших какое-то решение, снова появилась растерянность.
— Вы хотите загнать меня в угол? — глухо сказал он наконец.
— Вовсе нет. Вы можете принять мое предложение, а можете отказаться — только и всего, — по-змеиному улыбнулся коммерче-

ский директор.
— Но как же... Я же!.. Но разве так можно? При чем тут, в конце концов, Боб Райдер? — с усилием сказал Джон, теряясь в словах.
— Вот что, милейший, — произнес Харрисон, окинув слесаря внимательным взглядом. — Мне кажется, что сейчас наш дальнейший разговор будет непродуктивен. Отправляйтесь-ка домой и хорошенько подумайте. На сегодня я вас отпускаю. Даю вам три дня на размышление. И постарайтесь принять правильное решение.

Завидев показавшегося Джона, Райдер вскочил с кожаного дивана и поспешил ему навстречу.
— Ну что? — спросил он, заглядывая другу в лицо, едва тот притворил за собой дверь кабинета.
— А? — каким-то отсутствующим голосом вымолвил Спрингс, поднимая на Боба глаза так, словно не узнал его.
— Что он тебе сказал? Бог мой, да на тебе лица нет! — заволновался Райдер. — Неужели он тебя уволил?!
— Уволил? Н-нет... — протянул Джон, утирая рукавом со лба капли холодного пота.
— Но что же тогда? Ты выглядишь как выжатый лимон! — не отставал Боб.
— Просто разговор был не из приятных, — Джон попытался улыбнуться, но улыбка получилась вымученной. — Давай уже уйдем отсюда.
— Так что? Неужели ты мне не скажешь? — продолжал беспокоиться Райдер видя, что с его другом явно творится что-то неладное.
— Да все в порядке, — выдавил Спрингс, сделав над собой усилие и похлопав токаря по плечу. — Нотации мне читал. Нелицеприятные. Грозил и запугивал. Но вроде обошлось. На этот раз.
— Тогда что же ты такой кислый? — недоверчиво спросил Боб, внимательно окидывая его взглядом.
— Да что-то мне нездоровится. Видать, переволновался я. Думал, не досижу. К тому же я боялся, что Харрисон это увидит и, чего доброго, решит, что от меня и впрямь лучше всего избавиться прямо сейчас, пока я не отправился за счет фирмы в больницу.
— Плохо? Сердце? — переменился в лице Райдер.
— Да, чуток шалит, — поморщился Джон, внутренне радуясь столь удачному прикрытию.
— Э! Ты давай поосторожнее с этим! Ну-ка пойдем. Тебе надо присесть. Я накапаю тебе чего следует.
И Райдер аккуратно, но настойчиво повлек друга прочь из приемной.

* * *

Некоторое время Джону пришлось изображать из себя больного, ибо ему совершенно не хотелось рассказывать озабоченному токарю истинную причину своего состояния. Впрочем, симуляция давалась Спрингсу без особого труда — выглядел он и впрямь неважно. Пока Боб хлопотал вокруг него, Джон пытался привести мысли хоть в какой-то порядок и обдумать, что же теперь делать. Однако это удавалось ему весьма плохо. Когда Спрингсу наконец-то удалось спровадить Райдера, напомнив тому, что перерыв уже кончился и давно пора явиться на рабочее место, а ему, мол, уже гораздо лучше, он немедленно собрался и отправился домой, решив воспользоваться милостивым разрешением Харрисона.

Припарковав свой старенький форд, как обычно, у дома, Джон проследовал внутрь, погруженный в невеселые мысли. Он хотел как можно быстрее добраться до гостиной, затенить ее плотными шторами, включить телевизор, завалиться на диван и попытаться расслабиться с упаковкой банок холодного пива. Под мерное бормотание голубого экрана и умиротворяющее действие пенного напитка он надеялся прийти в себя, успокоиться и решить, что же он будет теперь делать. Однако, к своему глубокому неудовольствию, Спрингс обнаружил дома супругу, которая сейчас должна была быть на работе, как и он. Крайне некстати, учитывая, что Джон очень хотел побыть в одиночестве. Приняв самый непринужденный вид, он осведомился, что его дражайшая половина делает дома в столь необычный час. Маргарет работала поваром в забегаловке неподалеку, и сейчас должна была трудиться в поте лица в прямом и переносном смысле.

— Трубу прорвало. Такой потоп, что перемещаться можно только вплавь. Хозяин в бешенстве, но винить он может только себя — нельзя было так все запускать. Еще удивительно, что этот тип не вычеркнул из оплаты нынешний рабочий день, который полетел псу под хвост, — ответила жена. — А вот что ты здесь делаешь? Заскочил пропустить стаканчик или тебя наконец-то уволили?

Сказала она это так, между делом, следуя своей обыкновенной привычке ворчать, но в сердце Джона эти слова отозвались болезненным уколом.

— Да что-то мне неважно. Отпустили. Пойду прилягу, — хмуро пробормотал он, стараясь проскользнуть мимо супруги.

— Ой ли? Небось, опять хватил лишку, вот тебе и плохо! И какой болван отпустил тебя домой вместо того, чтобы выставить с завода ко всем чертям? — насмешливо прищурилась Маргарет. — Отлежаться он пришел. Полечиться. Иди-иди, твое лекарство в холо-

дильнике, как обычно. Выбросила бы давным-давно, да тебя, дурака, жалко.
Перед внутренним взором Джона возник неприятный образ Харрисона. Спрингс невольно бросил взгляд на настенный календарь. Три дня. Сегодня у нас вторник, значит, в четверг вечером. Или в пятницу утром? Да какая, к чертям собачьим, разница! Что это меняет? Получить зарплату за лишних трое суток, а потом с гордо поднятой головой отправиться восвояси на все четыре стороны? Ведь не может же он, в самом деле... Да разрази чума и холера этого негодяя Харрисона! Что же это он такое удумал? И как он может требовать от него, Джона, исполнения своего чудовищного замысла? Ему вдруг вспомнился ласково мурлыкающий Томас с отливающей загадочным блеском черной шерстью. Наконец-то добравшийся до холодильника Спрингс отчаянным рывком вскрыл пивную банку и залпом опрокинул в себя львиную долю ее содержимого.

Вечер Джон встретил на диване, давно потеряв счет пустым алюминиевым банкам и время от времени препираясь с периодически появлявшейся Маргарет. Может быть, она и вела себя как обычно, но Спрингсу казалось, что жена словно задалась целью окончательно вывести его из душевного равновесия.
— Дорогая, не могла бы ты наконец заткнуться и оставить меня в покое! — воскликнул Джон, швыряя в угол очередную пустую банку.
Супруга удивленно воззрилась на развалившегося самым нахальным, с ее точки зрения, образом мужа. Обычно тот вел себя весьма миролюбиво и стоически терпел все ее колкости. От возмущения она даже опешила.
— Да если бы не я, ты бы давно уже сгинул где-нибудь в придорожной канаве, жалкий алкоголик! — воскликнула она скорее растерянно, чем со злостью. — Сам-то ты ни на что не способен, и в голове у тебя меньше, чем у соседской собаки!
Джон, пришедший в несколько безразличное состояние от количества выпитого пива, скептически воззрился на жену. Пусть считает его кем угодно. Во всяком случае, он сам относится к себе куда лучше. Пусть этот Харрисон катится ко всем чертям! Катится и сам вытворяет все, что хочет. Он, Джон, посоветует ему засунуть свое предложение в задницу.
— Ты, как всегда, очень любезна, дорогая, — отозвался Спрингс. — Уж и голова у меня плохая, и руки неоттуда растут, и вообще я весь какой-то неправильный и непутевый. Да только живем пока что, и сына пытаемся в люди вывести. Поди, не на себя вкалываю, а на вас. Небось не на улице живешь, да не отбросами пита-

ешься.
— Вот негодяй! И это он говорит мне! — всплеснула руками жена. — Да это ты будешь жрать всякую дрянь, если однажды я таки забуду про свое доброе сердце и предоставлю тебя собственной дурости. Я еще стараюсь, готовлю ему, еду ношу с работы... Чтоб он тут пиво лакал на диване и строил из себя поильца и кормильца!
Маргарет даже ненадолго замолчала, подыскивая подходящие гневные слова.
— Кстати, — вдруг сказала она, меняя тон. — Раз уж ты напомнил. Это пришло с вечерней почтой.
Он бросила на грудь Джона какую-то бумагу.
— Что это? — лениво отозвался он.
— Напоминание из банка. Через месяц платить по закладной. Или мы окажемся на той самой улице, где якобы не живем только твоими великими трудами. Вот и побеспокойся, муженек!
Джон едва заметно побледнел. Схватив бумагу, он быстро развернул ее и пробежал глазами содержимое. Проклятье! Как же он мог забыть?! Он тихонько застонал, словно от зубной боли. Боже, почему именно сейчас?

Маргарет продолжала что-то говорить, но он уже не слушал. Мир в очередной раз словно перевернулся, и Спрингс, уже было твердо решивший послать Харрисона ко всем чертям — ведь этот завод чай не единственное рабочее место на земле — внезапно ощутил прилив какой-то бескрайней тоски.
— Пойду пройдусь, — вдруг сказал он вскакивая и натягивая куртку.
— Что, опять в бар собрался?! — возмутилась жена. — Знаю я твое "пройдусь"! Опять приползет за полночь пьяный в стельку. Надеюсь, у тебя есть деньги, мистер миллионер, раз ты снова собрался всласть покутить, ибо, судя по этой бумаге, тебе надо выплатить довольно кругленькую сумму!
— Да все у меня есть. И ни в какой бар я не пойду! — отмахнулся Джон. — Погуляю часок и приду. Сделай ужин.
Спрингс вышел, хлопнув дверью. Маргарет еще какое-то время поворчала, честя своего беспечного муженька на все лады. Потом отправилась на кухню, откуда вскоре послышалось позвякивание кухонной утвари.

Утром Джон первым делом заглянул к своему другу в цех. С самым беспечным видом Райдер колдовал вокруг своего станка, подготавливая его для предстоящей работы.
— Джон, старина, с добрым утром, — лицо токаря осветила приветливая улыбка. — Кажется, сегодня ты выглядишь куда более

здоровым.
— Привет, Боб. Да, уже все прошло.
— Я вчера за тебя здорово переволновался. Оказывается, ты сбежал домой. Чего к телефону не подходил? — в голосе Райдера послышались обиженные нотки. — Твоя жена сказала, что ты отправился "лечиться" в ближайший бар.
— Ты больше ее слушай. Я просто ходил прогуляться. Потом пришел и завалился спать. Теперь я в полном порядке. Слушай, Боб, у меня к тебе есть небольшой разговор.
— А что такое?
— Не сейчас. Давай во время обеда.

Вчера до поздней ночи Спрингс думал, как выкрутиться из складывающейся ситуации. Если его уволят, у него никак не хватит средств на выплату по закладной. На заем в банке можно было даже не рассчитывать. Однако он припомнил, что у его друга Райдера имеются кое-какие сбережения на черный день. Может быть, это будет и несколько нечестно по отношению к старому приятелю — одалживать у него деньги, когда точно знаешь, что потеряешь работу, но Джон решил, что, взяв у Боба взаймы на полгода, успеет за это время устроиться в другое место и полностью выплатит долг, когда подойдет срок. Может быть, придется даже устроиться на куда более низкооплачиваемую черную работу, но долг он вернет, и тогда все стабилизируется.

В обеденный перерыв Спрингс, несколько изменив суть вещей и кое о чем умолчав, поведал Райдеру о своих трудностях. Ему даже стало совестно, когда добродушный здоровяк хлопнул его по плечу и воскликнул:
— Мать честная, какие проблемы, дружище?! Конечно я одолжу тебе деньги. Неужели я позволю, чтобы моего старого друга выставили из его дома на улицу как какого-то жалкого проходимца?

Что ж, дело было сделано. Пряча глаза от смущения, Джон условился после работы зайти с Райдером в банк и все устроить. Спрингс еле дождался конца перерыва, ерзая на месте как на иголках, пока токарь, заходясь от смеха, травил ему разные подцепленные в супермаркете байки. Что ни говори, а положение получалось совершенно некрасивое. Будет полбеды, если Джона всего лишь уволят, когда он знал об этом и все равно пошел на заем. На этот счет он уже договорился со своей совестью, полностью отдавая себе отчет, что успеет вернуть долг. Но будет гораздо хуже, если угроза Харрисона не окажется пустой и следом за ним уволят и самого Райдера. Вот тогда Джон де-факто окажется последней сволочью. Размышлять об этом было очень тяжело, и когда перерыв наконец-то окончился и друзья разошлись, Спрингс едва ли

не сломя голову бросился к себе на участок и с головой погрузился в работу, вкалывая в поте лица, чтобы не оставлять своей совести ни единой секунды на атаку. В конце концов, что он мог сделать? Если Харрисон не солгал для красного словца, Райдера так и так уволят. А долг он ему все равно вернет вовремя. И здоровяк не пойдет по миру — у него еще останется достаточно средств. Да и другую работу он себе найдет куда скорее, чем сам Джон.

Все это звучало вполне логично и убедительно. Для всех, кроме его совести.

Оставшееся время Спрингс проработал относительно спокойно, время от времени мысленно посылая Харрисона ко всем чертям для укрепления своих душевных сил. Райдер без всяких проволочек снабдил Джона необходимой суммой. Теперь вопрос с закладной будет улажен. Завтра — пятница. Срок, означенный коммерческим директором, истекает. Что ж, значит, закончится его последняя неделя на этом заводе, на котором он уже проработал без малого… О, да. Неужели так долго? Кто бы мог подумать… Как быстро летят годы!

Вечером Джон вернулся домой с какой-то гранитной невозмутимостью. Выбор сделан. Трудный, неприятный, особенно по отношению к Бобу, но все же сделан. А моральной компенсацией послужит выражение лица Харрисона, когда он завтра пошлет его куда подальше, посоветовав засунуть свое предложение в наиболее подходящее для этого место.

Переступая дверной порог, Спрингс твердо решил больше не пить. Он выпутается из этой передряги, но больше не допустит, чтобы что-нибудь подобное произошло по его собственной вине. Однако, как выяснилось, его беды на этом не закончились.

— Джон, звонил Майкл, — сообщила Маргарет, накрывая на стол.

— Как у него дела, все в порядке? — спросил Спрингс, принюхиваясь к ароматам из кастрюли.

— В отличие от тебя — да. К счастью, наш сын не такой непутевый лоботряс, как его папаша. С учебой у него все отлично, и с подработкой тоже.

— Интересное замечание. Если он похож на меня почти как две капли воды, но я при этом никчемный болван, а он — мистер успех, то как эта логика укладывается в твоей голове? — заметил Джон, дожидаясь, пока супруга нальет ему глубокую тарелку супа.

— Потому что от тебя ничего кроме внешности он и не унаследовал, — съязвила жена, откладывая половник. — Слава богу, все остальное нашему сыну досталось от меня.

— Что, правда? — хихикнул Джон, приступая к первому. — Что-то

я не видел у вас дипломов, моя дорогая миссис Спрингс. Должно быть, свидетельства ваших жизненных успехов, равно как и большого ума, вы прячете в глубочайшей тайне. А простой поварихой работаете исключительно из скромности, не так ли?
— Вот сейчас простая повариха отнимет у тебя твою простую еду, и будешь ты жрать размороженные полуфабрикаты, бессовестный ты негодяй, — оскорбилась Маргарет.
— Да ладно, ладно! Не злись, — хмыкнул Джон, побаиваясь, что супружница, чего доброго, и впрямь исполнит свою угрозу. — К счастью, Майкл выбьется в люди и не будет всю жизнь корпеть у плиты или станка. Так что нам с тобой надо бы радоваться, а не выяснять, кто из нас двоих хуже.
Маргарет немного поворчала и успокоилась. Принимая у мужа пустую тарелку, она принялась рассказывать о своем телефонном разговоре с сыном. Слушая ее болтовню, Джон уплетал второе, чередуя его с салатом, и мысленно пытался себе представить, как там поживает его единственный сын. Кажется, у него и впрямь все в порядке. Жаль, что он не смог перекинуться с ним парой словечек. Ну да ничего, в другой раз успеется.

Насыщающийся желудок распространял по усталому телу благостное тепло. Джон, впившись зубами в сочную отбивную, принялся усердно рвать ее клыками, проглатывая большие куски словно изголодавшийся волк. Он очень любил мясо, особенно с парой баночек хорошего пива или глотком доброго виски. Но теперь он будет обходиться без алкоголя. Кстати, его сварливая женушка этого даже не заметила. Спрингс с досадой покосился на супругу.
— … И теперь какой-то умник решил, что оплату за обучение следующего года надо вносить не как прежде, а еще до конца текущего, ты представляешь? — продолжала говорить Маргарет. — Я уж не знаю, как они там провернули это дело так, что на них не спустили юристов. Довольно ловкий ход по отношению к тем, кто за будущий год уже был вынужден заплатить, а текущий из-за неуспеваемости закончить не сумеет.
— М-м-м? — промычал Джон, пытаясь сообразить, о чем толкует жена.
— Майкл просил помочь. Он не хотел нам сообщать, что в этом году придется вносить плату за обучение на несколько месяцев раньше — рассчитывал заработать деньги сам. Но у него не получилось. Последний срок — через две недели. Я прямо чувствовала, как ему неловко было говорить мне об этом, но у бедняжки не осталось другого выбора, кроме как просить нас о помощи.
До Спрингса вдруг дошло. Супруга, только что озвучившая сумму,

которую надо было внести самое позднее через две недели, иначе этот учебный год станет для их сына последним, услышала за спиной какие-то странные звуки. Резко обернувшись, она взглянула на Джона и ужаснулась выражению его лица. Однако, в силу своей профессии, она быстро сообразила в чем дело. Кажется, муж основательно подавился своим любимым блюдом и теперь пытается отдать богу душу прямо у нее на глазах.

Когда Джон отдышался и пришел в себя, Маргарет уже наливала ему небольшую порцию виски.

— На, дорогой, выпей. И больше не пугай меня так! — сказала она испуганно-сердито, протягивая мужу стаканчик.

Ни говоря ни слова, Спрингс одним махом проглотил содержимое и красноречиво посмотрел на жену. Та вздохнула и снова наполнила стакан, который отправился вслед за первым.

— Если ты задумал покончить с собой, то мог бы выбрать для этого какой-нибудь другой способ, и уж точно не у меня на глазах, — проворчала Маргарет, озабоченно глядя на мужа. — Я что, не заслуживаю слов благодарности? Не окажись я рядом, ты наверняка бы отправился на тот свет!

Она была недалека от истины, и Джон это прекрасно осознал. Он бормотал какие-то выражения своей признательности, но голова его шла кругом. Мир под ногами, уже обретший более-менее хоть и тонкую, но твердую почву, в очередной раз рухнул. Перед глазами все вмиг померкло, и Джон не мог сказать с уверенностью, что послужило тому причиной — грянувшее как гром среди ясного неба известие, или же то, что он подавился здоровенным куском жаркого, настолько прочно застрявшим у него в глотке, что если бы не своевременная помощь Маргарет, он, скорее всего, отправился бы в мир иной. Хотя, возможно, это было бы для него самым лучшим исходом. Маргарет не очень-то понравились его несвязные и сумбурные высказывания, словно они исходили от человека, пребывающего мыслями в каком-то другом месте, но она подумала, что муж просто здорово перепугался и еще не пришел в себя, и решила его простить.

Остаток вечера в душе Джона царил настоящий ад. Неожиданно свалившаяся на его голову в самый последний момент беда практически полностью парализовала его душевные силы, которые за последние дни слишком часто подвергались испытанию и не выдержали очередного удара судьбы. Теперь он просто не знал, что делать. Его ум лихорадочно искал выход, но никак не мог его найти. Спрингс почувствовал, как им овладевает глубокое, бескрайнее отчаяние, черное как смола и холодное как лед. Харрисон… закладная… заем у Райдера… сын… Что же теперь делать?

Господи, будь проклят тот день, когда он купил в магазине ту злополучную бутылку виски, за распитием которой их и застал коммерческий директор! Нет, будь проклят тот день, когда он впервые попробовал спиртное!

Сгустилась ночь. Маргарет давно уже тихо посапывала, повернувшись на бок, а Джон все лежал, уставившись глазами в темный потолок. Он мог пожертвовать работой. Даже домом! Мог ввести в заблуждение друга. Но он не может пожертвовать будущим своего сына! Черт побери! Проклятье! И какого дьявола он поспешил внести одолженные ему деньги по закладной? Зачем он так поспешил? Теперь их уже не вернуть, а у него не остается достаточно средств, чтобы внести плату за обучение Майкла. И взять деньги более негде. Не в грабители же подаваться, в самом деле!

Часы на тумбочке тихонько отщелкивали минуты, превращавшиеся в часы. Джон так и не завел электронные, предпочитая старый добрый механический будильник. Жена поначалу протестовала, раздражаясь по утрам из-за его дикого металлического лязга, но потом привыкла. Однако сейчас тихое тиканье гремело в голове Спрингса кузнечной наковальней. Он еле подавил в себе отчаянное желание накрыть будильник подушкой. Джон уже не лежал, уставившись в потолок, а отчаянно ворочался с боку на бок, каким-то чудом до сих пор не разбудив спящую супругу.

Господи, но что же теперь делать?! Если бы он не потерял работу, то деньги, одолженные у Боба, аккурат мог бы переслать сыну, а по закладной… По закладной он успел бы заработать. А успел бы? Джон принялся считать, но арифметика в его разгоряченной, измученной душевными терзаниями и бессонницей голове превратилась в настоящую пытку. С полчаса Спрингс пытался совершить математические подсчеты и под конец пришел в совершенное неистовство. Чувствуя, что его мозги вот-вот закипят, он бросил это удручающее занятие, тем более что какая нынче разница? Самое парадоксальное, что даже если теперь он примет возмутительное и бесчеловечное предложение Харрисона, то это ему никак не поможет — у него не будет необходимой суммы в срок. Так что уволят его завтра или нет — разница невелика. Джон живо представил себе лицо коммерческого директора. Тот, должно быть, и впрямь решил, что заставит слесаря сделать ему кое-какое одолжение. Увы, мистер Харрисон, даже если скрепя сердце Джон захочет выполнить ваше омерзительное поручение, это ему ровным счетом ничего не даст! Так что… Или даст? В голове Спрингса вдруг промелькнула одна мысль. В конце концов, что он теряет? Ровным счетом ничего. Что бы он ни сделал, что бы он ни сказал — хуже уже не будет. Но раз дело поворачивается

таким образом, попробовать стоит. Какого черта?! Что-что, а за будущее своего сына он будет бороться до последнего!

Приняв решение, Джон не заметил, как забылся беспокойным сном. Ему грезилась всякая тревожная муть, сквозь которую слышались чьи-то невнятные, далекие голоса. Перед внутренним взором мелькали расплывчатые образы, быстро сменяя один другой так, как будто он за кем-то гнался и никак не мог догнать. Потом вдруг, словно из ниоткуда, послышался странный плеск воды — не шелест морских волн и не веселое журчание речных струй, а глухой и мертвенный, словно в стоячий и заболоченный пруд уронили что-то очень громоздкое. Затем пришло ощущение холода. Джон отчаянно пошевелился, пытаясь вырваться из его цепких объятий и… вскочил на кровати.

Было утро. Сквозь щель в задернутых шторах прорывались яркие солнечные лучи, в которых водили затейливые хороводы многочисленные пылинки. Жена уже встала и шуровала на кухне, готовя завтрак. Будильник показывал без четверти подъем. Джон встряхнул головой, отчаянно и мрачно зевнул, потер опухшее с недосыпу небритое лицо, покинул измятую постель и прошаркал в ванную комнату. Смутные образы, навеянные его тревожными и удручающими мыслями, быстро растворились в ярком свете, отраженном от белого кафеля, а звук бегущей из крана воды выдавил из ушей глухой, тревожный плеск. И лишь два далеких, странных желтых огонька еще какое-то время непостижимым образом будоражили утомленное сознание, как будто солнечные блики в отражении зеркала. Потом и они исчезли.

Явившись на завод, Спрингс незамедлительно проследовал в приемную коммерческого директора.

Секретарь с совершенно невозмутимым видом уже шелестела кнопками компьютера так, словно никогда и не прекращала этого своего занятия с тех пор, как Джон видел ее в последний раз.

— Мне нужно увидеть мистера Харрисона, — буркнул Джон, подойдя к ее стойке и забарабанив по ней пальцами.

— Одну минуту, — бесстрастно отозвалась секретарь, почему-то не произнеся свое обыденное "вам назначено?".

Она сняла трубку внутренней связи.

— Мистер Харрисон? Сэр, к вам пришел мистер Спрингс. Да? Слушаюсь, сэр.

Джон поднял бровь.

— Можете проходить. Мистер Харрисон ожидает вас, — сказала секретарь, так и не проявив интереса к персоне посетителя, и вновь занялась своим делом.

Мрачно усмехнувшись краешком рта, Джон прошел в кабинет.

— Я ждал вас вчера, — сухо сказал Харрисон, когда слесарь приблизился к его столу.
— И вам доброе утро, сэр, — ответил Джон.
Коммерческий директор бросил на него быстрый взгляд.
— Доброе, — буркнул он, помедлив несколько секунд. — Так что вы надумали, мистер Спрингс? Присаживайтесь.
— Я был намерен дать вам отрицательный ответ, — сказал Джон, оставаясь стоять напротив Харрисона.
— Вот так? — неприязненно произнес тот, откидываясь в своем кресле и прищуриваясь на слесаря.
— Да. Но обстоятельства складываются таким образом, что теперь я не могу себе этого позволить, — продолжил Джон, ничуть не смутившись.
— Неужели? — хмыкнул Харрисон, криво улыбнувшись. — Значит ли это, что вы согласны?
— Отнюдь, — неожиданно сказал Спрингс.
Харрисон изменился в лице.
— Вы что, издеваетесь надо мной?! — раздраженно воскликнул он.
— Никоим образом. Видите ли, если я откажусь, вы уволите меня. Это плохо. Но если я соглашусь, и вы НЕ уволите меня, для меня совершенно ничего не изменится.
— Это как? — оторопел Харрисон. — Мистер Спрингс, извольте говорить понятным языком, иначе я могу сделать нелицеприятные для вас выводы.
— Все очень просто. Мне нужны деньги. И нужны срочно. И заработать я их попросту не успею, даже если не потеряю работу.
— Вы что, хотите, чтобы я дал вам денег? — изумился Харрисон, чуть не потеряв дар речи. — Да вы в своем уме?!
— Разумеется, нет! — пожал плечами Харрисон. — Но деньги нужны для моего сына. Смею вас заверить, что если бы не это обстоятельство, я бы никогда не согласился на подобное предложение, которое мне кажется просто ужасным. Но у меня нет выбора. Однако если я не смогу помочь моему сыну, то и делать я ничего не стану.
— А что там случилось с вашим сыном? — не удержавшись, полюбопытствовал Харрисон.
Джон коротко пояснил.
— А-а. Понятно. Но при чем же здесь я? — нахмурился коммерческий директор.
— Все очень просто. Мне нужно, чтобы фирма дала мне кредит в счет будущей заработной платы. Если я останусь на своем рабочем месте, я с легкостью выплачу его за несколько месяцев, не так ли? — сказал Джон, чуть закусив губу.

Харрисон открыл было рот, но промолчал.
— Все просто, сэр. У меня нет причин соглашаться на… на то, на что я не пошел бы в любом другом случае, если это не спасет положение, в которое я попал, — пояснил Джон. — Так что если вы хотите, чтобы я оказал вам эту услугу, то окажите ее и мне. А уж со своей совестью я как-нибудь договорюсь. Ради сына…
— Я уже и так оказываю вам услугу, не увольняя вас за пьянку на работе, — заметил Харрисон.
— Возможно. Но, как я уже сказал, мне это ничего не даст. Уволите вы меня или нет — в конечном счете это ничего не изменит.
— Но ведь я могу обратиться и к другому человеку, — снова прищурился коммерческий директор.
— Как пожелаете, — пожал плечами Джон и отвернулся в сторону с несколько безразличным видом.
Харрисон задумался. Некоторое время тишину в кабинете не нарушало ничего, кроме привычных звуков за окном. Спрингс попрежнему стоял напротив стола, изучая потолок и люстру в стиле модерн.
— Что ж, ваши слова не лишены смысла. Возможно, я смогу устроить для вас все необходимое, если вы преуспеете, — сказал наконец Харрисон.
Джон посмотрел ему в лицо, но, на удивление, не увидел на нем ни тени подвоха или недовольства. Кажется, коммерческий директор говорил совершенно искренне.

Спрингс не знал, что вначале Харрисон, возмущенный неожиданным нахальством слесаря, собирался тут же вышвырнуть его вон. Но неожиданно в его памяти всплыла отвратительная морда гнусной сиамской твари, которая жмурилась и мурлыкала на руках его бывшей и отвратительно шипела, раззявя свою прожорливую пасть и обнажая клыки, стоило ему лишь только приблизиться. Должно быть, всплыла под влиянием очередного ворвавшегося в окно кошачьего завывания. Вспомнилось Тому и отчаянное унижение, которое он испытал, когда, насилу начав исполнение супружеской обязанности, вдруг увидел перед собой ее наглые голубые глаза — блохастая дрянь прыгнула на кровать в самый неподходящий момент и мерзко зашипела. Надо ли говорить, что у него тут же испарился весь соответствующий настрой? Он требовал немедленно убрать из спальни это животное, а его бывшая лишь смеялась и говорила, что удовольствие, которое ей приносит присутствие любимой кошки, несоизмеримо больше тех жалких потуг, на которые способен мистер Харрисон. Удар по мужскому самолюбию был очень болезненным, но хуже всего было то, что проклятая зверюга повадилась пробираться в спальню ка-

ждый раз, когда Харрисон пытался уединиться там с супругой. Том стал так нервничать, что его возбуждение быстро сходило на нет даже тогда, когда ему уже ничто не мешало. Тем паче что его бывшая уже откровенно начинала язвить насчет его мужской силы. Все это сказывалось на психологическом состоянии самым плачевным образом. Перед разводом она уже не называла его никак иначе, как "мой дорогой импотент"... Чертова сука! Будь проклята ты и твоя гнусная тварь!

Харрисон и сам не мог отдать себе отчета, ненавидел ли он кошек всю свою жизнь или же это чувство возникло под влиянием его стервы-жены и ее когтистой питомицы. Но ненавидел он их всей душой, и теперь хотел как следует поквитаться.

Под влиянием подобных размышлений он нашел выдвинутое Спрингсом условие совершенно пустяковым, тем более что платить коммерческому директору придется отнюдь не из своего кармана. По правде говоря, если этот слесарь избавит Харрисона от ненавистных животных, то он вправе рассчитывать на куда большую благодарность. Сама мысль о том, что он отыграется за все свои унижения, грела его душу как нельзя лучше.

— Думаю, я смогу вам помочь, — повторил Харрисон, доброжелательно кивая.

— Мне бы хотелось получить этот кредит до того, как я... Как я соглашусь приступить к вашему поручению, — добавил Джон, выжидающе глядя на начальство. — Это даст мне известные гарантии.

По лбу коммерческого директора промелькнуло было облачко недовольства, но он быстро нашел, что требование вполне справедливо.

— Хорошо, я все устрою, — сказал Харрисон, делая какую-то пометку в ежедневнике.

— Сэр?

— Я вас понял, мистер Спрингс. Можете идти. Думаю, что уже на будущей неделе все будет улажено. Но смотрите, не подведите меня! После этого я уже не потерплю никаких увертoк и отказов. Вам это ясно?

Джон хмуро кивнул.

Прошло несколько дней. В среду его снова вызвали к Харрисону. Джон уже знал, что коммерческий директор не обманул.

— Ваше заявление на кредит удовлетворено, — сообщил Том Харрисон, едва слесарь переступил порог его кабинета. — Все необходимые бумаги оформлены. Подпишите здесь и здесь, и завтра же на ваш банковский счет поступит запрошенная сумма.

Джон взял протянутую ему дорогую перьевую ручку и подписал

бумагу в указанных местах, бегло ознакомившись с ее содержимым.
— Отлично, мистер Спрингс, — сказал Харрисон. — А теперь я хотел бы услышать, что вы намерены предпринять касательно моего особого поручения?
Джон озадаченно потер в затылке. Несмотря на то что он прекрасно понимал, на что согласился, он до последнего момента гнал от себя мысль о том, что будет делать, когда придет время. Для его души это было слишком невыносимо.
— Н-ну… По обстоятельствам. Вы же понимаете, что это не так просто. Разными методами…
— Понятно. Я хочу, чтобы в этом вопросе не было ни малейших недоразумений — эти твари не должны вернуться. Вам не удастся просто уговорить их уйти. Вы понимаете, чего именно я от вас хочу? Эти животные должны исчезнуть раз и навсегда!
Джон тяжело вздохнул и уныло кивнул головой.
— Отлично, — заключил Харрисон. — Однако я совершенно с вами согласен, что это не так просто сделать. Возникает вопрос — куда их всех девать? Даже если не принимать во внимание, как вы их всех переловите — это я оставляю на усмотрение вашей изобретательности. Разумеется, можно вывозить зверье куда-нибудь подальше за город, но… Зачем нам излишние трудности? Работа вам предстоит большая, придется изрядно повозиться. Думаю, я могу подсказать вам неплохую идею.
— Сэр?
— Идемте со мной.

Спрингс шел за Харрисоном по заводской территории. Они миновали несколько корпусов и множество длинных складских помещений. У Джона на душе было довольно паршиво. Он все никак не мог взять в толк, куда его ведет коммерческий директор. Тот же как ни в чем не бывало разговаривал совершенно спокойным тоном о всяких обыденных вещах — фирме, заводе, производственных планах и кадровых вопросах. Разговаривал словно со старым знакомым, даже на секунду не упоминая то дело, которое столь странным образом вело сейчас их обоих в неизвестном Джону направлении.

Вскоре Спрингс начал понимать, куда они держат путь. Удаленная часть заводской территории содержала старые, пришедшие в негодность постройки и ветхие здания. Сквозь их прохудившиеся, насквозь проржавевшие крыши виднелось глубокое синее небо, а в выбитых окнах гуляли ветер и голуби. Чуть в стороне проходила тропинка, по которой срезали путь жившие в предместьях заводские работники. Им было удобнее проходить

здесь, чем выбираться через проходную и потом описывать огромный крюк туда и обратно. Одно время администрация пыталась бороться с подобными хождениями, а потом махнула рукой — сотрудники все равно продолжали ходить проторенной тропкой, а отмечались они все равно по приходе на рабочее место, а не на проходной.

Местность в этой части территории буйно заросла бурьяном и кустами, которые зеленели среди каких-то развалин и груд строительного мусора. Здешние постройки давным-давно признали аварийными и забросили, выстроив новые корпуса, но старые здания так и не снесли. То ли пожалели денег, то ли просто руки не дошли. Заводская жизнь постепенно переместилась в сторону, расширив принадлежащую фирме территорию, а от прежних владений остались лишь с каждым годом все более разрушающиеся объекты, чернеющие обнажившимися балками и проемами окон. Пару раз этот участок земли вновь пытались освоить и реконструировать, но пока из этого ничего не вышло. Одним из этих свидетельств и оказалось то место, куда в конце концов Харрисон привел Спрингса.

Много лет назад предыдущий директор завода затеял было строительство новых очистных сооружений. По его проекту это должно было быть довольно большое здание, оснащенное всем необходимым по самому последнему слову техники. Однако совет директоров довольно быстро признал эту идею слишком затратной и не приносящей ровным счетом никакой прибыли. Проект прикрыли, а излишне озабоченного проблемами экологии директора от греха подальше перевели на другую должность, и больше он на заводе не появлялся. Напоминанием о том времени был глубокий котлован, вырытый в дальней части заброшенной территории.

Харрисон подошел к самому краю и остановился. Вокруг котлована разрослись кусты и низенькие деревца, а в противоположном его конце заросли напоминали настоящий лес, ибо там деревья росли с тех самых пор, как эта земля стала принадлежать фирме. Сваленные в сторонке бетонные плиты потрескались от времени, а на их нагревшейся на солнце поверхности нежились многочисленные ящерицы. Место казалось совершенно заброшенным, но почему-то даже мелкие пичуги не перекликались в раскидистых кустах на разные голоса, хотя еще пару сотен футов назад буйную зелень наполнял их веселый щебет. Сочная трава густыми прядями свисала с глинистых берегов. Котлован был заполнен водой.

Едва лишь бросив взгляд на темную гладь, Джон понял, что задумал коммерческий директор. С невольным ужасом он обвел

взглядом заболоченную по углам поверхность, которая отзывалась мелкой рябью на время от времени налетавшие порывы легкого ветерка. Еще минуту назад сегодняшний день казался ему особенно жарким, но здесь, на краю котлована явственно ощущался холодок. Харрисон так же внимательно осмотрелся и удовлетворенно хмыкнул.

— На мой взгляд, это место как нельзя более кстати подходит для воплощения вашей задачи, — сказал он, подталкивая носком ботинка мелкий камешек.

С тихим стуком прокатившись по сухой потрескавшейся глине, камешек сорвался с обрыва и плюхнулся в воду, уровень которой находился в шести или семи футах внизу. И гораздо больше их было от поверхности до глубокого илистого дна.

— Значит, вы действительно хотите… — голос Джона дрогнул.

— Да, я хочу, чтобы вы избавились от этих тварей раз и навсегда, — жестко сказал Харрисон, сплюнув в темную воду.

— Но разве так можно… — тихо прошептал Спрингс.

— Чтоб я этого больше не слышал! — холодно бросил коммерческий директор. — Вы дали свое согласие и — более того — получили обещанные мной деньги. Если теперь вы пойдете на попятную, я заставлю вас сильно об этом пожалеть! Это понятно?

Джон с усилием кивнул.

— Хорошо. Я распорядился выдать вам все, что понадобится. Можете не стесняться спрашивать все необходимое — вы все получите. Равно как и в столовой, ибо я не пожалел бы для такого дела и хорошей приманки.

Харрисон пояснил, к каким людям может обратиться слесарь за всем тем, в чем у него может возникнуть нужда. Джон молча слушал, не в силах оторвать глаз от глубокой черной воды.

— …В сроках я вас не ограничиваю, — продолжал Харрисон, — однако и затягивать не советую. В любом случае я пойму, если вы решите водить меня за нос или будете выполнять свою работу спустя рукава. Этого я вам категорически не советую. Насчет времени не беспокойтесь. Разумеется, вам придется поработать и сверхурочно, но я устрою так, что вы сможете заниматься этим делом и в рабочее время. Как это организовать — это уж моя забота.

Когда все наставления была закончены, Харрисон собрался уходить.

— Кстати, надеюсь, мне не надо объяснять, чтобы вы действовали достаточно аккуратно, по мере возможности не привлекая к себе особого внимания? А даже если кто-нибудь поймет, что вы причастны к устранению с заводской территории бродячих животных,

вам не стоит откровенничать насчет того, куда вы их деваете, и, тем более, упоминать мое имя?
— Разумеется, — глухо отозвался Джон.
— Отлично. Тогда, как я полагаю, между нами достигнуто полное взаимопонимание. В заключение могу добавить, что если вы справитесь со своей работой быстро и хорошо, то я позабочусь о том, чтобы вам была выписана солидная премия, — вдруг расщедрился Харрисон, явно придя в хорошее настроение.
Спрингс выдавил вымученную улыбку.
— Вы идете или хотите остаться и познакомиться с полем вашей будущей деятельности? — хмыкнул Харрисон.
Джон уныло поплелся следом за уходящим коммерческим директором.

Слесарь не оглядывался. Заброшенный, густо заросший по берегам котлован остался далеко позади, но Спрингсу казалось, что он все еще ощущает холод его глубоких темных вод.

* * *

Джон устало опустился на скамью. Райдер, поняв, что честь управлять "банкетом" предоставляется ему, откупорил бутылку и наполнил стаканы.
— Ты уверен, что это хорошая идея? — спросил он все еще с опаской, однако не без некоторого удовлетворения принюхиваясь к содержимому бутылки. — Ведь мы еле-еле выпутались из этой передряги.
— Уверен, — махнул рукой Спрингс. — Рабочий день закончен. Харрисона на заводе нет. Нас никто не увидит.
— Ну, смотри. Полагаюсь на тебя, — ответил Райдер и поднял свой стакан.
Звякнув стеклянными стенками, друзья выпили по первой.
— Что там у тебя? — спросил Боб, с любопытством глядя, как Джон разворачивает небольшой пакет.
— Колбаса.
— Да? Какая? — токарь повел своим большим носом. — А-а. Ясно, — в его голосе послышались разочарованные нотки. — Зачем ты ее купил? Она нам особо никогда не нравилась.
Джону было прекрасно известно, что сей сорт колбасы не очень-то любили ни он, ни Райдер. Однако это угощение очень нравилось Томасу.

Второй день Спрингс бесплодно разыскивал своего любимца по всему заводу и никак не мог отыскать. Куда мог подеваться здоровенный черный котище? Уму непостижимо. Пораскинув моз-

гами, Джон пришел к выводу, что самый лучший способ найти Томаса — это устроить очередные посиделки в их любимом месте. Нетрудно было припомнить, что когда Спрингс и Райдер устраивались в уютном закутке технического этажа и предавались своему увлечению горячительными напитками, частенько, откуда ни возьмись, объявлялся Томас и бурно претендовал на свою долю закуски. Свою же любимую колбасу он не пропускал никогда. Джон только диву давался тому обстоятельству, что черный, с белой грудкой котище ни разу не проморгал свое лакомство, которое ему доставалось в полной мере. То ли обоняние у этого котяры было развито сверх всяких похвал, то ли он умел видеть сквозь стены… Хотя все могло объясняться и куда более прозаически — Томас издаля приглядывал за своим покровителем, и стоило ему лишь почуять особый запах съестного, как умное животное тотчас смекало — сегодня на техническом этаже намечается встреча.

Этот раз не стал исключением. Когда собутыльники выпили по третьей, в закуток с громким "мр-р-р" явился кот.

— А-а, вот и наш четвероногий приятель! — хохотнул Райдер, уплетая закуску. — Все, плакала наша еда.

— Томас, киса, где же ты был? — наигранно ласковым тоном протянул Спрингс, тут же бросая коту любимое угощение, которое тот, как обычно, поймал на лету лапой и с урчанием съел.

— Да уж, этому котяре наша еда явно нравится больше, чем нам, — заметил Райдер, глядя на отчаянно ластившегося Томаса. — Еще немного, и я подумаю, что колбасу ты купил специально, чтобы побаловать этого зверя.

— Налей-ка нам лучше еще по стаканчику, — закряхтел Джон, ибо токарь был недалек от истины.

Пузатая бутылка виски быстро пустела. Вскорости в ней осталось лишь на четверть содержимого.

— Ой, что-то я совсем захмелел, — промямлил Райдер почувствовав, что изображение в глазах здорово поплыло.

— Будем допивать, или еще по одной и на этом все? — спросил Джон, который казался гораздо пьянее, чем был на самом деле.

Состояние друга его не удивляло — сам Спрингс почти не пил, с ловкостью заправского фокусника отправляя содержимое своего стакана куда угодно, только не себе в желудок. На самом деле он бы с превеликим удовольствием напился в стельку, но ему еще предстояло кое-что сделать.

— Н-ну ещ-ще по одной и зак-к-кругляемся, — выдавил Боб, встряхивая головой, словно пытаясь развеять подступавший алкогольный дурман.

Убедившись, что Райдер хоть и пьян, но еще в состоянии сам

уверенно передвигаться и точно дойдет куда следует, Джон распрощался с другом, а сам остался в закутке под предлогом, что ему надо убраться и привести вещи в порядок. Боб напоследок махнул ему своей здоровенной ручищей и утопал, слегка покачиваясь. У стола остались только внимательно прислушивавшийся к громким шагам удалявшегося друга Джон и устроившийся подле него мурлыкающий, принюхивающийся к остаткам колбасы Томас.

Джон, как обычно, убрал все со стола, сполоснул стаканы и тарелки, протер клеенку и выбросил засаленные газеты. Томас крутился под ногами, поскольку ему было прекрасно известно — колбаса еще осталась и явно ждет его особого внимания. Закончив наводить порядок, Спрингс открыл один из шкафчиков и достал свою кожаную куртку. Томас проявил признаки беспокойства — кажется, человек собрался уходить, так и не угостив его напоследок вкусными остатками! Поняв охватившее кота волнение, Джон грустно усмехнулся, выудил остатки колбасы — довольно крупный кусок — и бросил коту. Томас с утробным урчанием вцепился клыками в покатившееся по полу угощение и принялся усердно есть. Некоторое время Джон молча наблюдал за трапезничающим котом. Затем вынул из шкафчика большую черную сумку на молнии. Поставив ее на скамейку и расстегнув, он подошел к доедавшему свою порцию коту. Едва Томас сделал последний глоток, как Джон мигом подхватил его на руки. Основательно и вкусно перекусивший Томас ничуть не возражал против кратковременных объятий и признаний того, что он красив, упитан и уникален. Однако, к его глубочайшему удивлению и полнейшей неожиданности, человек вдруг ловко засунул его в недра какого-то плотного предмета. Кот, никак не ожидавший такого коварства, даже не успел оказать сопротивления. Из недр немедленно затрепыхавшейся, наглухо застегнутой сумки послышались отнюдь не доброжелательные звуки — Томас изъявлял откровенное недовольство таким вопиюще хамским обращением.

— Прости, Томас, — горестно сказал Спрингс. — Так будет лучше для нас всех, поверь мне, дружок.

Подхватив беспокойную сумку, он поспешил к выходу.

Было довольно темно — светлая полоска неба на горизонте становилась все меньше и меньше, уступая накатывавшейся с востока ночи. Заводские шумы стихли, и лишь дежурное освещение, да огни немногочисленных окон, где еще теплилась трудовая жизнь, выхватывали из сгущающегося мрака очертания кирпичных корпусов и железных ангаров. Быстрым шагом Джон пробирался к заброшенной части территории. Он никого не встретил, но

волновался так, словно впервые в жизни осмелился на кражу и теперь отчаянно боялся, что кто-нибудь немедленно застукает его за этим преступным делом. Без приключений миновав обитаемую зону, Спрингс углубился в лабиринт заброшенных построек, шурша по траве ботинками и тяжелой сумкой. Освещения здесь не было вовсе, и Джон, плохо зная дорогу, с непривычки несколько раз споткнулся и чуть не улетел в заросли бурьяна, из которого гостеприимно выглядывали куски бетона и ржавая арматура.

Вскоре ему показалось, что на него повеяло холодом, а в сгущающейся тьме как будто послышался тихий плеск глубокой черной воды котлована. Неужели и кот это почувствовал? Сумка снова ощутимо затрепыхалась, издавая приглушенное недружелюбное урчание.

— Тише-тише, Томас. Тише, малыш. Скоро все кончится, — пробормотал Спрингс шевелящейся сумке.

Миновав в стороне мрачный водоем, Джон той самой узкой проторенной тропкой выбрался за пределы заводской территории сквозь прореху в ограде и через пару минут оказался на автостоянке, освещаемой единственным одиноким фонарем. Подойдя к своей машине, он открыл заднюю дверь и водрузил сумку с котом на сиденье. Кажется, животное затихло, настороженно принюхиваясь к новым запахам.

— Не бойся, малыш, мы просто прокатимся, — сказал Джон, легонько похлопав сумку по черному боку.

Сев за руль, он завел свой старенький форд, вырулил с автостоянки и понесся прочь из города.

Лишь когда машина отмотала без малого около сорока миль, а впереди подле небольшого городка показалась придорожная закусочная, Джон резко сбавил скорость и притормозил на обочине. Выйдя из машины, он немного прошелся взад и вперед, оглядел вывеску и светящиеся окна забегаловки и сверился с картой навигатора. Затем достал с заднего сиденья сумку, поставил на пыльную траву и расстегнул. Из тесного узилища спущенной пружиной тут же вылетел кот, сиганул в сторону, выгнул спину и на всякий случай зашипел, с нескрываемым подозрением глядя на человека.

— Прощай, Томас! — сказал Джон чувствуя, словно какой-то болезненный обруч сжимает ему грудь. — Ищи себе новый дом, малыш. Я буду по тебе скучать.

Спрингс протянул было к коту руку, но тот предупреждающе заурчал и отодвинулся подальше.

— Ты наверное думаешь, что я дурно с тобой обошелся? — грустно промолвил Джон. — Увы, мой четвероногий друг, остальным не повезет так, как тебе.

Под пристальным взглядом пары желтых глаз Джон сел в машину, завел двигатель и стремглав унесся прочь. Настороженный Томас выбрался на дорогу и долго смотрел ему вслед. Затем тщательно принялся изучать новые запахи, поводя усатой мордой из стороны в сторону. Потом проследовал к обочине и скрылся в густой траве.

* * *

Джон думал, что у него не хватит душевных сил претворить чудовищный замысел в жизнь и что он сломается либо сразу, либо какое-то время спустя. Однако тяжелее всего было лишь поначалу.

Раздобыв в столовой достаточное количество аппетитной приманки, Джон перемешал ее с лошадиной дозой усыпляющего вещества и разложил коварное угощение близ котельной, где обитало множество котов и кошек. Некоторые из них знали Спрингса и без особой опаски вышли полакомиться дармовщинкой, едва он отошел в сторону. Джон заметил, что некоторые животные, настороженно принюхавшись, не стали есть, а крадучись удалились восвояси. Однако десяток мохнатой братии все же пал жертвой человеческого коварства. Когда подмешанное снадобье подействовало, Джон мог брать трепыхающихся, закатывающих глаза зверей голыми руками. Хватая вяло дергающихся кошек за шкирку, Спрингс рассовал их в два плотных матерчатых мешка и крепко завязал горловину. Потом поднял свою живую ношу и, стараясь никому не попадаться на глаза, кружным путем отправился к заброшенной территории.

День был довольно жарким, но котлован снова встретил его странным, пронизывающим холодом. Может быть, его подпитывали ледяные грунтовые воды? Джон положил мешки на землю и без сил опустился на траву. Оставалось сделать последний шаг, но этот шаг раз и навсегда разбивал некую незримую границу, по одну сторону которой сейчас находился он сам, а по другую была ужасная смерть значительного числа ни в чем не повинных живых существ. Животные вяло трепыхались, одурманенные сильнодействующим препаратом, и даже не подозревали о надвигавшейся участи. Собравшись с духом, Спрингс поднялся на ноги и глянул в темную воду. Ну же, давай! Порыскав в кустах, он нашел несколько подходящих кусков крошащегося бетона с торчавшими ребрами арматуры. Привязав к каждому мешку по увесистому грузу, он подтащил их к самому краю котлована. Вниз посыпались комочки глины и мелкие камешки, падая в тихую стоячую воду с приглушенным плеском. Господи, неужели он это сделает?! Джон мучи-

тельно стоял над черной материей около десяти минут. Потом руки его затряслись и он закрыл лицо руками. У него не хватало сил сделать последний отчаянный толчок. Резко развернувшись на месте, он бегом бросился прочь.

Ворвавшись в тайный закуток на техническом этаже, Джон с грохотом распахнул один из шкафчиков, выхватил бутылку виски, вытащил пробку и, давясь, принялся глотать крепкое содержимое прямо из горлышка. С громким бульканьем виски струилось прямо в жадно открытый рот, обильно капая с подбородка. Лишь спустя некоторое время, почувствовав, что больше не может терпеть обжигающую жидкость, Джон остановился, с шумом втянул воздух, прижал руку к лицу и вцепился зубами в засаленный и пропотевший рукав куртки — то ли хотел отбить всколыхнувшийся в нем рвотный рефлекс, то ли пытался сдержать эмоции. Джона повело. Отдышавшись, он повторил свои нехитрые манипуляции. Затем, чувствуя, как здорово закружилась голова, а перед глазами все резко поплыло в сторону, он присел на скамеечку, откинул голову и закрыл глаза.

Кажется, несчастные коты в черных матерчатых мешках потихоньку начинали приходить в себя, когда на краю котлована вновь объявился в стельку пьяный Спрингс. Он шел заплетающимися шагами и, подойдя к краю глинистого обрыва, сам чуть не ухнул вниз, лишь в последний момент качнувшись в сторону и осев на одно колено. Мешки вяло колыхались, и из них доносились тихие жалобные звуки. Лицо Джона исказила гримаса. Выхватив из-за пазухи почти пустую бутылку виски, он сделал огромный глоток и кое-как вытер губы тыльной стороной ладони. Покачнувшись, он поставил бутылку на землю, а затем резким движением столкнул оба мешка в котлован. Кувырнувшись в воздухе перевесившим привязанным грузом, мешки с глухим плеском упали в воду, мигом заполнились ею и камнем ушли на дно. Лишь цепочка поднимавшихся из глубины пузырьков некоторое время отмечала то место, где черная вода приняла в себя жуткую ношу. Потом и они исчезли. Волны, кругами прорезавшие потревоженную гладь, разбились о берега, и вскоре поверхность заполненного водой котлована снова стала ровной как зеркало и ничто, кроме ряби от легкого ветерка, более не тревожило темные воды.

Джон плюхнулся на траву и некоторое время сидел без движения, уставившись в одну точку. Лишь когда у него в голове немного прояснилось, он поднялся на ноги, одним махом прикончил остатки виски, швырнул бутылку в кусты и нетвердой походкой зашагал прочь. Он не помнил, как вернулся домой.

Да, тяжелее всего было лишь поначалу. Потом чувства Джона

притупились. Впрочем, быть может, изрядное количество крепкого спиртного играло не последнюю роль, ибо Спрингс более не отваживался выйти на свою охоту без того, чтобы не принять на грудь основательную порцию эликсира забвения и не напиться в стельку на завершающей стадии. А может быть, человек и вправду ко всему привыкает. Даже к такому.

Первое время Спрингс напивался каждый день, приговаривая поистине огромные порции спиртного. Но потом его безудержный запой пошел на спад. Ему уже не обязательно было принимать одуряющие дозы алкоголя, и он стал находиться в состоянии где-то между легким и среднем опьянением. Это оказалось весьма кстати, так как коты и кошки, заподозрив неладное, стали избегать слесаря и прятаться при его появлении, и Джону приходилось становиться все более и более изобретательным. Оставив на время котельную, Спрингс занялся подвалом здания, в котором располагалась столовая и позади которого находились контейнеры с пищевыми отходами — одно из излюбленных кошачьих мест. Эффективность приманки, пропитанной сильнодействующим препаратом, стремительно падала — кошки начали чуять опасность и попадались на эту удочку все меньше. Поэтому Джон довольно быстро вынужден был от этой затеи отказаться, во всяком случае, на помойке. Здесь кошек было особенно много, и Спрингс стал размышлять, как переловить их одним махом как можно больше. Посиживая в сторонке и не спеша потягивая виски из плоской рифленой фляжки, он наблюдал за снующими среди контейнеров животными и размышлял. Времени у него было предостаточно — он понятия не имел, что там сочинил Харрисон, но его действительно никто не трогал, предоставив полную свободу действий. Лишь один Райдер все старался допытаться у него, чего это он так редко стал появляться на рабочем месте и почему целыми днями пропадает на заводской территории, но Джон отвечал уклончиво.

Несколько дней наблюдений позволили ему сделать вывод, что больше всего кошек сбегается к помойке тогда, когда во второй половине дня, всегда в одно и то же время, с огромной, пышущей жаром кухни подсобные рабочие выкатывают один из мусорных контейнеров, основательно заполненный пищевыми отходами, и едва людям стоит отойти, как кошки тут же бросаются делить добычу. Что ж, надо было попытаться это как-то использовать.

Джон раздобыл пустой контейнер, как две капли воды похожий на тот, что выкатывали с кухни, и однажды утром на треть наполнил его рыбными головами и хвостами с кухни, уговорив

главного повара приблизить рыбный день аж на неделю. Собравшиеся в ожидании ежедневной трапезы коты и кошки с приятным удивлением узрели, что на этот раз к помойке подкатывают сразу два контейнера, один из которых источал поистине одуряющий соблазнительный запах. Как только рабочие отошли, животные тут же ринулись к еде. Однако первый контейнер оказался наглухо закрыт. Правда, кошки не сильно расстроились этому обстоятельству, так как второй — тот самый, источавший столь притягательный запах — гостеприимно зиял приоткрытой крышкой. Без малого десятка два кошек тут же забрались внутрь и принялись пировать. Сидевший в засаде Джон даже вынужден был помедлить с выполнением своего коварного плана, так как на запах подтягивались все новые и новые животные. Лишь увидев, что насытившиеся кошки стали выпрыгивать обратно, он захлопнул ловушку. Бедные звери были так увлечены поглощением рыбных остатков, что не сразу поняли, в какую беду они попали. Надежно заперев контейнер, Джон быстро сбегал за угол и вскоре вернулся, подъехав на небольшом электромобиле — одном из тех, что использовались большим начальством при перемещении по необъятной заводской территории, когда в этом возникала необходимость. Прицепив контейнер к электромобилю, он вскочил на сиденье, втопил педаль и укатил прочь.

Остановился он лишь тогда, когда заехал через грузовые ворота в одно из заброшенных зданий, зиявшее сквозными провалами крыши и этажей так, словно когда-то оно подверглось самой настоящей бомбежке. Отцепив контейнер, он откатил его в дальний угол просторного помещения и скрылся в ближайшем дверном проеме, но почти тотчас появился обратно, не без некоторого грохота волоча за собой баллон с подозрительного вида насадкой и шлангом. Поставив свою тяжелую ношу у контейнера, в котором несчастные животные давно пребывали во взвинченном состоянии, Джон быстро пропустил шланг в подозрительно подходящее для этого отверстие в крышке. Достав из кармана моток скотча, он в несколько слоев залепил все возможные щели, после чего, выудив невесть откуда противогаз с короткой насадкой, Спрингс водрузил его себе на голову и повернул вентиль. Газ из баллона с шипением устремился внутрь контейнера.

Когда дело было сделано, Джону лишь оставалось открыть контейнер и выгрузить тушки животных в большие матерчатые мешки. Огромная концентрация закиси азота сделала свое черное дело, но, по сути, было совершенно все равно, остался внутри кто-нибудь в живых или просто находится в бессознательном состоянии — ведь конец, так или иначе, был один. Подъехав на электро-

мобиле к краю котлована, Джон, как и прежде, привязал к каждому мешку по тяжелому грузу и сбросил вниз. Темная вода бесстрастно поглотила свидетельство его отвратительного деяния. Стараясь не поддаваться эмоциям, Спрингс забрался в электромобиль и покатил прочь.

После того как Джон нанес второй сокрушительный удар по популяции котов на территории завода, их число резко сократилось, а уцелевшие особи почуяли опасность и стали прятаться. Снижение количества кошек не прошло мимо внимания Харрисона. Улучив подходящий момент, он навестил Спрингса и выразил ему свое одобрение. Джон, будучи в некотором, но не сильном подпитии, не нашелся что ответить — перед глазами у него все еще стояли черные матерчатые мешки, с глухим плеском падавшие в стоячую темную воду котлована. Однако каждый такой новый шаг давался ему все легче. Чувства его притупились, и он ловил себя на мысли, что все чаще бросает в холодную глубину очередной черный мешок словно робот, который опрокидывает в мусорный бак очередную порцию отходов.

Джон уже несколько раз отклонял предложение Райдера о маленькой совместной гулянке, ибо отчаянно боялся разболтать другу, чем занимается в последнее время. Боб никак не мог понять причину этого отчуждения и, кажется, потихоньку начал обижаться.

Поголовье котов стремительно уменьшалось, но теперь нечего было и надеяться переловить оставшихся гурьбой. Спрингс, промышлявший до этого относительно спокойными методами, пустился на эксперименты. Некоторое время он практиковал капканы и ловушки, но вскоре был вынужден от них отказаться — результат получался слишком жестоким даже для его притупленных алкоголем, безразличием и отвращением к самому себе чувств. Кроме того, это стало привлекать к себе нежелательное внимание, что явно было излишне. Джону и без того казалось, что каждый встречный оборачивается и смотрит ему в спину укоризненным или презрительным взглядом. Он вздрагивал и прятал глаза, стараясь убраться куда-нибудь подальше. Даже Маргарет, заметив, что с ее мужем явно творится что-то неладное, оставила свои обычные нападки и лишь внимательно-настороженно присматривалась к Джону, размышляя, должно быть, не сходит ли ее благоверный с ума и не признаки ли это надвигающейся белой горячки.

Оставив идею с капканами, от результатов которой его самого частенько выворачивало наизнанку, Джон, тем не менее, не отказался от хитроумных ловушек, которые расставлял по подвалам и в котельной для уцелевших животных. Вкупе с пропитанной

сильнодействующим средством едой, которую теперь, кажется, избегали все кошки, он стал разбрасывать отравленные приманки, экспериментируя со всевозможными ядами и надеясь ввести в заблуждение кошачье обоняние и их врожденное чувство опасности. Взрослые животные попадались редко, а вот глупые котята погибли почти все, соблазнившись на смертельное угощение.

Обнаружив однажды очередное труднодоступное кошачье убежище, Джон некоторое время старался добраться до скрывающихся там зверей, однако у него долго ничего не выходило. Дело пошло на лад, когда Спрингс раздобыл несколько дымовых шашек и закинул их внутрь, предварительно расстелив на выходе обширную рыболовную сеть. Чихающие, ослепшие и одуревшие от дыма животные выскакивали наружу и тут же попадались в цепкие ячейки, которые Джон ловко накидывал на растерявшихся котов. Когда убежище опустело, он смотал сеть с отчаянно дергавшимися и вопящими дурными голосами кошками и, словно куль с отрубями, закинул задыхавшуюся и израненную жесткими путами живую массу в глухой металлический контейнер, который водрузил на багажник электромобиля и отвез к котловану. Харрисон оплатил стоимость сети не сказав ни слова.

Шло время, и спустя несколько недель практически все обитавшие на территории завода коты и кошки оказались на дне глубокого котлована. Прежде Спрингс даже и предположить не мог, что он оказывается способен на чудеса изобретательности, особенно в таком деле, которое изначально ему категорически, просто отчаянно претило. Однако теперь он ловил себя на мысли, что ощущает даже некоторый азарт, сродни охотничьему. Он то совсем переставал употреблять спиртное, концентрируясь на ловле немногочисленных уцелевших животных, то вдруг под влиянием всколыхнувшихся угрызений совести нажирался как свинья так, что дважды даже не сумел добраться до дома, а так и заснул в полумраке технического этажа. Но как бы то ни было, Джону хотелось побыстрее покончить с этим делом и постараться забыть его раз и навсегда. И чего он совершенно точно не желал, это чтобы кто-нибудь узнал о том, чем он занимался и какие хитроумные способы применял для достижения своей цели. О некоторых из них он даже сам старался не думать, не без содрогания размышляя, откуда в его голове могли зародиться столь смертоубийственные идеи и приспособления. Поистине, душа человеческая — потемки.

Ему все чаще снились тревожные, дурные сны, после которых он вставал разбитый и совершенно не отдохнувший. Даже во сне он продолжал ловить несчастных котов, гоняясь за ними по

подвалам и чердакам, на помойке и среди развалин. Он прыгал через зияющие провалы в осыпающемся каменном полу, карабкался по проржавевшим пожарным лестницам, прятался по темным углам, выслеживал своих жертв в мрачных переходах пыльных коридоров, разбрасывал отравленные приманки и ловушки. И все чаще сам попадал в какую-нибудь передрягу. То он наступал в собственноручно расставленный капкан и просыпался, инстинктивно хватаясь за лодыжку, то срывался с крыши и летел вниз навстречу хищно ощерившейся арматуре и грудам красного битого кирпича. То задыхался от дыма пожара, который сам же и устроил, пытаясь выкурить прячущихся котов, а то вдруг на него падало что-то очень тяжелое или он запутывался в разложенной сети, и чем отчаяннее пытался из нее выбраться, тем сильнее она стягивала его по рукам и ногам, впиваясь в тело жесткими ячейками, стягивая грудь и выдавливая из заходящихся легких хрипы и стоны. А потом в ночные кошмары Спрингса являлись воды заброшенного котлована. Их темная, зеркальная поверхность навевала ужас своей мрачной глубиной, на дне которой покоились многочисленные жертвы Джона. Лицо тут же опахивал хлад стоячих, черных как смола илистых недр. Он впивался в тело и начинал высасывать из него жизненное тепло, вторгаясь в разум холодными, леденящими душу щупальцами и приводя мечущееся в бреду кошмара сознание в настоящую панику. Джон рвался назад, но все чаще поскальзывался на коварном глинистом берегу и срывался вниз — в объятия черных, зловещих вод. И, уже готовый с громким плеском разбить их гладкую поверхность, просыпался с отчаянным воплем.

Маргарет поначалу была сильно раздражена ночными выходками мужа, но потом всерьез обеспокоилась. Она стала пичкать Джона всевозможными таблетками и большими дозами снотворного, втихаря растворяя в стакане воды также и немного успокоительного, но все было втуне. От совести нет лекарства.

Последним, что выпросил Джон у Харрисона, был специальный длинноствольный пистолет, стреляющий парализующими дротиками. Поначалу коммерческий директор заупрямился, выяснив его стоимость, но Спрингс сказал, что его фантазия на исходе и все перепробованные им методы почти не приносят результата в отношении горстки оставшихся животных, и он надеется, вооруженный подобным образом, полностью закончить это щекотливое дело.

С некоторых пор Харрисон чувствовал себя на вершине блаженства. В окно его кабинета уже давным-давно не проникали заунывные кошачьи вопли, и он больше не слышал ни единого зву-

ка, присущего этим ненавистным ему тварям. Когда он проходил по заводской территории, его глаза более не натыкались на нежащиеся на солнце разноцветные туши, а свидетельства кошачьей жизнедеятельности остались в прошлом. Коммерческий директор заметно подобрел, и в конце концов нашел просьбу слесаря не столь уж разорительной, тем более что тот пообещал вскорости все закончить.

Получив желаемое, Джон устроил настоящую охоту, сидя в засаде как заправский стрелок, выманивая, изгоняя или выкуривая добычу на свет. Стоило немногочисленным уцелевшим кошкам высунуть нос из укрытия, как невесть откуда с коротким свистом прилетал оперенный дротик и впивался в шкуру одного из них, сваливая животное с ног как подкошенное. Обездвиженная цель падала на землю, а остальные испуганно разбегались прочь, но и их все чаще и чаще находил коварный выстрел. Выкурив несчастных из очередного убежища или убедившись в том, что там более никто не обитает, Джон наглухо замуровывал лаз или делал что-либо еще, чтобы туда уже никто и никогда не вернулся. Подстреленное, парализованное животное он засовывал в мешок, и воды котлована навсегда смыкались над очередной жертвой.

Может быть, часть оставшихся особей разбежалась по округе, навсегда покинув заводскую территорию, а может быть, запряталась так, что отыскать их теперь не представлялось возможным, но однажды Джон понял, что ему больше не на кого охотиться. Более недели он рыскал вокруг, проверяя подвалы, чердаки, укромные места и тихие пыльные помещения, внимательно осматривая склады и ангары, но нигде так и не заметил ни одной даже на миг промелькнувшей кошки. По некоторым признакам он понял, что эти места стали необитаемы. Спустя еще несколько дней бесплодных поисков он явился к Харрисону и доложил, что работа закончена.

* * *

Кажется, жизнь входила в свою обычную колею. Джон Спрингс вернулся к своим обязанностям и снова днями напролет торчал на своем участке, со всей возможной энергией отдаваясь труду и не давая своим умелым рукам покоя ни на минуту. Он стал менее разговорчив и куда более замкнут, и лишь Боб Райдер по-прежнему составлял ему компанию. Чувствуя некоторую неловкость перед другом, Джон решил загладить свою вину и пригласил Боба пропустить стаканчик-другой. Тот охотно согласился. Здоровяк всерьез начал было обижаться на старого приятеля, ко-

торый был занят неизвестно чем и, кажется, стал игнорировать общество токаря. Тем радостнее он отнесся к предложению заглянувшего к его станку слесаря.

— Ну, давай рассказывай, что там с тобой творится, — сказал с набитым ртом Райдер, усердно жуя здоровенную порцию ветчины.

— Да ничего особенного, — отмахнулся Джон.

— Ладно заливать-то! — насилу проглотивший огромный кусок Боб отдышался и плеснул еще немного виски. — Кстати, недурная штука, — добавил он, адресуя свои слова бутылке с горячительным.

— Угу, я тоже так думаю.

— С чего это ты вдруг расщедрился? Кажись это дорогое удовольствие.

— Я? — удивился Джон. — Я думал, это твоих рук дело. Оно было бы и понятно, что ты дулся — небось раздобыл эдакое угощение, а я никак не желаю с тобой выпить.

— Да ты что! — воскликнул Боб. — Я эту бутылку первый раз вижу.

Джон удивленно поднял брови.

— Даже так? Что ж… — он немного подумал.

— Ну не сама же она здесь появилась! — сказал Райдер, прищуриваясь на друга. — Кончай меня мистифицировать. В толк не возьму, зачем тебе это надо.

— Ну если не ты ее сюда принес и не я, значит, это мог быть только один человек, — заключил Спрингс, пожав плечами.

— Кто?

— Харрисон.

— Ты чего такое несешь?! — выпучил глаза Райдер. — Неужели и вправду совсем свихнулся? Твоя женушка мне уже неоднократно на это намекала…

— Да ну тебя! Помнишь, когда он нас здесь застукал? Мы еще думали, что он уволит обоих к чертовой матери. И как ты легко отделался на следующий день?

— Ну, да… — промямлил Боб, почесывая в затылке. — И к чему ты это?

— Легко отделался только ты, а мне он предложил выбор — или я кое-что сделаю, или пополню очередь безработных.

— Да? Вот мерзавец! Надеюсь, он не требовал ничего непристойного? — хохотнул токарь. — А вообще, надо было послать его ко всем чертям. Тоже мне выскочка!

— Да, так я и намеревался сделать. Только следом за мной вышвырнули бы и тебя, — хмуро сказал Джон.

— Чего? — Райдер едва не подавился очередным куском.
— Того. Харрисон сказал что если я откажусь, то он вышвырнет не только меня, но и тебя. Куда мне было деваться?
Спрингс решил умолчать, что согласился на условие под влиянием несколько иных обстоятельств, и преподнес другу эту историю в измененном свете, чтобы отвлечь добряка Райдера от истинной подоплеки.
— Вот подонок! Ну, и?
— А что — и? Я сделал, что он просил, и эта бутылка — явное свидетельство того, что он остался доволен. Наш многоуважаемый коммерческий директор даже пообещал мне солидную премию, которая, по его словам, поможет мне быстрее расплатиться с долгами. С тем учетом, что я уже узнал в бухгалтерии, он, кажется, не соврал.
— Угу, и лично принес сюда эту бутылку, учитывая недавнюю историю! — недоверчиво хмыкнул Боб.
— Именно так. Помимо всего прочего он сказал, что будет сквозь пальцы смотреть на наши с тобой посиделки здесь. Но только здесь и только чтобы по-прежнему никто не знал.
Спрингс ничуть не преувеличивал. Харрисон пришел в такое великолепное расположение духа, что действительно пообещал и солидную премию, и снисходительность в отношении маленьких слабостей двух друзей. Единственное, о чем внутренне сожалел коммерческий директор, это о том, что его порученец не отправил на тот свет вместе с другими котами ту ненавистную сиамскую тварь, которую так обожала его бывшая. Случись такое, он наверное просто озолотил бы слесаря. Но, увы, это было из области несбыточных мечтаний.
— Ничего себе! — поразился Боб и тут же налил стаканы до краев.
— И что же такого ты для него сделал, что эта сволочь Харрисон так расщедрился?!
— Так, ерунду всякую, — отвел глаза Джон.
— Конечно, ерунду, ага! Так я и поверил. Зная Харрисона, это наверняка было что-то мерзкое или подлое.
Райдер изрек самую настоящую истину, и Джон даже скривился от нахлынувших воспоминаний.
— Послушай, старина, поручение было действительно не из приятных, и мне не хотелось бы о нем говорить.
— Да ладно тебе! — Боб хлопнул друга по плечу. — Мне-то ты можешь сказать. Ну не банк же он просил тебя ограбить!
— Слушай, Боб, мне правда не хочется уточнять. Никто из людей не пострадал, если ты об этом. Поручение Харрисона не касалось сотрудников нашего завода. Ведь это главное, не так ли? А в ос-

тальном — кому какая разница?
— Гм. Ну, как знаешь, — немного обиделся Райдер. — Хотя поговаривали, что ты гоняешься за котами и крысами.
"М-да", — с досадой подумал Джон. Действительно, наивно было бы предполагать, что его деятельность останется совершенно никем не замеченной. Он натянуто рассмеялся.
— Могу лишь сказать, что у Харрисона есть определенные пунктики. А крысы это, кошки, или кое-чего другое — не важно, — сказал он, сделав некоторое ударение на словах "кое-чего другое". — Одуванчики, понимаешь, не того цвета.
Здоровяк Райдер от души расхохотался.
— Хорошо, дружище, я не буду приставать к тебе с вопросами, — с улыбкой сказал он, решив оставить Джона в покое. — Главное, что этот тип от нас отвязался и ты теперь у него даже вроде любимчика. Давай выпьем по полной! Все хорошо, что хорошо кончается.

Прошло больше месяца. Жизнь Джона действительно наладилась. Маргарет больше не косилась на супруга с нескрываемым беспокойством и подозрением и снова начала ворчать и подтрунивать. Деньги по закладной были выплачены, а сын рассчитался за свое обучение. Даже по ночам Джон стал спать почти так же спокойно, как и прежде, хотя иной раз тяжелые, сумбурные сновидения нет-нет да и выныривали из глубин его подсознания. Как-то ему приснился Томас. Спрингс уже собирался было бросить очередной мешок в котлован, как вдруг понял, что держит в руках своего черного любимца, который сжался в комок и с отчаянием смотрит на него своими огромными зелеными глазищами. Джон обомлел и тут же разжал свою безжалостную хватку, до смерти перепугавшись тому, что чуть не сбросил его вниз. Почуяв свободу, кот вдруг осклабился и зашипел. Глаза его стали желтыми и злыми. В лунном свете хищно блеснули белоснежные клыки. Джон не на шутку испугался и хотел было отшвырнуть кота в заросли бурьяна, но тот уже вцепился в него мертвой хваткой. Джон отчаянно вскрикнул и проснулся с сильно бьющимся сердцем. Сходив на кухню, он выпил немного холодного пива, успокоился и вновь улегся под одеяло. Томас... Как он там, бедняга?

Однажды в пятницу Спрингс допоздна засиделся на заводе — мастерил кое-какую работенку по просьбе собственной женушки. Точнее, не столько ее самой, сколько ее мамаши, которая жила в сельской местности в небольшом домике, пытаясь корчить из себя настоящую фермершу. Закончив, Джон собрал вещички и отправился к своей машине, еще с утра оставленной на дальней автостоянке, негласный путь к которой проходил через заброшенную

территорию. Тем самым путем, каким и он не так давно воспользовался, унося сумку с большим черным котом от греха подальше. Не успел Джон пройти мимо заводских корпусов и вступить в царство старых заросших развалин, как из-за угла ярко блеснул фонарик, ударив ему прямо в лицо.
— Кто здесь? — послышался настороженный голос.
— Черт побери, уберите свет! Глазам больно, — Джон прикрыл лицо ладонью и отчаянно щурился. — Я здесь работаю. Моя фамилия Спрингс. Я слесарь.
— И что вы здесь делаете в такой час, мистер Спрингс? — спросил тот же голос, но резавший глаза яркий свет исчез.
Пятна перед глазами быстро прошли и все еще отчаянно моргавший Джон увидел перед собой фигуру одного из охранников.
— А вы как думаете? Иду к автостоянке. Надеюсь, для вас это не является новостью.
— Что вы там забыли? — мрачно сказал охранник.
— Как это — что? — удивился Джон. — То же, что и другие — машину. Сказать по правде, обычно я паркую ее у центрального входа, но не на этот раз. Моя вредная женушка попросила оказать ее мамаше кое-какую услугу, и сейчас я поеду прямиком к теще. Потому и оставил машину там — оттуда удобнее выезжать на магистраль.
— Понятно. Но я бы не советовал вам идти этой дорогой, — каким-то натянутым тоном произнес охранник. — Послушайте доброго совета, возвращайтесь к проходной и пройдите обычным путем.
— Ну вот еще я буду описывать такой здоровенный крюк, тем более что я и так уже засиделся сверх всякой меры… Постойте-ка! Неужели начальство снова взялось за старое и приказало гонять всех, кто входит и выходит не как положено?
— Н-нет, — охранник немного помялся. — Просто не ходите туда, и все. Во всяком случае, в темное время.
— Черт побери, да что такое?
— Мне кажется, там нечисто.
Охранник, уже довольно пожилой мужчина с брюшком и седеющими волосами ощутимо напрягся.
— Вот как? — недоверчиво хмыкнул Джон.
— Да, мистер. Мы с ребятами уже не первую ночь слышим с дальней части заброшенной территории какие-то жуткие звуки. Сначала мы думали, что это какое-то бродячее животное. Так иногда орут коты или воет собака. Низко, протяжно. Но потом поняли, что это что-то другое. Звук словно неживой. Как будто из-под земли или воды. Глухой, тягучий… Словно мертвый.

Спрингс почувствовал, как по его спине пробежали мурашки.
— Вы решили меня напугать? — натянуто улыбнулся слесарь.
— Ничуть, мистер. По правде говоря, мы и сами изрядно напуганы. Скажу вам по секрету, мы даже сократили периметр маршрута ночного обхода, чтобы не приближаться к этому месту.
— Да бросьте! Какой век на дворе? Неужели бравые охранники не удосужились проверить, кто это там воет в темноте?
— Вам смешно, мистер, а нам было не до шуток, — нахмурился охранник. — Однажды мы поняли, что звуков стало больше. Не то чтобы они шибко отличались друг от друга, но их источников явно прибавилось. Разумеется, мы не могли проигнорировать данное обстоятельство, хотя, признаюсь, уже тогда у нас от них мурашки бежали по коже, когда в ночной темноте вдали слышалось ЭТО… Я и еще четверо парней отправились посмотреть, какого черта все-таки там происходит. Мы тихонько пробирались мимо заброшенных строений, которые давным-давно следовало бы снести к чертовой матери, и углублялись все дальше в заброшенную часть территории. Заунывные, низкие звуки становились все отчетливее, нагнетая на нас тоску, словно плач по покойнику. Помню, что нам стало совсем жутко, однако мы все же пошли дальше. Скоро мы оказались совсем близко к старому, заброшенному котловану — может быть, вы видели это место? Кое-кто из парней прежде даже пробовал удить там карасей, уверяя, что в его илистой глубине может скрываться немало жирных рыбин, да так из этой затеи ничего и не вышло. Мертвая вода. Ничто в ней не живет.
Спрингс почувствовал, как по спине потекли ручейки холодного пота.
— Так вот, — продолжал охранник. — Мы подошли совсем близко к котловану, но звуки неожиданно прекратились. На секунду нам стало даже легче, потому что ничего более жуткого нам слышать еще не доводилось, однако это было лишь на секунду. Неожиданно на нас повеяло сильнейшим холодом, словно кто-то открыл дверцу гигантского рефрижератора. Холодом и болотной тиной. А потом послышалось шипение. Это не могла быть змея или какой-нибудь зверь — я даже не уверен, что это вообще могло быть. Но шипение становилось все отчетливее. Так шипит газ, который нашел лазейку и стал вырываться на свободу — сначала тихо, но потом все сильнее и громче. Щель ширится по его давлением, и он вырывается все яростнее. Потом до нас донеслось негромкое побулькивание. Может быть, шипение издавали поднимающиеся со дна котлована пузырьки газа, но этот звук был настолько зловещим и так леденил душу, что когда в свете фонарей на краю котлована, к которому мы так и не осмелились приблизиться, промелькнуло что-то

большое и черное, мы повернулись и побежали со всех ног. Мы бежали, а вслед нам неслись эти шипящие и булькающие звуки. Лишь когда мы добежали почти до конца заброшенной земли, они стихли. Мы остановились перевести дух и переглянулись. И тут снова послышался протяжный, тягучий, заунывный вой. Сначала один, потом еще один, потом еще… Больше никто из нас не осмеливался заходить туда в темное время.

— Черт побери, я не собираюсь стоять здесь и слушать этот бред! — воскликнул Спрингс с внезапно пересохшим горлом. — Если вы не намерены мне помешать, то я пошел туда, куда и собирался.

Джон подавил в себе отчаянное желание повернуть назад и пройти через проходную и быстрым шагом устремился вперед.

— Не ходите туда, мистер! — донесся до него взволнованный голос охранника, когда он уже исчезал за углом одного из полуразрушенных зданий.

Кажется, он еще что-то говорил, но Джон уже не мог разобрать слова. Проклятье, что за дикие истории? Спрингс пытался приободриться и посмеяться над страхами глупых и суеверных охранников, но чувствовал, как его охватывает самая настоящая жуть. Он бы и ухом не повел, услыша эту историю про какое-то другое место, но этот котлован… Этот чертов котлован! И черные мешки… Много мешков. Вот уж сказано как нельзя более точно — мертвая вода. Там нет жизни.

Меряя шагами тропинку, Джон с каждой секундой был все ближе и ближе к хорошо известному ему месту. Против своей воли он отчаянно прислушивался к ночным звукам, пытаясь унять дрожь в руках. Пот уже не стекал по спине, но его капельки прочно обосновались у слесаря на висках, тут же появляясь снова всякий раз, как он смахивал их резким неприязненным движением. Нет, он ни за что не повернет назад! Он не поддастся ни на какой несусветный бред и дикие россказни!

Там! Котлован был сейчас где-то там, сбоку от него! Тропинка проходила в стороне, сворачивая к прорехе в ограде. Джон что есть мочи всматривался в сгущающийся мрак. Все было тихо. Вокруг — ни души. И ни звука. Джон невольно старался ступать как можно тише, чтобы шум его шагов не раздавался гулким эхом по твердой утоптанной земле. Потом, поняв, что стал удаляться от котлована, Спрингс с облегчением вздохнул и прибавил ходу. Вскоре он уже пролезал через дыру в ограде, и спустя минуту в глаза блеснул свет фонаря автостоянки. А вот и его старенький форд.

На душе стало значительно легче. Джон нажал на кнопку сигнализации, отпирая свое видавшее виды авто. Она бодро отклик-

нулась коротким приветственным кликом и тут… Тут он услышал ЭТО. Где-то за спиной, позади — там, откуда он только что пришел, — раздался низкий, заунывный и бесконечно тоскливый вой. Спрингс вздрогнул всем телом и уронил ключи. Повернувшись на месте, он вытаращенными глазами глянул в сторону заводской территории, но под светом фонаря автостоянки угадывалась лишь темная масса деревьев. Джон наклонился, не спуская глаз с тропинки, и трясущейся рукой подобрал брелок. Потом подскочил к машине. Когда он садился внутрь, снова послышался протяжный, глухой, жуткий звук. Спрингс захлопнул дверь и крутанул зажигание. Едва заурчал мотор, он вдавил педаль газа, и машина, завизжав шинами отчаянно закрутившихся колес, рванула прочь.

До хозяйства тещи Джон добрался только за полночь. Жена со своей матерью поджидали его на крыльце, ибо стояла теплая летняя ночь. Его благоверной нравилось проводить здесь выходные дни. Она называла это загородными поездками и единением с природой. С природой… Какая тут, к лешему, природа! Спрингс фыркнул, выключил двигатель и выбрался из машины.

— Что-то ты не очень торопился, дорогой, — приветствовала его супруга, даже не потрудившись оторвать зад от скамейки.

— Работал как проклятый, не то что некоторые, — огрызнулся Джон, роясь в багажнике.

— Надеюсь, ты не перетрудился? Хотя с чего бы вдруг… Ты привез то, что обещал уже без малого полгода?

— Не полгода, а всего два месяца! И не думай, что это было так просто, — проворчал Джон, однако ему стало существенно легче при виде двух знакомых, спокойно сидевших на скамеечке людей.

За два солнечных выходных дурман жуткого наваждения полностью покинул Джона. Свежий воздух, работы по дому, которые тут же взвалили на него обе женщины, их ворчливая и едкая болтовня довольно быстро вытеснили из его головы гнетущие, иррациональные мысли. Сидя же вечером с банкой холодного пива и наблюдая за красивым безветренным закатом, Спрингс вдруг пришел к одному простому соображению. Должно быть, его деяния и впрямь не прошли без внимания, и кое-кто догадался о его прямой причастности к полному исчезновению кошек. Вполне может быть, что среди этих людей были и самые настоящие кошатники — вряд ли один лишь Джон угощал этих животных регулярными подачками. Может быть, кто-то из них даже проследил за ним до самого котлована. И проще всего это было сделать кому-нибудь из секьюрити, тем более что охрана могла проявить к нему некоторый интерес, особенно если Харрисон приказал им не обращать на перемещения слесаря никакого внимания. Одно дело —

не мешать, и совершенно другое — проследить. И теперь он стал либо объектом дурацкой шутки, либо же кто-то хочет ему отомстить таким своеобразным образом. Кстати, наверняка этот же самый охранник или кто-то из его дружков и издавал эти жуткие звуки, когда Джон добрался до автостоянки — с них станется. Шли за ним следом, а когда он удалился — устроили концерт. Вот сволочи! Но ничего, пусть не думают, что он поддастся на их идиотские выходки. Ишь какие шутники выискались. Оказались бы они на его месте!..

Спрингс отхлебнул пива и раздраженно сплюнул. Гм. А если это кто-то хочет на нем отыграться? Мол, думаешь, поганый живодер, тебе это сойдет с рук? Сначала стращают, а потом придумают что-нибудь и похуже. Джону мигом вспомнились чернеющие балки заброшенных строений и крошащиеся края сквозных дыр в пролетах этажей. И он как будто услышал собственными ушами говор собравшихся у оцепленного периметра зевак: "Забрался пьяный, упал... Говорят, не в первых раз этого малого видели среди развалин. Несчастный случай. И чего его опять туда понесло?..". Джон нервно поежился. Рассказать что ли об этом Харрисону? А то вдруг и впрямь какой-нибудь не в меру ретивый защитник животных надумает поквитаться с ним каким-то более нелицеприятным способом, нежели страшилки у костра в духе бойскаутов.

* * *

В понедельник Спрингс вышел на работу в полном душевном равновесии. Насущные дела окончательно отвлекли его внимание, и даже предполагаемый визит к Харрисону отодвинулся далеко на задний план, лишь изредка напоминая о себе смутным червячком беспокойства. Однако вышло так, что их встреча все же состоялась, и гораздо раньше, чем он мог себе представить.

Как-то днем на участок к Спрингсу заглянул один из офисных сотрудников.

— Мистер Спрингс? Зайдите к мистеру Харрисону, и побыстрее.

Удивленный Джон пожал плечами и вытер руки промасленной ветошью. Потом подумал и все же сначала сходил как следует умыться, после чего отправился к коммерческому директору.

Секретарь была явно предупреждена о его предстоящем появлении, так как, не поднимая глаз на приблизившегося Джона, лишь коротко повела головой в сторону кабинета, не отрывая глаз от экрана компьютера.

— Добрый день, сэр, — сказал Джон, переступив порог.

— Как это понимать, Спрингс? — холодно спросил Харрисон, не удостаивая вошедшего слесаря взглядом.
— Простите, сэр? О чем это вы? — озадаченно спросил Джон, подходя к роскошному столу.
— Я спрашиваю, как это понимать? — градус голоса коммерческого директора понизился еще как минимум на пяток делений.
Оторопевший Спрингс быстро оглядел кабинет, в котором не угадывалось ничего необычного, пошарил глазами по столу и с выражением самого откровенного недоумения уставился на начальство.
— Наша охрана распускает прелюбопытнейшие слухи, которым уже начинает вторить и кое-кто из рабочих, — раздраженно сказал Харрисон, по-прежнему не глядя на посетителя. — Как будто в дальней части неиспользуемой заводской территории слышны странные звуки, похожие на крики и вой животных. Например, кошек... Я не буду пересказывать весь тот бред, о котором перешептываются некоторые из особо суеверных личностей — если они намерены продолжать в том же духе, то быстро пополнят ряды безработных, — однако лично я усматриваю в этом одно нелицеприятное обстоятельство. Эти так называемые завывания доносятся из весьма особенного места — того самого, где вы, по моему предложению, должны были избавляться от бродячих котов.
От слов Харрисона Джон ощутимо вздрогнул.
— Нашей суеверной охране может мерещиться что угодно, но мне вся подоплека этой истории кажется куда более прозаичной, — продолжал коммерческий директор после некоторой паузы.
— Сэр?
— Это орут ваши проклятые коты, которых вы выпускали в заброшенных зданиях вместо того, чтобы утопить! — рявкнул Харрисон, уставившись на Джона своими водянистыми глазами.
— Сэр, это невозможно! — растерялся Спрингс.
Уж кому-кому, а ему это было известно слишком хорошо.
— Да неужели? — злобно прищурился Харрисон. — Теперь вы будете отрицать, что ввели меня в заблуждение самым наглым образом? Черт побери, я ведь знаю, что вы были неравнодушны к этим тварям! И вы очень ловко водили меня за нос. Я не знаю, как вам удалось переселить все это зверье на заброшенную землю так, что они пока оттуда не разбежались, но имею честь вас огорчить — ваша затея потерпела неудачу!
— Сэр!.. Мистер Харрисон! Этого просто не может быть! — воскликнул недоумевающий и даже испуганный Джон. — Я в точности выполнил все, что обещал, и так, как вы хотели.
— Правда? Тогда почему сегодня утром я увидел у себя под окном

здоровенного черного кота, который самым наглым образом пялил на меня свои глазищи?! — даже не пытаясь сдерживать бескрайнего гнева едва ли не прошипел Харрисон. — Нет уж, мистер Спрингс! Должно быть, вы считаете меня идиотом, но это отнюдь не так, поверьте. Ваше зверье начинает возвращаться обратно, чего и следовало ожидать. Я предупреждал вас, что по-хорошему заставить этих животных уйти вам не удастся. Вы не послушали. Что, предложенная мной мера показалась вам слишком жестокой?
— Сэр, я сделал все, как вы велели! — с упрямым отчаянием повторил Джон, мысли которого пульсировали в лихорадочном хороводе.
— Закончим это! — властно сказал Харрисон, беря себя в руки. — Я не желаю терпеть ваши жалкие оправдания. Вы немедленно разберетесь с теми, кто продолжает гнусно орать среди развалин. И если через две недели эти вопли не прекратятся — пеняйте на себя!
— Мистер Харрисон, клянусь, что я сделал все, как надо! — воскликнул Джон, и от нервного напряжения в его голосе тоже послышались гневные нотки.
От возмущения коммерческий директор откинулся в кресле, меряя слесаря взглядом. Потом немного подумал, и краска сильнейшего недовольства сползла с его лица.
— Может быть, вы и не лжете, — сказал он более спокойным тоном. — Может быть, вы действительно были уверены в своих словах, когда доложили мне, что работа выполнена. Что ж, я не исключаю, что часть этого зверья самочинно могла перебраться в старые развалины и обосноваться там, выжидая лишь удобного момента, чтобы вернуться обратно. Видите, я достаточно справедлив и все-таки хорошо к вам отношусь. Однако, так или иначе, это все равно означает, что ваша работа не доведена до конца, не правда ли?
Спрингс лишь развел руками.
— Ну что ж, на этом и порешим. Даю вам две недели сроку разобраться с теми, кто там воет по ночам в дальней части неиспользуемой земли. А то, что это недобитые вами коты, я даже не сомневаюсь. Этот черный, которого я видел, — явно один из них. Небось вернулся пожрать к столовой. Проторенная дорожка, ничего не скажешь. Горбатого могила исправит.
— Я постараюсь, сэр, — только и ответил Джон.
— Да уж я надеюсь. И на этот раз, как вы могли заметить, я существенно ограничил вас по времени. У меня совершенно нет желания, чтобы по заводу ползли всякие нелепые бредни. У нас серьезная фирма, а не цыганский табор. Особо ретивые языки я уволю,

в назидание другим, но все же мы оба знаем причину этих слухов, и я требую, чтобы вы устранили ее как можно быстрее. Это ясно?

До самого вечера Джон обшаривал все места, где когда-то пребывали кошки, но так никого и не нашел. Он не видел ни следов в сгустившейся пыли, ни костей или объедков. Обоняние говорило ему, что запах кошачьей мочи давным-давно выветрился, а глаза и уши — что кругом тихо и безжизненно. Спрингс метался по заводским корпусам, складским ангарам, чердакам и подвалам до позднего вечера, но так никого и не обнаружил. Его бы совершенно и не удивило это обстоятельство, если бы не Харрисон. Что ж, получается, что здесь свою работу он все-таки довел до конца. Но неужели это правда, что часть заводских котов спаслась от него на заброшенной территории? Ведь кто-то же там воет дурными голосами? Джон вспомнил слова охранника и невольно поежился. Чертовщина какая-то! Устав от бесплодных поисков, Спрингс отправился домой.

Утром ему позвонил Харрисон — Джона позвали к телефону с рабочего места.

— Я надеюсь, что вы заняты делом, мистер Спрингс, так как я снова видел этого кота, который, кажется, откровенно издевается. Сказав это, коммерческий директор повесил трубку не дожидаясь ответа слесаря.

Большую часть дня Джон рыскал везде, где только позволяла ему фантазия. Обойдя все старые места, он заглянул даже в такие, в какие ему раньше и в голову не приходило, но все было напрасно — он не обнаружил не только кошек, но даже их малейшего следа. Словно в нервной горячке Спрингс едва ли не переворачивал вверх дном укромные местечки, швырял камнями, гремел жестью вентиляционных шахт и вообще творил черт знает что, и — совершенно безрезультатно — он так никого и не нашел.

Вечером Джон здорово напился. Он и Райдер снова засели в закутке технического этажа, но на этот раз Спрингс куда больше подливал себе, чем своему другу, и под конец основательно окосел. Он много выпил и почти не закусывал, предоставив Бобу уплетать разложенное угощение практически в одиночку. Засиделись они допоздна.

— Ну ты что-то сегодня не в своей тарелке, старина, — заметил основательно захмелевший токарь, хотя до Джона ему все же было далеко.

— А… — отмахнулся Спрингс. — Н-н-настроение ни к черту.

Слесарь икнул и прикончил остатки виски в стакане.

— Ты домой-то собираешься? — заметил Боб. — Поздно уже. А ты сегодня всяко не за рулем — куда тебе в таком виде? Смотри —

опоздаешь на последний автобус, придется ночевать здесь. Или идти до дома пешком, чего я бы тебе не советовал.
— Тьфу. Не в п-п-первый раз. М-м-могу дойти, м-могу и зд-д-десь заночевать.
Джон снова икнул.
— Ну, как знаешь. А я все же пойду. Мне лично не улыбается проторчать здесь всю ночь с пауками и крысами. Если позвонит твоя благоверная, скажу, что ты остался выполнять срочную работу.
Друзья распрощались, и Райдер удалился. Шаги здоровяка быстро стихли вдали в доносившемся оттуда мерном, вибрирующем гуле. Джон остался один.

Он еще довольно долго сидел, облокотившись о железный шкаф и положив одну ногу на скамейку, потихоньку потягивая виски и думая о своем. Думая, насколько это позволял окутанный сильными парами спиртного разум. Потом вдруг его внимание привлек какой-то тихий звук. Джон покосился в проход, фокусируя зрачки пьяных глаз. Неужели вернулся что-нибудь позабывший Райдер? Да нет, не похоже. Какой там, к черту... Скорее, крыса. Чувствует запах съестного и шустрит. Небось привыкла, что к этому времени люди давным-давно уходят восвояси, и наведывается — а вдруг на этот раз шкафчик окажется не заперт? Ну уж нет, хвостатое отродье! Джон всегда надежно запирает все съестные припасы. Грызи металл. Грызи, пока зубы не обломаешь! Спрингс криво усмехнулся и глотнул немного виски. Стакан опустел. Джон кое-как наклонился вперед и неловкими пальцами поставил его на край стола, едва не уронив на пол. Распрямляясь, затуманенным боковым зрением он уловил какое-то движение. Джон снова бросил взгляд в направлении прохода и замер. В том месте, где начинался своеобразный вход в закуток, а ряды железных шкафчиков и старой рухляди резко расходились в стороны, образуя подобие овальной комнаты, его сверлил взглядом недобрых желтых глаз большой черный кот. Оторопев от неожиданности, Спрингс протер глаза и уставился на неожиданного визитера. Спьяну он никак не мог толком рассмотреть весьма крупное животное. Господи, неужели это Томас?! Да нет, не может быть — Томас вроде бы был поменьше. И грудка у него была белая, а этот черный с ног до головы. И глаза у Томаса были выразительные, умные, и обыкновенно зеленые. А этот черный кот продолжал буравить его взглядом двух огромных и злых желтых глаз и отнюдь не лучился добродушием. Но Джон чувствовал, что здорово пьян и не может сказать наверняка.
— Томас? — заплетающимся языком неуверенно позвал он.
Кот прижал уши и пригнулся.

— Томас, это ты, малыш? — повторил Спрингс, кое-как поднимаясь со скамейки и делая шаг к коту.
Зверь низко, угрожающе заурчал. Джон подошел совсем близко. Кот спружинился, следя за ним недобрыми глазами.
— Томас? — Джон наклонился поближе.
Кот осклабился и громко зашипел, обнажив здоровые белоснежные клыки. Спрингс в испуге отшатнулся, но вдруг заметил, что грудка у кота действительно белая. Точнее, должна была быть белой, просто перемазана до такой степени, что почти сливается с черной шерстью. Значит, это все-таки он!
— Томас! — обрадованный Джон забыл об осторожности и недвусмысленно угрожающем виде животного и протянул к нему руку.
Протянул — и тут же с воплем отдернул назад. Молниеносный удар лапой оставил на тыльной стороне ладони четыре глубокие борозды. Брызнула кровь. Со злобным урчанием кот отбежал в коридор. Остановившись, он снова пригнулся и зашипел.
— Черт побери! Вот паршивец! — Джон грязно выругался.
Резкая боль и сочащаяся кровь несколько отрезвили его помутненный разум. Батюшки! А не этого ли кота видел взбешенный Харрисон? Ну конечно! Томас вернулся — грязный, сердитый, недоумевающий. Но боже мой, как же он нашел дорогу? Ведь ему надо было пройти столько миль... Не просто пройти — надо было еще знать, куда именно! Невероятно. Он, Джон, конечно слыхал всякие истории про возвращавшихся домой за сотни миль кошек, но думал, что это по большей части россказни или случайное стечение обстоятельств. Ан нет — вот оно, доказательство обратного. Живой и здоровый Томас. Кстати, что-то уж слишком здоровый! Может быть, это Джону только кажется из-за того, что кот ощетинился всей своей мохнатой шкурой? Да плюс изрядное количество виски... Кстати, что-то уж Томас и больно злой. Хотя будешь тут злым, когда тебя засовывают в сумку и увозят к черту на рога, а там бросают на произвол судьбы. Ведь животному невдомек, от какой ужасной судьбы его таким образом избавили. Но черт побери! Что же теперь делать? Томасу нельзя здесь оставаться — кто знает, что способен выкинуть Харрисон. Посасывая пораненную руку, Джон снова пошел к коту, зовя его по имени. Надо бы его успокоить и поймать. До утра он запрет его в машине, а потом снова отвезет куда-нибудь — на сей раз гораздо дальше.
— Томас, киса, успокойся. Это же я, — Спрингс подошел к коту поближе.
Когда человек оказался совсем рядом, черный зверь метнулся в сторону и бесшумно заскользил по красно-белому кафелю вглубь технического этажа. Джон подумал, что кот убежал совсем, но в

отдалении вскоре вновь сверкнули его желтые глаза и выжидающе замерли на месте. Спрингс чертыхнулся. Кажется, кот его все же не забыл, но и доверия у него негусто. Надо его как-то изловить, пока тот не надумал удрать совсем — кто знает, когда он снова попадется ему под руку? Пьяный Джон пошел на тусклое поблескивание двух желтых огоньков.

Поначалу кот сопровождал приближение слесаря злобным утробным урчанием, каждый раз убегая далеко вперед, едва человек оказывался на расстоянии нескольких футов. Потом он перестал рычать и шипеть, и стал подпускать Спрингса все ближе и ближе. Вскоре он стал позволять человеку подходить к нему на расстояние вытянутой руки, но, тем не менее, каждый раз срывался с места и уносился все дальше, и лишь его желтые, пристально следящие глаза указывали его очередное местонахождение.

Поглощенный странной погоней, пьяный Джон как-то и не заметил, как покинул технический этаж, спустился по лестнице на улицу, миновал заводской корпус и прошел мимо складских ангаров. Томас подпускал его к себе все ближе и ближе и, кажется, уже не выказывал признаков агрессии. Джону казалось, что вот-вот, и он наконец схватит присмиревшего кота, однако тот продолжал ускользать теперь уже едва ли не в самый последний момент. Лишь когда свет последнего уличного фонаря остался позади, Спрингс понял, что его окружает темная громада развалин заброшенной территории. Неужели Харрисон был все-таки прав, и кто-то из кошек действительно обосновался здесь? Должно быть, так оно и есть. Вот и Томас привел его сюда. Должно быть, отступает к своему новому и безопасному убежищу, где у него наверняка есть компания. Что ж, так даже лучше — не придется выискивать, где прячутся уцелевшие животные. Томас, сам того не подозревая, приведет его прямо к ним. Ну, этого черныша он, конечно, снова увезет прочь, и на этот раз постарается сделать так, чтобы тот больше не вернулся, а вот остальные…

В очередной раз подходя к замершему на месте коту, Джон уже не очень-то хотел, чтобы Томас пошел к нему на руки, рассчитывая, что зверь выведет его к своим мохнатым приятелям. К счастью, тот пока что и не думал сдаваться и снова ретировался, хотя пальцы Джона почти коснулись его плотной короткой шерсти. Спрингс даже усмехнулся с некоторым удовлетворением. Будь он потрезвее, быть может, он и взглянул бы на происходящее несколько иначе, однако виски изрядно ударило ему в голову, тем более что он потихоньку продолжал прикладываться к своей неизменной фляжке. Ему стало не по себе лишь тогда, когда он понял, что оказался совсем недалеко от котлована. Сделав несколько ша-

гов с тропинки в сторону видневшегося неподалеку кота, Джон остановился.

Было довольно темно. Солнце давно село, и на землю падал лишь неровный свет далеких звезд, да призрачное сияние луны, которая то выглядывала из-за рваных краев неторопливо бегущих по небу облаков, то вновь пряталась за их серой завесой, посеребривая края таинственным свечением. Черный кот, шкура которого начинала сливаться с темным ландшафтом, снова недвижно выжидал неподалеку, уставившись на человека огромными желтыми глазами, ставшими как будто еще желтее и ярче, чем прежде. Они загадочно фосфоресцировали в окружающем полумраке, и не без некоторой дрожи Джон вдруг подумал, что в этом есть что-то зловещее. Несмотря на сильное подпитие, Спрингс уже не мог не думать о той истории, что поведал ему охранник, равно как и о том, что он сам услышал тогда, когда уже подходил к своей машине. Джон занервничал. Но также он помнил и слова Харрисона, которые, кажется, теперь лично подтверждал поистине каким-то чудом вернувшийся кот Томас. Спрингс предпочитал думать, что коммерческий директор был прав. И все же…

— Томас, мой мальчик, иди же ко мне, — просипел Джон внезапно пересохшим горлом. — Иди сюда, киса, я тебя не обижу.

Он вдруг испугался звука своего голоса в царящей вокруг тишине. Ему уже расхотелось следовать за котом, куда бы тот ни шел. Теперь слесарь очень хотел убраться отсюда подальше, однако ему было стыдно признать, что с каждой минутой он все больше и больше начинает отчаянно трусить. Нерешительными шагами Джон снова попытался приблизиться к коту, казалось, застывшему на месте и продолжавшему сверлить человека огнем своих огромных желтых глаз. Шаг, еще шаг — кот не трогался с места. Бормоча ласковые слова, Спрингс медленно нагнулся и протянул руку. Еще мгновение и он схватит кота за шкирку! Но его пальцы лишь скользнули по шерсти на удивление крупного животного — совершенно беззвучно кот в самый последний момент выскользнул и тенью метнулся вперед. Джон видел, как его тело, мелькнув среди пятен светлой глины, тихо прошуршало среди густой травы и исчезло где-то впереди, где заросли кустарника становились гуще и чаще. Там был котлован. Спрингс почувствовал, что идти вслед за Томасом у него больше нет ни малейшего желания. Он немного постоял на месте, не решаясь вот так сразу взять и отступить восвояси, и для храбрости хорошенько глотнул виски из плоской рифленой фляжки. Потом тихим, нерешительным голосом принялся звать кота по имени, как будто тот должен был вдруг взять и вернуться на этот зов. Как и ожидалось, ничего подобного не про-

изошло. Потоптавшись еще какое-то время, Джон решил, что с него вполне достаточно, и собрался было поспешно удалиться, стараясь не думать о том, что он попросту перетрусил, как вдруг…

Со стороны котлована донесся тихий, протяжный звук. Тягучий, глухой, бесконечно тоскливый. Спрингс сильно вздрогнул всем телом и почувствовал, как по спине побежали мурашки. Колени охватила предательская слабость. Звук стих. Быстро дыша приоткрытым ртом, Джон с бешено бьющимся сердцем испуганно всматривался в темнеющие заросли кустов. Звук повторился. Став громче и заунывнее, он завибрировал в воздухе и словно наполнил окружающий полумрак ощущением бескрайнего горя. Спрингс почувствовал, что ему стало по-настоящему страшно, однако он вдруг подумал, что, несмотря на всю эту жуть, от которой его нервы явно начинали сдавать, объяснение может быть весьма простым. Это кричит Томас. Он только что убежал к котловану и теперь завывает там дурным голосом. Получается, это его слышала охрана и прочие, кому довелось оказаться неподалеку в позднее время. Ну да, конечно! Джону показалась, что эта мысль объясняла все наилучшим образом, и он ухватился за нее обеими руками, стараясь изгнать охватившие его неподдельные страхи. Разумеется! Кошки способны еще и не на такие вопли. А тоска, с которой Томас выводит свои рулады, объясняется просто — он вернулся назад после своего долгого путешествия и обнаружил, что остался один — все его сородичи исчезли. Вот он и бродит по заводской территории и пугает людей своими заунывными, тоскливыми стенаниями, забираясь по ночам в развалины и изливая свое горе, словно волк на луну. Вот только место он выбрал по-настоящему неподходящее. Этот котлован… Как будто инстинкт привел его туда, где его горестный плач по-настоящему имеет смысл… Господи, об этом лучше вообще не думать! Значительно преуспевший в деле самоуспокоения Спрингс тут же прогнал эту жуткую мысль подальше. Так, надо покончить с этим раз и навсегда! Харрисон выразился довольно ясно. И разве теперь не самый подходящий способ расставить все точки над "i" — найти орущего Томаса, поймать его за шкирку и увезти подальше, положив конец всей этой дикой истории? Вздохнув поглубже, Спрингс, шурша ногами в густой траве, зашагал к котловану.

Он шел и словно явственно видел Томаса, который сидит на одной из старых потрескавшихся бетонных плит и голосит в неровном свете луны, оглашая окрестности протяжными, как будто неземными звуками и заставляя суеверных людей думать, что призраки могут вставать из своих могил и пронизывать этот мир болью своей неупокоенной души. Ну Томас! Задаст же Джон тебе

трепку, когда наконец-то поймает. По твоей милости у слесаря прибавилось немало седых волос, и как следует отшлепать кота будет самым малым делом.

Джон уже подходил к буйным зарослям кустарника, среди которого виднелась давным-давно заброшенная, густо поросшая травой дорожка, как вдруг понял, что к одному тягучему, тоскливому голосу присоединился еще один. Потом еще... Потом еще... Спрингс почувствовал, как волосы зашевелились у него на голове, но он продолжал машинально идти вперед. Он пытался заставить свое воображение нарисовать на бетонной плите рядом с Томасом несколько других животных. Ведь выходит, что там он был все-таки не один. Значит, уцелел кто-то еще, и теперь Джону не отвертеться от продолжения грязной работы... Однако фантазия отказывалась подчиняться тщательно повторяемой словно заучиваемое наизусть стихотворение мысли. Помимо воли видение серебрящейся в лунном свете бетонной плиты отступало, крошась и разваливаясь на куски, а на его место неумолимо вылезало что-то совсем другое — темное, дремучее, поистине страшное... Тягучие, тоскливые завывания неслись ему навстречу, становясь все отчетливее и громче, множась и вливаясь прямо в уши каким-то потусторонним неживым хором, но Спрингс уже не мог отступить. От того, чтобы понять происходящее, его отделяло всего несколько шагов. Предательская слабость в коленях вновь выплеснулась из взбудораженной крови и запульсировала по всему телу, выступая из пор каплями холодного пота. Прошуршав курткой о цепкие ветки кустарника, Джон обогнул заросли и вышел на открытый, густо поросший травой участок.

В нескольких футах от него был котлован. Глаза Спрингса машинально пытались нащупать искомую воображаемую плиту, но все они оказались далеко в стороне, действительно белея в призрачном лунном свете. На них никого не было. Никого не было и среди груд строительного мусора и кусков бетона, насилу выглядывавших среди темной массы пышной растительности. Высокий травяной ковер быстро сходил на нет, полностью исчезая недалеко от самого края котлована, обнажая неровную глинистую почву. Не было никого и среди этих трав. Но заунывные многоголосые завывания раздавались совсем рядом. Лишь чуть впереди. Там, где был котлован. На негнущихся ногах Джон, как зомби, сделал несколько последних шагов и подошел к самому краю. Глазам Спрингса открылась темная, недвижная, зловеще поблескивающая в неверном сиянии ночного светила зеркальная поверхность. Ни малейшего ветерка не тревожило ее стеклянную, черную как смоль гладь. На Джона неожиданно повеяло сильнейшим холодом, но он даже не

заметил, как его цепкие щупальца впились в разгоряченное тело. Ибо оттуда, снизу, шел не только холод. Оттуда неслись эти жуткие, тоскливые звуки. Они шли от воды.

Кровь отхлынула от лица Джона. С судорожно вытаращенными глазами он, не в силах пошевелиться, смотрел туда, вниз, на черную, казавшуюся бездонной воду. Он смотрел и смотрел, и его глаза были не в силах оторваться от недвижной глади, которая источала ввинчивающиеся прямо в мозг звуки бесконечного горя и смертной тоски. Боже! Этого просто не может быть! Это все ему мерещится! Это не может быть правдой! Это невозможно! Здесь нет жизни! Это просто котлован! Просто вода! Это просто… Просто место. Место, где он утопил множество ни в чем не повинных живых существ, которых безжалостно упрятал в большие матерчатые мешки, лишив их даже малейшего шанса на спасение, и над которыми навсегда сомкнулись безмолвные, холодные, глубокие воды. Мертвые воды. Воды, которые сейчас испускали ему прямо в лицо эти ставшие поистине ужасными звуки. Спрингс отшатнулся, чувствуя, что в его давно протрезвевший рассудок начинает проникать настоящая безумная лихорадка. Неожиданно все стихло. Еще не оторвав расширенных глаз от поверхности, Джон не успел ничего сообразить, как позади послышался негромкий шум. Джон резко повернулся. Перед ним стоял черный кот. Шерсть на нем торчала дыбом, тускло отливая в свете вновь показавшейся из-за облака луны. Усы ощерились, приобнажив блестящие белые клыки. Глаза горели дьявольским оранжевым светом. В них отчетливо читалась неутолимая ненависть. Нервы слесаря окончательно сдали. Задрожав всем телом, он открыл было рот, чтобы позвать Томаса по имени, но его горло издало лишь хриплый булькающий звук. Несколько секунд человек и разъяренный черный зверь смотрели друг другу в глаза. Потом кот прыгнул. Со всего маху всем своим тяжелым весом он ударился Джону в лицо, которое тот едва успел прикрыть ладонями в самый последний момент, и со злобным урчанием принялся полосовать человека ударами своих мощных лап, до отказа выпустив острые как бритва когти. Спрингс завопил. Отчаянно отбиваясь, он старался сорвать с себя это обезумевшее от ярости мохнатое чудовище, продолжавшее рвать его со все возрастающим неистовством. В считанные секунды лицо и руки Джона покрылись множественными порезами, из которых немедленно хлынула кровь, распространяя вокруг характерный резкий запах. Слесарь вертелся на месте, совершая отчаянные телодвижения. Разум, охваченный непрекращающейся звериной болью и вопящими инстинктами, стремился лишь к одному — стряхнуть с себя это ревущее, полосующее его

озверелое животное. Спустя какое-то время, показавшееся ударившемуся в панику Джону вечностью, он поднатужился и резким рывком отшвырнул от себя обвивавшего его голову кота, содрав его когтями кожу под волосами и сильно поранив уши. Отталкивая животное от себя прочь, тело Спрингса качнулось назад и под его ногой вдруг посыпалась коварная глинистая почва. Джон судорожно взмахнул руками и обернулся. Он балансировал на краю котлована. Крутанувшийся в полете зверь тут же приземлился на лапы и громко и яростно прошипел, до невозможности осклабив свою зубастую пасть. В ужасе скользящий на краю, инстинктивно машущий изрезанными руками Джон отчаянно пытался обрести равновесие. Его глаза оторвались от того, что было за спиной, и посмотрели вперед. Яркие оранжевые огни сияли неукротимой злобой, в которой не было ничего не только человеческого, но и животного. Их свечение достигло апогея. Лютая, всеобъемлющая ненависть пронизывала разделявшее пространство и обжигающим пламенем врывалась прямо в сознание человека. С коротким резким звуком кот прыгнул снова, стремглав прорезав воздух словно пушечное ядро, и ударил Джона в грудь. Утратив хрупкое равновесие, Спрингс сорвался с осыпающегося обрыва и, кувырнувшись в воздухе, с отчаянным воплем полетел вниз. Через мгновение его тело гулко ударилось о темную воду, подняв огромные фонтаны брызг. На несколько секунд человек скрылся с головой, но вскоре вынырнул на поверхность, хватая ртом воздух и шумно отплевываясь.

Все существо Джона охватила дикая паника. Этот страшный котлован! Он упал в него так же, как падал много раз в своих ночных кошмарах, и вот теперь кошмар стал явью. Намокшая одежда набухла и отяжелела, сковывая движения. С шумом барахтаясь в окружающей его черной воде, Спрингс хрипел и кашлял от попавшей в носоглотку жидкости, стараясь удержаться на поверхности. Эта ужасная вода — она была кругом! Будто вселенская мгла она окутывала его со всех сторон и душила разум вырвавшимися на свободу первобытными страхами. Сознание словно затопило ее гнетущей ледяной тьмой. Вокруг, словно стеклянные, разлетались тяжелые брызги и с плеском падали обратно в мрачный водоем. С шипением поднимались пузырьки воздуха. Загребая руками и продолжая барахтаться, Джон рванулся к темной массе берега.

Высокие, практически гладкие, глинистые стены котлована неумолимо возвышались над плывущим внизу человеком. Добравшись до влажной и скользкой поверхности, Спрингс стал хвататься за нее руками, но держаться было не за что. Его трясущие-

ся от панического страха и сильного холода пальцы лишь бессильно скользили по склизкой глине, оставляя на ней глубокие борозды от ногтей и тут же срываясь вниз при малейшей попытке зацепиться за сколько-нибудь ощутимую впадину. Комья почвы и мелкий мусор сыпались прямо в лицо до боли в шее задиравшему голову человеку. Балансируя в воде одной рукой, Спрингс выбрасывал вверх другую и пытался зацепиться ею хоть за что-нибудь — за корень, торчащий камень, щель… Но все было безрезультатно — ладонь безнадежно скользила, скребя ногтями, под которые тут же набилась грязь и мелкие камешки, колко впивавшиеся в нежную мякоть незащищенной кожи.

Джон был пьян, и пьян сильно. Еще там, наверху, его сознание несколько прояснилось под воздействием атаковавшего его липкого, животного страха, но теперь, попав в холодную воду, он быстро трезвел. Адреналин, бешено перекачиваемый дико бьющимся сердцем, и ледяной душ делали свое дело, освобождая разум от сильного дурмана алкоголя. Однако координация барахтавшегося в котловане слесаря оставляла желать лучшего. Кроме того, панический ужас выжимал из Спрингса последние проблески здравого смысла, заставляя остервенело кидаться на неумолимую стену котлована в непреодолимом порыве как можно быстрее выбраться из окружавшей его темной воды. Глухой плеск ее брызг раскатывался от берега до берега. Джону никогда не было так страшно. Скорее! Скорее выбраться отсюда, из этого проклятого, немыслимого водоема, из этой кошмарной воды! Воды, в глубинах которой покрытые холодной илистой тиной покоились многочисленные мешки. Покоились где-то там — под его бешено работающими ногами. Воды, которая самым страшным и непостижимым образом только что испускала сюрреалистичные звуки бесконечной тоски, жуткие завывания чьих-то неведомых голосов. Боже!

Но все было напрасно. Неумолимый отвесный берег не желал давать Джону ни единого шанса зацепиться и попытаться подтянуться вверх, в надежде обрести устойчивую опору. Иногда ему казалось, что рука достаточно крепко впилась в податливую глину. Напрягая мышцы, Спрингс тянулся вверх, стараясь приподнять из воды свое ставшее вдруг невероятно тяжелым тело, но тут же срывался обратно вниз, едва не уходя с головой. Сколько времени так продолжалось — он не осознавал.

Вскоре Джон почувствовал, что в тело все неумолимее начинает проникать холод. Он бился уже довольно долго, и вопящее инстинктами и страхами сознание потихоньку начало сопротивляться волнам необъятного ужаса, заставлявшего в какой-то безумной агонии безрассудно рваться прочь из этого места. Тяжесть

намокшей одежды все сильнее давила на плечи. Ноги в плотно зашнурованных ботинках с усилием месили воду под никак не могшим обрести хоть какую-то твердую опору телом. Джон уже не чувствовал боли в изрезанных руках и голове — холод и паника давно вытеснили эти ощущения, хотя глубокие раны и сочившаяся из них кровь так или иначе помогали сознанию стряхнуть с себя ударную дозу спиртного. Но Спрингс сообразил, что понапрасну теряет силы. Едва к нему вернулось немного самоконтроля, как он попытался успокоиться и действовать осмысленно. Он вдруг понял, что все это время истошно орал, призывая на помощь так, что едва не сорвал себе голосовые связки. Горло ощутимо першило и побаливало. Джону было очень страшно, но он каким-то невероятным усилием остатков воли заставил себя прекратить бултыхаться и вопить и стал тихо грести руками на месте, под самым отвесом неумолимого берега. Чертова луна снова спряталась за тучи, словно желая как можно больше осложнить человеку задачу выбраться из этой ловушки. Однако хоть и было темно, света все же вполне хватало, чтобы он мог в достаточной мере рассмотреть края котлована. По-прежнему задирая голову вверх, он шарил глазами по глиняным отвесам и неровной, осыпающейся кромке, причудливой линией выделявшейся на фоне звездного неба.

Слышал ли кто-нибудь его отчаянные крики? Казалось, эхо его голоса, многократно отражаясь от стен котлована, ревело просто оглушительно, затмевая собой громкий плеск потревоженной стоячей воды. Охрана? Но ведь Спрингс уже знает, что они теперь не приближаются к заброшенной территории в темное время суток. Могли ли его услыхать с такого большого расстояния? Все же сейчас так поздно и тихо. Джону очень хотелось в это верить, но внутренне он смутно чувствовал, что до остававшихся на территории завода немногочисленных далеких людей не долетело ни единого звука. Охранники сидят в своем офисе с включенным телевизором, курят и режутся в карты. Проигравший с кислой миной встает и направляется на очередной обход, стараясь совершить его как можно быстрее и как можно короче, уж точно не сворачивая поближе к мрачному и жуткому месту, и вернуться в светлое, уютное помещение, обратно к своим приятелям в надежде отыграть несколько долларов и спокойную ночь. Дежурная техническая смена? Она давным-давно завалилась спать, чтобы утром с чистой совестью сдать свою непомерно тяжелую вахту другим людям и отправиться на заслуженный отдых. Может, они еще и не видят сны, но уж точно разлеглись в затененном помещении и обмениваются негромкими фразами насчет того, как каждый из них проведет уик-энд, едва лишь кончится отрабатываемое время.

Сотрудники? Они давным-давно разъехались по домам, и если пару часов назад у слесаря еще были бы шансы своими истошными воплями привлечь внимание кого-то из тех, кто припозднился и спешил по тропике в стороне от котлована, то теперь эта вероятность сводилась практически к нулю. Джон осознал, что он совершенно один и что помощи ему ждать неоткуда. Он едва снова не поддался мгновенно атаковавшей мозг новой волне паники, пытаясь сохранять хоть какое-то спокойствие. Время от времени продолжая звать на помощь, Джон пытался принять какое-то решение.

Нет, здесь ему не выбраться. Достаточно было более-менее трезво оценить высоту и коварный, неумолимый берег, как сразу становилось ясно — все очень плохо. Тоскливый взгляд Спрингса скользил по краям котлована, уходя все дальше и дальше. Слабое освещение не позволяло как следует рассмотреть какие-то детали, но и без того было понятно, что берега котлована до отчаяния однообразны. Однако… В диаметрально противоположном углу темнела какая-то высокая, обширная масса. Деревья! Да, точно! Тот край заброшенной территории остался заросшим, и в том единственном месте они подходили к котловану очень близко. Что если?.. Необходимо попробовать. Всматриваться в полумрак было совершенно бесполезно — кажется, придется плыть. Джон оглядел жуткий водоем и понял, что у него не хватит сил пересечь эту воду по открытому пространству. Фыркая и отплевываясь, он медленно погреб вдоль самого берега.

Котлован действительно был весьма обширен, но теперь представлялся поистине необъятным. Спрингсу показалось, что прошла целая вечность, пока он наконец-то не достиг дальнего угла. Подплывая, он с превеликой радостью заметил несколько каких-то свисающих из по-прежнему отвесных стен объектов. Это были корни деревьев. Господи, только бы получилось! Тело сильно замерзло и движения становились все более резкими и неуклюжими. Губы начали синеть. Тяжесть одежды становилась невыносимой. Спрингс хотел было сбросить ее, но подумал, что так он будет мерзнуть еще сильнее.

Корни оказались не такими толстыми, как бы ему хотелось, но само их присутствие уже вселило в него сильнейшую надежду. Ухватившись за один из них, торчавший из самого угла, образованного сходившимися под девяносто градусов берегами, он принялся подтягиваться, перехватывая корень замерзшими руками все выше и выше. Вот из воды показались его плечи, грудь… Вот уровень воды уже холодит его ниже солнечного сплетения… Джон цеплялся что было мочи, пытаясь упираться скользившими ногами

в склизкую глину. Вот темная, волнующаяся кругами поверхность опустилась до пояса... Вдруг Спрингс почувствовал, что летит назад. Кусок корня неожиданно вылетел из почвы. Подгнившее, безжизненное дерево не выдержало нагрузки и оборвалось. Джон плашмя плюхнулся в воду, подняв фонтан брызг. Ускорившись в падении, его тело снова окунулось с головой, но он тут же вынырнул обратно, наглотавшись воды и задыхаясь. Проклятье! Ведь он уже думал, что выберется! Во рту стоял какой-то странный привкус. Эта отвратительная жидкость попала ему в желудок. Джона чуть не вырвало. Обретя равновесие и перестав барахтаться, он подплыл обратно к отвесной стене и сумел ухватиться за другой корень. Этот был чуть тоньше, но, кажется, куда более прочный. Во всяком случае, в нем не ощущалась подозрительная гнильца. Одна рука. Потом вторая. Судорожно стискивая пальцы, Спрингс снова стал подтягивать тело из воды.

Кажется, на этот раз дело шло на лад. Корень действительно оказался прочнее. Трудно было сказать, сколько он будет выдерживать его вес, но все, что сейчас интересовало Джона, — это чтобы он успел выбраться на твердую землю. Господи, неужели получается?! До края было не менее шести футов. Цепляясь за корень, Спрингс почти полностью выбрался из воды и наконец-то перебросил руку на поверхность земли. Еще немного, и он сможет вползти на берег. Неожиданно его кисть обожгла сильнейшая боль. Издав непроизвольный вопль, Джон инстинктивно шарахнулся назад, резко отдергивая руку. Потерявшее равновесие тело качнулось, едва не вывихнув пальцы левой ладони, до боли сжимавшие спасительный корень, на мгновение зависло в воздухе в какой-то немыслимой позе и рухнуло вниз. И снова с гулом плеснулась вода под ударом упавшего в нее человека. Весь водоем прочертили кольцеобразные поднявшиеся волны. И снова через пару секунд на поверхности показалась голова отчаянно отплевывавшегося и хрипло дышавшего Джона. Проклятье, что же это такое?! Гребя одной рукой, он поднял из воды правую руку. По и без того сильно исцарапанной ладони струилась кровь. Струилась из невероятно глубоких свежих порезов. Джон с каким-то тупым изумлением смотрел на невесть откуда взявшуюся рану, потом перевел взгляд наверх. Там, на самом краю, светились два злобных оранжевых огонька.

— Ах ты тварь! — взвыл Спрингс, окончательно растеряв всяческую симпатию к огромному черному коту.

Оранжевые глаза молча наблюдали за бесновавшимся человеком, который, потеряв над собой контроль, снова принялся вопить и звать на помощь.

Немного успокоившись, Джон снова ухватился за корень и попытался подтянуться. Кот внимательно следил за ним немигающими глазами. Безымянный палец правой руки едва слушался. Кажется, нарастающий холод здесь был вовсе ни при чем — похоже, проклятая зверюга повредила сухожилие. Слесарь бешено ругался сквозь стиснутые зубы, но животное никак не реагировало на отпускаемые в его адрес угрозы. Когда Джон снова оказался поблизости от края, зверь громко и яростно зашипел и махнул лапой. Спрингс еле успел убрать руку, на этот раз удержавшись на месте.

— Что б ты сдох, ублюдок! — в бессильном отчаянии прорычал Джон.

Он примеривался как-нибудь исхитриться и врезать коту что было мочи, но для этого надо было подтянуться еще выше, а тогда он тут же попадет под удары лап с бритвенно-острыми когтями. Улучив момент, Спрингс все же сумел выбросить вверх одну руку, едва не попав в кота, но тот без каких-либо видимых усилий уклонился и нанес ответный удар, который, к счастью, пришелся по рукаву и почти не задел кожу.

— Когда я выберусь отсюда, я первым же делом сверну тебе шею, паршивая гадина! — прохрипел Джон.

Проклятье, неужели какой-то поганый кот не даст ему отсюда выкарабкаться?! Кровь бросилась Джону в голову. Плюнув на все, он еще раз попытался достать животное, а потом что есть мочи рванулся вверх. Как бы то ни было, это всего лишь кот. Пусть нападает на него — Джон перетерпит боль. Ему надо только выбраться. А тогда… Тогда лучше всего убежать к автостоянке. А потом он поквитается с этой тварью!

Но Джон не рассчитал свои силы. Кот накинулся на беззащитные руки с неистовой злобой. Спрингс вопил и рвался вверх, до крови прикусывая посиневшие от холода губы, а зверь с утробным урчанием кромсал человеческую плоть. Сильнейшая боль ворвалась под черепную коробку обжигающим пламенем. Сознание стало меркнуть, вытесняемое животными рефлексами. Господи, ну еще немного! Кровь струилась по рукам и обильно капала в бесстрастную темную воду. Голова Джона показалась над краем берега, и он хотел уже было сделать последний рывок и заползти грудью на скользкую глину, как разъяренное животное оставило его кисти в покое и вцепилось в лицо. Джон еле успел прикрыть глаза. Невольно пытаясь защититься, он дернул руками, стараясь переместить вес и как-то уклониться от атаки, и почувствовал, что коварная глинистая земля выскальзывает из пальцев и ладони теряют едва обретенную уверенную опору. Тело больше не могло вы-

держивать такую пытку. Мгновения казались вечностью. Вопя во всю глотку, сползающими руками Джон попытался схватить ненавистного зверя, чтобы сбросить его вниз, и если и упасть, так с ним. Но стремительно теряющие опору ладони не нашли ничего, кроме пустоты. Черный кот извернулся всем телом. Спрингс рухнул в котлован.

Кажется, Джону начинало становиться плохо от кровопотери — взбесившийся котяра разодрал его слишком сильно. Еще один палец на правой руке почти онемел. Плохо слушался средний палец левой. Из глубоких порезов на лице сочилась кровь. Голова начала кружиться. Холодная вода продолжала высасывать из тела жизненные силы, и Джон с ужасом осознал, что долго не продержится. Как можно быстрее он должен был выбраться из этого кошмарного места, иначе... Об этом было лучше не думать. Но что же делать? Еще одна такая попытка, и озверевшая тварь отправит его прямиком на дно.

Холод наступал. Спрингс понял, что ему необходимо интенсивно двигаться, иначе в скором времени даже без помех со стороны проклятого кота у него не хватит сноровки выбраться наверх. Сильно загребая руками, Джон подавил в себе инстинкт самосохранения, неистово визжавший о полнейшем безумии покидать угол со спасительными корнями, и поплыл вдоль берега.

Спрингс плыл и посматривал назад. Вскоре торчавшие корни слились с темной массой отвесных стен и лишь недвижные оранжевые огоньки по-прежнему злобно горели над кромкой берега. Джон отплыл уже довольно далеко, когда они вдруг исчезли.

Интенсивная работа всеми конечностями и телом оказала кратковременный согревающий эффект, и Джону стало немного теплее. Впрочем, это также могло означать, что от переохлаждения он начал терять чувствительность нервных окончаний. Он все плыл и плыл вдоль берега котлована, пока не достиг следующего угла. Здесь Джон остановился, гребя на месте, рассматривая стык двух отвесных стен и пытаясь понять, нет ли здесь чего-нибудь такого, за что можно было бы зацепиться. Что это? Не кусок ли арматуры? Если это так, то он, возможно, окажется надежным подспорьем. А вон там, повыше, еще что-то выглядывает из пласта желтой глины. Может быть, стоит попробовать выбраться и здесь? Минуту-другую Джон внимательно осматривал угол котлована так, как альпинист изучает сложную, прежде не виденную им поверхность стены и решает, как будет проходить этот участок — вопрос отступления не стоит, придумывается план, что именно можно сделать. Потом вплотную приблизился к углу и, цепляясь за скользкие глиняные неровности, рванулся вверх и уцепился паль-

цами за торчавший кусок железного прута. Кажется, тот даже не шелохнулся. Сопя от натуги, Джон покрепче ухватился за него рукой и принялся карабкаться вверх в надежде дотянуться до какого-то другого объекта. Если тот окажется таким же прочным, то у него появится реальный шанс выбраться — неровные, склизкие выступы глиняных пластов были не в состоянии выдерживать вес его тела, когда он пытался нащупать уверенную опору, но при наличии двух надежных зацепок может быть и получится.

Спрингс, пыхтя и отдуваясь, кое-как продвигался вверх, задирая голову и высматривая, за что бы можно было попытаться ухватиться, как вдруг узрел появившиеся над краем земли оранжевые глаза. Все так же не мигая они уставились на него с неукротимой злобой.

— Сука! Чтоб ты сдох! Гребаная, поганая тварь! — взвыл Джон от наваливающейся на него безысходности.

Он повис, наполовину выбравшись из воды и упираясь ногами в скользящую глину. Стремительно накатывалась усталость. Напряженные мышцы не могли слишком долго удерживать его тело в таком положении. Да, теперь он остывал гораздо медленнее, но и висеть так сколько угодно он тоже был не в состоянии. Проклятье, что же делать?! Джон отчаянным шепотом ругался сквозь стиснутые зубы и чувствовал, как снова начинает поддаваться отчаянию. Поганый котяра! Спятившая обнаглевшая тварь! Не успел он найти подходящее место и попытаться выбраться, как это черное чудовище оказалось тут как тут и пожирает его своими злобными оранжевыми глазищами. Он никогда прежде не думал, что у живого существа могут быть такие глаза… Что теперь делать? Он столько времени и сил потерял, пытаясь вскарабкаться в этом углу, и неужели снова все насмарку? Время…

Неожиданно Спрингсу пришла в голову одна мысль. Он быстро обернулся и смерил взглядом расстояние до того угла, над которым виднелась темная масса деревьев. Сколько с тех пор прошло? Он ведь достаточно долго провозился здесь, прежде чем злобная тварь снова объявилась наверху. Что если?.. Идея требовала проверки, и Джону пришлось совершить над собой неимоверное усилие, чтобы разжать пальцы и сползти обратно в холодную воду. Далеко выбрасывая руки, он довольно быстро поплыл к следующему углу и вскоре оказался недалеко от того места, где его впервые сбросил в котлован взбесившийся кот. Доплыв до угла, он стал ждать, поочередно цепляясь то одной, то другой ладонью за небольшие выступы на стенах и пытаясь хоть как-то высовываться над поверхностью.

Нервная система Джона давно была ни к черту, и он уже не

мог четко определить, сколько прошло времени, когда над береговой кромкой снова объявились немигающие оранжевые огни. Однако точно прошло несколько минут. Может быть, намного больше. Значит… Так, надо действовать быстро! Если эта попытка окончится неудачей, у него может попросту не остаться сил на вторую, и закоченевшее, израненное тело попросту откажется ему подчиняться, и тогда… Тогда конец!

Угол со спасительными корнями находился в диаметрально противоположном конце. Самый быстрый способ до него добраться — пересечь котлован по открытой воде. И как можно быстрее. А для этого… Для этого Джон принялся скидывать с себя лишнюю одежду. Каким-то непостижимым образом он исхитрился расшнуровать и сбросить ботинки, едва не захлебнувшись, стянул рубашку. От куртки он избавился уже давно — он даже не помнил когда, так как она слишком явно мешала ему передвигаться вплавь. Оранжевые глаза пристально следили за манипуляциями плавающего внизу человека.

Джон собирался с духом. Ему стало намного холоднее, и он чувствовал, как силы все отчетливее покидают его. От былого опьянения не осталось и следа, но это уже не играло совершенно никакой роли. Спрингс понял, что если эта попытка не увенчается успехом, второй может уже попросту не быть. Он все еще отчаянно боялся отплывать далеко от берега, так как котлован внушал ему необъяснимый ужас, но на карту была поставлена его жизнь. Выбирать не приходилось. Стараясь не думать о темной воде и вообще о том, что произошло с тех пор, как он оказался подле этого проклятого места, Джон поплыл что есть мочи. Он плыл и невольно оглядывался назад, ища глазами злобные оранжевые огни. Кот все еще сидел на том же месте совершенно неподвижно и провожал его все тем же немигающим взглядом. Боже, только бы эта тварь оставалась там подольше! Скорее, скорее туда, к деревьям и их спасительным корням! А там он из последних сил полезет наверх, к столь близкой и столь далекой твердой земле, прочь от этих немыслимых бездонных глубин.

Когда Джон почти достиг центра котлована, черный кот вдруг пришел в движение. Поднявшись на лапы, он выгнул взъерошенную спину, изогнул хвост, и, вытянув морду, испустил низкий протяжный звук. Отразившись от воды и высоких глинистых берегов, он многократно усилился и ударил в уши вздрогнувшего всем телом как от электрического удара человека. Боже, что это?! Джон порывисто обернулся. На берегу каким-то поистине дьявольским светом горели огни оранжевых глаз. Кот продолжал завывать. Это нельзя было назвать ни стоном, ни криком, ни во-

плем. В несущихся над водой звуках безусловно угадывались кошачьи интонации, в которых явственно звучала смертная тоска и бесконечное страдание, но было там и что-то иное. Что-то зловещее, что-то потустороннее... Что-то, что просто не могло исходить из груди живого существа. Остановившись на месте, Спрингс не мог оторвать взгляда от испускающего эти сюрреалистические стенания животного, которые вмиг воскресили все его первобытные, суеверные страхи, поблекшие и отошедшие было на задний план под влиянием самой настоящей схватки за жизнь. Кот все кричал и кричал, и, казалось, его глаза разгораются все ярче и ярче. Пораженный Джон словно оцепенел. И вдруг почувствовал, как что-то коснулось его ступни.

Ноги еще не настолько потеряли чувствительность, чтобы не ощутить мимолетное прикосновение к чему-то там, внизу. Спрингса передернуло. Что это? Мусор? Арматура? Ветка поваленного дерева? Котлован должен был быть очень глубоким, и неожиданное касание казалось попросту немыслимым. Меньше всего на свете Джону хотелось задеть ногами один из тех мешков... Он как будто увидел их, торчащих из илистого дна как морские мины, которым не давал всплыть лишь привязанный тяжелый груз. К дрожи от холода добавилась дрожь от отвращения и смутного, дремучего страха. Непроизвольно подгибая под себя ноги повыше, он отплыл чуть в сторону, но быстро понял, что не в состоянии удерживаться на воде в таком виде. Однако что же это он? Ему и не надо оставаться на месте — надо плыть дальше. Вопли проклятого котяры привели его в сильное замешательство. Черт бы побрал этого спятившего, поистине демонического зверя! Неожиданно Джон понял, что кот перестал орать. Быстро вскинув глаза, он убедился, что животное все еще сидит на месте, но не издает более ни звука. И тут вдруг Джон опять ощутил, как что-то снова коснулось его ноги. Его затрясло. Рванувшись всем корпусом, он что есть мочи поплыл вперед, стараясь не думать о том, что это могло быть. Но едва ли он проплыл несколько футов, как вдруг...

Где-то в непроглядной глубине зажглись два небольших красных огонька. Мутные и тусклые, вначале они казались самой настоящей галлюцинацией, вызванной холодом и кровопотерей. Вытаращив глаза, Джон подумал, что ему мерещится. Но совсем неподалеку от них появились еще два. Потом еще и еще. Где-то далеко внизу, под мерно загребающими ногами красные и желтые огоньки странными парами загорались вокруг него, будто неведомая, разбросанная по дну гирлянда, которая вдруг ожила самым непостижимым образом. Поначалу блеклые и едва различимые,

они становились ярче и ярче, словно медленно поднимаясь к поверхности из вязкого ила. Их становилось все больше, и вскоре в толще темной воды вокруг оцепеневшего от страха человека тускло замерцали десятки красных и желтых огней.

Господи, что же это за кошмар?! Что здесь происходит? Окруженный приближающимся неведомым ореолом, похожим на отблеск множества горящих свечей, Джон из всех сил поплыл дальше, отчаянно удерживая рвущееся в сознание паническое безумие. Его душевные силы были на грани, а ум отказывался понимать то, что творилось в этом жутком котловане.

Впереди на его пути вода вдруг забурлила и пошла пузырями, выбрасывая буруны с примесью ила и глины. С шипением поднимался болотный газ, распространяя вокруг тошнотворный запах гнили. Вода бурлила все сильнее и сильнее, и вдруг не на шутку разгулявшиеся струи, бьющие так, словно на дне неожиданно открылся мощный ключ, выбросили что-то на волнующуюся поверхность. Небольшой, тускло заблестевший неясной массой предмет, подпрыгнув на подбросившем его фонтанчике, несколько раз крутанулся вокруг своей оси и тихо поплыл по беспокойной воде. Спутанные, местами покрытые слоем странной слизи клочья, словно комок водорослей, топорщились из того, что только что всплыло под ночное небо. Над водой ощутимо потянуло зловонием. Зрачки Спрингса расширились. Неторопливо покачиваясь на волнах, к нему медленно приближался труп кошки. Джон вскрикнул и инстинктивно шарахнулся назад, взбивая руками брызги и пытаясь избежать приближения набухшей разлагающейся плоти. Он попробовал взять в сторону и обогнуть ужасный предмет и бурлившую воду, но вдруг увидел, что и справа, и слева, и позади него уже поднимаются точно такие же илистые буруны и булькает выделяющийся газ. И на гребне этих бьющих зловонных фонтанов вдруг появилась еще одна мертвая кошка. Потом еще одна... Один за другим словно вдруг вскипевшая вода выбрасывала на поверхность раздутые, разлагающиеся кошачьи трупы. Их становилось все больше и больше. Слипшаяся, спутанная, покрытая чем-то омерзительно серым и вонючим шерсть клочьями покрывала местами обнажившиеся тела с судорожно скрюченными лапами и оскаленными в смертной агонии мордами. Через свисающие клочки шкуры с остатками усов белели зубы. Сердце Джона замерло, дыхание перехватило. В сознание ворвался панический ужас, рассудок помутился.

Зловещие огоньки из глубины становились все ближе и ближе. Что-то коснулось его ступни. Что-то липкое, склизкое, податливое. Потом снова и снова. Боже, неужели это?.. Джон принялся

яростно отбиваться ногами, находясь на грани умственного помешательства. Мерно покачивавшиеся на волнах трупы кошек все приближались, наполняя воздух невыносимой вонью. Спрингс вертелся на месте, пытаясь найти хоть какое-то место, где можно было бы вырваться из эпицентра этого кошмара. В приступе панического отчаяния он шарил глазами по сторонам, переводя их с одного кошачьего трупа на другой. Один из них оказался уже совсем недалеко. Джон хотел было невзирая ни на что рвануться прочь, пусть даже среди рядов этих ужасных тел, пусть даже они касаются его своей серой слизью. Ему бы только добраться до спасительного угла!

Мертвая кошка открыла глаза. На Джона уставились немигающие красные огоньки. Они зловеще фосфоресцировали, неумолимо приближаясь. Спрингс почувствовал, как затряслось его холодеющее тело. Разум отказывался верить в происходящее. Грудь сдавил нервный спазм, выжимая судорожный хрип. Эти ужасные трупы! Один за другим они открывали мертвые глаза, впиваясь в него красными и желтыми огнями. Потом разлагающиеся, вздутые останки пришли в движение. Неестественно загребая скрюченными лапами и переваливаясь с боку на бок, они устремились к человеку. Джон услышал собственный вопль. Его истошные раскаты заметались меж берегов котлована. Панический, всеобъемлющий ужас захлестнул мозг и выжимал из глотки нечеловеческие крики, заставляя тело забиться в воде в дикой, безумной пляске. Что-то липкое и волосатое вдруг вцепилось в правую лодыжку, вонзив в плоть словно десяток острых игл. Бешено бьющиеся ноги отчаянно попытались стряхнуть эту неведомую мерзость, но она не поддавалась, впиваясь все крепче и крепче. И тут что-то точно такое же повисло на левой ноге. Потом еще и еще. Неведомая, неумолимая масса нарастала, сковывая движения. Джон бил в воде руками и ногами. Животные рефлексы пытались избавиться от того, что явно и неумолимо тянуло его вниз. Но едва ему удавалось стряхнуть с себя неведомый груз, как на его место тут же приходил новый, повисая все большей тяжестью и впиваясь все сильнее и сильнее.

Что-то царапнуло шею. В очередной раз Спрингс крутанулся на месте. Прямо перед ним оказались два ярких красных глаза. Мертвое животное протянуло лапу, скользнув по щеке торчащими когтями. Что есть мочи махнув рукой, Джон отбросил от себя эту мерзость, но тут же ощутил, как сзади его коснулся другой труп. Истошно вопя и задыхаясь, он принялся беспорядочно бить руками по воде, вертясь во все стороны. Кольцо неестественно гребущих мертвых животных неумолимо приближалось. Ноги Джона

все плотнее и плотнее охватывала мерзкая склизкая масса, цепляясь бесчисленными острыми крючьями. Спрингс еле держался на воде, сопротивляясь этой растущей тяжести. Его руки бешено отбивались от подплывавших зловонных останков, но их становилось все больше и больше. Красные и желтые глаза окружили бьющегося в воде человека. Мертвые животные подступили плотными рядами. В считанные мгновения на руках повисли десятки тел. С громким плеском они рвались к истошно орущей голове, которая еще оставалась над поверхностью, глотая темную, пропитанную трупным ядом жидкость и отчаянно хватая воздух широко открытым ртом, куда пузырящимися потоками врывалась вода. Вот острые когти впились в грудь, в шею… Налезая друг на друга, разлагающиеся останки коснулись лица, ушей, волос. Они карабкались на голову, срывались и немедленно устремлялись обратно, стараясь скрыть под водой все еще какими-то невероятными усилиями державшегося над поверхностью человека. Конечности Джона более не могли справляться с непомерной тяжестью. Отчаянные вопли прервались, когда его рот оказался ниже уровня воды. Несколько секунд Спрингс хватал воздух ноздрями, безумно выпучив глаза. Очередное мертвое тело вскарабкалось ему на лицо, закрыв своей всклокоченной темной массой бесстрастное звездное небо. Потом еще одно и еще. Через мгновение Джон скрылся в водах котлована.

Большой черный кот безмолвно наблюдал за происходящим с высокого глинистого берега. За все время разыгравшейся немыслимой сцены он не издал ни единого звука и словно каменное изваяние недвижно сидел над самым краем. Лишь его оранжевые глаза, казалось, разгорались все ярче и ярче, сияя в ночном полумраке двумя зловещими огнями.

Потом вода успокоилась. Она больше не бурлила и не пузырилась, выбрасывая из своих мрачных глубин илистые буруны. Ее темная поверхность быстро разглаживалась и вскоре вновь стала зеркальной. Над котлованом воцарилась полнейшая тишина.

Из-за облака вынырнула луна, озарив пространство своим бледным серебристым светом и разгоняя сгустившийся полумрак. Глаза кота потускнели. Плясавший в них дьявольский оранжевый огонь бесследно исчез, и они стали обыкновенными желтыми. Несколько мгновений животное все еще смотрело на непроницаемую темную воду. Затем бесшумно исчезло в кустах.

* * *

Никто не знал, куда вдруг запропастился Джон Спрингс. Сна-

чала все думали, что он ударился в серьезный запой. Это было бы неудивительно, но когда выяснилось, что ни жена, ни друзья не имеют ни малейшего понятия, куда он мог подеваться, его стали искать. Однако слесарь бесследно пропал, словно попросту растворился в воздухе, и все усилия обнаружить его местонахождение ни к чему не привели.

Возможно, Том Харрисон и смог бы пролить свет на некоторые обстоятельства таинственного исчезновения Спрингса, однако он вдруг самым неожиданным образом покинул завод. Рассказывали, будто бы к нему в кабинет проскользнул здоровенный черный кот. Никто не знает, что там произошло, но якобы потом коммерческий директор с безумными глазами бежал через весь завод и орал что было мочи. На следующий день почтой доставили его заявление об увольнении.

Потом говорили, что его якобы признали в аэропорту, когда он трясущимися руками покупал авиабилет. Он был седой как лунь. Больше его никто никогда не видел.

К О Н Е Ц

ЧЕРНЫЙ КЛЕВЕР

Есть такая удача,
которой следует всячески избегать.

В очередной раз поскользнувшись на какой-то дряни, Свен чуть не упал. Он успел ухватиться за подоконник, едва не смахнув оттуда цветочный горшок. Впрочем, и урони он его на пол, особой беды бы не приключилось. Цветок, некогда пышный и красивый, пожух и мало чем отличался от прошлогодней соломы. Сейчас так выглядело большинство растений на лестничных клетках, исключая те, кто успел получить уход и воду. Разумеется, не ту, что периодически собиралась лужами в подвале и росой выступала на облупившихся краской стенах. Воду из самой обычной лейки, заботливой рукой вливаемой в цветочные горшки. Увы, только на одной лестнице, где проживал сам Свен и его семья.

Причину несостоявшегося падения удалось установить не сразу. Тусклая лампочка едва светила себе под нос, из-за чего на площадке царил вечный полумрак. Солнце едва пробивалось сквозь давно немытые окна, а искусственное освещение оставляло желать лучшего. Не удивительно, что несчастный цветок погибал и что Свен едва не свернул себе шею, наступив на подгнившую кожуру апельсина. На лестнице то и дело встречался какой-нибудь мусор, вывозившийся не слишком-то исправно. Уборка же выполнялась и того хуже, о чем он, собственно, и свидетельствовал. Выругавшись сквозь зубы, Свен откинул кожуру носком ботинка и продолжил подниматься по ступенькам.

На тринадцатом этаже было не в пример чисто. Черно-белые шашечки каменного пола прямо-таки блестели, озаренные яркими светодиодными лампами, а вокруг не наблюдалось ни соринки. Причина столь разительного контраста объяснялась весьма прозаично. Здесь, в одной из квартир, обитала семья Свена, а порядок наводила его жена. Она же проявляла заботу о лестничных растениях, некогда украшавших все общественные места в кондоминиуме, а теперь едва выживавших только в пределах ее досягаемости. Позвенев ключами, Свен отпер крепкую деревянную дверь с начищенным номером и прошел в свое жилище.

Супруга была дома. Об этом говорил приятный аромат готовящейся снеди и позвякивание посуды. Застучал нож, быстро нарезающий не то салат, не то ингредиент для блюда. Разувшись, Свен повесил куртку на крючок и проследовал на кулинарные

звуки. Подкравшись к жене, он внезапно обнял ее за талию, прижавшись щетинистой щекой к ее голове. И тут же чуть не получил здоровенным лезвием, которое благоверная от неожиданности взметнула в воздух.
— Я давно подозревал, что ты хочешь избавиться от меня, дорогая, — мурлыкнул Свен, еще крепче обнимая супругу. — Но неужели это обязательно провернуть столь кровавым способом?
— П-ф-ф-ф, — выдохнула миловидная женщина, встряхнув каштановыми волосами. — Не смешно, дорогой! Я ведь и впрямь могла тебя задеть!
Свен ослабил хватку, позволив жене развернуться, и тут же получил долгий ласковый поцелуй. Романтичность момента выглядела несколько странновато, учитывая, что в руках, сведенных за плечами мужа, по-прежнему маячил здоровенный тесак.
— Пахнет изумительно, — констатировал Свен, шумно потянув носом. — Однако почему ты дома, Хлоя? Разве у тебя сегодня выходной?
— Вынужденный, — отозвалась жена, возвращаясь к нарезке овощей. — Явилась какая-то проверка, наше кафе закрыли, а служащих отправили по домам.
— Дай угадаю — за свой счет? — язвительно осведомился супруг, ухватив кусочек сочного перца и отправив его в рот.
— А когда бывало иначе? — пожала плечами Хлоя. — Управляющий скорее удавится, чем накинет кому-нибудь лишний доллар.
— Как и наш, — хмуро произнес Свен. — Я сейчас на лестнице чуть шею не свернул. Не видно ни черта, да еще хлама всякого набросано! По-моему, там не прибирались уже целую неделю.
— Наш, к счастью, временный, после скоропостижной кончины предыдущего. Владелец здания пока не определился с кандидатурой, — напомнила Хлоя, высыпая нарезанные овощи в большую расписную миску.
— Да уж, почивший старикан был замечательным человеком, — вздохнул муж. — При нем и порядок соблюдался, и чистота, и люди его любили.
— Ты будешь ничуть не хуже, — с улыбкой обернулась супруга, махнув длинными волосами на изящной заколке. — Если назначат тебя, ты быстро покончишь со всем этим бардаком.
— Тьфу-тьфу-тьфу! — взъерошил Свен свою короткую темную шевелюру.
Он не был особо суеверным, но его коренастая фигура слегка напряглась, а карие глаза отразили беспокойство.
— Да спроси жильцов — почти все за тебя, — усмехнулась Хлоя, принимаясь взбивать яичные белки. — Все помнят, как ты помо-

гал прежнему управляющему. К тебе испытывают доверие, которого нынешний временный в жизни не добьется.
— Только решает-то хозяин, а не квартиранты, — мрачно напомнил муж, хрустя свежим огурчиком. — Кстати, далеко у тебя чек на лампочки? Если они снова куда-то исчезнут, я заставлю этого скрягу заплатить по счету! Мало того, что он сам освещение не наладит, так еще и частное имущество пропадает.
— В нижнем ящике комода, — подсказала Хлоя и полностью переключилась на приготовление обеда.

Дела у Свена шли неважно. Об этом свидетельствовали его руки, покрытые мелкими шрамами и ссадинами, которые принялись шарить в указанном месте. Некогда агент по недвижимости, теперь он был вынужден вернуться к профессии юности и столярничал в мебельной мастерской. Это позволило сохранить приемлемый доход, но здорово утомляло и отнимало много времени. Для сорокалетнего мужчины — так себе карьера. Должность управляющего кондоминиумом стала бы отличным выходом из положения, причем не только для Свена, но и других жильцов. Жена, некогда работавшая дизайнером, также лишилась места и с некоторых пор трудилась в одном кафе. Кафе вполне приличном, но все же не на позиции, где требовались диплом и артистическое чутье. Правда, были и плюсы. Там Хлоя набила руку в готовке и теперь радовала семью разнообразием блюд. Свен даже прибавил в весе, а их дочь — лишние пару часов в спортзале, чтобы сохранить фигуру.

Чек и квитанция отыскались там, где и было указано. Вытащив их из ящика, Свен внимательно изучил обе бумажки. Скаредностью он не страдал, однако прежний набор лампочек с его этажа внезапно исчез, волшебным образом превратившись в такие же тусклые, как и везде. Ежели подобное произойдет снова, он заставит кое-кого раскошелиться. Столь вопиющее безобразие Свен терпеть не намерен! Если временный управляющий не в состоянии следить за имуществом, то… Отрывистый звонок в квартиру прервал ход его раздраженных мыслей. Дивясь, кого это принесло, Свен прошел в прихожую и глянул в глазок. Затем, скривившись, снял цепочку, отомкнул замок и распахнул дверь.

На пороге возник какой-то плюгавый тип с прилизанными волосами пепельного цвета. Тонкие редкие усики еще больше усиливали неприятное впечатление, производимое этим невысоким человеком. Ходили слухи, что он носит парик, чтобы скрыть лысину с родимым пятном, отчего симпатий к нему ничуть не прибавлялось. Его тщательно выглаженный костюм и до блеска начищенные ботинки мнения об их владельце ничуть не исправляли.

— Добрый день, мистер Олдберри, — улыбнулся визитер, обнажив желтоватые зубы.
Пристрастие к жевательному табаку с каждым месяцем делало их все желтее, а лестницы и коридоры — заплеваннее.
— Чего тебе надо, Юджин? — неприветливо спросил Свен, будучи хорошо знаком с плюгавым гостем.
— Дела, исключительно дела! — картинно развел руками временный управляющий. — Кстати, прошу обращаться ко мне "мистер Пойндекстер", поскольку в данный момент я лицо официальное.
— Да неужели? — поднял бровь Свен. — Никак собрался заняться освещением и уборкой?
— А разве с ними что-то не так? — слащаво осведомился посетитель.
— Тебе лучше знать, — послышался холодный ответ. — А если нет, давай прогуляемся, я тебе наглядно продемонстрирую некоторые местные достопримечательности.
Управляющий машинально отступил на шаг, потянувшись рукой к левому глазу. Как-то мистер Олдберри уже устраивал ему экскурсию, и воспоминания о ней сохранились не самые приятные. Впрочем, испуг, промелькнувший на лице Пойндекстера, быстро сменился прежней гаденькой улыбкой, в которой теперь сквозила изрядная доля наглости.
— Если у вас есть жалобы, направьте их в письменной форме, — елейно отозвался он. — Они будут надлежащим образом рассмотрены. Я же здесь по другому поводу.
Сунув руку в карман, временный управляющий извлек оттуда какую-то бумагу, незамедлительно протянутую Свену. Тот принял листок, развернул его и вчитался в отпечатанное черным шрифтом. Пойндекстер не без злорадства наблюдал, как вытягивается лицо его давнего оппонента, а в глазах появляется растерянность. Бумагу, оказавшуюся квитанцией, тот перечитал трижды, прежде чем к нему вернулось самообладание.
— Мы не станем платить! — резко отрезал Свен, смерив посетителя тяжелым взглядом.
— В таком случае вы навлечете на себя крупные неприятности, — с притворной озабоченностью заметил Пойндекстер.
— Ты их навлечешь на себя сам! — зло парировал Свен. — У временного управляющего нет полномочий пересматривать арендную плату и менять стоимость общедомовых услуг. Которые, между прочим, и так оказываются ниже всякого приемлемого уровня.
— Полностью с вами согласен, мистер Олдберри, — прямо-таки расцвел Пойндекстер. — У временного — нет. Но вот у постоянного — еще как есть.

И он вторично насладился замешательством того, кого совершенно не переносил; на основе полнейшей взаимности, разумеется.
— Да, мистер Олдберри, вы все правильно поняли, — кивнул плюгавый, как бы заведомо отвечая на вопрос. — Касательно вакансии на должность принято окончательное решение. Теперь я не временный управляющий, а постоянный, назначенный владельцем здания. Вам же отныне надлежит платить на двадцать процентов больше. В противном случае последуют взыскательные меры, вплоть до выселения.
Скулы Свена очертились. Сжавшиеся кулаки красноречиво дополнили нехорошо заблестевшие глаза. Пойндекстер струхнул и отступил еще на шаг, оказавшись от соперника хотя бы во временной недосягаемости. Потом, конечно, нападение выйдет Олдберри боком, но сейчас-то получить от него трепку ой как не хотелось. Свен, однако, сдержался, прекрасно понимая, что в сложившейся ситуации только сыграет на руку этому мерзавцу. Проучить его можно будет и позже, на темной лестнице. Ныне же стоило действовать осмотрительнее.
— Мы соберем подписи жильцов и направим домовладельцу с просьбой пересмотреть его решение, — послышался сзади голос Хлои.
Неслышно придя из кухни, она внимательно прислушивалась к разговору, а затем, не выдержав, внесла и свою лепту.
— Ваше право, — усмехнулся новоиспеченный управляющий. — Если уж охота тратить время и бумагу — ваше право. Однако я бы советовал учесть, что хозяин не любит, когда его отвлекают всякими пустяками.
На щеках тридцатипятилетней женщины проступили красные пятна. Потянув мужа в квартиру, она с таким грохотом захлопнула дверь, что по всей лестнице прокатилось гремящее эхо.

Вечер прошел так себе. Свен, потягивая легкое пиво, обдумывал планы возмездия, представляя, где и как сделает Юджину надлежащее внушение. Хлоя, как более прагматичная и разумная, сидела за компьютером, выискивая полезные сведения во всемирной сети и составляя какие-то документы. Ее лицо то хмурилось, то озарялось, а фигура когда приникала к широкому дисплею, а когда откидывалась на спинку стула. Так обычно бывало, когда ей приходилось усердно работать над чем-нибудь особо важным. Беззаботной казалась лишь дочь Саманта, упражнявшаяся на электронном пианино. Она и была беззаботной, поскольку родители не сообщили ей о сегодняшнем неприятном событии. Незачем старшекласснице забивать голову подобными вещами — пусть спокойно учится, а мама с папой уж как-нибудь сами все уладят. Ни

о чем не волновался и сын — он учился в другом городе, поступив в тамошний колледж, и домой должен был вернуться не раньше летних каникул.

Свен уже столько раз мысленно набил Юджину морду, что его фантазия притомилась, перестав генерировать наиболее изысканные варианты. Впрочем, ее могло притупить и пиво, благо что пошла четвертая бутылка. От природы Свен не был злым человеком и руки без необходимости не распускал, однако по таким как Пойндекстер кулаки прямо-таки чесались. Не был он и пьяницей, употребляя алкоголь вполне умеренно, от случая к случаю. Сегодня оказался как раз такой, отчего запасы в двустворчатом холодильнике потихоньку таяли. Хлоя, впрочем, не возражала, позволяя мужу сбросить напряжение. Накормив семейство и полив многочисленные растения, она полностью ушла в свое занятие, всерьез намереваясь подключить жителей кондоминиума. Поглядывая, как бегают по клавиатуре ее тонкие пальцы, Свен только вздыхал. По-хорошему, стоило бы хоть чем-нибудь ей помочь, нежели строить членовредительские планы, приятные для воображения и совершенно бесполезные для дела. Поднявшись со старого кресла, Свен подошел к жене и предложил свои услуги. Та, улыбнувшись, ласково отправила его обратно. Мол, лучшее, что муж в состоянии сейчас сделать — это ей не мешать. Кивнув, Свен мысленно пнул Пойндекстера с лестницы и снова плюхнулся в кресло, невидящим взором уставившись в телевизор.

Утреннее солнце, не заслоненное ни единым облачком, сияло так ярко, что его свет пробивался сквозь грязные стекла сильнее обычного. Это позволило Свену хорошенько рассмотреть небольшую компанию, приютившуюся между шестым и седьмым этажами. О ее присутствии он узнал еще издали благодаря хихиканью и периодическим вскрикам. Свен стал спускаться по лестнице отнюдь не из желания познакомиться со смешливым обществом. Просто лифт со вчерашнего дня не работал, а гнида Пойндекстер с ремонтом не спешил.

Компания состояла из четверых подростков лет пятнадцати-шестнадцати, двух парней и пары девчонок. И без наличия пивных бутылок было совершенно ясно, что молодые люди пьяны. Они вели себя неагрессивно, но Свена откровенно покоробило употребление алкоголя очевидно несовершеннолетними. Покоробило особенно от того, что он прекрасно знал, откуда уши растут. Юджин — редкостная скотина — приторговывал спиртным, причем не кому-нибудь, а незрелым юнцам. В магазине-то им ничего не продадут, годами не вышли, а тут и лавочка открыта. Втридорога, правда, зато можно прикупить все, что душе угодно. Моло-

дежь и прикупала. Пойндекстер, не будь дураком, из своей квартиры не торговал, а нанял одного балбеса из другой, которому скинул арендную плату за круглосуточную продажу алкоголя. Таким образом, и по физиономии периодически получал именно балбес, когда на его пороге объявлялся кто-нибудь из разгневанных родителей, а отнюдь не организатор. А вот полиция там не появлялась. Уж какие неведомые черти хранили Пойндекстера, но ему, как и его предприятию, всякий раз удавалось выйти сухим из воды. Более того, последнее время начали поговаривать, что Юджин стал приторговывать и кое-чем еще. На лестницах находили розовые таблетки, а количество использованных шприцов, валяющихся где ни попадя, резко возросло. Все это, помимо прочего, излагала в своих бумагах Хлоя, попросив мужа воздержаться от рукоприкладства.

— Привет, ребятки, — без всякого раздражения произнес Свен.

— Здрасьте, мистер Олдберри, — вразнобой ответили подростки.

— В седьмой затарились? — кивнул Свен на бутылки, подразумевая номер квартиры.

— В ней самой, — отозвалась бойкая рыжая девчонка, слегка окосевшая от спиртного. — Только предкам не говорите, ладно? А то нам влетит.

— Не вижу смысла наказывать бестолковых клиентов, когда требуется отсечь голову змее, — усмехнулся Свен. — С вас-то что взять? Ну, устроят вам родители взбучку, ну даже перестанете ходить в семерку. Так вместо вас другие явятся. Свято место пусто не бывает. Включите-ка сами свои мозги да завязывайте с этим, а я уж как-нибудь разберусь с настоящим виновником.

— Спасибо, мистер Олдберри, — икнув, прижал руку к груди вихрастый юнец. — Хороший вы человек!

— Трезвей давай — и марш в школу! — беззлобно сообщил Свен.

Пройдя через подвинувшуюся компанию, он спустился на первый этаж, оценил скопившийся там мусор и покинул подъезд.

* * *

Пока супруг столярничал, Хлое пришлось сократить свой рабочий день в прямой ущерб доходу. Она обходила квартиры кондоминиума, предлагая жильцам поставить подписи на составленных ей документах. На это ушло несколько дней. Большинство охотно подписывало, поднимая женщине настроение. Она была почти уверена в успехе. Какой вменяемый человек отмахнется от мнения львиной доли нанимателей? Свен, в отличие от жены, ее радужный настрой не слишком-то разделял. Владелец здания уже

чем-то руководствовался, когда назначал временного управляющего. Следовало допустить, что некий его расчет вполне себе оправдался, раз временный в итоге стал постоянным. А собранные Хлоей подписи юридической силы не имеют. С ними, конечно, можно обратиться в суд, только за чей счет банкет? Адвокатов они вдвоем просто не потянут, а жильцы вряд ли скинутся вскладчину. Поставить закорючку на листе бумаги — это одно, а раскошелиться — совсем другое. У всех свои проблемы и свои расходы. Тут каждый цент на счету, не говоря уже о сотнях долларов, брошенных в судебный процесс с непредсказуемым исходом. К тому же, в случае проигрыша, домовладелец наверняка найдет способ отыграться на строптивых арендаторах, отчего те предпочтут с ним не ссориться. Оптимизма Хлои, однако, Свен не омрачал, держа тревожные мысли при себе. Весь последний год ей и так приходилось непросто, чтобы еще он каркал как ворон. Водя электрорубанком, Свен поглядывал на часы, отмерявшие длину рабочего дня. Когда стрелки доползли до шести вечера, он выключил оборудование и направился в давно знакомый бар, расположенный рядом с домом. Пятничные вечера он обычно проводил там, хмелея, но никогда не напиваясь.

"Золотая подкова" — ничуть не оригинальное и даже излишне пафосное название, но именно его носило самое обычное заведение, коих по стране насчитывались десятки тысяч. Внутри все также выглядело вполне себе типично: питейные и бильярдные столы, дартс, музыкальный автомат, приглушенное освещение, зеркальная стена с целой батареей разнокалиберных бутылок и длинная барная стойка, за которой потягивали спиртное посетители. Обычно постоянные, с окрестных домов, хотя периодически заглядывали и случайные гости. Бармен, завидев Свена, приветливо кивнул и тут же поставил перед ним бутылку холодного пива. Обосновавшись за стойкой, тот практически залпом ее опустошил, утоляя намеренно накопленную жажду. Вторую бутылку, появившуюся так же молниеносно, как и первая, он лишь пригубил, собираясь растягивать удовольствие. Последнее, однако, было немедленно отравлено, когда в кармане зазвонил телефон. Отравлено не самим звонком, а его содержанием. Хлоя, плохо скрывая горечь и разочарование, сообщила, что домовладелец отказался прислушаться к мнению жильцов. Об этом говорил категоричный ответ, доставленный курьером до самых дверей их квартиры. Хлоя сказала, что теперь попробует уговорить жильцов подать совместный иск. Ведь качество оказываемых услуг не стоило даже прежней арендной платы, не говоря уже об увеличенной. Свен ласково попросил ее успокоиться и чем-нибудь отвлечься, а найм адвоката

и заявление в суд они обсудят позже. Учитывая расходы на дочь и сына, от которых напрямую зависело их будущее, требовалось поступать весьма осмотрительно. Хлоя согласилась с мужем, пожелала ему хорошо отдохнуть и не слишком засиживаться в баре. Затем повесила трубу. Свен же залпом прикончил вторую бутылку и запросил третью.

Третья бутылка на вкус показалась каким-то ядовитым пойлом, однако завод-производитель упрекать не приходилось. Повернувшись на знакомый голос, Свен узрел Пойндекстера, усевшегося через стул от него.

— Бармен, шампанского! — поднял палец управляющий.

Получив запрошенный бокал, он выпил его с выражением подлинного удовлетворения, закатывая глаза и причмокивания. Потом потребовал еще.

— Празднуем? — хмуро осведомился Стен. — Уж не фиаско ли моей жены?

— А! Это вы, мистер Олдберри? — глянув на него, Юджин просиял как начищенная монета. — Фиаско? А, это по поводу пересмотра решения домовладельца? О нет, что вы, уверяю вас! У меня совсем другая причина.

— Да неужели? — процедил Свен. — И какая же?

— Один малец расплатился со мной пачкой лотерейных билетов, уж не знаю, где он их стащ... достал. Знаете, это которые скретч. Там не обязательно указывать, где именно ты их купил, и ты ли вообще. Просто счищаешь защитный слой, испытывая удачу, — с готовностью изложил Пойндекстер.

— Ближе к делу, — буркнул Свен, предчувствуя очередной удар.

— Кажется, я только что выиграл сто тысяч долларов! — просиявшая физиономия управляющего уподобилась огням рождественской ели.

Свен непроизвольно выругался. Тут-то пиво и показалось ему отвратительными помоями.

— Как, вы за меня не рады, мистер Олдберри?! — притворно изумился Пойндекстер, изображая недоумение и даже обиду.

— Рад. Очень. Мои поздравления, — отрывисто бросил Свен. — Надеюсь, вы теперь отправитесь путешествовать или откроете свое дело, отчего должность управляющего вам будет только мешать.

— Ни в коем случае! — взмахнул руками плюгавый Юджин. — Дело свое я, разумеется, расширю, но оставить столько нуждающихся во мне людей без внимания!.. Нет, я не подведу их ожиданий. Тем более домовладелец увеличил мое ежемесячное вознаграждение за блестящее обращение с вверенным мне имуществом. Я же

не могу подвести и его ожидания!
Свену мгновенно стало все понятно. Хлоя напрасно билась лбом в бетонную стену. Хозяина кондоминиума не интересовало благополучие жильцов. Своей уродливой политикой Пойндекстер экономил ему немало денег, и его это более чем устраивало. Более того, не только экономил, но и увеличил прибыль. А люди? Ну что люди? Не нравится — пусть съезжают, их же силком никто не держит. Даже навскидку цифры получались весьма приличными, а это автоматически объясняло и временное назначение Юджина, и последующее постоянное. А чего случись — отвечать тоже будет управляющий, позволив владельцу здания отмежеваться от любых неприятностей. Идеально! Так с чего бы ему прислушиваться к какой-то там активистке и недовольству арендаторов?

Пойндекстер вылакал целую бутылку, не забывая распространяться Олдберри о своем везении и планах как на выигрыш, так и на работу в доме. Свен давно бы ушел, не желая все это выслушивать, но сдержался. Ни один мерзавец сейчас не сгонит его с насиженного места, тем более что это будет сродни окончательному поражению. Юджин ведь заявился в "Золотую подкову" явно не просто так. Отпраздновать свои достижения он мог бы совсем в другой обстановке, однако там не было Свена. В пятничный вечер Свен находился в этом баре, о чем управляющий прекрасно знал. Час, за который иссякала бутылка шампанского, показался настоящей пыткой длиной в целые сутки. Пытка наверняка продолжилась бы, умей Пойндекстер пить. Игристое вино ударило ему в голову, и он был вынужден ретироваться, чтобы не ударить в грязь лицом. Точнее, в пол, куда и так едва не рухнул, насилу удержавшись за стойкой.
— Виски! — коротко обратился Свен к бармену, едва за управляющим закрылась дверь. — Двойной, — подумав, добавил он.
Крепкий напиток отдался в желудке приятным теплом, постепенно распространявшимся по всему телу. Опустошив стакан, Свен заказал второй и только прикоснулся к нему губами, как вдруг услышал за спиной чей-то степенный голос.
— Сын мой, зачем вы губите себя этой отравой? — раздался неожиданный вопрос.
Резко обернувшись, Свен собрался выдать незнакомцу пару ласковых, однако бранные слова замерли у него на языке. До сих пор ему не приходилось обзывать священника, и начинать прямо сейчас как-то не хотелось. А ведь именно священник стоял футах в четырех позади и глядел на него с легкой укоризной.
— Что, святой отец, зашли пропустить рюмашку? — иронично осведомился Свен, несказанно удивленный внезапно открывшемуся

зрелищу.
— Нет, — качнул головой священник. — Я заглядываю в подобные заведения совсем с другой целью. Надеюсь хоть кого-нибудь отговорить от употребления коварного зелья. Чтобы хоть несколько душ отказались от порочного пристрастия и вернулись на путь истинный. Вернулись, пока еще не поздно. Дурман, которым вы себя отравляете, способен принести неисчислимые беды. Он лишь кажется безобидным, а на деле таит в себе очень опасную тропу.
— Вам бы миссионерствовать, — заметил Свен.
Нарочито неторопливо он поднес стакан к губам и сделал затяжной глоток. Священник не дрогнул ни единым мускулом. Лишь в его глазах отразилось нечто похожее на горечь.
— Я и был миссионером, — негромко сказал он. — Был, пока однажды не осознал, что души на родной земле нуждаются в божьем пути ничуть не меньше, чем на чужбине. И если мне удастся образумить хотя бы некоторых, я уже не даром проживу свою жизнь.
— И как успехи на столь благородном поприще? — поинтересовался Свен, сделав еще один глоток.
— Если честно, не очень, — вздохнул священник. — Вот и вы явно не настроены на разговор, предпочитая топить себя в ядовитой чаше. А ведь милость божья совсем рядом — только сделай шаг в верном направлении.
— Да неужели?! — расплылся в ядовитой улыбке Свен. — Прямотаки рядом? Значит, стоит мне отказаться от выпивки — и я тут же буду осыпан милостями божьими?
— В ваших словах звучит плохо завуалированное оскорбление. Не меня, конечно, — чуть нахмурился священник. — Напрасно вы так.
— Так значит, вы хотите поговорить? Что ж, извольте. Знаете, как я вообще начал ходить в бары, святой отец? — внезапно заявил Свен. Допив виски, он сделал бармену знак повторить. — Ведь до них я с женой посещал церковь и к алкоголю не притрагивался.
Священник не был бы священником, не пожелай он выслушать историю из жизни того, к кому обратился сам. Присев на соседний стул, он попросил у бармена стакан апельсинового сока. Свен, подогретый спиртным, от которого начинал основательно хмелеть, не отказал себе в удовольствии высказать кое-что святому отцу. Тот инициирует исповедь, а теперь получит отповедь.

Олдберри никогда не был особо верующим, как и его супруга, но по воскресеньям в церковь все же ходил. Ходил много лет, пока однажды не обнаружил, что хоть какая-то его вера полностью иссякла. И что переступать порог храма, где только говорят о воздаянии, а на деле ничего подобного не происходит, желания у него

больше нет. Добродетельность, покаяния, жертвенность, благие дела — интересно, а почему именно за это приходится постоянно получать от жизни оплеухи? Получать тогда, когда всякая сволочь просто купается в роскоши, и то один, то другой мерзавец становится баловнем судьбы. Средства массовой информации прямотаки пестрят заголовками, извещающими об обогащении очередной черной, насквозь прогнившей души. Добродетель, задвинутая далеко под плинтус, просто задыхается под пятой эгоистичных, самовлюбленных моральных уродов, которым достаются все сливки мира сего. Видимо, достаются от того самого бога, которому как ни молись, а ничего не получишь. Так какой тогда смысл ходить в церковь и возносить молитвы? Нет, дело не в корысти и не в меркантильности. Не ожидая воздаяния непосредственно себе, уж как-то точно не ожидаешь его в адрес всяких подлецов. Политики, бизнесмены, бездари от искусства и даже простые негодяи прямо-таки обласканы Его милостью, в то время как честные, работящие люди живут все хуже и хуже. И удача им ничуть не улыбается — для колеса Фортуны имеются другие кандидатуры, явно более достойные ее благосклонного внимания. Вот и теперь та же песня! Юджин Пойндекстер — такая отъявленная скотина, что пробы ставить негде. Превратил дом в какой-то занюханный гадюшник, продает спиртное несовершеннолетним, распространяет наркотики. И что же? Именно ему достается должность управляющего, а теперь он еще и в лотерею выиграл, причем не тысячу долларов, а сто тысяч! Видимо, именно поэтому Олдберри должен бросить пить и пойти в ближайшую церковь воздавать всевышнему хвалы!

Закончив язвительную речь, Свен шлепнул стаканом о стойку, желая выпить еще. Бармен тут же организовал новую порцию виски. Постоянный клиент никогда не доставлял хлопот, отчего его несколько возбужденное состояние не вызывало опасений.

— Вы обиделись на бога только потому, что жизненные блага достаются кому-то другому? — уточнил священник, давно допивший апельсиновый сок.

— Другому? О, нет, не просто другому. Всякой швали — вот в чем дело, — мрачно процедил Свен. — И уж такому богу точно не хочется возносить какие-либо молитвы.

— Но ведь суть в душе, а не в суетных богатствах мира сего, — напомнил священник. — Впереди — вечность, пред которой меркнут все золотые горы непродолжительной плотской жизни. Вы хоть это понимаете?

— А вы понимаете, что обучение моих детей висит на волоске?! — в голосе Свена послышалась откровенная злость. — И что теперь,

благодаря подонку Пойндекстеру, шансы на него критически упали. Тому самому Пойндекстеру, которому ваш милостивый бог подарил сегодня сто тысяч долларов! Подарил не моим детям, а тому, кто их юным друзьям и соседям продает спиртное и наркотики!
Священник, побледнев, хотел было что-то возразить, но Олдберри остановил его взмахом руки.
— Знаете что, святой отец, идите-ка вы отсюда по-хорошему, — ровным голосом сказал он. — Я не желаю вам зла, но и слушать вас более не собираюсь. Со своей жизнью я как-нибудь сам разберусь, без вас и вашего всевышнего. Равно как и с отребьем вроде Юджина.
— Да, святой отец, шли бы вы в свой приход, — внезапно поддакнул бармен. — Не надо отваживать от меня посетителей. За такие деяния симпатий вы здесь точно не сыщете.
Священник поочередно оглядел обоих, внимательно всматриваясь в лица и особенно глаза. На его собственном лице отразилась внутренняя борьба. Потом оно будто угасло. Положив на стойку купюру за сок, он молча встал и так же молча покинул бар.
— Тоже мне святоша, — подмигнул бармен Свену. — Еще налить?
Постоянный клиент выразил согласие и вскоре снова оказался со стаканом виски. Хорошенько его пригубив, он почувствовал, как хмель в голове набирает силу.
— Хорош святой отец, — проворчал он в никуда. — Может, прикажете еще свечку господу поставить за то, как он облагодетельствовал Пойндекстера?
— А кто сказал, что это сделал бог? — внезапно послышался справа чей-то приятный баритон.

Нет, решительно сегодня был день неприятных встреч и раздражающих диалогов! В очередной раз повернувшись, Свен узрел какого-то типа, по виду напоминавшего английского денди. Кажется, тот уже сидел за стойкой, когда он явился в бар. Его утонченные черты лица соответствовали поистине аристократическим пальцам. Аккуратно подстриженные светлые волосы оттенял темный дорогой костюм в полоску, наверняка стоивший больше, чем годовой доход Свена. Поверх шелковой бордовой рубашки протянулся изысканный галстук. В приветливых голубых глазах сверкали задорные искорки, хотя не иначе как спьяну они одновременно казались черными и бездонными. Встряхнув головой, Свен провел рукой по лицу и наваждение исчезло. Исчезло и желание ответить незнакомцу какой-нибудь грубостью. Удивительно приятная внешность и элегантный костюм располагали совсем к другому общению.
— Что вы имеете в виду? — только и спросил Свен вполне себе

миролюбиво.
— То и имею. Кто сказал, что все эти блага сотворил именно бог? — повторил незнакомец, несколько перефразировав свои слова.
— П-ф-ф-ф. А кто же еще? — недоуменно пожал плечами Свен.
Приятный незнакомец повременил с ответом. Окинув взором разделявшее их расстояние, он попросил дозволения перебраться на соседний стул. Так им будет удобнее беседовать. Свен не возражал. Незнакомец тут же устроился рядышком, не забыв прихватить свой бокал красного вина. Какого-то уж слишком красного, будто в него вместо дара виноградной лозы налили крови.
— У меня, знаете ли, сегодня хорошее настроение, — пояснил английский денди. — Обычно я не столь разговорчив, однако эпизод со священником меня позабавил. Полагаю, моя откровенность все равно ничего не изменит, а посмотреть на вашу реакцию — весьма интересный опыт.
— Реакцию на что? — нахмурился Свен.
— Повторю в третий раз. С чего вы взяли, что все упомянутые вами блага достаются людям именно от бога? — невероятно мило улыбнулся незнакомец.
Вконец сбитый с толку Свен потребовал объяснений.

* * *

Незнакомец обладал каким-то непостижимым талантом располагать к себе окружающих. Потягивая красное вино, он охотно говорил, не вызывая ни малейшего раздражения своей болтовней. Впрочем, слово "болтовня" в данном случае совершенно не подходило. Скорее, денди вел весьма странные речи, способные либо выставить его сумасшедшим, либо заподозрить в откровенном издевательстве. Ни того ни другого не происходило. Свен внимательно слушал, иногда задавая вопросы. Незнакомец любезно отвечал и тут же вновь пускался в свое необычное повествование.

Бог, говорите? А бог ничего и не делал. Награждать всяких мерзавцев и иже с ними в его замыслы уж точно не входило и не входит. Все блага, которые сыплются на людей не лучшего душевного пошиба, приходят совсем с иной стороны. Однако не стоит воображать, что там практикуют альтруизм; бескорыстно, в пику господу богу холят и лелеют всякую гниль. У того, кто этим занимается, имеется очень даже серьезный расчет, основанный на не менее серьезном подходе. Все возвращается сторицей, с такими процентами, которым позавидует любой банкир, да и вообще все банки вместе взятые. Обласканные люди черны и слабы. Они хотят еще и еще. И они это получают. А глядя на них, хотят и другие.

В результате и выходит такой урожай, которого в иных обстоятельствах пришлось бы ждать очень и очень долго, и то не факт, что он бы вызрел.
— Простите, мистер… э-э-э… — протянул Свен, внезапно сообразив, что позабыл узнать имя приятного незнакомца.
— Лайтинг, — послышалась любезная подсказка.
— Простите, мистер Лайтинг, но я так и не понял, кто именно раздает означенные блага? — пригубив виски, недоуменно осведомился Свен.
— Ох, мистер Олдберри, это же так очевидно. Не обижайтесь, но вам, видимо, хмель изрядно ударил в голову, раз вы до сих пор умудрились не сообразить, — сверкнул белоснежными зубами английский денди.
— А просто сказать нельзя? Без подтрунивания, — фыркнул Свен.
— Но ведь это и впрямь очевидно, — развел руками мистер Лайтинг. — Это дьявол, мистер Олдберри. Самый обыкновенный дьявол.
Да, Свен действительно прилично захмелел, однако у него хватило ума тут же заметить очевидную нестыковку.
— Э, нет, мистер Лайтинг! Тут вы говорите явную ерунду! — воскликнул он, качнувшись на стуле. — Дьявол ничего просто так не делает! Насколько я помню, чтобы получить от него что-то, требуется отдать собственную душу, ни больше, ни меньше!
— Так он и так ее получит! Без всяких контрактов и всех этих нелепых подписей кровью! — рассмеялся английский денди. — А сверх того — уйму других душ. Вы правы только в том, что он действительно просто так ничего не делает.
— Это как это? — опешил Свен, чей мыслительный процесс основательно тормозился проглоченным виски.
— Вы в самом деле все еще не понимаете? — похоже, вполне искренне удивился мистер Лайтинг. — Что ж, давайте поясню подробнее. Все равно вы вряд ли потом вспомните этот разговор, учитывая, сколько уже выпили и сколько еще собираетесь выпить. Во всяком случае, его детали.
— Весь внимание, — отозвался Свен, продолжая пригублять крепкое спиртное.

Дьявольский расчет был очень прост и вместе с тем невероятно гениален. Бесплатно, без всяких проявлений себя, он намеренно осыпает благами всяких негодяев, вызывая в человеческом обществе чувство несправедливости. Очень острое чувство несправедливости. Пока моральные уроды благоденствуют, обласканные жизнью, другие все сильнее чувствуют себя этой жизнью обделенными. Жизнью и богом. И даже не догадываются, что от-

нюдь не бог ведет эту игру, управляя Фортуной столь возмутительным образом. Бездарность на вершине, талант на дне. Алчные мерзавцы имеют все, альтруистам и раздавать нечего. Подлецы исцеляются, дети умирают. Одним все сходит с рук, они обогащаются, купаются в роскоши. Другие прозябают в нищете, постоянно ощущая на себе удары судьбы и не имея в своем багаже ничего кроме добродетели. Которая, между тем, все больше обесценивается, глядя на такое вопиющее неравенство. В итоге она все больше и забывается, а люди, некогда честные и праведные, сворачивают на совсем другую стезю. Ту, которая сулит им долгожданное воздаяние. Сулит и приносит.
— Но откуда же тогда берется выгода? — потер переносицу Свен.
— Взамен полученных даров дьяволу никто ничего не обещал и никаких договоров с ним не подписывал.
— А в этом нет никакой необходимости, — парировал мистер Лайтинг, умудряясь и говорить и прихлебывать красное вино. — Все эти "обласканные жизнью" — они сами к нам в итоге загремят, когда отойдут в мир иной. Изначально порочные, благодаря означенным дарам они самостоятельно раздуют свои грехи до астрономического уровня. Раздуют так, что отправятся прямой дорожкой в ад.
— Допустим, — подумав, протянул Свен, как-то не обратив внимания на это странно прозвучавшее "к нам". — А в чем пресловутые проценты? Ну, получит дьявол того, кого и так собирался получить. В чем выгода?
— Выгода в том, мой непонятливый друг, что другие, глядя на этих господ, все больше отворачиваются от бога и все чаще обращаются к дьяволу, — мягко улыбаясь, пояснил английский денди. — И число их, сломленных вопиющей несправедливостью, растет и растет. И вот с них уже берется плата. Потому что обращаются они САМИ.
— Вы хотите сказать, что дьявол вершит удачу для одних, ее явно не заслуживающих, чтобы соблазнить других? — хмыкнув, уточнил Свен.
— А что есть удача, мистер Олдберри? — усмехнулся приятный собеседник. — Зеленый клевер с четырьмя лепестками? Удача, знаете ли, штука опасная. Никогда наперед не знаешь, от кого именно она исходит.
Свен машинально перевел взгляд на левый лацкан пиджака мистера Лайтинга, который тот будто нарочито оглаживал большим пальцем. Там, замеченный только сейчас, был приколот значок в виде четырехлистного клевера. Замеченный сейчас только потому, что черное на черном плохо различимо, ибо означенный клевер

был именно такого цвета.
— И что означает сие украшение? — поднял как бровь, так и стакан все сильнее пьянеющий Свен.
— Иное воплощение удачи, мистер Олдберри, — лукаво блеснув глазами, пояснил английский денди. — Той удачи, которой людям лучше бы всячески избегать.
— А вы-то зачем его носите? — допив очередную порцию виски, Свен запросил у бармена еще.
— Его носят все, кто приходит на зов, — приятный баритон прозвучал особенно бархатисто.
— Какой зов? — тупо осведомился Свен.
— Зов тех, кто разуверился в справедливости. Разуверился в боге и готов обратиться к дьяволу, — совершенно невозмутимо ответил денди.
Свен на минутку опешил, окидывая собеседника мутноватым взором. Затем громко рассмеялся.
— А сейчас, мистер Лайтинг, вы мне заявите, что вы и есть сам Сатана! — воскликнул он, захлопав в ладоши. — Браво! Отличная история! Я в нее даже почти поверил!
— О нет, я фигура куда более скромная, — рассмеялся и незнакомец. — Я лишь прихожу от его имени. Прихожу вершить Черный клевер.
Здесь веселившийся Свен снова попросил более внятных объяснений. И он получил их сполна.

Носители Черного клевера приходят на зов заблудших душ, вконец удрученных несправедливостью этого мира. Несправедливостью, которую как раз Черный клевер регулярно и подстраивает. И вот уже с таким носителем темного четырехлистника в той или иной форме заключается договор. Вовсе не обязательно в виде классической бумаги с кровавой подписью. Это может быть какое-то обязательство, требование ответной услуги. Словом, все то, что вынудит отчаявшуюся душу ступить на скользкий путь, который, в конце концов, заведет ее в гиблое болото. И оттуда она уже не выберется.
— Еще немного, и я вам действительно поверю, — Свен задорно грохнул пустым стаканом о стойку. — Во всяком случае, в то, что вы состоите в некой секте и сами на полном серьезе верите в свои же россказни. Однако откуда вы знаете к кому приходить? Вам письма, что ли, шлют?
— Так я их слышу, — мистер Лайтинг приложил два пальца к виску. — Слышу все обращения, ясно и отчетливо. Какие-то тише — от тех, кто еще не до конца решился, — какие-то громче. И отправляюсь к тем, кто окончательно созрел и готов ступить на путь

погибели. Кстати, из вашего дома их уже четыре.
— Вам бы к психиатру отправиться, с голосами-то в голове, — присочувствовал Свен.
— Не каждый голос в голове — сумасшествие, мистер Олдберри, — веско заметил английский денди. — Но, в конечном счете, это не имеет значения. Лучшее, что могут сделать люди — это к ним ни под каким видом не прислушиваться.
— Лично в моей голове сейчас звучит голос, который требует еще выпить. А также голос жены, отчитывающей меня за сегодняшнюю попойку, — усмехнулся Свен.
— Это в вас говорит чрезмерная доза спиртного, провоцируя на добавку, плюс ваша собственная совесть. Совсем как бы другое, — прищурился человек с черным клевером.
— Вы занятный собеседник, мистер Лайтинг, — Свен шлепнул ладонью по барной стойке, то ли от прилива эмоций, то ли просто стараясь удержать равновесие.
— Вы тоже, мистер Олдберри, — вернул комплимент денди. — От одной стороны отвернулись, но и к другой не оборотились. Полагаетесь только на себя, да и сила воли у вас неплохая. Достойно уважения. Не то, что этот священник.
— А он тут при чем? — не понял Свен.
— Религиозный глупец, развернувший борьбу совсем не на том фронте, на котором следовало бы, — неторопливо отозвался мистер Лайтинг. — Он фанатично лечит последствия и борется с симптомами болезни, слепо не видя саму болезнь. Или игнорируя ее по той же слепости. Не о том говорит и не то делает. Чего и удивляться его более чем скромным результатам. Кстати, большинство из тех, кого он "наставил на путь истинный" с него уже свернули, благополучно угодив в наши гостеприимно распахнутые объятия. Какая ирония, не правда ли?
Основательно набравшийся Свен снова рассмеялся, уже и сам не отдавая себе отчет, над чем именно. Он и лицо священника-то теперь едва помнил, будто в тумане. В тумане начинало казаться и убранство бара, и его посетители. Вблизи, впрочем, он все еще видел вполне приемлемо, чтобы продолжать занимательную беседу с приятным незнакомцем. Правда, означенного незнакомца в глазах было уже больше, чем один. А может, их и впрямь было больше? Может, рядом с ним сидели другие, похожие на мистера Лайтинга как родные братья? Вульгарно икнув, Свен освежился очередной порцией виски.
— А хотите я помогу с вашими бедами, мистер Олдберри? — внезапно осведомился английский денди, и в его взоре появился странный блеск. — Давайте сотрем вашего недруга, этого мерзав-

ца Пойндекстера в порошок. И суток не пройдет, как он окажется в камере, а затем загремит в тюрягу на очень долгий срок. Вы же по справедливости займете место управляющего и сможете не беспокоиться о завтрашнем дне ни для себя, ни для своей семьи. Ваши дети без проблем закончат обучение и устроятся на престижные места. Как вам такое предложение?
Покачиваясь на стуле, Свен облизнул слегка пересохшие губы. Мутновато глянув в лицо незнакомцу, он попытался собрать мысли в кулак, а затем криво улыбнулся.
— И сейчас, конечно, вы мне подсунете на подпись какую-нибудь бумагу, — сумев удержать связность речи, протянул он. — Нет уж, дудки, мистер Лайтинг! И не потому, что я вам верю или чего-то боюсь. Просто шутка затянулась, а я, знаете ли, в таких представлениях не участвую.
— Понимаю, — кивнул английский денди. — Настаивать не стану. У меня и без вас широкая клиентура.
— Так не пора ли ей заняться? — ехидничая, поднял палец Свен. — А то вы уж сколько часов тут в баре прохлаждаетесь. Так дела не делаются!
— Вы совершенно правы, мистер Олдберри, — кивнул собеседник.
— Только я не прохлаждался, я ждал подходящего вызова. Ждал, когда плод созреет, и вот он созрел.
— Тогда поспешите! — притворно обеспокоился Свен. — Вам же еще добираться до клиента!
— О, за это не волнуйтесь, дорогой друг, — сверкнул зубами денди. — Знаете, почему меня зовут Лайтинг? Потому что я способен мгновенно перемещаться туда, откуда исходит зов.
— И куда же сейчас, если не секрет? — хихикнул Свен.
— К созревшему плоду, — напомнил собеседник. — Этот плод потянет за собой и вас, мистер Олдберри.
— С чего бы вдруг? — фыркнул Свен.
— Потому что этого человека вы очень хорошо знаете, — с необычными нотками в голосе произнес незнакомец. — А теперь — разрешите откланяться. Приятно было поболтать.
Допив бокал красного вина, он поставил его на стойку и… Свен так и не понял, то ли мистер Лайтинг и впрямь исчез, будто его и не было, то ли все-таки исчезло его, Свена, сознание, когда он грянулся со стула на пол и отключился.

* * *

Субботнее утро застало Свена в постели. Пошевелившись, он приоткрыл глаза и тут же застонал от боли, пронзившей всю че-

репную коробку. Она стреляла будто пуля навылет, опаляя голову жгучей молнией и пульсируя в висках. Приподнявшись на локте, Свен окинул взглядом свою спальню. Он решительно не помнил, как сюда попал. Последнее воспоминание касалось бара, где он, кажется, позорно свалился на пол. На этом история его дальнейших перемещений заканчивалась.

Во рту стояла великая сушь. Разняв слипшиеся губы, Свен вдруг заприметил на тумбочке стеклянный графин, доверху наполненный какой-то темно-красной жидкостью. Протянув руку, он ухватил посудину и обнаружил в ней клюквенный морс. Благословив жену, он тут же припал к напитку, отдававшему блаженной кислинкой, и одним махом выпил половину. Затем поставил графин обратно и кое-как сполз с постели. В глаза раздражающе било солнце. Прошаркав до окна, Свен наглухо задернул шторы, чтобы золотистые лучи не усугубляли состояние похмелья. Часы показывали начало девятого, поэтому он снова упал в кровать, где пролежал до десяти утра. Лишь тогда, добив оставшийся морс, он собрался с силами и рискнул вылезти из спальни.

На удивление, Хлоя не ругалась и даже не ворчала. Поприветствовав взлохмаченного, опухшего супруга, она усадила его за стол и предложила чашку легкого бульона вкупе с парой соленых огурчиков. Свен с благодарностью принял и то и другое. Полное отсутствие аппетита сейчас боролось в нем с очевидной необходимостью подкрепиться. От бульона в желудке немедленно полегчало, а огурчики добавили в организм дефицитных минеральных солей. Завтрак он закончил стаканом воды, где Хлоя растворила сразу три подходящих случаю таблетки. Ощутив некоторое облегчение, Свен осмелился спросить, как он попал домой. Супруга, до сих пор не обременявшая его какими-либо разговорами, даже и не подумала прочесть суровую нотацию, а тихо рассмеялась.

— Тебя притащил сосед с одиннадцатого этажа, на пару с приятелем бармена, — пояснила она. — Ты едва ногами переставлял, вообще не соображая, что происходит. Что-то и не припомню, когда я видела тебя в таком состоянии. Хорошо Саманта уже спала — негоже ей созерцать папулю в пьяном безобразии.

Безобразие, видимо, и впрямь было то еще. События минувшего вечера Свен восстановил в памяти лишь фрагментарно. Кажется, он говорил с каким-то священником, хотя откуда бы ему там взяться? Вроде бы он и потом с кем-то болтал, но с кем, и болтал ли вообще — это уже в голове решительно не сохранилось, не позволяя отличить реальность от алкогольного дурмана. Учитывая обстоятельства, жена как-то уж слишком миролюбиво относится к нализавшемуся до беспамятства супругу.

— А почему ты меня не ругаешь? — не сдержал удивления Свен. — Я вроде как заслужил.
— Во-первых, я тебя вполне понимаю, — отозвалась Хлоя. — Все недавние потрясения сказались на твоей психике не лучшим образом. Ты же никогда так не напивался, поэтому один случайный раз — не в счет. Нет-нет, вот целоваться с тобой я сейчас не буду! От тебя перегаром разит будто из винной бочки!
Последние две фразы были вызваны пламенным порывом, с которым Свен полез лобзаться к жене. Та решительно отвергла чувственное выражение его благодарности и уселась по другую сторону стола. В качестве компенсации она подвинула мужу бутылку холодной минеральной воды. Своротив затрещавшую крышку, тот немедленно опрокинул в себя ее содержимое. Огонь в венах поубавился. Муть в голове также прояснялась. Воспоминаний о вчерашнем это не прибавило, зато мыслительный процесс заработал куда лучше.
— А во-вторых? — осведомился Свен, сообразив, что у "во-первых" очевидным образом должно быть продолжение.
— А во-вторых, у меня очень хорошее настроение! — улыбнулась Хлоя.
— Выиграла в лотерею? — усмехнулся ее благоверный, пред чьим внутренним взором промелькнул мерзавец Пойндекстер.
— Не совсем, хотя в известном смысле так и есть, — задорно блеснула глазами жена.
Сознание Свена не настолько прояснилось, чтобы он сам разгадал суть этих слов. Обдумав несколько вариантов, он вконец запутался в предположениях и попросил пощадить его похмельные извилины. Хлоя, забавлявшаяся выражением лица супруга, снизошла до пояснений.

Вкалывать в кафе ей больше не придется. Ее вызывают на прежнюю работу. Нет, не на то место, которое она прежде занимала, а совсем в другую фирму, куда крупнее и известнее. Более того, не обычным дизайнером, и даже не ведущим, а сразу начальником отдела! Кажется, кто-то оценил ее таланты по достоинству, отчего и предложил поистине потрясающий контракт. Хлоя не стала тянуть резину и тут же его подписала, в порыве эмоционального взрыва. Ее не смутило даже соглашение о конфиденциальности и несколько других пунктов про различные обязательства. Это вполне объяснялось стремлением фирмы сохранить свои производственные и интеллектуальные секреты.
— Понимаешь, я весь вечер металась из угла в угол, едва не плача от бессилия. Я уж была готова на все — обратиться к кому угодно, просить кого угодно, а тут вдруг прямо на порог такое! — расска-

зывала сияющая Хлоя. — Говорят, мол, из чувства собственного достоинства надо сперва взять время на размышление, якобы подумать… Я все подписала сразу! Дорогой, теперь нам будет наплевать на этого поганца Пойндекстера! Мы переедем в благополучный район, а ты устроишься туда, куда сам захочешь! Спокойно и не торопясь.

Свен, конечно, был очень рад за любимую жену, однако тут же заметил, что для подобных наполеоновских планов требуются деньги, которых та пока не заработала. Внезапно вскочив, Хлоя куда-то убежала, но вскоре вернулась, держа в руках лист бумаги. Не говоря ни слова, она положила его перед мужем на стол. Это оказалась распечатка с компьютера. В частности, из личного кабинета банка, клиентом которого была Хлоя. От ошеломления Свен приоткрыл рот. На ее счет поступило двадцать пять тысяч долларов.

— Это аванс, предусмотренный контрактом! — в голосе жены сквозила звенящая радость. — Аванс, который в дальнейшем обернется премией, если я себя покажу. А уж я себя покажу, в этом можете даже не сомневаться!

— Вот это да-а-а… — присвистнул Свен.

— Еще бы! — воскликнула Хлоя, окончательно переставшая сдерживать эмоции. — Теперь и сынуле нашему не о чем беспокоиться, и дочку устроим в приличный колледж. А может быть даже в университет! Ты только подумай, какие перед нашими детьми открываются перспективы!

— А могу я взглянуть на контракт? Так, из любопытства, интересно же — слов нет, — попросил супруг.

Вскоре перед ним очутилась толстая пачка красиво оформленных листов, подшитая весьма изящным образом. Переворачивая их дрожащими пальцами, Свен пытался вчитаться в затейливый текст, не иначе как составленный самым мудреным юристом на свете. Из содержания он мало что понял, особенно про конфиденциальность и обязательства, зато вполне себе усвоил суммы вознаграждений, включая пресловутый аванс.

— Мне уже звонили, пока ты спал, — добавила Хлоя. — Послезавтра ждут на новой работе. Так что с кафе я попрощаюсь уже сегодня; схожу туда попозже и уволюсь как полагается, пока ты отдыхаешь, а дочки нету дома.

— Кстати, а где Саманта? — озаботился Свен, возвращая ей контракт.

— Упорхнула обновлять себе гардероб, о чем давно мечтала, — улыбнулась жена. — Я выдала ей наличность из наших накоплений. Теперь банковский счет это позволяет. Надо будет и сыну пе-

ревод сделать, а то он, бедняжка, во всем себе отказывает.
Свен неожиданно вздохнул, как-то не к месту погрустнев. Удивленная Хлоя осведомилась, в чем, собственно дело. А дело оказалось весьма прозаичным. Супруг немного расстроился, что его лепта в семейный бюджет становится поистине смехотворной. Ему не хотелось быть ни иждивенцем, ни зарабатывающим гроши мужем.
— Ах, ты об этом! — махнула рукой Хлоя. — Не беспокойся, в фирме, если захочешь, найдется вакансия и для тебя. Мне об этом уже недвусмысленно сказали.
— Да ну?! — встрепенулся Свен.
— Ага. Уж не знаю как, но кто-то будто мысли мои прочитал, — кивнула жена. — Я еще и сама не до конца осознала, что хочу за тебя попросить, только слова никак не подберу, а мне уже об этом говорят. Ну разве можно не согласиться на такую замечательную работу?!
Свен выразил полнейшее одобрение. Правда, какую именно вакансию ему предложат, было пока неизвестно, но все происходящее намекало уж точно не на уборщика санузлов.

Весь день прошел в приподнятом настроении. Нет, не в приподнятом — в великолепном. Свен даже не поленился и заглянул в гости к Пойндекстеру. Сперва тот вообразил, что недруг явился начистить ему морду, но затем, увидев прямо-таки светящееся лицо посетителя, снял цепочку и открыл дверь. Любопытство взяло верх. Свен, испытывая несказанное удовольствие, сообщил, что Юджин может подавиться местом управляющего, а он со своими домочадцами скоро съезжает в престижный район. Однако гнусные проделки Пойндекстера он не забудет. Не пройдет и полугода, как Свен натравит на него хороших адвокатов и заставит заплатить и за отвратительные общедомовые услуги и за спиртное малолеткам. А может и за что посерьезнее. Юджин ему не то чтобы вот так сразу поверил, однако изрядно побелел. Уж больно уверенно держался Свен, да и выглядел неподдельно счастливым.

К ночи хмель снова ударил Свену в голову, но на сей раз в домашней обстановке — от шампанского, купленного женой и с ней же распитого. Завтрашний день предполагал один лишь только отдых, поэтому и Хлоя позволила себе немного расслабиться. Деловой костюм она уже приобрела, вкупе к игристому вину и продуктам, так что грядущее воскресенье не сулило ни беготни, ни особых хлопот. Устроившись в гостиной, супруги мило ворковали, строя грандиозные планы на будущее. Свен как раз разливал шампанское по бокалам, когда часы на полке звонко пробили двенадцать ударов.

— Надо же. Вчера именно в это время он и явился! — внезапно сказала Хлоя. — Прямо в полночь, ни минутой раньше, ни минутой позже. Я бы не открыла на звонок, да подумала, что это ты пришел, а замок отпереть слегка не в состоянии.
— Кто явился? — откровенно не понял Свен.
— Тот, кто принес мне контракт, — пояснила жена.
— И ты в такое время вот так запросто отворила дверь незнакомцу?! — опешил супруг.
— Трудно было не открыть. У него оказалась невероятно располагающая внешность, не говоря уже о дорогом костюме. Очаровательные грабители в подобной одежде по домам вроде нашего не ходят, да и маньяки тоже, — улыбнулась Хлоя. — Он прямо-таки обворожил меня с самого порога. Элегантный такой, будто настоящий денди из благородной семьи.
— Мне пора ревновать? — усмехнулся Свен.
— И захоти ты этого, все равно бы не смог. Тебя привели спустя полчаса, когда он уже ушел, — хихикнула Хлоя. — Странно, — помолчав, добавила она. — Я совершено не помню его лица, хотя просто удивительно, как можно забыть столь изящные черты. Помню только его прекрасный костюм и забавный значок на лацкане пиджака в виде черного четырехлистного клевера.

К О Н Е Ц